

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Государственное бюджетное учреждение г. Москвы
«Московский Исследовательский Центр»

Факультет информационных технологий
и коммуникационных наук Университета Тампере (Финляндия)

Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Современная теоретическая
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы»

Россия, г. Москва,
1–2 октября 2019 года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

*Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Современная теоретическая лингвистика
и проблемы судебной экспертизы»
(Москва, 1–2 октября 2019 г.)*

Москва
2019

УДК 81`33

ББК 81

С 56

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 4 от 28 января 2019 года.*

Редакционная коллегия:

С. В. Ионова, доктор филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

П. А. Катышев, доктор филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, гл. эксперт научного центра нейрокоммуникативных исследований департамента научной деятельности Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филол. наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. А. Осадчий, доктор филол. наук, проректор по науке Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

С 56 Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы : сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – 558 с.

ISBN 978-5-98269-214-6

Статьи сборника посвящены исследованию применения достижений современной теоретической лингвистики к задачам судебной экспертизы. Международная научная конференция «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» состоялась 1–2 октября 2019 г. в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина при партнерстве с ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» и факультетом информационных технологий и коммуникационных наук Университета Тампере (Финляндия).

УДК 81`33

ББК 81

ISBN 978-5-98269-214-6

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019

Содержание

РАЗДЕЛ 1.

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ПРИЛОЖЕНИИ К ЗАДАЧАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Л. О. Бутакова

Сложные вопросы семантического и дискурс-анализа психолого-лингвистической экспертизы интернет-коммуникации, содержащей признаки побуждения к совершению определенных действий. 13

Л. А. Власова, И. В. Попова

Выявление смыслового содержания корпуса текстов СМС в судебной лингвистической экспертизе. 24

Е. И. Голованова

Семантическое протоколирование диалогов: от слов к дискурсу 34

О. В. Зуга

Конструкции со значением определения в нормативных правовых актах: проблемы восприятия и интерпретации 40

О. Н. Иванищева

Стилистическая помета «презрительное» как маркер лексики, выражающей оскорбление 48

Э. А. Китанина

Преднамеренное и непреднамеренное использование семантической диффамации в текстах современной периодики 55

Е. В. Кишина

Вариативность интерпретации судебной лингвистической экспертизы . . . 62

Н. В. Кривошапова

Особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы 73

А. А. Кузнецова

Проблемы анализа пропагандистских материалов юмористического характера 83

И. А. Нефляшева

Спорный текст: историко-культурный контекст VS современный политический дискурс. 91

М. Ю. Петрова

Проблемы судебно-экспертного анализа текстов
с включенными фрагментами на иностранных языках. 101

В. А. Постерняк

Феномен обиды в юрислингвистическом осмыслении 105

М. В. Слизкова

Лингвистическое исследование протокола допроса:
проблемы и перспективы. 112

И. Г. Тамразова

Эристика и речевая агрессия: проблемы дифференциации 118

РАЗДЕЛ 2.**ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА****ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА****М. А. Генгер, Е. В. Гурова**

Фактор адресата при установлении психологических и
лингвистических признаков «экстремистских» значений. 128

И. В. Кичева

Проблемы лингвистической экспертизы текстов
экстремистской направленности. 134

Э. П. Лаврик

Специфика лингвистической экспертизы текстов,
содержащих оправдание террористической деятельности 142

С. Н. Стародубец

Атрибут и субстантив *Русский/русский* в тексте экстремистской листовки . . . 150

Е. А. Тормозова

Направления повышения эффективности экспертно-
криминалистической деятельности по противодействию
распространению экстремистских материалов в СМИ
и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. 158

О. Г. Хохловская

К вопросу о проблемах комплексного экспертного анализа
экстремистского дискурса 166

РАЗДЕЛ 3.**ВОПРОСЫ КРИТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ И НАПРЯЖЕННЫЕ ТОЧКИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ
В ОТНОШЕНИИ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ*****И. В. Гарт***

Методологические проблемы судебной лингвистической экспертизы 174

Н. Д. Голев, Я. А. ДудареваСходство наименований управляющих компаний до степени смешения:
актуальные вопросы лингвистического анализа
(на материале наименований организаций Кемеровской области). . . . 185***М. А. Грачев***

Специфика лингвистических экспертиз о взятках 195

И. Г. Корнилова, М. А. КузнецовскаяВзаимодействие экспертов (психолога и лингвиста)
при производстве комплексных психолого-лингвистических
экспертиз по делам о преступлениях сексуального характера
в отношении несовершеннолетних 203***М. Е. Новичихина***О нерешенных вопросах лингвистической экспертизы
товарных знаков и путях объективизации ее результатов 212***Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов***Лингвистическая экспертиза словесных обозначений
товарных знаков: проблемы и решения 221***Т. П. Соколова***

Роль словообразовательного анализа в нейминговой экспертизе. 232

Е. В. ЩенниковаКогда любовь преследуется по закону?
(Лингвистический аспект пропаганды) 238**РАЗДЕЛ 4.****ПОНЯТИЯ, МЕТОДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ
В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*****Н. В. Анисина***Лингвистические технологии формирования неосознаваемой
установки и судебная лингвистическая экспертиза 250

Е. Б. Кужевская, Е. И. Смык

Психолингвистика и юриспруденция:
 точки соприкосновения259

Т. М. Надеина, Е. А. Чубина

Проективные методы исследования
 в судебных лингвистических экспертизах269

Т. В. Нестерова

Агрессия в поликодовых текстах280

Т. Н. Пермьякова

Конфликтогенные элементы в текстах СМИ:
 психолингвистический аспект292

Е. А. Плеханова

Суггестивные методы в материалах
 экстремистской направленности300

Т. А. Сидорова

Когнитивные методы исследования в практике лингвиста-эксперта308

Т. А. Сироткина

Использование достижений современных гуманитарных наук
 при профилактике экстремизма и выявлении вербальной агрессии320

Т. А. Троицкая, Д. А. Назаров

Использование специальных познаний
 в области психиатрии и психологии при проведении
 комплексных психолого-лингвистических экспертиз326

РАЗДЕЛ 5.**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ****И НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ****Д. З. Абдурахманова**

Инвективная функция эвфемизмов в интернет-пространстве339

И. В. Беляева

Категориальная природа и лингвопрагматические свойства
 местоимений в аспекте лингвоюридической экспертизы344

И. В. Берёза

Специфика реализации инвективной коммуникативной стратегии
в текстах газет 353

Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова

Реклама/антиреклама в профилактике наркомании: языковые
средства аргументации 363

З. Б. Велиев

Онтологическое понимание языка как объекта правовой защиты. 370

Н. В. Данилевская

Статус рекламы в стилистической системе
современного русского языка 378

А. Г. Жукова

«Вовлекающие» речевые стратегии и тактики
в продвигающем контенте социальных сетей 388

Т. В. Коростелева

Антинаркотическая реклама как конституент
профилактических текстов 399

В. А. Куликова

Активные процессы современного медийного словотворчества
в аспекте лингвокриминалистики. 403

Л. В. Рацибурская

Медийные новообразования как объект экспертной оценки 412

РАЗДЕЛ 6.**ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО, РЕЛИГИОЗНОГО, БЫТОВОГО
И ДРУГИХ ДИСКУРСОВ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ****Н. Д. Голев, А. В. Иркова**

Синхронно-диахронный семасиологический анализ
лексического состава статьи 152 ГК РФ 421

А. С. Горбунов

Дискурс детского права в Латвии 431

Г. Ж. Джуманова

Некоторые вопросы религиоведческой экспертизы
экстремистского дискурса442

Г. С. Иваненко

Факторы дискурсивного анализа религиозного текста450

В. В. Колмакова

Дискриминация граждан в рекламном тексте461

С. Ю. Куликов

Закон 30-ФЗ в контексте автоматического определения
«фейковых данных»468

В. А. Попова

«Наивная» лингвистическая экспертиза
и современное болгарское общество474

А. Л. Факторович

Корреляция «первичный – вторичный текст»
и лингвистическая экспертиза медийных материалов482

РАЗДЕЛ 7.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ
И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

Е. Е. Абрамкина

Протокол допроса как объект автороведческой идентификационной
экспертизы: задачи, проблемы, методика анализа492

Л. Г. Ким

Холистические принципы проведения идентификационной
автороведческой экспертизы разножанровых текстов507

Т. А. Литвинова

Экспериментальное исследование речевого портрета
участника экстремистского форума с использованием
стилеметрических методов 517

Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина, М. В. Лесняк, Е. В. Муругова

Прагмалингвистический аспект речевого поведения коммуникантов
в ситуации «Оскорбление» 529

А. Ю. Хоменко

Лингвистическая атрибуционная экспертиза
в отечественной и зарубежной школах.
Перспективы развития автороведческих методик в России 536

Е. С. Цветкова

Идентификация лиц по голосу и иноязычной звучащей речи:
проблемы и перспективы. 551

Раздел 1.
ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ И ДИСКУРС-АНАЛИЗА
В ПРИЛОЖЕНИИ К ЗАДАЧАМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО И ДИСКУРС-АНАЛИЗА ПСИХОЛОГО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙ ПРИЗНАКИ ПОБУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье поднимается ряд проблем, связанных с комплексной психолого-лингвистической экспертизой сложных речевых объектов – интернет-переписки и записей естественной речи, содержащих побудительные вербальные и невербальные компоненты. Автор связывает трудности, возникающие в экспертизах подобного рода, с несовпадением правового (юридического) и экспертного (психологического, лингвистического) подходов, особенностями интернет-общения (ритуальностью, анонимностью, отложенностью во времени) и естественной коммуникации (фрагментарностью, отсутствием цельности, завершенности, погруженностью в ситуацию общения, значимостью пресуппозитивных факторов), возможностями применяемого методического арсенала, качеством поставленных перед экспертами вопросов, высоким уровнем гипотетичности экспертных выводов.

Ключевые слова: психолого-лингвистическая экспертиза, интернет-переписка, воздействие, манипулятивный дискурс, побуждение, вовлечение, вовлеченность

Цель статьи – показать, какие проблемы и трудности возникают перед экспертом-лингвистом в ходе выполнения комплексной психолого-лингвистической экспертизы сложных речевых объектов – записей т.н. виртуальной «естественной речи» (интернет-переписки), когда ставится задача установить, содержатся ли в речевых произведениях побудительные вербальные и/или невербальные компоненты.

Речь идет о выявлении манипулятивной направленности виртуальной коммуникации, реализующей стратегии «вовлечения несовершеннолетних в разговоры и действия сексуального характера».

Тип экспертиз, связанный с воздействием, вовлечением, склонением и пр., сложен *объективно* и *субъективно*. *Объективные* сложности состоят

14 | в преобладании скрытых или косвенных средств выражения субъективных смыслов говорящего над прямыми, эксплицитными; специфике т.н. «естественной письменной» речи в интернет-общении (последнему присущи ритуальность, анонимность, отложенность во времени, игровое начало) и естественной коммуникации (она характеризуется фрагментарностью, отсутствием цельности, завершенностью, погруженностью в ситуацию общения, значимостью пресуппозитивных факторов) [1; 8; 10–13; 24; 25; 36].

Субъективные трудности связаны с несовпадением правового (юридического и экспертного (психологического, лингвистического) подходов, качеством поставленных перед экспертами вопросов, высоким уровнем гипотетичности экспертных выводов, определенными возможностями применяемого методического арсенала эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов (подробно о методах, необходимых для анализа текстов со скрытыми смыслами см. [3–5; 15; 16; 29; 30; 33: 82–83 и др.]).

Характер задаваемых вопросов показывает, что ответы на них не могут быть однозначными и далеко не всегда указывают на искомое юристами содержание, что составляет одну из проблем экспертного исследования. Так, типичными вопросами в психолого-лингвистических экспертизах реального или виртуального дискурса «сексуального побуждения/вовлечения» несовершеннолетних являются: *имеются ли в высказываниях как подсудимого, так и потерпевшей, признаки побуждения к действиям, имеющим отношение к половым органам, половой сфере человека? Идет ли в разговоре подсудимого и потерпевшей речь о совершении действий сексуального характера? Имеются ли в разговоре подсудимого и потерпевшей признаки побуждения к совершению действий сексуального характера? Использованы ли в представленных на исследование материалах специальные языковые средства, направленные на вызывание сексуального возбуждения и на пробуждение интереса к сексуальным отношениям? Содержит ли переписка материалы побудительного характера, направленные на вызывание сексуального возбуждения и на пробуждение интереса к сексуальным отношениям у несовершеннолетней X.? Допускает ли представленная переписка неоднозначное восприятие и толкование с точки зрения ее содержания и смысла? Если да, то каким образом? Была ли эта переписка побудительного характера общения или носила информационный характер? Кто в переписке настаивает на продолжении общения?*

Проблемы иного типа связаны с тем, что указанные вопросы, как правило, дополняются вопросами типа – *Что с научной точки зрения понимается под развратными действиями? Возможно ли назвать X. на момент начала переписки с Y. лицом развратным? Возможно ли развращение человека, живущего половой жизнью, не имеющими прямого отношения к компетенции лингвиста, психолога и даже сексопатолога, следовательно, ответом на часть из них будут либо словарные дефиниции лексем *разврат*, *развратный*,*

развращенный (что означает подмену содержательного описания лексикографическим), либо утверждения о том, что в компетенцию лингвиста – эксперта «входит круг проблемных ситуаций, которые возможно разрешить, используя лингвистические познания» [7: 34], поэтому лингвистическими методами невозможно квалифицировать действия как развратные или не развратные, определить субъекта развращения и т. п.

Ответы на вопросы, касающиеся лингвистической стороны исследования, могут быть даны с помощью прагматического, стилового, тематического, смыслового, коммуникативного и др. типов анализа при предварительном пояснении терминов и понятий «манипуляция», «воздействие», «побуждение», «вовлечение», «самопрезентация», «скрытый смысл», «естественная письменная речь».

В теории коммуникации в понятие «воздействие» вкладывают два содержания:

1) широкий подход: любое использование языка в разговоре предполагает воздействие на восприятие мира собеседником, так как говорящий не только может выбирать различные варианты выражения содержания, но и вынужден выбирать («занять позицию»). В этом смысле говорящий может формировать у собеседника свое видение мира осознанно либо неосознанно (соответственно, эксперт оценивает наличие / отсутствие в речевых партиях инициатора разговора тактик «настойчивого» развития определенных тем, актуализированных под определенным углом зрения – Л.Б.);

2) узкий подход: сознательное целеполагание и стремление регулировать действия собеседника [15: 13–51; 16: 22–23] (в этом плане эксперт анализирует систему речевых действий инициатора через наличие/ отсутствие регулятивных средств, ограничивающих тематическое и смысловое развитие коммуникации – Л.Б.). Коммуникативное воздействие на собеседника тесно связано с понятием коммуникативной стратегии – долгосрочного планирования своего речевого поведения, контроля над ним и прогнозирования своих действия и действий собеседника [там же]. Воздействие на собеседника может осуществляться в связи с непосредственным предметом разговора (семантическая стратегия), в ходе создания образа самого себя как собеседника (стратегия самопрезентации), в ходе инициативы над диалогом (диалоговая стратегия); путем специальных речевых приемов, нацеленных на эффективность речевых действий (риторическая стратегия) (см. [16: 24–79]).

Манипуляция вообще и речевая (языковая) в частности описывается психологами и лингвистами на самом разном материале (см. обзор в [22]). *Речевая (языковая) манипуляция (манипулирование)* определяется как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого воздействия на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [22: 24].

Один из способов воздействия и манипулирования – самопрезентация – воздействие адресантом на адресата в своих целях, которое «позволяет ему интерпретировать информацию о себе в нужном для себя свете, управлять восприятием ситуации и навязывать собеседнику положительную оценку своей персоны» [23]. Такое речевое поведение связано с актуализацией явных и скрытых смыслов. Последний «... выражается автором текста с использованием языковых единиц и конструкций, при восприятии которых реципиентом легко реконструируются определенные, регулярно актуализируемые в данной культуре мыслительные (когнитивные) схемы интерпретации того или иного типа высказываний. При этом устанавливается содержательная эквивалентность выраженного в тексте эксплицитного (явного) значения языковых единиц и реконструируемого реципиентом скрытого смысла» [30: 9]. Для эксперта анализ скрытого смысла (смыслов) означает применение к высказываниям / речевым фрагментам трансформирующих, моделирующих операций и на их основе выведение на поверхность намерений говорящего и смысловой направленности сообщения [32: 81–83].

Для анализа виртуальной коммуникации актуально понятие *естественной письменной речи* (ЕПР), активно развиваемое Н.Б. Лебедевой, Н.Д. Голевым и их учениками. ЕПР – речевая деятельность (и ее результат – тексты), «которая занимает свое место в парадигме, построенной по координатам «устная / письменная» и «естественная / искусственная» (искусная) речь. ЕПР «соседствует» с тремя смежными речевыми сферами: 1) устно-разговорной деятельностью, обозначим ее как естественная устная речь (ЕУР); 2) «искусственной» (искусной) устной речью ИУР, то есть профессиональной подготовленной речью, традиционно изучаемой риторикой; 3) искусственной (искусной) письменной речью ИПР, то есть профессионально подготовленной, письменно-литературной речевой деятельностью» [21]. В нашем случае речь идет о письменной форме устной литературно-разговорной неподготовленной непрофессиональной речи виртуального типа, отличающейся спонтанностью, повторами, грамматической, семантической неполнотой, восполняемой из ситуации и знаний, имеющихся у говорящих до начала разговора; неформальностью, употреблением разговорных, жаргонных, бранных слов, переходом из одного РЖ в другой, из одной стилевой системы в другую (см., например, [35: 235–243]. Анализ такого типа речи означает реконструкцию смыслового, прагматического (жанрового и тактического) состава из описаний коммуникативной ситуации и характера речевых партий.

Поскольку рассматриваемая речевая ситуация анализируется с позиций наличия в ней побуждения, то необходимо определить формы его репрезентации, границы соответствующего РЖ и т. п. Традиционно в лингвистике и прагматике *побуждение* – высказывание, имеющее побудительную интенцию, т.е. выражающее волеизъявление адресанта и направленное

на каузацию деятельности адресата. Для успешной реализации этой цели сообщение должно соответствовать ситуации и учитывать характеристики потенциального исполнителя действия – адресата. Это означает, что адресант должен правильно выбрать адекватную для ситуации общения тактику и уместные речевые формы. Н.И. Формановская считает, что «обобщённое интенциональное значение побуждения интегрируется из ряда конкретных, каждое из которых имеет свои прагматические условия для реализации и свои языковые средства выражения» [31: 35]. Семантика побуждения реализуется в ряде РЖ – приказа, призыва, просьбы, совета, инструкции и пр. (подробную характеристику волитивных РЖ на фоне РЖ призыва см. [4: 412–474; 12: 140–141; 32: 83 и др.]. Все указанные жанры реализуются эксплицитно, косвенно и имплицитно, следовательно, семантика побуждения может быть определена как представленная прямо, или косвенно, или скрыто.

Еще один теоретико-методический момент связан с соотношением понятий «побуждение» и «вовлечение». По поводу вовлечения в радикальные религиозные, террористические, политические и т. п. организации лингвистами-экспертами выработана определенная позиция, опирающаяся на достижения теории и практики рекламного, маркетингового, политического, агитационного, манипулятивного дискурсов (см. [12: 65–69; 19: 89–96; 15: 134–142; 20: 407–419; 17; 30 и др.]. Принципиальным в этом подходе является разграничение процессов и средств *вовлечения и вовлеченности*. А.Г. Жукова, П.А. Катышев, используя лексикографические описания, акцентируют в семантике *вовлечения* компонент «активного действия по отношению к какому-либо объекту», в семантике *вовлеченности* – момент «характеристики объекта, подвергшегося действию со стороны кого-либо, причем действию в той или иной степени результативному», или характеристики «субъекта общения при равноправном взаимодействии» [14: 134].

Лингвисты анализируют разные стороны указанных феноменов, указывают на речекommункативный аспект, в котором совершенно справедливо рассматривается степень погруженности в ситуацию, межличностное взаимодействие, при котором «вовлеченность определяется соблюдением коммуникантами социально обусловленных диалогических конвенций [18], соотносится с понятием «коммуникативная компетенция» и противопоставлена явлению отчуждения / отказа от общения [12], отстранения [38]» [14: 135]. Вовлечение, наоборот, предстает как дискурсивное, когнитивное и социально-психологическое явление, основанное «на идее привлечения, приобщения индивида к определенной деятельности / когнитивно-поведенческому состоянию в интересах и по инициативе побуждающего», как асимметричный коммуникативно-семиотический процесс, который характеризуется инициативностью и контролируемостью субъектом вовлечения дискурса, злоупотребления им [там же, с. 135–136].

Принципы, выделенные авторами цитируемой статьи, могут быть применимы и к коммуникации, вовлекающей несовершеннолетних в разговоры и действия сексуального характера (с поправкой на то, что целью инициатора является «не дискурсивным путем добиться принятия и распространения в сети» национальных, политических и т.п. идей, а «побуждение к изготовлению материалов порнографического характера с собственным участием последнего» [20: 73–74], каузацию речевой деятельности адресата, имеющей отношение к сексуальным отношениям (говорящий хочет и говорит об этом прямо или косвенно, чтобы адресат сделал то, что желает говорящий). Таким образом реализуется принцип регулирования интерактивности: *Сфоткай свои обнаженные сиськи*¹; *Скажи голосовым сообщением, что хочешь чтобы тебя трахнул* и пр.

Кроме него, можно говорить о реализации принципа *контроля за активностью адресата*, при котором устойчивым показателем является побуждение второй стороны обсуждать интересующие адресанта темы, стимулировать этот процесс (с помощью позитивной самопрезентации, доверительного общения, убеждения, просьбы делать это и тем самым направлять в нужное русло, таким образом осуществлять эффективный контроль, что означает стимулирование адресата и одновременно – управление им, его речевой и неречевой деятельностью).

На коммуникативном уровне это будет эксплицитно выражаться соответствующими средствами: формой повелительного наклонения глагола, повелительными конструкциями (X, делай Y, X, давай сделай Y), сослагательными и модальными конструкциями с семантикой «мягкого веления» (было бы хорошо, чтобы X сделал Y; можно, чтобы X сделал Y) и т.п.: X.: *Было бы тебе побольше лет, я бы тобой занялся Y. Это да жаль ты так не чего нормик. Хотя возраст не имеет значение; X. Так что с сисками. Y. Все в роде норм X. А пощупать Y. Не сегодня X. А когда Y. Когда не будь. X. Мож вдуть тебе по взрослому, чтоб ты успокоилась наконец Y. Почему бы и нет.*

Актуальным для речевых взаимодействий рассматриваемого типа является еще один анализируемый А.Г. Жуковой, П.А. Катышевым принцип – принцип интереса [14: 138]. В данном случае речь идет о привлечение внимания к сообщениям адресанта за счет профилирования сферы адресата с помощью живости (через затрагивание эмоций), серьезности (через позиционирование обсуждаемых тем как обоюдно важных, значимых), близости информации (через представление обыденной, сексуальной, биографической информации как имеющей непосредственное отношение к адресату, при этом развитие информационных бытовых, биографических линий собеседников переплетается с последовательным развитием линии сексуальной), терапевтического эффекта (через презентацию себя как опытного, знающего и поддерживающего адресата в психологически неуравновешенном (детском или подростковом)

¹ Сохранена орфография оригинала.

состоянии, благодаря чему осуществляется установка на замену «эмоциональной близости» на «сексуальную»): *Х. как ты с ними дома живешь* *У. Редко дома ночую. Х. это не нормально* *У. В моем случае норм* *Х. никаких случаев не должно быть, у тебя должен быть дом, семья* *У. Меня сами выгоняют* *Х. тебе нужно обратиться в отдел опеки и попечительства на Димитрова* *П. причем немедленно и до суда первый раз всегда неприятно, даже мальчикам зато потом, очень даже; у нее до меня был только один парень, мне было очень неприятно, так как у меня очень большой, а у нее очень узко.*

Выводы. Психолого-лингвистическая экспертиза интернет-коммуникации, содержащей признаки побуждения к совершению определенных действий (сексуального характера в рассматриваемом случае) – неоднозначное экспертное мероприятие, в котором лингвистические и психологические вопросы и методики исследования пересекаются, но не совпадают.

Решая вопросы семантического, смыслового, дискурсивного анализа предоставляемого вербального, а также вербально-авербального материала (этот аспект в статье не освещался, он заслуживает отдельного разговора), лингвист вынужден вступать на междисциплинарное поле (уровень намерений, мотивов, целей, стратегий, тактик высказывания, речевой партии – уровень психологической стороны речевой деятельности).

Принципы организации коммуникации, направленной на воздействие-вовлечение или вовлечение через воздействие вписываются в картину широкого понимания речевой манипуляции. В аспекте прагматического анализа установить наличие воздействия-вовлечения означает доказать наличие в речевом общении устойчивых побудительных, манипулятивных мотивов и средств их реализации, установить их преобладание над информативными с помощью выявления соответствующих коммуникативных стратегий и тактик, характеристики речевой ситуации, установления в ней соотношения информации и оценки. Этим же целям способствуют тематические, семантические, стилевые интерпретации коммуникативных фрагментов и переписки в целом (жаргонные и грубые просторечные наименования половой сферы человека также реализуют воздействующую функцию).

Для решения указанных задач необходимо психологически/психолингвистически интерпретировать речевое общение на основе теории речевой деятельности – как такую «активность взаимодействующих людей, в ходе которой они, воздействуя друг на друга при помощи знаков (в том числе и языковых знаков), организуют свою совместную деятельность» [25: 3], а сами «... коммуниканты могут быть объяснены как личности, которые достигают в общении некоторые цели (общие или несовпадающие) и побуждаются определенными мотивами» [там же]. При этом выявление мотива и цели говорящего, реализованных в коммуникативных намерениях (лингвист может выявлять только их), осуществляется по наполнению речевой ситуации, характеру коммуникативных ролей (инициативный / реактивный

20 коммуникант; манипулятор (конфликтный и / или иной) / кооператор и пр.), для чего эффективна процедура интент-анализа [6, 24 и др.] и контент-анализа [26, 28, 29 и др.]. В этом процессе актуальна позиция Е.Е. Хазимуллиной, предостерегающей экспертов «... от прямолинейного отождествления коммуникативных намерений с реальными психофизиологическими мотивами говорящего» [32: 77–78]. К этому можно добавить, что нельзя не учитывать психологические особенности возраста и пола несовершеннолетних коммуникантов и возможное игровое и / или имитирующее начало интернет-общения (из экспертной практики известны случаи ведения коммуникации от имени подростков взрослыми с целью выявить потенциальных и реальных педофилов).

Последнее касается не только коммуникации с указанными намерениями, но и виртуального общения как такового. Интерпретация реальных и коммуникативных намерений в случае, когда коммуниканты могут создавать речевой и визуальный типаж иного профиля (по возрасту, полу, намерениям и пр.), должна осуществляться через установление коммуникативных ролей, стабильности / вариативности введения / поддержки тем общения, способа оформления коммуникативных партий, характера речевого взаимодействия и способов транзакций. Эффективным является применение модели РЖ Т.В. Шмелевой [36: 93–97] и модели коммуникации с оценкой воздействующего потенциала [16: 46–47]. Применяя модель РЖ, можно выявить коммуникативную цель (в этом аспекте описания четко видно качественно-количественное соотношение информативных, императивных, оценочных и этикетных фрагментов анализируемого речевого события), смоделировать образы автора и адресата (установить базовые и вспомогательные стратегии и тактики, смысловые доминанты и средства их репрезентации), образ диктумного события, образ прошлого (определить количество и тип инициальных и реактивных РЖ у каждого коммуниканта), образ будущего (выявить коммуникативную перспективу).

Для характеристики способов транзакций, описания коммуникативных партий и моделирования языковых личностей участников речевого события актуальна типология, предложенная И.Б. Александровой [1: 10–18]. В ней учитываются (с опорой на типологию Дж. Серля, классификацию И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, описания интернет-текстов М.Ю. Сидоровой, интернет-дискурса [28] и пр.) параллельные (равноправные и неравноправные, конфликтные и неконфликтные) и непараллельные транзакции, уровень коммуникативной компетенции (конфликтный, центрированный и кооперативный» [9: 147]; речевые стратегии (рационально-эвристическая, инвективная, куртуазная и пр.).

Взрослый коммуникант выступает в общении подобного рода чаще всего как инициатор разговора и / или (в случае проявления инициативы с другой

стороны) инициатор введения, возврата, поддержания, развития тем сексуального характера (он активно (однообразно или разнообразно) обсуждает то, о чем спрашивают эксперта в ряде вопросов, – все, «имеющее отношение к половым органам, половой сфере человека, действиям сексуального характера» и т. п.). При отклонении коммуникации и переключении собеседником речевых партий в другое тематическое и жанровое русло (РЖ жалобы, порицания, оценки и пр.) он чаще всего осуществляет возврат доминантных для него тем и реализует РЖ просьбы, пожелания, совета, информирования выступая в роли «сведущего и опытного взрослого».

Литература

1. Александрова И.Б. Моблоги и блоги в дискурсивно-текстовом аспекте // Речевое общение: специализированный вестник / Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 10–11 (18–19). Красноярск. 2009. 317 с. С. 10–18.
2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 265 с.
3. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Смыслова О.В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000. С. 11–40.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
5. Баранов А.Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики // Интернет-ресурс: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Baranov.htm>
6. Белковский С.В., Савинова О.Н. Контент-анализ в журналистиковедческих исследованиях: Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. 37 с.
7. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 200 с.
8. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 212 с.
9. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
10. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: описание проблемной области // Жанры речи. Выпуск 5. «Жанр и культура». Саратов, 2007а. С. 11–127.
11. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ОГИИ, 2007б. С. 223–237.
12. Гуляева М.А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 9–10 (113). С. 65–69.
13. Дедова О.В. О специфике компьютерного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004. С. 388.

14. Жукова А.Г., Катышев П.А. Речевое вовлечение в деятельность радикальной организации на страницах социальной сети // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 134–142.
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд. ОмГУ. 1999.
16. Иссерс О.С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
17. Карпова Н.А., Морева А.В. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках). Режим доступа: <http://fan5.ru/fan5-docx/doc-78755.php>.
18. Катышев П. А., Кильдибекова Б. Е. Вовлечение с позиции риторической критики // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 89–96.
19. Катышев П.А., Оленев С.В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 407–419.
20. Корчагин Н.Ю. Индивидуально-типологические особенности лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. 345 с. Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/96133/kochenovskie_chteniya_2018.pdf.
21. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования. Вестник БПГУ. Сер. Гуманитар. науки. 2001. № 1. С. 6–12. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.altspu.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf>.
22. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. 4-е изд., исправл. М.: Флинта, 2012. 170 с.
23. Моисеева И.Ю., Авинова П.С., Сафонова О.Н. Прагмалингвистический аспект успешности речевого акта «самопрезентации» (на примере ситуации хвастовства) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. № 1–1. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19436>.
24. Обухова О.В. Социокультурные факторы формирования лексики Интернета (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук М., 2007. 236 с.
25. Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989. 175 с.
26. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: ИП РАН, 2017. 90 с.
27. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., «1989.ру», 2006. 193 с. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~sidorova/files/blogs.pdf>.
28. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.

29. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 2-е изд. 304 с.
30. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: «Истоки», 2011. 66 с.
31. Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5/6. С. 34–40.
32. Хазимулина Е. Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2016. Т. XII. Ч. 3. С. 453–469.
33. Хазимулина Е.Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием. Электронный ресурс: Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvisticheskaya-ekspertiza-tekstov-s-implitsitnym-soderzhaniem> 2013
34. Цой А. В. Социальные сети как инструмент маркетинга вовлечения // Вестн. фак. управления С.-Петерб. гос. эконом. ун-та. 2017. №1–1. С. 343–347.
35. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридической бытии. Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 236–243.
36. Шмаков А.А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов и форумов): Дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2013. 200 с.
37. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып.1. Саратов, 1997. С. 88–98.
38. Chafe W. L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Deborah Tannen, ed. Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood: NJ : Ablex, 1982. P. 35–53.

L. O. Butakova

**THE COMPLEX ISSUES OF SEMANTIC AND DISCOURSE ANALYSIS
OF THE PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXPERTISE OF
INTERNET COMMUNICATION CONTAINING SIGNS OF AN INCENTIVE
TO PERFORM CERTAIN ACTIONS**

Abstract. The article discusses the problems associated with the complex psycho-logical and linguistic examination of difficult speech objects – Internet communication that contain stimulating verbal and non-verbal components. The author connects the difficulties arising in such examinations with the discrepancy between legal (legal and expert (psychological, linguistic)) approaches, features of Internet communication (ritual, anonymity, deposition in time) and natural communication (fragmentation, lack of integrity, completeness, immersion in the communicative situation, the importance of presuppositive factors), the possibilities of the applied methodological arsenal, the quality of the questions posed to the experts, a high level of the hypothetical expert conclusions.

Keywords: psychological and linguistic expertise, Internet communication, impact, manipulative discourse, impulse, involvement, involvement.

Л. А. Власова

udmila34.2@yandex.ru

кандидат филологических наук,

доцент Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Орел, Россия

И. В. Попова

porovaorel@yandex.ru

кандидат филологических наук,

доцент Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Орел, Россия

ВЫЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ КОРПУСА ТЕКСТОВ СМС В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация: В статье представлен опыт проведения судебной лингвистической экспертизы по выявлению смыслового содержания переговоров, осуществляемых коммуникантами путем обмена текстами СМС. Описан ход работы, дана характеристика материала исследования, представлена методика выявления смыслового содержания спорных текстов.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; спорный текст; смысловое содержание.

В практике проведения судебных лингвистических экспертиз перед экспертами часто ставится вопрос о смысловом (семантическом) содержании спорных текстов. Ю.А. Бельчиков, говоря о подобных экспертизах, отмечает: «Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу – особый вид, можно сказать, специализированный жанр междисциплинарного филологического исследования; она непосредственно относится к одной из древнейших отраслей филологии – к герменевтике <...>. Одна из центральных задач герменевтики состоит в интерпретации, истолковании текста (письменного и устного) с целью его понимания в полном соответствии с тем объективным, действительным смыслом, который заключен в данном тексте» [2: 15].

В данной статье представлен опыт проведения авторами судебной лингвистической экспертизы по выявлению смыслового содержания корпуса спорных текстов СМС. Экспертам для производства экспертизы были предоставлены следующие материалы: копия постановления следователя о назначении комиссионной лингвистической судебной экспертизы по материалам уголовного дела; копия «Протокола осмотра предметов» с восстановленными (с использованием специальных технических средств) из памяти мобиль-

ного телефона коммуниканта М исходящих текстов СМС и входящих на его абонентский номер текстов СМС, отравленных с телефонных номеров коммуникантов М1, М2, М3 и Ж.

Перед экспертами был поставлен вопрос: Каково смысловое содержание текстов (исходящих и входящих) СМС-сообщений коммуникантов М, М1, М2, М3 и Ж?

Следует отметить, что сложность исследования заключалась в том, что материалы для проведения экспертизы были предоставлены в несистематизированном виде, где тексты СМС, входящих и исходящих с телефона М, были даны в хронологическом порядке, без логико-смысловой соотнесенности реплик коммуникантов. Эксперты были поставлены перед необходимостью систематизировать данный материал в целях восстановления хода переговоров. В результате были составлены рабочие таблицы, в которых реплики собеседников соотносились друг с другом по смыслу и по времени отправки/получения СМС. В качестве примера предоставим фрагмент одной из таблиц (*здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источников. – Авторы*).

М2 – отправитель	М – адресат
Ты решил чтоб ты не заебывали отключицо? Чего ванька то?	Нет! Ванька по асфальту спросил
На что то еще надо ответить?	Нет я уже ответил. И фото базы. Есть конкретно интерес за 42млн
У него интерес? Это точняк?	Да в москве вроде готовы дать денег на нее но чтоб она работала
Хм. Он по этому поводу звонил? а мы ему за сколько задвигали? За 42?	За 45. Да тоже может это еще не точно но вроде интерес хороший сказал очень.
Отлично! Что им для решения надо? Приедут?	Ага. Надо фото и копии бумаг. Фото я уже готовлю!
Завтра поедем за бумагами?	Конечно!
Надо ж людям позвонить предупредить что копии нужны, это ж не 5 минут, быстрее сделаем быстрее решим!	Уже предупредил!
:) круть! Молоток! А эти парни по заводу они от кого?	Это потом расскажу! Но бабки у них есть !!;) я точно знаю!
Понятно!	Надо берника выдернуть узнать конкретно про работу с асфальтом!
Надо ответ конкретный получить что да даем на завод, просто так человека дернуть а потом слится это хуже, мне кажется	Конечно. Они уже конкретно сказали берем.
Думаешь точно? Просто таких говорунов десятки человек	Не мих эти ребята точно!
Блин. это хорошо. лишь бы все получилось	Ага.

В ходе работы над данным материалом возникла необходимость определить, исходя из существующих на тот момент теоретических положений в области проведения судебных лингвистических экспертиз и опираясь на опыт ведущих специалистов-экспертов, методологические принципы исследования по выявлению смыслового содержания текстов. Данная работа осуществлялась в соответствии с методиками анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением экспертно-консультативного совета при председателе правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) [1, 3, 4]. При проведении работы использовались такие методы исследования, как метод контент-анализа, описательный метод, методы семасиологического, лингвопрагматического и сравнительно-сопоставительного анализа. Кроме того, привлекались данные лексикографических источников.

Лингвистическое исследование с целью установления смыслового содержания разговора, как было определено, представляет собой, во-первых, выявление смысловых блоков разговора, во-вторых, определение типов речевых действий (актов) и, в-третьих, выявление и описание пропозиционных (информативных) компонентов, составляющих смысл спорных высказываний.

Смысловые блоки высказываний выявляются на основе типовых смысловых моделей, организующих структуру речевого события в целом, каковым и является отдельный, законченный в смысловом отношении разговор. Так как композиция разговора носит свободный характер, он развивается зачастую центрически, поскольку коммуниканты как бы «ходят кругами» вокруг определённых тем, неоднократно возвращаясь к ним в течение всего разговора. Смысловые блоки в ходе лингвистического исследования выявляются в соответствии с данными темами и содержат комплекс спорных высказываний, которые в разговоре могут находиться не в непосредственном контексте, а на достаточном отдалении друг от друга.

Типы речевых действий (актов), реализуемых в конкретных высказываниях, сводятся к информированию, запрашиванию информации, побуждению, выражению согласия/несогласия, выражению отношения к собеседнику, эмоций и др. В свою очередь, данные типы включают в свой состав различные подтипы речевых действий. Так, например, информирование выражается в таких подтипах, как сообщение, констатирование, утверждение, пояснение, разъяснение, дополнение, замечание, доведение до сведения, выражение мнения/предположения/ догадки, декларирование, предупреждение и др. Побуждение реализуется в таких речевых действиях (актах), как приказ, просьба, требование, совет, рекомендация и др. Тип и подтип каждого речевого акта устанавливается на основе таких критериев, как вид предложения, категоричность/некатегоричность высказывания, ближайший и общий контекст разговора,

характер лексики, грамматические формы слов, интонация (при предоставлении аудио- и видеоматериалов), учет экстралингвистических факторов и др.

Выявление и описание пропозиционных (информативных) компонентов, составляющих смысл высказывания, осуществляется путём логико-грамматического анализа структуры предложения. В случае исследования разговорной речи, которая характеризуется свободной формой изложения, фрагментарностью, неполнотой высказываний, и тем более в случаях, когда коммуниканты, понимая друг друга, стремятся скрыть истинное содержание разговора, восстанавливаются имплицитно (скрыто) представленные компоненты высказываний, исходя из контекста и логико-грамматической организации предложения. Для установления конкретного смысла фраз выявляются важные в смысловом отношении лексические единицы (слова, устойчивые выражения) и с помощью семасиологического анализа определяется их лексическое значение, актуализируемое в данном контексте.

В качестве примера того, как данные теоретические положения реализовались в процессе работы, приводим фрагмент исследования:

«Смысловое содержание исходящих текстов СМС-сообщений с номера М, в которых адресат М1 именуется как *Саша/саша/Сашика/сашка/Саша/саша*, выявляется из ряда пропозиционных (информативных) компонентов и сводится к тому, что коммуникант М:

– выражает согласие (с чем-то) / одобрение (чего-то) (*Хорошо*); побуждает подумать (*пошевели мозгами*), какое именно предложение можно сделать некоему лицу, обозначенному как *человек*, чтобы тот (*он*) осуществил значительные по размеру финансовые вложения (*вложил хорошие деньги*) с условием того, что обозначено как *под хорошее для нас сумму*; в связи с этим побуждает М1 *крутить* (см. *раскрутить* – «Жарг. Вынудить на какие-л. действия, заставить отдать что-л. (обычно значительные суммы денег)» (5: 527)) лицо, обозначенное как *этот с брянск*, по проблеме, обозначенной как *по технике*; констатирует, что если бы осуществилось то, что имеет отношение к *одной ниве и ауди*, то уже немедленно (*зас уже*) отправитель решал бы вопрос с указанным лицом по тому, о чем идет речь и что соотносится с количеством (*по*) 25млн:

– *Хорошо. Саш пошевели мозгами что предложить человеку чтобы он вложил хорошие деньги под хорошее для нас сумму. Крути этого с брянск по технике* Бля одна нива и ауди и зас бы уже решал я с брянск по 25млн;

– утверждает, что *можно* предпринять попытку (*Попробовать*) осуществить то, что обозначено как *Всяко просто дополнит вариант / как будто рабочий проект / залог с прибылью для нас хорошей*:

– *Попробовать можно! Всяко просто дополнит вариант как будто рабочий проект или залог с прибылью для нас хорошей*;

– сообщает, что некто, имеющий отношение к городу *воронеж*, информировал, что вечером он *встречается* с лицом, обозначенным как *человек*:

– *Бля воронеж на вечер сказал встречается с человеком;*

– отмечает, что коммуникант М1 бездействует (*Нах ты сидиши*) и что было бы лучше, если бы он *поехал* с отправителем (совместно с другим лицом/ лицами – *с нами*) разрешать существующие проблемы (*чтото решать*):

– *Нах ты сидиши поехал с нами бляд чтото решать;*

– сообщает о необходимости *встретаться* с лицом, именуемым *гена*, и *еще* (раз) *просить* о том, чтобы тот совершенно определенно (*конкретно*) передал (очевидно, коммуникантам) то, о чем идет речь, *завтра* или *во вторник*:

– *С гена встречаться и еще просить чтобы конкретно завтра или во вторник дал;*

– подтверждает реальность некоей информации (*Это факт / Шас все факт*) при условии осуществления определённых действий (*если делать*); сообщает о направлении (имплицитно) *в воронеж* того, что обозначено как *одна корола*, и соотносит с этим количество *еще 5млн*:

– *Это факт. Шас все факт если делать! Саи в воронеж одна корола и еще 5млн;*

– спрашивает, лично ли (*сам*) лицо, именуемое *Миша тарас*, поедет *в москву*; напоминает (судя по контексту) некую информацию, связанную с лицом, именуемым *Свирид*, и сообщает, что лицо, именуемое *пашков*, всё же звонило данному лицу (*ему*):

– *Миша тарас сам поедет в москву? Свирид то пашков ж звонил ему».*

При установлении смыслового содержания входящих и исходящих с телефона М текстов СМС последовательно осуществлялся анализ корпусов текстов сообщений, адресованных каждому из названных получателей.

В результате проделанного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Самый тесный коммуникативный контакт имел место между М и М1, поскольку данные лица являются родными братьями, что подтверждается наличием в текстах лексем, обозначающих родственные отношения (*брат/братуха/братишка*). Предметом переговоров М (именуется как *Сереж/сережка*) и М1 (именуется как *Саи/саи/Саика/саика/Саиа/саиа*) преимущественно является обсуждение осуществляемого ими вида деятельности, который обобщённо обозначается коммуникантами такими лексическими единицами, как *дело, работа, варианты, дополнит вариант, рабочий проект, способы, заниматься, делать, работать (Саика да все вариант и иваныч и брянск. Дни блин идут нужно предпринимать любые варианты!; Если шевелиться решать заниматься то надо делать!!! и др.)*.

Данная деятельность предполагает осуществление конкретных действий М и М1: заключение договорённостей (*договариваться, предложить*) (*Я шцу*

и договариваюсь; Саиш пошевели мозгами что предложить человеку чтобы он вложил хорошие деньги под хорошее для нас сумму и др.); покупка-продажа объектов, о которых идет речь (купить, выкупить, продать) (Миши мазду за 550 есть могут купить. Он тогда говорил вроде не против; Если леша нах послать с панф продать его нах а леше сказать отказался гена и все! и др.); решение возникающих проблем (решать/решишь, разрулить) (Сашка да решим! Завтра все решим!; Черник готов завод купить но если кинуть его то блин тут не разрулим и др.); осуществление финансовых операций (крутить, раскрутить, покрутить, заложить, вложить, перечислить, перевести, снять, финансир. Саиш есть вариант пузырь деньги налич подумать раскрутить хоть на 10!; Саиш да поговорить то можно! Сказать под банк заложить; Поговори с пузырь может он заинтересуется завод финансир. и др.); получение – передача денежных средств/объектов (взять, дать, отдать, забирать, искать, достать/доставать, брать забрать, скинуть, расчит. Пойдут нах деньги главное достать саиш!; Или наоборот теми деньгами расчит с людьми а этими работать и др.).

Основным объектом деятельности являются автомобили преимущественно иностранных производителей, на что указывают следующие языковые единицы: *машины, корола, нива, ауди, каиен грузовик, соренто, лабазан камри, ауди, аб, самосвал, мазда, с (панф), г5, сорто, джип, мл и х, прадо 120 дизель 2008 года (А еще можно каиен грузовик соренто и еще что в обеспечение по максимум засунуть!; Саиш лабазан камри предлагает; Миши мазду за 550 есть могут купить и др.).* Кроме автомобилей, объектом деятельности являются также предприятия, объекты недвижимости, обозначенные такими лексическими единицами, как *завод, база, дом, предприятие, 2 квартиры, асфальт* (здесь: асфальтовый завод) (*Поговори с пузырь может он заинтересуется завод финансир.; Асфальт и базу эту в залог за 140 млн! и др.).* Коммуникантами обсуждается также вопрос о стоимости данных объектов: *асфальт 35 млн, база 20 (Серезж. Асфальт 35 млн база 20 и др.).*

Суть обсуждаемой коммуникантами М и М1 деятельности заключается в совершении определенных финансовых операций с целью получения прибыли. Данные операции подразделяются на два вида: операции с финансово-кредитными организациями (*банк, банк втб, залог, залог с прибылью, заложить, кредит, лизинг, аренда. Сказать под банк заложить; Бля и лизинг я договорился нам можно 4 самосвала взять!; Какой залог то?; Саиш а кредит гена большой на этой неделе сказал сделает! и др.)* и конкретными физическими лицами, обозначенными именами собственными (*иваныч/Иваныч, серезжа/сергей бухтияров/бухтияр/бухтият, Гена/гена, Николай Васильевич/васильевич/Васильевич, панков, Кот и др. Саиш все хорошо будет!! Васильевич готов!!!!; Саиш ты ж с иваныч не разговаривал; Если серезя послать бухтиярова то можно тебе их сунуть куда угодно дополнительно;*

Гена воронеж и васильевич вот минимум и др.) и нарицательными (ребята, человек/чел, люди, брат, женищина, охрана, сосед. Ребята с калуги под машину. Братъ не братъ?; Саша люди нам помогают очень я лезу им в карман и др.), а также местоимениями (каждый, любой, он, они, тот, кто, Кто-то. Я у каждого прошу; Как я напишу щас ему расписку и др.), инвективами (уроды, тварь, черт, мразь, свинья, козлина, бядина, животные. Мне б завтра козлу панкову отдать его копейки и саше хоть так!; Мразь должен завтра отдать 1млн и др.).

География обсуждаемой деятельности обозначена такими языковыми единицами, как *Брянск, воронеж, Калуга, москва (Саш Брянск раскрути!; В воронеж нужно. Соглашение; Поговори скажи ты в москве что технику смотрел что юра свяжись с сергеем скажи что ох техника что тупо нужно решать берем или нет! и др.).*

В переговорах М и М1 обсуждаются такие составляющие осуществляемой ими деятельности, как:

– документы и юридические лица: *договор, расписка, соглашение; ип, нотариус (У тебя есть соглашение на ооо?; Договор нужно данные фирмы скинуть; Он может все с ип сделать и др.);*

– денежные средства, их формы, количество: *деньги, наличные деньги/наличка/деньги налич/нал, безнал, бабки, копейки, лям, сумма, остатки, остальное, часть, скидка, миллион минимум /хоть миллион хоть два, 3 млн минимум, до 150 млн, за 140 млн, 70 млн, по 25 млн, 96 млн, 800, 550, 520, 500, 300–500 и др. (Саш есть вариант пузырь деньги налич подумать раскрутить хоть на 10!; За нал конечно!; Это минимум 10–15млн до среды нужно?; 15 хватит думаю за глаза пока.; Саш ты напрягаи юра этого на завтра лям и др.);*

– денежные отношения: *долги, должен, 5900 рыбаку, 12500 свирицу, 1900 Миша, 1600 савчук, 1500 Алик, 1300 притуло, 1200 Емельянова, Павлов 2400 и др. (Плюс Павлов 2400; Я ему должен 6500 вообще то! 5900 рыбаку! и др.).*

2. Смысловое содержание переговоров между М (именуется как *сереж/Сереж/Серега*) и М2 (именуется как *мих/Мих/миша/миш/Миш/мишка/Мишка*) в текстах СМС сводится к обсуждению вопросов, связанных с их общей деятельностью. М и М2 занимаются планированием действий в той сфере деятельности, о которой идет речь (*Последовательность кому позвонить, с кем что посещать, какие запасные планы есть, просто записать на листе и начать действовать; Если так настраиваться то конечно не получится, надо план сделать что и зачем сначала; Давай завтра ко мне к 9 все напишем все подумаем все решим и др.).*

В частности, М и М2 обсуждают вопросы, связанные с продажей объектов, обозначенных как *асфальт, завод, база*. Они обмениваются информацией относительно асфальтового завода и заинтересованных в его покупке лиц,

обозначенных как *Ванька/ваня, этот чел, эти парни, они (Ванька по асфальту спросил; с этим челом мне кажется не вариант; А эти парни по заводу они от кого и др.)*, выражают озабоченность результативностью процесса продажи (*Надо берника выдернуть узнать конкретно про работу с асфальтом!; Надо ответ конкретный получить что да даем на завод*). Относительно объекта, обозначенного как *база/она*, обсуждается вопрос о том, что у неких лиц в Москве появился интерес / интерес хороший очень (*Есть конкретно интерес за 42 млн; Да в москве вроде готовы дать денег на нее но чтоб она работала; Да тоже может это еще не точно но вроде интерес хороший сказал очень*) к приобретению данного объекта по цене 42 миллиона (за 42 млн), хотя его стоимость была ранее определена коммуникантами как 45 (миллионов) (*а мы ему за сколько задвигали? За 42? – За 45*). В связи с этим обсуждается вопрос о необходимости предоставления фотографий объекта и оформления документов (*И фото базы; Надо фото и копии бумаг. Фото я уже готовлю!; Завтра поедем за бумагами?* и др.). Собеседники выражают уверенность в благополучном решении вопроса продажи данных объектов (*там с заводом все получается, базу покупают; А он знает о базе и заводе что все нормально?*).

М и М2 в переговорах обмениваются информацией о своих действиях и обсуждают также вопросы, связанные с заключением договоренностей с иными заинтересованными лицами относительно продажи им автомобилей и их стоимости (*Все передал. Договариватся по поводу киа и нисана?; Все передал, ша перезвонит, а на какое время их сорентировать? на обед; Миш позвони ребята с фреш могут к 9 за соренто приехать; Какие цены нам нужны за машины?– 1450 панф и 1050 соренто*).

М обсуждает с М2 психологические проблемы с лицом, обозначенным как *Саня/Сань/саша/он* (речь идет о брате М – коммуниканте М1), сообщая об острой необходимости срочно найти значительную сумму в размере 9 миллионов с целью помочь брату (*А завтра както надо 3 млн достать; ну что ж сделать то. Ему 3 млн завтра нужно и 3 млн во вторник и 3 млн в среду. Где я один достану такие деньги*). Как явствует из контекста переговоров М и М2, обсуждаемому лицу необходимо иметь эти средства для передачи их третьим лицам, в противном случае М1 угрожает самоубийством, что беспокоит М (*чтобы он не умер; я не переживу если он чтото сделает; Он морально готов а о других он думает? Нам тоже вешаться?; Мишка надо чтото делать. Я не хочу брата потерять*). Собеседники отмечают, что в случае осуществления М1 его намерения проблемы *Сани* с третьими лицами придется решать М и М2 (*Он своим не обдуманым поступком только хуже сделает, всем причем сделает; в итоге то что получится, хули он сделает своим поступком, убежит от проблем и повесит их на нас и что в итоге, мы не вытянем тоже – Конечно нет мих не вытянем. Никак*).

Коммуниканты обсуждают возможные способы решения возникших проблем с лицами, обозначенными как *Пузырев/пузырь, серега, кто, никто* (*Пузырев миш скажи вариант? – Ша. Ему надо что то предложить, но непонятно что; А серега поехал заберет чтонибудь? – Нет ничего не заберет. там расписка нужна нотариальная*), а также финансовые вопросы (*Денег никто не перечислил?; надо принимать все как есть и надеяться может кто все таки скинет что*).

3. В общении М (именуется как *Котик, любимка*) и Ж (именуется как *котя, лапа, малышуня*) наряду с личными темами обсуждаются также некоторые вопросы, имеющие отношение к тому виду деятельности, о котором идет речь в переговорах М с другими коммуникантами. Предметом обсуждения являются финансовые проблемы, а именно: отсутствие денежных средств (для выплат третьим лицам) (*без копейки, ноль. Сидим без копейки котя кто обещал ноль*), поиски денежных средств для возврата определенным лицам (*деньги искать, отдавать. Котя панков будет звонить скажи работаю я нах поехал ему деньги искать; Блин, ну я не знаю, юре по любому надо отдавать, я ему уже пообещала*).

4. При исследовании переговоров М и МЗ было установлено, что в памяти телефона М зафиксированы только входящие СМС с телефона МЗ. Суть текстов заключается в информировании М (именуется как *Серег/Сережа*) об отсутствии (у МЗ) денежных средств (*Серег у меня не чем помочь, денег нет знакомые не дают*) и в просьбе инструктировать его относительно дальнейших действий с автомобилями (*Напиши что делать; Что делать? Ты где может на кого крайслер отписать?; Кому везти машины???*).

Таким образом, работа по выявлению смыслового содержания корпусов спорных текстов СМС, являющихся средством переговоров нескольких коммуникантов, показала, что лингвистическая экспертиза такого рода является сложным многоаспектным герменевтическим исследованием, которое нуждается в дальнейшей методологической разработке.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. Бельчиков Ю.А. Лингвистическая судебная экспертиза – целенаправленное герменевтическое исследование // Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. С. 15–20.
3. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.

4. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006. 112 с. (Серия «Библиотечка юриста СМИ»).

5. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

L. A. Vlasova, I. V. Popova

THE IDENTIFICATION OF THE SEMANTIC CONTENT OF THE CORPUS OF THE SMS TEXTS IN JUDICIAL LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract: The article presents the experience of conducting of judicial linguistic expertise to identify the semantic content of conversations carried out by communicants through the exchange of SMS texts. The course of work is described, the characteristic of a material of research is given, the technique of revealing of semantic content of disputable texts is presented.

Keywords: forensic linguistic expertise, controversial text, semantic content.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОТОКОЛИРОВАНИЕ ДИАЛОГОВ: ОТ СЛОВ К ДИСКУРСУ

Аннотация: статья посвящена специфике исследования диалогов в рамках судебной лингвистической экспертизы. В центре внимания находится процедура семантического протоколирования, в которой важное место занимает анализ семантики дискурсивных маркеров. На конкретных примерах диалогов, связанных с дачей (получением) взятки, автор рассматривает особенности функционирования дискурсивных маркеров, выявляет их дифференциальные характеристики, устанавливает прагматическую значимость в процессе коммуникации.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, диалог, семантическое протоколирование, разговорный дискурс, дискурсивный маркер.

Термин «семантическое протоколирование диалога» [4] достаточно точно передает сущность соответствующего способа регистрации хода и результатов анализа содержательной стороны продуктов речевой деятельности при проведении судебной лингвистической экспертизы. К этому приему эксперты-лингвисты прибегают в тех случаях, когда необходимо прояснить имплицитную или нестандартно выраженную информацию в диалогах, например, по делам, связанным с распространением наркосодержащих средств, вымогательством или дачей взятки.

Диалоги, подлежащие лингвистическому анализу, в большинстве своем отражают типичные особенности разговорной речи, обусловленные спонтанностью, ситуативностью и психологически сближенной дистанцией общения. Речь идет о таких характеристиках, как неполнота речи, свобода в выборе языковых средств, опора на ситуацию, разнообразие косвенных способов выражения смысла. Всё это создает немалые трудности для интерпретации подобных текстов в рамках судебной лингвистической экспертизы, преодолеть которые позволяет процедура семантического протоколирования.

Через последовательную интерпретацию реплик в диалоге в значительной степени снимаются противоречия между стремлением коммуникантов к экономии речевых усилий, с одной стороны, и избыточностью их речевого поведения, с другой. Первое проявляется в активном употреблении стяженных единиц и разнообразных дейктических средств, второе, как правило,

выражается в обращении участников диалога к описательным конструкциям, повторам и возвратам к теме.

Кроме того, для диалогов, подлежащих исследованию в рамках судебной лингвистической экспертизы, весьма характерно использование приема умолчания и широкая реализация слов-заместителей. С помощью семантического протоколирования удастся восстановить, полностью или частично, недостающую информацию, а также обнаружить логические аномалии в разговоре, указывающие на имплицированный смысл.

Отметим, что лингвистами предприняты попытки создания лексикографической базы составляющих семантического поля «наркотики», с помощью которой можно выявлять в тексте косвенные способы номинации соответствующих объектов, субъектов, процессов и состояний и устанавливать актуальное значение употребленных единиц (см. об этом: [6]). Однако данные лексические средства постоянно обновляются: разными людьми и в разных коммуникативных ситуациях используются всё новые и новые единицы, поэтому создать исчерпывающий список подобных имен не представляется возможным.

Семантическое протоколирование диалога в рамках судебной лингвистической экспертизы, как правило, оформляется в виде таблицы с тремя основными графами: «Прямая речь», «Косвенная речь», «Интерпретация». Каждая реплика в диалоге переводится в косвенную форму с целью установления вероятного коммуникативного намерения говорящих. При этом учитывается значение употребленных в высказывании единиц, а также ближайший речевой контекст.

На месте пропущенных в диалоге слов, обязательность которых обусловлена смыслом высказывания и грамматическими свойствами употребленной конструкции, приводятся вопросы в соответствии с частеречной отнесенностью восстанавливаемого слова (*кто? что? кому?* и т. д.) либо само восстановленное слово. То же относится и к употребленным в тексте местоимениям и местоименным наречиям. Например:

А они Снежинские?	N, уточняет, к чьему ведомству могут принадлежать ОНИ (<i>кто? сотрудники ГИБДД?</i>).
-------------------	--

В графе «Интерпретация» напротив каждой реплики эксперт делает замечания, касающиеся последовательности развития диалога (начало – основная тема – смена темы – ... – завершение диалога), применяемых собеседниками диалогических ходов и других приемов для достижения цели разговора.

Особое внимание при семантическом протоколировании диалога уделяется факторам, моделирующим коммуникативную ситуацию: место, время коммуникации, ситуативно-ролевой статус коммуникантов, симметричные/асимметричные отношения между ними, жанр коммуникативного события, тональность общения. Многие из этих факторов находят свое материальное выражение в дискурсивных маркерах, поэтому их учет и точная интерпрета-

ция составляют важную часть лингвистического анализа при семантическом протоколировании диалогов.

Под дискурсивными маркерами понимаются языковые единицы, непосредственно участвующие в разворачивании коммуникативного взаимодействия и регулирующие поведение его участников (подробнее см. [2]). С помощью дискурсивных маркеров говорящими достигается структурирование речи, объективируются ментальные процессы, реализуется контроль над ментальной деятельностью адресата.

В рамках судебной лингвистической экспертизы на основе анализа дискурсивных маркеров возможно не только определить, как то или иное высказывание соотносится с предыдущим высказыванием, в какой степени оно релевантно тому, что было сказано ранее, но и судить о том, насколько в целом понятен смысл диалога его участникам.

Д. Блэкмор на материале английского языка предложила дифференцировать дискурсивные маркеры в соответствии с выполняемой ими функцией: 1) указание на присутствие некоторого положения, которое должно быть выведено из контекста; 2) усиление выводов текущего дискурса; 3) указание на противопоставление; 4) определение роли текущего высказывания по отношению к дискурсу [7]. В русском языке к первой группе единиц можно отнести лексемы *поэтому, следовательно, тоже* и др. Вторая группа маркеров, направленная на усиление содержания предыдущих высказываний, включает единицы *итак, в конце концов, наконец* и т. п. Указание на контрастность высказываемой мысли отражают дискурсивные маркеры *но, тем не менее, однако, ведь* и т. д. Роль текущего высказывания по отношению к дискурсу определяют единицы *кстати, в любом случае, между прочим, вообще* и др. В ряде случаев дискурсивный маркер может быть отнесен к двум и более разрядам из перечисленных выше, т.е. проявляет способность к реализации комплекса функций.

Следует сказать, что в классификации Д. Блэкмор не нашли отражения контактоустанавливающие маркеры, которые весьма часто используются в диалогах, подлежащих лингвистической экспертизе. Чаще всего единицы, с помощью которых отправитель речи устанавливает и поддерживает контакт с собеседником, выражены так называемыми контактными глаголами. Как отмечает Е.Р. Маслова, под этой категорией понимается группа глагольных форм «с ослабленной семантикой, регулирующих речевое взаимодействие между участниками коммуникации (от привлечения внимания адресата на начальной стадии установления речевого контакта, поддержания речевого контакта в течение разговора и до доведения его до логического завершения) и выполняющих в речевом акте различные прагматические задачи» [3: 38–39].

Относящиеся к контактными глаголам дискурсивные маркеры (*слушай, слышишь, слышь, смотри, гляди, видишь, вишь, знаешь, понимаешь*) соот-

носятся с категорией несовершенного вида и представлены либо формой 2 лица единственного числа, либо императивом. М.Д. Воейкова отмечает, что в императиве более нейтральными признаются формы совершенного вида, в то время как формам несовершенного вида приписывается двойная функция: «с одной стороны, они могут иметь значение позитивной (солидарной) вежливости, а с другой – обозначать грубый приказ» [1: 35]. Подчеркнем, что императивность наименее характерна для так называемых ментальных глаголов (*знаешь, понимаешь*). Не случайно Л.Г. Бабенко включает все рассматриваемые глаголы из группы императивов в класс глаголов восприятия, а оставшиеся формы относит к глаголам понимания [5: 303–316]. Лишь глаголы зрительного восприятия представлены и императивом (*смотри*), и формой изъявительного наклонения 2 лица единственного числа (*видишь*). Эти особенности отражаются на функционировании дискурсивных маркеров установления контакта.

Рассмотрим примеры употребления дискурсивных маркеров в диалогах, связанных с дачей (получением) взятки, в частности, в ситуации обсуждения, формирования договоренностей.

Пример 1.

— *Ну я не знаю сумму, которую конкретно. Вообще это случай такой уникальней, то есть сумма может быть любой. Ну как бы в разумных пределах.*

В данном случае участник диалога пытается подвести разговор к договоренности о сумме, что, исходя из обилия дискурсивных маркеров, дается ему нелегко. Подбирая слова (*такой, как бы*), он оценивает и взвешивает каждую реплику. О том же свидетельствует повтор начального ну, определяющего роль высказывания по отношению к дискурсу.

Пример 2.

— *Так и примерно цена, цена вопроса, это что мы говорили в этих тоннах?*

— *Ну вот двухсоттонник осталось сейчас фактически отдать и все.*

Единица *так* в начале приведенной реплики «обрывает» предыдущий диалог и усиливает то, что будет сказано в дальнейшем (вторая группа дискурсивных маркеров). Дискурсивный маркер *ну* выражает здесь согласие с коммуникантом и указывает на взвешенность слов говорящего. Маркер *вот* акцентирует внимание на условии соглашения – осталось отдать «двухсоттонник».

Пример 3.

— *Ну, вы скажите, чтобы я была готова или как? Кому и чего?*

— *Ну, я не знаю, вы за выходные соберете, я ... и скажу.*

— *Ну, говорите, вы сделаете, ну и вам нормально это.*

— *Да, мне-то вообще...*

— *Ну, все равно.*

— *Ну, не знаю... двести как бы.*

Речевое оформление данной ситуации сходно с примером 1. Начальное *ну* в каждой реплике демонстрирует желание собеседников перенять манеру

общения партнера, понять его намерения. В то же время «получатель взятки» демонстрирует неуверенность в своих словах, о чем свидетельствует маркер *как бы*. Эта неуверенность дополняется оборотами *я не знаю, не знаю*, которые, не являясь дискурсивными, указывают на высокую вероятность появления маркеров контрастности.

Пример 4.

— *То есть все-таки даже если они договорятся, то ценник не меняется?*

— *Ну мы как бы взрослые люди. Там просто разделится пополам. Люди пришли...*

— *Ну понял.*

Дискурсивный маркер *как бы* в примере 4 помогает говорящему концептуализировать смысл без точного его обозначения, указывает на дополнительные семантические оттенки использованного в реплике сочетания «взрослые люди», не свойственные ему в узусе. Иногда такая информация получает вербализацию в дальнейшем высказывании (...*сумма может быть любой. Ну как бы в разумных пределах.*).

На основе анализа различных примеров мы установили некоторые закономерности употребления дискурсивных маркеров в диалогах, подлежащих лингвистической экспертизе. Так, дискурсивный маркер *вот*, с одной стороны, может указывать на окончание реплики (*Мне в любом случае сейчас понадобится пара часов на согласование. Потому что он сейчас у вас в городе. Вот*). С другой стороны, в контексте: *Вот я и хочу узнать, какие у нас гарантии, потому что завтра придет <...>, скажет: «Ребята, сколько вам дали? В два раза больше даю». И всё! К примеру* – с его помощью говорящий не только сигнализирует о смене темы, но и актуализирует информацию, которая была высказана в диалоге ранее.

Императив *смотри(те)*, помимо реализации типичной для него контактоустанавливающей функции (о чем мы писали выше), выполняет в рассматриваемом типе диалогов функцию актуализации восприятия наиболее важной информации, касающейся деталей сделки. Именно поэтому данный глагол обычно находится в абсолютном начале реплики или завершает собой высказывание, после которого следует ключевая информация, например:

— *Так. Ну тогда смотрите...*

Наиболее часто в диалогах, подлежащих анализу в рамках судебной лингвистической экспертизы, используется дискурсивный маркер *ну*. Как правило, им начинается реплика, что позволяет говорящим тщательнее выстраивать программируемое высказывание. При введении дополнительной информации участники диалога обычно используют дискурсивный маркер *как бы*.

Таким образом, при семантическом протоколировании диалогов учет семантики дискурсивных маркеров позволяет более точно интерпретировать речевое поведение участников коммуникативного взаимодействия,

устанавливать их коммуникативные роли и тональность ведения разговора. В частности, в диалогах, связанных с получением или дачей взятки, собеседники стремятся контролировать свои реплики, что осуществляется при помощи маркера *ну*; проявляют осторожность, корректируют свое речевое поведение, используя сочетание *как бы*; посредством единицы *вот* помогают реципиенту выделить актуальную информацию, а также произвести разметку речи на законченные по смыслу высказывания.

Литература

1. Воейкова М.Д. Варьирование форм СВ и НСВ в императиве: обзор факторов // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов науч. конференции. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 33–38.
2. Голованова Е.И., Корсакова Ю.И. Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи: динамический аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 20. 2018. № 4 (181). С. 222–241.
3. Маслова Е.Р. Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи: вып. квалиф. работа ... магистра лингвистики. СПб., 2016. 82 с.
4. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; М.: ТХТ, 2017. 197 с.
5. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
6. Щенникова Е.В. Номинации, относящиеся к семантическому полю «наркотики», и их текстовый анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.
7. Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantic and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 200 p.

E. I. Golovanova

SEMANTIC LOGGING DIALOGUES: FROM WORDS TO DISCOURSE

Abstract: The article is devoted to the specifics of the study of dialogues in the framework of forensic linguistic expertise. The focus is made on the procedure of semantic logging, in which the analysis of the semantics of discourse markers takes an important place. On the specific examples of dialogues related to bribery, the author examines the peculiarities of functioning of the discursive markers, reveals their differential characteristics, establishes pragmatic significance in the process of communication.

Keywords: forensic linguistic expertise; dialogue; semantic logging; conversational discourse; discourse marker.

КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. В нормативных правовых актах определительные конструкции с союзным словом *который* часто имеют два допустимых варианта толкования. Это приводит к возникновению проблем, связанных с пониманием юридических текстов, не только у неспециалистов в области юриспруденции, но и у самих юристов.

Ключевые слова: язык/толкование нормативных правовых актов, определительные конструкции, союзное слово *который*, лингвистическая экспертиза.

Юридические тексты относятся к официально-деловому стилю речи, основными чертами которого являются объективность, точность, неличный характер. Точность прежде всего предполагает однозначность понимания сообщенной в документе информации, адекватную декодировку. Эту черту деловой речи Л. В. Щерба назвал точностью, «не допускающей кривотолков», а М. Н. Кожина – точностью, не допускающей инотолкования (цит. по [17: 274]).

Значимость юридических документов столь велика, что неточность формулировки, по мнению Г. С. Иваненко, «неизбежно приводит к неоднозначному пониманию и различным трактовкам, вызванным либо искренним заблуждением, либо намеренной спекуляцией лингвистически дефектным текстом» [5: 6–7]. Об этом говорят не только лингвисты, но и юристы. Согласно правовым позициям Конституционного Суда России «*нарушение принципа формальной определенности норм ... допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит, – к нарушению принципа равенства при осуществлении конституционных прав и свобод, верховенства Конституции Российской Федерации и закона*» (цит по [1: 93]). Следовательно, языковая точность – свойство правовой нормы, которую законодатель не в праве нарушать. В США законы, формулировки которых могут привести к различному пониманию установленных ими обязательств и условий различными субъектами, могут быть признаны неконституци-

онными и не подлежащими применению «на основании доктрины void for vagueness (недействительны вследствие неясности)» [1: 17].

Таким образом, одним из показателей качества нормативного правового акта является его лингвистическая правильность. Законодательская техника, с одной стороны, и судебная практика, с другой, всегда сталкивались с проблемами толкования и интерпретации как отдельных терминов, так и текста в целом, ставшими столь актуальными в современной когнитивной лингвистике [8: 59]. Для того чтобы избежать появления законов, содержащих лингвистические ошибки, на этапе подготовки и рассмотрения проекта нормативного правового акта осуществляется лингвистическая экспертиза. Однако ее предмет и цели в настоящее время существенно ограничены [3: 105]. В то же время специалисты в области русского языка все чаще привлекаются для разрешения речевых конфликтов в судебных и досудебных разбирательствах, связанных с толкованием тех или иных норм, зафиксированных в правовых актах.

Объектом нашего исследования стали определительные конструкции с союзным словом *который*. Как оказалось, в нормативных правовых актах встречаются сложноподчиненные предложения, которые имеют два допустимых варианта толкования, что приводит к возникновению проблем, связанных с пониманием текстов, не только у неспециалистов в области юриспруденции, но и у самих юристов.

Так, в подпункте 1 части 5 статьи 5 Федерального Закона «О рекламе» сказано: «Статья 5. Общие требования к рекламе. <...> 5. В рекламе не допускаются: 1) *использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации*» (курсив наш. – О.З.).

Согласно русской грамматике «слово *который* либо просто присоединяет придаточное предложение к главному (*Он видел неохватную долину, по которой шла тяжелая река*), либо служит целям уточнения значения существительного, к которому оно отсылает (*Есть чувства, которые поднимают нас от земли*). Соответственно этим различиям предложения с *который* делятся на 1) распространительные и 2) ограничительные» [16: 522].

Лингвистический анализ указанного пункта закона показал, что возможны оба варианта толкования.

Первый вариант толкования, при котором запрещается использовать любые иностранные слова, возможен при интерпретации придаточной части как распространительной: придаточная часть определяет существительное лишь постольку, поскольку занимает при нем синтаксическую позицию определения; подчинительная связь сближается со связью сочинительной, является необязательной, сообщающей дополнительные сведения об объекте [16: 522; 11: 174–175]: *В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений. Они могут привести к искажению смысла*

42 | информации. Такая придаточная часть имеет дополнительное причинное значение [16: 522]: *В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, так как / потому что они могут привести к искажению смысла информации*»; может быть перифразирована при помощи независимого предложения или сочинения предложений, с замещением союзного слова анафорическим местоимением, отсылающим к определяемой именной группе [9: 199]: *В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений. Они могут привести к искажению смысла информации.* Придаточная часть такого типа не может вводиться союзом что [9: 201]: *В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, что могут привести к искажению смысла информации.*

Второй вариант толкования – при интерпретации придаточной части как ограничительной. В таком случае придаточная часть восполняет значение существительного, уточняет его соответственно потребностям сообщения, сообщает совершенно необходимые для высказывания сведения об объекте; придаточная часть следует за главной [16: 522; 11: 174]. Ограничительное значение в анализируемом предложении установлено уже в главной его части с помощью прилагательного *иностранные*, а придаточная часть является ограничителем к указанному определению. В предложениях с придаточной частью ограничительного типа главная часть может быть дополнена словами *тот* или *такой* [16: 523]: *В рекламе не допускаются: 1) использование таких иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации.*

При выражении указанного значения именно такой способ формулировки предложений предлагает Д. Э. Розенталь: «...При нецелесообразности замены придаточной части сложноподчиненного предложения причастным оборотом или затруднительности перестановки слов можно ввести в главную часть указательное местоимение *тот* или *такой*, соотносительное союзному слову *который* или *какой*: *Неизменным успехом пользуются те из книг наших писателей, которые отражают современность*» [15: 326].

Кроме того, мы считаем, что и само понятие *иностранные слова и выражения* в анализируемой юридической норме также нуждается в комментарии. Согласно словарю-справочнику Е. В. Мариновой иностранное слово – это «слово, сохраняющее некоторые внешние признаки иноязычного происхождения, как правило, заметные для говорящих» [10: 106]. К таким признакам относят, например, фонетические: наличие отдельных звуков и звукосочетаний, нехарактерных для исконных слов (*бю, вю, дж, нг* и др.: *бюст, ревью, дайджест, шезлонг*); грамматические: несклоняемость существительных и неизменяемость прилагательных (*атташе, бра, беж, пари, хаки*) и др. [10: 107].

Иностранными являются, с одной стороны, существительные, значения которых всем носителям русского языка понятны. Например: кабинет

([франц. cabinet] – комната или помещение, оборудованные для специальных занятий); бутерброд (нем. Butterbrot хлеб с маслом) – ломтик хлеба с сыром, маслом, колбасой и пр.); винегрет [франц. vinaigrette соус из уксуса, масла и соли – vinaigre уксус] – 1) холодное блюдо из мелко нарезанных овощей заправленное растительным маслом или уксусом, тщательно перемешанное; 2) всякая всячина, мешанина, смесь разнородных предметов (перен.). С другой – существительные, которые могут вызывать затруднения в понимании. Например: лофт [англ. loft чердак] – 1) жилое помещение, переоборудованное из нежилого, например, в здании фабрики, завода, а также из технических помещений жилых домов – чердака, подвала (архит.); 2) нескл., направление в архитектуре и дизайне помещений, характеризующееся использованием металлоконструкций, цельных плит и др., что придает комнатам атмосферу промышленных либо заброшенных объектов; молл [англ. mall] – торговый комплекс большого размера, где продается множество разнообразных товаров.

Значит ли это, что согласно первому варианту толкования в рекламных текстах законом запрещены и слова типа *бутерброд* и *винегрет*, и слова типа *молл* и *лофт*?

Изучение комментариев к закону «О рекламе» показало двоякую трактовку этой нормы и юристами:

1) законом запрещается использовать в рекламе любые иностранные слова и выражения, потому что они, в силу разных причин, могут привести к искажению смысла информации: «Потребителями рекламы являются представители самых разных слоев нашего общества, социального положения, образования и возраста. <...> Известно, что иностранный язык быстро забывается, если им не пользоваться. Соответственно степень владения российскими гражданами иностранным языком может варьироваться от самой низкой до виртуозной. Поэтому использованное в рекламе выражение на иностранном языке потребитель рекламы может не уяснить, и для него рекламная информация будет неполной и искаженной» [2];

2) законом вводится лишь ограничение на использование иностранных слов: «Законом не допускается использовать только те иностранные слова и выражения, которые могут привести к искажению смысла информации» [6]. Здесь же комментатор отмечает: «На вопрос о том, кто будет решать, искажен ли смысл рекламируемой информации, Закон ответа не дает. Думается, этот вопрос будет находиться в компетенции контролирующих органов. Представляется также, что в данном случае необходимо будет проводить специальную экспертизу» [6].

Известно, что комментарии не являются нормативными актами. Они лишь толкование норм, разъяснение положений закона с позиции авторов комментария, которое может быть основано в том числе на сложившейся практике применения этого закона, судебных решениях по этому закону и т. д.

Анализ судебной практики сотрудниками Санкт-Петербургского государственного университета показал, что «чаще всего споры возникают по поводу использования в рекламе иностранных слов и выражений либо вообще без перевода, либо с неправильным переводом, либо с переводом, который сделан шрифтом нечитаемого размера. В отличие от надзорных – антимонопольных – органов суды не всегда требуют выполнения перевода буквами того же размера и цвета, но штрафуют рекламодателей, если перевод плохо видим, его невозможно прочитать или он неправильный» [14].

Это утверждение позволяет говорить о том, что суды интерпретируют анализируемую норму закона все-таки по первому варианту толкования: в рекламе запрещены любые иностранные слова, так как они могут привести к искажению смысла информации. Это связано еще с тем, что согласно закону «О государственном языке в Российской Федерации» в рекламе допускается использование иностранных слов и выражений (за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке), если одновременно в рекламе присутствует их идентичный перевод на русский язык. При этом перевод должен в полной мере отражать смысловое содержание текста на иностранном языке, а также должен быть выполнен в той же манере, что и текст на иностранном языке (см. об этом, например, [13; 12]).

Приведенные нами данные из судебной практики свидетельствуют о том, что при анализе рекламных текстов юридической оценке подлежат не иностранные слова и выражения в научном понимании этого термина, а слова и выражения, написанные на иностранном языке.

Пример со словом *который*, проанализированный нами, не является единственным. В текстах нормативных правовых актов есть и другие аналогичные примеры возможного двусмысленного толкования определительных конструкций. Так, пункт 2 статьи 18 главы 5 Федерального закона «О полиции» гласит: «2. Перечень состоящих на вооружении полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов устанавливается Правительством Российской Федерации. Не допускается принятие на вооружение полиции специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов, которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска».

Первый вариант толкования, при котором придаточная часть имеет дополнительное причинное значение: не допускается принятие на вооружение полиции всех специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов. Они наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска. (Не допускается принятие на вооружение полиции всех специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов, так как они наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска.)

Второй вариант толкования, подразумевающий ограничительное значение придаточной части: не допускается принятие на вооружение полиции тех специальных средств, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов, которые наносят чрезмерно тяжелые ранения или служат источником неоправданного риска.

Несколько иную ситуацию наблюдаем в следующем примере, но конструкция с союзным словом *который* тоже, на наш взгляд, имеет некую двусмысленность. Пункт 2 статьи 149 Жилищного кодекса Российской Федерации: «2. Председатель правления товарищества собственников жилья действует без доверенности от имени товарищества, *подписывает платежные документы и совершает сделки, которые в соответствии с законодательством, уставом товарищества не требуют обязательного одобрения правлением товарищества или общим собранием членов товарищества*, разрабатывает и выносит на утверждение общего собрания членов товарищества правила внутреннего распорядка товарищества в отношении работников...».

Возникает неясность: придаточная часть относится только к совершаемым сделкам или к сделкам и платежным документам?

По правилу «союзные слова *который, какой, чей* замещают ближайшее к ним предшествующее существительное» [15: 326]. Следовательно, председатель подписывает все без исключения *платежные документы*, но совершает только те сделки, которые *не требуют обязательного одобрения правлением...* Д. Э. Розенталь обращает внимание на то, что «при чтении (а тем более при слушании) подобных предложений первоначальное восприятие текста может быть ошибочным или затруднительным, и рекомендует в интересах ясности и точности выражения такое построение фразы, при котором она сразу же воспринимается легко и недвусмысленно [15: 326–327].

Просмотренные нами комментарии к анализируемой статье закона однозначно трактуют эту норму. В одном из них дается следующее толкование: «председатель правления вправе подписывать платежные документы; совершать сделки, которые не требуют обязательного одобрения правления...» [7]. Постановка точки с запятой между однородными членами, на наш взгляд, решает проблему затруднительного восприятия текста документа.

Таким образом, использованные в нормативных документах конструкции в целом ряде случаев не дают возможности однозначного их понимания и интерпретации и должны быть переформулированы. Иногда эксперту-лингвисту удастся, проанализировав спорное высказывание в соответствии с законами естественного языка, однозначно интерпретировать ту или иную юридическую норму (см., например, анализ конструкции на основе сочинительной связи с союзом *и* в тексте пункта 1 статьи 59 части 1 Налогового кодекса РФ [20: 78]). Однако в некоторых случаях, например при анализе употребления в тексте документа определительных конструкций с союзным

словом *который*, привлечение эксперта-лингвиста к толкованию таких предложений приводит лишь к констатации их двусмысленности, фиксации наличия нескольких равноправных вариантов толкования и выводу о том, что в тексте нарушено одно из требований к формулировкам нормативных актов, согласно которому юридическому языку должны быть свойственны точность, ясность, простота и однозначность грамматических конструкций, исключающие двусмысленность.

Литература

1. Амбарцумов Р.Г. Обжалование заключений судебных экспертиз: научно-практическое пособие. Можайск: Можайский полиграфический комбинат, 2018. 528 с.
2. Бадалов Д.С., Василенкова И.И., Карташов Н.Н., Котов С.Ф., Никитина Т.Е. Постатейный комментарий к федеральному закону «О рекламе» [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfiles.net/preview/5671338/> (дата обращения: 01.11.2018).
3. Белоконь Н.В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. № 4. С. 104–115.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 № 188-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 2002 года; одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года] (ред. от 29.05.2019) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: <https://bit.ly/2HY6Sf7> (дата обращения 17.06.2019).
5. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Монография. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 247 с.
6. Кайль А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (постатейный) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/707?page=17> (дата обращения: 01.11.2018).
7. Кодексы и законы: правовая навигационная система [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakonrf.info/jk/149/> (дата обращения: 17.06.2019).
8. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50–64.
9. Лютикова Е.А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 199–204.
10. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта, 2013. 240 с.
11. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, глаголы: Ок. 1200 единиц / под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель : АСТ, 2003. 421 с.

12. Определение Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 18 февраля 2013 года по делу № А65-19639/2012 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://bit.ly/2Km6vga> (дата обращения: 17.06.2019).

13. Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 12.11.2012 года по делу № А65-19639/2012.

14. Ревазов М.А. Анализ судебной практики по делам о нарушении требований к языку рекламы (применение в. 10 ч. 1 ст. 3 ФЗ №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации») [Электронный ресурс]. СПб., 2016. – URL: <https://bit.ly/2F1roJd> (дата обращения: 10.06.2019).

15. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2001. 381 с.

16. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Репринтное издание. М., 2005. Т. 2. 712 с.

17. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. 696 с.

18. Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»: [принят Государственной Думой 22 февраля 2006 года; одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 года] (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.gl/ihUPsV> (дата обращения: 10.05.2019).

19. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [принят Государственной Думой 28 января 2011 года; одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года] (последняя редакция) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – URL: <https://bit.ly/2vwu3Ut> (дата обращения: 17.06.2019).

20. Чернышова Т.В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом и как объект лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика. 2004. С. 78.

O. V. Zuga

CONSTRUCTIONS WITH ATTRIBUTIVE VALUE IN NORMATIVE LEGAL ACTS: PROBLEMS OF PERCEPTION AND INTERPRETATION

Abstract: The article is dedicated to attribute constructions with the word which, which often have two acceptable variants of interpretation in regulatory legal acts. This leads to problems of misunderstanding of legal texts not only by law experts, but by lawyers themselves.

Keywords: interpretation of regulatory legal acts, attribute constructions, the word which, linguistic expertise.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОМЕТА «ПРЕЗРИТЕЛЬНОЕ» КАК МАРКЕР ЛЕКСЕМЫ, ВЫРАЖАЮЩЕЙ ОСКОРБЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассмотрены отличительные черты лексики, имеющей помету «презрительное»: отношение к субъекту, повышенная эмоциональность, отрицательные коннотации – в соотношении с лексикой, имеющей пометы «пренебрежительное» и «неодобрительное».

Ключевые слова: оскорбление, лингвистическая экспертиза, стилистическая помета.

Введение. *Актуальность* темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения взаимодействия наивного и правового сознания [5: 5]. Количество обращений в суд по поводу оскорблений, а особенно оскорблений словом неуклонно растет, а исследователи-лингвисты, анализирующие журналистские тексты, официальные и личные письма и иные продукты речевой деятельности с лингвоэкспертной позиции, как правило, сталкиваются с определённым кругом проблем при установлении в том или ином слове негативной (оскорбительной) окраски. Словарь при этом используется как основной источник установления окраски слова. Стилистические пометы являются доказательством такой окраски. Относительная субъективность стилистических помет неоднократно отмечалась учеными-лингвистами (см., например: [4]), но пока это единственная база, определяющая корпус слов с негативной окраской.

Цель статьи – рассмотреть отличительные черты лексики, имеющей стилистическую помету «презрительное», в сопоставлении в лексикой, имеющей пометы «пренебрежительное» и «неодобрительное».

Методы исследования: лексемы с пометами «презрительное», «пренебрежительное» и «неодобрительное» отбирались методом сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» [1]. Выбор словаря обусловлен тем, что этот справочник по современному русскому языку является универсальным, продолжает традиции отечественной академической лексикографии, содержит все необходимые для проведения судебной лингвистической экспертизы характеристики слова.

Материалом исследования являются 390 лексем (существительных, глаголов, прилагательных), что составляет 0,3 % общего числа слов, представленных в словаре (соответственно 69 лексем с пометой «презрительное» – 0,05 %, 208 лексем с пометой «неодобрительное» – 0,16 % и 143 лексемы с пометой «пренебрежительное» – 0,11 %). В статье использованы примеры из Национального корпуса русского языка и «Большого словаря русской разговорной речи» В.В. Химика [8].

Результаты. Анализируемая группа лексем представляет собой слова разных частей речи: существительные (*амбиция* (неодобр.) – претензия, притязания на что-то [1, с. 37]; *бумаготворчество* (неодобр.) – составление ненужных официальных бумаг; канцелярщина [1: 103]; *вертхвостка* (неодобр.) – о ветреной, легкомысленной, кокетливой женщине [1: 120]; *вылазка* (неодобр.) – неожиданное враждебное выступление против кого-л.; выпад [1: 174]; *главарь* (неодобр.) – зачинщик, предводитель, вожак [1: 206]; *бульварщина* (презрит.) – бульварная литература [1: 103]; *бурбон* (презрит.) – грубый и невежественный (обычно заносчивый) человек [1: 104]; *дылда* (презрит.) – о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [1: 291]; *мразь* (презрит.) – о ком-л. ничтожном, презренном, дрянном [1: 561]; *барахло* (пренебр.) – вещи домашнего и личного обихода (одежда, посуда, мебель и т.п.); пожитки [1: 59]; *вульгарщина* (пренебр.) – проявление вульгарности [1: 165]; *грязнуля* (пренебр.) – неопрятный, нечистоплотный человек [1: 233]; *добро* (пренебр.) – о чем-л. плохом, негодном, ненужном [1: 264]; *зюзя* (пренебр.) – вялый, нерасторопный человек [1: 372]), глаголы и глагольные формы (*сползти* (неодобр.) – постепенно отойдя от правильных позиций, взглядов и т. п., оказаться на неправильном пути, ложных позициях и т. п. [1: 1250]; *устроить* (неодобр.) – предоставить кому-л. что-л. помимо принятого порядка, вне очереди и т.п. [1: 1403]; *якшаться* (неодобр.) – общаться, водить компанию [1: 1532]; *расфуфыренный* (неодобр.) – одетый слишком нарядно, крикливо или безвкусно [1: 1103]; *бегающий* (неодобр.) – быстро переводимый с одного на другое; скользящий (о глазах, взгляде) [БТС: 63]; *зарегламентированный* (неодобр.) – подчиненный жесткому регламенту [1: 342]; *лизоблюдничать* (презрит.) – быть лизоблюдом, вести себя как лизоблюд [1: 496]; *политиканствовать* (презрит.) – проявлять себя политиканом; действовать, вести себя как политикан [1: 902]; *кляузничать* (пренебр.) – заниматься кляузами, доносить, сутяжничать [1: 434]; *левачить* (пренебр.) – незаконно использовать рабочее время, орудия или продукты общественного труда для личной наживы [1: 488]; *окопаться* (пренебр.) – избегая чего-л., укрыться, найти себе спокойное, удобное место [1: 709]; *стряпать* (пренебр.) – сочинять, писать, рисовать что-л. (на скорую руку, наскоро) [1: 1283]), прилагательные (*вельможный* (неодобр.) – самодовольный, надменный (о человеке) [1: 117];

идейный (неодобр.) – чрезмерно политизированный [1: 374]; *окололитературный* (неодобр.) – имеющий косвенное отношение к литературе [1: 709]; *безмозглый* (презрит.) – очень глупый, бестолковый [1: 67]; *буржуйский* (презрит.) – к Буржуй [1: 104]; *плюгавый* (презрит.) – невзрачный, жалкий на вид (о человеке) [1: 846]; *бульварный* (пренебр.) – рассчитанный на невзыскательный вкус; низкопробный, пошлый (о произведениях литературы) [1: 102]; *дохлый* (пренебр.) – хилый, тщедушный, слабосильный (о человеке) [1: 281]; *куцый* (пренебр.) – ограниченный, неполный, урезанный, не вызывающий впечатления цельности [1: 483]; *макулатурный* (пренебр.) – низкопробный, малохудожественный [1: 514]).

Необходимо отметить специфику стилистической окраски однокоренных слов, принадлежащих к анализируемой группе. Так, однокоренные слова, имеющие тот же компонентный состав, могут принадлежать к группам, имеющим разную стилистическую окраску: *кальмицк* (неодобр.) – тот, кто калымит [1: 412] (ср.: *калымить* – разг.-сниж. [1: 412]); *кампанейщина* (неодобр.) – отсутствие планомерности, систематичности в работе [1: 413] (ср.: *кампанейский* – разг. [1: 413]); *канительщик* (неодобр.) – тот, кто канителиться или канителит [1: 414] (ср.: *канителить* – разг. [1: 414]); *пораженчество* (неодобр.) – пессимистическое отношение к какой-л. идее, мысли, к возможности осуществления чего-л. и т. п. [1: 924] (ср.: *пораженец* – нейтр. [1: 924]); *рекрутчина* (неодобр.) – рекрутство [1: 1115] (ср.: *рекрутство* – нейтр. [1: 1115]); *смутьян* (неодобр.) – тот, кто вносит смуту, раздоры [1: 1220] (ср.: *смутьянить* – разг. [1: 1220]); *трюкачество* (разг.-неодобр.) – пристрастие к трюкам, увлечение внешними эффектами; эпатаж [1: 1349] (ср.: *трюкач* – разг. [1: 1349]); *левачить* (пренебр.) – незаконно использовать рабочее время, орудия или продукты общественного труда для личной наживы [1: 488] (ср.: *левачество* – неодобр. [1: 488]; *маклачество* (пренебр.) – занятие маклака [1: 514] (ср.: *маклачить* – нейтр. [1: 514])).

В анализируемой группе встретились случаи, когда значения одного и того же слова различались стилистической окраской: *торгаш* – 1. Пренебр. О торговце, работнике торговой системы. 2. Презрит. Человек, который превыше всего ставит свою выгоду, корысть, личный интерес [1: 1333]; *путаться* – Неодобр. Иметь отношения, общаться с подозрительным человеком (людьми). Грубо – находиться с кем-л. в интимной связи [1: 1049].

В анализируемом материале была выявлена тенденция формирования компонента «инвективность» (оскорбительность) в результате употребления слова в функции номинации (типичная дефиниция «о человеке...»: *жердя* (неодобр.) – об очень высоком и худом мужчине [1: 303]; *колода* (неодобр.) – о толстом неповоротливом человеке [1: 440]; *концерт* (неодобр.) – о проявлении недовольства, выливающимся в скандал или истерику [1: 454]; *конюшня* (неодобр.) – об очень грязном помещении [1: 455]; *ля-ля* (неодобр.) – о пустой,

беспольной, ненужной болтовне [1: 511]; *плюшкин* (неодобр.) – о чрезмерно скупом, жадном человеке [1: 846]; *дылда* (презрит.) – о человеке, не соответствующем в умственном отношении степени своего физического развития [1: 291]; *бревно* (пренебр.) – о тупом, глупом, бесчувственном человеке [1: 95]; *веник* (пренебр.) – о плохом букете (безвкусно подобранном, увядшем и т.п.) [1: 118]; *кисель* (пренебр.) – о вялом, слабовольном человеке [1: 429]; *маляр* (пренебр.) – о плохом живописце, художнике [1: 518]; *фрукт* (пренебр.) – о человеке, вызывающем неудовольствие, раздражение [1: 1435]).

Обсуждение. При проведении лингвистической экспертизы конфликтных высказываний имеет значение не речевая стратегия достижения результата, а само покушение на честь, достоинство и деловую репутацию личности. Эти случаи требуют прежде всего анализа стилистической принадлежности слов, являющихся объектом стилистической экспертизы, а также анализа их семантической структуры.

Рассмотрим значение стилистических помет. Лексема «*презрительное*» означает «*наполненный презрением*» [1: 963], а «*презрение*» – «*чувство крайнего неуважения к кому-, чему-л.*» [1: 963]. Лексема «*пренебрежительное*» означает «*проникнутый пренебрежением, высокомерно-презрительный*» [1: 964], а «*пренебрежение*» – «*презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-л.*» [1: 964]. Лексема «*неодобрительное*» означает «*содержащий в себе неодобрение, порицание*» [1: 630], а «*неодобрение*» – «*неудовлетворенность чьими-л. действиями, поступками и т.п.; порицание, осуждение*» [1: 630]. Анализ семантической структуры терминов показал, что отличия в значении лексем «*презрительное*» и «*пренебрежительное*» состоят в степени неуважения (*крайнее* – в семантике слова «*презрительное*», *высокомерное* – в семантике слова «*пренебрежительное*»). В значении этих терминов акцентируется вектор «отношение», а в значении слова «*неодобрительное*» – вектор «оценка».

Анализ семантической структуры терминов «*презрительное*» и «*пренебрежительное*» показал, что стилистическая помета «*пренебрежительное*» акцентирует семантический компонент «*уверенность в своем превосходстве, надменное, пренебрежительное отношение к окружающим*» [1: 183].

Презрение является отрицательной моральной характеристикой личности. Презрение может быть направлено на такие атрибуты личности, как поступки. Отмечается, что презрение относится к среде отрицательных эмоций. Объект презрения – личность речевого партнера [6]. Объекты презрения – личности с низкой личностной иерархией ценностей говорящего [2].

Таким образом, «вектор» стилистической пометы «*пренебрежительное*» направлен в сторону «я выше других», а вектор стилистической пометы «*презрительное*» – в сторону «он ниже других». Под «я» здесь выступает субъект речевого действия, под «он» – партнер речевого действия.

Слова со стилистической пометой «*пренебрежительное*» разделяются на две группы: с ярко выраженной и скрытой отрицательной эмоциональной оценкой. Например: *барахольщик* (пренебр.) – о том, кто увлекается приобретением вещей личного и домашнего обихода [1: 59]; *деревенщина* (пренебр.) – житель деревни; выходец из деревни (в противоположность горожанину [1: 252]). Эти примеры оцениваются как отрицательно-оценочные с учетом фоновых знаний носителя языка. У них отмечается скрытая отрицательная эмоциональная оценка. *Барахольщик* в сознании носителя русского языка и русской культуры ассоциируется с Коробочкой — персонажем поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», а *деревенщина* ассоциируется с низким уровнем культуры (прежде всего духовной).

Слова данной группы, отмеченные ярко выраженной отрицательной эмоциональной оценкой, являются оскорбительными в любом контексте, так как инвективность содержится в лексическом значении слова: *бревно* (пренебр.) – о тупом, глупом, бесчувственном человеке [1: 95]; *голодранец* (пренебр.) – оборванец, бедняк [1: 215]; *грязнуля* (грязнуха) (пренебр.) – неопрятный, нечистоплотный человек [1: 233]; *дохляк* (пренебр.) – о хилом, слабосильном, болезненном человеке [1: 281]; *малоумок* (пренебр.) – человек с недостатком ума, умственных способностей; недоумок [1: 517].

Слова со стилистической пометой «*презрительное*» усиливают отрицательную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя: *ворьё* (презрит.) – воры [1: 151]; *барыня* (презрит.) – о женщине, ведущей праздный образ жизни, пренебрегающей трудом [1: 61]; *беляк* (презрит.) – о белогвардейце [1: 71]; *отребье* (презрит.) – деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества [1: 759].

Слова со стилистической пометой «*неодобрительное*» представляет оценку человека с точки зрения общественного мнения: *бабайкин* (неодобр.) – о продажном краснобае, наслаждающемся самим процессом вранья [1: 56]; *белоручка* (неодобр.) – тот (та), кто избегает физического труда, трудной или грязной работы [1: 70]; *держиморда* (неодобр.) – о грубом и деспотичном администраторе, использующем полицейские методы [1: 253]; *барахольщик* (неодобр.) – о том, кто копит старые вещи [1: 59]; *буквоед* (неодобр.) – тот, кто обнаруживает склонность к буквоедству; формалист [1: 102]; *вертихвостка* (неодобр.) – о ветреной, легкомысленной, кокетливой женщине [1: 120]; *всепроцентец* (неодобр.) – тот, кто все прощает [1: 159]; *высочка* (неодобр.) – 1. О человеке, сделавшем карьеру слишком быстро, достигшем высокого общественного положения не по заслугам. 2. О человеке, который выслуживается, стремится обратить на себя внимание начальства [1: 182]; *канцелярист* (неодобр.) – работник учреждения, не видящий за мелочами канцелярского делопроизводства живого дела [1: 145].

Все слова являются отрицательной характеристикой человека, значит, могут являться оскорблением, ведущим семантическим компонентом которого является компонент «поставить в более низкое положение одного по отношению к другому». При сходстве в степени оскорбительного потенциала слова «виршеплет», «ворьё», «держиморда», например, имеют разную стилистическую маркированность в словаре («презрительное», «пренебрежительное» и «неодобрительное»). Слова «виршеплет» и «ворьё» вследствие этого подразумевают отношение субъекта речи к деятельности называемого, а слово «держиморда» выражает оценку деятельности.

При проведении лингвистической экспертизы, по нашему мнению, важно учитывать эти оттенки значения стилистических помет.

Как было отмечено, большое значение в определении степени инвективности лексики играет функция/позиция слова. Так, зоонимическая лексика выполняет в речи две функции: функция характеризующая и функция инвективная (оскорбления). Последняя определяется как функция побуждения к действию, так как оскорбление ставит своей целью добиться реакции от адресата оскорбления и подтверждения или повышения статуса оскорбляющего. Критерием инвективности зоонимической лексики может считаться позиция зоонима как обращения. Семантика зоонима может усиливать инвективность слова в позиции обращения [3].

Например, лексема *баба* (презрит.) (о робком, слабохарактерном мужчине, мальчике [1: 54]) содержит в своем лексическом значении компонент «личность с низкой личностной иерархией ценностей говорящего», «он ниже других» только в определенном контексте: *Ответит ли Жириновский или он трус? Или просто ряженая маразматичная баба?* [7]. Отмечены случаи постоянной сочетаемости данной лексемы – в позиции «будь/не будь/станешь»: *Не будь бабой, прояви твердость!* [1: 54]; *Хватит ныть, совсем уже бабой стал!* [8: 28].

Заключение. Отличительные черты лексики, имеющей помету «презрительное», – отношение к субъекту, повышенная эмоциональность, отрицательные коннотации – выявляются при анализе семантической структуры термина, обозначающего стилистическую помету. В семантике термина «презрительное» акцентируется крайняя степень неуважения, отношения к лицу. «Вектор» стилистической пометы «презрительное» направлен в сторону «он ниже других». Под «я» здесь выступает субъект речевого действия, под «он» – партнер речевого действия. Слова со стилистической пометой «презрительное» усиливают отрицательную характеристику человека, определяя его роль в обществе как изгоя. Ведущим семантическим компонентом термина «презрительное» является компонент «поставить в более низкое положение одного по отношению к другому». Большое значение в формировании этого компонента в слове имеет его функция/позиция.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Ботвиненко-Ботюк Е.Н. Аксиологические предпосылки изучения высказываний презрения // Наука и современность. 2013. № 23. С. 155–159.
3. Иванничева О.Н., Болгова Е.В. Инвективная зоонимическая лексика русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (131). С. 122–125.
4. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.
5. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
6. Лескина С.В. Концепты безразличия и презрения как составляющие пейоративной коннотации английских и русских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 65–67.
7. Маргиева Н. Адвокат Примадонны пообещал набить морду Жириновскому, если тот не извинится перед певицей до 5 марта // Комсомольская правда. 2012.02.29.
8. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

O. N. Ivanishcheva

“CONTEMPT” AS A STYLISTIC MARKER TO EXPRESS INSULT

Abstract: The report discusses the distinctive features of vocabulary that has a “contempt” mark in relation to vocabulary that has “scornful” and “disapprobatory” marks: relation to the subject, heightened emotionality, and negative connotations.

Keywords: insult, linguistic expertise, stylistic marker.

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФАМАЦИИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

Аннотация. В статье рассмотрен процесс внедрения в современный русский язык иностранных концептов посредством заимствований, имеющих прагматические особенности. На основе анализа текстов современной периодики определяется степень включения концепта «диффамация» в современную систему ценностей.

Ключевые слова: семантическая диффамация; прагматика; эклектика; лингвокультура.

С изменениями в составе современной лексики тесно связан процесс заимствований. Всё более значимыми становятся вопросы семантической ассимиляции заимствованных слов. Л.П. Крысин называет такие причины активизации употребления иноязычной лексики: осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и др. [4: 27].

Объясняя языковую ситуацию в постперестроечной России, одни авторы прибегают к параллелям с Россией 1917 года, когда радикальные изменения в обществе привели к не менее кардинальным изменениям в языке, другие соотносят современный период с эпохой Петра I. Однако все эти параллели верны лишь отчасти.

В обществах эпохи постмодернизма деформации подвергается не только языковая норма, но и нормы этики, отношения государства и индивида и т. п. В такой ситуации история сжимается до настоящего, и все вертится вокруг собственного «я» и личной жизни того или иного человека, социальная (гра-

жданская) активность падает, теряется вера в осмысленность коллективных усилий. «Совершенно ясно, что в такой ситуации, с одной стороны, это обуславливает индивидуальное языковое экспериментирование, а с другой – снижает ощущение коллективной ответственности за сохранность языка в целом...» [8: 205].

Все какие-либо значительные изменения в обществе и языке одновременны или почти одновременны. Хорошо известен факт лавинообразного заимствования в последние десятилетия. Ср. мысли Г.Ю. Скворцова о том, что нынешний поток чужеземцев в родную речь можно сравнить разве что со шквалом «ассамблей», «коллегий», «сатисфакций» и т. п., обрушившихся на наш дремавший дотоле язык при Петре I, так что в пору бы воскресить адмирала Шишкова, воевавшего с европеизмами при Пушкине [11: 55–58].

Одна из языковых реакций на эту новацию – картина языкового смешения, стилевая пестрота. Данная реакция обусловлена как массовостью подобных новаций, так и их нерегулированностью. Возможная параллель подобных стиливых смешений наблюдается в литературе и публицистике начала XVIII века, когда наличествовала подобная же межъязыковая (а иногда межстратовая) эклектика. Отличие стилевой эклектики настоящего момента от эклектики Петровской эпохи В.В. Кочетков видит в преобладании межстратовой эклектики над межъязыковой [6: 6–7].

Интересно, что исследователи называют в одном понятийном ряду такие «болезни» языка, как наплыв заимствований и жаргонизация русской речи. Ср.: «Вопрос о норме требует гораздо более глубокой разработки, чем мы видим сегодня. Те, кто изучает язык профессионально, должны признать с должной научной честностью, что речь идет не о наплыве **жаргона, заимствований** (выделено мной. – Э. К.) и т. д., на что у нас есть готовые рецепты и заверения в ординарности происходящего, а о совершенно новых явлениях...» [12: 64]. Но это принципиально разные признаки современной языковой ситуации. В той же статье Г.Г. Хазагеров объясняет, в чем опасность жаргонизмов: «Большая часть жаргонных слов... обладает исключительно обобщенным значением. Отсюда неспособность выражать нюансы мысли в обстановке отложенной прагматики...» [Там же. С. 61]. А одна из традиционных функций иноязычных слов – семантическая нюансировка, детализация, передача разнообразных прагматических оттенков. Для иллюстрации этого положения обратимся к синонимическому ряду, где референциальное несходство минимально, а само существование ряда поддерживается только различиями прагматическими.

Механизм семантической диффамации проявляется тогда, когда на первый план в современной коммуникации выходит удачно подобранная технология подачи текстовой информации, когда содержание определенных, являющихся по их официальному статусу, своему назначению и значению

текстовых материалов периодики представляют собой результат некоторой журналистской обработки, дополнения, интерпретации; и даже правки.

Например, существует вполне прижившаяся в русском языке калька *звезда* (*суперзвезда*). Параллельно существует англицизм *стар* (*суперстар*). Ср.: *Мэрайя Кэрри с белозубой улыбкой прослушала, как стары поют ее известные песни* (Антенна, 2017, № 16). *Стары* – участники проекта «Фабрика звезд». Как полагает И.Р. Красникова [7: 106], автор не воспользовался возможностью употребить вариант «звезда», ибо устойчивая мелиоративная оценка и положительные коннотации его не отвечают авторским интенциям.

Кроме номинативной, слово *стары* выполняет и прагматическую функцию: автор иронизирует по поводу неземного желания многих молодых исполнителей попасть в ранг звезды. Роль иноязычного элемента сродни роли кавычек, но не в полной мере: кавычки подчеркивали бы негативное отношение к явлению («звезды» = ненастоящие звезды, но автор не совсем это имеет в виду). Англицизм же лишь слегка затемняет привлекательность семантики ассимилированного эквивалента неполной прозрачностью формы. Из этого примера ясно, что не всегда иноязычное слово повышает явление в ранге и делает его социально престижным. В последние годы синонимический ряд пополнился галлицизмом *этуаль*. В специальном употреблении *этуаль* – это высшее звание в иерархии танцовщиков Парижской оперы (соответственно – танцовщик, имеющий это звание). В расширительном потреблении – то же, что звезда, стар. Ср.:

Действие происходит в так называемой школе этуалей, иначе говоря, звезд. Директор школы на наших глазах «лепит» один за другим эстрадные номера для ночных клубов и варьете (Н. Евреинова «Школа Этуалей»).

Съемочная группа опасалась, что у «этуаль» будут особые запросы. Но Мишель Мерсье вела себя очень скромно. Только однажды желание Анжелики вызвало замешательство... (Комсомольская правда, 14 июля 2004 г.).

Однако слово *звезда* (об актерах, певцах, дикторах) уже не просто утратило образность, а превратилось в штамп. Манера современных деятелей шоу-бизнеса так говорить о самих себе (ср. скандально известную пресс-конференцию Ф. Киркорова в Ростове-на-Дону) привела к девальвации слова. Отсюда возможность таких производных, как *звездюлька*. Ср.:

Лариса Долина: «Моя дочь поет лучше, чем многие нынешние звездюльки, но карьера певицы ее не прельщает» (Женские истории, НТВ, 22 сентября 2012 г.).

Может быть, именно для передачи мелиоративности (которую отчасти утрачивает слово «звезда»), использовано слово *этуаль* по отношению к подлинной звезде – актрисе Инне Чуриковой:

Инна Чурикова прочно занимает позицию «этуаль» в современном российском кино. Режиссеры понимают: если ее пригласить на роль, успех проекту обеспечен. Только в последние годы она сыграла в самых громких

сериальных премьер: «Идиот», «Московская сага», «Узкий мост» (Комсомольская правда, 13 января 2017 г.).

Впрочем, не менее вероятны и иные мотивы использования слова *этуаль* вместо слова *звезда*: эмфатичность нового слова, утрата «свежести» штампованным словом «звезда», некий элемент «усталости» от слова «звезда».

Интересно, что наш выдающийся кутюрье Вячеслав Зайцев считает: *в смене моды важен элемент усталости* (передача ТВ «Линия жизни», канал «Культура», 14 января 2016 г.), то есть мода меняется оттого, что люди устают от привычных линий, фасонов, образов. Аналогичная ситуация и со словами (о моде в языке и модных словах см. подробнее в следующем параграфе).

Думаем, что именно ореол престижности и мелиоративная коннотация слова *этуаль* позволяют обыгрывать его в энантиосемичном использовании, ибо отступление от стандарта возможно только в случае существования этого стандарта и устойчивых представлений об этом стандарте). Ср.: *Три ведущих. Две маловыразительных (Елена Малышева и Лариса Кривцова), третья – Дана Борисова – находка для любого телешоу (это стало понятно после «Последнего героя-2» с ее звездным участием). Настоящая этуаль. Как брякнет что-нибудь – хоть святых выноси* (Комсомольская правда, 13 сентября 2008 г.).

Если у исконного слова прагматическая информация зачастую оказывается «впрессованной» в семантическую, то заимствование прагматично уже в силу своей иноязычной природы. А что касается французских заимствований, то по отношению к ним в высшей степени справедливо замечание В.А. Богородицкого: «...большая часть заимствований относится к сфере а р и с т о к р а т и ч е с к о й ж и з н и (high life) – развлечений и комфорта [2: 330]. У многих из этих слов со времен Пушкина остается «ореол аристократического дендизма» [3: 93]. «Комильфотность» и «изысканность» многих кулинарных продуктов, называемых галлицизмами, позволяет обыгрывать реальную или мнимую причастность к «высшему обществу». Ср.:

«Красная бурда» (см. Комсомольская правда, 30 августа 2013 г.) так описывает нравы в «супер-пупер-лицее им. К. Бандитидзе»: *Нередко уроки проводят известные местные барды-шансонье... Девочки на труде учатся различать белье от Клико Панель... В школьной столовой кормят воистину по-царски: фуа-гра, фондю...*

Отношение как адресата, так и самого адресанта к иноязычному слову из категории high life может быть различным. Если общезыковые прагмемы воспринимаются более или менее однозначно (сподвижник – со знаком плюс, соучастник – со знаком минус) и это даже находит отражение в лексикографии (например – в лексикографических пометах типа «неодобр.», «презрит.» и под.), то прагматика анализируемой группы лексики создается прежде всего контекстными условиями.

Обсуждая причины вхождения иноязычного слова в систему языка-рецептора, многие исследователи подчеркивали: заимствование приживается тогда, когда им заменяется исконный описательный оборот. Считается, что по этой причине вошло в общий язык слово *инаугурация*, заменившее неудобнопроизносимое «торжественное вступление в должность высшего государственного должностного лица». По мнению В.И. Карасика [5: 212], «главное, однако, состоит в том, что инаугурация президента России по своей сути, как это подчеркивается самим словом, не отличается от соответствующей процедуры в США, **молчаливо признаваемой в качестве образца**» (*выделено мной. – Э.К.*). То есть вместе с заимствованиями в русскую лингвокультуру внедряются «чужие» концепты, способные существенным образом скорректировать существующую систему ценностей – отечественную концептосферу. Еще А.А. Потебня [10: 163–164] утверждал, что «язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшие изменения в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дают другие восприятия и этим влияют на мирозерцание человека».

К числу концептов, которые на данном этапе межкультурного взаимодействия еще не внедрились в систему ценностей нашего общества, В.И. Карасик [5: 218] относит концепт *диффамация* – распространение сведений, порочащих кого-либо. Дефиниции в «Большом толковом словаре русского языка» и в «Англо-русском юридическом словаре» (*defamation* – клевета) не совсем полно раскрывают значение этого слова и соответственно стоящий за ним концепт. Диффамация – это нанесение ущерба репутации кого-либо путем ложных или клеветнических высказываний, характеризующих этого человека как заслуживающего презрения, насмешки, ненависти или остракизма.

Интересно, что данный концепт не внедрился полностью в отечественную концептосферу не оттого, что не было соответствующей номинации. Слово *диффамация* употреблял (без всяких примечаний и комментариев) еще А.П. Чехов. Ср.: *Все эти русские мореплаватели, химики, физики, механики, сельские хозяева – популярны ли они? Известны ли нашей образованной массе русские художники, скульпторы, литературные люди? Иная старая литературная собака, рабочая и талантливая, тридцать три года обивает редакционные пороги, исписывает черт знает сколько бумаги, раз двадцать судится за диффамацию, а все-таки не шагает больше своего муравейника!* («Пассажир 1-го класса»).

Концепт *диффамация* не мог внедриться при отсутствии в социуме глагольности, ибо в тоталитарном обществе диффамация через печатные (подконтрольные) органы была невозможна по определению.

Внедрение концепта *диффамация* в русскую лингвокультуру позволит изменить существующее положение вещей, при котором «важнейшие отличия обиходного представления концепта “закон” в английском языковом сознании

заключается в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как ограничителя свободы» [9: 3]. Семантическая диффамация возникает на уровне значения слов и фраз, формируемых журналистом как автором текстового произведения. Подмена значений слов, расплывчатость толкования значений имеют под собой семантическую основу, которая находится в ведении лингвистической семантики. Поэтому с точки зрения функционирования языка и права можно вести речь о явлении, именуемом в работе как «семантическая диффамация», т. е. о явлении диффамации, которое образуется посредством сознательного, преднамеренного или неумышленного использования журналистом семантических средств языка.

Специалисты справедливо обращают внимание на тот факт, что в настоящее время журналистская практика отмечена расширением своих пределов, что ее трудно признать дисциплиной с четкими границами жанров (Ф. Н. Ильясов, С. Г. Кара-Мурза, Е. Г. Морозова, А. П. Страхов и др.). Стратегии развития СМИ в современных условиях зависят от электорального спроса, политического рынка, политического маркетинга. Расширяется сфера юридической ответственности журналистов за совершаемые действия. Семантическая диффамация при этом связана с правовыми аспектами юриспруденции. Как известно, социолингвистические концепции языкового развития оперируют антиномией кода и текста [Русский язык и советское общество, 1968; 1 и др.]. Постоянно действующие тенденции в борьбе между собой оказываются стимулами языкового развития. Таким стимулом является юридически обусловленный лингвистический механизм семантической диффамации, воздействующий на читателя и формирующий его социальную и политическую позицию.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001. 317 с.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). М.; Л., 1935.
3. Добродомов И.Г. Ростбиф // Русский язык в школе. 2003. № 2. С. 27–31.
4. Зеленин А.В. Рецензия на «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 138–140.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Кочетков В.В. Лексико-стилистические новации и их функционирование в прессе второй половины 90-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999.
7. Красникова И.Р. Прагматика окказиональных антрополоксем в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

8. Куликова Э.Г. Норма в лингвистике и паралингвистике. Ростов-на-Дону, 2004.
9. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
10. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993.
11. Скворцов Г.Ю. Заимствования: опыт тевтонского соседа // Русская речь. 2001. № 5. С. 55–58.
12. Хазагеров Г.Г. Проблемы языковой нормы в связи с понятиями «красивого», «возвышенного» и «эффективного» (к типологии нормы) // Язык в прагмалингвистическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2003. С. 55–65.

E. A. Kitantina

THE INTENSIONAL AND UNINTENSIONAL USING OF SEMANTIC DEFAMATION IN THE TEXT OF MODERN PERIODIC

Abstract. The article discusses the process of introducing foreign concepts into modern Russian by loans with the pragmatic features. Based on the analysis of the texts of modern periodic the degree of inclusion concept of defamation in the modern value system is determined.

Keywords: semantic defamation; pragmatics; eclecticism; linguistic culture.

ВАРИАТИВНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ²

Аннотация. В статье поднимается проблема отсутствия единых методологических оснований проведения судебной лингвистической экспертизы. На материале анализа лексических единиц, организующих лексико-тематическую группу «умственные способности человека», иллюстрируется вариативность интерпретации феномена «оскорбление» с позиции лингвоэкспертного, юридического и обыденного толкования.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, вариативность толкования.

Проблематика исследования. Юрислингвистическое направление, связанное с пересечением языка и права, априори предполагает выработку методологических подходов, обладающих синкретичным характером для сферы юриспруденции и лингвистики. В литературе неоднократно поднимался вопрос относительно отсутствия единых оснований проведения судебной лингвистической экспертизы, расхождения юридической и лингвистической интерпретации одного оспариваемого факта [1–4; 9; 10]. Несмотря на существование специализированных центров, направленных на проведение и систематизацию массива судебных лингвистических экспертиз, серии работ, раскрывающих теоретические установки [1; 2; 9; 10.] и конкретную методику анализа спорных конфликтных текстов [11; 14; 15], до сих пор приходится констатировать исследовательский субъективизм при проведении работ в обозначенном направлении.

Сегодняшнее положение дел с полной уверенностью можно проиллюстрировать оценкой, данной одним из основоположников юрислингвистики во времена её становления: «В настоящее время практика проведения лингвистической экспертизы осуществляется во многом стихийно, индивидуально-субъективно; эксперты опираются, с одной стороны, в основном на свой профессиональный (филологический) и житейский опыт, с другой, – на

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

некоторые знания из сферы юриспруденции, получаемые большей частью из литературы и прессы» [3: 15].

Настоящая статья является иллюстрацией отсутствия единой методики проведения судебных лингвистических экспертиз на материале дел по оскорблению. Теоретические основания вопроса представлены в работах А.Н. Баранова, К.И. Бринёва, Н.Д. Голева и других исследователей, неоднократно подчёркивающих как понятийную неопределённость термина «оскорбление», так и нетождественность правовой и лингвистической интерпретации выделенного феномена [1–4]. В предлагаемом исследовании на конкретных примерах иллюстрируется полиинтерпретативный характер квалификации языковых единиц, попавших под правовую характеристику «оскорбительность». Разнотолкование со стороны юридического, лингвистического и обыденного понимания обуславливает проблематику настоящей работы.

Материал и методы исследования. Конкретным материалом исследования является феномен «оскорбление», вербализированный набором лексических единиц, организующих тематическую группу «умственные способности человека». Выбор материала обусловлен высоким риском его попадания в зону судебного разбирательства. Наблюдения специалистов в области судебной экспертологии и собственная лингвоэкспертная практика подчёркивают ядерное положение экспертиз по оскорблению, что проявляется и в формулировке самого частотного вопроса, задаваемого эксперту: «Носит ли высказывание оскорбительный характер?».

Между тем даже на понятийном уровне не сформулирован объём «оскорбления»: «само понятие «оскорбление» по существу не определено, и слово «оскорбление» не функционирует ни как лингвистический, ни как юридический термин. В лингвистической литературе вообще отсутствуют понятия «оскорбление», «инвектива», «инвективное функционирование языка»; ни в одном справочнике или лингвистическом энциклопедическом словаре их попросту нет» [3: 17]. Подобная же ситуация касается и юридической дефиниции, так как в правовых текстах не определяется объём содержания «неприличная форма», хотя на этом определении, по сути, построено понятие «оскорбление» [11: 12].

Отсутствие единого определения приводит к гносеологической вариативности. Так, в большинстве работ, выполненных в лингвоюридическом аспекте, понятие «оскорбление» синонимизируется с «инвективой», которая наделяется статусом либо родового понятия, объединяющего ряд речевых действий, направленных на негативное воздействие на адресата (оскорбление, обида, унижение, дискредитация и т. д.), либо выступает как обозначение лексических единиц, организующих речевой конфликт. При таком подходе внутри инвективной лексики выделяется литературная (относящаяся к русскому литературному языку) и внелитературная (обценная, жаргонная) лексика [14]. При этом, обценная, жаргонная лексика, как правило, получает

обозначение собственно инвективной лексики (либо инвективы) [6–8]. Соответственно, лексические единицы, относящиеся к литературному языку, называются либо эмоционально-экспрессивными словами (экспрессивами) с негативной оценкой, либо лексикой с оскорбительной семантикой.

Одну из ядерных лексико-тематических групп, организующих оскорбление, образуют лексические единицы, оценивающие умственные способности человека. Негативная характеристика интеллектуальных особенностей человека может быть признана индикатором вербальной агрессии. Исследовательский интерес к данной группе лексики во многом определяется противоречием, которое заключается в несоответствии их лексикографического, профессионального и обыденного толкования [5; 7; 8].

Основным аспектом в настоящем исследовании выступает интерпретационно-сопоставительный подход, направленный на описание оскорбительных лексем, оценивающих умственные способности человека. Собранная путём анализа различных лексикографических источников, изучения судебных решений и проведения серии лингвистических экспериментов эмпирическая база исследования способствует верификации положения о том, что оскорбительная лексика русского языка является полиинтерпретативным образованием, обладающим разным характером лексикографического, юридического и обыденного толкования.

Результаты исследования. С целью иллюстрации полиинтерпретативного характера лексических единиц, оценивающих умственные способности человека, материал исследования был проанализирован с позиции лексикографической репрезентации, обыденного и правового толкования.

1. Лексикографическая интерпретация лексических единиц, оценивающих умственные способности человека. Слова, относящиеся к тематической группе «умственные способности человека», имеют лексикографическую репрезентацию в словарях разного типа, в том числе и в словарях ненормативной лексики. Одним из известных словарей последнего типа является «Толковый словарь ненормативной лексики» Д. И. Квеселевича (ТСНЛ), в котором под ненормативной лексикой понимаются «лексико-семантические системы, социально-маркированные и стилистически сниженные по отношению к литературной норме» [13: 3].

Для сопоставительного описания из «Толкового словаря ненормативной лексики» Д. И. Квеселевича методом сплошной выборки было выделено 50 лексем, относящихся к тематической группе «умственные способности человека». Следует отметить, что в данную группу не были включены табуированные, нецензурные выражения, также представленные в словаре. В целом тематическая группа «умственные способности человека» составляет примерно 0,625 % от всех лексем, представленных в словаре.

Слова, выбранные для исследования, были классифицированы по следующим основаниям: по смысловому наполнению; по характеру выражаемой

оценки; по характеру выражения семантического содержания «умственные способности»; по характеру стилистических помет. Остановимся подробнее на последней характеристике, так как в лингво-экспертной практике сложилась традиция квалификации фактов речевого оскорбления по стилистическим пометам «бранное» или «оскорбительное». Несмотря на практически кодифицированный инструментарий, данная методика установления наличия оскорбления носит субъективный характер, на который указывают исследователи, отмечая как интуитивность лексикографов при разработке словарных дефиниций, так и отсутствие специального словаря для юридико-лингвистических целей [5].

Как правило, слова одной тематической группы имеют схожий набор эмоционально-стилистических помет, указывающих на сферу их распространения и заложенную в них коннотацию. Все выделенные для анализа слова характеризуются в ТСНЛ стилистической маркированностью в виде помет «просторечное», «бранное», «грубо-просторечное» либо комбинации помет «просторечное, бранное», «просторечное, пренебрежительное» и т. д. Наличие разного рода помет свидетельствует о неодинаковой степени выражения признака «оскорбительность». Можно предположить, что слова, имеющие несколько лексикографических помет, более вариативны в восприятии характера и степени оскорбительности. Но данная гипотеза может быть подтверждена только экспериментальным методом, способным определить особенности восприятия анализируемых единиц информантами.

Специальные словари, отражающие инвективную лексику, как правило, выполняют популяризаторскую задачу, направленную на речевую фиксацию единиц, находящихся за границей литературного языка. Отсутствие специализированного словаря, ориентированного для юридико-лингвистических целей, обуславливает обращение лингвистов-экспертов к академическим словарям: «В настоящее время лингвистическая экспертиза осуществляется в основном по данным традиционных толковых словарей, и оценки экспертов по этой причине носят опосредованный и приблизительный характер, поскольку эти данные не предполагают их прямого юрислингвистического назначения. Цели обычного толкового словаря существенно не совпадают с юридическими целями; юридическое функционирование естественного языка слишком специфично, чтобы из последнего напрямую получать юридические следствия. Необходим специальный словарь» [5: 92].

Разная лексикографическая интерпретация обуславливает и нетождественность объёма лексических единиц в лингвистических справочниках. Так, из 50 лексем тематической группы «умственные способности человека», выделенных в ТСНЛ, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСРЯ) зафиксировано только 33 лексические единицы. Помимо этого, не совпадает и их понятийный объём. Так, часть лексем,

представленных в ТСРЯ, не содержит сему, характеризующую умственные способности человека, например: *бамбук* – высокое и гибкое тропическое и субтропическое растение, древовидный злак с крепким полым стеблем; *дубьё* – собир. (устар.) палки, дубинки, употр. в старину как оружие; *дятел* – лесная, лазящая птица с сильным клювом и т.д.

Подобное сопоставление приводит к постановке ряда вопросов: при характеристике оставшихся 17 слов лингвист-эксперт априори должен выносить положительное решение о факте оскорбления в силу ненормативности речевых единиц? И как поступать в том случае, если фраза или конкретное слово не зафиксировано ни в одном лексикографическом источнике? Отсутствие лексико-семантического варианта, связанного с обозначением умственных способностей человека, также является маркером оскорбительного характера? Данные вопросы ещё раз актуализируют не раз поднимаемую проблему, связанную с легитимностью лингво-экспертных источников и разработкой специализированного словаря, направленного на обслуживание юрлингвистических целей [5: 92].

II. Обыденная интерпретация лексических единиц, оценивающих умственные способности человека. Одним из частотных лингво-экспертных приёмов установления оскорбительного характера спорной фразы или слова является приём лингвистического опроса. Подобный метод способствует динамическому описанию лексем с оскорбительной семантикой и выявлению их функциональных особенностей. Теоретической предпосылкой при проведении данных экспериментов является положение о том, что обыденная интерпретация оскорбления во многом зависит от характера восприятия оскорбительности, основу которого составляют ментально-языковые представления: в сознании носителей языка существуют некие параметры оценки оскорбительности. При этом характер личностной оценки оскорбительности не всегда соотносим с лексикографической репрезентацией подобных единиц в современных словарях.

С целью подтверждения данного положения нами был проведен опрос, в котором приняло участие 30 респондентов. Для эксперимента были взяты 18 лексических единиц, оценивающих умственные способности человека: *балбес, балда, безмозглый, бестолочь, болван, дебильный, дуб, дубина, дурак, идиот, колпак, лопух, оболтус, олух, остолоп, пень, придурок, узколобый*. Данные лексемы были отобраны после сопоставления лексикографической репрезентации слов в ТСНЛ и ТСРЯ, а также исследования дефиниций слов из ТСРЯ. Таким образом, фактологическую базу составили лексические единицы, понятийный объем которых включает сему «умственные способности человека», зафиксированные в академическом и ненормативном словарях. Нами были проведены два эксперимента, в которых участвовали рядовые носители языка.

Первый эксперимент, направленный на обыденное толкование лексем с оскорбительной семантикой. В ходе данного эксперимента респондентам необходимо было указать лексическое значение 18 лексем, оценивающих умственные способности человека. На основании полученных толкований были составлены сводные статьи. Принцип объединения реакций основан на частотности ответов и их дальнейшем расположении в алфавитном порядке.

Приведем образец нескольких составленных словарных статей:

БАЛБЕС: *безответственный, легкомысленный человек, не оскорбление; глупый, бездумный человек; дурак, глупый человек; дурак, мало знает, но делает вид, что знает многое; дурак, придурок; человек бестолковый, рассеянный; человек, который живёт неправильно, дурак; человек, не приносящий никому пользу, не желающий трудиться, учиться; человек, сделавший что-либо неправильно; человек, у которого нечего не получается, неудачник; шутливое, беззлобное оскорбление, относящееся к человеку, который, возможно, сделал что-то не так.*

БЕЗМОЗГЛЫЙ: *без мозгов, туповат; глупый; глупый в крайней степени, даже неадекватен посредством отсутствия умственных способностей; глупый, крайняя степень глупости; глупый, необразованный; глупый человек; грубое наименование глупо ведущего себя человека; не имеющий мозгов; не очень умный человек; неумный человек; низко интеллектуальный (груб.); обычно так говорят людям, которые в критических ситуациях поступают нелогично, порой глупо; очень глупый человек, недалководный, тупой; человек без мозгов; человек, которому не хватает ума; человек с отсутствием мозга для говорящего, следовательно, глупый.*

Анализ полученных сводных материалов показывает, что обыденное толкование лексических единиц, способных выполнять оскорбительную функцию, не тождественно лексикографической дефиниции. Основными признаками обыденного толкования в отличие от лексикографической интерпретации является, во-первых, расширение семантического потенциала слов, во-вторых, преобладание оценочной составляющей. Метаязыковые реакции отражают преобладание переносного, образно-оценочного осмысления лексем с оскорбительной семантикой.

Второй эксперимент, направленный на обыденную интерпретацию характера и степени оскорбительности слов. В ходе данного эксперимента респондентам необходимо было ответить на вопросы двух анкет. В первой анкете, направленной на выявление обусловленности интерпретации характера оскорбительности слов субъективным фактором, необходимо было определить, являются ли представленные лексемы безадресно и адресно оскорбительными. Во второй анкете, направленной на выявление обыденной интерпретации степени оскорбительности слов, респондентам нужно было распределить лексемы по степени оскорбительности (низкая, средняя, высокая).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респондентами в большинстве случаев ощущается разница между адресным и безадресным характером оскорбительности. Лишь в двух случаях (лексические единицы *дебильный* и *идиот*) в ответах абсолютно всех респондентов наблюдается тождественность восприятия оскорбительного потенциала слов. Ответы респондентов, касающиеся оставшихся 16 лексических единиц, отличаются вариативностью, подчёркивающей нетождественность оценки в зависимости от личностной направленности лексем.

Вариативность восприятия слов с оскорбительной семантикой подтверждается и характером оценки степени оскорбительности. На наш взгляд, предложенная Н.Д. Голевым и А.В. Коряковцевым шкала инвективности, представляющая собой условную схему распределения слов по степени оскорбительности [8: 47] применима и для обоснования множественности интерпретации оскорбительных лексических единиц.

Шкала оскорбительности включает три основных уровня:

1. *Низкая степень оскорбительности* – общеоценочные единицы без стилистической маркированности в виде помет (такие лексемы внутри тематической группы «умственные способности человека» отсутствуют).

2. *Средняя степень оскорбительности* – лексемы, выражающие собственно интеллектуальные оценки и имеющие стилистические пометы «просторечное» и «разговорное»: *балбес, безмозглый, дебильный, дуб, дурак, колпак, лопух, оболтус, олух, придурок*.

3. *Высокая степень оскорбительности* – разнооценочные единицы, маркированные пометами «пренебрежительное», «бранное»: *балда, бестолочь, болван, дубина, идиот, остолоп, пень*.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, иллюстрируют, что характер личностной оценки степени оскорбительности не всегда соотносим с лексикографической репрезентацией единиц в словарях. Так, например, лексема *болван* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет помету *бранное*, что характеризует ее как оскорбительную (обладающую высокой степенью оскорбительности), но при этом большинство респондентов указало, что данная лексема обладает низкой степенью оскорбительности. Или, например, лексема *дебильный* выражает собственно интеллектуальную оценку и имеет помету *разговорное*, что характеризует ее как оскорбительную (обладающую средней степенью оскорбительности), но подавляющее большинство респондентов указало на высокую степень оскорбительности данной лексической единицы.

В большинстве случаев респонденты указывают на низкую степень оскорбительности лексем, оценивающих умственные способности человека, что не соответствует их лексикографической репрезентации, поскольку ни одна из единиц, классифицированных по степени проявления признака, не

была отнесена к группе «низкая степень оскорбительности». Полученные результаты показывают, что экспериментальное определение оскорбительности не тождественно выделению шкалы инвективности по лексикографической характеристике.

III. Юридическая интерпретация лексических единиц, оценивающих умственные способности человека. Феномен оскорбления в юридической интерпретации соотносится с формой выражения и, как правило, не отражает реального речевого функционирования лексических единиц. Как уже было отмечено выше, в практике проведения судебных экспертиз частотен конфликт интерпретаций, отражающий отсутствие единых критериев установления оскорбительного характера конкретных единиц.

Для иллюстрации данного положения проанализируем материалы двух реальных судебных дел по статье 5.61. КоАП РФ «Оскорбление», в которых встречаются лексемы, оценивающие умственные способности человека.

Материалы дела: *истец Е. В. пояснила в суде, что она находилась на рабочем месте в отделении почты, куда пришел ответчик В.А., чтобы отправить ценную посылку сыну в армию. При оформлении посылки она обнаружила в ней пустоты, которых по правилам не должно быть, так как посылку могут вернуть в пути следования. Она отказалась принимать посылку, объяснив ответчику, что нужно в посылку что-нибудь доложить, чтобы заполнить пустоты. В ответ на это ответчик закричал, обращаясь к ней: «Ты что больная на всю голову, я что буду каждую печенюшку перекаладывать, дебилка, сидишь мне улыбаешься!» [12].*

По данному делу мировой судья приходит к выводу, что выражения «больная на всю голову», «дебилка» являются литературно приемлемыми, умышленного унижения чести и достоинства истца в действиях ответчика не усматривается. Постановление было обжаловано прокурором, который доказывает, что анализируемые выражения, исходя из доминирующих в обществе предписаний морали, не могут являться литературно приемлемыми, вследствие чего было установлено, что оскорбление выражается в неприличной форме. Итоговое решение принимает второй привлечённый к делу судья, который соглашается с выводами первого судьи о том, что ответчик употребил в своей речи литературно приемлемые выражениями. Судья апеллирует к тому, что слово «дебилка» указано в словаре С. И. Ожегова, выражения «больная на всю голову», «дебилка» являются литературно приемлемыми. Никаких нецензурных выражений, что могло бы свидетельствовать о неприличной форме оскорбления, в адрес истца ответчик не высказывал. Опираясь на данную характеристику, судья принимает решение об отсутствии факта оскорбления и невиновности ответчика.

Представленный анализ показывает, что юридические решения базируются, с одной стороны, на общенравственных принципах, с другой стороны,

на базовых представлениях о структурированности литературного языка, так как «органы правосудия нередко вынуждены произвольно толковать весь набор необходимых терминов» [6: 195].

Следует отметить, что для рассмотрения приведенного дела, явно имеющего речевые основания, не привлекался лингвист-эксперт. Между тем, как представляется, его заключение тоже могло не дать чёткого ответа на вопрос о наличии речевого оскорбления. В случае использования традиционной лексикографической методики специалист-лингвист столкнулся бы с неоднозначной характеристикой рассматриваемых единиц в разных лексикографических источниках. Так, если в словаре ненормативной лексики слово *дебил(ка)* сопровождается пометами *просторечное* и *пренебрежительное*, то в академическом словаре данное слово имеет одну помету – *просторечное*. Выражение же «больная на всю голову» вообще не представлено ни в одном словаре.

Безусловно, эксперты должны учитывать тот факт, что человек чувствует себя оскорбленным не по нормативным пометам в словарях, а по тем оценкам, которые ассоциируются с данными словами в обществе. С целью иллюстрации данного положения нами было проведено анкетирование, участники которого ответили на вопросы, касающиеся оскорбительного характера выделенных слов:

1. Является ли слово «дебилка» и выражение «больная на всю голову» оскорбительными?
2. Носит ли данное высказывание оскорбительный характер: «Ты что, больная на всю голову, я что буду каждую печенюшку перекладывать, дебилка, сидишь мне улыбаешься!»?

Причиной подобной формулировки вопросов является форма выражения: первый вопрос направлен конкретно на установление оскорбительности слов вне контекстуального употребления; фраза, представленная во втором вопросе, предполагает анализ с учетом контекстуального окружения. Как представляется, форма вопроса является одним из факторов, определяющих характер интерпретации оскорбительности.

Большая часть респондентов (74 %) считает все представленные слова и выражения оскорбительными с точки зрения общепринятых норм: *Все эти слова являются оскорбительными, так как несут в себе смысл крайне негативный, отражают личное отношение и имеют цель не отразить состояние кого-либо, а оскорбить и задеть чувства того, по отношению к кому сказано. Подобные слова используются в конфликтах и некультурных обществах.* Определенная часть информантов (19 %) руководствовалась скорее не общепринятыми нормами, а личным, индивидуальным восприятием: *«Дебилка» – это больше ласковое слово, чем оскорбление. «Больная на всю голову» не очень приятное слово; На мой взгляд, не оскорбительны, поскольку в большинстве случаев воспринимаются как шутка.* Небольшая

в количественном отношении группа опрошенных отмечает, что оскорбительность данных слов определяется ситуацией (6 %).

Обыденная интерпретация лексических единиц, попавших в зону судебного разбирательства, не совпадает с решением суда по поводу их оскорбительного характера. На уровне обыденного языкового сознания актуализируются смысловые компоненты, которые не учитываются при вынесении судебных решений и проведении лингвистических экспертиз (унижение, обида, несоответствие нормам культуры, неприемлемость использования, способность вызывать ответную реакцию и т. д.). Подобные результаты позволяют утверждать, что при вынесении судебных решений нельзя не учитывать реальное функционирование и восприятие лексических единиц, имеющих оскорбительный характер. Поэтому, по нашему мнению, только комплексный анализ, основанный на семантической, лексикографической и функциональной характеристиках позволяет прийти к объективному выводу относительно оскорбительного характера лексических единиц.

Выводы. Представленное исследование иллюстрирует возникновение конфликта интерпретаций при проведении судебной лингвистической экспертизы. Представителям юридической сферы нужны объективные (лучше всего формальные) признаки факта оскорбления, которыми, как правило, являются пометы в словарях. Между тем эксперт-лингвист не может действовать без оглядки на юридическое толкование термина и судебные прецеденты: в противном случае его работа будет бессмысленной. Данное положение актуализирует общественную необходимость выработки единых оснований для юрислингвистической практики.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука. 592 с.
2. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под редакцией Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика–3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С.14–29.
4. Голев Н.Д. От редактора. Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы. // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. С. 6–14.
5. Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики:

72 | материалы Международной научной конференции: сборник. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2003. С. 92–98.

6. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

7. Жельвис В.И. «Оскорбление» или «обида»: попытка дискриминации // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 155–162.

8. Коряковцев А.В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. Кемерово, 2009. 179 с.

9. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 316 с.

10. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.

11. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. 328 с.

12. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: udact.ru/ (дата обращения: 20.10.2018).

13. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка / под ред. Д.И. Квеселевича. М.: Астрель, 2005. 1024 с.

14. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.

15. Честь, достоинство деловая репутация: журналистика и юриспруденция в конфликте (Результаты исследования и материалы конференции). М., 1998. 236 с. (Серия Журналистика и закон).

E. V. Kishina

VARIABILITY OF INTERPRETATION OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION

Abstract: the article raises the problem of the lack of uniform methodological grounds for conducting forensic linguistic examination. The analysis of the lexical units organizing the lexical-thematic group “human mental abilities” illustrates the variability of the interpretation of the “insult” phenomenon from the position of a linguistic expert, legal, and everyday interpretation.

Keywords: legal linguistics, forensic linguistic examination, variability of interpretation.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОСКОРБИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье с помощью дискурс-анализа мы предлагаем собственный алгоритм интерпретации текстов или высказываний на предмет обнаружения в них с помощью словарей информации оскорбительного характера.

Ключевые слова: дискурс-анализ, лингвистическая экспертиза, оскорбительный, интерпретация.

Дискурс-анализ понимается нами как совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний, продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в определенных обстоятельствах и конкретных условиях. В рамках такого вида анализа возможно разработать и внедрить алгоритм интерпретации текстов или высказываний на предмет содержания в них информации оскорбительного характера.

Общая методика дискурс-анализа всегда воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от контент-анализа способна выявить не только эксплицитные и отчетливо фиксируемые текстовые данные, но и скрытые, латентные смыслы сообщения.

Алгоритм дискурс-анализа складывается из следующих этапов исследования: дескрипция, реконструкция, интерпретация.

Программа эмпирических исследований в рамках дискурс-анализа выглядит следующим образом:

- фиксация изучаемого материала; выделение его формальных характеристик;
- обозначение контекста как коммуникационной ситуации; выбор направления и стратегии анализа;
- теоретическое дифференцирование и структурирование этапов исследования;
- определение техники и средств анализа при использовании конкретной модели исследования;
- дефиниции единиц анализа; проверка системы категорий в теории и на эмпирическом материале;

- осуществление основных этапов исследования;
- фиксация результатов исследования, их обобщение, истолкование и структурирование [4].

В последнее время много обращений представителей министерств и ведомств в адрес руководства организаций высшего образования с просьбой провести лингвистическую экспертизу представленных материалов на предмет наличия в них лексики и фразеологии оскорбительного характера.

Мы разработали и утвердили на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации схему проведения лингвистической экспертизы, основанную на методике дискурс-анализа А. Я. Сарна, опираясь на статью 27.4 Кодекса ПМР об административных правонарушениях (текущая редакция по состоянию на 23 августа 2018 года) и на статью 169 Уголовного кодекса ПМР (текущая редакция по состоянию на 27 июля 2018 года):

Лингвистическая экспертиза

по материалам уголовного дела № УКАЗЫВАЕТСЯ НОМЕР

Управления следственного комитета г. ГОРОД,

проведенная согласно постановлению о назначении лингвистической
экспертизы от ДАТА МЕСЯЦ ГОД

доц.ом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации фи-
лологического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко

ФАМИЛИЯ ИМЯ ОТЧЕСТВО (ПОЛНОСТЬЮ)

ученая степень – канд. филол. наук

Данные о производстве лингвистической экспертизы:

дата – ЧИСЛО МЕСЯЦ ГОД

место – ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

Основания производства экспертизы:

постановление Управления следственного комитета г. ГОРОД о назначении
лингвистической экспертизы от ЧИСЛО МЕСЯЦ ГОД

Должностное лицо, назначившее экспертизу:

Следователь УСК г. ГОРОД, ЗВАНИЕ, ФАМИЛИЯ, ИНИЦИАЛЫ

Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии
со статьей 303 Уголовного кодекса Приднестровской Молдавской Республики
предупрежден:

Эксперт _____ ФАМИЛИЯ ИМЯ ОТЧЕСТВО

Вопросы (в соответствии с Постановлением):

1

2

3

.....

Объекты исследований и материалы, представленные для производства лингвистической экспертизы:

- постановление о назначении лингвистической экспертизы
- лазерный диск в бумажном конверте (НАПРИМЕР)
- копия протокола осмотра видеозаписи ДАТА на КОЛИЧЕСТВО листах

Фактические данные:

ВЫПИСЫВАЮТСЯ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОПРОСАМ (ПОСТАНОВЛЕНИЯ), КОТОРЫЕ БУДУТ ПОДВЕРЖЕНЫ АНАЛИЗУ

Данные словарей:

УКАЗЫВАЮТСЯ АНАЛИЗИРУЕМЫЕ ЛЕКСЕМЫ И ПРИВОДИТСЯ ИХ СЛОВАРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Источники

УКАЗЫВАЮТСЯ ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ СЛОВАРЕЙ

*ЕСЛИ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ СЛОВАРИ ОДНОГО ОНЛАЙН ИСТОЧНИКА, МОЖНО УКАЗАТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ:

Источники (использован электронный ресурс <https://dic.academic.ru>)

Анализ языковых средств (в соответствии с письменным текстом, оформленным в протоколе)

Вывод

По нормативности

По стилистической отнесенности

По морально-этическому критерию (допустимости в общественном месте)

Ответы на вопросы (согласно Постановлению):

1 ВОПРОС ПЕРЕПИСЫВАЕТСЯ СНОВА

ОТВЕТ

2 ВОПРОС

ОТВЕТ

3 ВОПРОС

ОТВЕТ

На основании проведенного исследования материалов уголовного дела № НОМЕР Управления следственного комитета г. ГОРОД, проведенного согласно постановлению о назначении лингвистической экспертизы от ЧИСЛО ДАТА ГОД

установлено:

1.

2.

3.

...

Эксперт _____ ФАМИЛИЯ ИМЯ ОТЧЕСТВО канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

продукцию побыстрее распространить в Интернете. На это и рассчитывают авторы такой видеопродукции. Главная цель видеороликов – публичное оскорбление, создание негативного общественного мнения, подрыв престижа государства и правящей власти в глазах окружающих.

Композиция таких видео типична – это видео-реплики «автора» ролика в виде фото-, аудио- и видеофрагментов, выполняющих функцию комментариев высказываний представителей власти.

Об авторе можно говорить условно. Обычно в титрах ролика, если они есть, автор не указан, бывают разные пользователи соцсети в своих собственных заметках размещают одинаковые видео; еще труднее приходится устанавливать авторство, когда видеороликом делятся по цепочке. Тем не менее с помощью специальных обращений к интернет-провайдерам возможно найти того, кто изобрел этот продукт.

Этот первый – назовем его автором – в своих видеороликах обходится без обращений к аудитории, а рассчитывает на то, что нарезка из известных фильмов, мемы, смайлы с неприличными жестами, озвучка видеоряда с представителем власти с помощью аудиопродуктов с политическим подтекстом «не потянет» на оскорбление.

Известно и нам, и создателям подобных видео, что именно установление в результате лингвистической экспертизы факта оскорбления представителя власти, особенно президента, председателя правительства и других высокопоставленных лиц приводит к уголовному наказанию.

В Приднестровье это статья 316-1, которая гласит, что публичное оскорбление президента ПМР при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением теперь наказывается штрафом в размере от 350 до 700 расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо исправительными работами на срок от 1 до 2 лет, либо же лишением свободы до 5 лет – действует с 15 апреля 2019 г.)

Если посмотреть на содержание ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях ПМР, где дается расшифровка понятия «оскорбление», то мы увидим, что закон различает *простое оскорбление* – т. е. «унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме», и *публичное оскорбление*, т. е. «простое оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» [8].

Разъяснения по поводу оскорбления с юридической и лингвистической точки зрения мы находим в работе Стернина И.А., Антоновой Л.Г., Карпова Д.Л., Шамановой М.В. «Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста» [6: 30].

По мнению этой группы исследователей, «юридическое оскорбление» предполагает факт унижения чести и достоинства гражданина; унижение чести и достоинства человека осуществляется в неприличной форме.

Лингвисты с помощью лексико-семантического и контекстуального анализа предпринимают попытку установить факт оскорбления, если данные словарей и контекст действительно подтверждают требования, обозначенные юристами.

В процессе анализа наличия негативной информации в адрес представителя власти, установление ее адресного характера превращают простое оскорбление, которое Уголовным кодексом ПМР карается в меньшей степени, в публичное оскорбление – с более строгим наказанием за содеянное.

И тогда потенциальные авторы материалов для публичного оскорбления придумывают всяческие уловки, например, не дают собственных прямых оценок личности представителя власти и его деятельности, а маскируют эти оценки за т. н. фото-, аудио- и видеофрагментами саркастического характера, выполняющими функцию комментариев высказываний представителей власти дабы избежать уголовной ответственности.

Сарказм — это насмешка, которая может открываться позитивным суждением, но в целом всегда содержит негативную окраску и указывает на недостаток человека, предмета или явления, то есть того, в отношении чего происходит. Как и сатира, сарказм заключает в себе борьбу с враждебными явлениями действительности через осмеяние их [9].

Сарказм – это действительно не оскорбление, хотя основанные на сарказме слова и обороты речи негативно характеризуют человека, его личностные качества и поступки и уголовно не наказуем.

Для признания факта лингвистического оскорбления необходимо удовлетворение следующих условий:

1. использованные слова и выражения, фото или видео принадлежат к оскорбительной (грубой) лексике или знаку-символу, то есть являются вульгарными, бранными или нецензурными;
2. оскорбительная лексика использована в адрес конкретного потерпевшего;
3. оскорбительная лексика использована в общественном месте, публично, при свидетелях [6: 30].

Опираясь на критерии юридического и лингвистического оскорбления, обращаем внимание, что для полноты анализа лингвист-эксперт обращается еще и к семиотическому толкованию, особенно, когда в материале минимален или отсутствует текст. На основе этого вида анализа также можно установить факт оскорбления.

Приведем некоторые примеры из наших лингвистических экспертиз:

– демонстрация негативного отношения к ходу переговорного процесса между Приднестровьем и Республикой Молдова;

– видеозипод с демонстрацией пинка под зад в ответ на слова диктора о том, что представители России, Украины, ОБСЕ, ЕС и США придадут импульс переговорному процессу;

– фотография с изображением представителя власти со звездой фирмы «Шериф» на голове в виде короны. Выражение «с короной на голове» носит неодобрительный характер и является оскорбительным.

Корона, короны, ж. [латин. *corona*]. 1. Металлический головной убор с драгоценными украшениями, являющийся знаком монархической власти. Императорская корона. Царская корона. || Изображение этого предмета на гербах царских, дворянских и т. п. Графская корона. 2. перен. Власть монарха (книжн.). Отказаться от короны. || Государство (монархическое; устар.). Владения польской короны. 3. Венок, венец (поэт.). Корона из роз. 4. Светлый ореол вокруг солнца, видимый во время солнечного затмения (астр.). Солнечная корона. 5. У деревьев – то же, что крона (бот.) [1].

С короной на голове. Жарг. мол. Неодобр. О человеке, который ведет себя вызывающе, заносчиво [2].

Приведем примеры саркастических слов и выражений из нашей экспертной практики, которые при всей их злобной насмешке нам трудно назвать оскорблениями.

1. Фрагмент № 1 – картинка с изображением Иисуса Христа и с озвучкой «Никто ничего никому не должен» как комментарий к словам представителя власти: «В нас должны инвестировать денежные средства любые инвесторы. Нами должны интересоваться».

2. Фрагмент № 2 – выступление Президента Республики Молдова И. Додона в программе «Главный вопрос» NTV Moldova (прямой эфир: 26 дек. 2018 г.): «Дорогие наши приднестровцы! Независимости не будет никогда!» – как комментарий к словам Президента ПМР: «И следующий, конечно, этап – получение специального статуса».

3. Фрагмент № 3 – эпизод из фильма «12 стульев» (смех, освистывания во след уходящим с аукциона Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову и высказывание Кисы Воробьянинова: «Возмутительные порядки!») как иллюстрация к ответу на вопрос журналиста К. Топалова (ТСВ) о выступлении представителя ПМР в ООН.

4. Фрагмент № 4 – аудиозапись, песня И. Талькова «Враг народа» как озвучка видеоряда, составленного из монтажа с изображением одного из представителей власти, кадра с митинга пенсионеров с транспарантом «Зарплаты и пенсии не хватает на жизнь», кадра из зала служебных заседаний также носит оскорбительный характер.

Он всё кричал, что новый мир построит,

Он был ничем, но так хотел быть всем.

Мечта сбылась: он мир себе устроил,

*А что до всех – он сделал всех ничем.
Гнила в тюрьме беззубая свобода,
А он ее с трибун перевозносил
И так ушел от своего народа,
Как ни один монарх не уходил.*

В речевом и визуальном планах видеоролика содержится негативная информация об одном из представителей власти Приднестровской Молдавской Республики.

Данный эпизод носит адресный характер, так как содержит в себе текстовое сопровождение видеоряда с изображением высокопоставленного чиновника. Местоимения *он, себе* носят указательный характер, глаголы в прошедшем времени *кричал, сбылась, сделал, хотел, был, устроил* говорят о совершенном действии.

Из содержания озвучки вытекает, что негативная информация касается отношения автора ролика к деятельности представителя власти.

Изначально песня была написана И. Тальковым о В.И. Ленине, но изображение другого представителя власти и метафорическое название песни «Враг народа» меняют ее адресный характер и строки песни становятся оскорблением.

Другой пример оскорбления – фрагмент из кинофильма «Корона Российской империи», комментирующий эпизод с танцем высокопоставленного представителя власти и его жены:

– И все-таки, месье Дюк, неужели нельзя было найти более подходящих людей? Они же законченные кретины!

– Мой юный друг! Вы не оцениваете ситуацию. Они верят в то, что играют.

Данный эпизод носит адресный характер, так как следует как комментарий к предыдущему кадру видеоряда с изображением танцующих представителя правящей партии и его жены. Местоимение *они* в конструкциях *Они же законченные кретины!* и *Они верят в то, что играют* носит указательный характер, использование настоящего времени глаголов говорят о постоянном состоянии крестинизма и перманентных «театрализованных, ниагранных» действиях.

По данным лингвистических словарей представленная на экспертизу информация носит ненормативный характер, в комментариях к изображениям чиновника найдена обценная (ненормативная, бранная) лексика в высказывании «*Они же законченные кретины!*»

Законченный (-ая, -ое).

См. тж. *законченно, законченность*.

1) Обладающий целостностью, полнотой; завершенный. 3-ая мысль.

2) Достигший полноты проявления свойств, качеств, совершенства в каком-л. деле, искусстве и т. п.

3-ое изящество форм и линий.

Закóнченный образец классической поэмы.

3) только полн. О качествах, свойствах человека; полный, совершенный.

Закóнченный мастер, художник (вполне сформировавшийся, зрелый)

Закóнченный негодяй, подлец (неисправимый, безнадежный, отпетый) [5].

Кретин

I м. Тот, кто страдает кретинизмом.

II м. 1. разг.-сниж.

Глупый, тупой человек.

2. Употребляется как порицающее или бранное слово [3].

Кретин (а), м., одуш. (нем. Kretin < фр. crétin < chrétien букв. невинный, безгрешный).

1. мед. Тот, кто страдает кретинизмом.

2. разг. бран. Тупица.

Кретинский (разг.) — свойственный кретины, кретинам.

|| Ср. дебил, дегенерат, идиот [7].

Из содержания эпизода вытекает, что негативная информация лежит в основе отношения автора ролика к деятельности правящей власти.

Первоначально по сюжету кинофильма «Корона Российской империи» речь шла о борьбе за царский престол между двумя претендентами-самозванцами, автор видеоролика сознательно меняет адресный характер эпизода фильма.

Высказывания, содержащиеся в представленных на исследование материалах видеоролика, носят оскорбительный характер во фрагментах можно указать на оскорбительность фразы *Они же законченные кретины!* в отношении известного представителя власти и его супруги и оскорбительной считаем иллюстрацию к фразеологизму *С короной на голове* с изображением звезды на голове высокопоставленного чиновника, содержащую неодобрительную оценку автора видеоролика личности и деятельности представителя власти.

Как видим, установление степени оскорбительности в высказываниях анализируемого лица определяет степень наказания лица за высказывания оскорбительного характера по отношению к другому лицу, поэтому дискурс-анализ крайне важен при проведении лингвистической экспертизы.

В этом отношении нам близка и понятна позиция голландского исследователя Т.А. ван Дейка, создателя ситуационной модели дискурс-анализа, рассматривавшего процессы коммуникационных взаимодействий не как жёстко алгоритмическую, но как гибкую стратегическую процедуру.

Отталкиваясь от разработок в области грамматики текста, прагматики дискурса и когнитивного моделирования коммуникации, Ван Дейк исследует специфику функционирования языка в средствах массовой информации с учётом таких социальных факторов, как мнения, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность [4].

Ситуационная модель дискурс-анализа поможет лингвистическому эксперту верно определить факт наличия слов и выражений оскорбительного характера даже в тех материалах, где оскорбление имплицитно.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов. М.: ИДДК, 2007.
2. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М: Олма Медиа Групп, 2007.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Сарна А.Я. Дискурс-анализ // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232>
5. Словарь многих выражений. 2014 [Электронный ресурс]. – URL: http://all_words.academic.ru (дата обращения: 12.08.2019).
6. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
7. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М.: Русский язык, 1998.
8. <http://justice.idknet.com/>
9. <https://dic.academic.ru>

N. V. Krivoshapova

FEATURES OF DISCOURSE ANALYSIS OF OFFENSIVE STATEMENTS IN TERMS OF LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract: in the article with the help of discourse analysis perhaps we offer our own algorithm of interpretation of texts or statements for detection in them with the help of dictionaries of information of offensive nature.

Keywords: discourse analysis, linguistic expertise, offensive, interpretation.

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПРОПАГАНДИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты анализа юмористических материалов, в том числе пропагандистской направленности, которые обусловлены их сущностными характеристиками.

Ключевые слова: юмор, прецедентные феномены, эффект «обманутого ожидания», лингвистическая экспертиза.

В данной статье под материалами юмористического характера понимаются информационные материалы, обладающие специфическими характеристиками, способствующими возникновению комического эффекта. Подобное обобщенное и несколько размытое понимание обусловлено тем обстоятельством, что в лингвистике и литературоведении обычно разграничиваются такие явления как юмор, сатира и ирония. Так, авторы монографии «Юмор и ирония в политическом дискурсе», отмечают, что «в литературоведении издавна закрепились трактовка юмора как формы комического, противопоставленной сатире» [10: 10], причем основой данного противопоставления является способ изображения объекта осмеяния. Этот же критерий используется и при определении иронии, однако «литературоведение, как правило, слабо дифференцирует понятия “ирония” и “сатира”» [Там же. С. 15]. Юмор понимается как наиболее мягкая по отношению к объекту изображения форма комического, «добродушный смех с серьезной подоплекой» [6: 623]. Другим дифференцирующим признаком рассматриваемых феноменов является цель субъекта, однако возможность четкого разграничения на основании обозначенного параметра осложняется тем, что помимо юмора, сатиры и иронии приходится рассматривать такие явления как насмешка, острота, издевка и под. Сообразно данным обстоятельствам, в настоящей работе понятие «юмор» и, соответственно, понятие «юмористический» используются не в терминологическом, а в максимально широком, обобщенном значении, выступая в качестве характеристики разнообразных информационных материалов, которая инициирует возникновение определенной реакции на эти материалы у адресата, т.е. обуславливает возникновение комического эффекта.

В основе юмора лежит какая-то странность, алогичность, несоответствие, выраженное с помощью языковых средств, которое реципиент в состоянии воспринять и интерпретировать [1; 7]. Стоит уточнить, что в данном случае речь идет о комических произведениях (в широком смысле этого слова), появление которых обусловлено осознанным стремлением субъекта, иными словами, ситуативно обусловленные комические действия, какие можно увидеть, например, в фильмах с Ч. Чаплиным, основаны на несколько других, неязыковых механизмах.

Рассматривая феномен юмора, Д. В. Казакова отмечает, что «механизм восприятия комического эффекта заключается в резком переключении хода мыслей из одного ассоциативного контекста в другой с помощью триггера – лексического сигнала, в результате которого возникает бисоциативный шок, что проявляется в смехе» [3: 78]. Кроме того, «должен присутствовать некий аспект, который заставляет нас оценивать стимул как несерьезный или несущественный, по крайней мере на мгновение вводя нас в игривое состояние сознания» [7: 26]. Однако идентифицировать подобные триггеры (стимулы), равно как и составить полный их перечень, достаточно сложно, поскольку они определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Так, «нейтральные» и часто используемые в обыденной речи лексемы в определенной ситуации могут быть обыграны, превратившись в шутку, насмешку или остроумное замечание. Таким образом, превращение языковых единиц в триггеры оказывается под влиянием параметров коммуникативной ситуации (адресата, его состояния, отношения к адресанту, условий коммуникации и т. д.).

По замечанию М. Б. Мечковской, «поскольку в филогенезе сознания не было прототипической содержательной категории смешного, то между “смешным” и “несмешным” не существует объективной границы; не бывает также и “универсально смешного”» [8: 144]. Сообразно этому, одно и то же сообщение разными реципиентами будет воспринято по-разному: одним как юмористическое, вторым как не юмористическое. Соответственно, возникновение «юмористического эффекта» крайне индивидуально и, более того, зависит от ряда условий. «Основными условиями появления юмористического эффекта (и комического эффекта в общем) являются: 1) наличие у адресата определенных знаний о мире как языкового, так и неязыкового характера, 2) отсутствие негативных ощущений (например, физической боли), переживаний и аффектов (например, тревоги, депрессии, обиды, гнева, ужаса и т. п.), которые могут подавлять переживание комического. Кроме этого, важно также отсутствие предубеждений, личных антипатий по отношению к адресанту, отрицательных ассоциаций, возникновение которых может быть вызвано сообщением, ситуацией. Все эти моменты являются препятствием для комизма» [1: 19]. Стоит также отметить, что юмор во многом определяется социально-культурными

нормами, которые накладывают ограничения на темы, рассматриваемые как уместные для шуток [7], что, тем не менее, не является препятствием для возникновения произведений и материалов, относящихся к «черному юмору».

В своей работе «Психология юмора» Д. Мартин обосновал несколько психологических функций рассматриваемого феномена, которые можно обозначить как *воздействующая, маскировочная, идентифицирующая и функция снятия психологического напряжения*.

• *Воздействующая*: «Когда люди участвуют в юмористических контактах в повседневной жизни, они часто руководствуются определенным (возможно, неосознанным) намерением или преследуют социальную цель, выходящую за рамки простой забавы и развлечения» [7: 38]. Как правило, цель заключается в оказании влияния на собеседника, причём это влияние можно рассматривать не только в рамках диалогического общения, реализуемого при повседневных контактах с окружающими, но и в аспекте единовременного (опосредованного или не опосредованного) взаимодействия с неограниченным кругом реципиентов. Именно высоким воздействующим потенциалом объясняется то обстоятельство, что юмористические материалы часто используются в пропаганде для оказания влияния на массового адресата [10], что подчеркивалось исследователем: «Юмор ... часто используется политическими деятелями, религиозными лидерами, пропагандистами и преподавателями в речах, проповедях и выступлениях» [7: 31].

• *Маскировочная*: «Поскольку юмор предполагает игру с несоответствиями и противоречивыми идеями, в также одновременно передает различные значения, он является особенно полезной формой коммуникации в ситуациях, где более серьезный и прямой способ общения рискует быть слишком конфронтационным, потенциально смущающим или иным образом опасным» [7: 38]. Соответственно, юмор может использоваться как средство маскировки коммуникативного намерения адресанта и, кроме того, служит оправданием и защитой от негативной реакции в случае коммуникативной неудачи.

• *Идентифицирующая*: «Этот тип юмора позволяет членам группы укреплять чувство групповой идентичности и общности, подчеркивая их отличие от членов другой группы» [7: 39].

• *Функция снятия психологического напряжения* находит свое отражение в том обстоятельстве, что, стремясь избавиться от стресса, страха, чувства дискомфорта и беспокойства, люди часто высмеивают источник своих негативных переживаний (болезни, смерть, войну, насилие и т. д.).

Специфические особенности и функции юмора, отмеченные выше, определяют основную сложность анализа пропагандистских материалов юмористического характера, которая заключается в необходимости определения четких критериев дифференциации юмористических материалов и пропагандистских материалов, содержащих юмористический компонент.

Необходимо отметить, что в рамках проведения лингвистической экспертизы перед экспертом не ставится вопрос о квалификации информационных материалов как содержащих пропаганду. Однако достаточно часто возникает необходимость выявления основных компонентов пропаганды: признаков оправдания и/или обоснования определённых идей, взглядов, действий и т. п. В этом аспекте необходимость определения дифференциальных признаков отмеченных разновидностей информационных материалов становится принципиально важной.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример публикации из сообщества социальной сети «ВКонтакте»: визуальная составляющая представляет собой кадр из фильма «Молчание ягнят», а именно крупный план главного героя, Г. Лектера, роль которого исполнил актер Э. Хопкинс. Изображение сопровождается надписью: «*Единственный нормальный повар*». Восприятие смыслового содержания данной публикации, по аналогии с креолизованными текстами, основывается на интерпретации всех представленных компонентов. При этом, необходимо отметить, что визуальная часть является отсылкой к прецедентному персонажу, широко известному в массовой культуре. Соответственно, в сознании реципиента автоматически актуализируется информация о данной личности, в том числе и о его действиях, образе мыслей, характере и т. п. Персонаж Т. Харриса обладает высоким уровнем интеллекта, работал судебным психиатром и, что наиболее важно, был серийным убийцей и каннибалом. Апелляции к каннибализму в приведенном материале способствует использование лексемы «повар» в сопровождающей картинку надписи. Кроме того, характеризующим атрибутом при этом выступает лексема «нормальный», которую в данном случае можно рассматривать как способ выражения положительной оценки, т. е. одобрения, которое усиливается за счет использования интенсификатора «единственный».

Таким образом, смысл рассматриваемой публикации достаточно понятен. Однако будет ли правомерным и оправданным однозначный вывод о том, что в данном материале, посредством использования положительной оценки и изображения прецедентного персонажа, представлено одобрение каннибализма? Или же материал относится к черному юмору, а оценка распространяется только на героя художественных произведений?

Аналогичным образом возникает вопрос о том, как квалифицировать высказывания типа: «*И вот я решил и стал каннибалом. Пельменей теперь в моем доме навалом*», – или креолизованные тексты, подобные данному: визуальная составляющая представлена изображением разделяющего человеческую руку Г. Лектера из сериала «Ганнибал», а вербальная – надписью: «*Каждый уважающий себя мужчина должен уметь готовить*».

Комический компонент описанных материалов основывается на нарушении социальных предписаний, поскольку каннибализм является деструктивной

практикой, табуированной с точки зрения морально-этических, религиозных и законодательных норм. Однако нарушение социальных норм является основной «черного юмора», который, пусть и порицается в отдельных ситуациях, но, в общем, является допустимым.

К «черному юмору» можно отнести и следующие высказывания, найденные в сообществах социальной сети «ВКонтакте»:

• *«Всех моих женщин можно пересчитать по пальцам. У каждой отрезал указательный»;*

• *«Больше всего я боюсь, что, когда ко мне в дом кто-то вломится, я не смогу решить, из какого оружия его пристрелить»;*

• *«Хотел тайно вынести из квартиры труп в футляре контрабаса, но не сложилось»;*

• *«Я пошел в сад и с ужасом увидел, что моя жена лежит на газоне. Чертова собака опять ее откопала»;*

• *«Вокруг меня целая куча хороших людей, одна беда, где их закопать?»;*

• *«Не разбивайте никому сердце, у всех оно только одно. Ломайте кости – их 206»;*

• *«Он мне сказал, что борщ невкусный,*

Рубашки плохо глажу я...

Какой тяжелый человек был,

Как до реки бы дотащить?».

В приведенных примерах реализован один из главных механизмов юмора – эффект обманутого ожидания, определяемый как «особый прием, который является одним из проявлений стилистического использования категории установки на читателя» [5: 91]. По мнению И. В. Арнольд, этот эффект основывается на нарушении линейности и непрерывности речи [5], в которой восприятие каждого последующего явления подготовлено предыдущим.

Обозначенный эффект может усиливаться за счёт использования разнообразных прецедентных феноменов:

• *«Это я, почтальон Печкин, принес записка от вашего мальчика»;*

• *«Не откладывай в подвал того, кого можно похоронить сегодня»;*

• *«Терпение и труд – и труп не найдут»;*

• *«Уходя, гасите свидетелей»;*

• *«Сделал дело – спрятай тело»;*

• *«Я рисую на асфальте белым мелом контур Кати»;*

• *«Маленькая страна, маленькая страна, кто мне расскажет, кто подскажет, куда прятать остальные трупы?»;*

• *«Ты впускаешь людей в свой космос, а они сбивают твои планеты с орбиты. Ты впускаешь людей в свое море, а они убивают твоих рыб. Ты заталкиваешь их разрубленные тела в шкафы, а они вываливаются в тот момент, когда следователь уже почти ушел».*

Представленные примеры являются трансформированными высказываниями, отсылающими к произведениям массовой культуры (мультфильмам, песням) или фольклора (поговоркам и пословицам). И если первые можно рассматривать как шутки на неприемлемую тему, то вторые, за счёт жанровых особенностей текстов, лежащих в их основе, можно интерпретировать как содержащие компонент побуждения, демонстрации определенного образа действия, «образца для подражания». Однако можно ли однозначно квалифицировать подобные материалы? Они, по самой своей сути, подразумевают двусмысленность, возможность альтернативных интерпретаций, поскольку являются юмористическими произведениями. И если эта квалификация возможна, то как доказать её правильность, как аргументировать, что именно эта интерпретация является единственно допустимой и верной? Кроме того, необходимо учитывать и рассмотренные выше функции юмора, которые находят отражение в соответствующем коммуникативном намерении автора. Так, автор может использовать произведения, относящиеся к «чёрному юмору», чтобы снять психологическое напряжение, или же, размещая изображение прецедентного персонажа, дифференцировать аудиторию на «своих» и «чужих» (понявших и не понявших шутку, например, про Г. Лектера). С другой стороны, юмор может использоваться для маскировки пропагандистской направленности материалов. Соответственно, возникает необходимость разработки критериев, на основании которых можно было бы определить и обосновать доминирующую коммуникативную установку.

С учётом данных обстоятельств, целесообразно вспомнить положения ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, *дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов* на базе общепринятых научных и практических данных» [9]. Трудностью соблюдения требований, содержащихся в данной статье, заключается в том, что восприятие юмора, как отмечалось выше, крайне субъективно и зависит от множества факторов как языковой, так и неязыковой природы. Соответственно, вполне возможно, что эксперты будут квалифицировать подобные материалы по-разному. Ситуация также осложняется тем обстоятельством, что в настоящий момент нет четких методических рекомендаций относительно анализа информационных материалов рассматриваемого типа. Это влечет за собой тот факт, что экспертам приходится разрабатывать индивидуальный подход к анализу данных материалов, что, в свою очередь, нарушает требования вышеприведенной статьи.

Кроме того, целесообразно также отметить, что экспертные выводы зачастую можно подкрепить за счет результатов контент-анализа публикаций

сообщества, размещенного на базе социальной сети, но для этого у эксперта должна быть возможность проведения этого типа анализа, что бывает не всегда, так как для исследования может быть представлен отдельный материал, без ссылки на место его размещения.

В соответствии с приведенными выше соображениями, можно заключить, что анализ юмористических материалов и пропагандистских материалов юмористического характера является проблемной областью, требующей внимания со стороны экспертного сообщества. Наиболее ярким примером, свидетельствующим о важности и необходимости исследования и разработки четкой методики анализа этих материалов, является случай М. Дроздова, автора стихотворения «Еретичка», против которого 4 октября 2017 года было возбуждено уголовное дело по ч. 1 статьи 282 УК РФ. Впоследствии (в апреле 2018 года) дело было прекращено, поскольку следователь посчитал, что данный материал, в числе прочего, носит «ироничный характер» и не призывает к каким-либо действиям [2].

Литература

1. Болдырева А.Е. Когнитивный механизм создания юмористического эффекта // Записки з романо-германської філології. Одеса: Фенікс. Вип. 19. 2007. С. 15–23.

2. В Краснодаре прекращено дело поэта Максима Дроздова о возбуждении ненависти к атеистам // Медиазона, 23.04.2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://zona.media/news/2018/04/23/krs> (дата обращения: 15.09.2019).

3. Казакова Д.В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (26). Ч. II. Тамбов: Грамота, 2013. С. 77–80.

4. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник ТГПУ. 2017. № 10 (187). С. 9–14.

5. Леонтьева Т.И. Способы создания эффекта обманутого ожидания в литературном произведении // Труды Дальневосточного государственного технического университета. № 146. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2007. С. 91–94.

6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 788 с.

7. Мартин Р. Психология юмора / пер. с англ.; под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.

8. Мечковская Н.Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 140–153.

9. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Система «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL:

90 | <http://base.garant.ru/12123142/31de5683116b8d79b08fa2d768e33df6/> (дата обращения: 15.09.2019).

10. Юмор и ирония в политическом дискурсе: монография / Н.Б. Руженцева, Е.В. Шустрова, М.Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 253 с.

A. A. Kuznetsova

PROBLEMS OF ANALYSIS OF HUMOROUS PROPAGANDA MATERIALS

Abstract: The article discusses the problematic aspects of the analysis of humorous materials including propaganda, which are due to their essential characteristics.

Keywords: humor, precedent phenomena, effect of “deceived expectancy”, linguistic expertise.

СПОРНЫЙ ТЕКСТ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ VS СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация. Предлагается модель исследования спорного текста в синхронном и диахронном аспектах на примере гимна Краснодарского края со строками: «*На врага на басурманина Мы идем на смертный бой*». Анализируются этимология, значения, коннотации и круг денотатов (*турки-черкесы-мусульмане*) слова «басурманин» в зависимости от удаленности от историко-культурного контекста.

Ключевые слова: спорный текст, гимн; политический дискурс, историко-культурный контекст, «басурманин».

Проблема текста в юридической лингвистике имеет множество измерений: от идентификации автора до специфики политического, религиозного, бытового дискурсов в сфере лингвистической экспертизы, от лингвистических аспектов оскорбления личности, религиозных чувств, органов государственной власти до выявления призывов к экстремистским действиям и возбуждения ненависти и вражды.

Предлагаемый к рассмотрению спорный текст гимна Краснодарского представляет актуальную проблему помещения текста, имеющего культурно-исторический контекст и привязку к определенному месту и времени, в современное коммуникативное пространство с приданием ему политического аспекта. Анализируемый случай имеет не только правовое, но и этическое измерение – можно ли использовать потенциально конфликтогенный текст в качестве символа определенной территории, каким является гимн.

Народная песня «Ты, Кубань, Ты наша Родина» написана в 1914 году на русско-турецком фронте. Была посвящена казакам 1-го Кавказского казачьего полка в память их боевой славы в Первой мировой войне. Автор слов — полковой священник Константин Образцов.

Ты, Кубань, ты наша Родина

Ты, Кубань, ты, наша Родина,

Вековой наш богатый!

Многоводная, раздольная,

*Разлилась ты вдаль и вишь.
Из далеких стран полуденных,
Из заморской стороны
Бьем челом тебе, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Песню дружно мы поем,
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы, как дань свою покорную,
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.*

Историческая справка, размещенная на официальном сайте администрации Краснодарского края, сообщает, что «текст песни написан в виде приветственного послания, коллективного письма на Кубань. Казаки вспоминают «станцы вольные: родной отцовский дом» и бьются насмерть с «врагом-басурманином», чтоб жила их святая родина. ... В период гражданской войны она была официальным гимном Кубанской рады... В настоящее время песня олицетворяет собою Кубань» [1].

С момента утверждения в качестве гимна песня как минимум трижды была объектом исследования экспертов-лингвистов из-за строк: «*На врага на басурманина Мы идем на смертный бой*».

Согласно этимологическим словарям русского языка, слово *басурманин* образовалось от араб. *muslim* – *мусульманин* через посредство других языков, в которых начальный звук [м] перешел в [б] [2: 132–133, 160; 3: 18–19].

В современном русском языке анализируемое слово является производным, его внутренняя форма, то есть структурная связь с исходным *мусульманин*, не прослеживается.

Семантический анализ слова *басурманин* по данным широкого круга лексикографических источников показал, что ядро его лексического значения составляет сема «мусульманин», которая посредством ряда последовательных преобразований, расширяющих его обозначаемое, пополняется лексико-семантическими вариантами, созначениями: человек мусульманской веры →

человек иной веры, отличной от той, которую исповедует говорящий (как правило мусульманин, неправославный, нехристианин, иноверец), → человек не только иной веры, но и из иной страны (иноземец, чужестранец).

Так, выделены следующие группы значений слова *басурманин*:

– мусульманин

БАСУРМАН, а, м. В старину: иноземец, иноверец (**преимущ. о мусульманине**). // ж. басурманка, и. // прил. басурманский, ая, ое. [4: 35; далее также – Словарь Ожегова].

Басурманин — м. устар. то же, что басурман [5; далее также – Словарь Ефремовой].

Басурман — м. 1. устар. Человек иной **обычно мусульманской веры**; иноверец. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово [5].

БАСУРМАН, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собирает. неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиатца или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманская (бусурманская) трава, растение см. бодяк. Басурманство ср. басурманщина; состояние, вера басурмана; мусульманство, исламизм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом о), обращать в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские. Наши бары за морем басурманятся, а домой воротятся, свое и не любо... [6: 53; далее также – Словарь Даля].

БАСУРМАН, басурмана, муж. (устар.). Недоброжелательное обозначение **магометанина** (первонач. татарина), а также вообще иноверца, иноземца. // Бранное слово (прост., обл.) [7; далее также – Словарь Ушакова].

Басурман 1. Устар. и народно-поэт. Человек иной веры (**преимущественно о магометанине**). 2. Прост. устар. Употребляется как бранное слово. [Федосья:] Ты, басурман, сними шапку-то! / М. Горький. Последние/ [8; далее также – МАС].

БАСУРМАН, -а; мн. -мане и -маны, род. -ман и -ов; м. 1. Устар., неодобр. Человек иной веры (**преимущественно о мусульманине**); иноземец; иноверец. 2. Шутл. О чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребёнке. Опять босиком бегаешь, б.! <Басурманка, -и; мн. род. -нок, дат. -нкам; ж. Басурманский, -ая, -ое (1 зн.). Басурмански, нареч. [9; далее также – Словарь Кузнецова].

– иноверец

БАСУРМАН, а, м. В старину: иноземец, **иноверец** (преимущ. о мусульманине). // ж. басурманка, и. // прил. басурманский, ая, ое [Словарь Ожегова].

Басурман — м. 1. устар. **Человек иной** обычно мусульманской **веры**; **иноверец**. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово [Словарь Ефремовой].

БАСУРМАН, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собирает. **неверный**, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; **всякий** иноземца **иноверец**, в неприязненном значении, особенно азиатца или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманская (бусурманская) трава, растение см. бодяк. Басурманство ср. басурманщина; состояние, вера басурмана; мусульманство, ислаимзм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом *о*), обращать в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские. Наши бары за морем басурманятся, а домой воротятся, свое и не любо... [Словарь Даля].

БАСУРМАН, басурмана, муж. (устар.). Недоброжелательное обозначение магометанина (первонач. татарина), а также вообще **иноверца**, иноземца. || Бранное слово (прост., обл.) [Словарь Ушакова].

Басурман. 1. Устар. и народно-поэт. **Человек иной веры** (преимущественно о магометанине). 2. Прост. устар. Употребляется как бранное слово. [Федосья:] Ты, басурман, сними шапку-то! / М. Горький. Последние / [МАС].

БАСУРМАН, -а; мн. -мане и -маны, род. -ман и -ов; м. 1. Устар., неодобр. **Человек иной веры** (преимущественно о мусульманине); иноземец; **иноверец**. 2. Шутл. О чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребенке. Опять босиком бегаешь, б.! < Басурманка, -и; мн. род. -нок, дат. -нкам; ж. Басурманский, -ая, -ое (1 зн.). Басурмански, нареч. [Словарь Кузнецова].

Самым неожиданным и расширительным оказалось созначение, зафиксированное в Словаре Даля:

– нехристианин, неправославный

БАСУРМАН, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собирает. **неверный**, **нехристианин**; особ. мусульманин, **а иногда всякий неправославный**; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиатца или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманская (бусурманская) трава, растение см. бодяк. Басурманство ср. басурманщина; состояние, вера басурмана; мусульманство, ислаимзм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом *о*), обращать в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские. Наши бары за морем басурманятся, а домой воротятся, свое и не любо... [Словарь Даля].

Хотя данное значение фиксируется только Словарем Даля, оно поддерживается иными контекстами:

«Свою веру старообрядцы считают единственно правильной, непреложной истиной, а себя — истинными христианами. Реформы Никона считаются ложью, а их сторонники — **басурманами**, то есть нехристианами. Используемое слово, иноязычное по происхождению, подчеркивает отрицательное отношение к сторонникам реформ, их чуждость для староверов» [10].

«В речи диалектоносителей хорошо представлены взаимоотношения православного и старообрядческого населения. так, православные в оценке старообрядцев являются “**басурманами**”» [11].

Очевидно, что значение «всякий неправославный, в том числе православные с очки зрения старообрядцев» было актуально ко времени создания словаря, но утрачено в современном русском языке.

– иноземец

БАСУРМАН, а, м. В старину: **иноземец**, иноверец (преимущ. о мусульманине). // ж. басурманка, и. // прил. басурманский, ая, ое [Словарь Ожегова].

БАСУРМАН, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собирает. неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; **всякий иноземцы** иноверец, в неприязненном значении, особенно азиатца или турок. Басурманский, относящийся до басурмана. Басурманская (бусурманская) трава, растение см. бодяк. Басурманство ср. басурманщина; состояние, вера басурмана; мусульманство, исламизм, мохамеданство. Басурманить кого (более употреб. с предлогом о), обращать в мусульманство, в неверие; приучать к обычаям иноземным. Басурманиться, принимать веру или обычаи басурманские. Наши бары за морем басурманятся, а домой воротятся, свое и не любо... [Словарь Даля].

БАСУРМАН, басурмана, муж. (устар.). Недоброжелательное обозначение магометанина (первонач. татарина), а также вообще иноверца, **иноземца**. // Бранное слово (прост., обл.) [Словарь Ушакова].

БАСУРМАН, -а; мн. -мане и -маны, род. -ман и -ов; м. 1. Устар., неодобр. Человек иной веры (преимущественно о мусульманине); **иноземец**; иноверец. 2. Шутл. О чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребёнке. Опять босиком бегаешь, б.! <Басурманка, -и; мн. род. -нок, дат. -нкам; ж. Басурманский, -ая, -ое (1 зн.). Басурмански, нареч. [Словарь Кузнецова].

Словарь Ефремовой и МАС не фиксируют данное значение.

Данное значение поддерживается иными контекстами:

«Выводя свои исторические и культурные корни из Византии, допетровская Россия не видела себя частью Европы. Даже в XVII в. иноземцы, в т. ч. и **европейцы приравнивались к басурманам, т. е. иноверцам**. Первоначально позиционирование России вне Европы было естественным, т. к. Московская Русь вывела свои политические и культурно-религиозные корни из Византии» [12] (*выделено нами. – И.Н.*).

Изначальная негативная коннотация в ядре лексического значения может распространяться на все созначения (отмечено в Словарях Даля, Ушакова, Кузнецова), а также приобретать самостоятельный статус (отмечено в Словарях Ушакова, Ефремовой, МАС).

Шутливая коннотация «о чрезмерно шаловливом, озорном, непослушном ребенке», отмеченная Словарем Кузнецова, является маргинальной для данной структуры лексического значения.

Слово *басурманин* является устаревшим, архаизмом, его толкование сопровождается соответствующими пометами. Активно употребляемым синонимом слова *басурманин* является лексема *мусульманин*. Статус слова как устаревшего не влияет на его лексическое значение, более того, оно известно и понятно большинству говорящих: Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru] демонстрирует употребление слова *басурманин* в различных текстах – художественной литературе (от 19 века до современной), а также газетной публицистике.

В анализируемом тексте гимна Краснодарского края группе лиц *басурмане* приписываются негативные оценки:

во-первых, в значении слова *басурманин* присутствуют негативные коннотации, отмеченные специальными словарными пометами;

во-вторых, негативная оценка поддерживается контекстным окружением *На врага на басурманина Мы идем на смертный бой* (враг ‘тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-л.; противник’, ‘военный противник, неприятель’ [9], смертный (смертельный) бой ‘грозящий смертью, гибелью; не на жизнь, а на смерть’ [9]).

Отмечаем, что в данном контексте слово *басурманин*, употребленное в форме единственного числа, имеет значение множественного, концептуализирует обозначаемое лицо как вид (см. об этом [13: 33–35]).

При этом противопоставлены две группы лиц, объединенные по конфессиональному признаку (*басурмане*) и по признаку сословной или территориальной принадлежности (*мы, верные сыны Кубани* = казаки):

Ты, Кубань, ты, наша Родина, ...

Бьем челом тебе, родимая,

Твои верные сыны.

... О тебе здесь вспоминаючи,

Как о матери родной.

На врага на басурманина

Мы идем на смертный бой.

... Мы, как дань свою покорную,

От прославленных знамен

Шлем тебе, Кубань родимая.

До сырой земли поклон.

Таким образом, в представленном тексте содержится слово *басурманин*, словосочетание *на врага на басурманина*, содержащие негативные оценки в адрес группы лиц, объединенных по признаку конфессиональной принадлежности (*басурмане*), при наличии противопоставления с группой лиц, объединенных по признаку сословной или территориальной принадлежности (*мы, верные сыны Кубани*).

Рассмотрение текста в диахронном аспекте с учетом времени написания песни предполагает, что противопоставленными оказываются следующие группы лиц:

Мы, верные сыны Кубани = казаки

Враги басурмане = турки (песня написана на русско-турецком фронте Первой мировой войны).

Однако рассмотрение текста в диахронном аспекте без датировки позволяет противопоставить следующие группы лиц:

Мы, верные сыны Кубани = казаки

Враги басурмане = горцы, черкесы (сражались против Российской империи в Кавказской войне).

Использование лексемы *басурмане* при противопоставлении групп лиц, выделенных по принципу «свой – чужой», а именно казаков/горцев в период Кавказской войны на материале казачьих песен (т. е. материале, идентичном по происхождению рассматриваемому тексту) отражено в научных исследованиях:

«В XIX в. одной из главных проблем во взаимоотношениях между казаками и горцами стали регулярные набеги последних на станицы и кордонные укрепления. Неожиданные нападения грозили разорением и гибелью, угоном скота и уничтожением нажитого имущества: **«Басурманин, враг лукавый, / Вздумал с нами пошутить. / Окруживши все заставы, / Ну нас голодом морить»** [14: 71].

Традиционно в основе представления о способности «чужих» приносить зло лежит идея об их связи с «чужим Богом» и темными силами. **В казачьем фольклоре оппозиция «свой – чужой» также приобрела этноконфессиональный оттенок, тем самым подчеркивая различие между горцами и казаками в вероисповедании.** Православию как одному из доминирующих признаков казачества посвящались многочисленные пословицы: «Як казак народывся, сатана зажурывся», «На тэ казак народывся, шоб Богу и царю сгодывся» [15: 339]. В свою очередь в народном творчестве казаков понятия **«горцы – нехристи – басурмане»** идентифицированы. В сказках кубанского казачества «злыдни» (черти), будучи представителями нечистой силы, облачены в **«басурманское платье»** [16: 29].

В казачьих военно-исторических песнях в отношении горцев часто употреблялся эпитет «басурманская орда», тем самым подчеркивается значительное количество противника. В неравных условиях победа казаков объяснялась не только их боевым превосходством, но и божьей помощью.

В условиях угрозы поглощения «своего» мира областью «чужого» насилие признавалось единственным средством разрешения кризиса. Посему в казачьем фольклоре четко прослеживается идея, что борьба с противником должна закончиться либо насильственным изгнанием («Коли хотите, миритесь, / Мы вам землю отведем» [14: 11]), либо полным уничтожением врага («Мы поедем, ли пойдём / Всех бандитов чеченских перебьем» [17: 94]).

В годы Кавказской войны 1817–1864 гг. в сознании черноморских и линейных казаков сформировался устойчивый негативный образ горца как

представителя «чужой», противоположной группы. «Ядром» этнического портрета жителей Кавказа в период боевых действий XIX в. стали такие отрицательные качества, как потребность в кражах и разбоях, коварство, жестокость, варварство. **Религиозные представления православного казачества определили горца как иноверца, «нехрестя», неверного своему слову «басурманина»** [18] (*выделено нами. – И.Н.*).

Рассмотрение текста в синхронном аспекте предполагает, что противопоставленными оказываются следующие группы лиц:

Мы, верные сыны Кубани = казаки и иные жители Кубани

Враги басурмане = мусульмане, иноверцы.

Таким образом, в связи с особенностями коммуникативной ситуации, вызванными синхронным и диахронным аспектами функционирования данного текста, в нем содержится противопоставление двух групп лиц, объединенных по признаку конфессиональной или национальной принадлежности (*басурмане* = *мусульмане, иноверцы*, в диахронии – *турки* или *горцы*), с одной стороны, и словной либо территориальной принадлежности (*мы, верные сыны Кубани* = казаки) – с другой, с приписыванием группе лиц *басурмане* негативной оценки.

Представляются верными выводы проф. В. Ю. Меликяна: «В функциональном аспекте гимн должен выполнять идентифицирующую функцию (объект восхваления должен быть легко узнаваем) и воздействующую (эмоциональную) функцию, вызывающую эмоциональный и духовный подъём, воодушевление у слушателя, готовность действовать, а также чувство гордости... анализ означаемого слова *басурманин* показал, что, во-первых, это слово называет представителя иной веры, поэтому для гимна не годится, т. к. порождает межконфессиональное «напряжение». Во-вторых, содержит негативные коннотации в качестве атрибута объекта номинации (иноверца) и даже является бранным, неодобрительным, что противоречит лингвистическим принципам оформления текста данного жанра, т. к. тем самым реализует одну из конфронтационных речевых тактик – тактику «очернение». В-третьих, данное слово в значении «иноверец» в сознании части носителей русского языка до сих пор ассоциируется с представителем мусульманской конфессии, что не добавляет спокойствия в умах и душах россиян» [19].

В качестве косвенного признания со стороны самих краснодарцев «неудобности» нахождения в их гимне конфликтогенных слов можно рассмотреть видеозапись, клип, выложенный в сети Интернет также на сайте администрации, в котором указанные строчки пропущены и не исполняются.

Отсутствие высказанной точки зрения со стороны властных органов края на данный спорный вопрос позволяет говорить о том, что одной из основополагающих проблем текста в пространстве права является единство мнения профессионального лингвистического сообщества и правовой позиции законодателя/правоприменителя.

Прецедентом в вопросе учета того культурного контекста, в котором создавались спорные тексты, безусловно, следует считать возникшее как реакция на судебные процессы и позднее закрепленное в законе исключение священных текстов четырех религий – христианства, ислама, буддизма и иудаизма – из круга рассматриваемых на экстремистское содержание: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [20].

В пояснительной записке к данному закону говорится о том, что христианство, ислам, иудаизм и буддизм составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России, поэтому запрет на признание священных писаний экстремистскими обеспечит равное уважение к мировым традиционным религиям.

Вопрос о том, возможно ли распространение данной практики на другие тексты, имеющие историко-культурный контекст, остается открытым.

Литература

1. Гимн Краснодарского края. Историческая справка [Электронный ресурс]. – URL: <https://admkrai.krasnodar.ru/content/1144/> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. 576 с.

3. Преображенский А.Т. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910–1914. 574 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

5. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1956.

7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

8. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М., 1999. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

10. Иванова Н.В. Лексические репрезентации оппозиции «свой – чужой» в духовных старообрядческих стихах // Научный диалог. 2014. № 12 (36) [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-reprezentatsii-oppozitsii-svooy-chuzhoy-v-duhovnyh-starooobryadcheskih-stihah-1> [Дата последнего обращения 01.07.2019].

- 100 | 11. Сироткина Т.А. Концептуальный анализ в функционально-когнитивной этнонимике // Известия ВГПУ. 2011. № 10 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyu-analiz-v-funksionalno-kognitivnoy-etnonimike> [Дата последнего обращения 01.07.2019].
12. Кузнецов А.А. Проблема границы в русском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник ТГУ. 2013. № 10 (126). [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-granitsy-v-russkom-obshchestvennom-soznanii-xix-nachala-xx-v> [Дата последнего обращения 01.07.2019].
13. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М., 2004. 400 с.
14. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. 2. Песни линейных казаков. Краснодар, 1995. 508 с.
15. Волкострел Т.М. Пословицы и поговорки Кубани (исторический и этнический аспекты) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002.
16. Алмазов Б. Казачьи сказки. СПб., 1996.
17. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи. Этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002.
18. Хоружая С.В., Салчинкина А.Р. Архетипические основы антиномии «Свой – чужой» в годы Кавказской войны // Общество: философия, история, культура. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-osnovy-antinomii-svoy-chuzhoj-v-gody-kavkazskoy-voyny> [Дата последнего обращения 01.07.2019].
19. Меликян В.Ю. Текст гимна: «визитная карточка» или повод для конфликта? // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Сборник материалов конференции. Ростов-на-Дону, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/melikyan-tekst-gimna.html> [Дата последнего обращения 01.07.2019].
20. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

I. A. Nefliasheva

CONTROVERSIAL TEXT: HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT VS. MODERN POLITICAL DISCOURSE

Abstract: The article deals with a study of the controversial text in the synchronous and diachronic aspects using the case of the hymn of the Krasnodar Region with the words «Na vraga na basurmanina My idem na smertnyy boy». The etymology, the meaning, connotations and the circle of denotations (Turks-Circassians-Muslims) of the word basurmanin are considered depending on the distance from the historical and cultural context.

Keywords: controversial text, hymn, political discourse, historical and cultural context, “basurmanin”.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ С ВКЛЮЧЕННЫМИ ФРАГМЕНТАМИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее часто встречающиеся в лингвистической экспертизе ситуации, когда требуется проанализировать объект с включенным в него фрагментом на иностранном языке, сделана попытка классифицировать такие объекты по степени пригодности для анализа. Освещается вопрос о возможности использования переводов в качестве объектов лингвистической экспертизы. Предлагаются пути решения некоторых из обозначенных проблем.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, текст на иностранном языке, перевод, пригодность объектов лингвистической экспертизы.

Как показывает практика, в настоящее время проблема анализа текстов на иностранных языках стоит в лингвистической экспертизе очень остро: этому способствует как позитивные факторы – глобализация, общее повышение уровня владения иностранными языками, так и негативные – например, трансграничный терроризм. Актуальность проблемы анализа текстов на иностранных языках для экспертов-лингвистов объясняется в том числе методически – практически во всех методических рекомендациях зафиксировано положение о непригодности для анализа текстов на иных языках, кроме русского (см., например: Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / подготовлены Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н.; Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ при Минюсте России). М., 2011. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / подготовлены Изотовой Т.М., Кузнецовым В.О., Плотниковой А.М.: ФБУ Уральский РЦСЭ Минюста России, ФБУ Брянская ЛСЭ Минюста России,

102 | 2015. Назарова Т.В., Гримайло Е.А. и др. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М., 2010. Анализ компонентов ситуации письменного и устного (имеющего признаки подготовленности) текстов: Методические рекомендации / подготовлены Назаровой Т.В., Гримайло Е.А., Маняниным П.А. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. и др.).

Однако при всей очевидности рекомендаций о непригодности текстов не на русском языке для анализа экспертная практика, по нашим наблюдениям, не всегда идет очевидным путем. В настоящей статье предлагается рассмотреть и классифицировать ситуации, в которых текст с включенными фрагментами на иностранных языках на деле оказывался ограниченно пригодным или безоговорочно пригодным.

Для начала предлагаем обратить внимание на ситуации, когда в распоряжение эксперта не представлен текст перевода.

1. В объект включен краткий текст на иностранном языке, но смысл объекта очевиден (объекты типа: Good night white pride; White Pride World Wide). Формально (согласно рекомендациям) такие объекты уже являются непригодными. При этом эксперты, как правило, выполняют анализ подобных текстов. По нашему мнению, специальные знания в данном случае не требуются.

2. В объект включен значительный фрагмент текста на иностранном языке, но смысл объекта интуитивно понятен (объекты типа: видеоролик, достаточно самостоятельный без закадрового текста, и закадровый текст не на русском языке). Практика показывает, что сама возможность проведения исследования зависит от конкретного эксперта-лингвиста: кто-то готов взять на себя такую ответственность, кто-то нет. Иногда анализ проводится, по материалу даются выводы, но делается оговорка: «... в случае, если информация на иностранном языке не меняет коммуникативной цели (и/или социально-психологической направленности), установленной экспертом (экспертами)» – условный вывод. Здесь нами усматривается еще одна сложность: поскольку коммуникативная цель (и/или социально-психологическая направленность) объекта устанавливаются на основании экспертного анализа, то для того, чтобы определить, изменяются ли они при введении в объект дополнительного смысла, требуется... экспертный анализ. Когнитивная ценность такого вывода для правоприменителя, следовательно, невелика. Мы предлагаем в этом случае давать вывод (не условный) по тем объектам, которые интуитивно понятны эксперту-лингвисту, проводящему исследование, то есть переводить решение данной экспертной задачи в плоскость личной готовности каждого эксперта взять на себя такую ответственность.

3. Еще более сложная ситуация: объект исследования включает краткий фрагмент текста на иностранном языке, для анализа которого требуется

минимальное знание этого языка, зачастую – в рамках школьной программы (объекты типа: изображение и несложный текст на иностранном языке). Смысл объекта, как правило, достаточно очевиден. Как и в предыдущем пункте, мы предлагаем в подобных ситуациях предоставлять/принимать решение о возможности анализа конкретному эксперту-лингвисту либо привлекать специалиста в области соответствующего языка (переводчика). Вопрос: может ли в качестве переводчика выступить другой эксперт, владеющий данным языком? Должен ли он иметь квалификацию переводчика? Очевидно, должен.

4. В отдельную группу мы предлагаем вынести арабский и другие восточные языки (таджикский, цыганский, узбекский; китайский, корейский). Нельзя назвать их менее распространенными, чем языки европейские, но, по нашему мнению, большинству экспертов (по крайней мере, в Москве) в силу специфики этих языков сложнее с ними работать. Проблемы в этом случае начинаются даже не с лексики, а с графики. Так, например, большой вопрос представляет собой возможность лица, не владеющего арабской (к примеру) письменностью, отождествить две надписи и, тем самым, атрибутировать флаг той или иной исламской, скажем, организации. На практике этот вопрос решается по-разному: ряд экспертов берут на себя ответственность и дают категорический вывод (что, на наш взгляд, излишне смело), некоторые эксперты дают вероятный вывод, кто-то вообще отказывается от решения вопроса. Но здесь возникает другая когнитивная и этическая проблема: адресат, даже не владеющий или плохо владеющий арабским языком, поймет тот посыл, который вкладывает в объект его автор/публикатор. Другая сложность заключается в возможном сходстве до степени смешения двух текстов, выполненных арабской вязью или иероглифами, – в том числе для адресата-неофита, плохо владеющего арабским (таджикским, китайским, корейским, любым другим) языком или не знающего его.

Большая проблема, на наш взгляд, кроется также в лингвистическом исследовании переводов, предоставляемых в распоряжение эксперта. Очевидно, что по общему правилу в тех случаях, когда на исследование предоставляется текст не на русском языке, эксперту (экспертам) следует запросить его перевод. Требования к переводу меняются от организации к организации, иногда для заказчиков деляется уточнение: «...перевод, выполненный лицом, чья квалификация подтверждена документально». В связи с этим вопрос: не избыточно ли это требование для эксперта? Должна ли его заботить квалификация переводчика? Существует мнение (и мы его разделяем), что перевод заведомо является ограниченно пригодным объектом. Это положение находит отражение и в методиках: так, Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, А. В. Громова, А. В. Ростовская, П. А. Манянин (Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования. Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2018.) указывают: «Не являются объектами исследования

104 | переводы текстов (в том числе полученные в результате привлечения переводчиков)» При этом делается сноска: «Особое место занимают переводы текстов, созданных на языке, близком к языковой группе славянских языков (белорусский, украинский и др.), по которым допускается проведение лингвистического исследования, так как они считаются условно пригодными в силу близости языкового строя». Последнее утверждение, на наш взгляд, является спорным.

Мы предлагаем считать перевод текста ограниченно пригодным объектом в первую очередь из-за того, что адресатом этого перевода является эксперт, для которого специально выполнен перевод. Аудитория изначально воспринимала (воспринимает) другой объект. Стоит ли в таком случае делать в выводах какие-либо оговорки или отказываться от решения вопроса? Мы предпочитаем оставить этот вопрос открытым. Другой вопрос: что делать эксперту, когда ему предоставлен перевод с языка, которым он владеет, и эксперт замечает ошибки в этом переводе?

Отдельную сложность представляют объекты на языках республик Российской Федерации. Такие объекты, надо полагать, чаще встречаются в субъектах, и так же открытым остается вопрос: как быть, если эксперт владеет языком, на котором представлен объект или его фрагмент? Нужно ли в этом случае запрашивать перевод или считать, что объект понятен эксперту? В любом случае весьма ограничена возможность использования методик анализа текстов на русском языке применительно к текстам на иных языках.

Еще одно положение, которое хотелось бы затронуть в настоящей статье, – использование иностранных источников, в том числе методической литературы. По нашему убеждению, если эксперт пользуется не переводом, а оригиналом, то он должен иметь квалификацию переводчика с соответствующего языка или иное документальное подтверждение своего высокого уровня владения соответствующим языком.

Большая часть из обозначенных в настоящей статье вопросов остаются открытыми. Вместе с тем, их скорейшее решение имеет большое значение как для экспертов-практиков, так и для правоприменителей.

M. Yu. Petrova

PARTIALLY FOREIGN TEXTS: SOME ISSUES OF FORENSIC ANALYSIS

Abstract: The article deals with a problem that forensic linguists frequently encounter: when forensic analysis involves texts containing fragments in foreign language. An attempt is made to classify such texts according to their ability to be a subject of forensic analysis. Some issues of translation — whether translated texts can be analyzed by a forensic linguist or not — are brought up.

Keywords: forensic linguistics, foreign text, translation.

ФЕНОМЕН ОБИДЫ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена обиды в свете его юрислингвистической параметризации. Понятие обиды рассматривается как прагматический эффект адресата сообщения в результате таких речевых явлений, как критика, оскорбление, диффамация, клевета.

Ключевые слова: юрислингвистика, обида, оскорбление, диффамация, клевета.

В современном мире остро стоит проблема межличностного общения и его регулирования между коммуникантами. Как известно, язык по своей сущности уже содержит в себе элементы конфликтогенности. В данной работе мы рассмотрим чувство обиды как реакцию на различные негативные факторы, а именно: на критику, оскорбление, диффамацию и клевету, дифференцируем данные понятия для лучшего понимания механизма воздействия этих явлений на чувства человека и его моральное состояние. Наша работа может помочь в лингвоэкспертной деятельности при рассмотрении дел, связанных с определением степени инвективности и «обидности» каких-либо негативных высказываний адресату.

Для того, чтобы понять, какой эффект производят ранее перечисленные явления, необходимо подробнее разобрать термин «обида».

Толковый словарь Ожегова дает нам следующее определение термину «обида»: «Обида – несправедливо причинённое огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство» [1]. Также она включает в себя переживание гнева к обидчику и жалости к себе, тесно связана с понятием справедливость [2: 28]. Обида наступает тогда, когда к человеку относятся несправедливо, а если человек не получает что-либо по справедливости, наступает огорчение, но не обида. Обида возникает при несоответствии ожидаемого с действительным. Она является следствием выполнения таких мозговых операций, как построение ожиданий, наблюдение действительности, сравнение и принятие решения о реакции (обидеться, то есть дать волю эмоциям, или же поступить осознанно) [3: 96].

Таким образом, обида – это чувство, возникающее в ответ на поступок (бездействие) другого лица: невозможно обидеться на самого себя или на явление природы, но можно рассердиться или разозлиться. Оно отражает внутренние

106 переживания человека, вкуче с негодованием и жалостью к себе, например, когда человек не оказал должное внимание или не проявил уважение, нахамил.

Этимологически русское слово «обида» произошло от санскритского глагола «*videti*», что означает наказание, бесчестье путем выставления на всеобщее обозрение. Слово «обида» вызывает ассоциацию со словами «беда» «бедность» и «бедствие». Однако лексические средства обозначения такой эмоции, как обида являются для русского языка специфичными, так как в западноевропейских странах отсутствует эквивалент для перевода этой лексемы (англ. *offence* – оскорбление, обида; *hurt* – ущерб, вред; фр. *vexation* – досада, раздражение, притеснение; *outrage* – тяжкое оскорбление, удар, обида) [4].

В русском языке выделяют шесть понятий, обозначающих негативные эмоции человека: «обида», «беспокойство», «недовольство», «грусть», «жадность» и «неприязнь», однако семантическим смыслом «несправедливости» обладает только понятие «обида».

В современном русском языке существует определенный алгоритм описания феномена обиды:

- 1) повод – кто-либо совершил определенный поступок, хотя не должен был, или же наоборот, бездействовал, когда от него что-либо ожидали;
- 2) причина – то, чем был причинен моральный ущерб адресату;
- 3) оценка – данный поступок или действие является несправедливым;
- 4) чувство – негативное эмоциональное состояние адресата;
- 5) ответная реакция – негативные эмоции адресата в отношении адресанта, а именно гнев, злоба, желание восстановить справедливость путем наказания обидчика.

Слово «обида» в семантическом значении имеет несколько толкований. С одной стороны (как в англ. *offence*, *offend*; фр. *offense*, *offenser*; нем. *Beleidigung*, *beleidigen*), означающее психическое явление, более точно соответствуют русскому «унизить, оскорбить», с другой стороны, речь может идти о нанесении физического ущерба (фр. *blesser* – ранить, задеть, обидеть; англ. *to hurt*, *to wound*; нем. *Krankung*, *kranken*, от нем. *krank* – причинять боль, стать опозоренным публично) [4].

Со временем чувство огорчения от обиды сходит на нет, остается лишь общий негативный фон, который далее преобразуется в чувство ущемленного достоинства. Чувства моральной ущемленности, полученные вследствие обиды, заставляет адресата переходить в режим защиты. Далее «обида» преобразуется в более эмоционально окрашенный термин «оскорбление». Реакция адресата на «оскорбление» принимает форму состояния, появившегося в результате непростительных действий адресанта, а именно какие-либо издевательства, ущемления, унижения.

Итак, рассмотрим такое понятие, как «оскорбление», для чего обратимся за определением к словарям. Толковый словарь Ушакова предоставляет нам

следующие определения: «Оскорбить – крайне унизить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-нибудь» [5].

То есть оскорбиться – это почувствовать себя оскорбленным, обидеться.

Оскорбление – это негативная оценка личности или внешности человека, его качеств, поведения, в форме, противоречащей правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали [6]. Оно может быть нанесено в виде устного или письменного высказывания, а также в виде действия (плевок, пощечина, неприличный жест), может быть выражено публично или в отсутствие адресата.

Статья 5.61. «Оскорбление» гласит: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей» [7].

Так, например, глава Хакасии Валентин Коновалов подал иск о защите чести и достоинства к пресс-секретарю «Роснефти» Михаилу Леонтьеву. После избрания Коновалова главой Хакасии в сентябре 2018 года Михаил Леонтьев оскорбил его в эфире радиостанции «Комсомольская правда», назвав «дебилом» [8].

Октябрьский суд Ростова-на-Дону удовлетворил иски Кирилла Толмацкого (сценический псевдоним Децл) к Василию Вакуленко (сценический псевдоним Баста) о защите чести и достоинства. За оскорбления в социальной сети «Твиттер» Василий Вакуленко должен был выплатить Кириллу Толмацкому денежную компенсацию.

Заявления касались двух сообщений, где утверждалось, что Толмацкий – «гермафродит», а также тех, в которых Вакуленко называл его «лохматым чмом» и приводил фотографию артиста с подписью «знатная шерсть» [9].

Как мы видим из примеров, результатом вынесения обвинений за оскорбление является преобразованное адресатом из обиды чувство оскорбленности.

Чувство оскорбленности так же может быть вызвано такими речевыми явлениями как клевета и диффамация. Далее мы рассмотрим подробно каждое из них.

Клевета – выражение обвинения в адрес кого-либо в чем-либо, построенное на заведомо ложных фактах, или на ложном слухе с целью опозорить кого-либо [10]. Это самый тяжкий вид посягательств против чести другого человека. Отличие клеветы от оскорбления заключается в следующем: оскорбление предполагает присутствие адресата, оно выражается в словах или действиях, направленных на личное унижение достоинства человека, в свою очередь, клевета наоборот, это сообщение, направленное преимущественно посторонним лицам, содержащее в себе ложные факты, которые не соот-

108 | ветствуют статусу и достоинству потерпевшего. То есть клевета стремится уронить честь оклеветанного в глазах окружающих. В некоторых источниках средневекового германского права это речевое явление часто обозначалось словами «кража чести».

Так за сообщение в твиттере в адрес депутата Лисовенко, в котором содержалось следующее: «Депутат-наркоман от “Единой России” считает, что доступом в ЖЖ и «Твиттер» может пользоваться только один человек», – суд признал Алексея Навального виновным в преступлении о клевете. Депутат предоставил в суд справку, подтверждающую, что он не употребляет наркотики. Именно предоставление истинной информации к «клеветнической» привело к выводу о ложности сказанного [11].

Теперь рассмотрим такое понятие как диффамация. Диффамация – распространение (разглашение) сведений, позорящих честь конкретного лица или учреждения. Отличается от клеветы достоверностью распространяемой информации [12].

То есть данные сведения могут не носить клеветнический характер, это действие в законодательстве рассматривается как близкое к клевете, однако отличается от нее некоторыми признаками.

Диффамация, иными словами, оглашение определенных порочащих сведений в печати, в то время как клевета – действие, совершенное в печатной или устной форме. Как мы видим, диффамация подразумевает оглашение порочащих сведений, невзирая на их подлинность, в отличие от клеветы, рассматриваемой как заведомо ложная информация. В народе принято считать речевое явление диффамации как распространение сплетен.

В тех законодательствах, рассматривающих клевету как особый вид преступления против чести, доказательство правдивости разглашенной информации, или даже предположение, что разглашенные факты могут быть истинными, может преобразовать данное явление в действие, не предполагающее наказание.

Термин «диффамация» имеет латинское происхождение – *diffamatio*, от слова *fama* — репутация. Далее было образовано английское слово *defame*, что в переводе на русский язык означает «порочить» [4].

В российском гражданском праве явление диффамации знакомо еще с до-революционных времён. Однако считалось, что этот термин имеет буржуазное происхождение, именно это помешало ему закрепиться в советском законодательстве в такой форме. На данный момент в Гражданском кодексе так же не существует корректных статей, регулирующих действия диффамации. Эта проблема связана с процессом определения свободы слова и свободы мысли.

Таким образом, примером диффамации могут послужить всевозможные издания желтой прессы, публикующие на своих страницах различные слухи, которые могут оказаться правдой, частично правдой, или вообще совершен-

но ложными. Информация, содержащаяся в диффамационных сообщениях и статьях может являться обидной или оскорбительной для лиц, которые в ней упоминаются.

Однако нам так же известно такое явление, как критика, которое может быть обидным, но не оскорбительным. Для того, чтобы разобраться в сущности этого явления и его прагматическом эффекте, оказываемом на адресата, разберем подробнее это понятие.

Критика – это анализ, оценка и суждение о каких-либо явлениях деятельности человека [13]. Данное явление подразумевает обсуждение и рассмотрение чего-либо с целью установления правильности или подлинности (например, исторического текста), выявление достоинств и недостатков, а также критика каких-либо действий, которые могут быть негативно оценены, также литературная критика [5].

Как нам известно, возникает ряд ситуаций, в которых критикуемый может почувствовать обиду на адресанта и решить, что он оскорбился на критику. Перед нами стоит задача отделить эмоциональную составляющую от фактической.

Так, например, депутат Госдумы от «Единой России», Александр Карелин обвинил россиян в иждивенческом отношении к государству, а смягчение первоначального варианта пенсионной реформы назвал ошибочным.

Слова чиновника очень заделали граждан, поэтому интернет-пользователи гневно раскритиковали депутата: «Если бы Карелин работал на заводе, или в шахте, или на Севере, то мыслил бы совершенно по-другому. Получать депутатом по 500 000 в месяц — можно и помогать папе», – пишут в соц. сетях. «В данный момент, если разобраться, депутат Карелин находится на иждивении у чужих людей. Карелин, хватит сидеть на шее – иди работай», – пишут в «Твиттере» [14]. Таким образом критика Карелина о чрезмерной мягкости пенсионной реформы вызвала ответную реакцию – жесткую критику депутата. Это случилось по причине того, что чиновник задел чувства пенсионеров, которые исправно платили налоги всю свою жизнь, назвав их иждивенцами. В данном случае имеет место обида и «оскорбленность» граждан на высказывание парламентария, однако рассматривать его как оскорбление неверно – в высказывании отсутствует фактор инвективности.

Бывают ситуации, когда критика может действительно обидеть человека. Наиболее уязвимы перед жесткой критикой известные личности творческих профессий. Например, исполнительница Земфира Рамазанова раскритиковала вокальные данные и внешность молодых популярных артисток известных под псевдонимами «Монеточка» и «Гречка». Земфира опубликовала пост о них в социальных сетях со следующим содержанием: «Выскажу мнение. Гречка – очень плохо. Ужасные голос и внешность. Воспринимать сложно — петь не умеет, тексты не убеждают, ну и очень некрасивая. Монеточка —

110 отличные тексты! Нормально выглядит в отличие от Гречки. Но голос — омерзительный». По словам Гречки, ее расстроило высказывание старшей коллеги: «Я в то время как раз находилась в состоянии, скажем так, кризиса и эмоциональных перепадов, и это, конечно, расстроило меня, — отметила Гречка. — Но я не скажу, что перемены начались именно из-за этих слов, процесс начался раньше. Максимум, на что это могло повлиять, — на мою уверенность идти дальше» [15]. Здесь мы видим, как критика внешности и вокальных данных вызвала у девушки чувства огорчения и обиды.

Подводя итог необходимо отметить, что чувство обиды может быть реакцией на различные негативные формы высказываний, таких как оскорбление, диффамация, клевета и критика. Нашей целью было дифференцирование этих понятий для того, чтобы разобраться в механизме воздействия на моральное состояние адресата этих речевых явлений, понять, откуда появляется чувство оскорбленности и какие последующие действия может предпринять адресант (на примере существующих случаев).

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
2. Орлов Ю.М. Обида // Наука и религия. М.: Знание, 1991.
3. Орлов Ю.М. Обида. Вина. М.: Слайдинг, 2004.
4. Этимологический словарь Крылова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/krylov> (дата обращения: 28.03.2019).
5. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / гл. ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия». Т. 2–4. 1935–1940.
6. Экономика и право: словарь-справочник / Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и школа, 2004.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.07.2019).
8. Глава Хакасии снова подал в суд на пресс-секретаря «Роснефти». Тот назвал его «дебилем» [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/news/2019/04/08/glava-hakasii-snova-podal-v-sud-na-press-sekretarya-rosnefti-tot-nazval-ego-debilom> (дата обращения: 16.05.2019).
9. Децл отсудил у Басты компенсацию за твиты про «лохматое чмо» и «знатную шерсть» [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/news/2017/08/15/sud-obyazal-bastu-vyplatit-detslu-350-tysyach-rublej-za-chetyre-oskorbitelnyh-tvita> (дата обращения: 28.03.2019).
10. Большой толковый словарь русских существительных. АСТ-Пресс Книга. Бабенко. 2009.

11. Суд приговорил Навального к штрафу за твит о депутате [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2014/04/140422_navalny_lisovenko_libel_verdict (дата обращения: 28.03.2019).
12. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2003.
13. Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993.
14. Иждивенцы замучили! Депутат Карелин назвал пенсионную реформу слишком мягкой [Электронный ресурс]. – URL: <https://newizv.ru/news/society/16-01-2019/deputat-karelin-nazval-pensionnuyu-reformu-slishkom-myagkoj> (дата обращения: 30.03.2019).
15. Земфира назвала голос Монеточки омерзительным, а Гречку некрасивой [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cosmo.ru/stars/news/20-07-2018/zemfira-nazvala-golos-monetochki-omerzitelnyy-a-grechku-nekrasivoy/> (дата обращения: 06.05.2019).

V. A. Posternyak

PHENOMENON OFFENSES IN JURISLINGUISTIC THINKING

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of resentment in the light of its legal-legal parametrization. The notion of insult is considered as the pragmatic effect of the addressee of a message as a result of such speech phenomena as criticism, insult, defamation, slander.

Keywords: legal profession, insult, insult, defamation, slander.

*доктор филологических наук, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова
Новочеркасск, Россия*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в лингвистическом исследовании протокола допроса. Описываются методы установления достоверности показаний допрашиваемого, определения оригинальности текста протокола, выявления вербальных средств оказания давления.

Ключевые слова: протокол допроса, установление достоверности, вербальные средства оказания давления.

Очевидно, что сведения, зафиксированные в протоколах допроса, являются важными и значимыми для суда и следствия. В статье 190 УПК РФ сообщается: «Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим кодексом» [4: 200]. Формулировка: «Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно», – подразумевает некоторые изменения речи допрашиваемого. Отсутствие границ допустимости такого рода изменений при составлении протоколов является причиной утраты важной информации, игнорирования индивидуальных особенностей речи допрашиваемого. Это приводит к процессуальным ошибкам, которые должен выявить эксперт-лингвист. Итак, в данном случае лингвистическая экспертиза служит для установления достоверности показаний допрашиваемого, для выявления элементов провокации и приемов речевого воздействия, для определения оригинальности текста протоколов.

Перед экспертом могут быть поставлены вопросы: обнаруживаются ли в ходе проведения экспертизы лингвистические признаки, свидетельствующие о заучивании допрашиваемым показаний о расследуемом событии? Если обнаруживаются, то какие? Выявляются ли в ходе проведения экспертизы лингвистические признаки, свидетельствующие о правдивости или ложности высказываний допрашиваемого лица в отношении расследуемого события? Если выявляются, то какие? Содержатся ли в представленных текстах фразы провокационного характера, вербальные средства принуждения или оказания давления? Также перед экспертом могут быть поставлены следующие задачи:

установить зависимость содержания ответов подозреваемого от существа задаваемых вопросов; определить стиль и особенности речи допрашиваемого, форму выражения информации.

Для объективного исследования эксперту необходимо учитывать стилевую и жанровую специфику протокола допроса, требования, предъявляемые законом к составлению документов данного жанра. Как известно, речевой жанр допроса является жестко формализованным. Один из показателей этого факта – преобладание официально-делового стиля общения. Вводная часть протокола наиболее стандартизирована и представляет собой анкету с личными данными участника допроса, информацией о технических средствах, об условиях проведения допроса. В нашем случае особый интерес представляет основная часть – фиксация речи допрашиваемого по возможности с максимальной точностью формулировок с целью получения полных сведений относительно расследуемого дела. В связи с этим данный компонент текста предполагает отражение общей речевой компетенции говорящего, наличие индивидуальных отличительных черт на всех уровнях языковой системы, проявляющихся в речи. Среди индивидуальных особенностей речи могут быть названы: особая организация текста, использование индивидуальных синтаксических конструкций, также определенных, характерных для конкретного человека и ситуации слов [3: 2].

Экстралингвистические признаки жанра допроса демонстрируют сдвиг от центральной части официально-делового стиля к его периферии, где происходит пересечение функциональных стилей, их взаимодействие.

Рассмотрим конкретный случай. Для исследования мы получили протокол допроса. Задача – выявить лексические средства, указывающие на лживость суждений подозреваемого, определить форму выражения информации. В представленных для анализа текстах диалогов отсутствовала интержанровость, в ситуацию официально-делового общения не были введены элементы доверительной коммуникации. Использованный нами метод был связан с отделением авторского текста от формальной рамки. Стал очевидным факт отсутствия вводных конструкций с пояснительным значением, модальных конструкций с подытоживанием вышесказанного, причинно-следственных и противительных союзов, вкрапления разговорных элементов, выразительно-образительных средств. Допрашиваемый являлся носителем обыденного уровня правового сознания (обычно таковые отражают правовую форму посредством установок, экспрессивных лексических единиц). Но его речь отличалась четкими формулировками, клише, лексикой и синтаксическими конструкциями официально-делового стиля. В речи допрашиваемого было большое количество политической терминологии (*силовая акция, свержение, агитматериалы*). Высказывания схематичны, стереотипны, лишены частных. В речевых конструкциях не встречались несоответствия, факты будто

114 | были согласованы. Нам представили три ролика. В каждом из них несколько раз фигурировали одни и те же фразы. Например: *пользователи должны быть вооружены холодным оружием, дубинками и прочими средствами, которые легко достать в гражданском обиходе* (ролик 1, ролик 2 (повторяет два раза), ролик 3); *захватив здание, было бы проще дестабилизировать ситуацию* (ролик 1, ролик 2, ролик 3 (три раза)); *он проводил в своих видеороликах доводы, которые мне показались правдивыми, о том ... об общем состоянии жизни в стране, о доходах в государственный бюджет, о состоянии сферы медицины, образования и дорог* (ролик 1, ролик 2, ролик 3). Известно, что прием диагностики лжи основывается на анализе речевых высказываний человека посредством выделения определенных критериев и признаков. Как ни парадоксально, но в правдивых суждениях часто можно встретить несоответствия, несогласованность деталей, что отражает факты реальной, полной противоречий жизни. В лживых суждениях несуразностей не встречается, факты будто «приглажены», речь не отмечена личностными переживаниями. Так и высказывания допрашиваемого в нашем случае «застывшие», повторяющиеся в одних и тех же словах и выражениях, события излагаются в одной и той же последовательности.

Важно помнить, что устная спонтанная речь характеризуется неповторимостью, уникальностью. Одна и та же информация, излагаемая в разное время, оформляется иначе. Основные факторы, которые обуславливают такую вариативность: продолжительности речи, физическое состояние говорящего, условия коммуникации [3: 4]. В связи с этим дословное повторение устной спонтанной речи, не являющейся кратким высказыванием или репликой, не видится возможным. В высказываниях подозреваемого в нашем случае слышалось полное совпадение некоторых фрагментов текста, наблюдалось тождество лексических и синтаксических параметров. Очевидна степень подготовленности, заученности. Речь допрашиваемого была нарочито точна, сконструирована, искусственна. Все это позволяет говорить о факте присутствия вербальных признаков лжи.

Что касается вербальных средств принуждения и оказания давления, их выявление способствует определению «правдивости» протокола допроса. В тексте, представленном нам для исследования, имелись высказывания следователя с использованием приемов речевого воздействия. Например, управление пониманием, когда семантическая информация, важная для говорящего, подается не как новое знание, которое требует понимания и анализа, а как нечто само собой разумеющееся [1: 36]. Рассмотрим фрагмент.

Следователь: *По вашему плану после того, как вы подавили бы сотрудников полиции, дальнейшие ваши действия?*

Но подозреваемый не говорил, что он или его товарищи хотели или собирались подавить полицейских. Он говорил о мирной акции.

Эвокация способствует вытягиванию ответа, корректированию и регулированию состояния провоцируемого [1: 56]. Рассмотрим фрагмент из нашего исследования.

Следователь: *Поясните, в ваших планах имела ли цель захвата государственных учреждений?*

Подозреваемый: *Были разговоры о захвате здания администрации, но позже мы от этой мысли отказались.* (Сообщает, что они отказались от идеи захватить здание правительства области.)

Следователь: *Почему именно это здание вы решили захватить?* (Несмотря на ответ о том, что присутствующие на площади не собирались совершать захват здания правительства, следователь снова задает вопрос о захвате здания.)

Подозреваемый: *Это обговаривали в чате другие пользователи... потом пользователи, посоветовавшись, отказались от этого.* (Допрашиваемый еще раз говорит о том, что они отказались от захвата здания правительства, но следователь третий раз спрашивает о захвате здания и получает развернутый ответ.)

Следователь: *В связи с чем это здание было выбрано?*

Подозреваемый: *Я полагаю, что в связи с тем, что там... это центр правительства... там главные органы власти располагаются, то есть, захватив это здание, было бы проще дестабилизировать ситуацию.*

Еще один пример речевого воздействия с элементами провокации. Наводящий вопрос. Понятие «наводящий вопрос» соотносится с классификацией вопросов, с точки зрения выражения в них неизвестного, то есть вводимого в вопрос объема информации о неизвестном. Неизвестное в данном случае – это та информация, которая запрашивается в вопросах, ее варианты. Большое количество информации о неизвестном в вопросе потенциально обладает большей степенью влияния на содержание ответной реакции. Пример из нашего исследования.

Следователь: *Поясните, после того, как пользователи собрались на площади Свободы, в дальнейшем движение обговаривалось? Куда должна следовать масса?*

Но подозреваемый не говорил, что будет толпа, что они куда-то должны направляться.

Следователь: *Поясните, каким образом собирались члены общества применять оружие, принесенное с собой, в отношении кого и с какой целью?*

Но допрашиваемый не говорил ранее о том, что у него было оружие, что они собирались его применять.

Важно помнить, что наводящими вопросами можно разрушать позицию, сложившиеся представления, извлекать, складывать новые, подводя к нужным выводам, убеждениям.

В силу разнообразия лексической семантики выбор слов является универсальным инструментом, с помощью которого может оказываться сильное

116 | эмоциональное давление. Так, к приему речевой манипуляции относится «навешивание ярлыков». Поясним сказанное примером из нашего исследования.

Следователь: *Поясните, пожалуйста, каким способом вы собирались и иные ваши соучастники причинять телесные повреждения?*

Обратимся к Толковому словарю русского языка. *Соучастник – тот, кто участвует вместе с кем-нибудь в совершении чего-нибудь (обычно неблагоприятного). Соучастник какого-нибудь преступления.* Следователь называет присутствующих на площади не участниками мирной акции, не участниками митинга, а соучастниками (негативная характеристика). Очевиден прием манипуляции.

В лингвистическом исследовании мы также выявили вопросы-сценарии, используемые следователем при допросе. С их помощью выстраивается гипотетическая последовательность фиктивных событий [2: 78], задается предположительная ситуация, возможно, не связанная с реальностью.

Следователь: ***В случае, если бы** сотрудники полиции не пресекли вашу деятельность, какие события бы далее происходили?*

Следователь: ***В случае, если бы** сотрудники полиции начали бы вас задерживать, если у вас было бы иное количество лиц, поясните, как бы далее события развивались?*

Следователь: *По вашему плану после того как **вы подавили бы** сотрудников полиции, **подавили бы** их противостояние, дальнейшие ваши какие действия?*

Успешно используется такой прием речевой манипуляции как искажение истинных масштабов события. Поясним сказанное примером из нашего лингвистического исследования. Допрашиваемый назвал событие, назначенное на 6.08.2000, мирным митингом, затем акцией, затем силовой акцией. Но следователь не употребляет в своих вопросах слова «мирный митинг», «акция». В его высказываниях встречается только словосочетание «силовая акция». Еще один пример. Ранее подозреваемый сообщил, что у него не было оружия, был только армейский ремень. Следователь спрашивает: *Поясните, каким образом вы собирались применять оружие, принесенное с собой?* Следователь искажает событие, говоря о том, что подозреваемый имел оружие и собирался его применять. Перед нами наводящий вопрос, в котором содержится указание на безальтернативность предлагаемого единственного варианта: *оружие собирались применять.*

Таким образом, правильно выявленные элементы речевого воздействия и правильно определенные вербальные признаки лжи способствуют своевременному исправлению процессуальных ошибок и грамотному составлению протокола допроса.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. 2-ое изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 590 с.
2. Бредемайер К. Черная риторика: власть и магия слова. М., 2005. 78 с.
3. Месропян Л.М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Сб. ст. по матер. Всерос. круглого стола. СПб.: Петрополис, 2017. 9 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М.: РИПОЛ-классик: Омега – Л, 2016. 250 с.

M. V. Slizkova

**LINGUISTIC RESEARCH OF TRANSCRIPT OF INTERROGATION:
PROBLEMS AND TRENDS**

Abstract: This paper deals with the problems of linguistic research of transcript of interrogation. We consider methods of affiliation, truth of record evidence, detection of provocation elements.

Keywords: linguistic research of transcript of interrogation, truth of record evidence, provocation.

ЭРИСТИКА И РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются имплицитные механизмы речевой агональности через категорию эристического речевого поведения. Автор на основании понятийного анализа предлагает разграничить квалификации агрессии и агональной эристики, что может внести вклад в теорию и практику лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: речевая эристика, речевая агрессия, эристическое речевое поведение, агональность речевого общения.

С точки зрения прикладной юрислингвистики, данная статья адресована скорее адвокатам, чем обвинителям. Нет надобности говорить о значимости агрессии в биологической эволюции, и речевой агрессии (РА) – в социальной повседневности. Цель статьи – показать фрагмент возможного понятийного аппарата для отделения разумной и рациональной агональности от собственно РА. В этом смысле анализ носит скорее теоретический, даже метатеоретический характер, потому что предметом рассмотрения станут некоторые теоретические построения относительно РА. По сути это касается явления, которое не должно являться предметом судебного разбирательства, но по ряду причин периодически попадает в сферу интереса лингвистической экспертизы. Речь идет об ЭРИСТИКЕ в ее различных ипостасях.

Помимо отсутствия всякой дифференциации РА («...речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая брань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств...» [8: 69]), в большинстве заинтересованных в РА работ звучит лейтмотив разнообразия форм РА: наряду с явными криминогенными параметрами, есть более мягкие проявления РА с такими названиями: «скрытая речевая агрессия», «непереходная речевая агрессия», «ненаправленная РА», «манипулятивная агрессия», «невраждебная агрессия», «квазиагрессия», «имплицитная РА» и т. д. (см. [6; 8; 12; 13; 15; 16; 25–28] и др.). Во всех этих «мягких вариантах» тем не менее присутствует слово «агрессия», что практически не оставляет шансов на положительную коннотацию: «Форма таких речевых действий может носить литературный характер, что не снижает степени их агрессивности. При речевой

агрессии давление на личность происходит через воздействие на ее ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида. Поэтому понятие речевой агрессии не сводится к употреблению бранных слов и нелитературных выражений, это более широкое понятие» [8: 71].

Попытаемся внести некоторые уточнения. Ядерным элементом наших рассуждений является прежде всего не столько внутренняя оппозиционность [16; 26], сколько иерархичность и градуальность *агональности* [1]. Ибо речь идет именно о гиперонимической сути агональности, и мы предлагаем следующую иерархическую структуру «речевого противоречия» [7] (Рис. 1):

Рис. 1. Категориальное поле Эристики

Гиперонимическими концептами для эристики могут быть названы *онтологическое/эпистемическое* ПРОТИВОРЕЧИЕ и *социоинтеракциональная* АГОНАЛЬНОСТЬ, рождающие *контраверсные* (содержащие противоречие) интеллектуальные и речевые взаимодействия. Отличие эристической тональности от речевой агрессии (по горизонтали) состоит в превалировании *эмоционального интеллекта*, сдерживающего деструктивные проявления интер- и интракогнитивного диссонанса. Эристика является проявлением *эпистемической бдительности* [39]: сомнение в качестве (правдивости, релевантности и т. д.) информации, ее источника и/или аудитории, рождает реакцию – внешнюю или внутреннюю, – которая объективируется в определенных речевых манифестациях. Эти эристические знаки полимодальны (жесты, мимика, громкость, тембр, ударение, взгляд и т. д.) [21] и проявляются в различной степени эксплицитности (остенсии). Все они суть проявления эристической интенциональности (порождающей и интерпретативной).

В серединной зоне пересечения эмпатии и эристики (см. рис. 1) находится *людическая эристика* – дружеская пикировка, ирония, стёб и т. д. Эти речевые стратегии, угрожая «позитивному лицу» адресата, сохраняют запас «эмпатической прочности», обусловленной общими знаниями и ассонансом «внутренних релевантностей» собеседников [29].

С другой стороны поля – в агональной его части – эристика пересекается с (речевой) агрессией. В некоторых исследованиях ставится знак равенства

120 | между агональностью и (речевой) агрессией (см., напр. [26; 27], а заодно и между эристикой и речевой агрессией [9]. Такое отождествление следует скорее известной когнитивной метафоре: «Спор – это война». Однако, как показал А.К. Киклевич, «стремление свести множество лингвистических фактов к небольшому числу инвариантов приводит к чрезмерному абстрагированию и фактически отрыву от языковой действительности» [10: 172]. С нашей точки зрения, есть множество эристических (угрожающих позитивному лицу) речевых действий, приемов, стратегий, которые также, как это показано в «теории (не)вежливости» [34], не переходят грань, которую интуитивно ощущает каждый носитель той или иной языковой культуры. Четкой границы нет, эта грань зыбка и изменчива. И это, пожалуй, есть главная проблема лингвистической экспертизы – установить, что можно признать вербальной агрессией, а что нет. Тем не менее, именно введение понятия и термина «эристика» может способствовать совершенствованию юридической экспертной процедуры [3]. Достаточно утвердиться в представлении, что *эристическая агональность* стремится к *агрессии как к своему пределу*.

Принадлежность эристики к концептуальному полю агональности не вызывает сомнения. Более того, во многих штудиях эристика подается не только как «интеллектуальное фехтование» (А. Шопенгауэр), но как стремление одержать победу в речевом поединке «любой ценой», как спор ради спора [14; 38]. По мнению ряда лингвистов, говорящих об эристике, «...эристический кластер диалога – это целая “семья диалога”». В репертуар <этого> вида (кластера) диалога входят “вербальные дуэли”, публичные ссоры, распри, дразги, “черный пиар”, информационные войны, манипуляции (софистика) и так далее. Цель эристической дискурсии (sic!) состоит в утверждении собственной точки зрения путем победы над оппонентом (дискредитации, разоблачения, уничтожения имиджа, подрыва доверия и репутации и т. д.), который воспринимается не как партнер по диалогу или как конкурент, а как соперник и даже как враг. В качестве примера можно привести “диалог” власти и несистемной оппозиции в лице Б. Немцова, А. Навального, М. Касьянова и др.» [9: 258]. Такую же негативную трактовку приобретает и медийный эристический дискурс [17].

Однако все ли это так, а не иначе? В своих исследованиях (см., напр. [22; 40]) мы показали, что Эристика – с момента своего зарождения в античной риторической философии – была инструментом крайнего релятивизма, доводящего противоречие до абсолюта [30]. В софистической мысли противоречие проявляется как сущность, не требующая доказательства истинности, которая, в свою очередь, абсолютна в своей относительности. Эристика как «искусство спора» давала возможность вывести противоречие наружу, на поверхность, превратить его в диалог, полемику, цель которой – не только победа над собеседником, как это принято полагать, но и опровержение абсолютной истины, невозможность однозначного суждения, абсолютное

сомнение и вопрос. Поэтому гносеологическая суть эристики диалектична – борьба противоположностей и противоречие как интеллектуальный драйв, стимул к творческой мыследеятельности. В культуре эристический дискурс обычно сопровождает либо вырвавшийся наружу социальный протест, взрывающий общественно-политический строй, либо – латентно зреющий в чреве энтропийных социальных некрозов, застойных идеологических гистерий («застоев»), нравственных идиосинкразий (протестов) – взрыв культурный – интеллектуальный, парадигмальный, меняющий «химический состав» цивилизационной ноосферы [11; 23].

Феноменология эристики как общей антропологической категории отличается полипарадигмальностью, то есть затрагивает всю палитру антропологических дисциплин в разных парадигмах и направлениях исследований: эристическое в философии – это релятивизм – кинизм, постмодернизм и т. п.; в социальной феноменологии – интеракционизм и конфликтология; в когнитивной психологии – транзакционный анализ [5], теория эмоционального интеллекта [32].

Психологическая интерперсональная модель конфликтного речевого взаимодействия (фрейма, по И. Гоффману [36]) может быть представлена в терминах теории речевой транзакции Эрика Берна [5], согласно которой конфликт рождается при столкновении интенциональностей коммуникантов, условно занимающих одну из трех психологических ролей: патерналистскую («Родитель»), адекватную, объективно-ответственную («Взрослый») и «пуэрильную», провокативно-трансгрессивную («Дитя»). Конфликт возникает при пересечении ролевых транзакций, когда навязываемая говорящим (А) роль не поддерживается адресатом (В) (рис. 2). Эристичность в этой модели несут в себе две крайние позиции, отражающие либо назидательность («пристройка сверху»), либо «инфантилизм», часто связанный с людическим (игровым), нестандартным речевым поведением. Асимметрия и диссонанс во властно-правовых отношениях между коммуникантами распределяются (рис. 2) градуально по двум векторам: сверху вниз – патернализм, назидательность; снизу вверх – вызов, насмешка, провокация:

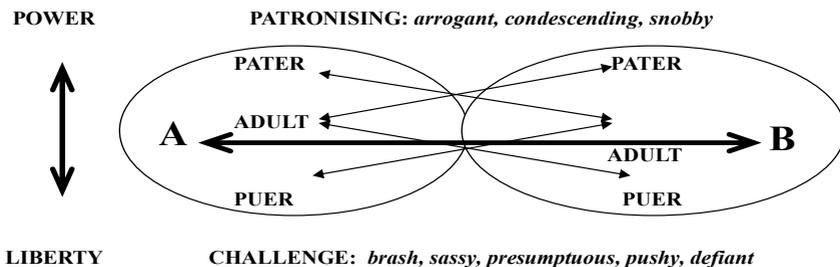

Рис. 2. Динамическая модель эристики в поведенческом фрейме

Таким образом, можно выделить главные черты эристической когнито-речевой стратегии, состоящей из интенциональной и речеактовой составляющих:

- 1) эгоцентризм и пренебрежение интересами партнера;
- 2) патернализм, властность;
- 3) априорное отрицание (предубеждение);
- 4) эмоциональное и экспрессивное активное неприятие;
- 5) вызов;

6) негативный рече-языковой диапазон (паравербалика, лексические и грамматические коннотации, эристические метафоры, коллокации, сниженные или ненормативные номинации и т. п.);

7) дискурсивная контракция – совокупность речевых действий (тактик), составляющих речевое противодействие.

Эристическое поведение имеет эндогенную и экзогенную обусловленность. Эндогенная (внутренняя) эристика – это интеллектуально-психологический склад индивида, внешняя, экзогенная эристика определяется институциональными обязательствами. Интеллектуальная эристика ставит под сомнение смысл, психологическая – определяется складом характера и коммуникативной ролью. Институциональная эристика характерна для дебатов, дискуссий, интервью и т. д. [24]. Границы между этими формами не герметичны, и психологические проявления эристики усиливают институциональную эристичность коммуникации (часто встречается среди политиков: В.В. Жириновский, Ж.-Л. Меланшон и т.п.; в период «незрелого парламентаризма» – в некоторых парламентах [21; 24]).

Поэтому, в отличие от агрессии, эристика не стремится интенционально к «пренебрежению» нормами этики, кооперативного общения и т. д. Скорее, мы имеем дело с категориями, представленными П. Бурдьё в понятиях габитуса ('habitus'), символической власти ('symbolic power') и символического насилия ('symbolic violence') (см., напр. [31]).

Следуя Теории (не)вежливости [34], сама категория вежливости является неоднозначной, более дифференцированной и менее нормативной, о чем свидетельствуют такие понятия и термины, как позитивная и негативная (не)вежливость, псевдо(не)вежливость, «гипервежливость» (hyperpolitesse), «не-вежливость» (non-politesse), «вежлигрубость» (polirudeness) [37]. В таком ракурсе «невежливость» как салиентный и отрицательно маркированный член оппозиции в рамках категории «вежливости» перестает, по сути, быть оценочной категорией. В институциональном эристическом речевом взаимодействии «невежливость» становится частью поведенческой нормы, «нормативной» невежливостью в рамках ситуативного «политического поведения» (politic behaviour) [41: 19]. «Политическое поведение», таким образом, – это лавирование между вежливостью и эристикой, речевая манипуляция, оптимальное «политически» релевантное ситуативное поведение.

Понятие «политического поведения» шире понятия политической коммуникации. «Политическое» поведение – это динамика адаптации речевого поведения к постоянно меняющимся обстоятельствам текущего речевого взаимодействия. Речевое поведение определяется менталитетом (сознанием) – когнитивными установками (стереотипами) – и ситуативными когнитивными моделями. В такой перспективе многие эристические языковые формы, не только в институциональном, но и в обыденном общении, оставаясь эристическими, теряют статус «рече-агрессивных» [35]. Можно ли считать речевой агрессией (действительно агрессивным) требование «выйти вон» учителя к провинившемуся ученику («не-вежливость», по К. Кербрат [37]) или ласковое обращение «дурачок». Часто инвективная лексика подвержена прагмасемантической конверсии [2], когда в определенном контексте (ситуации) меняется оценочный смысл речезыковой формы. Десемантизированные и прагматизированные изначально бранные формы в русском просторечии (русские постпозитивные «артикли») типа «-на», «-б/мля» и т. п. или в роли местоимения («какой-то хрен пришел» и т. д.), в английском речевом узусе – «f.ck» и «f.cking», во французском – «putin», «merde» «merdique», «con», «connerie» – становятся полифункциональными интеракционными маркерами (персуазивный элемент, междометие, маркер интерперсональной и/или социальной идентичности и т. д.) и т. д. [18]. Их эристичность не всегда «агрессивна» интенциональна (с точки зрения говорящего) и состоит в трансгрессии речевой нормы, этикета без ущерба для адресата. Однако она может восприниматься не только как собственно эристическая реципиентом, но и вызвать у него чувство неловкости, презрения, провоцирует возмущение и протест, – тогда она перекалфицируется в РА.

Лингвокогнитивным механизмом отделения эристических форм от вербально-агрессивных может стать теория окказиональных [4] или ad hoc-концептов [33], когда иллюкутивная референция эристических языковых форм не является адресно-денотативной (то есть их референтом не является адресат как личность) и не несет прямой (интенциональной) угрозы «положительному лицу» собеседника. Тогда референция носит фигуративный (метафорический) характер и, являясь эристической, тем не менее не является речевой агрессией [19; 20].

Коммуникативная эристика – это прежде всего неконвенциональная коммуникация, то есть интенционально направленная адресату девиантная форма (аномалия) плана выражения или плана содержания, создающая внутреннее напряжение (вызов, провокацию) в восприятии и интерпретации когнитивной (ментальной) репрезентации (содержания) и речезыковой формы.

Таким образом, введение в терминологический аппарат юрислингвистики понятия и термина *эристика, эристическое речевое поведение* может способствовать дифференциации агональности и отделения проявлений эристической интенциональности в речи от речевой агрессии.

124 | Хотя, конечно, в каждом конкретном случае в решении суда об адекватности лингвистической экспертизы должно присутствовать *разумное сомнение* – понятие, также необходимое как адвокатам, так и присяжным (если таковые имеются).

Литература

1. Алферов А.В., Белова В.Ф., Кустова Е.Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 21–26.
2. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Прагмасемантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) // Вестник ПГЛУ. 2014. № 1. С. 59–62.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
4. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018. 478 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Специальная литература, 1996. 398 с.
6. Воронцова Т.А. Квазиагрессия в межличностном общении // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX Международной научной конференции. Т. 2. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2018. С. 5–8.
7. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи: дис. ... доктора филол. наук. Уфа, 2005. 689 с.
8. Егорова Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Язык и текст langpsy.ru. Т. 2. 2015. № 3. С. 69–75. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournals.ru/langpsy /2015/n3/Egorova.shtml> (дата обращения: 13.07.2019).
9. Зайцев А.В. Диалог: конфликт или кооперация? (Обзор точек зрения и инновационная парадигма управления диалогом) // Конфликтология / Nota bene. 2016. № 4. С. 257–266.
10. Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.
11. Кондаков И.В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4-2(10). С. 221–230.
12. Ларионова Т.В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7. Ч. 1. С. 117–120.

13. Месропян Л.М. Речевая манипулятивная агрессия как контаминированный вид речевого воздействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 3. С. 63–67.
14. Поварнин С.И. Спор: О теории и практике спора. СПб.: Лань, 1996. 149 с.
15. Романов А.А., Романова Л.А. Речежанровая специфика эмоциогенного фактора вербальной агрессии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. № 35. С. 12–23.
16. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и не-прямая коммуникация. Саратов, 2003. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html> (дата обращения: 13.07.2019).
17. Тамразова И.Г. Теледебаты в эристическом формате «дуэль»: речевое поведение телеведущих // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно–политические и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 33–36.
18. Тамразова И.Г. Контрастивный анализ эристического дискурса французского и русского языков // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 412–414.
19. Тамразова И.Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85–87.
20. Тамразова И.Г. Нормы речевого поведения и релевантность высказывания // Общественные науки. 2017. № 2–1. С. 362–366.
21. Тамразова И.Г. Полиmodalность французского эристического дискурса: опыт интеракционального исследования // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 96–103.
22. Тамразова И.Г. Концептуальная динамика риторики: эвристическая интерпретация эристики // Медиариторика и современная культура общения / отв. ред. В.И. Аннушкин. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 549–555.
23. Тамразова И.Г. Культурологическая эристика и ее отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 146–158.
24. Тамразова И.Г. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки. Коллективная монография / под ред. А.В. Алферова, И.Г. Тамразовой. М.: Московский Политех, 2019. 248 с.
25. Черкасова М.Н. Речевая агрессия как предмет лингвистической экспертизы (на примере текстов СМИ, содержащих сведения экстремистского характера) // Научные ведомости Бел. ГУ. 58 № 14 (69). 2009. С. 57–63.

26. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 204–222.
27. Шейгал Е.И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 145–148.
28. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: ЛКИ, 2008. 360 с.
29. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
30. Benjamin J. Eristic, dialectic, and rhetoric // *Communication Quarterly*. Vol. 31, 1983. P. 21–26.
31. Bourdieu P. Doxa and common life // *New Left Review*, № 191. 1992.
32. Brackett M. A., Mayer J. D., Warner R. M. Emotional intelligence and its relation to everyday behavior // *Personality and Individual Differences*, 36, 2004. P. 1387–1402.
33. Carston R. Metaphor: Ad hoc concepts, literal meaning and mental images // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 2010. P. 295–321.
34. Culpeper J. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: CUP, 2011. 292 p.
35. François J. L'analyse de la contradiction // *La linguistique de la contradiction*. Bruxelles: Peter Lang, 2013. P. 9–16.
36. Goffman E. *Façons de parler*. P.: Minuit, 1987.
37. Kerbrat-Orecchioni C. L'impolitesse en interaction [En ligne] // *Lexis*, HS 2, 2010. URL : <http://journals.openedition.org/lexis/796>.
38. Schopenhauer A. *L'art d'avoir toujours raison ou Dialectique éristique* (1864). Strasbourg: Circé, 1999. 221 p.
39. Sperber D. Epistemic Vigilance // *Mind & Language*, Vol. 25, No. 4 September 2010. P. 359–393.
40. Tamrazova I. G. Eristic as a component of rhetoric // *Modern Science*. 2016. № 9. С. 57–59.
41. Watts R. J. *Politeness*. Cambridge University Press, 2003. 318 p.

I. G. Tamrazova

ERISTIC AND VERBAL AGGRESSION: THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION

Abstract: The article discusses the implicit mechanisms of the antagonistic language through the category eristic verbal behavior. The author on the basis of conceptual analysis proposes to distinguish the occurrence of agonal eristic from the cases of verbal aggression, that can contribute to the theory and practice of linguistic expertise.

Keywords: eristic speech, verbal aggression, eristic verbal behavior, antagonistic verbal communication.

Раздел 2.
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

М. А. Генгер

mgenger@yandex.ru

специалист (специальность «Психология»),

главный эксперт отдела комплексных экспертиз и исследований по особо важным делам ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

Москва, Россия

Е. В. Гурова

gurova_lena@bk.ru

магистр (направление «Филология»),

главный эксперт отдела комплексных экспертиз и исследований по особо важным делам ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

Москва, Россия

ФАКТОР АДРЕСАТА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ «ЭКСТРЕМИСТСКИХ» ЗНАЧЕНИЙ

Аннотация. При установлении психологических и лингвистических «экстремистских» признаков по делам, связанным с противодействием экстремизму, особую роль занимает анализ коммуникативной ситуации, в частности установление адресата, в том числе целевого. В статье будут проанализированы случаи, в которых несовпадение адресата материала и целевого адресата приводит к установлению различных «экстремистских» значений с учетом каждого из выявленных адресатов.

Ключевые слова: адресат, публичный/непубличный адресат, «свой»/«чужой» адресат, целевой адресат, противодействие экстремизму, комплексные психолого-лингвистические исследования и экспертизы.

Наиболее полное и всестороннее исследование материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму, проводится экспертом-лингвистом совместно с экспертом-психологом в рамках комплексных психолого-лингвистических исследований и экспертиз. Эксперт-лингвист проводит предметно-тематический, целевой, оценочно-экспрессивный анализ текста. Эксперт-психолог устанавливает особенности конфликта, отраженного в объекте исследования, выявляет использованные автором методы психологического воздействия на адресата, эксплуатируемые социальные стереотипы и социально-психологическую направленность материала. При этом и лингвист, и психолог должны исследовать коммуникативную ситуацию, которая включает в себя установление адресата анализируемого текста.

Адресат – это воспринимающий сообщение, слушающий или читающий [1: 22]. Адресат выполняет важную роль в общении: его деятельность способствует успешности коммуникативного взаимодействия. Автор текста (в данном случае мы понимаем текст в широком смысле) ориентируется на то, как он будет воспринят и интерпретирован его адресатом.

Говоря о факторе адресата в рамках противодействия экстремизму, следует иметь в виду, что коммуникативная ситуация предполагает участие нескольких типов адресата:

- публичный (массовый)/непубличный;
- «свой»/«чужой»;
- целевой/нецелевой.

Межличностная коммуникация, чаще всего представленная в электронных письмах, телефонных разговорах, сообщениях в мессенджерах и др., ограничена общением небольшого количества людей (обычно, двумя) и характеризуется непубличным типом адресата. Согласно российскому законодательству, экстремистская деятельность описывается через перечень деяний, неотъемлемым атрибутом большинства из которых является публичность. В условиях развития информационных технологий Интернет, различные социальные сети стали одним из тех публичных пространств, где возможно нарушение законодательства, связанного с противодействием экстремизму и терроризму.

В нашей практике одним из самых частых типов адресата является публичный или массовый адресат. Материалы публикуются на страницах в социальных сетях, они, как правило, рассчитаны на то, что их посмотрит/прочитает/послушает большое количество людей; в других видах материалов адресатом выступают участники массового мероприятия, зрители/читатели/слушатели СМИ, читатели книги/листочки и др. Все эти материалы ориентированы на неограниченно широкий круг лиц.

Адресат может быть как «своим» (соотнесение адресата с той группой, с которой идентифицирует себя автор), так и «чужим» (соотнесение адресата с группой, с которой автор себя не идентифицирует). Тексты, адресованные «своим» и «чужим», отличаются набором коммуникативных целей [3: 135]. Так, если «своих» чаще пытаются побудить, убедить, то «чужих» – чаще обвинить, оскорбить, угрожать им и др.

Целевой адресат – это тот, к кому непосредственно обращается автор текста. Бывают случаи, когда адресат (тот, кто посмотрит/прочитает/послушает материал) не совпадает с целевым адресатом (тот, к кому непосредственно обращается автор). Такая ситуация может быть, например, в том случае, когда исходный материал републикуется. Эксперт должен установить адресата и целевого адресата, а затем установить коммуникативную цель автора/публикатора и направленность материала в зависимости от выявленных адресатов.

При производстве комплексных психолого-лингвистических экспертиз и исследований материалов, связанных с противодействием экстремизму,

130 | особый интерес представляют случаи, когда анализ коммуникативной ситуации выявляет несовпадение адресата материала и целевого адресата, что может приводить к установлению нескольких «экстремистских» значений.

В этой связи, установление адресата, в том числе целевого – одна из важнейших задач в экспертизах по делам, связанным с противодействием экстремизму. Далее рассмотрим на конкретных примерах случаи, в которых определение адресата влияет на установление различных «экстремистских» значений.

1. Коммуникативная ситуация: представленная на исследование видеозапись размещена на персональной странице пользователя социальной сети «Одноклассники», который, оценивая предоставленные на исследование публикации как «классные», продемонстрировал свой интерес к теме ислама, в том числе радикального. Реальные установки, интересы и взгляды пользователя социальной сети «Одноклассники» представляется возможным оценить при личном опросе.

Адресатом объекта, представленного на исследование, являются прежде всего те, кто добавлен в списки друзей пользователя, разместившего видеозапись в сети Интернет, а также иной неограниченно широкий круг лиц.

В объекте отражен религиозный конфликт между мусульманами, с которыми солидаризуется говорящий (*мы, нам*) и христианами как группами лиц, выделяемыми по религиозному признаку.

Говорящий обращается к целевому адресату – христианам, к которым в объекте проявлено враждебно-презрительное отношение посредством:

– указания на несоблюдение в современном христианском мире христианских ценностей: *Вы давно отошли от заветов даже вашего Иисуса; Вы позволяете вашим женщинам продавать свое тело; Вы жените гомосексуалистов и устраиваете концерты в ваших храмах;*

– указания на слабость, трусость христиан: *На самом деле вы слабые, вы боитесь даже собственной силы;*

– указания на неотвратимость насильственных действий по отношению к ним (убийство/уничтожение) со стороны мусульман: текст *Через несколько лет у нас тоже будет атомная бомба. Тогда мир изменится* сопровождается изображением пылающей в огне полуразрушенной столицы одной из европейских стран (Франции); *Поэтому мы победим вас* (сопровождается изображением мужчины с огнестрельным оружием в руках), *как вы когда-то победили Рим; Теперь у нас есть ваше оружие и мы готовы умереть за Аллаха*. Насильственные действия (убийство) по отношению к христианам представлены в объекте как правильные, справедливые, к ним проявлено положительное отношение: *Бедные и голодные всегда побеждают сытых и богатых.*

Объект направлен на инициацию у целевого адресата – христиан чувства страха, тревоги посредством указания на однозначную победу мусульман: *Мы воюем за нашу веру; Мы вас победим.*

Таким образом, объект направлен на формирование у адресата (христиан) представления о неотвратимости действий насильственного характера (убийства/ уничтожения) по отношению к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку.

Адресатом объекта исследования с учетом контекста его публикации являются мусульмане, на что в том числе указывает группа, с которой себя идентифицирует публикатор. В этой связи объект направлен на формирование враждебно-презрительного отношения к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку (подробнее см. выше). В качестве способа выхода из сложившегося конфликта в объекте указаны насильственные действия по отношению к христианам (убийство), которые описаны как правильные, справедливые (см. выше).

Таким образом, объект направлен на формирование у адресата (мусульман) враждебной установки, преимущественно ее когнитивного и эмоционального компонентов, по отношению к христианам.

Коммуникативная цель автора/публикатора – выражение враждебного отношения к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку, и предупреждение христиан о насильственных действиях (убийстве/ уничтожении) по отношению к ним.

Социально-психологическая направленность объекта – формирование у адресата (христиане) представления о неотвратимости действий насильственного характера по отношению к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку; формирование у адресата (мусульмане) враждебного эмоционально-смыслового отношения к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку.

Таким образом, в объекте содержится совокупность психологических и лингвистических признаков:

– угрозы применения насильственных действий (убийства) мусульманами по отношению к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку;

– возбуждения вражды, ненависти по отношению к христианам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку.

2. Коммуникативная ситуация: представленная на исследование видеозапись размещена на персональной странице пользователя социальной сети «ВКонтакте».

Название видеозаписи: «Бойтесь, враги Аллаха!». В видеозаписи демонстрируются следующие кадры: начальная заставка представляет собой текст: *Звон мечей по русски Тот самый Кафир, Звезда Ютуба, ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ!* Затем в кадре лицо мужского пола произносит речь: *Потому что на том свете я достану этого чёртового Аллаха, что бы мне это ни стоило. И раздавлю его как мерзкую крысу, потому что он и есть крыса. Привет вам, мусульмане.* Далее демонстрируется сцена избияния мужчины и текст: *Привет.*

В названии видеозаписи «Бойтесь, враги Аллаха!» содержится обращение к немусульманам, при этом адресатом объекта исследования с учетом контекста его публикации являются мусульмане, на что в том числе указывает группа, с которой себя идентифицирует публикатор – мусульмане (следует из совокупности предоставленных на исследование материалов).

В ролике выражено враждебное отношение к немусульманам, они именуются *врагами Аллаха*, демонстрируется сцена избиения представителя указанной группы лиц (*Тот самый Кафир*). Немусульманина избивают в связи с тем, что он выражает враждебное, презрительное отношение ко Всевышнему мусульман (Аллаху). Демонстрируемые насильственные действия по отношению к немусульманину представлены как возмездие, как то, чего он заслуживает (*Тот самый Кафир <...> ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ!*) за враждебное, презрительное отношение к Аллаху (*чёртов Аллах; раздавлю его как мерзкую крысу, потому что он и есть крыса*). В объекте демонстрируется готовность мусульман отстаивать свои религиозные убеждения путем совершения насильственных действий по отношению к немусульманам. Учитывая, что адресатом материалов, расположенных на странице пользователя, являются мусульмане, демонстрируемые насильственные действия используются для формирования враждебной установки в отношении немусульман. Мусульманам продемонстрирован приемлемый способ разрешения конфликта.

При этом в названии ролика содержится обращение к немусульманам. Высказывание *Бойтесь, враги Аллаха!* имеет угрожающую направленность, представляет собой угрозу-наказание. «Угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует <...>. Основной смысловой акцент в семантической экспликации угрозы-наказания в том, чтобы заставить адресата бояться наказания <...>. Угроза-наказание содержит компонент “предупреждение о наказании” – за уже сделанное или за будущие действия» [4]. Нежелательным в объекте представлено отношение мужчины-немусульманина к Аллаху, которое переносится на всю группу «немусульмане». Таким образом, отношение немусульман к Аллаху оценивается негативно, как заслуживающее наказания (насильственных действий со стороны мусульман).

Коммуникативная цель автора/публикатора – выражение враждебного отношения к немусульманам как к группе лиц, выделяемой по религиозному признаку; демонстрация готовности бороться с немусульманами насильственным способом (адресат – мусульмане); информирование немусульман о наступлении негативных последствий – насильственных действий за презрительное отношение ко Всевышнему мусульман (адресат – немусульмане).

Социально-психологическая направленность исследуемого объекта – формирование у адресата враждебного эмоционально-смыслового отношения к немусульманам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку;

формирование у адресата (немусульмане) представления о неотвратимости действий насильственного характера по отношению к немусульманам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку.

Таким образом, в объекте содержится совокупность психологических и лингвистических признаков возбуждения вражды, ненависти по отношению к немусульманам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку; признаков угрозы применения насильственных действий по отношению к немусульманам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку.

Таким образом, установление адресата, в том числе целевого – одна из важнейших задач в экспертизах по делам, связанным с противодействием экстремизму. Были рассмотрены случаи, в которых адресат материала и целевой адресат не совпадают, что привело к установлению экспертами дополнительных «экстремистских» значений с учетом каждого из выявленных групп адресатов.

Литература

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

2. Каминская Т.Л. Адресат газетного текста: опыт типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 1. Ч. II. 2008.

3. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму // подготовлены Кукушкиной О. В., Сафоновой Ю. А., Секераж Т. Н.; Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦЭСЭ при Минюсте России). М., 2011.

4. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. I. М., 2013.

M. A. Genger, E. V. Gurova

THE ADDRESSEE'S FACTOR IN ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC SIGNS OF "EXTREMIST" MEANINGS

Abstract: When determining psychological and linguistic signs in cases related to countering extremism, a special role is played by the analysis of the communicative situation, in particular, the determining of the addressee, including the target addressee. The article will analyze cases in which the mismatch of the addressee and the target addressee of the same material leads to the determination of various «extremist» values according to each of the identified addressee.

Keywords: addressee, public/non-public addressee, "one's own"/"foreign" addressee, target addressee, counteraction to extremism, comprehensive psychological and linguistic research and expertise.

*доктор педагогических наук, кандидат филологических наук,
профессор Пятигорского государственного университета,
директор Научно-практического центра многопрофильных
гуманитарных исследований, консультаций и экспертиз ПГУ
Пятигорск, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье выявляются и характеризуются основные методологические проблемы судебной лингвистической экспертизы текста экстремистского содержания. Автором обоснованы положения о возможностях и путях экспертизы поликодового текста, выявлении лингвистических признаков пропаганды и декодирования скрытого призыва.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремистский текст, пропаганда, скрытый призыв, поликодовый текст.

Реалии настоящего времени таковы, что с проявлением экстремизма обществу приходится сталкиваться очень часто. На тему экстремизма много говорят и пишут, рассуждают и размышляют, так как конфликты на этнической, конфессиональной или социальной почве, способные перерасти в экстремизм и связанные с терроризмом, в современных условиях представляют собой угрозу национальной безопасности и стабильности общественного и государственного развития любой страны. Многоликое информационное поле, как официальные СМИ, так и автономные издания, социальные сети в Интернете, блоги, выступления на митингах и «маршах», приходится признать, стало площадкой для проявлений повышенной агрессии, экстремизма, а вместе с тем и инструментом распространения экстремистских идей. Безусловно, общество и государство предпринимают меры по борьбе с этим явлением: принят Федеральный закон «О противодействии экстремизму и экстремистской деятельности», ведется постоянная работа с молодежью [16]. Согласно законодательству, одним из векторов противодействия экстремизму и терроризму, является противодействие информационным, вербальным выражениям экстремизма. Правоприменение действующих законодательных мер связано с необходимостью квалификации информационного материала как экстремистского, и это требует обращения к лингвистической экспертизе (или психолого-лингвистической). В числе вербальных выражений экстре-

мизма оказываются, прежде всего, высказывания, связанные с возбуждением ненависти или вражды, призывы к совершению насильственных действий, высказывания, оправдывающие терроризм в разных проявлениях и пропагандирующие экстремистские и террористические идеи, представляющие героизацию лидеров – экстремистов.

Анализ специальной литературы по проблеме лингвистической экспертизы экстремистского текста (в работах Л.А. Араевой, М.А. Осадчего, А.Н. Баранова, К.И. Бринева, М.Б. Ворошиловой, Е.И. Галяшиной, Е.С. Кара-Мурзы, М.Л. Подкатилиной и др.) показал, что теория таких исследований за последние десятилетия существенно обогатилась [1–7; 12; 14]. Однако сложившаяся практика проведения лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности далеко не однозначна, на теоретические и методологические ее проблемы не раз обращали внимание специалисты. Проблемы параметризации и определения призыва, вопрос о нечеткости признаков понятия «социальная группа», специфика анализа религиозных экстремистских текстов стали предметом во многих научных трудах [8; 9; 11; 14].

В этой связи уместно выделить такие дискуссионные явления, которые становятся едва ли не камнем преткновения в лингвистической экспертизе, затрагивая определение границ исследования, применение методов анализа материалов исследования и трактовку положений лингвистической теории в отношении лингвистической экспертизы разного вида текстов. Хотя в целом лингвистике, как и любой гуманитарной науке, свойственны дискуссионность и вариативность, но эти ее свойства необходимо свести к минимуму в случае лингвистической экспертизы, когда выводы лингвиста связаны с вынесением судебных решений.

Исследование содержания экстремистского текста (т. е. текста в широком смысле) неотделимо от понимания собственно ключевой его категории – «экстремизм», ибо экстремистские идеи – это специфические и достаточно разнообразные конструкты смыслов, импульсов, императивов и манипуляций, которые способны формировать у аудитории соответствующие чувства, взгляды, убеждения и мотивы к действию, побуждающие к действиям против лица или группы лиц. Выразить экстремистские идеи, не прибегая к их словесной реализации, нельзя, что приводит к появлению соответствующего текста, излагающего идеи нетерпимости и вражды по отношению к группе «чужих», подстрекающего к вытеснению «чужих» и питающего конфликт с «ними», призывающего к насильственным действиям против определенных групп лиц. Первостепенную значимость для лингвиста в таком тексте обретают признаки способности экстремистского послания изменить сознание адресата и заставить его действовать, т.е. способности конфликтогенного текста экстремистского содержания оказывать воздействие (побуждать, призывать) и формировать направленное восприятие информации (формировать образ

136 врага), передавать агрессию в средствах реализации текста. Восприятие и понимание конфликтогенного дискурса в целом и текстов экстремистского содержания в частности обуславливается не только информативным, смысловым наполнением сообщения, не только социальной, психологической, аксиологической, культурной, коммуникативной позициями реципиента-аудитории, но и в значительной степени лингвистическими характеристиками текста.

Итак, текст экстремистского содержания на семантическом уровне всегда реализует оппозицию «свой – чужой» (или «мы» – «они») [10: 18; 12: 125]. Оппозиция направлена на формирование и укрепление идентификации признаков группы и зиждется на ярком контрасте: свои всегда хорошие, чужие всегда плохие. В семантике языковых средств, реализующих эту оппозицию, контраст может разрастаться до масштаба «мы, свои, хорошие, т. е. идеальные», – «они, чужие, плохие, т. е. враги». Прагматическая канва экстремистского текста в целом однотипна: чтобы выделить признаки «чужих» и обосновать их «вражескую» суть, автор экстремистского текста прибегает к показу отрицательных сторон чужих вплоть до уничижительных оценок в их адрес, отрицательных действий чужих, угроз, исходящих от чужих, таких замыслов и намерений чужих, которые обнаруживают их нацеленность на подавление интересов «своих». Прагматические особенности выражаются в ряде коммуникативных целей, которые могут прослеживаться в тексте: сформировать определенное внутреннее убеждение у адресата по отношению к «чужим», т. е. собственно возбудить ненависть, вражду, на этом основании побудить адресата к действиям против «чужих» (призывать к действиям, подстрекать к действиям). Манифестация враждебных намерений группы «чужих» высвечивает требуемые адресантом текста оборонительные действия так, что адресат склоняется на сторону автора текста («мы с тобой должны им противостоять!»), принимая необходимость искоренения «зла» и положительную мотивацию для действий группы «своих»: мы все делаем правильно, поэтому изгоняй чужих, бей, уничтожай, презирай.

Среди текстов экстремистского содержания исследователи справедливо выделяют такие разновидности текстов, как пропагандистские и агитационные [9: 109]. Первый вид имеет цель донести и разъяснить информацию, направленную на формирование у аудитории определенных взглядов, установок, убеждений. Такие тексты могут не содержать призывов к действиям. Второй вид содержит призыв к определенным действиям. На практике же мы чаще сталкиваемся с текстами смешанного вида, в которых пропаганда и агитация вплетены в одно текстовое пространство, но именно пропагандистские намерения и речевые действия автора, проявляющиеся в тексте, не всегда отражаются в заключениях экспертов, ибо для убедительной презентации пропагандистского вектора текста (пропаганда понимается как целенаправленное распространение среди широкого круга лиц каких-либо

идей, взглядов, представлений или побуждений к каким-либо действиям) придется доказывать наличие в материале систематичности разъяснения автором текста идей и соответствующих тезисов.

В практике исследований часто встречаются такие объекты, как страницы пользователей в соцсети. Как правило, содержимое страницы может показать пропагандистские намерения и деяния пользователя. Например, в информационных материалах, размещенных на странице пользователя «N Caucasus» сети «ВК», выражается идея необходимости деокупации Кавказа. Так, автор постов неоднократно утверждает, что Россия «оккупировала Кавказ», обосновывает необходимость деокупации Кавказа и борьбы за «освобождение»: *«Мы стремимся к деокупации своей Республики; Мы должны освободить ее из-под кремлевского ига... <...> это наша с вами земля»,* – и др. Идея деокупации Кавказа обосновывается, разъясняется автором в виде ряда тематически связанных и семантически тождественных материалов в контенте всей страницы пользователя «ВК». Значимыми маркерами содержательно-смыслового единства выступает лексическое наполнение, где доминантой является лексема *деокупация*.

В современных условиях широкого публичного информационного поля экстремистская информация гораздо чаще представлена имплицитно. Это относится в том числе к медийным текстам соцсетей, комментариям и т. п., хотя в таких «личностных» текстах, социумной переписке, конечно, автор может скорее позволить себе открытые высказывания. Все же авторы экстремистских текстов чаще осуществляют скрытое внедрение собственных идей. Именно поэтому в числе особых трудностей анализа экстремистского текста выделяют категорию высказываний, которые относятся к скрытым призывам и манипуляциям. В процессе исследования необходимо не только обнаружить имплицитные призывы и идеи, но и эксплицировать их содержание, продемонстрировать содержание завуалированного послания с опорой на имеющиеся текстовые маркеры (а не с опорой на субъективные ощущения и домыслы эксперта), поскольку имплицитное содержание «выявляется на основе дополнительного осмысления значения слов и выражений, входящих в высказывание, с учетом всего контекста и ситуации употребления этого высказывания» [15: 10]. Например: в печатном материале «N... о Тагуте» содержится высказывание: *«...если мы не сделаем правильных выводов из того, что случилось, и не изменим порядок, мы можем лишиться милости Аллаха»,* – являющееся скрытым побуждением к созданию имарата и установлению шариата на Кавказе. Смысл имплицитного призыва, по А.Н. Баранову, становится доступен адресату в результате извлечения смысла из эксплицитной информации при помощи ментального способа обработки (схемы), уже существующего в готовом виде в языковом сознании носителя языка [2: 452]. Как показал анализируемый материал, в ближайшем контек-

138 | сте смысл данного призыва раскрывается в ряде высказываний: *«шариат как система правления — неотъемлемая часть нашей религии, отказ от какой-либо части религии означает отказ от всего ислама. Именно этого и добиваются сегодня кафиры. Для укрепления шариата нужен имарат», но... «сейчас мы живем не так, как велит ислам и жили наши праведные предки».* В рассматриваемом случае задействуется когнитивный механизм интерпретации высказывания о необходимости соблюдения некоторого правила в качестве призыва соблюдать это правило, высказывания о негативных последствиях неправильного положения дел как призыва к действиям по исправлению этого положения. Экспликация смысла скрытого призыва, таким образом, требует доказательства как предъявления языковых средств, употребленных в тексте.

Следующая трудность сопряжена с анализом поликодового текста, фактура которого состоит из вербального и невербального элементов разных семиотических систем, имеющих смысловую связь, формирующую устойчивое смысловое единство [9: 109]. Современные медиатексты экстремистской направленности могут иметь разнообразные форматы донесения информации, в том числе «документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности...» [16: ст. 1]. По смыслу статьи закона следует, что такие материалы – это не только словесно представленный текст, но и информация, переданная невербальными способами: рисунками, символами, фотоизображениями, видеорядом, музыкой и т. д.

Научные и судебные споры по этому вопросу сводятся к выявлению теоретических оснований возможности или невозможности анализа поликодового текста, связанных с традицией интерпретации лингвистической экспертизы преимущественно как «исследования текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [6: 19]. Дискуссионным является вопрос о возможности лингвистического анализа «иконической» информации, возможности вербализовать информацию, выраженную символами, музыкальными знаками, изображениями, жестами, входит ли это в компетенцию эксперта-лингвиста. По мнению одних, исследование текста, понимаемого как «объединенной смыслом последовательности знаковых единиц», входит в компетенцию лингвистической экспертизы, другие же опровергают возможность и правомерность лингвистического исследования поликодовых текстов [3; 6; 13; 14].

В поликодовом тексте разные семиотические знаки, взаимодействуя между собой, не могут быть не соотнесены с вербальной стороной информации, поскольку смысл информации реципиент для себя формулирует вербально. Раскодирование смысла знака, символа, изображения реципиентом осуществляется посредством языка, т.е. реципиент перекодирует, превращает изображение в текст. Некоторые символы, знаки вообще являются носителями

четкого смысла и вербализованных значений, закрепленных как в данной семиотической системе, так и в общеупотребительной символизации. Есть невербальные знаки, которые легко раскодируются и без поддерживающего контекста. Достаточно обратиться к распространенным символам и изображениям для иллюстрации сказанного: например, это «полумесяц» в исламском дискурсе, характерный жест – «нацистское приветствие», узнаваемая национальная мелодия и пр. Невербальные знаки (изображения, музыка, видеоряд и др.) могут быть представлены в виде словесной информации, при этом вербализация смыслового содержания знака тем точнее, чем устойчивее сам знак в картине мира, чем шире его функционирование в информационном поле. Интерпретации смыслового содержания невербального знака, безусловно, способствует контекст: это могут быть как сопровождающие надписи, так и семиотические объекты иных систем (изображение + текст + музыка и т. д.). Стоит принимать во внимание и наличие общих фоновых знаний у адресата и адресанта. Соединение вербальной и невербальной информации в тексте далеко не случайно, напротив, подчинено коммуникативному намерению автора. В информационном пространстве, образуемом экстремистским текстом, вербальные и невербальные знаки взаимодействуют на глубинном уровне текста, вступая в смысловые связи и отношения [8]. Прагматический аспект такого семиозиса очевиден: усиленное воздействие на реципиента.

Так, в видеоматериале «*Обращение... воинов черного знамени*» на фоне растянутого черного знамени от имени муджахидов Кавказа выступает с обращением человек. Экстремистские идеи и призывы к насильственным действиям выражают не только высказывания говорящего, но и образы, представленные в видеозаписи: видеоряд содержит изображение человека в военной форме, в черном головном уборе, закрывающем лицо (т. е. в балаклаве), с ремненным военным снаряжением, с оружием (милитарный образ – это образ войны); человек изображен на фоне полотна черного цвета, на котором имеется надпись не на русском языке. Полотно, образ-символ, используется как знак принадлежности к войску *черного знамени* так называемого «*Исламского государства*», запрещенного в России. Лексическое наполнение текста и наличие раскодируемых семиотических знаков создают единое смысловое пространство текста.

Смысловое содержание поликодового текста многослойно, но доступно для раскодирования в рамках лингвистической экспертизы при подходе к тексту как информативному и коммуникативному целому. Кроме того, как показывает практика анализа таких текстов, обычно экстремистские произведения обращены к массовой аудитории, рассчитаны на вовлечение в экстремизм как можно большего количества людей, поэтому они содержат информацию в доступных массовому же получателю семиотических знаков, раскодирование смысла которых не потребует значительных усилий.

140 | Конечно, отмеченные нами проблемы не исчерпывают всех трудностей анализа текста экстремистского содержания, но определяют те области, где только системный подход позволяет успешно решать поставленные перед лингвистической экспертизой задачи.

Литература

1. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 45–56.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007. 592 с.
3. Баранов А.Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 9–36.
4. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 20–24.
5. Ворошилова М.Б. Лингвистическая экспертиза конфликтного текста. М.: Флинта, 2019. 220 с.
6. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006. 96 с.
7. Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // Эксперт-криминалист. 2009. № 2. С. 14–16.
8. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: Судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика [Электронный ресурс]. – URL: http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ehkstremistskogo_teksta/5-1-0-137.
9. Громова Н.С. Особенности и проблемы производства лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, проф. Юрия Кузьмича Орлова (г. Москва, 19–20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 109–110.
10. Зеленина О.В., Суслонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов: пособие. Екатеринбург, 2009. 84 с.

11. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики // Международная конференция «Культура русской речи», «Русский язык в культурно-историческом измерении». Сборник материалов. М.: Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 107–110.
12. Кичева И.В., Правикова Л.В. Когнитивно-семиотические свойства дискурса вербального экстремизма // Вестник ПГЛУ. 2013. № 4. С. 123–128.
13. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секараж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / РФЦСЭ при Минюсте России. М.: Минюст, 2011. 330 с.
14. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
15. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки, 2011. 67 с.
16. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2002. № 30.

I. V. Kicheva

PROBLEMS OF LINGUISTIC EXPERTISE OF EXTREMIST TEXTS

Abstract: The article identifies and characterizes the main methodological problems of judicial linguistic examination of the text of extremist content. In the process of analyzing extremist works, substantiated are the provisions on the possibilities and ways of examining a multicode text, identifying linguistic signs of propaganda and decoding a hidden appeal.

Keywords: linguistic expertise, extremist text, propaganda, hidden appeal, multicode text.

Э. П. Лаврик
ehl7983@yandex.ru
кандидат филологических наук,
доцент Северо-Кавказского федерального университета
Ставрополь, Россия

СПЕЦИФИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых средств оправдания террористической деятельности, а также синкретичных средств выражения оправдания в креолизованных текстах.

Ключевые слова: оправдание терроризма, лингвистическая экспертиза, языковые приемы оправдания, креолизованный текст.

В современную эпоху глобализации к числу глобальных явлений стал относиться и терроризм, распространившийся по различным странам и континентам. Международные террористические организации охватывают большое число участников, их идеологи постоянно работают над распространением идей терроризма и вовлечения в свои ряды новых членов. Поэтому становится все более актуальным выявление языковых средств репрезентации этой противоправной деятельности, в том числе оправдания терроризма, что является важной лингвоэкспертной задачей и средством как противодействия преступлениям террористического характера, так и их предупреждения.

Вопросы предупреждения терроризма являются актуальными во всех странах, и после ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма в российском законодательстве также появилась статья 205.2 УК РФ (введена Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ, в дальнейшем претерпевала несколько редакций), в которой определены важнейшие понятия, связанные с терроризмом, имеющие речевую форму выражения: «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «публичное оправдание терроризма», «пропаганда терроризма» [1].

С юридической точки зрения «под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» [3]. Сама правовая дефиниция и ее пояснения позволяют сделать вывод о том, что описанные в ней действия вербализуются, то есть имеют словесную форму выражения. Решение экспертной лингвистической задачи выявления

признаков оправдания невозможно без идентификации объекта оправдания – «терроризма». Поэтому следует обратиться к правовому определению терроризма. Понятие терроризма и террористической деятельности дается в Федеральном законе от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму»:

1) терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

2) террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [2].

Таким образом, террористическая деятельность описывается в законе через перечень деяний, связанных с насилием, принуждением, воздействием и т. д. Под идеологией и практикой терроризма в Федеральном законе понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [2]. Показателем отношения деятельности к террористической является отнесенность используемых в спорных текстах языковых средств к тематическому полю «насилие». Как отмечают исследователи, «пропозициональное содержание речевого действия оправдания терроризма составляет описание насильственного действия, направленного на принуждение или подавление воли, устрашение кого-либо» [4: 107], причем такое речевое действие имеет политические цели.

В современных условиях наиболее частотным объектом лингвистического исследования по делам, связанным с оправданием террористической деятельности, становятся материалы, размещенные в сети Интернет, на страницах пользователей социальных сетей, то есть данные материалы

144 | доступны широкому кругу читателей и зрителей, следовательно, являются актом общественной коммуникации.

Формальными показателями отнесенности речевых произведений к тематике «террористической направленности» (с учетом более широкого контекста) являются упоминания слов следующих лексико-семантических групп:

– организаций, признанных террористическими (Исламское государство³, Аль-Каида⁴, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами⁵ и др.):

• «*Тактикой Исламского государства является нападать на врага, где бы он ни был, ища на поле боя одно из двух лучших: победу или шахаду – рай*»;

• «*Братья и сестры, гордитесь тем, что у вас есть Исламское государство, делайте всё, что от вас зависит, всё, что в ваших силах, чтобы положить хотя бы один кирпич для построения и для возведения стен этого Исламского государства*» (языковой материал здесь и далее приводится с сохранением орфографии и пунктуации источников);

– известных террористов (Шамиль Басаев, Саид Бурятский, Брейвик и др.):

• «*...Шамиль Басаев сделал все правильно, осетинские дети получили по заслугам...*»;

• «*Шамиль Басаев молодец, правильно сделал, что захватил и расстрелял больницу в вашем Буденновске, вот кто герой, кого нужно поддерживать и кому подражать, а не какой-то там Е. Родинонов*»;

– конкретных террористических актов:

• «*...за ту милость, которую он оказал нам на днях, и успокоив наши сердца и обрадовав нас той амалией, которую провели наши братья в Брюсселе, столице Европы, в самом сердце ихнего логова, логова кафи́ров и этих преступников. И хвала ему великая, и хвала ему множественная. И я поздравляю с этим прекрасным событием нашу Умму, нашу исламскую Умму во всех концах земли*»;

– географических объектов, мест, в которых ведется деятельность террористических организаций:

• «*О наши братья-мусульмане! Если мы слышим, что братья ваши выступили для Джихада в Шам, желая Джихада и самопожертвования, то вот перед вами основной первостепенный преступный враг...*».

³ Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С (http://www.suprcourt.ru/stor_pdf.php?id=1223842) международная организация «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») признана террористической. Ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Решением Верховного Суда РФ от 13 ноября 2008 г. N ГКПИ 08-1956 международная организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» признана террористической. Ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. N ГКПИ 03-116 организация «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») признана террористической. Ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Показателем того, что речь идет о действиях насильственного характера, являются лексемы, относящиеся к лексико-семантическому полю «война», «военные действия» («уничтожать», «уничтожение», «убиты», «прольется кровь», «война», «оружие» и т. п.).

Языковые показатели оправдания терроризма:

– использование высокой книжной лексики и лексики с позитивно-оценочной семантикой для описания террористических действий, например, действий, сторонников Исламского государства, лиц, воюющих в Исламском государстве:

• *«Что же касается муджахидов на Пути Аллаха, которые являются избранниками Аллаха среди Его творений, которых Он избрал из своих рабов, чтобы подвергнуть их прекрасному испытанию и избрать уже из них шахидов, то смерть кого-то из их лидеров или амиров, которые шли в бой впереди них и бросались навстречу гибели, только прибавляет им стойкости и решительности в сражениях с врагами Аллаха»;*

• *«В первую очередь воздаю хвалу Аллаху Всевышнему, Господу Великого трона, за ту милость, которую он оказал нам на днях, и успокоив наши сердца и обрадовав нас той амалией, которую провели наши братья в Брюсселе, столице Европы, в самом сердце ихнего логова, логова кафиrow и этих преступников. И хвала ему великая, и хвала ему множественная. И я поздравляю с этим прекрасным событием нашу умму, нашу исламскую умму во всех концах земли. Поздравляю с тем, что были оживлены сердца мусульман»;*

• *«Этот джихад, в котором к Аллаху ушли самые благочестивые, богобоязненные и лучшие среди нас»;*

– использование художественно-изобразительных средств высокого книжного стиля для описания деятельности участников террористических организаций:

• *«Нападайте на них как полчища львов на поле битвы. Чтобы написать нашу славу кровью неверных. И будьте убеждены, что мы непременно победим ихнее неверие Даже если мы вкусим смерть»;*

• *«О, Исламская Умма! Как мы можем увлекаться страстями!? Ведь смерть со всех сторон окружает нас. О, наша забытая рана! О, наш Багуз! Мы непременно перевяжем твои раны сами»;*

– апелляция к ценностям религиозного сознания, эксплуатация религиозных ценностей, атрибутов веры, использование религиозной риторики для оправдания действий членов террористических группировок и тех, с кем они солидарны (используется манипулятивная тактика «апелляция к авторитету»):

• *«Того, кто будет сражаться на пути Аллаха и будет убит или одержит победу Мы одарим великой наградой»;*

• *«Поистине, убийство наших братьев, опередивших нас и проявлявших терпение на этом пути, таких как шейх Абу Мухаммад аль-Аднани, да*

146 *примет Аллах его шахаду, никак не навредит этой религии. Поистине, эту религию хранит сам Аллах, Свят Он и Велик. И это также не навредит самим нашим братьям. Мы считаем их вышедшими на сражение на пути Аллаха, чтобы заслужить шахаду стоя лицом к врагу и не повернув ему спины. А про таких Всевышний сказал: «Никоим образом не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха».*

В такого рода высказываниях используются устойчивые формулы «ради Аллаха», «на пути Аллаха», «на джихаде», «делать джихад» и др. Следует подчеркнуть, что использование исламской религии, ее смыслов и терминов – главная отличительная черта террористических группировок и их идеологов. При этом мирная и толерантная суть ислама как мировой религии подменяется его радикалистскими трактовками, придающими ключевым понятиям исламской религии чуждый им брутальный смысл, связанный с насилием, ксенофобией и религиозной нетерпимостью.

В следующем стихотворном фрагменте содержится оправдание враждебных, насильственных действий, поскольку подразумевается, что Аллах одобряет террористические действия и принимает «шахидов» (в данном случае – террористов) в раю как своих сыновей:

Ты сегодня встретился с Аллахом,
Перешел заветную черту.
Твое тело скоро станет прахом.
Ты же осуществил свою мечту
Ты мечтал убитым быть в сраженье,
Не сложа оружия, в бою
Чтобы в судный час, день воскресенья
Быть с шахидами в одном строю.
Ты достиг своей заветной цели,
Подтвердив правдивость своих слов.
Да простит Аллах все прегрешенья,
И введет в число Своих рабов!

Кроме того, «шахида», как утверждается в тексте, ждет «обещанный рай»:

Гурии встретят тебя – ты забудешь про все,
Кровь сочится ещё из груди...
Вот обещанный Рай, этот дом - все твое,
Испытания уже позади.

– героизация участников вооруженной борьбы:

- *«Мы считаем их вышедшими на сражение на пути Аллаха, чтобы заслужить шахаду стоя лицом к врагу и не повернув ему спины»;*
- *«Когда муширики и муртады возрадовались смерти шейха Абу Мусаба аз-Заркави, да примет Аллах его шахаду, они не знали, что Аллах подготовил из числа воинов и братьев шейха тех, кто утрет им носы и приведет их*

сердца в ярость. Одним из таких был шейх Абу Мухаммад аль-Аднани, да примет Аллах его шахаду»;

- *«Оперативный, они достойно приняли свою смерть и умерая улыбались! всевышний примет их джихад!»;*

- *«Хадижа, Ин ша Аллах! мои братья достойные шахиды!»;*

- *«Я горжусь бандитами вами называемыми, а не трусами и шакалами»; «Они умерли как львы Аллаха... Им за это не платят, они отдали свои души ради Аллаха...»;*

- позитивный прогноз для участников террористических действий:

- *«ИГ обязательно победит эту войну... и над Москвой будет развиваться знамя Ислама»; «И, несомненно, что полюбившие Шахаду, возвысятся кровью мучничества на вечности в Раю!».*

Особое место среди приемов оправдания террористической деятельности занимают креолизованные тексты, структура которых представляет собой синтез естественного языка с различными семиотическими системами, то есть текст, состоящий из вербальной и невербальной составляющих, получивший в современной лингвистике название «креолизованного текста».

Данный термин впервые ввели в научный обиход Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов в 1990 году. Под креолизованным (поликодовым) текстом понимается такой текст, который состоит:

- «из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6: 180–181];

- «взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: вербального (языкового) и невербального (изображение, звук)» [5: 23].

Креолизованные (смешанного вида) тексты основаны на формальной гетерогенности и смысловой гомогенности представленных в них семиотических языков:

- графических;
- иллюстративных;
- кинематографических;
- музыкальных;
- словесных и пр.

При этом, будучи гетерогенной системой, синкретичной с точки зрения способов подачи материала, конфликтный креолизованный текст представляется как смысловая гомогенная система, в которой выделяются различные структурные уровни:

- вербальный;
- визуальный (графический, «картинка»);
- акустический;
- музыкально-звуковой.

Взаимодействие средств разных семиотических языков обладает большим воздействующим потенциалом и позволяет автору достичь большего влияния

148 | на аудиторию. Создание вторичного креолизованного текста (с использованием визуального, акустического, музыкально-звукового ряда и собственных комментариев) носит не спонтанный характер, представляет собой подготовленный вторичный текст, в котором контаминация различных способов представления информации, в том числе в художественной форме, усиливает речевой акт оправдания как вербального действия, зачастую несмотря на «стертость», имплицитность собственно вербального компонента.

Приведем поликодовый текст, который является предметом комплексного анализа. Материал представляет собой единство вербального и изобразительного: он включает два фото и стихи, размещенные пользователем на своей странице в социальной сети. Фотографии и их текстовое сопровождение являются единой смысловой единицей, целиком воспринимаемой сознанием реципиента.

Стихотворение:

*Уходят лучшие из нас,
Уходят воины Аллаха,
Чужие для бездумных масс,
Уходят, не познавши страха.
Завет с Аллахом заключив,
Прошли они свой путь достойно,
Джихад у нас распространив,
Ушли в тот мир они спокойно.*

Непосредственно под ним размещена фотография, центральным композиционным элементом которой являются фигуры двух мужчин, идущих вперед, в направлении от зрителя. Элементом индивидуализации изображенных фигур выступает их одежда, носящая утилитарный характер, и высоко поднятый автомат в руке фигуры слева, направленный стволом вверх.

Второе фото – изображение умирающего (мертвого) шахида. Лингвистическая экспертиза данного текста проводится с использованием лексико-семантического анализа, включающего исследование значения лексем в контексте, с учетом их многозначности (например, обыгрывается многозначность лексемы «уходят», используются лексемы и устойчивые сочетания с позитивно-оценочной семантикой: «лучшие из нас», «достойно»), анализа речевых стратегий и тактик.

При анализе поликодового текста интернет-коммуникации необходим учет всех ее компонентов, таких как никнейм, статус, публикации и комментарии к ним, то есть комплексный анализ страницы. Креолизованный текст может быть предметом комплексной или собственно лингвистической экспертизы в зависимости от преобладающего канала и способа подачи информации.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»» // <http://www.consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» // <http://www.consultant.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) // <http://www.consultant.ru>.
4. Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета, 2017. № 1. С. 106–112.
5. Кожевникова Е.А., Осадчий М.А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (19-1). С. 22–28.
6. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

E. P. Lavrik

THE SPECIFICITY OF THE LINGUISTIC EXAMINATION OF THE TEXTS CONTAINING THE JUSTIFICATION OF TERRORIST ACTIVITIES

Abstract: The article is devoted to the study of linguistic means of justifying terrorist activities, as well as syncretic means of expressing justification in creolized texts.

Keywords: justification of terrorism, linguistic expertise, linguistic methods of justification, creolized text.

АТРИБУТ И СУБСТАНТИВ *Русский/русский* В ТЕКСТЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ЛИСТОВКИ

Аннотация. В работе предложен анализ листовки «Геноцид Русского Народа и пути его преодоления» (2006 г.). Рассматривается специфика функционирования атрибута *Русский/русский* в словосочетаниях: *Русский Народ, Русские Люди, Русская Земля, Русская Власть, Русская Цивилизация, Русская молодежь, Русские крестьяне, Русские дети, русское телевидение – и субстантива Русский(-ие).*

Ключевые слова: атрибут, субстантив, лингвокультурема, идеологема, оценочность, коннотация.

Небезызвестно, что топоним *Русь* и составное наименование *Русская Земля* исторически идентичны, о чем неоднократно писали историки и филологи [9: 151]. *Русский* – изначально прилагательное, обозначающее признак по отношению к топониму. «Все русские памятники XI–XIV вв., за редчайшим исключением, употребляют термины *Русь, русин, Русская земля*. Название *Россия, Росея* появляется не ранее XV в. Отмечен также промежуточный, «гибридный» термин *Русия* в XVI в. Слова *Россия, Великая Россия, Малая Россия, Росийское царство* утверждаются в первой половине XVII в. под влиянием византийских форм и становятся приметой «высокого стиля» – языка высокой поэзии или языка канцелярии» [9: 169].

И все-таки позднее «государственное» слово *россиянин* уже исключает синонимические отношения с номинацией *русский*.

В лексикографическом источнике: «РУССКИЙ, -ая, -ое. 1. к Россия и Русь. *Русская история. Русская природа. Русский народ. Русская земля*. 2. Принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским. *Русский язык. Русская литература. Русская культура. Русский характер. Русская пляска. Русское гостеприимство. Русские пословицы и поговорки. Русская душа. Русское масло (топлёное). Русская печь* (особым способом сложенная в жилых помещениях кирпичная печь для варки пищи, выпечки хлеба и отопления). *Русская рубашка* (верхняя мужская рубашка навывпуск с застёгивающимся сбоку воротом; косоворотка). *Русские сапоги* (с голенищами до колен)» [2].

В.В. Воробьев, рассматривая лингвокультурологическое поле лингвокультуры «*русская национальная личность*», выделяет центр поля, а именно ряд лексем, формирующих общий смысл поля, как-то: «*русский* – как прилагательное, *русский, русская* – как существительное, великоросс, великорус и т.п. и классы специализированной семантики, раскрывающие основные характерные черты русской национальной личности и различных ее сторон, в ее специфических свойствах: духовного склада и нравственно-эстетической стороны (*русский характер, русская красавица*), интеллектуальной и научно-профессиональной сторон (*русский ум, русист, русистика, русизм*), характеристики с точки зрения языка (*русский язык, язык межнационального общения СНГ, русскоязычный*), общественной жизни (*славянофильство, славянофил*), национальных традиций и материальной культуры: квас, медовуха, блины, щи, каша, русская (ср. плясать русскую), камаринская, хоровод, косоворотка, ушанка, будёновка и т. д.)» [3: 67].

В нашей работе «Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И.А. Ильина» мы установили, что «И.А. Ильин как национальный религиозный философ, православный метафизик, осмысливает собственно философские, узко политические, эстетические проблемы в аспекте русской национальной идеи, и потому маркером интерпретации названных вопросов становится атрибут *русский* (-ая, -ое, -ие)» [6: 103], репрезентирующий этнокультурную коннотацию, идеологическую оценочность, а также коннотацию либо оценочность «духовность» в зависимости от целенаправленности микро-/макроконтекста (*русский ↔ духовный*) [7: 33–43]. В том случае, когда в дискурсе атрибут *русский* эквивалентен атрибуту *духовный*, т. е. имеет место двусторонняя взаимобратимая компрессия смыслового поля языковых единиц в индивидуальном лексиконе, он становится маркером дискурса И.А. Ильина [8: 420].

Мы считаем атрибут и субстантив *русский* и лингвокультуремой, и идеологемой: с одной стороны, как лингвокультурема «вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» [3: 48]; с другой стороны, как идеологема, заключает в своём значении идеологический компонент [10]. Подчеркиваем, что в дискурсе русского религиозного философа И.А. Ильина атрибут *русский* репрезентирует оценочность и коннотацию «духовность».

Проанализируем функциональные особенности атрибута и субстантива *Русский/русский* в тексте листовки «Геноцид Русского народа и пути его преодоления» (2006 г.).

На разрешение лингвистической экспертизы были поставлены вопросы:

1. *Каковы цели и коммуникативные намерения авторов листовки, начинающейся словами «Геноцид Русского Народа и пути его преодоления» и заканчивающейся словами «Русский, помоги Русскому! Очистим родную*

152 | землю от оккупантов!»? Преследуют ли авторы текста цели возбуждения расовой, религиозной или национальной, иной социальной вражды, призывы к совершению противозаконных действий?

Смысловая и стилистическая нагрузка выражений, как нам представляется, может быть оценена посредством установления статуса тех лексических единиц, которые являются базовыми в контексте словоупотребления, тем более вынесенных в заголовок листовки: «Геноцид. Истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам» [5: 128]. Именно поэтому доминантой смысла становится эмоциональное развертывание системы доказательств, подчеркивающее, что «истребление» русского народа осуществляется. С этой целью авторы привлекают фактический, общеизвестный материал, очевидный для адресата листовки. Имеет место «навязывание пресуппозиции <...> как скрытый приём речевого воздействия и управления пониманием», когда в сознание человека вводится «некая информация, которая не подвергается критическому анализу, не осознаётся им как нечто требующее обсуждения» [1: 201]: «Русский Народ, создавший великое государство и культуру», «Так поступали наши отцы и деды в пору Великой Отечественной войны – и они победили», «Уничтожение иностранных захватчиков и пособников оккупантов есть не преступление, а священный долг каждого честного человека, гражданина, патриота».

Эмоциональная обеспокоенность поднятой проблемой подчеркнута тем, что авторы связывают «предстоящую гибель» русского народа с настоящей деятельностью «жидовских и азиатских оккупантов», в результате которой Россия уже сегодня есть «оккупированное государство».

Обозначенная авторами проблема предполагает «пути преодоления», намеченные адресантом (адресантами): «Только Русская Власть остановит геноцид Русского Народа», «Только исходя из понимания этих фактов начнет вырабатываться стратегия национально-освободительной борьбы русского народа против своих поработителей».

В этой связи в завершающей части текста – призыв: «Пусть каждый купит себе оружие. Оно пригодится нам хотя бы на тот случай, когда азиаты станут выгонять нас из наших домов. Однако не стоит пассивно ждать такого развития событий. Активной стратегией борьбы должно стать незамедлительное уничтожение оккупантов и захваченной ими собственности. <...> Уничтожение повсеместное и всеми доступными способами. Так поступали наши отцы и деды в пору Великой Отечественной Войны – и они победили. Так должны поступать и мы, их потомки, ценящие подвиг своих предков. Уничтожение иностранных захватчиков и пособников оккупантов есть не преступление, а священный долг каждого честного человека, гражданина, патриота, радующего о будущем своих детей и внуков, своего народа, своего

Отечества. На *Русской Земле*, как прежде, так и впредь, должны жить, трудиться и воспроизводить себя в потомках *Русские люди*, а не свора безродных разномастных кочующих ублюдков!»

Лингвостилистическое своеобразие фрагмента в том, что именно в нём сосредоточена актуальная информация, ради которой создан текст. Модальная рамка – побуждение к действию (*пусть* каждый купит (глагол повелительного наклонения)) и значение долженствования, сфокусированное прилагательным «незамедлительное» («должно стать незамедлительное уничтожение оккупантов...»), с опорой на общеизвестные гражданские ценности («Так поступали наши отцы и деды...» → «Так должны поступать и мы, их потомки»). В этой связи последующая констатация «уничтожение <...> оккупантов есть священный долг» в качестве вывода обладает мощной суггестивной функцией (воздействующей на адресата посредством внушения), отнюдь не предполагающей диалога или возражения. Подтверждением этому – мелким шрифтом приведенные «заповеди» (т.е. нечто священное, подобно библейским канонам). (Ср.: «Заповедь. 1. Религиозно-нравственное предписание. Десять библейских заповедей. 2. перен. Правило, положение, служащее руководящим указанием для кого-чего-н. (высок.) Первая з. (*самое непреложное правило*)» [5: 215].)

Следует констатировать, что коммуникативные намерения адресанта листовки – в первую очередь, внушение посредством приведенных доказательств позиции, исходя из которой Россия – «оккупированная иноземцами страна»; *Русский Народ* – «угроза оккупационному режиму», «порабощенный», «заключенный в тюрьму», где его «убивают и пытаются растворить среди расово чуждых племен»; *Русские Люди, Русские* – обнищавшие, вымирающие, низведённые «до положения невольников, дойной коровы для всякого рода ненасытной неруси»; *Русская молодежь* – объект «нападения» со стороны идеологически подкупленных («сворой нерусей») СМИ, из которой необходимо сделать «дебилов, выбирающих пепси, наркотики, разврат и негритянский рэп»; *Русская Земля* – Русь, «осквернённая» «мечетями и синагогами»; *Русская Цивилизация* – цивилизация, которая исчезнет подобно другим, «если мы не будем бороться за место под солнцем». «Перспектива» обозначена автором(-ами) в начале листовки: «*Русские* исчезнут как нация, а территория России будет поделена между еврейскими, кавказскими и прочими преступными группировками». При этом подчеркивается, что *Русская Власть* – исключительный субъект действия, способный возродить былое величие русских в своей стране.

Мастерски сформулированная с использованием эмоционально-экспрессивных, оценочных средств (*нерусы, паразитировать, еврейская мафия*), метафорических выражений (*дойная корова, загребущие руки дяди Сэма, дяди Абрама и дяди Хачика, наглая и хищная свора нерусей, азиатское зве-*

154 | *рье, простерла щупальца власть жидовская, в выборах – этих дьявольских игрищах), жаргонных элементов (подохнуть на улице, дебилы, кочующие улюбки), суггестивно сориентированная позиция имеет намерение призвать единомышленников к действию посредством «уничтожения <...> оккупантов» после того, как «каждый купит себе оружие». Нет прямого указания – «начнем стрелять», но словесно выраженный призыв к уничтожению, как «священному долгу» («Уничтожение повсеместное и всеми доступными способами»), имплицитно реализует это намерение, особенно ярко сфокусированное в последнем призыве «Русский, помоги русскому!».*

Таким образом, адресант(-ы) текста осознанно призывают адресата (-тов) к совершению противозаконных действий в отношении лиц другой, нерусской национальности. Кроме того, сформулированная в последнем абзаце информация, представленная посредством формулы А есть В декларативного типа («Пусть каждый Русский усвоит простейшие заповеди, нарушение которых есть преступление против Русского Народа», Итак, преступление – сдавать и продавать...», «Преступление – покупать», «Преступление – вступать...») с учетом финальной части листовки служит средством возбуждения национальной вражды.

2. *К каким именно противозаконным действиям призывают авторы листовки, исходя из ее смысла?*

Исходя из смысла листовки в целом, адресант(-ы) призывает согласных с его позицией «не <...> пассивно ждать», а приступить к «незамедлительному уничтожению оккупантов и захваченной ими собственности (домов, магазинов, ремонтных мастерских и т. п.) <...> всеми доступными способами» (в том числе посредством оружия, о котором идет речь несколько выше).

3. *Содержится ли в тексте листовки негативная информация о представителях каких-либо расовых, этнических, иных социальных групп? Если таковая содержится, то в какой форме она подается?*

Посредством собственно оценочных и эмоционально-экспрессивных средств, используемых в тексте, эксплицирована негативная (отрицательно-оценочная) информация относительно следующих национальных групп:

➤ *евреев*: «еврейская мафия», «жидовские власти», «жидовские оккупанты», «преступные группировки», «оккупанты поганят своими мечетями и синагогами *Русскую Землю*»;

➤ *представителей кавказских национальностей*: «азиаты вырежут наших детей и внуков», «азиаты паразитировали на трудолюбии и творческих способностях *Русского народа*», «преступные группировки», «азиаты нагрянули <...> обирать нас», «азиатские оккупанты», «оккупанты поганят своими мечетями и синагогами *Русскую Землю*», «если в твоём городе или поселке выросла очередная мечеть, то это в ее образе пришла смерть для твоих детей и внуков: азиатское зверье не пощадит никого».

Следует учитывать, что так как в начале листовки адресант(-ы) обозначает явление, которое будет оцениваться, а именно «еврейский и азиатский паразитизм», то ряд оценочных конструкций относится к обеим национальным группам, как-то: «ненасытная нерусь», «свора безродных разномастных кочующих ублюдков».

Способ представления негативной информации – посредством оценочных языковых элементов и метафорически-оценочных конструкций пейоративного типа.

4. *Имеются ли в содержании текста листовки языковые единицы, ущемляющие достоинство каких-либо национальных, этнических или социальных групп лиц?*

Все приведенные в пункте 3 фрагменты контекста являются отрицательно-оценочными, имеют сниженный характер. Кроме этого, модальность высказываний, в которых они употреблены, объективна (не содержит предположения, сомнения, а четко констатирует совершившийся или в будущем возможный факт): «Если твоими соседями стали кавказцы или среднеазиаты, знай, что и твоя квартира уже недолго будет принадлежать тебе». Все это позволяет утверждать, что в содержании текста листовки имеют место языковые единицы, ущемляющие достоинство евреев и представителей кавказских национальностей.

Считаем целесообразным установить специфику функционирования словосочетаний с атрибутом *Русский/русский* и субстантива *Русский/русский* в анализируемом тексте:

1) *Русская Земля* (= Русь = Святая Русь) эксплицирует первичную и вторичную номинативную функцию в узуальном значении «православная», «избранная Богом», в контексте – «осквернённая в своей христианской миссии, сути, мечетями и синагогами»;

2) *Русская Цивилизация, Русский Народ* – эксплицирует вторичную номинативную функцию наряду с опорным компонентом в составном наименовании, в контексте имеет значение: в пределах архисемы – «возвышающийся (-аяся) над другими», в пределах дифференциальных сем амбивалентного характера – «высококультурный(-ая)», «высоконравственный(-ая)», «высокопатриотичный(-ая)», «высокодуховный(-ая)»; «вымирающий», «погибающий от преступных действий этнических группировок»;

3) *Русские Люди, Русская молодёжь, Русские дети, русское телевидение, Русские крестьяне* – вторично дефинированные словосочетания [Стародубец, 2008], атрибут в контексте эксплицирует значение «погибающий»;

4) *Русская Власть* – персонификация противодействия, мечты о лучшем будущем, желаемое (в конструкции с ирреальной модальностью: «Только для *Русской Власти Русский Народ* был бы своим, родным, и интересы народа были бы своими интересами»), метафоризированный образ, способный «остановить геноцид *Русского Народа*»;

5) субстантив *Русский* реализует номинативную, идеологическую, воздействующую функции. Наиболее продуктивна воздействующая функция в аппозитивных сочетаниях типа: «Но куда нам, *Русским*, бежать со своей земли?», «Что же нам, *Русским*, делать в такой ситуации?» Адресант заранее программирует «ожидаемое единомыслие» со стороны адресата.

Подчеркиваем, что в составном наименовании имеет место «концентрация двух понятийных компонентов в одном» (см. п. 2), а при вторичном дефинировании – «усложнение через атрибут заданного понятийного поля» (см. п. 3) [б: 101], следствием чего становится в первом случае – сложный план содержания, а во втором случае – актуализация оценочного компонента.

Считаем, что номинативно-оценочный атрибут *Русский/русский* репрезентирует ценностные приоритеты адресанта (-ов), является маркером его (-их) националистической идеологии и реализует агрессивную воздействующую функцию. Всё это обуславливает доминирование атрибута (24 словоупотребления) и субстантива (11 словоупотреблений), в результате чего функция прямого («*Русский*, помоги *Русскому!*») и косвенного воздействия (к примеру, через вопросительные конструкции типа: «Но куда нам, *Русским*, бежать со своей земли?», «Разве в Китае или Саудовской Аравии *Русские* торгуют блинами и квасом?») на адресата реализована в пределах микро- и маркоконтекста.

В метафорическом словосочетании *Русская Власть*, на наш взгляд, атрибут *Русский* обуславливает метафоризацию посредством прецедентной связи с подобными образованиями, отмеченными В.И. Далем: *Русский рай*, *Русское зарево*, *русский дух* и т. п. [4].

Установлено, что в экстремистском тексте атрибут и субстантив *Русский/русский* эксплицируют, с одной стороны, узуальную мелиоративную идеологическую оценочность и этнокультурную коннотацию, зафиксированную в религиозно-философских, художественных, публицистических текстах, представляющих национально-культурную ценность, а с другой, противоположную прототипической – пейоративную. Имеет место амбивалентность идеологемы *Русский/русский* в экстремистском дискурсе.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/> (дата обращения 23.06.2019 г.).
3. Воробьёв В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 336 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. 1863–1866 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/> (дата обращения 24.06.2019 г.).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.
6. Стародубец С.Н. Функциональные особенности атрибута в религиозно-философских произведениях И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. М.: МГОУ, 2008. № 3. С. 100–106.
7. Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3 (39). С. 33–43.
8. Стародубец С.Н. Составное наименование с атрибутом «духовный» как маркер дискурса И.А. Ильина // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума. В 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2019. Т. 1. С. 418–421.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

S. N. Starodubets

ATTRIBUTE AND SUBSTANTIVE RUSSIAN/Russian IN THE TEXT EXTREMIST LEAFLETS

Abstract: The paper offers an analysis of the leaflet «Genocide of the Russian People and ways to overcome it» (2006). The article considers the specifics of functioning of attribute Russian/russian phrases: Russian People, Russian Land, the Russian Government, Russian Civilization, Russian youth, Russian peasants, Russian children, russian television – and Russian substantive (s).

Keywords: attribute, substantive, linguocultural, ideologeme, evaluation, connotation.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СМИ И ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье рассмотрены пути повышения эффективности экспертно-криминалистической деятельности по противодействию распространению экстремистских материалов в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, экспертиза, экстремистские материалы.

Начиная с 90-х годов XX века Россия находится под целенаправленным деструктивным воздействием идеологии экстремизма, а в XXI веке экстремизм уже получил широкое распространение в мире как самый эффективный инструмент нелегитимного насильственного достижения политических целей.

Противодействие экстремизму, ставшему в последние годы одной из серьезных угроз конституционному строю нашей страны, является одной из ключевых задач.

Согласно Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. Россия признала экстремизм одной из угроз международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека. Как подчеркивается в данной конвенции, «экстремизм, терроризм и сепаратизм серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности государств, а также их политической, экономической и социальной стабильности» [7: ст. 3947].

В отечественной и зарубежной правовой литературе представлено достаточное количество определений понятия «экстремизм». Однако универсального правового определения до сих пор нет, как и до сих пор не удается сформировать позицию, которая принималась бы большинством ученых-правоведов и экспертов в сфере противодействия преступной деятельности такого рода.

Зарубежные правоведы определяют экстремизм и как деятельность, и как убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии личности, далекие от обычных общепринятых норм и стандартов [8: 12].

Согласно еще одному подходу к пониманию сущности рассматриваемого понятия, экстремизм связан не только с политикой, он распространяется на все сферы человеческой деятельности – это «идеология допустимости использования крайних мер, экстремумов социального поведения, для получения желаемого эффекта» [5: 5].

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принятая в 2003 году, содержит следующее определение: «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практики нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультрационализма» [4].

В Соединенных Штатах Америки подобные преступления квалифицируются как «преступления на почве ненависти» [3: 18]. Это специальная юридическая квалификация особого рода преступлений против личности, совершаемых под влиянием ненависти к лицам иной расы или национальности, вероисповедания, этнического происхождения, политических убеждений, пола и сексуальной ориентации, инвалидам.

В российском праве категория «экстремистская деятельность» (экстремизм) появилась сравнительно недавно, лишь в 2002 г. Именно тогда, впервые на законодательном уровне, анализируемое понятие было определено посредством перечисления конкретных действий в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6: ст. 3031].

Хотя перечисленные деяния и посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны, их объединяет наличие общего криминалистического признака – мотива антиобщественного поведения преступника-экстремиста, основанного на ненависти или вражде по отношению к иной (социальной, национальной, расовой, религиозной и т. п.) группе людей. Поэтому верным является утверждение ряда ученых-криминологов, что «для данной группы составов мотив ненависти и вражды является обязательным» [2: 33; 1: 140].

В контексте криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой категории необходимо уделить внимание типологии мотива, оказывающего побудительное воздействие на поведение лица, совершающего экстремистские преступления.

Изучение архивных материалов уголовных дел позволило выделить три доминирующих мотива:

- политические мотивы, представляющие собой стремление экстремиста оказать воздействие на население, государственные и местные органы власти;

- националистические и религиозные мотивы, представляющие собой стремление экстремиста казать воздействие на представителей той или иной расы, национальности, религиозной конфессии;
- корыстные, в том числе совершаемые по заказу.

Целевые мотивы дополняют разнообразныя обстоятельства ситуационно-технического характера, побуждающие экстремиста выбрать конкретный объект и способ действия в рамках целевого типа поведения.

С развитием Интернета жизнь круто изменилась и с каждым днем продолжает меняться все сильнее. Посторонние люди, и даже не сами люди, а их виртуальные образы, начинают оказывать влияние на решения в реальном мире. Реальные деньги и реальная власть теперь зависят от мнения, озвученного на специальных интернет-площадках, причем нередко – анонимами.

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в силу своей прикладной специфики отличаются определенной алгоритмизацией и повторяемостью поведенческих актов преступников:

1. Изготовление и распространение посредством телекоммуникационных сетей и СМИ информационной продукции, запрещенной российским законодательством и противоречащей интересам национальной безопасности с целью оказания информационно-психологического воздействия на граждан.

Проведенный мониторинг 92 веб-сайтов, включая такие социальные сети, как «ВКонтакте», Twitter, Facebook, «Одноклассники», ЖЖ и др.) показал следующее:

- размещение на веб-сайтах идеологических и программных документов различных экстремистских групп, обществ и течений, предоставление возможностей для их скачивания и тиражирования в целях распространения идей ксенофобии и экстремизма, «священного джихада», создания «независимых» моноэтнических государственных образования (халифатов) на территории Российской Федерации и других стран;
- изготовление и публикация аудиообращений, видеороликов и фотографий с изображением процесса совершения и последствий экстремистских акций для воздействия на информационную и социально-психологическую обстановку в обществе, а также разрушения эмоциональных и поведенческих установок индивидов;
- пропаганда в Сети исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социально, расовой, национальной или языковой принадлежности, а также поиск и вербовка новых сторонников и волонтеров посредством блогосферы: ведение тематических блогов, переписка в группах и сообществах в социальных сетях, на сайтах знакомств, онлайн игр;

- пропаганда, демонстрация и организация интернет-продаж нацистской и иной экстремистской символики;
- размещение различных пособий, раскрывающих методы осуществления преступлений рассматриваемого типа, в том числе способы изготовления взрывных устройств и т. д.

2. Использование компьютерной техники и информационных технологий для организации и последующего руководства деятельностью экстремистских групп и сообществ, а также создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности:

- использование коммуникативных возможностей сетей для обеспечения доступа к средствам массового распространения информации эквивалентным традиционным СМИ, но при этом не подконтрольным цензуре;
- маскировка информации о будущих и уже спланированных действиях с использованием различных методов шифрования и стеганографии;
- решение учебно-информационных задач посредством организации дистанционной подготовки и обучения, размещение интерактивных инструкций и материалов, проведение чат-занятий, веб-конференций и трансляций;
- сбор финансовых средств.

De facto Интернет оказывает влияние на мнение людей и через него – на доходы компаний и действия государственных чиновников. Интернет еще и стирает границы. Люди из разных стран, объединенные одним языком, могут общаться практически в реальном масштабе времени, независимо от своего местонахождения. А могут и не в реальном масштабе времени, а вернуться к теме, начатой много месяцев и даже лет назад. Таким образом, новая реальность уже наступила. И в этой новой реальности экстремизм получил самое широкое распространение.

Экстремизм можно рассматривать в широком смысле, а также специальном юридическом. В широком смысле экстремизм представляет собой приверженность крайним взглядам и мерам (обычно в политике), к которым можно отнести провокацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, т. е. является «идеологией, предусматривающей принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление». Экстремизм может быть вызван целым рядом различных факторов: сломом социальных структур, экономическим и социальным кризисом, ослаблением государственной власти, ростом антисоциальных поведений и пр.

Многие экстремистские организации создают свои сайты, заводят аккаунты в социальных сетях, что дает возможность не только вести пропаганду своих взглядов, но и вербовать новых сторонников. Блокировка того или иного сайта долгосрочного эффекта не дает: на месте закрытого сайта сразу же появляется несколько новых.

Также, на наш взгляд, было бы неверным шагом и введение цензуры на распространение в СМИ и Интернете информации, связанной с экстремистскими и террористическими актами, т.к. любое ограничение информации ведет к порождению слухов, которые нередко вызывают недовольство и социальную напряженность. Во-первых, это противоречит ст. 29 Конституции РФ, да и в законе № 2124-1 «О средствах массовой информации» есть статья «Недопустимость цензуры». Во-вторых, это невозможно с технической точки зрения.

В том, что угроза экстремизма в Сети реальна и что экстремизму необходимо дать отпор, никто из нас не сомневается. И здесь мы можем определить ряд основных направлений:

1. Борьба с экстремизмом в СМИ и Интернете на законодательном уровне. Сразу оговоримся, что мы с уважением относимся к попыткам саморегулирования медийного пространства, однако аспекты информирования широких масс о событиях экстремистской или террористической направленности часто являются для обывателя неоднозначными и требуют серьезного правового регулирования.

До середины 2012 года корпус законодательства, который можно было использовать для регулирования контента в Интернете, включал в себя следующие федеральные законы:

Закон РФ «О средствах массовой информации» № 2124-1;

Федеральный закон «О связи» № 15-ФЗ;

Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» № 24-ФЗ.

Боролись с экстремизмом в Интернете, используя соответствующие нормы и в уголовном законодательстве – о призывах к экстремистской деятельности (ст. 280 УК), возбуждении ненависти (ст. 282 УК), а также о публикациях, которые могут быть отнесены к деятельности экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК) или запрещенной организации (ст. 282.2 УК). Также использовались нормы КоАП – ст. 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики» и ст. 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов».

Однако сегодня мы имеем дело с проблемами, связанными именно с Интернетом:

1) не всегда ясен вопрос территориальной юрисдикции, часто очень сложно идентифицировать и, следовательно, найти правонарушителя и т. д.;

2) могут быть неясны роли и степень ответственности различных лиц (например, републицаторов в Facebook) и организаций (в первую очередь интернет-провайдеров) помимо основного правонарушителя – создателя и публикатора материала, который будет сочтен противозаконным;

3) отдельная проблема – функционирование в России юридического инструмента, уникального для стран, желающих считаться демократически-

ми, – Федерального списка экстремистских материалов. Материал любого вида (книга, текст, видео и т. д.) может быть запрещен судом как экстремистский, затем это решение отражается в Федеральном списке, а потом встает вопрос о применении этого решения, то есть о недопущении массового распространения запрещенного материала. В случае его размещения в интернете не допустить такое распространение очень непросто;

4) в официально публикуемых судебных решениях по экстремистским материалам нередко содержатся интернет-адреса. На наш взгляд, это является излишним.

2. Создание современной системы выявления и анализа распространяемого контента. Одной из инстанций в процессе определения законности контента является лингвистическая экспертиза. Специалисты сегодня из не справляются с объемом материала: количество запросов на проведение лингвистических экспертиз по этой категории дел увеличилось в разы.

И здесь мы сталкиваемся с рядом проблем, связанных в первую очередь с буквой закона. Так, например, в законодательстве размыты формулировки, определяющие, что такое националистические высказывания. Бывают случаи, когда откровенно провокационные лозунги попадают в лингвистической экспертизе в разряд ироничных, и тогда судья имеет право переqualificировать статью о межнациональной розни на более мягкую.

Проведенный Роскомнадзором анализ организаций, осуществляющих исследование информационных материалов на предмет выявления признаков экстремизма, показал, что в настоящее время при проведении лингвистической экспертизы нет единого подхода к оценке материалов на наличие в них экстремистской информации. Ситуация с экспертизой усугубляется закрытостью ее результатов и недоступностью для экспертов из других регионов, что нередко ведет не только к параллельным исследованиям одного и того же контента, но и нередко приводит экспертов к взаимоисключающим выводам, тем самым затрудняя формирование единой правоприменительной практики.

До сих пор отсутствует единый банк результатов проведенных экспертиз, в котором были бы систематизированы лингвистические показатели признаков экстремизма в материалах, распространяемых в Интернете. Такая единая база необходима для создания современной автоматизированной системы анализа распространяемого в Интернете контента на предмет выявления запрещенной или ограниченной к распространению информации.

Однако в этом направлении есть и положительные изменения. В России 18 мая 2015 года Центром исследования легитимности и политического протеста была запущена первая система мониторинга и оперативного предупреждения несогласованных массовых мероприятий. Проект получил название «Демон Лапласа» в честь одноименного персонажа математического эксперимента начала XIX века. Сейчас система отслеживает и анализирует

164 | пока еще небольшой участок рунета – экстремистские группы в одной из социальных сетей.

3. Интеллектуальное противодействие. Нередко мы видим, что сотрудники СМИ уделяют первоочередное внимание сенсации, скандалу, но не успевают (или не умеют?) сделать полноценный анализ освещаемых событий в диахроническом ракурсе. В итоге масс-медиа сами попадают в информационную ловушку, становясь жертвами пропаганды, транслируя идеи экстремистского толка на широкую публику, в то время как необходимо грамотное, аргументированное противодействие той пропагандистской работе, которую ведут представители экстремистских организаций.

Как мы видим, тенденция нарастания экстремизма в современном мире превращает это явление в одну из глобальных проблем современности. Носителями экстремистской идеологии становятся все большие массы людей. Особенно это характерно для молодежи с её максимализмом, но не обладающей сформированным мировоззрением, нередко оказывающейся в ситуации морального выбора.

Все это требует прежде всего не только всесторонней верной правовой оценки.

Действительно, чтобы объявить человека террористом, как правило, нужны конкретные доказательства совершения или подготовки теракта. Чтобы объявить кого-либо экстремистом, вполне достаточно одной-двух расово неверно интерпретированных фраз в прессе\Интернете\переписке. При наличии желания и некоторой фантазии чуть менее, чем любой текст может быть признан экстремистским, с что безусловно упрощает принятие решений. Например, цитата Максима Горького «Права не дают – права берут» вполне может быть расценена как призыв к насильственному свержению строя (ст. 280 УК РФ), а знаменитое «Мы ленивы и нелюбопытны» А.С. Пушкина унижает великий русский народ (ст. 282 УК РФ).

Все это требует серьезной работы на основе системного подхода, который предполагает исследование организационно-правовых и информационно-логических моделей борьбы с проявлением экстремизма.

Хотя сегодня мы уже можем говорить о достигнутых успехах в противодействии экстремизму, однако проблема все еще существует. Для ее решения необходимо объединение и координация усилий представителей силовых структур, правоохранительных органов, журналистов, редакторов, информационных агентств по противодействию распространению идеологии экстремизма и информационному террору, который развязан в традиционных СМИ и на просторах Интернета.

Для противодействия экстремизму следует принимать прежде всего профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, устранение причин и условий, которые способствуют прояв-

лениям экстремизма. Государству также следует выявлять, предупреждать и пресекать экстремистскую деятельность общественных и религиозных объединений, других организаций и физических лиц.

Однако силами одних только официальных структур противостоять ему практически невозможно, а потому необходима поддержка и со стороны рядовых пользователей.

Литература

1. Долгова А.И. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительная практики / А.И. Долгова, А.Я. Гуськов, Е.Г. Чуганов. М.: Норма, 2010. С. 140.
2. Кашепов В.А. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 33.
3. Кузьмина Н.В. Психолого-криминологический анализ субъективной стороны составов преступлений экстремистской направленности. Екатеринбург: Эксмо, 2010. С. 18.
4. Резолюция 1344 (2003). Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. – URL: http://www.coe.int/t/t/parliamentary_assembly.
5. Трофимов В.Д. Экстремизм. М.: Мысль, 2011. С. 5.
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.
8. Coleman T., Bartoli A. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution, Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution, George Mason University, 2012. P. 12.

E. A. Tormozova

DIRECTIONS FOR INCREASING THE EFFICIENCY OF EXPERTS-CRIMINALIST ACTIVITIES TO COUNTER THE DISTRIBUTION OF EXTREMIST MATERIALS IN THE MEDIA AND THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK

Abstract: The article discusses ways to increase the effectiveness of forensic activities to counter the spread of extremist materials in the media and the information and telecommunications network Internet.

Keywords: extremism, countering extremism, expertise, extremist materials.

О. Г. Хохловская
khokh-olga@yandex.ru
кандидат филологических наук,
доцент Челябинского государственного университета,
Челябинск, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОМПЛЕКСНОГО ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости интеграции методов различных дисциплин при выявлении признаков экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, интеграция, комплексный подход, методы.

Настоящее сообщение посвящено проблемам экспертно-аналитической работы с текстами экстремистского содержания в условиях апробации кросс-дисциплинарного подхода, которая осуществлялась на базе Челябинского государственного университета в рамках реализации научно-исследовательского проекта по направлению из стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: «Противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства». Перед специалистами, участниками проекта, была поставлена задача поиска форм интеграции основных методик экспертного исследования: религиозоведческих, психологических, лингвистических, для выявления возможности создания методологии кросс-дисциплинарного подхода в экспертной деятельности.

Исследования с использованием комплексности не являются чем-то абсолютно новым в экспертной практике. Несмотря на то, что процессуальная регламентация комплексных судебных экспертиз состоялась еще в 80-е гг. XX в., в криминалистике, а позднее в теории судебной экспертизы, научно-методические вопросы организации и проведения комплексных экспертиз до сих пор не теряют своей актуальности и остаются предметом дискуссий.

Характеризуя объекты комплексной экспертизы, Т. Н. Седова отмечает, что эти объекты «...могут быть как одни и те же, так и разные, следовательно, ни их общность, ни их различие не является тем существенным признаком, который обуславливает комплексную экспертизу». Вместе с тем, по мнению автора, «комплексная экспертиза может иметь в качестве общего объекта механизм события преступления, взаимодействие объектов и т. п.» [5: 68].

Автор подчеркивает, что участники комплексной экспертизы должны быть специалистами, хорошо знающими объекты этого вида в целом. Только

тогда комплексная экспертиза может протекать в условиях совместного обсуждения на равных как хода исследований, так и полученных результатов.

Обращая внимание на такую особенность объекта комплексной экспертизы, как целостное системное образование, Н. С. Романов пишет, что средством решения задачи комплексного исследования является совокупность разнопрофильных специальных познаний, образующая информационную систему с большой разрешающей способностью. Справедливым представляется следующее утверждение Н. С. Романова:

«Увеличение разрешающей способности интегрированных познаний основывается на закономерности системного образования: создание системы влечет за собой возникновение нового интегративного качества, не свойственного отдельно взятым образующим систему компонентам». И далее: «Повышение разрешающей способности специальных познаний при проведении комплексного исследования достигается за счет информационной компенсации... При использовании только одного информационного поля объекта зачастую не удастся решить задачу. При производстве комплексной экспертизы неинформативность одних... признаков компенсируется достаточной информативностью других» [4: 36].

Особенно актуален комплексный подход или интеграционные методы при экспертировании текстов с признаками экстремизма. «Экстремизм в научной литературе, – пишет Е.И. Галяшина, – трактуется как приверженность крайним взглядам и деструктивным, агрессивным мерам социального разрешения конфликтных ситуаций» [1: 9–10]. Для экспертных исследований, связанных с проявлениями экстремизма, характерна такая особенность, как необходимость охватить не только сам объект, но и тот более обширный мир, откуда он доставлен и частью которого является. В связи с этим информация извлекается не только из самого объекта исследования и именно поэтому для выявления его связей и отношений с иными объектами возникает необходимость в использовании знаний из разных областей науки. Анализируя современное состояние исследований в данной области, мы выходим на три существующие проблемы. Во-первых, на сегодняшний день не существует положительного опыта кросс-дисциплинарных подходов для анализа текстов экстремистской направленности за исключением психолингвистического. Во-вторых, одна из ведущих методологий психолингвистики по выявлению мотивов личности (экстремиста) через представленный авторский текст не совсем адекватна в эпоху развития технологий управления сознанием, превращающих «авторский экстремистский текст» в механизм воздействия на конкретного читателя. В-третьих, в условиях современных коммуникаций характер отношений между значением и смыслом текста становится все более неоднозначным.

Так, существует несколько подходов к методике анализа текстов на наличие экстремистского компонента. Сторонники лингвистического подхода

168 | (Л.А. Араева, А.Н. Баранов, К.И. Бринёв, Л.В. Червякова и др.) подчёркивают необходимость знакового (семиотического) анализа текста, под которым понимается комплексное рассмотрение разных знаковых систем, что обусловлено их идейно-композиционными аналогиями и принципами функционирования, предполагающими проецирование содержательного плана на план выражения, и понимание текста как особым образом структурированного пространства.

Сторонники психолингвистического подхода (А.А. Леонтьев и др.) настаивают на выявлении экстремистского компонента через оценку направленности текста. Специфика психологической экспертизы – в недоступности психики непосредственному познанию, которое возможно через анализ действий и поступков, являющихся отражением психической деятельности автора. Эксперт-психолог исследует материальные источники, отражающие информацию о личности автора, его мотивах и намерениях. Родоначальником прикладной отечественной психолингвистики по праву считают А.А. Леонтьева. Именно он заложил основы методологии психолингвистической экспертизы текстов. Сегодня экспертиза текстов привлекает все больше психологов (Р.А. Ратинов, Л.П. Коньшева, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, А.Н. Баранов, В.М. Лисовцева, Л.Г. Петрова и др.). В современной психолингвистике активно разрабатывается теория дискурса (Т.А. Ван Дейк, Я. Торфинг, Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, Лакло и Муфф и другие).

Третья группа исследователей состоит из сторонников комплексного подхода, который предполагает комбинацию психологического и лингвистического анализа: О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж [3] или психолого-лингвистического и социологического и юридического анализа (Л.В. Савинов, Е.А. Дорожинская, А.В. Сигарев). Однако отдельные попытки разработать комплексную психолингвистическую методику текста (например, В.В. Красных) все-таки нельзя назвать абсолютно удачными, поскольку они делают акцент лишь на одной стороне анализа, как правило, лингвистической.

Все это говорит о необходимости преодоления сложившейся дисциплинарной односторонности в анализе текстов экстремистской направленности путем привлечения специалистов в узких областях знания таких, как: регионоведение, религиоведение и различные политические науки.

Современные исламские экстремистские тексты являются весьма малоизученными. Существуют работы, раскрывающие отдельные аспекты (терминологические, идейные) деятельности исламских экстремистских организаций Ближнего Востока, выполненные, чаще всего в русле религиоведения и богословия (см. работы Д.Г. Добыкина, Н.В. Жданова, А.А. Игнатенко, А.В. Коровикова, А.Б. Борисова и др.). Наиболее фундаментальные из них, содержащие терминологические данные, выполнены в конце 80–90-х гг. XX в. и в силу этого не содержат материалов о современной адаптационной просветительской практике и идейном развитии этих организаций.

Значительно меньшее внимание уделяется информационным материалам, относящимся к радикальным ближневосточным идеологиям неисламского происхождения, панарабизму и пантюркизму. В современной российской науке появилась тенденция разграничивать идеологические течения тюркизма (исследователи – И. Гилязов, Р.Ф. Мухамметдинов, О.Н. Сенюткина и др.) и пантюркизма (А. Сваранц, С.А. Васильева и др.), которые соответственно агитируют за культурную или политическую интеграцию тюркских народов. Проведение экспертизы текста подобного рода методом психолингвистического анализа без участия специалиста-политолога (тюрколога) является затруднительным в связи со сложностью разграничения сфер приложения двух идеологических течений, одно из которых является экстремистским, а другое – нет.

В рамках методологии лингвистического экспертного исследования уже в самом наборе используемых методов заложена потенциальная возможность и необходимость методологической интеграции, под которой мы понимаем формирование и использование кросс-дисциплинарных методов синтетического типа. Данные виды методов, на наш взгляд, могут быть созданы на основе интеграции как операционной части экспертного метода, так и технической. Напомним, что структура экспертного метода, предполагает наличие трех важных элементов: обосновывающей, операционной и технической части. В обосновывающей части приводится научная база, на которой создан метод, а также уточняется, каким образом будет достигнут результат в случае применения метода. Операционная часть включает описание необходимых операций и приемов реализации метода. Техническая же часть связана с использованием различных материальных средств, способствующих реализации метода.

Кросс-дисциплинарные методы синтетического типа должны формироваться и реализовываться усилиями двух и более специалистов в разных областях знания в процессе конкретного экспертного исследования на основе конкретных исследовательских задач. Результат применения данного типа методов – это итог совместной деятельности нескольких специалистов, который не должен представлять собой элементарную компиляцию выводов, полученных каждым специалистом в отдельности.

Цели и задачи создания и использования кросс-дисциплинарных методов нам видятся в следующем:

1. Для решения задачи верификации предполагаемого вывода в исследовании с целью обеспечения большей точности экспертной оценки.
2. Для проверки валидности применяемого метода с целью достижения наибольшего соответствия метода исследуемому объекту.
3. Для обеспечения полноты и достоверности информационной базы исследования.

В качестве демонстрации потенциальных возможностей интеграции рассмотрим следующие методы, используемые в лингвистических экспертных исследованиях: контекстуальный метод, метод анализа пропозициональных установок, метод контент-анализа, интерпретационный метод.

Контекстуальный метод, связан с рассмотрением отдельных параметров текста (слова, предложения) в контексте всего вербального/ вербально-невербального комплекса. Под последним понимаются креолизованные тексты, наличие которых свидетельствует о необходимости комплексного восприятия информации [1: 399]. Нередки случаи, когда призыв к разжиганию розни может быть выражен паралингвистическими средствами. Для исследования подобных материалов (невербальных компонентов) требуется привлечение конкретных специалистов, пользующихся специфическими методами наук, в рамках которых может осуществляться экспертиза.

Анализ пропозициональных установок предполагает, что действия адресата воспринимаются как часть «общественно-значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов», интерпретация которых, так необходимая для объективного анализа, зачастую невозможна без специалистов в области социологии, психологии и др.

Метод контент-анализа более эффективно способствует усилению объективности выводов исследователя, если реализуется совместными усилиями эксперта-лингвиста и специалиста в области информационных технологий. Например, при анализе информации со страницы пользователя уместно обращение к методу контент-анализа, с помощью которого возможно определить частотность размещения провокационных материалов, по ключевым словам и символам. Данный метод позволяет определить степень заинтересованности пользователя в распространении экстремистских материалов, с его помощью может быть установлено процентное соотношение представленных материалов относительно различных форм подачи информации в интернете. Коммуникативное намерение и цель пользователя в данном случае можно проанализировать с опорой на контекстологический метод: совокупность экспертируемых материалов позволяет говорить об употреблении свастики и распространении материалов экстремистского содержания. В данном случае было бы оправдано обращение к историкам, искусствоведам и религиоведам, которые могут дать обстоятельный и грамотный комментарий, применяя специфические для своей науки методы, и производство комплексной экспертизы стало бы закономерным этапом в создании текста заключения.

Использование в исследованиях коммуникативных методов, которые позволяют проанализировать ситуацию, способ воздействия на потенциальную аудиторию, говорит о необходимости обращения к опыту психологов для интеграции с их методами исследования в процессе выявления коммуникативной цели говорящего.

При атрибуции текста, помимо собственно лингвистических методов, особое внимание следует уделять психолингвистическим методам, предполагающим исследование фактов языка с точки зрения их связи с процессом порождения речи.

Методы социолингвистики, связанные с исследованием языковых фактов, которые обусловлены социальными параметрами ситуации, а также логико-психологический анализ, направленный на установление свойств дискурсивного мышления автора посредством исследования логических структур, имеют также существенное значение.

Исследование коммуникативных процессов часто осуществляется при помощи общенаучных и частнонаучных методов, среди которых: интент-анализ, разрабатываемый в основном в рамках психологической науки и направленный на выявление имплицитных намерений в тексте, метод социометрии, относящийся к инструментарию социально-психологического исследования и предполагающий проведение опросов, контент-анализ, связанный с выявлением содержательной стороны информации при количественном подсчете показателей, и т. д.

В связи с тем, что составляющие комплексного исследования напрямую зависят от характера экспертной задачи и вида экспертного исследования, методик исследований с использованием комплексности на основе интегративного взаимодействия информационных полей может быть множество, а разработка таких методик – предельно актуальна для современной экспертной практики. В то же время, недостатком комплексных исследований зачастую является некоторая компилятивность выводов, определенная тавтологичность применяемых методов исследования. Средством преодоления указанных проблем нам видится упомянутый выше кросс-дисциплинарный подход в реализации экспертного исследования.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
2. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006.
3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму // Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
4. Романов Н.С. Закономерности и механизм формирования предмета судебной экспертизы и предмета отрасли судебно-экспертных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 21. Киев, 1980. С. 35.

- 172 | 5. Седова Т.А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований: материалы Всесоюзной научно-практической конференции (Рига, 5–6 декабря 1984 г.) / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: ВНИИСЭ, 1985. 196 с.

O. G. Khokhlovskaya

FEATURES OF EXPERT ANALYSIS OF EXTREMIST DISCOURSE

Abstract: The article is devoted to the substantiation of the necessity of integration of methods of different disciplines in identifying signs of extremism.

Keywords: extremism, integration, integrated approach, methods.

Раздел 3.
ВОПРОСЫ КРИТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ И НАПРЯЖЕННЫЕ ТОЧКИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ
ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

*кандидат филологических наук, старший эксперт отдела фоноскопических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации
Москва, Россия*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье рассматриваются методологические и научно-методические проблемы судебной лингвистической экспертизы как интегративной области научных знаний.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, предмет, объект, экспертные задачи, компетенция эксперта, методика, унижение достоинства, экстремизм.

Теория судебной лингвистической экспертизы как область научных знаний, с одной стороны, тесно связана с общей теорией судебной экспертизы (экспертологией), с другой – с судебной лингвистикой (forensic linguistics), прикладной наукой, обслуживающей «широчайшее поле проблем, начиная от соблюдения языковых прав, а также проведения лингвистической и правовой экспертизы текста законодательства до изучения особенностей функционирования языка в юридическом дискурсе в целом» [5].

Методология судебной лингвистической экспертизы (СЛЭ) в настоящее время находится в стадии интенсивного формирования и вызывает серьезные дискуссии в экспертном сообществе. Методологические подходы к производству лингвистических экспертиз излагались и освещались в различных научных исследованиях и изданиях методического характера [1–3; 5–7; 9–21].

Если методологию судебной лингвистической экспертизы понимать как систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, то следует обратиться к вопросам, касающимся: 1) объема специальных знаний; 2) предмета и целей исследования (экспертных задач); 3) объекта исследования; 4) системы используемых методов; 5) результатов исследования (формулирования выводов).

Выбор методов исследования во многом зависит от решения вопроса об объеме специальных знаний, требует отдельного описания, поэтому не будет рассматриваться в настоящей статье.

1. Первая проблема, попадающая в фокус внимания, связана с названием рода экспертизы – «лингвистическая» – и объемом специальных знаний, необходимых для решения экспертных задач.

Название «лингвистическая экспертиза» закрепилось в правоприменительной практике далеко не сразу. В конце девяностых и начале двухтысячных годов следователи и судьи назначали экспертам «социогуманитарные», «текстологические», «филологические», «литературоведческие», «юрислингвистические», «психоллингвистические», «речеведческие» и прочие экспертизы. В итоге в широкое употребление вошло название «лингвистическая экспертиза», чему в немалой степени способствовало его включение в перечни родов и видов судебных экспертиз, выполняемых в том или ином государственном судебно-экспертном учреждении.

Между тем судебная лингвистическая экспертиза по своей сути не является собственно «лингвистической», так как не ограничивается знаниями в сфере науки о языке. Фактически специальные знания, применяемые при производстве лингвистических экспертиз, относятся к различным гуманитарным направлениям научной мысли: литературоведению при исследовании художественных текстов, риторике при исследовании публичных выступлений, теории журналистики при исследовании продукции массмедиа, адвертологии при исследовании рекламных текстов, киноведению и сценарному мастерству при исследовании кинематографических произведений и др.

Таким образом, название рода экспертиз – «лингвистическая экспертиза» – не вполне соответствует комплексу используемых специальных знаний.

На практике подобное несовпадение означаемого и означающего приводит к неблагоприятным последствиям. Во-первых, происходит дезориентация экспертов, прежде всего начинающих, путём сужения филологического сознания: анализ материала ограничивается применением исключительно лингвистических методов, представленный на исследование объект не исследуется всесторонне. Во-вторых, обнаруживается неполнота программ обучения по соответствующим экспертным специальностям в государственных судебно-экспертных учреждениях, образовательных программ для бакалавров и магистрантов, программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации в высших учебных заведениях. В-третьих, у экспертов возникают проблемы в судах – участников судопроизводства бывает непросто убедить в том, что анализ визуального компонента креолизованного текста входит в компетенцию судебного лингвиста.

Название рода судебной экспертизы, которое давно закреплено в подзаконных нормативно-правовых актах и прочно вошло в научный оборот, изменить затруднительно, поэтому экспертам остаётся ограничиться осознанием факта данного несоответствия и получать дополнительные знания в смежных научных областях.

2. Вопрос об объекте лингвистической экспертизы также является дискуссионным.

Как показывает практика, всех государственных и негосударственных экспертов-лингвистов условно можно разделить на сторонников трех точек

176 зрения. Первую группу образуют приверженцы узкого подхода к лингвистической экспертизе. Они исходят из того, что объектом лингвистики является естественный человеческий язык во всех его проявлениях, и на этом основании полагают, что эксперт-лингвист должен отказываться от анализа невербальной составляющей сообщения. Вторая группа экспертов объектом лингвистической экспертизы считает продукты речевой деятельности (произведение может состоять из вербальных и невербальных компонентов, но наличие информации, переданной посредством речевого кода, является обязательным условием). Третья группа – сторонники широкого подхода – к объектам лингвистической экспертизы причисляет не только речь, но и жесты, мимику, положение тела участника коммуникации, мизансцены, а наиболее смелые эксперты позволяют себе эксплицировать и анализировать содержание изображений даже в тех случаях, когда вербальный компонент отсутствует.

Возможность анализа визуальных изображений без речевого сопровождения в рамках производства лингвистических экспертиз долгое время оспаривалась. Между тем если исходить из того, что название «лингвистическая экспертиза» во многом условно, а определение «лингвистическая» всего лишь указывает на преобладание собственно лингвистических знаний в том комплексе филологических и иных специальных сведений, который используется экспертом при анализе материалов, то исследование визуального ряда, жестов и иных нетипичных объектов лингвистом следует признать допустимым.

Невозможно игнорировать и потребности правоприменителя. У следователей и судей периодически возникает необходимость в установлении смысла того или иного жеста, выявлении основной темы серии визуальных изображений и др. Психологи, как правило, отказываются от решения подобных задач, так как установление смыслового содержания знака не входит в их компетенцию, жесты и иные продукты коммуникативной деятельности в рамках производства психологических экспертиз обычно исследуются в целях определения индивидуальных особенностей протекания психических процессов у конкретного лица.

В последние десятилетия лингвисты достаточно активно изучают невербальные элементы (например, проекты в Институте языкознания РАН), в России и за рубежом издаются словари жестов, а многие национальные жестовые языки глухонемых, в том числе с недавнего времени русский, признаны языками на законодательном уровне. Представляется, что на данном этапе развития теории и практики судебной лингвистической экспертизы имеются основания задуматься: следует ли продолжать считать объектом СЛЭ продукты речевой деятельности или пора объективно оценить ситуацию и констатировать, что объектом судебной лингвистической экспертизы также является невербальный компонент.

Широкий подход к объекту судебной лингвистической экспертизы может потребовать коррекции названий экспертных специальностей и программ обучения, принятых в государственных судебно-экспертных учреждениях.

Названия экспертных специальностей чаще всего строятся по модели «исследование» + «объект исследования» (например, почерковедческая экспертиза – «Исследование почерка и подписей»; техническая экспертиза документов – «Исследование реквизитов/материалов документов»; дактилоскопическая экспертиза – «Исследование папиллярных узоров рук и ног человека»), реже в названии фигурирует экспертная задача («Идентификация лиц по фонограммам речи»).

В сфере судебной лингвистической экспертизы название экспертной специальности, с учетом реального положения дел, может звучать как «Исследование продуктов коммуникативной деятельности» или «Исследование вербальной и невербальной коммуникации» (естественно, возможны и иные формулировки). Второй вариант, на наш взгляд, предпочтительнее, так как в настоящее время эксперты-лингвисты занимаются не только исследованием продуктов коммуникативной деятельности, но и анализом коммуникативных процессов, коммуникативных ролей, коммуникативного поведения участников общения и т. д.

3. Наиболее серьезная методологическая и научно-методическая проблема судебной лингвистической экспертизы – различное понимание экспертами предмета данной области научных знаний, а также экспертных задач.

Противоречия обнаруживаются не только при сравнении подходов, используемых при производстве судебных лингвистических экспертиз государственными и негосударственными экспертами или экспертами, работающими в различных системах государственных судебно-экспертных учреждений, но встречаются даже внутри одной системы:

Статьи закона	СЛЭ: формулировки вопросов
ст. 128.1 УК РФ «Клевета»; ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава»; ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»	«Содержится ли в высказывании / тексте негативная информация о лице / организации?» [19: 105]. + вопрос о форме выражения негативной информации
ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»	«Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?» [10: 25].
ст. 5. 61 КоАП РФ «Оскорбление», специальные составы (ст. ст. 297, 319, 336 УК РФ)	«Содержатся ли [в материалах] высказывания со значением унижительной оценки лица?» [7: 52]. + вопрос о форме выражения

В приведенных в таблице статьях закона речь идет об одной и той же категории «умаление достоинства», но вопросы экспертами по неизвестным

178 | причинам формулируются различно: в одном случае выявляется негативная информация о лице, в другом – лингвистические и психологические признаки унижения, в третьем – унижительная оценка, что представляется не вполне логичным.

Межведомственные противоречия во взглядах на предмет судебной лингвистической экспертизы удобнее всего рассматривать на основе сравнения подходов, которые используются при производстве экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму.

Основные потребности правоприменителя по данному направлению закрывают эксперты МВД России, Минюста России, ФСБ России и СК России. В Москве также функционирует государственное судебно-экспертное учреждение регионального уровня – «Московский исследовательский центр» (МИЦ).

Четыре государственных структуры и «Московский исследовательский центр» при производстве судебных лингвистических экспертиз, назначенных по делам, связанным с противодействием экстремизму, используют три методических подхода, базирующихся на различных методологических основаниях:

- эксперты ФСБ России производят «лингвистическую квалификацию» высказываний;
- эксперты Минюста России и «Московского исследовательского центра» применяют комплексный подход – производством таких судебных экспертиз занимаются одновременно лингвист и психолог, которые выявляют лингвистические и психологические признаки «экстремистских» значений;
- эксперты МВД России и СК России устанавливают смысл сообщений и предоставляют правоприменителю возможность самостоятельно оценить деяние.

Сторонников первых двух подходов периодически упрекают в выходе за пределы компетенции, так как эксперты оперируют нелингвистическими категориями и на зависть юристам без особых усилий выявляют в текстах «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», специальные признаки «возбуждения ненависти и вражды» и др.

В данном случае можно говорить о проблеме использования при постановке экспертных задач правовых понятий. При назначении гуманитарных экспертиз, к сожалению, давно сложилась порочная практика: правоприменитель, сталкиваясь с несовершенством законодательных норм и порождёнными этим обстоятельством трудностями, касающимися оценки деяния, делегирует решение вопросов правового характера эксперту. Лингвист (а равно психолог) в силу различных причин не всегда строго соблюдает пределы своей компетенции (особенно в ситуации, когда термин или терминологическое

сочетание, фигурирующие в поставленном вопросе, функционируют и в области права, и в области лингвистики) и либо в выводах открыто отвечает на правовые вопросы, либо делает это с определёнными оговорками («с позиции лингвистической квалификации», «лингвистические признаки» возбуждения вражды, ненависти, унижения и пр.).

Методический плюрализм породил множество практических проблем, в связи с чем несколько лет назад Совбез России поставил перед представителями МВД России, Минюста России, ФСБ России, СК России задачу – создать Межведомственную типовую методику лингвистического экспертного исследования экстремистских материалов. Ведомства задание выполнили, методика была создана, апробирована и в феврале 2019 года одобрена инициатором.

К сожалению, данное методическое издание проблем не решило, проект подвергали критике задолго до его официального утверждения. Так, по мнению М.В. Кроза и Н.А. Ратиновой, «задача создания единых универсальных методик была решена лишь формально, на практике все эксперты, в том числе и представители правоохранительных органов по-прежнему применяют различные частные методики» [8: 150].

Различия во взглядах на предмет и задачи судебной лингвистической экспертизы объясняются молодостью данного рода экспертиз. С течением времени практикой будут отвергнуты те подходы, которые содержат противоречия или не соответствуют требованиям действующего законодательства.

Положительные тенденции уже наметились: так, 3 октября 2017 г. состоялось знаковое для российских юристов и лингвистов событие – Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), молчавший одиннадцать лет, принял первое решение по жалобе на приговор за экстремизм в России (дело «Дмитриевский против Российской Федерации»). Интересно, что в своем вердикте Европейский суд дал правовую оценку не только приговору, вынесенному и утверждённому российскими судами, но и лингвистическим экспертизам, положенным в его основу.

Станислав Дмитриевский, известный нижегородский журналист и правозащитник, в начале двухтысячных занимал должности исполнительного директора Общества российско-чеченской дружбы и главного редактора газеты «Право-Защита». Весной 2004 года Дмитриевский напечатал в своей газете обращение Ахмеда Закаева к российскому народу и обращение Аслана Масхадова к Европарламенту.

В январе 2005 года прокуратура Нижегородской области возбудила в отношении Дмитриевского уголовное дело по ч. 2 ст. 280 УК (на тот момент – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации). После проведения в Приволжском региональном центре судебной экспертизы Минюста России

180 лингвистической экспертизы дело было переквалифицировано на п. «б» ч. 2 ст. 282 УК (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное лицом с использованием средств массовой информации и своего служебного положения). В феврале 2006 года Советский районный суд Нижнего Новгорода, согласившись с выводами лингвистической экспертизы, признал Дмитриевского виновным в совершении преступления и назначил ему наказание в виде двух лет условного срока заключения. Через два месяца этот вердикт был утвержден Нижегородским областным судом.

Станислав Дмитриевский подал жалобу в отношении Российской Федерации в ЕСПЧ, который в итоге решил, что приговор нарушает ст. 10 «Свобода выражения мнения» Европейской конвенции по правам человека.

Если обратиться к тексту постановления ЕСПЧ, можно обнаружить, что Суд тщательно изучил лингвистическую экспертизу – изложение заключения эксперта занимает несколько листов. Наиболее интересными представляются следующие разъяснения, поступившие из Страсбурга:

112. В настоящем деле национальные суды установили, что заявитель совершил «действия, направленные на разжигание вражды и унижение достоинства группы людей по признаку расы, этнического происхождения и принадлежности к социальной группе» путём публикации двух статей, которые, согласно заключениям лингвистической экспертизы от 18 февраля 2005 года, «содержали высказывания, направленные на разжигание расовой, этнической или социальной розни, связанных с насилием». По мнению Суда, решения национальных судов по делу заявителя были глубоко недостаточными по ряду причин.

113. <...> при вынесении обвинительного приговора на основе вышеупомянутых экспертных заключений суды не оценили их и просто одобрили выводы эксперта-лингвиста, которые, по их мнению, являются надежными с учетом ее компетентности, профессиональных навыков и прошлого опыта. Таким образом, важнейший юридический вывод о наличии в оспариваемых утверждениях элементов «языка ненависти» был фактически сделан экспертом-лингвистом, который составил вышеупомянутое заключение. Соответствующая лингвистическая экспертиза явно вышла далеко за рамки решения только языковых вопросов, таких как, например, определение значения конкретных слов и выражений и, по существу, представила юридическую квалификацию действий заявителя. Суд считает данную ситуацию неприемлемой и подчеркивает, что все юридические вопросы должны решаться исключительно судами. <...> [23].

Что важно? Во-первых, из решения ЕСПЧ следует, что круг лингвистических экспертных задач по делам, связанным с противодействием экстремизму, должен ограничиться «определением значений конкретных слов и выраже-

ний», то есть, по сути, установлением смыслового содержания материалов. Во-вторых, недопустимой признаётся ситуация, когда суд не даёт правую оценку заключению, а просто одобряет выводы эксперта-лингвиста, ответившего на юридические вопросы.

Позиция ЕСПЧ осталась неизменной и в решениях по другим делам («Мария Алёхина и другие против Российской Федерации», Постановление ЕСПЧ от 17 июля 2018 г.; дело «Савва Терентьев против Российской Федерации», Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г.; «Ибрагим Ибрагимов и другие против Российской Федерации», Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г. [24; 25]). Средняя сумма компенсации неимущественного вреда за правовые и экспертные ошибки, выплачиваемая заявителю государством, ратифицировавшим Европейскую конвенцию по правам человека, составляет 10 000 евро.

Как экспертам-лингвистам прийти к согласию относительно предмета судебной лингвистики и экспертных задач?

Как известно, основной задачей судебно-экспертной деятельности, в соответствии с действующим законодательством, является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Задачу эксперту, конечно, должен ставить правоприменитель, но в российской практике, к сожалению, часто происходит наоборот – эксперт диктует инициатору, какие вопросы должны фигурировать в постановлении (определении).

Для того чтобы сформулировать эксперту корректные вопросы, правоприменителю необходимо четко представлять предмет доказывания по конкретной статье уголовного закона.

Например, при расследовании преступлений по ст. 282 УК РФ, кроме общих обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, требуется установить и доказать, по объективной стороне: 1) факт возбуждения ненависти или вражды и/или унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе; 2) отсутствие критики политических организаций, религиозных объединений, национальных обычаев и пр.; 3) публичность; 4) место; 5) время; 6) обстановку; 7) способ; 8) форму (устно, письменно); 9) основание (пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, принадлежность к какой-либо социальной группе); 10) факт использования СМИ и пр.; по субъективной стороне: 1) вину; 2) мотив; 3) цель [4].

Эксперт-лингвист вправе содействовать органу или лицу, назначившему экспертизу, в установлении смысла и формы спорных высказываний, определении способов реализации речевых деяний (признаков объективной стороны

182 | преступления), но не вправе отвечать на вопросы, связанные с установлением вины, мотивов и целей подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (признаков субъективной стороны преступления).

При постановке правоприменителем экспертных задач на основе принципов *единообразия* и *законности* судебными экспертами могут применяться различные методики – формулировки выводов по результатам исследования будут близкими, а в случае необходимости выводы легко можно будет верифицировать.

Таким образом, на данном этапе развития судебной лингвистики целый комплекс практических проблем обусловлен противоречивыми представлениями экспертов о предмете, объекте и экспертных задачах судебной лингвистической экспертизы.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2007. 592 с.
2. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: ФЛИНТА : Наука, 2014. 304 с.
3. Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Руженцева Н.Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: моногр. М.: ФЛИНТА, 2019. 264 с.
4. Бычков В.В. Предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2013. № 4 (9). С. 138–145.
5. Горошко Е.И. Судебная лингвистика: становление теоретической парадигмы // Юрислингвистика – 7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 191–198.
6. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: моногр. : для лингвистов-экспертов, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников, журналистов. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. 227 с.
7. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.
8. Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 146–154.
9. Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). 2-е изд., испр. и доп. М.: В. Ема, 2014. 312 с.

10. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
11. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.
12. Кусов Г.В. Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 217–224.
13. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.В. Назарова [и др.]; ЭКЦ МВД России // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I. / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243–292.
14. Осадчий М.А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2014. 256 с.
15. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 104 с.
16. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики: моногр. Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2018. 197 с.
17. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
18. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: моногр. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
19. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / под ред. проф. С.А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 131 с.
20. Судебная лингвистика: моногр. / О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, Ю.В. Холоденко, С.И. Кузеванова, М.Е. Маргольф, А.А. Селина; под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
21. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.
22. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

- 184 | 23. Dmitriyevskiy v. Russia, no. 42168/06, § ..., 3 October 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-177214> (дата обращения: 20.09.2019).
24. Maria Alekhina and Others v. Russia, no. 38004/12, § ..., 17 July 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185505> (дата обращения: 20.09.2019).
25. Ibragim Ibragimov and Others v. Russia, nos. 1413/08 and 28621/11, § ..., 28 August 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185293> (дата обращения: 20.09.2019).

I. V. Gart

**METHODOLOGICAL PROBLEMS OF FORENSIC
LINGUISTIC EXPERTISE**

Abstract: Methodological problems of forensic linguistic expertise as an integrative field of scientific knowledge are being discussed in the article.

Keywords: forensic linguistics, subject, object, expert tasks, competence of the expert, methodical approach, violation of human dignity, extremism.

Н. Д. Голев

ngolevd@mail.ru

доктор филологических наук,

профессор Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

Я. А. Дударева

dudareva-yana@yandex.ru

кандидат филологических наук,

доцент Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

СХОДСТВО НАИМЕНОВАНИЙ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ ДО СТЕПЕНИ СМЕШЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)⁶

Аннотация. В статье анализируется практика применения рекомендаций министра в определении наличия/отсутствия сходства до степени смешения между наименованиями управляющих компаний Кузбасса, проанализированы нетиповые случаи, сложность которых связывается с неопределенностью понятия *сходство знаков*, а также антиномией холистического и элементаристского подходов к определению наличия/отсутствия сходства до степени смешения между ними.

Ключевые слова: эргоним, нейминг, лингвистическая экспертиза, сходство до степени смешения.

Категории тождество – сходство – различие в системе языка. Вопрос об определении наличия/отсутствия сходства до степени смешения между наименованиями управляющих компаний входит в широкий круг нейминговых исследований, которые выполняются на материале эргонимов, прагматонимов и доменных имен. В научных публикациях исследователи, представляя результаты собственной лингвоэкспертной практики, часто отмечают особенность лингвистической экспертизы наименований, связанную

⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Кемеровской области, проект № 18-412-420003 р_а «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

186 | с поиском методики адекватного разрешения спорных ситуаций. В отличие от других видов экспертиз, дающих однозначные выводы, «лингвистическая экспертиза товарного знака в целом ряде случаев приводит эксперта к неоднозначным выводам, что становится причиной многократных оспариваний ее результатов и длительных судебных тяжб» [4: 106]. Сложность разработки методики разрешения конфликтных ситуаций по наименованиям обусловлена сложностью и неопределенностью базовых понятий сходство и степень сходства, от понимания которых зависят выводы экспертов.

Рассматриваемая тема в собственно лингвистическом плане актуализирует категории тождества, сходства и различия в языке. Так, на фонетическом уровне, названные категории оказываются значимыми при описании сильных и слабых позиций фонем (в сильных позициях фонемы дифференцируются, к примеру: бак, свалка, грот, бьет; в слабых позициях – отождествляются, к примеру: раб, сдача и т. п.), определении состава гласных фонем (и, ы – разные фонемы или разновидности одной и той же фонемы). На лексическом уровне категории тождества, сходства и различия важны для квалификации лексем как синонимичных (бегемот - гиппопотам; заметный, примечательный, броский), омонимичных (лук; зАмок – замОк; Сережка – сereжка; ворон – вор он), полисемантических (старый; идти; путь) или антонимичных (старый – молодой; старый – новый) между собой. В словообразовании названные категории лежат в основе образования комплексных единиц: словообразовательных типов, парадигм, категорий. На морфологическом уровне на основе тождественного/сходного набора грамматических категорий формируется система частей речи. На уровне синтаксиса предложения группируются по тождественным структурным схемам.

Выбор эргонимов и прагматонимов в качестве исследовательского материала актуализирует проблемный вопрос определения тождества, сходства и различия на лексическом уровне, от решения которого зависит квалификация наименований как синонимичных, омонимичных, полисемантических или антонимичных. Согласно Правилам [9, электронный ресурс], которые используются при семантическом анализе товарных знаков соотношение между перечисленными лексико-семантическими категориями и явлением сходства до степени смешения следующее (примеры приводятся из Методических рекомендаций [3, электронный ресурс]):

1) если наименования синонимичны, то они сходны до степени смешения (МУЗЫКА СНА – МЕЛОДИЯ СНА);

2) если наименования антонимичны, то они сходны до степени смешения (МОЙ МАЛЫШ – ВАШ МАЛЫШ);

3) если наименования омонимичны, то они либо сходны до степени смешения (омофоны, омографы, омоформы: DIXIE – DIXI, DIXY, ДИКСИ), либо не сходны до степени смешения (полные омонимы: КРОНА);

4) если наименования полисемантчны, то они не сходны до степени смешения (ДУША – СЛАВЯНСКАЯ ДУША).

Выделение трех критериев и описание их применения при анализе конкретных наименований является способом объективирования, конкретного вербального выражения имеющегося между наименованиями ассоциативного сходства. При этом в самом духе рекомендаций заложен именно холистический, а не элементаристский подход к сопоставлению наименований: «Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» [Там же]. Как описывается Н.Д. Голевым, «холизм – примат целого над частями, невыводимость целого из суммы частей. Холизм в психологическом смысле – «видение» целого до расчленения его на части. холизм в когнитивном смысле – схватывание смысла целого вне суммирования смыслов его частей» [1: 6]. Базовый принцип сопоставления спорных наименований, выражающийся в формулировке «оценка сходства обозначений производится на основе общего впечатления» [3, электронный ресурс] задает посыл проведения экспертиз и исследований по установлению наличия/отсутствия сходства до степени смешения между наименованиями именно в холистическом духе.

Категории тождество – сходство до степени смешения – сходство – различие в лингвомаркетологическом пространстве. Понятия *тождество – сходство – различие* являются весьма значимыми в категоризации мира. Категории *тождество* и *различие* определяются как высшая степень наличия и соответственно отсутствия сходства между сравниваемыми объектами. Так, в «Толковом словаре русского языка» (МАС) даются следующие определения:

тождество – полное сходство, подобие предметов, явлений друг другу или самим себе [10, электронный ресурс];

различие – разница, несходство между кем-, чем-л. [Там же].

Лингвоюридическая практика к названным понятиям добавляет особый вид сходства – сходство до степени смешения или, по-другому, ассоциативное сходство, при котором потенциально возможно отождествление нетождественных знаков. Понятие сходство до степени смешения является весьма неопределенным. В Правилах отсутствуют какие-либо формулы для вычисления степени сходства наименований, какой она должна быть для квалификации имеющегося сходства именно до степени смешения.

Наименования управляющих компаний: лингвоправовые особенности нейминга

Для лингвистики наименования управляющих компаний являются новым исследовательским материалом. Как правило, в сфере строительства объектом нейминговых исследований становятся наименования жилищных комплексов или застройщиков, поскольку именно для них коммерческая эффективность, доверие покупателей являются наиболее значимыми, а наименование управляю-

188 | щих компаний потенциальные покупатели не выбирают, а получают по факту. Необходимость проведения лингвистических исследований наименований управляющих компаний обусловлена введением новых требований в области права, а именно связана с выходом федерального закона от 31.12.2017 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В названном законе статья 193 ЖК РФ дополнена новым подпунктом, в котором устанавливается следующее требование: отсутствие тождественности или схожести до степени смешения фирменного наименования соискателя лицензии или лицензиата с фирменным наименованием лицензиата, право которого на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами возникло ранее.

Также в соответствии с п. 3 ст. 1474 ГК РФ не допускается использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения, если указанные лица ведут аналогичную деятельность и фирменное наименование второго юридического лица было включено в ЕГРЮЛ ранее, чем фирменное наименование первого.

В Письме Минстроя России от 21.06.2018 г. № 26618-АЧ/04 «Об оценке тождественности или схожести фирменных наименований лицензиатов» по аналогии с исследованием сходства товарных знаков указаны фонетические, графические и семантические признаки, опираясь на которые, можно выявить сходство наименований управляющих компаний до степени смешения. Но согласно п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Правительством РФ от 13.08.1997 № 1009, письма федеральных органов исполнительной власти не являются нормативно правовыми актами. Следовательно, разъяснения по оценке наименований, которые указаны в Письме минстроя, носят рекомендательный характер, и эксперты-лингвисты могут использовать собственные методики для разрешения проблемных ситуаций.

Лингвистическое исследование по определению наличия/отсутствия сходства наименований управляющих компаний Кемеровской области до степени смешения. На основе данных, полученных из реестра лицензий на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в Кемеровской области, были проанализированы наименования управляющих компаний Кемеровской области (66 единиц), которые находятся в зоне правового риска и из-за несоблюдения п. 1.1 ст.193 ЖК РФ, ст. 1474 и ст. 1473 ГК РФ могут быть лишены лицензии на управление многоквартирными домами.

Анализ наименований управляющих компаний Кемеровской области позволил классифицировать сходные до степени смешения эргонимы следующим образом:

I. Пары наименований, включающие в свой состав тождественные словесные элементы:

1) различие между эргонимами связано с наличием/отсутствием аббревиатур, указывающих на вид деятельности организации: ООО «Комфорт» и ООО УК «Комфорт», ООО «ДомСервис» и ООО «УК ДомСервис», ООО УК «Жилсервис» и ООО «Жилсервис», ООО УК «Жилфонд СММ» и ООО «Жилфонд СММ», ООО УК «Город» и ООО ГК «Город», ООО «УК Южный» и ООО «Южный», ООО «Наш Дом» и ООО УК «Наш дом», ООО «РСК Веста» и ООО «УК Веста»;

2) различие между эргонимами связано с наличием/отсутствием графических или вербально выраженных графических символов: ООО «Комфорт» и ООО ЖК «Комфорт Плюс» и ООО «Комфорт +»; ООО УК «Радуга» и ООО УК «Радуга+», ООО УК «Кемерово-Сити» и ООО УК «Кемерово Сити», ООО «ДомСервис» и ООО «Дом-Сервис», ООО УК «Наш Дом» и ООО УК «Наш дом», ООО УК «Гарант» и ООО «УК Гарант», ООО «УК Зенит» и ООО УК «Зенит»;

3) различие между эргонимами связано с наличием/отсутствием отдельных букв или их сочетаний: ООО УК «Уютный Дом» и ООО «УК Уютный дом-К», ООО «Аргиллит» и ООО «Аргиллит-С», ООО «МАИ» и ООО «МАИ-НК», ООО «Плюс» и ООО «А плюс», ООО УК «Доверие» и ООО «УК Доверие-Н» и ООО УК «Доверие НК»;

4) различие между эргонимами связано с указанием различной организационно-правовой формы: ООО УК «Жилфонд» и МП «ЖИЛФОНД», ООО «УК Наш Дом» и МУП УК «Наш Дом», МКП «УК НМР» и ООО «УК НМР»;

5) различие между эргонимами связано с использованием букв разного регистра: ООО УК «Комфорт» и ООО «УК КОМФОРТ», ООО «Жилсервис Плюс» и ООО «Жилсервис плюс», ООО УК «ЖилСервис» и ООО УК «Жилсервис», ООО УК «Город» и ООО УК «ГОРОД».

II. Пары наименований, имеющие звуко-графическое сходство без тождественных словесных элементов:

1. Сходство до степени смешения возникает в результате сходства графической и звуковой форм наименований (явления аллитерации, ассонанса и т. п.): ООО «УК «НИК»» и ООО «КИК», ООО «УК «НИК»» и ООО «Ника».

2. Сходство до степени смешения возникает в результате низкой степени индивидуализации эргонима, например: ООО «УК ЖКУ», ООО «УК ЖЭУ», ООО «УК «РЭУ»».

Наименования подобного типа указывают исключительно на вид деятельности организации, в их составе отсутствует сильный словесный элемент, обеспечивающий выполнение наименованием индивидуализирующей функции. Подобно тому как в лингвомаркетологическом пространстве товарных знаков имеются обозначения, вошедшие во всеобщее употребление, к примеру,

190 | эскимо, памперс, термос, линолеум [2, электронный ресурс], наименования РЭУ, ЖЭУ, ЖКЭ и т. п. используются для обозначения целого класса объектов. Аббревиатуры подобного типа не выделяют, не индивидуализируют конкретную организацию из ряда подобных. Наличие в реестре перечисленных наименований представляет собой синонимический ряд, доминантой которого является словосочетание *Управляющая компания*, а возможно, и лексема *ЖЭК*. На настоящий момент в официальном стиле слово *ЖЭК* является архаизмом, поскольку с принятием нового Жилищного кодекса в 2005 году ЖЭКи прекратили свое существование и появились новые коммунальные структуры, но можно предположить, что носителями русского языка слово *ЖЭК* еще не забыто и потому оно находится в активном, а не пассивном словарном запасе.

Таким образом, такие наименования, как ООО «УК ЖКУ», ООО «УК ЖЭУ», ООО «УК «РЭУ»» являются тавтологичными и не выполняют индивидуализирующую функцию. Различие между подобными эргонимами связаны с частотностью употребления аббревиатуры, обусловленной сложившимися традициями использования той или иной аббревиатуры в конкретном городе.

3. Пары наименований, различия между которыми проявляются в наличии/отсутствии словесных элементов и в связи с этим в построении синтаксической конструкции наименований.

Наименования, относящиеся к описываемой категории, представляют собой для экспертов проблемную зону, поскольку их анализ требует ответа на такие вопросы, как:

– выполняет ли спорное наименование благодаря новому словесному элементу функцию индивидуализации или наличие нового компонента не создает различия между эргонимами?

– каким образом влияет синтаксическая конструкция наименования на его восприятие потребителями? В каких случаях структурная схема наименования, выбор типа словосочетания, предложения обуславливает ассоциативное сходство наименований?

В рекомендациях минстроя отсутствуют алгоритмы для решения описываемых проблемных вопросов, в связи с чем на практике эксперты самостоятельно вырабатывают пути решения спорных ситуаций, а потому в судебной практике нередки случаи рассмотрения экспертиз с противоположными выводами и пересмотр ранее принятых решений.

По отношению к товарным знакам имеется Постановление Президиума ВАС РФ №2050/13 от 18.06.2013 г., в котором указано, что «добавление к товарному знаку, принадлежащему иному лицу, уточняющего или характеризующего слова не делает новое обозначение не сходным до степени смешения с данным товарным знаком» [7, электронный ресурс]. Именно такую позицию представил ВАС РФ, рассматривая дело о наименованиях

конфет «Ласточка» и «Ласточка-певунья». Представляется, что аналогичные рекомендации необходимы и в отношении фирменных наименований, поскольку это позволит рассматривать подобные случаи единообразно.

К примеру, в арбитражном суде Пермского края рассмотрено дело № А50-37851/2018 о наименованиях – Общество с ограниченной ответственностью «Комфорт-Жилищно-эксплуатационный участок № 2» и «Управляющая компания «Жилищно-эксплуатационный участок № 1»». На данный момент имеется решение Семнадцатого арбитражного апелляционного суда г. Перми, в котором изложена следующая позиция: «апелляционный суд соглашается с выводом суда первой инстанции о том, что наименование ООО «Комфорт-Жилищно-эксплуатационный участок № 2» не обладает сходством до степени смешения с наименованием третьего лица ООО Управляющая компания «Жилищно-эксплуатационный участок № 1», поскольку словесные обозначения «Комфорт-Жилищно-эксплуатационный участок» и «Жилищно-эксплуатационный участок» не имеют общего словесного звучания, совпадение элементов (слов) наименования, если дополнительный элемент (слово) носит самостоятельный характер (признак) «Комфорт-Жилищно-эксплуатационный участок» и «Жилищно-эксплуатационный участок» не может быть отнесено к смысловому сходству, ООО «ЖЭУ № 2» и ООО УК «ЖЭУ № 1» не образуют звукового (фонетического) сходства (как полное так и сокращенное), исходя из общего впечатления наименования указанных управляющих компаний не могут восприниматься как одно за другое» [8, электронный ресурс].

С собственно лингвистических позиций словесный элемент комфорт в наименовании управляющей компании представляет собой характеризующее слово, синтаксически выступающее в функции приложения при главном словесном элементе – словосочетании *Жилищно-эксплуатационный участок*, являющемся тождественным для анализируемых наименований. Наличие характеризующего слова не создает нового наименования, в связи с чем, с нашей точки зрения, рассматриваемые наименования являются сходными до степени смешения.

Данная спорная ситуация лингвистически интересна также еще и тем, что наименование «Жилищно-эксплуатационный участок № 1» является слабым с точки зрения выполнения функции индивидуализации. Словесный компонент наименования не является уникальным и представляет собой типовое наименование, включающееся в вышеописанный синонимичный ряд таких же типовых наименований. Функцию индивидуализации по сути выполняет цифровой компонент. Стоит согласиться, что различие в порядковом номере между управляющими компаниями на практике создает необходимую дифференциацию между ними. Так, в советский период магазины, аптеки также назывались по номерам и вопроса о сходстве до степени смешения не

192 | возникало. Однако на сегодняшний день цифровое обозначение не является обязательным элементом наименования и сохраняется скорее по традиции или с целью стилизации. На данный момент основным элементом наименования является словесный, в связи с чем, с нашей точки зрения, обеим управляющим компаниям можно рекомендовать подобрать новые номинации, отражающие современные маркетинговые тенденции использования в составе наименований названий улиц, районов, новостроек.

Рассмотрим еще примеры наименований управляющих компаний, совпадающих с точки зрения лексического состава, но имеющих разную синтаксическую структуру, – ООО «Первая управляющая компания» и ООО Управляющая компания «Первая управляющая». Данные наименования являются сходными до степени смешения, поскольку состоят из идентичных лексических единиц, наличие которых обуславливает фонетическое, графическое и семантическое сходство между ними в целом. Отличия заключаются в морфолого-синтаксической структуре наименований. Эргоним «Первая управляющая компания» построен по типу согласования, имя существительное компания является главным компонентом, занимающим постпозицию после определений. Эргоним Управляющая компания «Первая управляющая» также синтаксически строится по типу согласования, при этом лексическая единица управляющая, употребляемая в первый раз, является определением к слову компания, а во второй раз эта же лексема является субстантивированным существительным, аналогично: первая столовая, первая парикмахерская и т. п. Согласно реестру именно данное наименование зарегистрировано раньше, в связи с чем необходимость переименования данную организацию коснуться не должна, но все же отметим, что с точки зрения благозвучия выбор способа номинации управляющей компании с повторением одного и того же слова не является удачным.

К тому же обращает на себя внимание использование в номинации определения *первый*. Так, согласно ФЗ «О рекламе» использование таких лексических единиц, как *первый, самый, лучший, № 1* должно сопровождаться указанием, по какому параметру, по результатам какого конкурса, анкетирования, в какой номинации тот или иной товар или организации стали лучшими. Как указывается в Постановлении Пленума ВАС РФ, «использование в рекламе сравнительной характеристики объекта рекламирования с иными товарами, например, путем употребления слов “лучший”, “первый”, “номер один” должно производиться с указанием конкретного критерия, по которому осуществляется сравнение и который имеет объективное подтверждение» [6, электронный ресурс]. На наш взгляд, в наименованиях управляющих компаний, содержащих порядковые числительные, с целью их идентификации необходимы территориальные отсылки, к примеру, ООО «Первая управляющая компания Ленинского района г. Кемерово», поскольку без указания района

и города подобные наименования являются агнонимичными, и в связи с этим сходными до степени смешения.

Подводя итог, отметим, что разработанные рекомендации Минстроя по сопоставлению наименований управляющих компаний отражают самые типовые случаи сходства до степени смешения между ними, а именно многочисленные ситуации функционирования на одной территории, то есть в одном ономастическом пространстве наименований, имеющих тождественные словесные компоненты и различающиеся между собой периферийными чаще всего графическими признаками: шрифтом, использованием кавычек, добавлением букв или различных графических знаков, самыми популярными из которых являются плюс и тире.

Особую сложность представляет разрешение проблемных нетиповых ситуаций, связанных с наличием в наименованиях новых смысловых компонентов, отличием характеризующих слов от семантически значимых, создающих полноценное новое наименование. Имеющаяся практика применения рекомендаций Минстроя свидетельствует о необходимости в новых дополнительных разъяснениях, отражающих холистический подход к анализу сходства наименований, а также разработке рекомендаций в плане грамотного нейминга управляющих компаний, учитывающих как правовые аспекты данной деятельности, так и собственно лингвистические.

Литература

1. Голев Н.Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 2 (18). 2012. С. 5–17.
2. Методические рекомендации по вопросам отнесения заявленных обозначений, товарных знаков и знаков обслуживания к категории вошедших во всеобщее употребление как обозначения товаров и услуг определенного вида [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://WWW.CONSULTANT.RU/CONS/CGI/ONLINE.CGI?REQ=DOC&BASE=LAW&N=103893&FLD=134&DST=100139,0&RND=0.2252656104743782#02736617161946091](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=law&n=103893&fld=134&dst=100139,0&rnd=0.2252656104743782#02736617161946091).
3. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство. Утверждены приказом Роспатента от 31.12.2009 №197. [Электронный ресурс]. – URL: [HTTPS://RUPTO.RU/RU/DOCUMENTS/METHODICHESKIE-REKOMENDACII-PO-PROVERKE-ZAYAVLENNYH-OBOZNACHENIY-NA-TOZHDESTVO-I-SHODSTVO-UTVERZHDENY-PRIKAZOM-ROSPATENTA-OT-31-12-2009-197/DOWNLOAD](https://rupto.ru/ru/documents/methodicheskie-rekomendacii-po-proverke-zayavlennyh-oboznacheniy-na-tozhdestvo-i-shodstvo-i-shodstvo-utverzhdenny-prikazom-rospatenta-ot-31-12-2009-197/download).
4. Новичихина М.Е. О месте и роли ассоциативного эксперимента в лингвистической экспертизе товарных знаков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 5 (145). 2015. С. 106–111.
5. Письмо Минстроя России от 21.06. 2018 N 26618-АЧ/04 «Об оценке тождественности или схожести фирменных наименований лицензиатов»

194 [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://WWW.CONSULTANT.RU/DOCUMENT/CONS_DOC_LAW_302125](http://WWW.CONSULTANT.RU/DOCUMENT/CONS_DOC_LAW_302125).

6. Постановление ВАС РФ «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”» [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://STATIC.CONSULTANT.RU/OBJ/FILE/DOC/VAS_REKLAMA.PDF](http://STATIC.CONSULTANT.RU/OBJ/FILE/DOC/VAS_REKLAMA.PDF).

7. Постановление Президиума ВАС РФ № 2050/13 от 18.06.2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://WWW.ARBTR.RU/BRAS.NET/F.ASPX?ID_CASEDOC=1_1_BF6C93F9-581F-4592-922A-78B750B1C313](http://WWW.ARBTR.RU/BRAS.NET/F.ASPX?ID_CASEDOC=1_1_BF6C93F9-581F-4592-922A-78B750B1C313).

8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда г. Перми № 17АП-7250/2019-АК по Дело № А50-37851/2018 от 03.07.2019 [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://KAD.ARBTR.RU/DOCUMENT/PDF/B550B9AD-2A73-4AED-9A57-F9D90B11F711/E37FBD13-A83C-4186-9E9D-1D6154563D9B/A50-37851-2018_20190703_RESHENIJA_I_POSTANOVLENIJA.PDF?ISADDSTAMP=TRUE](http://KAD.ARBTR.RU/DOCUMENT/PDF/B550B9AD-2A73-4AED-9A57-F9D90B11F711/E37FBD13-A83C-4186-9E9D-1D6154563D9B/A50-37851-2018_20190703_RESHENIJA_I_POSTANOVLENIJA.PDF?ISADDSTAMP=TRUE).

9. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (утв. приказом Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. N 482) [Электронный ресурс]. – URL: [HTTP://WWW.CONSULTANT.RU/CONS/CGI/ONLINE.CGI?REQ=DOC&BASE=LAW&N=294929&RND=AA28C423E7732A276C5C4D6B6D80281D&DST=100017&FLD=134#06299278922177423](http://WWW.CONSULTANT.RU/CONS/CGI/ONLINE.CGI?REQ=DOC&BASE=LAW&N=294929&RND=AA28C423E7732A276C5C4D6B6D80281D&DST=100017&FLD=134#06299278922177423).

10. Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р. 750 с.; Т. 4. С–Я. 797 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

N. D. Golev, Ya. A. Dudareva

SIMILARITY OF NAMES OF MANAGEMENT COMPANIES TO THE DEGREE OF MIXING: CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC ANALYSIS (ON THE MATERIAL OF NAMES OF ORGANIZATIONS OF THE KEMEROVO REGION)

Abstract: The article analyzes the practice of applying the recommendations of the Ministry of Construction in determining the presence / absence of similarity to the degree of confusion between the names of the management companies of Kuzbass, analyzes atypical cases, the complexity of which is associated with the uncertainty of the concept of similarity of signs, as well as the antinomy of holistic and elementary approaches to determining the presence / absence of similarities to the degree mixing between them.

Keywords: ergonym, naming, linguistic expertise, similarity to the point of confusion.

СПЕЦИФИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ О ВЗЯТКАХ

Аннотация. В статье описываются составные части коррупции, опыт проведения судебных экспертиз о взятках, уточняются лингвистические методы и приемы установления передачи денежных средств. Автор предлагает более тщательно анализировать невербальные средства, а также обратить внимание на качественную обработку аудиовидеозаписей. Особую роль при составлении экспертиз представляют элементы концепта «взятка».

Ключевые слова: коррупция, концепт, взятка, исследование, расшифровка, метод.

В настоящее время особое место для функционирования работы государства занимают вопросы, связанные с взяточничеством. Между тем при оперативно-розыскных мероприятиях, связанных с коррупцией, допускается множество ошибок. Несомненно, выявление коррупционных действий – задача чрезвычайно трудная. Особенно тяжело доказать факт передачи материальных ценностей от одного лица другому. Даже если и будет данный факт зафиксирован на видеокамеру, всё равно у взяточников есть возможность для ухода от ответственности. Типичные ответы коррупционеров в подобных ситуациях: отдавал долг, получал заработную плату, брал деньги на текущие хозяйственные (производственные) расходы и нужды или для передачи их третьим лицам, родственникам, знакомым, на благотворительность, – вот наиболее частые их объяснения в ходе оперативно-следственных мероприятий и на суде.

Оперативные работники при этом нередко допускают ряд организационных и технических ошибок. Так, наиболее частой ошибкой (как показывает большинство экспертиз) является установка скрытых видеокамер в кабинетах подозреваемых, поэтому запись речи часто бывает нечеткой и неполной. И – как показывает практика проведения экспертиз – потенциальные коррупционеры передачу денежных средств осуществляют вне стен рабочих кабинетов, часто даже путем перевода на подставную (поддельную) сберкарту. При этом бывают случаи, когда присланные деньги (взятку) получает совершенно посторонний человек, который даже не подозревает о том, что его используют как необходимое звено в преступной цепочке.

Главным вопросом в статье является положение: можно ли на основании видеоаудиозаписей возбуждать уголовное дело по 290 статье УК РФ («Взятка») и проводить судебное разбирательство? Какие факты оперативной записи должны быть весомыми аргументами для этого? Чтобы ответить на эти вопросы, рекрутируем материалы судебных экспертиз и лингвистических заключений.

Опыт проведения подобных исследований показывает, что в аудиовидео-записях очень важна лингвистическая составная часть с общим значением *ВЗЯТКА*. Между тем в современных записях оперативных работников нередко отсутствует не только слово *ВЗЯТКА*, но и его жаргонно-арготические или общепросторечные синонимы: *дача; лаве; котлета; откат; занос; посул; мзда; нагар; хабар (хабара); замазка; с sinonim.org: цыпа; цыпка; барашек в бумажке; абиссинский налог; лам; хапанцы; пеишкеш; магарыч; подмазка; бакиши.*

Почти не употребляются в стенограммах и названия взяточников: *взяткодатель, коррупционер, подкупщик, лихоходатель, мзододатель, мздаватель, взяткополучатель, коррупционер, взяточник, лихоимец, мздоимец, лихоимщик, мздолюбец, посульник*, отсутствуют многообразные номинации способов передачи ценностей: «*взятничество*», «*лихоимство*», «*мздоимство*», «*посулоимство*», «*посулоимание*», «*злоупотребление властью (полномочиями)*», «*продажность (судей, чиновников)*», «*подкуп*», «*дача взятки*» эфемистичные номинации типа «*дать барашка в бумажке*», «*дать на лапу*», «*подмазать*», «*подмаслить*» и т. п. [3: 52]. Очень много лексем, связанных со словом *взятка*, используется в арго – лексике криминальных элементов, см. примеры: *белая крыса* – «врач, берущий взятки», *прикормить, приручить* – «вовлечь в коррупцию (часто о влиятельном лице)»; *прикормленный, прирученный* – «коррупционер, работающий на преступный мир». В жаргоне коррумпированных чиновников типичным является фразеологизм *рубленая котлета* — толстая стопка денег, которая тоже очень аппетитно выглядит и при этом не влезает в самый вместительный кошелек; лексема *котлета* — это сто ассигнаций одного номинала в банковской упаковке [2: 139].

Казалось бы, все эти слова, входящие в семантическое поле «взятка», должны быть ключевыми и одним из доказательств, что речь идет о коррупции. Но нередко в видеоаудиозаписях данные лексемы не фиксируются.

Как показывает практика, приведенные выше и им подобные слова не используют не только предполагаемые фигуранты уголовного дела о взяточничестве, но и их коллеги, подчиненные или партнеры. Так, в семи последних видеоаудиозаписях, представленных нам для анализа, не было обнаружено ни одного слова, входящего в концепт «взятка» за исключением шуточной лингвистической ситуации. Когда Иванову Г.В. бухгалтер передаёт заработанную плату в присутствии его заместителей, он спрашивает: «Что

это, *взятка?*». У других участников диалога данный вопрос не вызывает страха или даже боязни, он явно шутит, о чем свидетельствует поведение участников диалога. Слово *коррупционер* также произносится фигурантом М.Н. Сидоровым либо в шутку, либо в отвлеченном значении, без привязки к какому-либо фигуранту, см. текст: «Угу, я знаю, что мы местные. Ну, просто, нет, в практике ставят местных людей министрами – слишком много коррупционеров всяких» [2: 141].

Главным из всех выше перечисленных слов является лексема *ВЗЯТКА*, трактуемая в современных словарях русского языка следующим образом – «деньги или материальные ценности, даваемые лицу как подкуп» (1: 128). По нормам Уголовного кодекса, под взяткой понимается получение должностным лицом любых государственных или муниципальных органов (взятополучатель) вознаграждения в виде денежных средств, ценностей, материальных благ или же оказания услуг, за совершение оговоренных действий или же отказ от их совершения (бездействие) в пользу лица, предоставляющего это вознаграждение (взятодатель). Совершаемое за это вознаграждение действие или бездействие обязательно должно входить в служебную компетенцию должностного лица, а также может заключаться в покровительстве или попустительстве по службе, а также в оказании помощи при решении иных вопросов, не входящих в компетенцию взятополучателя, но на принятие решений по которым он может повлиять.

В этих определениях явно различаются четыре коррупционных аспекта: 1) деньги или материальные ценности; 2) их передача кому-л.; 3) физическое или юридическое лицо как объект взятки; 4) подкуп – цель взятки. Главным из этих четырех признаков является подкуп как цель взятки.

Проиллюстрируем сказанное на примере одной из лингвистических экспертиз. Для начала приведем вопросы, поставленные перед экспертом (приводятся в формулировке Заказчика): 1. Имеются ли в событиях, запечатленных в аудио-, видеофайлах, свидетельства того, что Л. Лисин получал денежные средства в виде взяток? 2. Имеются ли в событиях, запечатленных в аудиовидеофайлах, свидетельства того, что П. Зайцев получал денежные средства в виде взяток? 3. Имеются ли в событиях, запечатленных в аудио-, видеофайлах, свидетельства того, что Д. Борзов получал денежные средства в виде взяток? 4. Имеются ли в событиях, запечатленных в аудиовидеофайлах, свидетельства того, что между Л. Лисиным, П. Зайцевым, Д. Борзовым имеется сговор на незаконное получение денежных средств?

Вопросы, поставленные перед экспертом, входят в компетенцию лингвистики.

Поэтому исследование по первому, второму и третьему вопросу было построено исходя из лексики, обозначающую возможную передачу денег или иных материальных ценностей за выполнение какой-либо услуги руководи-

198 | телю «СМУ-10» Л. Лисину, его заместителю П. Зайцеву, главному инженеру упомянутой организации Д. Борзову или кому-либо из его окружения и определением ее как подкуп (см. выше трактовка лексемы *ВЗЯТКА*). (Фамилии, инициалы фигурантов, название организации изменены.) Причем проанализированы как вербальные, так и невербальные средства аудиовидеозаписей.

Материал по первому анализируемому вопросу следует разделить на две части. Первая часть – это рабочие проблемы по организации производства и работы, которые решаются Л. Лисиним, и вторая часть – о возможном получении взятки (данный вопрос решается на основании тщательного анализа фрагментов различных диалогов между фигурантами уголовного дела о коррупции). В стенограмме показано, что Л. Лисин выполняет свои должностные обязанности в установленном порядке, во всяком случае, не нарушает необходимых процедур, за исключением того что использует в речи нецензурные слова.

Исследуемый материал показал, что само по себе обсуждение денежных вопросов, фигурирование тех или иных сумм в анализируемых диалогах ничего противозаконного не представляет: Л. Лисин нередко обсуждает денежные вопросы, связанные с производством, бизнесом и хозяйством.

Неоднозначными являются некоторые видеозаписи, связанные с передачей ему денег заместителем П. Зайцевым и Д. Борзовым.

Инициатива передачи денежных средств принадлежит, в основном, П. Зайцеву и Д. Борзову.

Однако Л. Лисин нигде в диалогах не говорит о том, за что или в обмен на что он принимает деньги (или какие-либо иные материальные ценности) от П. Зайцева, Д. Борзова или других фигурантов (участвующих в диалогах или остающихся за кадром аудиовидеозаписей).

Л. Лисин, принимая деньги (свою заработную плату от подчиненного ему кассира), шутит: «Что за *взятка*?». В данном случае шутка однозначно свидетельствует о том, что Л. Лисин не считает полученные деньги взяткой. В противном случае, понимая, как любой гражданин, последствия подобного должностного преступления, Л. Лисин, будучи чиновником с большим стажем и опытом, шутить бы не стал, тем более в присутствии своих подчиненных.

Что-то похожее и неоднозначное имеется при передаче финансовых средств Д. Борзовым. Это очень странные деньги: оказывается, часть из этой суммы главный инженер «СМУ-10» Д. Борзов уже забрал, именно ту сумму, которую давал Алексей – неизвестный гражданин, находящийся за кадром аудиовидеозаписи. (Не указана конкретная валюта: двадцать тысяч – рублей? Евро? Долларов?). Заметим, что Д. Борзов не конкретизирует, откуда эти деньги и почему он их передает директору. При этом Л. Лисин не является инициатором денежного предложения. Причем Л. Лисин не возмущается, что Д. Борзов уже забрал из конверта часть денег. И в целом, ситуация непонятная, которую не мог прояснить даже следователь, ведущий данное дело.

На основании фрагментов аудиовидеозаписи видно, что Л. Лисин в высшей степени лицо заинтересованное и равнодушно относится к хозяйственным проблемам вверенного ему участка работ – «СМУ-10».

Таким образом, из содержания представленных на исследование аудио-видеоматериалов следует вывод о том, что Л. Лисин не требовал от кого-либо в той или иной форме уплаты ему (Л. Лисину) каких-либо денежных сумм в обмен на исполнение им (Л. Лисиным) тех или иных действий, предусмотренных его должностными полномочиями и обязанностями.

Ни в одном из проанализированных диалогов Л. Лисин не связывает свои домашние проблемы с вопросами рабочего порядка, и он почти не делится ими с П. Зайцевым и Д. Борзовым, которые, напротив, подобную связь неоднократно пытаются установить и подчеркнуть.

Сопоставляя эмоциональные характеристики высказываний Л. Лисина в рамках всего видеоаудиоматериала, можно сделать вывод о том, что вопросы работы волнуют Л. Лисина не меньше, чем проблемы личного характера. Во-вторых, Л. Лисин имеет большой опыт работы, позволяющий трезво смотреть на многие проблемы и предвидеть возможные затруднения. В-третьих, Л. Лисин нередко обсуждает с разными людьми различные денежные проблемы, связанные с финансами и экономикой области.

В коммуникации Л. Лисин ведет себя спокойно, никак на собеседника не воздействует, ни к чему не принуждает и ни на что не намекает. В целом, коммуникативный фон диалога спокойный, доброжелательный и даже шуточный (об этом свидетельствуют интонация и смех участников диалогов).

Это обычный разговор двух-трех знакомых людей.

Относительно разговоров о деньгах и возможных взятках. Речь в диалогах не идет о какой-либо конкретной сумме, которую фигуранты должны были бы заплатить Л. Лисину за какую-либо конкретную административную услугу. Заметим, что во всей стенограмме отсутствуют сведения о том, за что он получает деньги. Так вопрос вообще не ставится, Контент-анализ позволил вычлениить из представленного на исследование видеоаудиоматериала фрагменты, в которых речь идет о различных денежных суммах и выплатах, упоминаемых в анализируемых диалогах в связи с самыми разными обстоятельствами. В приведенных диалогах участники в аудиовидеозаписи обсуждают рабочие вопросы, производственные проблемы и материальные стороны этих проблем, в том числе и денежные вопросы, связанные с работой. Вместе с тем ни о каких взятках и требованиях оплаты должностных услуг в той или иной форме Л. Лисину не наблюдается. Вместе с тем в аудиовидеозаписях, где фигурантом является Л. Лисин, отсутствуют лингвистические особенности взяткодателей (и потерпевших). Кинесические данные главного директора не свидетельствуют о признаках передачи денежных средств или предложения взятки.

Сравнительный анализ видеоаудиоматериалов и стенограммы, в которых фигурирует **Л. Лисин**, однозначно свидетельствует о следующем:

Л. Лисин ни в какой форме не требовал от кого-либо никаких денег (или иных материальных ценностей) за свои должностные услуги;

Л. Лисин в диалогах не говорил о том, за что или в обмен на что он принимает деньги (или какие-либо иные материальные ценности) от П. Зайцева, Д. Борзова или других фигурантов, участвующих в диалогах или остающихся за кадром аудиовидеозаписей. (Заметим, что в «СМУ-10» он является главным материально ответственным лицом.)

Нигде в стенограмме или видеоаудиоматериале нет упоминаний со стороны участников записанных диалогов о каких бы то ни было требуемых Л. Лисиним денежных средств;

Никто из участников не конкретизирует, откуда (или от кого) получены деньги, передаваемые Л. Лисиним.

Между Л. Лисиним, П. Зайцевым и Д. Борзовым наблюдается передача наличных денег. Но они передаются исключительно для финансовых и хозяйственных нужд «СМУ-10». Кроме того, при их передаче и в обсуждении денежной темы участвуют и другие фигуранты видеозаписей, даже личный шофёр директора «СМУ-10».

Взятки, по мнению оперативных сотрудников правоохранительных органов, должны передаваться тайно, часто один на один, без свидетелей, и тем более, не в присутствии неизвестных людей. В ситуации передачи денег Л. Лисин ведет себя достаточно смело. Как показывает видео-аудиозапись, Л. Лисин деньги не прячет, а частично держит на столе, называет их в присутствии посторонних людей *взяткой*, не опасаясь при этом дискредитировать себя в глазах подчиненных.

В стенограмме и в видеоаудиозаписях не указано главное: кто взяткодатель? В видеофайлах (и в стенограмме) отсутствуют следующие фрагменты: передача конкретного заинтересованного лица (например, начальника строительной организации) посреднику или директору Л. Лисину. Кроме того, в видеоаудиозаписях отсутствуют разговоры участников диалогов, посторонних людей о взяточничестве Л. Лисину.

Мы можем только предполагать, что и кто стоит за передачей наличных денег, но всё же это будут неоднозначные ответы, как в пользу предполагаемых взяткодателей, так и против них. Но, учитывая презумпцию невиновности, следовательно, в пользу предполагаемых взяткодателей.

Если между Л. Лисиним, П. Зайцевым и Д. Борзовым был сговор, то употреблялась бы соответствующая лексика между ними, а также в их окружении: между коллегами, партнерами, посетителями. Например, могли бы их называть *коррупционерами*, *ханугами*, *осиным гнездом*, *взяточниками*. В речи всех фигурантов отсутствуют лингвистические особенности потерпевших

(интонация, лексика, синтаксис и проч.). Далее, сговор подразумевает единство противоправных действий. Но это также не зафиксировано в видеоаудиозаписях. И можно сделать вывод, что сговора между фигурантами не было.

В любой видеоаудиозаписи имеются эпизоды, которые имеют неоднозначный характер. Так, в проанализированной нами видеоаудиозаписи наиболее неоднозначным моментом можно считать действия Д. Борзова, который передает конверт директору Л. Лисину. Но что в этом конверте – неизвестно. Первый вариант: это могут быть деньги, неизвестно с какой целью переданные Д. Борзовым; второй вариант: это может быть и приказ, связанный с назначением на новую должность работника «СМУ-10», третий вариант: это может быть любая корреспонденция и документация, возможно, исключительно для служебного пользования. Конечно, для оперативных работников, желающих обнаружить действия коррупционеров, наиболее заманчивым кажется первый вариант

Второй пример неоднозначных действий, которые можно трактовать по-разному. Заместитель директора П. Зайцев вынимает из правого кармана какой-то предмет и кладет его в ящик стола своего начальника Л. Лисина. Что именно – в видеоаудиозаписи не просматривается. Поэтому данные действия можно назвать неоднозначными. Ситуация осложняется вопросом и утверждением директора Л. Лисина: «Ага. Здесь как всегда, да?.. Решим». На что П. Зайцев отвечает: «Я распечатал уже». В видеоаудиозаписи непонятно, что он распечатал: документ, пачку денег или еще что-либо. Поэтому лингвист-эксперт пришел к следующим выводам:

1. В событиях, запечатленных в аудиовидеофайлах, отсутствуют свидетельства того, что Литвинцев Г.В. получал денежные средства в виде взяток.
2. В событиях, запечатленных в видеоаудиофайлах, отсутствуют свидетельства того, что Д. Борзов получал денежные средства в виде взяток.
3. В событиях, запечатленных в видеоаудиофайлах, отсутствуют свидетельства того, что П. Зайцев получал денежные средства в виде взяток.
4. В событиях, запечатленных в аудиовидеофайлах, отсутствуют свидетельства того, что между Л. Лисиным, П. Зайцевым и Д. Борзовым был сговор на незаконное получение денежных средств.

Оперативные записи беседы предполагаемых взяткодателей и взяткополучателей должны содержать материал, который бы подтверждал процесс коррупции, а не был бы выдачей денег на хозяйственные нужды или возврат долга. Ни в одной из стенограмм и аудиовидеозаписей нет специальных кинесических средств (жестов или мимики), где предполагаемые взятчники радуются получению денег: потирание рук, большого, указательного и среднего пальцев и проч.

Следователям и оперативным работникам нужно менять методику аудио-видеозаписи. Коррупционеры отлично понимают, что их телефоны могут

202 | прослушиваться, беседы записываться, догадываются, куда и где могут быть установлены подслушивающие устройства. Поэтому используют специальные коды разговоров, находясь вне стен работы и показывая информацию, только что написанную на листе. Нужно расшифровывать аудиовидеозаписи исключительно с привлечением лингвистов-экспертов в присутствии заинтересованных оперативных работников и следователя.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002 (а также издание 2006 г.). 1536 с.
2. Грачев М.А. Особенности лингвистических экспертиз о коррупции: из опыта проведения судебных исследований // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 138–142.
3. Плотникова А.М., Старикова К.В. Динамика лексико-семантического поля «ВЗЯТКА» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2016. С. 51–56.
4. Цена слова: Из практики лингвистических текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

M. A. Grachev

SPECIFICITY OF LINGUISTIC BRIBERY-RELATED EXPERTISE

Abstract: The article is devoted to describe the components of bribery, the experience of undertaking forensic bribery-related examinations, the linguistic methods and techniques of investigating the illegal transfer of funds. The author suggests analyzing non-verbal means more carefully as well as increasing the quality of processing audio and video data. The concept “bribe” (including its elements) plays major role in preparation of the linguistic examinations (forensics).

Keywords: corruption, concept, bribery, research, decoding, method.

И. Г. Корнилова

KornilovaIG@bez.mos.ru

*кандидат психологических наук, доцент, главный эксперт
экспертного отдела ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»
Москва, Россия*

М. А. Кузнецовская

KuznetsovskayaMA@bez.mos.ru

*заместитель начальника экспертного отдела ГБУ г. Москвы
«Московский исследовательский центр»
Москва, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКСПЕРТОВ (ПСИХОЛОГА И ЛИНГВИСТА) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к организации и проведению комплексного анализа экспертом-психологом и экспертом-лингвистом, проанализированы особенности комплексного анализа по материалам дел о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних на базе экспертной практики в ГБУ г. Москвы «МИЦ».

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, преступления сексуального характера, несовершеннолетние лица, комплексирование.

Государственный механизм уголовного права реализуется, с одной стороны – в форме защиты прав потерпевших от сексуальных посягательств, сексуальной эксплуатации, с другой – в форме ограждения невиновных от незаконного обвинения и осуждения. Современная преступность усложняется в том числе за счет совершенствования средств коммуникации, формирования особого сетевого информационного пространства, в котором также осуществляются противоправные деяния. Преступность в сети Интернет формирует стремительную криминализацию общественных отношений, использует новые возможности для поиска потенциальных жертв, оказания определенных видов информационного воздействия, в первую очередь на

204 | несовершеннолетних – лиц с повышенной криминальной виктимностью. В условиях либерализации половых отношений, специфики их репрезентации в публичном пространстве соблюдение указанного процессуального баланса все чаще требует обращения к институту судебных экспертиз. С целью установления имеющих юридическое значение обстоятельств преступлений, жертвами которых являются прежде всего несовершеннолетние лица, на разных этапах судебно-следственных действий возникает потребность в специальных знаниях в области психологии и лингвистики.

Сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних лиц, преступления против общественной нравственности в сфере сексуальных отношений представляют собой сложные социально-правовые феномены, проявления которых требуют всестороннего исследования в рамках комплексного, синтезирующего подхода к анализу информационных материалов. Благодаря тому, что комплексная психолого-лингвистическая экспертиза обеспечивает особый подход к комплексированию специальностей, в ее рамках находят решение задачи, лежащие в смежных, пограничных областях, требующие одновременного совместного участия специалистов в различных областях знания.

Объектами комплексной психолого-лингвистической экспертизы являются разнообразные по форме и содержанию информационные материалы уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131–135 УК РФ), против общественной нравственности в сфере половых отношений (ст. 242–242.2 УК РФ). Оставаясь в рамках своей экспертной специальности психолог и лингвист совместно исследуют материал и устанавливают наличие/отсутствие психологических и лингвистических признаков информации порнографического характера; коммуникативные цели участников исследуемых коммуникативных событий и смысловую направленность материалов; побуждения несовершеннолетнего адресата к действиям, связанным с сексуальной сферой. Кроме того, к компетенции эксперта-психолога относится раскрытие специфики психологического воздействия на несовершеннолетних лиц.

В период с 2012 года по август 2019 года в ГБУ г. Москвы «МИЦ» было исполнено более 400 комплексных экспертных исследований по материалам дел/проверок по преступлениям сексуального характера в отношении несовершеннолетних (основные заказчики: ГСУ СК России по г. Москве, ВСУ СК России по г. Москве, МВД России по г. Москве). Более чем в 300 экспертных исследованиях были установлены искомые психологические и лингвистические признаки (признаки информации порнографического характера – 217 случаев; признаки побуждения несовершеннолетних лиц к действиям сексуального характера – 178 случаев). В общей сложности за указанный период исследовано более 28800 объектов.

В экспертной практике в ГБУ г. Москвы «МИЦ» экспертами-лингвистами и экспертами-психологами решаются сложные задачи, связанные с параллельным и последовательным исследованием:

– многообъектных материалов, представляющих собой совокупность разнородной информации (например, большое количество объемных переписок, содержащих текстовые сообщения, а также видео-, фотоизображения, аудиозаписи);

– материалов, включающих эпизоды физического и психологического насилия в отношении детей в том числе малолетних (как отображенных вербально, так и невербально – аудиовизуально);

– материалов, сложность которых обусловлена жанровыми особенностями (например, переписка в форме ролевой игры; материалы, обладающие признаками художественных произведений, – фильмы, рассказы).

Как показывает практика, эксперты сталкиваются с трудностями не только научного, методологического и организационного характера, но и морально-этического, обусловленного необходимостью всесторонней, полной и объективной оценки материалов, отображающих преступное воздействие на несовершеннолетних, прямо или косвенно относящееся к сфере сексуальных отношений (что включает насилие над детьми, их эксплуатацию как сексуальных объектов). Организационная сторона системного исследования такого рода материалов имеет многосторонний комплексный характер, что обеспечивает выявление новой доказательственной информация, которая может быть исследована только на основе специальных знаний всех экспертов. Это предполагает совместное принятие решений экспертом-психологом и экспертом-лингвистом на всех этапах производства экспертного исследования: в том числе при осмотре материалов и принятии решения об их достаточности, пригодности; при описании полученных материалов и сопутствующих документов; при проведении непосредственного исследования объектов, составлении синтеза и выводов.

Как справедливо отмечают ведущие теоретики и практики отечественной экспертологии, характерной особенностью комплексной экспертизы является сложная структура синтезирующего исследования и итоговой оценки, выраженных в заключении экспертов как процессуальном документе [1; 3; 5; 8]. В нем отражается связь с другими доказательствами по делу, поскольку заключение экспертов относится к разряду первоначальных, а не производных доказательств, и обладает самостоятельной доказательственной ценностью.

По мнению Ф. С. Сафуанова [8], существуют различные варианты взаимодействия носителей специальных знаний в рамках комплексной экспертизы. На примере комплексной психолого-психиатрической экспертизы автор демонстрирует, что в заключении могут быть отражены ответы, не имеющие интегративного характера. Это не противоречит ФЗ «О государственной

206 | судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предоставляющему эксперту одной специальности возможность формулировать выводы индивидуально, в пределах своей компетенции. Выводы, имеющие синтетический характер, закрепляются в заключении посредством последовательного, последовательно-параллельного и параллельного комплексирования.

В этой связи следует отметить, что вопрос о формировании совместных выводов экспертами различных специальностей напрямую связан с понятием экспертной компетенции, об ограничительном характере которой ведется активная дискуссия в научной среде [2]. Законодатель не регулирует внутреннюю сторону проведения комплексной экспертизы (выбор методики, конкретных способов исследования), но устанавливает процессуальные требования, в числе которых – производство общего вывода экспертом, компетентным в оценке полученных результатов и формировании данного вывода (ст. 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ). На этом основании отдельные авторы предлагают приписывать одному из экспертов, принимающих участие в комплексной экспертизе, роль организатора/интегратора, выполняющего функцию синтезирования выводов других экспертов [4].

Как показывает экспертная практика, такой подход в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы оказывается нежизнеспособным. Очевидно, что в производстве комплексных экспертиз между экспертами формируются особого рода профессиональные и правовые отношения, характеризующиеся тем, что объекты интересов экспертов совпадают, а деятельность каждого из них «имеет значение положительного или отрицательного условия для деятельности остальных... и может повлиять на последнюю» [6: 120]. Действительно, психолог и лингвист излагают ход исследования и формируют промежуточные суждения не изолированно, а критически осмысливая данные, полученные другими экспертами, и опираясь на собственный опыт. Поэтому компетенцию эксперта составляют общеметодологические и специальные знания, базирующиеся на взаимопроникновении и балансе научных знаний всех экспертов как участников комплексного исследования.

Непосредственным объектом комплексной психолого-лингвистической экспертизы является совокупность различных информационных полей (объема фактов и событий, доступного для анализа), предоставленных на исследование материальных источников уголовно-релевантной информации о преступлениях в сфере общественной нравственности, половой неприкосновенности и свободы личности, представляющих интерес для правосудия. Разнообразие такого рода преступлений требует от членов экспертной группы соблюдения определенных организационных и тактических принципов выработки коллегиального решения:

- координации и планирования взаимодействия как неотъемлемой части экспертного процесса;

- выработки общей позиции и установления критических точек расхождения позиций в рамках понимания экспертом-психологом и экспертом-лингвистом поставленных перед ними задач;
- включения основных этапов осуществляемого каждым экспертом на высоком теоретическом уровне исследования в текст заключения. В тексте должны быть отражены промежуточные суждения, описаны специальные понятия, что позволит другим экспертам использовать полученную информацию в комплексе, интегративно;
- осуществления необходимых для производства общих выводов дифференциально-синтезирующих процедур в резолютивной части заключения;
- личной ответственности эксперта за формулирование выводов, в том числе противоречивых промежуточных, делающих невозможными или сомнительными действия второго эксперта;
- создания и поддержания благоприятной психологической обстановки сотрудничества, нивелирования субординационных границ;
- координации действий с органом, уполномоченным на назначение комплексной экспертизы и др.

Полагаем, что в дескриптивной (описательной) модели организации комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних как динамической системы следует учитывать следующие особенности взаимодействия экспертов на всех этапах исследования.

На этапе ознакомления с исходными материалами (всей относящейся к объекту экспертизы и непосредственно предоставленной на исследование информацией) каждый из экспертов оценивает их по существу, определяет надлежащий уровень пригодности и достаточности. Оба эксперта удостоверяются в том, что направленные на исследование материалы являются доказательствами по расследуемому преступлению, то есть обнаружены, изъяты, закреплены и предъявлены в соответствии с нормами процессуального права. Это связано с тем, что в состоянии материального объекта как вещественного доказательства содержится закодированное сообщение о событии, требующее извлечения его специалистами в области психологии и лингвистики, и затем преобразования экспертным путем в информацию, доступную для понимания другими участниками процесса. Таким образом, уже на первом этапе исследования эксперт осуществляет «интеллектуальное проникновение» [4] в информационную структуру материалов с целью прочтения (декодирования) его свойств на основе своих специальных знаний.

Полагаем, что оптимальным при решении сложных задач является совместное предварительное обсуждение/согласование хода анализа экспертом-психологом и экспертом-лингвистом: обсуждение особенностей исследуемого коммуникативного события; прогнозирование выводов; обсуждение

208 | ключевых моментов аргументации, в том числе при которых необходима отсылка к специальным знаниям обоих экспертов; согласование структуры, особенностей оформления заключения/справки.

В том случае, если суммарный результат первичного исследования информации не проясняет фабулу дела либо обнаружена внутренняя противоречивость материалов, эксперты совместно формулируют ходатайство о представлении дополнительной информации, требующейся для ответа на поставленные перед экспертами вопросы. В ином случае, ссылка экспертов в исследовании на материалы, содержание которых им неизвестно (не были предоставлены) может стать основанием для исключения судом заключения из числа доказательств. Обмен информацией между следователем и экспертами при производстве экспертиз является условием для фокусировки действий, формулирования запросов, оценки первичных результатов.

Следующий, продуктивный, этап экспертизы отражает специфику раздельного исследования материалов каждым специалистом. При этом эксперты могут приходиться к согласованным промежуточным выводам, либо отмечать наличие альтернативных вариантов решения. Эксперт-психолог и эксперт-лингвист каждый в своей части анализа в том числе указывает на обстоятельства, которые важны/используются коллегой. Наличие перекрестных отсылок к аналитическим частям друг друга позволяет наиболее полно и всесторонне аргументировать полученные выводы, апелляция к результатам коллеги значительно расширяет диапазон применения специальных знаний: эксперт-психолог опирается на результаты проведенного экспертом-лингвистом семантического и коммуникативного анализа; эксперт-лингвист опирается на результаты проведенного экспертом-психологом мотивационно-целевого анализа, анализа социально-психологической направленности материалов.

Алгоритмизация и методологическая обеспеченность деятельности экспертов снимает большинство проблем взаимодействия, однако, решение экспертной задачи требует от экспертов выбора наиболее оптимального решения, отражения в заключении логики производства промежуточных выводов. На этом этапе психолог и лингвист могут ссылаться на промежуточные выводы друг друга с тем, чтобы усилить обоснование собственного суждения. Построение частных гипотез, выдвижение версий, освещение принципов интерпретации информации, то есть реализация прогностической и направляющей функций в оценке информации – наиболее очевидный способ диалога экспертов, при этом обязанность каждого из них – аргументировать свою позицию.

Внутреннее убеждение эксперта может сложиться уже на этапе накопления информации, однако, лишь в ходе взаимодействия с другими экспертами и «защиты» убеждения проверяется его надежность, объективность, а также корректность промежуточных выводов. Поскольку важнейшим условием

достоверности выводов является их проверяемость, в случае обнаружения противоречий эксперты возвращаются к начальным стадиям исследования, корректируют стратегию и тактику, диагностический инструментарий и др.

При этом с точки зрения психологии, эксперты находятся в ситуации постоянной критической оценки результатов своей деятельности и деятельности коллег, что формирует особый профессиональный подход к каждой новой экспертной задаче. В юридической литературе неоднократно выражалось мнение о необходимости детального описания всего хода исследования и подписи каждым экспертом всех специально выделенных промежуточных выводов. Полагаем, что в формировании заключения как процессуального документа следует придерживаться политики оптимального отражения требующейся для органов следствия и других участников процесса информации, имеющей юридическое значение, изложенной в ясной, однозначной форме.

Заключительный этап комплексной экспертизы представляет собой выработку интегрального решения на основе качественного анализа результатов исследования всех экспертных информационных полей. На этом этапе закрепляется групповое убеждение экспертов в форме комплексирования выводов и решения главной задачи исследования как общей, комплексной. Документальное разграничение выводов экспертов и, соответственно, разграничение ответственности определено самой структурой заключения, в котором каждый из экспертов подписывает свою часть, поэтому в синтезирующей части исследования нецелесообразно персонифицировать выводы, иначе заключение будет составлено из комплекса разнородных знаний об объекте исследования.

Персонификация выводов может быть необходима в том случае, когда в исследуемых информационных материалах выраженность психологических и лингвистических составляющих может быть различной (например, лингвистом обнаруживаются основания для вынесения положительного вывода, в то время как психолог не находит достаточного подтверждения для положительного решения). Следует отметить, что при комплексировании, даже при условии недостаточной выраженности психологических и/или лингвистических компонентов, эксперт-лингвист и эксперт-психолог могут совместно прийти к решению о наличии/отсутствии искомых признаков с учётом всей совокупности установленных обстоятельств. Как правило, персонификация выводов усложняет интерпретацию полученных результатов для участников процесса, не обладающих специальными знаниями. Обзор практики в ГБУ г. Москвы «МИЦ» показывает, что при производстве комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о преступлениях сексуального характера в отношении несовершеннолетних необходимости в персонификации выводов, как правило, не возникает. В сложных случаях расхождения в выраженности психологических и лингвистических признаков

210 | на этапе синтезирования экспертами принимается совместное решение о достаточности/недостаточности обстоятельств и установленных компонентов для вынесения решения о наличии/отсутствии признаков.

Следует подчеркнуть, что действующая классификация выводов по степени их определенности в полной мере отражает значимость для суда заключения эксперта: экспертное заключение с категорическими выводами (положительными/отрицательными) является прямым доказательством; заключения, в котором отражена неполная внутренняя убежденность эксперта в достоверности аргументов (вероятные выводы) относятся судом к категории косвенных доказательств.

Как показывает практика, упрощенчество в комплексировании выводов, отсутствие у экспертов внутреннего убеждения либо ригидность позиции приводят к тому, что комплексная экспертиза приобретает формат комиссионной экспертизы как иного классификационного вида «групповых» экспертиз. Таким образом, обособление компетенций экспертов преодолевается посредством создания междисциплинарных знаний, а узкая специализация нивелируется благодаря возможностям комплексирования.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. 480 с.
2. Дьяконова О.Г. Процессуально-правовой статус субъектов применения и использования специальных знаний: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 397 с.
3. Корухов Ю.Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исслед.: мат-лы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 дек. 1984 г.) / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 30–36.
4. Колдин В.Я. Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Издательство НОРМА, 2002. 768 с.
5. Майлис Н.П. Еще раз о комплексной экспертизе и путях ее развития / Н.П. Майлис, В.Ф. Орлова // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1 (33). С. 138–147.
6. Николов Л. Структуры человеческой деятельности / под общ. ред. Л.П. Буевой. М., 1984. 176 с.
7. Орлов Ю.К. Комплексная экспертиза как правовое понятие // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32). С. 170–175.

8. Сафуанов Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебно-психиатрической экспертизы // Психология и право. 2011. № 2. С. 44–54.

I. G. Kornilova, M. A. Kuznetsovskaya

INTERACTION OF EXPERTS (PSYCHOLOGIST AND LINGUIST) IN THE PRODUCTION OF COMPLEX PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF SEXUAL CRIMES AGAINST MINORS

Abstract: The report describes theoretical and methodological approaches to the organization and conduct of a complex research by forensic linguist and forensic psychologist, includes the analysis of particularities of the interaction between forensic linguist and forensic psychologist at various stages of the production of complex forensic psychological and linguistic analysis in cases of sexual offences against minors on the base of forensic expert practice in Moscow State Budget Institution «Moscow research center».

Keywords: complex forensic psychological and linguistic analysis, sexual crimes, minors, conclusion, aggregation.

О НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ И ПУТЯХ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Аннотация. Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарного знака, а также поиску путей оптимизации этой процедуры. Обсуждаются нерешенные вопросы, возникающие в ходе экспертизы товарного знака. Предлагаются конкретные пути объективизации результатов лингвистической экспертизы товарных знаков.

Ключевые слова: товарный знак, экспертиза товарного знака, сходство до степени смешения, семантическое сходство, ассоциативное сходство, звуковое сходство.

Последние десятилетия характеризуются стремительным ростом числа зарегистрированных товарных знаков. Появившаяся в силу объективных процессов новая категория имен все чаще становится объектом исследования, в том числе и новым объектом экспертной оценки. Причиной необходимости такой оценки становится следующее. Законодательством не допускается регистрация обозначений, сходных до степени смешения с другими товарными знаками, охраняемыми законом. Однако на практике вынести решение о факте сходства знаков до степени смешения в ряде случаев бывает проблематично, что становится вполне закономерным поводом для многочисленных споров и связанных с ними лингвистических экспертиз.

Практический опыт проведения исследований подобного рода позволяет обозначить целый ряд нерешенных вопросов, связанных с лингвистической экспертизой товарных знаков, основными из которых, по нашему мнению, являются следующие.

До сих пор не определены роль и статус ассоциативного исследования товарных знаков на предмет сходства. В соответствии с рядом документов Федерального института промышленной собственности (ФИПС) при определении сходства/несходства словесных обозначений исследуются звуковое, смысловое и графическое сходство [1; 7]. При этом не оговаривается обязательность отдельного исследования ассоциативного сходства обозначений,

что по нашему мнению, принципиально неверно. Тем более, что и в самом тексте упомянутых документов говорится (и здесь усматривается определенное противоречие) что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» [1; 7]. С нашей точки зрения, именно ассоциативные связи дают наиболее точную информацию о возможности/невозможности смешения тех или иных коммерческих обозначений. Многочисленные психолингвистические исследования свидетельствуют о том, что нередко единицы, принципиально отличающиеся как в фонетическом, так и в семантическом плане, вызывают у носителя языка сходные ассоциации и, как следствие, смешиваются в индивидуальном сознании. Именно поэтому исследование лишь звукового и смыслового сходства видится нам необходимым, но недостаточным при вынесении суждения о сходстве обозначений до степени смешения.

На практике же ассоциативное исследование при всей своей огромной значимости осуществляется лишь факультативно. Все это порождает целый ряд частных вопросов, связанные с проведением и интерпретацией результатов ассоциативного эксперимента. Так, не до конца ясно, как трактовать результат ассоциативного эксперимента, если сопоставляемые обозначения не вызывают никаких ассоциаций у испытуемых? При каком именно количестве отказов в ассоциативном эксперименте правомочно формулировать вывод о нераспознаваемости исследуемой единицы? Должно ли влиять на вынесение окончательного заключения об ассоциативном сходстве товарных знаков их смешение/несмешение другими группами потребителей товаров и услуг, отличными от целевой аудитории товарного знака? Каков количественный критерий, позволяющий судить об ассоциативном сходстве/несходстве исследуемых обозначений? Эти и другие вопросы порождены сложившейся ситуацией непризнания ведущей роли ассоциативного исследования в процессе лингвистической экспертизы.

Отдельно следует оговорить, что на сегодняшний день никак не регламентировано поведение эксперта-лингвиста в ситуации противоречия результатов, полученных при исследовании звукового, семантического и графического сходства товарных знаков; фраза «Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство», а также «Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» о том, что «все перечисленные признаки могут учитываться как в отдельности, так и в различных сочетаниях» [1; 7] представляется достаточно размытой и неконкретной.

До сих пор не разработаны четкие критерии, на основании которых товарный знак может быть признан ложным или вводящим потребителя в заблуждение относительно товара и его изготовителя. Можно ли, например, считать товарный знак «Коркунов» вводящим в такое заблуждение?

214 | С одной стороны, товарный знак стилизован под дореволюционный, назван в дореволюционных традициях (использование имени собственного в названии – типичный способ именования коммерческих объектов и товаров на рубеже XIX–XX вв.), содержит изображение фамильного герба, что еще больше усиливает ассоциацию с дореволюционной историей товара. С другой стороны, известно, что товарный знак «Коркунов» был зарегистрирован для кондитерских изделий ЗАО «Торговый дом “АРС”», основанного в 1999 году. Иными словами, потребители конфет «Коркунов» потенциально были введены в заблуждение. Тот факт, что подобный вариант заблуждения был проигнорирован, свидетельствует об уже отмеченном выше отсутствии четких критериев признака «вводящий в заблуждение».

Определенные трудности в процессе экспертизы создает также исследование визуального сходства обозначений; в процессе такого исследования предписывается осуществить анализ общего зрительного впечатления, вида шрифта, характера букв, алфавита, буквами которого написано слово, цвета или цветового сочетания и др. Нисколько не оспаривая необходимости такого исследования, хотелось бы особо отметить, что оно представляется целесообразным лишь в случаях нестандартного графического решения (нестандартный шрифт, нестандартное цветовое решение, выполнение обозначения буквами «чужого» алфавита и т. п.). В ситуации же стандартной визуальной подачи подобное исследование визуального сходства неизбежно приведет к выводу о смешении абсолютно всех слов одного языка, выполненных одним и тем же шрифтом с одним и тем же черным цветовым решением и другими сходными стандартными внешними признаками. Сформулированный подобным образом вывод будет противоречить как здравому смыслу, так и логике восприятия визуальной составляющей лексических единиц. Между тем, нередко одной из причин отказа в регистрации товарного знака становится именно визуальное сходство, например, отмечается, что сопоставляемые обозначения выполнены буквами одного алфавита и т. п. С нашей точки зрения, данный аргумент не выдерживает никакой критики.

Целый ряд трудностей вызывает анализ звукового сходства исследуемых обозначений. Так, достаточно часто приходится устанавливать звуковое сходство/несходство обозначений, одно из которых (или оба) выполнено в латинском шрифте или является иностранным словом со своим специфическим произношением в языке-оригинале. Как, например, следует сопоставлять в звуковом отношении обозначения «ГОДВИЛЛЬ GODVILLE» и «GOODWILL» (подобное исследование проводилось нами в 2012 г.)? Думается, что в условиях функционирования обозначения в среде потребителей-носителей русского языка следует подвергать анализу соответствующие русские звуковые аналоги. Однако необходимость анализа соответствующего русского звукового аналога нигде не прописана и поэтому нередко игнорируется.

До сих пор является предметом споров вопрос о звуковом сходстве товарных знаков, различающихся единственным (однако ударным) звуком; практика некоторых решений ФИПС вступает здесь в явное противоречие с логикой звукового восприятия носителя языка, для которого оказываются дифференцируемыми и становятся абсолютно различимыми в звуковом отношении все лексические единицы, различающиеся ударным звуком. Хотелось бы особо оговорить, что в случае семантически незнакомых единиц вывод о смешении подобных обозначений вполне закономерен. Подчеркнем, между тем, что семантически различимые единицы в этой же ситуации не становятся предметом смешения (сравни, например: лес и лис, крик и крюк, стол и стул, белка и булка и т. п.). Подобные обозначения могут смешиваться лишь носителями других языков (нами, например, был проведен эксперимент со студентами-иностранцами – носителями китайского языка; этот эксперимент показал, что в 68 % случаев такое смешение действительно возникает). Что же касается носителей родного языка, то обсуждаемое смешение не возникает в принципе.

Еще одна трудность лингвистической экспертизы связана с попыткой сопоставить обозначение-отдельное слово и обозначение-словосочетание. Всегда ли правомочно говорить о сходстве слова и словосочетания с аналогичным элементом? К примеру, можно ли говорить о смысловом сходстве исследуемых обозначений «Взгляд» и «Взгляд доктора Черниковой»? (Исследование на предмет установления сходства данных обозначений до степени смешения было проведено нами в 2013 г.) Думается, что вопрос о сходстве/несходстве подобных обозначений может быть поставлен лишь в том случае, когда областью их возможного сходства становится элемент словосочетания, на который падает логическое ударение. В этом случае имеет смысл осуществлять сопоставление исследуемого элемента с логически выделенным элементом словосочетания. В противном же случае формулировать вывод о сходстве обозначений некорректно.

При этом в ходе обсуждения вопроса о сходстве/несходстве однословного и составного обозначений, по нашему мнению, должен быть учтен реально функционирующий в речи вариант составного обозначения, а этот вариант может заметно отличаться от официального, «паспортного» варианта. Для пояснения этой мысли напомним хрестоматийные соображения, высказанные А.В. Суперанской, в частности, соображение о том, что «жизнь имени в языке и функционирование его в речи – не одно и то же» [8: 220]; «имена создаются в речи по моделям и закономерностям языка. Если имя соответствует модели, оно... не подвергается сколько-нибудь значительным изменениям. Если оно по каким-либо параметрам (длина слова, структура, словообразовательные возможности и т. д.) не удовлетворяет заданным моделям, оно перестраивается» [8: 220]. Т. е. в речевой практике иносистемные имена «переделяются,

216 | обретая специфические черты и свойства системы» [8: 231]. «В результате длинные названия в обиходной речи обычно универбализуются» [8: 97], – пишет А.В. Суперанская, сопровождая эту мысль классическим примером: «Комсомольская правда» – «Комсомолка».

Совершенно очевидно, что экономии могут подвергаться различные элементы составного наименования [2: 274]. Вот почему вопрос о сходстве/несходстве до степени смешения однословного и составного коммерческих обозначений в процессе лингвистической экспертизы не может быть решен единообразно.

Заметим далее, что определенную трудность в процессе лингвистической экспертизы создают так называемые комбинированные товарные знаки (в частности, представляющие собой различные сочетания словесных и изобразительных элементов). Здесь нередко возникает вопрос – как действовать лингвисту-эксперту, если результаты анализа визуальной составляющей противоречат результатам исследования вербальной составляющей?

Заметим сразу, что данный вопрос получает неодинаковые ответы в различных странах.

Так, в России сложилась практика интерпретации словесного элемента как доминирующего в комбинированном обозначении. Например, в свое время ФИПС вынес решение об отказе в регистрации обозначения «Белый корвет» по причине того, что он сходен до степени смешения с товарным знаком «Развлекательный комплекс Корвет» (к исследованию упомянутых обозначений автор статьи привлекался в 2015 г.). Визуальные составляющие этих знаков отличны, однако в мотивации отказа была приведена ссылка на «Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [1], а также на «многолетнюю практику экспертизы товарных знаков», из которой следует, что «при восприятии потребителем комбинированного обозначения, состоящего из изобразительного и словесного элементов, его внимание, как правило, акцентируется на словесном элементе».

Европейский опыт демонстрирует иные варианты решения проблемы. В свое время компания «Пума АГ» оспаривала правомочность регистрации товарного знака «Забель», представлявшего собой сочетание словесного элемента и изображения. Знаки были интерпретированы как сходные лишь в визуальном плане. Однако суд, подчеркнув роль изобразительной составляющей, оценил роль словесной составляющей как подчиненную и удовлетворил иск.

Выявленные различия в интерпретации сходства обозначений требуют как совершенствования методики проведения экспертизы товарного знака, так и обоснованного ответа на вопрос об условиях возможного доминирования той или иной составляющей в поликодовом сообщении, в частности, в комбинированном товарном знаке.

Ни в одном документе не прописывается, каким образом решать вопрос о сходстве/несходстве товарных знаков, если один из них содержит графические элементы (например, арифметические знаки), правомочно ли в процессе экспертизы таких обозначений заменять графический элемент его звуковым аналогом. Например, правомочно ли говорить о сходстве обозначений «Взгляд» и «Взгляд +»? Допустимо ли в процессе экспертизы таких обозначений заменять графический элемент его звуковым аналогом («Взгляд Плюс»)? Опыт проведенной нами в 2015 г. экспертизы названных обозначений подсказывает нам положительный ответ на поставленные вопросы, между тем, следует признать определенную долю субъективности такого вывода.

До сих пор не ясно, насколько правомочно говорить о сходстве некоторых букв и цифр (или других знаков), используемых в анализируемых товарных знаках (например, буква «О» и цифра «0» (ноль), буква «З» и цифра «3», буква «Э» и цифра «3», латинская буква «I» и восклицательный знак, буква «х» и знак умножения и т. п.). Нерешенность этой проблемы явилась в свое время поводом для судебного разбирательства в связи с обозначениями «03» (ноль три) и «O3» (O три – формула озона). Между тем ни один документ ФИПС до сих пор не разъясняет потенциальному эксперту стратегию поведения в процессе экспертизы обозначений с подобными элементами, и в результате разные эксперты отвечают на вопрос о сходстве/несходстве таких обозначений различным образом. Унификация же поведения эксперта в подобных сложных ситуациях, бесспорно, упростило бы процедуру лингвистической экспертизы.

На сегодняшний день не до конца понятно, каким образом в процессе экспертизы решать вопрос о семантическом сходстве обозначений, одно из которых представляет собой имя собственное (например, фамилию)? Можно ли, например, говорить о семантическом сходстве обозначений «Князев» и «Князь»? (Сошлемся на проведенное нами в 2014 г. исследование обозначения «Князев», поданного на регистрацию в качестве товарного знака в отношении товаров 30 класса МКТУ и незарегистрированного ФИПС по причине сходства до степени смешения со словесным элементом комбинированного товарного знака «Князь», зарегистрированного в отношении однородных товаров с приоритетом по дате; данное исследование была осуществлено в процессе оспаривания упомянутого решения ФИПС.)

Традиционная методика исследования семантического сходства, предполагающая осуществить анализ словарных значений сопоставляемых обозначений, в данном случае неприменима ввиду обособленного положения одного из них – а именно обозначения «Князев». Эта обособленность связана с тем, что обозначение представляет собой фамилию некоего лица, оно сформировано на базе имени собственного (в отличие от «Князь», созданного на базе имени нарицательного). Проблема семантического исследования в данном

218 | случае неизбежно упирается в дискуссионный вопрос о значении собственных имен в принципе. В итоге инструменты исследования семантического сходства подобных обозначений так и не разработаны.

Не определен статус грамматического исследования товарных знаков на предмет сходства; не очень понятно, насколько правомочно интерпретировать грамматическое сходство/несходство как фактор, усиливающий (или, соответственно, ослабляющий) вывод эксперта относительно сходства сопоставляемых обозначений. Например, обозначения «Кулинарная лавка Варвары» и «Кулинарная братьев Караваевых» (проведенное нами исследование 2017 г.) представляют собой сложные словосочетания именного типа с идентичными связями между главным и зависимыми словами (согласование и управление), именно поэтому их можно трактовать как грамматически сходные. Между тем, ни в «Методических рекомендациях по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [1], ни в «Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» [2] не предписывается отдельное исследование грамматического сходства сопоставляемых в процессе лингвистической экспертизы обозначений. В итоге грамматическое сходство обозначений на практике игнорируется.

Между тем, самую серьезную, с нашей точки зрения, проблему экспертизы товарного знака создает определенная субъективность выводов эксперта на основании проведенного исследования. В итоге результаты такого исследования нередко бывают противоречивыми и неубедительными, что приводит к их многократному оспариванию. Как справедливо пишет М.А. Торчинова, «вопрос о нормативном основании установления сходства до степени смешения остается неурегулированным» [9: 15]. Все это вызывает необходимость поиска способов и разработки методик повышения убедительности результатов работы эксперта-лингвиста.

По нашему мнению существует целый ряд путей придания убедительности экспертизе товарного знака:

- обращение к респондентам – потребителям соответствующих товаров и услуг – многочисленные социологические, социолингвистические, психолингвистические опросы, традиционно позитивно воспринимаемые адресатом (например, судьей); такой путь позволяет оценить реальное восприятие исследуемых коммерческих обозначений и товарных знаков в процессе их функционирования [4: 250–256];
- обеспечение достаточного количества респондентов при реализации экспериментальных методов исследования;
- использование статистических методов исследования (например, так называемого факторного анализа) [3: 189–194];
- расчет количественных показателей – коэффициента ассоциативного сходства, коэффициента звукового сходства, коэффициента семантического

сходства исследуемых обозначений, что привносит объективность в заключение эксперта [6: 49–50];

- придание наглядности результатам проведенного исследования, визуализация выводов [5: 94–97].

В целом же поиск путей и способов объективизации результатов лингвистической экспертизы товарного знака является перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература

1. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31.12.2009 г. № 197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). М., 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-gospatenta-ot-31122009-n-197-ob/> (дата обращения 22.05.2019).

2. Новичихина М.Е. Об одном из последствий реализации принципа экономии речевых усилий в функционировании коммерческих названий // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. Москва : Калуга: Эйдос, 2010. С. 274–275.

3. Новичихина М.Е. К вопросу об использовании факторного анализа в лингвистической экспертизе товарных знаков // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. Воронеж, 2014. № 1. С. 189–194.

4. Новичихина М.Е. Об исследовании ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарных знаков // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тула, 2014. № 2. С. 249–257.

5. Новичихина М.Е. О некоторых способах придания наглядности результатам лингвистической экспертизы товарных знаков // Вестник Череповецкого государственного университета. Сер.: Технические науки. Филологические науки. Педагогические науки. Череповец, 2015. № 2 (63). С. 94–97.

6. Новичихина М.Е. Об использовании количественных показателей в лингвистической экспертизе товарных знаков // Вестник Орловского государственного университета: Федеральный научно-практический журнал. Серия: «Новые гуманитарные исследования». Орел, 2017. № 1. С. 48–50.

7. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, зарег. в Минюсте России 25.03.2003 г., рег. № 4322.) М., 2003. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-gospatenta-ot-05032003-n-32-o/> (дата обращения 22.05.2019).

8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

M. E. Novichihina

**ON THE OUTSTANDING ISSUES OF EXAMINATION
OF TRADEMARKS AND WAYS TO OBJECTIFY ITS RESULTS**

Abstract: The work is devoted to the issues of linguistic examination of a trademark, as well as the search for ways to optimize this procedure. Unresolved issues arising in the course of trademark examination are discussed. Concrete ways of objectification of the results of linguistic examination of trademarks are offered.

Keywords: trademark, linguistic expert examination, confusing similarity, semantic similarity, associative similarity, similarity of sound.

Т. Б. Радбиль

timur@radbil.ru

*доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

В. А. Юматов

yumatovva@yandex.ru

*кандидат юридических наук,
зав. кафедрой судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СЛОВЕСНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. В работе рассматриваются основные проблемы лингвистического экспертного исследования словесных обозначений товарных знаков с позиций комплексного (семантического, фонетико-графического и лингвопрагматического) анализа. Обсуждаются критерии установления тождества или сходства до степени смешения, диагностические признаки потенциально охраняемых или неохраняемых обозначений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, комплексный анализ, диагностические языковые признаки, охраняемость.

Введение. В современной теории и практике речеведческих экспертиз наблюдается существенное расширение возможных сфер приложения экспертных лингвистических исследований, количественный рост и качественная диверсификация возможных объектов, а также активное внедрение новейших методов лингвистики и смежных с ней дисциплин в рамках актуального для современной гуманитаристики требования интердисциплинарности.

В этой связи следует отметить формирование особого направления судебной лингвистической экспертологии в правоприменительной области арбитражного и патентного законодательства по вопросам юридической защиты товарных знаков: «Как показала современная отечественная правоприменительная практика, значительную роль в выявлении и экспертной квалификации фактов, имеющих доказательственное значение в этой области, играет заключение специалиста-лингвиста» [9: 342].

Целью предлагаемого исследования является обоснование принципов комплексного экспертного лингвистического исследования фантазийных

222 | коммерческих наименований для решения диагностических (классификационных) и идентификационных задач экспертизы.

Предметом исследования выступают проведенные авторами лично диагностические и идентификационные лингвистические экспертизы фантазийных товарных знаков в период с 2005 г. по настоящее время.

В работе используются методы фонетического, графического, лексико-семантического, морфемного, словообразовательного, грамматического (морфолого-синтаксического), стилистического и лингвопрагматического анализа искусственно созданных коммерческих номинаций, что в совокупности составляет комплексную методологию экспертного исследования.

Объект, задачи, методология и методика экспертного лингвистического исследования словесных обозначений товарных знаков. Лингвистическая экспертиза товарных знаков проводится обычно при регистрации товарного знака, при оспаривании в судебном порядке отказа в его регистрации, а также в случае нарушения прав на уже зарегистрированный товарный знак.

Объектами лингвистической экспертизы товарных знаков, торговых марок, фирменных наименований выступают следующие объекты интеллектуальной собственности: (1) фирменное наименование – уникальное обозначение некоторого товара, работы, услуги, учреждения, организации или предприятия. Фирменное наименование служит целям различения именуемых сущностей; (2) товарный знак является одним из видов фирменных наименований, используемых для именованя товара, работы или услуги. Товарный знак может быть зарегистрирован в установленном законодательством порядке. Незарегистрированное фирменное наименование не имеет статуса товарного знака.

Товарный знак – это особый символ товарной собственности, обозначающий, кому принадлежит исключительное право распоряжаться данным товаром, получать прибыль и нести убытки за поставку некачественного товара [11]. Товарные знаки изучает недавно сложившееся междисциплинарное научное и практическое направление под названием **нейминг** – теория и практика создания и разработки названия для товарных знаков, торговых марок и т. п. [1].

Товарные знаки могут быть словесными, изобразительными, объемными, комбинированными и др. Они представляют собой оригинальные названия или слова, художественные композиции и рисунки в сочетании с буквами, цифрами, словами или без них и т. п. [4]. В этой связи объектом лингвистического экспертного исследования могут быть не все товарные знаки и не всё в товарных знаках. В сферу указанного направления экспертизы попадает **словесное обозначение** товарного знака или словесный товарный знак в целом, если он не имеет иных, невербальных составляющих, т. е. не является комбинированным. В этом плане в качестве наименования объекта лингви-

стической экспертизы данного типа перспективным выглядит предложенное М.Е. Новичихиной терминообозначение «коммерческая номинация» [2; 3].

Лингвистическая экспертиза товарных знаков назначается обычно при регистрации товарного знака, при оспаривании в судебном порядке отказа в его регистрации, а также в случае нарушения прав на уже зарегистрированный товарный знак, что определяется в Гражданском кодексе РФ и в «Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков» (прин. на осн. Приказа Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 842 в соответствии с ФЗ от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»).

Существует распространенное мнение, что лингвистическая экспертиза словесных обозначений товарных знаков решает только вопросы установления тождества или сходства до степени смешения предлагаемого на регистрацию товарного знака и товарного знака, зарегистрированного ранее. Однако – это лишь один из классов задач, решаемых экспертами-лингвистами в этой сфере. На самом деле, задачи подобной экспертизы куда более разнообразны.

В соответствии с методологическими принципами экспертологии, задачи экспертного исследования подразделяются на два класса: **диагностические (классификационные)** и **идентификационные** [12].

К диагностической экспертизе коммерческих наименований относится решение следующих вопросов:

– индивидуальность и уникальность коммерческого наименования, т. е. его способность индивидуализировать товар или услугу — наличие так называемой **различительной способности**;

– наличие или отсутствие у данного коммерческого наименования указания на характеристику каких-либо товаров, в том числе указания на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта;

– наличие или отсутствие у данного коммерческого наименования элементов, ограниченных к использованию или вообще запрещенных законодательством (элементов, представляющих собой государственные гербы, флаги и другие государственные эмблемы, сокращенные или полные наименования международных межправительственных организаций, их гербы, флаги и другие эмблемы, официальные контрольные, гарантийные и пробирные клейма, печати, награды и другие знаки отличия, или сходных с ними до степени смешения обозначений) — такие элементы могут быть включены как неохраняемые элементы в товарный знак, если на это имеется согласие соответствующего компетентного органа;

224 | – наличие или отсутствие у данного коммерческого наименования элементов, сходных до степени смешения с официальными наименованиями и изображениями особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации либо объектов всемирного культурного или природного наследия, а также с изображениями культурных ценностей;

– наличие или отсутствие у данного коммерческого наименования элементов, содержащих слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства, слова, написание которых нарушает правила орфографии русского языка, и т. п., т. е. противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали.

К идентификационной экспертизе коммерческих наименований относится решение вопросов о наличии тождества или сходства до степени смешения. Как видим, это лишь один из видов соответствующих экспертных лингвистических исследований.

Методология и методика производства лингвистической экспертизы коммерческих наименований имеет свою специфику, что прежде всего связано с необходимостью комплексного анализа, посредством которого выявляется наличие или отсутствие диагностических или идентификационных **фонетических, графических и семантических признаков** у словесных обозначений.

Исследуются системные (ассоциативные, словообразовательные, этимологические) связи наименования с лексикой русского языка, точное смысловое содержание слов, выражений, морфем, входящих в состав наименования, грамматические (морфологические и синтаксические) значения, данные этимологии и иностранных языков [2: 375–382]. Иногда дополнительно используется и **стилистический анализ** – для выявления оценочности, наличия экспрессии, применения средств языковой выразительности или языковой игры в целях повышения привлекательности обозначаемого товара в глазах потребителя.

Правоприменительная практика последних лет по делам, связанным с определением тождества товарных знаков до степени смешения, согласно положением, изложенным в работе [12], предполагает в экспертном заключении лингвиста учитывать и **прагматический** критерий – то, как влияет внеязыковая информация, связанная с типом использования продукта, сферой его употребления и пр., на восприятие товарного знака аудиторией в целом и его опорных компонентов в частности. Именно данные лингвопрагматического анализа позволяют решить вопрос о возможном функционировании словесного обозначения или его элементов в речевой практике социума и, соответственно, в зоне адресата – потенциального потребителя в качестве сложившегося и общепринятого наименования какого-либо продукта и/или услуги.

Особенности лингвистического экспертного исследования фантазийных коммерческих наименований. В настоящей работе нас будут ин-

тересовать прежде всего так называемые «**фантазийные наименования**», которые создаются во избежание нарушения указанных в статье № 1483 части 4 Гражданского кодекса РФ требований к товарному знаку, чтобы название не порождало определенных ассоциаций к определенному товару (не содержало характеристики конкретного товара или услуги) или чужой торговой марке (не воспринималось как тождественное или сходное до степени смешения с другим знаком) и пр. [9: 343].

Это придуманные наименования — слова или группы слов, которые созданы по несуществующим в системе языка моделям образования или с нарушением существующих моделей; данные наименования могут выступать в роли товарных знаков, торговых марок и пр. [1]. Т.А. Соболева и А.В. Суперанская замечают: «Чтобы стать товарным знаком, обозначение должно быть произвольным и носить “фантазийный” характер, т. е., подчиняясь фантазии создателей, резко отличаться по звучанию или употреблению от слов естественного языка» [11: 43–44]. Создание подобных наименований подчиняется в принципе общим закономерностям неологии и вписывается в основные модели активных процессов, происходящих в национальном языке [5].

Экспертный лингвистический анализ подобных наименований имеет свою специфику, потому что данные словесные обозначения не имеют узальной языковой семантики, но, тем не менее, порождают определенные смысловые ассоциации у потребителя (иными словами, мы в этой ситуации сталкиваемся с необходимостью анализировать непрямую, имплицитную информацию ассоциативной природы). Однако современная лингвистическая экспертиза выработала определенные исследовательские механизмы выявления и квалификации указанной имплицитной информации — см., например, работы [8; 9; 10], которые сегодня успешно применяются и в экспертизе словесных обозначений товарных знаков.

Также в случае с фантазийными наименованиями мы не можем применять стандартный лексико-семантический анализ, поэтому нам приходится анализировать семантический потенциал других уровней языкового выражения, в частности, использовать этимологический, словообразовательный и грамматический анализ. Кроме того, при использовании в нейминге иноязычных компонентов, в том числе интернационального характера, может понадобиться исследовательский инструментарий сопоставительной лингвистики. Иногда также требуется установить культурные фоновые знания, стоящие за наименованием: в этих случаях необходим научный аппарат концептуального анализа и лингвокультурологии [6; 7].

Далее на некоторых примерах мы покажем возможности комплексного экспертного анализа фантазийных наименований в решении диагностических и идентификационных задач.

Диагностическая лингвистическая экспертиза фантазийных коммерческих наименований. На разрешение экспертов был поставлен вопрос,

226 | включает ли в себя искусственная аббревиатура РОСМ, предложенная для регистрации в качестве товарного знака, элементы официального наименования «Российская Федерация» или «Россия», а также слова или элементы слов, производные от этого наименования?

Для разрешения вопроса использовались методы графического, словообразовательного, морфемного и лексико-семантического анализа, а также элементы лингвопрагматического анализа, связанного с установлением внеязыковой информации — рода занятий предприятия, коммуникативной направленности создателей номинации при ее создании и пр.

Прежде всего, применительно к интересующему нас вопросу, можно сказать, что имеется вполне случайное внешнее фонетическое и графического совпадение трех начальных звуков и букв элемента *РОСМ* и *Россия / Российская Федерация*. В таких случаях речь может идти лишь о частичной *омонимии*, т. е. совпадении элементов, которые не имеют общих значений и не связаны между собой по происхождению: ведь означенный элемент РОС- имеется и во многих других русских собственных именах (*Ростов*) или нарицательных именах (*росомаха, росток* и пр.). Если же речь идет именно о фирменных наименованиях, то и в этом случае элемент РОС- не обязательно связан со словом *Россия*. Например, название крупнейшего российского издательства «РОСМЭН» трактуется как побуквенная транслитерация англоязычного собственного имени ROSMAN, а нижегородская компьютерная фирма в качестве фирменного наименования имеет аббревиатуру **РОСС**, которая расшифровывается как *Реализация и Обслуживание Современных Систем*.

Предлагаемый для анализа элемент фирменного наименования *РОСМ* является искусственно созданным сложным словом (аббревиатурой), по модели так называемых сложносокращенных слов, т. е. сложных слов (аббревиатур), которые образованы путем усечения корней или основ исходных, производящих слов: при этом усеченные части содержат обычно больше, чем одну начальную букву или один начальный звук, как в стандартных инициальных аббревиатурах — как правило, в сложносокращенном слове сохраняются 2 или 3 начальных буквы, реже 4 (например, *колхоз, госторг, спецхран* и пр.).

Искусственно созданное слово, как правило, вообще не может иметь никаких смысловых соответствий со словами естественного происхождения (к которым, несомненно, относится имя собственное *Россия*), так как искусственные слова как раз для этого и создаются, чтобы не ассоциироваться с уже имеющимися обозначениями.

Для того, чтобы выявить значение сложносокращенных слов, имеющих индивидуально-авторский характер, необходимо использовать словообразовательный анализ, т. е. определить исходные производящие слова, на базе которых создается искомое сложное производное слово.

Как свидетельствуют дополнительные данные, представленные для лингвистического исследования, указанное сложносокращенное слово изначально

образовано из усечения фамилии первого учредителя — **РО-ДЮШКОВА** — и второго учредителя — **СМ-АГИН**, в результате чего и получилось данное сложносокращенное слово **РО-СМ**, состоящее из двух усеченных корней.

В качестве еще одного довода для установления наличия или отсутствия тождества элементов сравниваемых слов выступает анализ их морфемной структуры — т. е. морфемного состава. Исходя из вышеизложенного, морфемная структура элемента РОСМ разлагается на два усеченных корня: РО- и СМ-, и именно так позиционируется данное обозначение, тогда как морфемная структура элемента РОС — один усеченный корень РОС-: РОС(СИЯ).

Таким образом, мы можем заключить, что РО- + СМ- не является тождественным по отношению к РОС- ни в звуковом, ни в буквенном отношении, что и показывает нам анализ морфемного состава сравниваемых элементов. Дело в том, что элемент РОС- для того, чтобы он воспринимался как усечение от слова Россия или от однокоренных прилагательных *российская/российский/российское/российские*, должен иметь обособленный и самостоятельный характер и в качестве такового восприниматься носителями языка однозначно. Например, указанный самостоятельный и обособленный характер элемент РОС- имеет в таких общепринятых аббревиациях – наименованиях, как *рос-торг, росвооружение, рособрнадзор* и пр., и словообразовательный анализ этих сложносокращенных слов должен выявить обязательное присутствие слов *Россия* или *Российский* в качестве исходных (во всех вышеприведенных примерах так или иначе присутствует очевидная связь со словами *Россия* или *Российский*).

Ничего подобного мы не можем обнаружить в анализируемом элементе РОСМ, который невозможно ни по смыслу, ни по морфемному составу разложить как РОС и М, потому что он раскладывается как РО и СМ и, согласно представленным для лингвистического исследования дополнительным данным (см. их список выше), так и должен восприниматься. Сходство с тремя первыми буквами слова РОССИЯ в элементе РОСМ имеет чисто внешний, случайный характер и никак не закладывалось в намерения создателей данного обозначения, что опять же явствует из приводимых дополнительных материалов.

Следовательно, анализируемый элемент РОС- не включает в себя официальное наименование «Российская Федерация» или «Россия», а также слова, производные от этого наименования.

Идентификационная лингвистическая экспертиза фантазийных коммерческих наименований. На разрешение экспертов был поставлен вопрос, является ли словесное обозначение «Геофлакс» (кириллическая транслитерация, строчные буквы), поданное на регистрацию в РФ в качестве товарного знака, тождественным или сходным до степени смешения со словесным обозначением GEOFLEX (латиническая транслитерация, прописные буквы), зарегистрированным в качестве товарного знака ранее за рубежом.

Предложенный экспертами комплексный метод разрешения вопроса включал в себя фонетический анализ, графический анализ, словообразовательный анализ, лексико-семантический анализ, грамматический (морфолого-синтаксический) анализ, а также элементы стилистического и лингвопрагматического анализа.

Сопоставительный фонетический анализ предлагаемых словесных обозначений GEOFLEX [д ж й о ф л э́ к с] и «Геофлакс» [г' э́ о ф л а́ к с] выявил значимое расхождение в передаче трех фонем — согласных [ДЖ] / [Г] и гласных [И] / [Э], [Э] / [А]. Этого вполне достаточно для выполнения смысловозначительной функции и, следовательно, для отсутствия смещения в восприятии потребителя.

Сопоставительный графический анализ буквенных обозначений показал, что они не могут быть смешаны в связи с тем, что выполнены с помощью знаков разных алфавитов, посредством различных регистров (GEOFLEX состоит из прописных букв, «Геофлак» – из прописной Г и строчных букв) и включают в себя различное количество букв (7 и 8 букв соответственно).

Еще раз отметим, что одного внешнего, фонетического и/или графического, совпадения каких-то элементов сопоставляемых словесных обозначений недостаточно для решения вопроса о квалификации элементов сравниваемых наименований в качестве тождественных. Ключевую роль в решении этого вопроса играет семантический, или лексико-семантический, анализ (иногда – с подключением стилистического анализа), а также – в ряде случаев – лингвопрагматический анализ.

Согласно данным этих видов анализа, в обоих словесных обозначениях присутствует элемент *geo*. Префиксоид не меняет значения при транслитерации и реализации его кириллическими символами: *geo* – что-то связанное, имеющее отношение к Земле'.

Глагол *to flex* в переводе с английского означает 'сгибать, напрягать'. Существительное *flex* означает 'гибкий шнур'. Лексикографический анализ транслитерированного элемента «ФЛЕКС» показал, что его значения в составе других слов могут быть разнообразными, однако все толкования можно объединить под признаком 'какие-либо изменения какого-либо объекта'. Таким образом, общий ассоциативно-смысловой фон данного обозначения можно примерно трактовать как 'то, что претерпевает изменения в признаках, но остается неизменным в свойствах'.

Существительное *flax* означает '1. Лён (*Linum usitatissimum*); 2. Волокно льна; 3. Льносолома; 4. Льяной'. В русском языке существует пока еще не окончательно обрусевший синоним относительного прилагательного *льняной*: *флаксовый*, то есть тот, который сделан из льна. Также *флаксами* именуются съедобные крекеры из прессованного льняного семени. Таким образом, общий ассоциативно-смысловой фон данного обозначения можно примерно трактовать как 'то, что изготовлено из льна'.

Очевидно, что у двух сопоставляемых обозначений совершенно разный ассоциативно-смысловой фон, что не позволяет говорить об их возможном тождестве или смешении в восприятии среднего потребителя, причем не только для говорящего или читающего по-русски, но и для носителя любого другого языка, в культурной среде которого приняты и понятны без перевода широко известные интернациональные элементы слов.

Лингвопрагматический анализ сравниваемых обозначений показал, что в русском языке существует множество вариантов употребления исследуемого нами префиксоида: *геолокация*, *геомагнетизм*, *геофизика*, *география*, *геосетка* и т. д. Данное наименование с прагматической точки зрения является слабым и стремится к неохранию. К примеру, существует множество наименований с аналогичным компонентом: ГЕО-ТУР, Гео-Сервис, Геосинтетикс-Груп, ГЕОСЕРВИС, ГЕОСтандрат, ГеоЛайн, ГЕОАКВА, ГЕОБИЛДЕР (GEOBUILDER), ГЕОБИТРИМ (GEOBITRIM), ГЕОБЭГ, география еды, ГЕОГРАФИЯ ДОБРА, геО2дар, ГЕОДЖЕТ, ГЕОДЕТИКА, журналы GEO, National Geographic, GEODESTINATION, GEOFORM и т. д.

По этой причине GEO и «Гео» не могут выполнять дифференцирующую функцию, следовательно, акцент при восприятии и различении словесных обозначений потребитель вынужденно делает на то, что отличает знаки друг от друга — на компоненты «флакс» и FLEX. А как показал анализ расхождений в ассоциативно-смысловом фоне этих элементов, проведенный выше, их дифференцирующая сила в прагматике, т. е. в условиях реальной коммуникации, достаточна для того, чтобы они не смешивались (как не смешиваются, например, русские слова, которые, вроде, отличаются только одним звуком [a]/[э] типа ПЛАН и ПЛЕН, но разные контексты употребления не позволяют им смешиваться в восприятии).

Таким образом, и на лингвопрагматическом уровне рассматриваемые словесные обозначения также не могут быть смешаны или отождествлены в языковом сознании потребителя.

В случаях, если анализируемые словесные обозначения образуются посредством разного количества фрагментов (как в нашем случае: GEO или «Гео» – один компонент, FLEX или «флакс» – второй компонент), для решения вопроса о наличии или отсутствии тождества словесных обозначений или их сходства до степени смешения применяются дополнительные критерии, а именно – какой элемент обозначения занимает в нем доминирующее положение. Иными словами, учитывается не всякое смысловое сходство, а только совпадение одного из элементов обозначений, на который падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение.

В силу того, что элементы *гео-* и *geo-* не имеют дифференцирующего потенциала и стремятся к неохранию, акцент при восприятии и различении товарных знаков потребитель вынужденно делает на то, что отличает

230 | знаки друг от друга — на компоненты FLEX и «флакx». А эти компоненты с фонетической, графической, смысловой и прагматической точек зрения имеют достаточно смыслообразительной силы, чтобы не смешиваться в сознании потребителей.

Выводы. Обсуждаемые в работе принципы комплексного экспертного лингвистического исследования коммерческих наименований фантазийного характера имеет существенное правоприменительное значение для определения охраноспособности спорного обозначения по отношению к определенным товарам или услугам, т. е. достаточного различительного потенциала для индивидуализации его восприятия в сознании потребителей; для установления наличия в наименовании ложной информации или информации, способной ввести в заблуждение потребителя относительно товара (услуги) или его изготовителя; для установления факта противоречия наименования принципам гуманности и морали, общественным интересам.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
2. Новичихина М.Е. О некоторых подходах к лингвистической экспертизе товарных знаков // V Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. научных статей. Севастополь, 2011. С. 375–382.
3. Новичихина М.Е. Проблемы изучения коммерческой номинации: учебное пособие. Воронеж: Кварта, 2012. 108 с.
4. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013. 98 с.
5. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. мон. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. 304 с.
6. Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. № 3–4. 1999. С. 66–83.
7. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2016. 328 с.
8. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
9. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Анализ фантазийных наименований в лингвистической экспертизе товарных знаков // Русский язык в поликультурном мире: III Международный симпозиум (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. 1. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 342–347.

10. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 18–21.

11. Соболева Т.Д., Суперанская А.В. Товарные знаки / отв. ред. В.П. Нерознак. М.: Наука, 1986. 171 с.

12. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Юрайт, 2011. 535 с.

T. B. Radbil, V. A. Yumatov

**LINGUISTIC EXPERTISE OF TRADE MARK VERBAL
NOMINATIONS: PROBLEMS AND DECISIONS**

Abstract: The main problems of linguistic expert investigation of trade mark verbal explications in the aspect of complex (semantic, phonetic-graphic and linguo-pragmatic) analysis are examined the work. Criteria of determination of identity or similarity to degree of mixing, diagnostic language features of potentially guarded or non-guarded nominations are discussed.

Keywords: linguistic expertise, trade mark, complex analysis, diagnostic language features, guardedness.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В НЕЙМИНГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация: В статье выявляются лакуны в методике экспертизы товарных знаков и обосновывается актуальность словообразовательного анализа в нейминговой экспертизе для решения задач установления оригинальности, уникальности наименований как интеллектуальной собственности, особенно искусственно созданных наименований.

Ключевые слова: нейминговая экспертиза, морфема, словообразовательный анализ.

Нейминговая экспертиза представляет собой особый вид судебной лингвистической экспертизы, выделяемый в соответствии с особенностями объектов (имён собственных, неймов, наименований), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний [14: 32]. Актуальность производства нейминговой экспертизы определяется потребностью в правовой защите личного имени гражданина, авторского имени или псевдонима, наименований как интеллектуальной собственности (словесных и комбинированных товарных знаков/знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, фирменных наименований, коммерческих обозначений, доменных имен). Предмет нейминговой экспертизы – установление фактических данных и обстоятельств создания и функционирования неймов, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов на основе специальных знаний в области лингвистики, ономастики, судебного речеведения и судебной экспертологии. В русле школы судебной экспертологии [12] разрабатывается методика нейминговой экспертизы, однако в силу разнообразия и особенностей её объектов требуется дифференцированный подход к определению методов и приемов анализа неймов разных ономастических классов и разрядов: например, анализ товарных знаков и урбанонимов, доменных имён и топонимов требует разных подходов и разного объёма специальных знаний при обязательном учете юридического статуса наименований (в нормативных правовых актах могут быть заложены и лингвистические критерии их правомерности). Наиболее разработанной на сегодняшний день является методика экспертного анализа товарных знаков (знаков обслуживания) [11; 6; 3; 1]. Однако в имеющихся методических реко-

мендациях не уделяется должного внимания словообразовательному анализу, в то время как именно такой анализ является необходимым для решения ряда актуальных задач нейминговой экспертизы: выявление оригинальности, самобытности, уникальности наименования, выявление лингвистических признаков сходства сопоставляемых наименований, выявление производности наименования (на базе установления структурно-словообразовательных особенностей нейма определенного класса и разряда) и др. Нейминговая экспертиза, выполняемая в различных экспертных учреждениях, не получила пока самостоятельного статуса и производится в рамках судебной лингвистической экспертизы наименований.

Остановимся подробнее на применяемых в лингвистической экспертизе наименований подходах в аспекте обращения к словообразовательному анализу словесных обозначений. Авторы учебного пособия по экспертизе товарных знаков М.Е. Новичихина и И.А. Стернин при исследовании конкретного товарного знака «Автодизель» лишь упоминают «правила русского словообразования» [6: 58] и некие «словообразовательные элементы исследуемого слова» [6: 59–60], однако сосредотачивают внимание только на семантике обозначений. При исследовании признаков сходства товарных знаков игнорирование словообразовательного аспекта лингвистического исследования приводит М.Е. Новичихину к ошибочному заключению о некорректности сопоставления обозначений, «одно из которых сформировано на базе имени нарицательного, а другое – на базе имени собственного» [5: 116]. Рассматривая вопрос о сходстве обозначений до степени смешения, эксперт-лингвист ГЛЭДИС И.В. Жарков пишет о значимости «формантов» и «элементов» в наименовании, но не обращается к словообразовательному анализу, а акцентирует внимание на особенностях восприятия названий [1: 56]. В.А. Мишланов и В.А. Салимовский в учебном пособии по прикладной лингвистике и судебной лингвистической экспертизе, включающем раздел «Экспертиза коммерческой ономастики» [3: 281], приводят примеры лингвистической экспертизы обозначений, в том числе «искусственных образований» (слов, которых в русском языке не существует). Эксперты используют понятия «морфемный состав», вычлениают корень (например, *мед-* в словесном обозначении «Медолия»), однако словообразовательного анализа не проводят, более того, смешивают словообразовательные форманты с фонетическими единицами (слогами) для обоснования отсутствия «внешнего сходства» товарных знаков [3: 293]. В примере заключения «о результатах лингвистической экспертизы обозначения «Дивносон» эксперты вообще не прибегают к словообразовательному анализу, ограничиваясь рассмотрением «материальной формы» сопоставляемых обозначений (ДИВНОСОН – ДИВАСОН – ДИПРОСОН) на фонетическом уровне, и выходят за пределы своей компетенции, аргументируя отсутствие сходства отсутствием

234 | «психологической основы смешения сравниваемых знаков» [3: 295]. Подчеркнем, что анализ восприятия наименований, психологического механизма отождествления товарных знаков требует применения специальных знаний не в области лингвистики, а в области психологии.

В обобщенных методических рекомендациях Роспатента [11], в состав которых вошли и Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 197, используется лишь одна дефиниция из толково-словообразовательного словаря для толкования слова «однородный» в целях определения однородности товаров и услуг [11: 198]. При установлении смыслового (семантического) сходства словесных обозначений не рассматривается словообразовательная цепочка, а используется расплывчатый термин «элементы обозначений» [11: 181, 187]. Вместе с тем в руководстве употребляется термин «производное обозначение», в частности в определении наименования места происхождения товара указано, что таковым является не только «обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта», но и «обозначение, производное от такого наименования» [11: 228]; а к обозначениям, которые одновременно противоречат и общественным интересам, и принципам гуманности и морали, могут быть отнесены: «обозначения, в которых неэтично использованы фамилии, имена, псевдонимы и производные от них» [11: 163] и др. Установление производности словесного или комбинированного обозначения невозможно без уточнения самого понятия «производное обозначение», а главное – без применения словообразовательного анализа, который базируется на понятии «производность».

Актуальность словообразовательного анализа связана с неологизацией современного русского языка в целом [4] и широким использованием искусственной номинации, то есть искусственного конструирования слов для обозначения товаров и услуг, в частности. Потребность в креативных новообразованиях обусловлена юридическими требованиями оригинальности, уникальности, неповторяемости словесного обозначения для его регистрации в Федеральном институте промышленной собственности. При этом неолексемы, словообразовательные неологизмы наряду с узуальными словоупотреблениями попадают в категорию «фантазийных обозначений», статус которых не определен ни юридически, ни лингвистически [13: 181–184]. Отметим, что в самой новой науке неологии нет пока четкой терминологической базы: результат словообразовательных новаций определяется либо традиционно – *неологизм*, либо следующим рядом: *новообразование, неообразование, новация, инновация, неономинация, окказионализм* [2]. Применительно к товарным

знакам, на наш взгляд, некорректно употреблять термин *окказионализм*, так как такая лексическая единица лишена воспроизводимости, неточен и термин *неологизм*, который коррелирует с термином *архаизм* (оба они связаны с диахронным аспектом языка). Вместе с тем уместно использование таких понятий, как *потенциальное слово* (созданное по продуктивной модели русского словообразования, без нарушения его законов), *неономинация*, *искусственная номинация*, *неодериват*.

Для выявления семантики нового, искусственно созданного слова необходим именно *словообразовательный анализ*, который позволяет установить цепочку слов, где каждое последующее слово выводится из предыдущего, а не формальный *морфемный анализ*, который представляет собой разбивку на морфемы, по сути на десемантизированные элементы. Для нейминговой экспертизы актуальным остается подход М.В. Панова, который утверждал, что выделение морфем как значимых частей слова требует сопоставления более сложного по составу (производного) с менее сложным (производящим) [7: 332.] Таким образом, адекватным решаемым задачам оказывается метод ступенчато-перекрещивающихся рядов, разработанный А.М. Пешковским [8] и получивший развитие в трудах последователей Московской лингвистической школы (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Н.М. Шанский и др.). Морфемный состав производного слова отражает его деривационную историю, которая может быть уникальной, и для выделения значимых частей в структуре слова эта история должна быть эксплицирована [9: 68], в том числе за счет обращения к данным морфемных и словообразовательных словарей.

Для установления семантики наименования производного слова необходимо выявление словообразовательной модели искусственной номинации, а также отдельных формантов. Так, в неониминациях «Мос-Анжелес» (название жилого комплекса), «вАСТОРг» (название торгового центра), «МОДАГАСКАР» (название магазина детской одежды), «Буркина-Фасоль» (кафе) выявлено замещение корневой морфемы как способ образования, причём значение новой корневой морфемы накладывается на значение замещённой, встраивается в семантику известного слова, что приводит к усложнению плана содержания при упрощении плана выражения. Отметим, что словообразовательный формант при замещении обычно выделяется графически, такие графодериваты мы вслед за Т.В. Поповой рассматриваем как «креолизованные производные слова» [10: 148]. Словообразовательный анализ знака обслуживания «Япоша» позволяет выявить деривационную цепочку (*япоша* ← *япошка* ← *японец*) с использованием стилистически модифицирующего суффикса. Словообразовательный анализ товарного знака «Квасура» выявляет совмещение нескольких деривационных значений, обеспечивающее уникальность наименования при сохранении традиционной семантики корня: *Квасура* ← *квас* + *-ур(а)* (узусальное значение суффикса – собирательное, ср. «партитура», «профессура»).

Особую значимость приобретает словообразовательный анализ в установлении семантики неониминаций, в состав которых входят форманты МОС, РОС, ГОС. Например, именно в ходе нейминговой экспертизы с применением методов словообразовательного анализа было установлено, что формант РОС в составе наименования «АКВАРОС» не является сокращением от слов *Россия, российский*, а представляет собой суффиксоид, выполняющий словообразующую роль в искусственно созданном наименовании на основе связанного компонента АКВА- со значением «вода».

Таким образом, словообразовательный анализ является неотъемлемой составляющей лингвистического исследования для решения задач нейминговой экспертизы и должен быть включен в типовые методики судебной лингвистической экспертизы наименований.

Литература

1. Жарков И.В. Сходство словесных обозначений до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста // Патентный поверенный. 2009. № 4. С. 54–57.
2. Мельник Ю.А., Штехман Е.А. К вопросу о статусе неологизма в современной лингвистике // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21100> (дата обращения: 14.07.2019).
3. Мишланов В.А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие // В.А. Мишланов, А.В. Голованова, В.А. Салимовский. Пермь, 2011. 368 с.
4. Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): сб. научных статей / отв. редактор Т.Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-Историк, 2016. 236 с.
5. Новичихина М.Е. О некоторых спорных моментах в исследовании семантического сходства товарных знаков // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–116.
6. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013. 98 с.
7. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянских культур, 2001. С. 11–22.
9. Попова М.Т. Проблема членимости основ в современном русском языке // Русский язык в школе. 2014. № 6. С. 64–70.
10. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1 [Текст]:

Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 147–175.

11. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельства на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов. Утверждены приказом Роспатента 24 июля 2018 г. № 128. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rupto.ru/.../01-08-2018-rukovodstvo-po-gosudarstvennoy-registracii-tovarnog...> (дата обращения: 14.07.2019).

12. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. 272 с.

13. Соколова Т.П. Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 7. 2016. С. 179–194.

14. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

T. P. Sokolova

THE ROLE OF DERIVATIONAL ANALYSIS IN NAMING EXAMINATION

Abstract: The article identifies lacunae in practical methods of examination of trademarks and substantiates the relevance of derivational analysis in naming examination for solving problems of establishing originality, the uniqueness of names as intellectual property, especially artificially created names.

Keywords: naming examination, morpheme, derivational analysis.

КОГДА ЛЮБОВЬ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ ПО ЗАКОНУ? (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОПАГАНДЫ)

Аннотация. В работе рассматриваются случаи упоминания наркотиков и манифестации позитивного отношения к ним в материале, являющемся объектом лингвистического исследования. С опорой на законодательную базу, методическую литературу и экспертную практику автором намечены актуальные границы понятия «пропаганда наркотиков».

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, пропаганда, семантическое поле «наркотики», антинаркотическое законодательство.

Человек как личность испытывает симпатии и антипатии, которые формируются на основе индивидуального и группового опыта, собственных предпочтений. Его взгляды так или иначе проявляются в повседневном поведении, в частности в речевой деятельности. В настоящей работе мы коснемся манифестации позитивного отношения к предмету речи в свете проблематики судебной лингвистики.

Общеизвестно, что в современном социуме возможность открыто выражать свое мнение признается до тех пор, пока не вступает в конфликт с интересами других людей, при этом права и адресанта, и адресата оберегает законодатель. Он, с одной стороны, гарантирует свободу слова, а с другой – предупреждает злоупотребления этой свободой, для чего вводит меры государственного принуждения. Среди вербальных правонарушений можно отметить диффамацию, призыв к экстремистской и террористической деятельности, склонение («уговоры») к суициду, угрозу. К ним относятся и пропаганда некоторых идей, идеологий и видов деятельности: расизма, нацизма, употребления наркотиков, определенного сексуального поведения, см., например, в [б: 48–49]. Один из способов их распространения, связанный с упоминанием предмета (в широком смысле) и с выражением личной увлеченности, заинтересованности в нем, а также трактовка этого речевого действия как раз и формируют тему настоящей работы.

Сообщить о своих позитивных эмоциях и переживаниях, возникших в результате взаимодействия с неким предметом, не равносильно по общему правилу тому, чтобы предложить его адресату: ...*выражение и описание*

своего психического и/или физического состояния нельзя рассматривать как прямую рекомендацию использования тех средств, которые использовались для его достижения [1: 99]. Не всегда, однако, выражение подобных взглядов дозволено в отношении социально порицаемых, опасных явлений, не говоря уже о приемлемости такого рода высказываний с точки зрения морали. Нормативные правовые акты регламентируют оценочную составляющую текстов, имеющих определенную тематику. Под запретом, например, одобрение геноцида и глумление над символами воинской славы России.

Мы попытаемся здесь установить, насколько далеко простираются границы свободы слова в свете борьбы с незаконным оборотом наркотиков. С этой целью рассмотрим два, на наш взгляд, значимых для экспертов-лингвистов события последних лет в обозначенной сфере.

Немаловажное место в противодействии наркомании занимает борьба с пропагандой наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений – того, что в обиходе именуется обобщающим словом «наркотики» (см. ст. 230 УК РФ, ст. 6.10 и 6.13 КоАП РФ). Однако сам ключевой термин «пропаганда наркотиков», в отличие от «антинаркотической пропаганды», не получает законодательно закрепленного толкования, см. раздел «Основные понятия» в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» [11]. Анализ диспозиции статьи 46 «Запрещение пропаганды в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений» в указанном законе, а также официальных комментариев показывает, что под пропагандой применительно к наркотикам законодатель понимает деятельность, связанную с информированием адресата о способах их получения, использования и/или о преимуществах наркотиков.

Запрет на распространение информации о местах приобретения, способах производства и употребления наркотиков, которая повышает их доступность для адресата, равно как на утверждение полезных свойств наркотиков представляется обоснованным и оправданным. Материалы подобного содержания способны пробудить у адресата интерес к запрещенным веществам и, как следствие, стимулировать их распространение.

Возьмем для примера лаконичное послание на стене одного из интернет-сообществ:

Ил. 1. Публикация на стене интернет-сообщества

240 | В утвердительном предложении: *Героин превращает мечты в реальность*, – сообщается о якобы присущем героину позитивном свойстве. Из этого послания с очевидностью следует, что описываемый эффект достигается только путем осуществления прямо не названного действия с наркотиком – обладание, изготовление, продажа, употребление или иное, – что рассматривается автором в качестве условия достижения желательного для адресата состояния (реализация потребностей и мечтаний).

Стоит отметить, что правоприменительная практика по делам, связанным с пропагандой наркотиков, представляется нам в отдельных случаях непоследовательной. Парадоксально, но на реализацию коктейля с названием «Кокаин» в одном из российских предприятий общественного питания судом был наложен запрет, в то время как парфюмерная вода *Orium* («Опиум») не первый год рекламируется на территории страны. Оба слова, выбранные в качестве онимов (то есть оба прагмонима), относятся к единому семантическому полю в своем общеупотребительном значении, о чем свидетельствуют их дефиниции:

Кокаин – наркотик, получаемый из листьев коки (употребляется в медицине как местное обезболивающее средство) [2: 438].

Опиум (то же что опий) – высушенный млечный сок из незрелых головок мака, являющийся сильным наркотиком (используется в фармакологии) [2: 716–717].

И в том, и в другом случае для достижения преследуемых целей потребителю предлагается использовать товар, связанный в силу своего названия неким «фантазийным» образом (будь то состав, воздействие, цена или иное) с наркотиком. При этом правовой статус товаров разнится.

Желание восполнить лакуну и закрепить юридическое толкование термина «пропаганда наркотиков», объективировав критерии оценки материала, нашло отражение в законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» [3]. В соответствии с п. 1 ст. 1 указанного проекта предстояло дополнить существующий федеральный закон текстом, фрагмент которого приводится ниже:

...пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, наркосодержащих растений, или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры – распространение изображений и (или) названий (в том числе на иностранных языках) наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, наркосодержащих растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, сведений о способах и методах их разработки, изготовления, культивирования или использования, местах их приобретения, описание каких-либо преимуществ в использовании...

Предложенное толкование имеет описательный характер и включает в себя перечень конкретных деяний, квалифицируемых в качестве пропаганды наркотиков; подобно определению экстремизма в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [12]. Нельзя не заметить, что данное понимание шире того, которое предполагалось формулировкой статьи 46 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Для сравнения процитируем (с вынужденными пропусками) части 1 и 2 указанной статьи в редакции от 26 июля 2019 г.:

1. *Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ <...> направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях запрещаются.*

2. *Запрещается пропаганда каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств, психотропных веществ <...> в том числе пропаганда использования в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье...*

Идея отождествления любого упоминания наркотика с его пропагандой, высказанная в законопроекте, не могла не вызвать серьезные возражения общественности, в том числе со стороны лингвистов. Поясним.

Исследователи с сожалением отмечают наркотизацию повседневной речи, во многом обусловленную нетривиальным значением, новизной звучания и/или экспрессией единиц лексикона-источника; см., например, в [7]. Соотнесение предмета с явлениями и обстоятельствами, типичными исключительно для маргинальной субкультуры наркоманов, теперь совсем не редкость практически в любом дискурсе. Так, слово «ломка», в своем специализированном значении заимствованное из кода наркоманов, сейчас существенно расширило сферу употребления, относится лексикографами к литературному пласту лексики [10: 415] и, как показывает Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>), активно используется в публицистике применительно к различным ситуациям. При этом оно сохраняет ассоциативную связь со сферой заимствования, и его толкование, составленное с учетом исходного значения, может звучать таким образом: ‘плохое самочувствие, обусловленное отсутствием чего-то желаемого или необходимого, подобное тому, которое испытывает наркоман, лишенный наркотика’. Для наглядности приведем несколько контекстов:

242 | – *Получив очередную дозу (восстановление нефтяных котировок), мы стараемся забыть «ломку», через которую прошли в середине зимы – 2014/15 (А. Репик. Успех в «окне возможностей» зависит от шагов государства и бизнеса // Эксперт, 2015);*

– *Ведь мышцы соскучились по движухе, а у организма прямо-таки ломка без адреналина (Н. Ванин. Летние покатушки // Хулиган, 2004);*

– *Рядовой обыватель, подсевший на иглу «антитеррористического» агитпропа, сейчас, наверно, испытывает ломку (В. Выжutowич. Без суда и следствия // ПОЛИТКОМ.РУ, 2003).*

Переплетение нескольких тематико-содержательных планов, в основе которого лежит образная природа многих единиц семантического поля «наркотики», является распространенным приемом языковой игры. Она преимущественно ориентирована на комический эффект, на привлечение внимания аудитории, но способна выполнять и иные функции. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров употребления полисемичного глагола «забывать», который имеет следующие специализированные значения: *набить папиросу, сигарету наркотическим веществом (травой)* [5: 188, 285]; *выкурить папиросу или сигарету с наркотиком (обычно с марихуаной или с гашишем)* [9: 575].

(1) В интервью актер М. Ефремов, негативно оценивая песню «Я забываю сваю», которая прозвучала на концерте в честь открытия Крымского моста (см. его реплику: *Песенка могла бы быть получше*), указывает на применимость иной трактовки к содержанию музыкального произведения. Жесты говорящего свидетельствуют о том, что он имеет в виду специализированное значение глагола «забывать», связанное с подготовкой наркотика к употреблению. М. Ефремов имитирует манипуляции с сыпучим веществом, которое помещается в емкость с узким входным отверстием (см. ил. 2), произнося: *Я бы там вот так постоял, поделал, вот забываю. Ведь не только же сваи забивают. Правда?* Своими действиями, в том числе речевыми, он нивелирует пафос песни и посредством этого выражает личное отношение к ней, что составляет основную цель его высказывания.

Ил. 2. Жесты М. Ефремова

(2) В одном из сюжетов юмористической программы персонаж-хозяин поит гостя бесцветной жидкостью, предлагает ему понюхать белый порошок и дает затянуться собственноручно свернутой папиросой. Эти действия заметно улучшают настроение гостя и разительно сказываются на его состоянии и поведении (потеря координации, невнятная речь). Одновременно первый персонаж ведет по мобильному телефону деловой разговор по поводу затруднений с транспортировкой больших объемов щебня. Реплики подобраны таким образом, что каждое действие этого лица сопровождается так называемыми словами-сигналами, соотносимыми одновременно с телефонным разговором и с непосредственно наблюдаемой ситуацией (*взрывать, дорога, лечить* и др.). Переносное, специализированное значение употребляемых им слов позволяет зрителю «узнать» в жидкости и сыпучих веществах водку и наркотики соответственно, а значит, интерпретировать всю ситуацию как связанную с их употреблением.

Один из этапов подготовки папиросы (см. ил. 3), например, аналогичен тому, который был описан в примере с М. Ефремовым. Действиям персонажа соответствуют такие слова: *Я тебя прошу, Саня, забей*. Слово «забей» здесь в контексте делового, хотя и неформального общения реализует также значение ‘не обращай внимания, пренебреги чем-то’.

Ил. 3. Жесты персонажа-хозяина (в исполнении И. Харламова)

В финальной реплике: *Первый раз вижу, чтобы человека так пёрло от воды, укропа и муки. Иди лечись*, – персонаж подчеркивает ошибочность данной зрителем интерпретации, проясняя истинную природу демонстрируемых веществ. Несмотря на то, что связанный с наркотиками смысловой план эксплицитно отвергается, трансляция видеосюжета в сети Интернет на многих ресурсах была прекращена по требованию правообладателя. Хотя сделано это было только спустя несколько лет после публикации.

(3) Принт на текстильном изделии включает в себя надпись *КОСИ И ЗАБИВАЙ*, которая вне контекста не имеет однозначного толкования в силу того, что глаголы *косить* и *забивать* являются полисемичными. С визуальной поддержкой (см. ил. 4) эта надпись может пониматься одновременно как призыв к труду (в совокупности с символом СССР) и к употреблению наркотика (в совокупности с изображением листа каннабиса).

Ил. 4. *Принт на текстильном изделии*

Автор данного принта допускает множественность интерпретаций, реализуя игровую функцию языка, как минимум с целью привлечь внимание адресата. Интерпретация надписи и принта в целом зависит от фоновых знаний воспринимающего лица. Нужно учитывать, что специализированная лексика наркоманов, а равно информация об отличительных особенностях листа конопли и конкретной сфере его применения в настоящее время, как нам представляется, не являются общеизвестными, поэтому в рассматриваемом контексте «считывание» исключительно и преимущественно связанного с наркотиками смысла нельзя считать строго обязательным.

Суд согласился с доводами лингвиста и на основании экспертного заключения вынес решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Для сравнения возьмем другое текстильное изделие, принт которого включает в себя идентичную надпись, но иное изображение, отчасти близкое по своей тематике уже описанному.

Ил. 5. *Фрагмент принта на текстильном изделии*

Представленная на принте данного текстильного изделия ситуация однозначно трактуется как употребление растительного наркотика (производного конопли) посредством курения. Только при таком понимании связь визуального и вербального компонентов принта оказывается осмысленной и непротиворечивой. Важно отметить, что антропоморфный лист каннабиса демонстрирует положительные эмоции (см. поднятые вверх уголки рта, полупущенные веки), что обусловлено его действиями. Тем самым, побуждение

к употреблению наркотика, реализуемое в надписи, может усиливаться за счет обещания позитивного результата.

Обобщая, можно с уверенностью говорить о том, что экспансия единиц кода наркоманов обусловлена многими факторами, в числе которых не последнюю роль играет стремление адресанта разнообразить свою речь, сделать ее более яркой. Знание и использование специализированных лексем семантического поля «наркотики» далеко не всегда в условиях активного развития средств коммуникации свидетельствует о причастности человека к субкультуре наркоманов, более того, сами по себе не могут трактоваться как проявление толерантного отношения к наркотикам или их пропаганда.

В рамках лингвистической экспертизы пропаганда и реклама рассматриваются в первую очередь в качестве особой коммуникативной цели. Реализация этой цели предполагает положительную оценку предмета речи и направленность на убеждение адресата в необходимости разделять такую точку зрения [8: 96 и сл.]. В связи с этим упоминание какого-либо наркотика без аргументации эмоционального и/или рационального характера в пользу его производства, употребления, как правило, не отвечает этим критериям. Так, заголовок новостного сообщения «Кузбассовец при задержании попытался съесть мешок марихуаны», опубликованного на сайте «Российской газеты» – официального издания Правительства России, – несомненно, имеет информативную цель (что не исключает факультативный юмористический компонент) и не предполагает распространение каких-либо взглядов, будь то одобрение или оправдание описываемого поступка.

Сказанное справедливо и для случаев выражения позитивного отношения к наркотику без попытки повлиять на мнение аудитории. В первую очередь это относится к ситуации автокоммуникации, применимо и к реактивным репликам, содержание которых во многом определяется формулировкой вопроса, как в интервью с М. Ефремовым: *В чем кайф кокаина?* Помимо собственно упоминания наркотика, для установления лингвистических признаков пропаганды, тем самым, необходимыми являются позитивный контекст и цель склонения адресата к положительному или толерантному отношению к запрещенным веществам. Названная цель, как правило, имеет эксплицитное выражение.

Предполагается, что запрет на любое упоминание наркотиков, приравниваемое в соответствии с формулировкой в законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» к их пропаганде, породит значительные трудности метатекстового характера. В частности, он будет препятствовать проведению разъяснительных бесед в рамках антинаркотической пропаганды. По-видимому, это соображение приняли во внимание депутаты Государственной думы, так как рассматриваемый законопроект был отклонен во втором чтении.

Новой, менее радикальной по своей сути вехой в поисках эффективной языковой политики в вопросе противодействия наркомании можно считать публикацию проекта «Методических рекомендаций по освещению проблемы наркомании в СМИ», который был подготовлен коллективом авторов в соответствии с распоряжением Президента России В. В. Путина в 2017 году [4]. Составители рекомендаций, помимо общих пожеланий относительно композиции, а также места размещения и способа оформления в средствах массовой информации новостных сообщений этой тематики, высказывают вслед за Всемирной организацией здравоохранения предложение *сократить число слов в тексте с частью «нарко-», а также избегать употребления жаргонизмов из среды потребителей разрушительных для здоровья человека веществ и наименований таких веществ («соль», спайс, ЛСД, героин и т. д.)*. Вместо таких слов они рекомендуют использовать описательные обороты, в которых подчеркиваются отрицательные свойства наркотиков, например: ... *«потребитель запрещенных в РФ к употреблению веществ», «потребитель разрушающих психику веществ», «потребитель веществ, вызывающих патологическую зависимость»*. При этом в своем тексте авторы, вынужденные многократно упоминать наркотики, сами стремятся придерживаться указанных принципов изложения материала.

Отдельное внимание в «Методических рекомендациях по освещению проблемы наркомании в СМИ» уделено не только вопросам ономаσιологического характера, но также содержанию новостных сообщений. В частности, авторы описывают контексты, которые создают толерантный/позитивный фон для упоминания наркотиков (ср.: *«обыденное явление», «мужественный, героический или романтический поступок»*), и предостерегают от их воспроизведения. Следование рекомендациям, по мнению составителей документа, поможет журналисту избежать положительно-оценочной тональности при освещении проблемы наркомании, как следствие, минимизирует риск продвижения наркотиков и связанной с ним возможности обвинения в пропаганде. Проблема, тем не менее, не устранена, эффективное ее решение до сих пор не найдено, а потому необходимость в содействии лингвистов сохраняется.

В условиях изменяющегося законодательства эксперту-лингвисту особенно важно придерживаться четкой непротиворечивой позиции в вопросе диагностики специальных признаков пропаганды тех или иных взглядов, образа действий. Разговор о наркотиках, конечно, способен вызывать к жизни в сознании адресата целый комплекс знаний и переживаний, основанных на личном опыте данного лица, в том числе положительном. Несмотря на это, само по себе единичное упоминание наркотика, даже в случае выраженной, например при помощи диминутивов (*«беленькая»* – название любого наркотикосодержащего лекарственного средства в таблетированной форме) или слов с позитивным коннотационом («друг» от англ. *drug* – любой наркотик),

симпатии, не может рассматриваться как нацеленное на изменение взглядов адресата. В каждом случае необходимо учитывать хитросплетение факторов различной природы: текстовой (наличие аргументации, выраженная цель убеждения) и экстралингвистической (коммуникативная ситуация, которая включает в себя характеристики участников общения, существующие между ними ролевые отношения). Приведем для наглядности еще несколько примеров.

(4) Печатное издание содержит рецепты блюд с добавлением наркотика (*чилийские бобы с соусом из марихуаны, шоколадные бананы с гашишем* и др.). В силу выбранного директивного жанра – кулинарная книга – оно предполагает позитивную оценку описываемых действий, а значит, преподносит адресату наркотики как допустимые к употреблению.

(5) Псевдоинформационное сообщение на интернет-сайте: *Согласно подсчётам, нужно 800 «косяков», чтобы убить человека, но причиной смерти будет отравление окисью углерода, а не наркотическим веществом* – реализует воздействующую функцию. Даже человек, который не имеет обозначенной пагубной привычки, понимает, что 800 сигарет/папирос значительно превышает не только суточную, но и недельную, а может, и месячную норму потребления. Следовательно, на основании данного текста он должен сделать вывод о том, что вредное воздействие наркотика на организм минимально. Подобная подача информации используется автором для убеждения адресата в безопасности курения растительных наркотиков, что подтверждается контекстом.

Вопрос о правомерности упоминания в художественных произведениях асоциальных типов поведения, в том числе связанных с употреблением запрещенных веществ, поднимался исследователями неоднократно. Эта тема требует самостоятельного рассмотрения и потому сознательно опускается нами в рамках настоящей работы.

Положение о том, что упоминание социально отвергаемого, порицаемого предмета даже в совокупности с выражением позитивного отношения к нему само по себе, без цели убедить адресата в актуальности для него подобных взглядов не образует лингвистических признаков пропаганды, справедливо для иных категорий дел и не ограничивается проблемой наркомании.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2007. 592 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Законопроект № 108866-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности

248 | за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/108866-6> (дата последнего обращения: 05.08.2019).

4. Методические рекомендации по освещению проблемы наркомании в СМИ [Электронный ресурс]. – URL: <http://oprfg.ru> (дата последнего обращения: 05.08.2019).

5. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.

6. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2018. 197 с.

7. Редькина Т.Ю. О «наркотизации» русской речи // Журналисту об эффективности материалов, освещающих проблемы наркозависимости: «конструирование» непроблемного поведения – методы и принципы конструктивной пропаганды. СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2010. С. 6–13.

8. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М.: ЭКОМ Паблишерз, 2011. 326 с.

9. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

11. Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. ст. 219.

12. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3031.

E. V. Shchennikova

WHEN LOVE IS PROSECUTED BY LAW? (LINGUISTIC ASPECT OF PROPAGANDA)

Abstract: In this work, cases of mentioning drugs and expressing personal positive attitude towards drugs use in various texts within linguistic analysis are considered. Using methodological linguistic literature, legislation and expert experience the author outlines boundaries of ‘Propaganda of Drugs’ paradigm.

Keywords: forensic linguistics, propaganda, semantic field “drugs”, anti-drug legislation.

Раздел 4.
ПОНЯТИЯ, МЕТОДЫ И ДОСТИЖЕНИЯ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
И НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ
В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОСОЗНАВАЕМОЙ УСТАНОВКИ И СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Аннотация. При определении того, что является «разжиганием ненависти», принято опираться на лингвистическое определение слова «разжигание», а не на научное понятие, зафиксированное термином. В статье показывается, что при определении этого понятия необходимо опираться на данные психологии высшей нервной деятельности, в частности на учение А.А. Ухтомского о доминанте и Д.Н. Узнадзе об установке. Чтобы открытый призыв в тексте привел к реальному действию человека, сначала у него должна быть сформирована неосознаваемая установка, то есть готовность оценивать некоторую ситуацию и/или действовать в ней по определенной схеме. Поэтому тексты, которые формируют с помощью лингвистических технологий негативную установку, представляют опасность для общества, хотя и не содержат открытого призыва.

Ключевые слова: медиалингвистика, речевое воздействие, неосознаваемая установка, психологическое влияние СМИ, структура микротекста и макротекста, не критическое восприятие информации, интерпретация события в тексте новостей.

Лингвистические исследования, объединенные понятием «юридическая лингвистика», являются частным случаем изучения речевого воздействия. Их особенность – сугубо практический характер исследований и связь с законодательством. Законодательство определяет, что именно необходимо выявить в процессе исследования и как оценивать полученные результаты. В то же время некоторые понятия остаются неопределенными. В частности, не определено точно, что необходимо считать «разжиганием ненависти». В результате при проведении лингвистической экспертизы принято опираться на лингвистическое определение слова «разжигание» (на определение, даваемое в толковых словарях), то есть на обыденное понятие, а не на научное, зафиксированное термином, или юридическое понятие, зафиксированное в законе. Все вышесказанное определяет актуальность юридических, психологических и психолингвистических исследований такого явления, как «разжигание ненависти».

Активные исследования речевого воздействия начались в середине XX века, речевоздействующий эффект изучался в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики, психолингвистики, психологии речи и общения, психологии рекламы, психологии пропаганды и т. д. На данный момент это междисциплинарное направление исследований, объединяющее данные разных наук. Опираясь на современные представления о психологии восприятия, мышления и поведения человека, можно предположить, что сущностью речевоздействующего эффекта является формирование неосознаваемой установки (или усиление уже существующей), то есть неосознаваемой готовности действовать по определенному алгоритму, включающему совокупность ассоциативно связанных отдельных операций [15]. Применительно к речевоздействующему эффекту можно говорить о формировании неосознаваемой готовности оценивать что-либо определенным образом, выводить определенные следствия, объяснять с опорой на определенные представления о причинно-следственных связях, испытывать те или иные эмоции по отношению к некоторому объекту или неосознаваемой готовности действовать физически при актуализации той или иной потребности и/или мотива.

Формирование неосознаваемой установки (Д.Н. Узнадзе [15]), происходит на основе нейрофизиологической доминанты. Как показал А.А. Ухтомский, если сформирована доминанта, то любой раздражитель, даже не связанный по смыслу с доминантой, ускоряет действие этой доминанты, при этом доминанта всегда связана с некоторыми потребностями субъекта [16]. Например, если у адресата речи сформирована доминанта, связанная с негативным отношением к чему-либо или кому-либо, то может быть сформирована установка обвинять это обстоятельство или этого человека во всех неприятностях и трудностях, а затем на ее основе может быть сформирована установка на негативное поведение, нацеленное на устранение этой причины неприятностей. Именно для этого в текстах формируется черно-белая картина мира и образ врага. Исходя из этого, можно утверждать, что пока не созданы доминанта и неосознаваемая установка, а также условия для активизации потребностно-мотивационной сферы и этой установки, прямые призывы к действию не приведут к результату.

Учение о доминанте лежит в основе теории В.П. Белянина об эмоционально-смысловой доминанте текста, которая отражает психический склад (мироощущение) автора текста [5]. Придавая тексту любого функционального стиля речи определенные характеристики, автор создает эмоционально-смысловую доминанту этого текста; при этом автор может отразить свое мироощущение в отношении предмета описания или смоделировать иное, если он знает, какие характеристики должны быть у текста, чтобы вызвать у читателя необходимое психическое состояние. В результате при восприятии текста читатель входит в некоторое когнитивно-эмоциональное состояние, характерное для опре-

252 | деленного психического склада личности. При этом у читателя (если он не осознает воздействие и не сопротивляется ему психологически) формируется нейрофизиологическая доминанта в отношении предмета описания (ситуации, события, человека) и актуализированной в момент восприятия текста потребности читателя (например, текст может актуализировать потребность в самосохранении), а затем и заданная автором неосознаваемая установка. В этом и заключается, с нашей точки зрения, сущность речевого воздействия. Поэтому для выявления характера формируемой текстом неосознаваемой установки необходимо использовать различные теории, описывающие осознаваемое (или потенциально осознаваемое) и неосознаваемое речевое воздействие.

В современной лингвистике наибольшее внимание уделяется исследованию речевого воздействия с помощью выбора содержания, лексики и грамматических конструкций, а также речевых тактик и стратегий, например, исследования Т.А. ван Дейка [9], Т.Г. Добросклонской [10], И.А. Стернина [14], А.А. Даниловой [8], О.С. Иссерс [12], В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыченко [19], О.А. Филипповой [17] и др. Уделяется внимание и неосознаваемому читателем речевому воздействию, например, исследования И.А. Черепановой (роль «точки золотого сечения» медиатекста в воздействии на подсознание человека [18]), Е.Е. Прониной (отражение в медиатексте различных типов мышления [13]), исследуются способы создания эмоционально-смысловой доминанты текста (В.П. Белянин [5]), а также неосознаваемые психологические интерпретации новостного текста на основе потребности в самосохранении (Н.В. Анисина [2; 3]). В то же время мало исследуется целевое назначение эффектов речевого воздействия, то есть мало изучается, для чего автор хочет изменить знания, систему ценностей, эмоциональное состояние читателя, а также какое будущее поведение адресата речи моделирует текст.

Проведение экспериментального исследования эффективности речевого воздействия медиатекста представляется очень трудоемким и затратным, практически невозможным для исследователя-одиночки или небольшой группы исследователей. Кроме того, на каждого читателя или слушателя воздействует одновременно несколько факторов, что еще более затрудняет исследование. Однако исследование медиатекста может позволить выявить намерения автора (как осознаваемые, так и неосознаваемые), а опора на данные психологии доминанты и установки позволит предположить, для чего автор ввел читателя в определенное когнитивное и эмоциональное состояние, для чего активизировал у него определенные потребности и мотивы. Иными словами, опираясь на данные психологии, можно попытаться ответить на вопрос, для чего автор текста выбрал некоторую информацию, оформил ее с помощью определенных лексико-грамматических средств и расположил эти языковые формы в определенной последовательности, сопроводив их определенными иллюстрациями.

Такой системный подход к изучению речевого воздействия неизбежно требует выхода за рамки собственно лингвистического исследования. Однако он позволяет понять роль текста, построенного определенным образом, в управлении обществом. В случае же изучения в этом аспекте текстов школьных учебников по истории, можно выявить социальную технологию управления будущим государства, в результате которой у представителей молодого поколения формируются определенные социально значимые неосознаваемые установки. Например, используя разработанный нами на основе обобщения нескольких научных теорий алгоритм анализа речевого воздействия [2; 3], мы провели анализ нескольких школьных учебников истории [1; 2; 4], рекомендованных министерством, и выяснили, что в некоторых из них формируются негативные неосознаваемые установки. Приведем примеры формирования негативных установок в текстах школьных учебников истории.

Пример 1. В одном из учебников истории [6: 109–110] при описании жизни русского государственного деятеля, правителя Российско-Американской компании и Российских колоний в Америке А.А. Баранова (1746–1819) с помощью отбора лексики, структуры текста и отбора информации создается эмоционально-смысловая доминанта, характерная для темного и печального текстов (терминология В.П. Белянина [5]). В результате у читателя формируется подсознательный страх смерти в отношении деятельности на благо России и чувство жалости по отношению к герою, совершившему подвиг во имя родины: *Будучи уже пожилым и больным человеком... Умер он нищим... Баранов умер. Жаль честного гражданина.* Идея смерти выражена в тексте 6 раз (*после смерти, умер, скончался*), в том числе в точке «золотого сечения» (*Этот высокий и опасный пост он занимал почти до самой смерти*); см. подробнее нашу статью [2]. То есть активизируются потребности в самосохранении (болезнь, смерть) и физиологические (умер он нищим), что формирует у читателя неосознаваемую установку на избегание поведения или деятельности, которые приводят к таким негативным последствиям.

Пример 2. При описании русско-японской войны в одном из учебников истории России для 9 класса [7: 28–29] с помощью выбора действительного или страдательного залога формируется, с одной стороны, образ активного, сильного врага – японской армии, с другой стороны – образ реагирующей на чужие атаки, пассивной российской армии. Кроме того, в тексте сообщается, что при обороне Порт-Артура, несмотря на героизм, мужество и упорство русских защитников, которые вызывали восхищение даже у противника, и на готовность солдат и матросов стоять до конца, командующий войсками Стессель сдал крепость Порт-Артур врагу. Причины данного поступка командующего не объясняются, кроме того, этот поступок командующего никак не оценивается, в отличие от других учебников, в которых говорится, что впоследствии Стессель был осужден за преступление, приравненное к изме-

254 | не, то есть сообщается, что зло (предательство) было наказано. В результате такого отбора информации и лексики у читателя формируется разочарование, непонимание и, следовательно, недоверие к командованию.

В точку «золотого сечения» параграфа «Падение Порт-Артура» поставлен следующий фрагмент (предложение, находящееся непосредственно в точке «золотого сечения», подчеркнуто): *«Командующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин решил перейти в наступление на восточном фланге. Если бы он осуществил это намерение, то японской армии, возможно, было бы нанесено поражение. Однако в последний момент Куропаткин решил не рисковать и отдал приказ об отступлении на север к городу Мукдену»*. По теории И.А. Черепановой, информация данного предложения воспринимается не критически, она сразу идет в подсознание [18], следовательно, после прочтения этого текста у школьника сформируется чувство жалости из-за упущенной победы и недоумения, непонимания мотивов командующего, может быть, возмущения.

В целом данный текст формирует у читателя неосознаваемую установку следующего типа: на войне враг силен, несмотря на мужество, героизм и наличие ресурсов сопротивляться врагу бесполезно, так как командование по неясным причинам прикажет отступать, поэтому доверять командованию в бою опасно.

Пример 3. При описании советско-финляндской войны в тексте параграфа [11: 129–132] формируется образ «своих» и «чужих». В качестве «своих» авторы показали красноармейцев и финский народ, а в качестве «чужих» – руководство СССР и Красной Армии (в тексте выделены значимые для противопоставления «своих» и «чужих» лексико-грамматические средства):

Сталинское руководство полагало, что Красная Армия легко и быстро одержит победу, и западные державы не успеют вмешаться в советско-финляндский конфликт. Была предпринята попытка обмануть международную общественность. С этой целью в день начала войны в СССР было создано «народное правительство Финляндской Демократической Республики» (ФДР) во главе с известным деятелем Коминтерна О. Куусиненом. По замыслу Кремля оно должно было захватить власть в стране и выполнить все советские требования. Однако эта затея провалилась, так как финский народ сплотился вокруг своего законного правительства. Правительство же Куусинена вскоре самораспустилось [11: 130].

Кроме того, описывая начало войны, авторы используют прием аллюзии: *«30 ноября 1939 г. без объявления Советским Союзом войны Финляндии войска Ленинградского военного округа под командованием К.А. Мерецкова перешли границу. В тот же день советская авиация бомбила Хельсинки» [11: 130].* Авторы с помощью синтаксического параллелизма намекают на текст выступления по радио 22 июня 1941 г. В.М. Молотова о начале

Великой Отечественной войны: «Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек». Аналогичная синтаксическая конструкция использована в данном учебнике и при описании начала Великой отечественной войны: «На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу страну. В 3 часа 15 минут тысячи немецких орудий открыли огонь по советским пограничным заставам. Одновременно немецкая авиация начала бомбить города Каунас, Ровно, Лиепая, Минск, Одессу, Севастополь» [11: 137]. В результате такого лексического повтора и синтаксического параллелизма происходит подсознательное (не осознаваемое читателем), ассоциативное приравнивание СССР и фашистской Германии. Этого можно было избежать, используя разные синтаксические конструкции при описании этих двух событий.

В точку «золотого сечения», в которой информация воспринимается некритически и определяет отношение к содержанию текста и событию в целом, поставлен фрагмент, описывающий положение красноармейцев, попавших в окружение. Данный фрагмент оформлен как вставка в основной текст: он выделен шрифтом и напечатан на зеленом фоне. В нем приведен текст радиogramм, хотя не дана ссылка на источник. Текст радиogramм отражает панические настроения, истерику и содержит обвинения руководства в тяжелом положении; текст вставки: «*Некоторые советские соединения попали в окружение. Прорваться к своим удалось далеко не всем. Находясь в окружении, красноармейцы слали радиogramмы: "Люди голодают, доедаем последнюю лошадь без соли и хлеба, началась цинга, больные мрут. Нет патронов и снарядов, выручайте", "Помогите, иштурмуйте противника, сбросьте продуктов и покурить... Почему морите голодом? Окажите помощь, иначе погибнем все". Необоснованные репрессии продолжались в ходе войны. Так, командование 44-й дивизии, попавшей в окружении, было расстреляно перед строем» [11: 131]. В данном фрагменте присутствует экспрессивная лексика, не характерная для стиля военных донесений, а также прямые обвинения командования в тяжелом положении. То есть в точке «золотого сечения» с помощью выбора информации и лексики активизируются потребность в самосохранении и физиологические потребности и указывается нужная авторам причина этого опасного для солдат – обычных молодых людей – положения.*

В отличие от других учебников, в рассматриваемом учебнике не сказано, какие значимые выводы по повышению боеготовности армии были сделаны после окончания советско-финляндской войны, упоминается лишь введение

256 | нового Дисциплинарного устава и новых воинских званий. То есть организационные причины трудного положения, в котором оказались некоторые части, не анализируются, не указано, как эти причины были устранены впоследствии, вместо этой рациональной информации дана другая, вызывающая у читателя определенные эмоции.

Таким образом, текст параграфа с помощью такого речевого воздействия формирует у школьников отрицательное отношение к правительству своей страны, к службе в армии, к военному руководству, к защите родины, создает неосознаваемую установку на истерику и панику в трудный момент.

***Пример 4.** Важную роль в формировании установки играет оценка авторами текста конкретных действий и личных качеств политиков, их мотивации. В следующем тексте противопоставляются мудрость и хитрость, мудрый политик и тонкий дипломат: «Союзники известили СССР о своем решении не открывать в 1943 году второй фронт в Европе. Сталин выразил неприкрытое разочарование. После победы под Курском Рузвельт, мудрый политик, изменил свое отношение к этому вопросу. Главный мотив такого решения – возрастающая мощь Красной Армии ... Конференция «большой тройки» проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Сталин проявил себя дипломатом – он сумел тонко сыграть на некоторых противоречиях между Черчиллем и Рузвельтом. После острых дискуссий стороны договорились, что высадка союзников в Северной Франции (операция «Оверлорд») произойдет в мае 1944 г.» [11: 201].*

В данном отрывке позитивно оценивается модель поведения Рузвельта, наблюдавшего со стороны за тяжелой борьбой народа Советского Союза и выжидавшего, кто же победит; он назван мудрым политиком. Из этого учащиеся должны уяснить, что не надо помогать жертве агрессии, лучше подождать, когда будет понятно, кто побеждает, и помочь победителю; в этом и заключается мудрость. То есть происходит подмена понятия: хитрость названа мудростью.

Таким образом, приведенные примеры речевого воздействия из текстов школьных учебников истории, с нашей точки зрения, могут формировать у школьников негативные доминанты и неосознаваемые установки, опасные для будущего России. Как нам представляется, вопрос о формируемых в школьных учебниках неосознаваемых установках в отношении защиты отечества, деятельности на благо родины, доверия командованию в боевых условиях, поведения солдата в бою должен быть в центре внимания государства и, может быть, регулироваться законом, поскольку эти установки связаны с безопасностью государства. Хотя данные тексты не содержат прямых призывов, они формируют неосознаваемые установки на эмоциональное отношение, оценивание и поведение, которые могут быть активизированы в ситуации опасности (реальной или иллюзорной) с помощью прямых призывов. Именно

в данном контексте необходимо рассматривать проблему формирования недоверия и разжигания ненависти в отношении некоторой социальной группы (в приведенных примерах – к командованию собственной армии). Поэтому необходимы дальнейшие исследования проблемы речевого воздействия и научно обоснованное и законодательно закрепленное определение того, что следует считать «разжиганием ненависти».

Литература

1. Анисина Н.В. Использование поликодовой коммуникации в целях создания у адресата речи искаженной картины мира (на материале школьных учебников истории) // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов / под общ. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: ЯГПУ, 2013. С. 14–17.
2. Анисина Н.В. Лингвистические основы обучения анализу речевого воздействия учебно-научного текста исторической тематики // Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 22. Vol. 2. P. 28–34. – URL: <http://www.njd-iscience.com/arhiv/>.
3. Анисина Н.В. Лингвистические технологии формирования неосознаваемой установки в новостном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61). Ч. 1. С. 54–59.
4. Анисина Н.В. Речевоздействующий аспект учебно-научного текста в работе редактора (на примере школьных учебников истории для 9 класса) // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: труды XIII Междунар. научно-практ. конф. СПб.: СПбГПУ, 2013. С. 118–120.
5. Белянин В.П. Психологическое литературоведение: Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.
6. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 13-е изд. М.: Просвещение, 2012. 287 с.
7. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России. XX – начало XXI века. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 9-е изд. М.: Просвещение, 2012. 382 с.
8. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет: КДУ, 2009. 234 с.
9. Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2015. 352 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 203 с.
11. Измозик В.С., Журавлева О.Н., Рудник С.Н. История России: 9 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2011. 352 с.
12. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, ЛКИ, 2008. 288 с.

- 258 | 13. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: МГУ, 2003. 320 с.
14. Стернин И.А. Основы речевого воздействия: Учебное издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
15. Узнадзе Д.Н. Теория установки. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 448 с.
16. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
17. Филиппова О.А. Обучение эмоциональному речевому воздействию: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта, 2018. 144 с.
18. Черепанова И.А. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М.: КСП+, 2000. 464 с.
19. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: Лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: URSS, 2018. 200 с.

N. V. Anisina

LINGUISTIC TECHNOLOGIES OF THE UNCONSCIOUS POSITION FORMATION AND THE FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract: In determining what is “incitement to hatred”, it is customary to rely on the linguistic definition of the word “incitement”, and not on the scientific concept, fixed by the term. The article shows that in defining this concept it is necessary to rely on the data of psychology of higher nervous activity, in particular, on the teaching of A.A. Ukhtomsky about the dominant and D.N. Uznadze on the unconscious position. In order for an open appeal in the text to lead to a real human action, first it must have an unconscious position, that is, a willingness to assess a situation and/or act in it according to a certain pattern. Therefore, texts that form a negative attitude with the help of linguistic technologies are a danger to society, although they do not contain an open appeal.

Keywords: media linguistics, linguistic manipulation, unconscious position, psychological impact of mass media, structure of micro- and macrotex, uncritical acceptance of information, interpretation of events in a news text.

Е. Б. Кужевская

kougevskaya@gmail.com

*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия*

Е. И. Смык

ekaterina.smyk.91@mail.ru

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры деятельности
ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной
подготовки Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия*

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена определенным достижениям психолингвистики XX–XXI веков России и Запада, которые могут найти свое применение в юридической практике современной России. В данной статье рассматриваются современные психологические и психолингвистические представления и подходы, которые способствуют более детальной оценке поведения человека при ведении допроса и в целом на этапе предварительного расследования. Приводятся примеры из судебно-следственной практики.

Ключевые слова: психолингвистика, психология, юриспруденция, речевые стратегии, теория Браун-Левинсона.

В последнее время развитие научного знания все больше находит свое отражение в междисциплинарном пространстве. Современная наука характеризуется возрастающей ролью междисциплинарных исследований. Появление новых научных направлений и дисциплин происходит на стыке различных наук и те знания и достижения, которые ранее считались не совместимы и не сопоставимы, начинают переплетаться и «черпают» свой арсенал из других – двух или нескольких научных областей. Такое «переплетение» позволяет научным дисциплинам взаимно влиять друг на друга, решать и исследовать не отдельно взятые феномены, а целые комплексы явлений. И здесь особое место занимает Лингвистика. Уже широко известны такие разделы языкознания, как психолингвистика (считается, что возникла она в середине XX века) и прагматика.

Здесь хочется напомнить, что психолингвистика – дисциплина, которая находится на стыке психологии и лингвистики и изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания. Среди многого другого психолингвистика зани-

260 | мается изучением функций речевой деятельности в человеческом обществе и исследованием связи между речевыми сообщениями и характеристиками участников коммуникации (то есть превращение намерений говорящего в сообщения и интерпретация их слушающим). В свою очередь, прагматика изучает отношения между знаковыми системами (можно сказать, языком) и теми, кто их использует, и также сами условия использования говорящим того или иного языкового знака.

Эти разделы языкознания получили свое развитие благодаря западным и российским ученым. Английский психолог Пол Грайс еще в середине XX века сформулировал так называемый Принцип Кооперации, состоящий из четырех Максим, следуя которым коммуниканты достигнут наилучшего результата своего речевого взаимодействия самым эффективным способом [21: 41–58]. Эти исследования продолжил другой специалист в области английского языка и лингвистики Джеффри Лич. Его Принцип Вежливости отсылает к этическим нормам [22]. Еще ранее (в начале XX века до так называемого возникновения психолингвистики и прагматики) американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф внесли неоценимый вклад в лингвистическую типологию и социоллингвистику. Им принадлежат пионерские достижения в указанных областях языкознания. В своих работах Сепир высказывал некоторые идеи, близкие «гипотезе лингвистической относительности» [13; 14: 127–138, 139–156], которую затем наиболее последовательно сформулировал Бенджамин Ли Уорф [16: 255–281]. Поэтому эта гипотеза известна под названием гипотеза Сепира – Уорфа, согласно которой, сам язык, в свою очередь, влияет на менталитет и мировосприятие его носителя, а также на его когнитивные способности. Все вышеизложенное, опираясь на понятия, введенные американским социологом И. Гофманом [19: 213–231], легло в основу теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [18]. Эта теория является, можно сказать, «сквозной», т. е. функционирующей во всех языках. Представляя и публикуя свою довольно молодую теорию, сами авторы П. Браун и С. Левинсон приводили все примеры на двух языках, относящихся к разным языковым семьям, тем самым показывая, что постулаты и выкладки их теории относятся к человеку самому и находят свое выражение при речевом акте и взаимодействии. В рамках теории П. Браун и С. Левинсона были проведены и проводятся разные исследования за рубежом и в России в области лингвистики и смежных дисциплин.

Вклад российских лингвистов вряд ли можно переоценить. Это и классики отечественной психологии, педагогики и лингвистики, такие как, Л.С. Выготский [5], Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые первыми в России заговорили о связи лингвистики и психологии и культуры. А также современные лингвисты, проводящие исследования, пишущие и развивающие психолингвистику и прагматику: С.Г. Тер-Минасова [15: 27–31], Г.Р. Власян

[4: 76–81], Т.В. Ларина [11], Н.И. Формановская [17], Л.Г. Давыденко [7: 96–100], Т.Н. Кузьмина [10: 200–205], С.Е. Зайцева [9: 394–400] и другие.

Авторы данной статьи предпринимают попытку обозначить связь, значение и практическое применение психологии, психолингвистики и прагматики в юридической практике, т. е. развить междисциплинарные связи обозначенных наук и юриспруденции.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что юриспруденция, как наука, не осталась в стороне от современной тенденции «движения в сторону междисциплинарного пространства». Все острее она нуждается в специальных знаниях, возможностях и достижениях других наук, на первый взгляд и не связанных с ней. Общеизвестна взаимосвязь юридической науки с медициной, психиатрией, политологией, социологией и многими другими. Прослеживается связь юриспруденции и лингвистики [6: 32–38], которая обусловлена тем, что по своему происхождению право связано с языком, в нем оно находит объективное отражение, и посредством него познается [2: 125]. Реальность, находящаяся в плоскости юриспруденции представляется человеку словами в виде текста. Фактической формой отражения права есть текст, в связи с этим справедливо утверждение о том, что «нет ничего юридического, что бы ни было лингвистическим» [2: 125].

Юридическая сфера – в особенности стадия предварительного расследования уголовных дел, вот та проблемная область, в которой чаще всего реализуются противоположные коммуникативные стратегии, возникают проблемы понимания и непонимания (специального и случайного) речи и здесь необходима «помощь» смежных научных областей.

При расследовании уголовных дел современному следователю (дознавателю) нередко приходится применять в своей деятельности дополнительные знания, и все чаще из других научных областей. Это характерно больше для ситуаций речевого акта (коммуникации), когда необходимо установить психологический контакт с собеседником, «вывести» его на разговор, что актуально при производстве отдельных следственных действий, например, допроса, когда лицо, не желая давать показания, либо отказывается от их дачи, либо сообщает ложные сведения. В таком случае следователь (дознаватель) вынужден обращаться за знаниями из области психологии и лингвистики. И хорошо, если есть куда обратиться за такими знаниями и есть что применять... Решение данного вопроса лежит в плоскости междисциплинарного направления, которое возникло на стыке двух наук – психологии и лингвистики – в плоскости психолингвистики.

Использование достижений и возможностей психолингвистики с целью разрешения многих юридических процессов становится одним из перспективных направлений развития юриспруденции. Это обусловлено тем, что, во-первых, процессы, происходящие в общественной жизни, находят отра-

262 | жение в индивидуальном сознании каждого человека в виде определенных мыслительных (познавательных) образований. Во-вторых, психолингвистические средства дают возможность осуществить детальный анализ самих мыслительных процессов. Здесь можно сказать, что цель психолингвистики заключается в том, чтобы через описание процедур речевой деятельности объяснить причины выбора и (или) создания определённой формы для определённого содержания [3: 209].

Попытаемся определить в общих чертах области соприкосновения психолингвистики и юриспруденции:

1. Участниками правовой системы общества, а если говорить предметно, то участниками уголовного судопроизводства являются конкретные люди, имеющие определённый статус (свидетель, потерпевший, подозреваемый и т. д.), которые обладают определённым набором представлений, установок, чувств и эмоций и преследуют определённые цели, руководствуясь в своих действиях конкретными мотивами, интересами (в том числе, и речевыми) и т. д.

И здесь на наш взгляд будут весьма полезны понятия «Positive Face» и «Negative Face», впервые введенные И. Гофманом [20: 338–343], и на базе которых П. Браун и С. Левинсон создали свою теорию Универсалий Вежливости [18]. Понятия «Positive Face» и «Negative Face» являются, можно сказать, представлениями человека о самом себе (осознанными и неосознанными), характеристиками, указывающими на то, как человек хочет, чтобы его воспринимали другие и обращались к нему в соответствии с его представлениями. Т. о., правильно определив эти характеристики человека (т. е., будучи знакомым с изысканиями И. Гофмана), можно понять его глубже и лучше, чем он даже сам того хочет или может подумать. А теория Универсалий Вежливости П. Браун и С. Левинсона указывает разнообразные и вполне конкретные речевые стратегии (способы, методы, пути речевого поведения), соответствующие «Positive Face» или «Negative Face», и тем самым помогающие установлению надлежащего контакта с человеком, чьи характеристики и представления обозначили вышеуказанные понятия И. Гофмана. Можно с уверенностью сказать, что эти понятия и представления будут способствовать лучшему пониманию следователем человека, находящегося перед ним и, соответственно, помогут получить более детальные представления об истинных мотивах поведения конкретного участника уголовного судопроизводства. Понять, что он хотел сказать или же скрыл какую-то информацию.

2. Социально-коммуникативный и психический аспект юридического языка. Коммуникация представляет собой одну из основных форм социального взаимодействия, представляющего иногда конфликтный характер. С целью недопущения последнего, а также для правильного понимания содержания сказанного собеседником следует учитывать психологические особенности личности.

3. Прикладной характер исследуемых научных областей. В данном случае речь идёт о межпредметных связях, имеющих большое значение для правильного понимания логики развития юридической науки, грамотной постановки вопросов, правильного уяснения содержания сказанного и выявления недосказанного.

Психолингвистика с помощью своих средств позволяет с психологической точки зрения объяснить те или иные языковые факты, понять смысл сказанного собеседником, выявить причины речевого поведения своего респондента в той или иной коммуникативной ситуации.

4. Юриспруденция является коммуникативно ориентированной областью, в которой присутствует психический компонент, реализуемый конкретным индивидом.

Коммуникативный процесс, включающий в себя создание, восприятие, передачу, обмен речевой информацией может возникать и обладать специфическими характеристиками только при наличии психической (интеллектуальной) деятельности человека.

Методологический «инструментарий» психолингвистики способствует детальному исследованию закономерностей и специфики становления и функционирования процесса коммуникации.

Так, присутствие в речи конкретного индивида лжи, нехарактерного стиля поведения может быть обусловлено различными факторами. Например, в случае тревоги, беспокойства появляется эмоциональное напряжение, которое заставляет человека использовать в своей речи определённые слова (маркеры), свидетельствующие либо о явном нежелании говорить правду и всяческим образом скрыть истинную информацию, либо свидетельствующие о том, что респондент что-то недоговаривает и сообщает информацию, не относящуюся к событию, причем в большем объеме, чем относящуюся к существу беседы.

Выявить и понять это позволяет теория речевых стратегий [18], знание которой значительно повышает профессиональную компетентность следователя (дознателя).

Психолингвистическая теория речевых стратегий «показывает», что для достижения успеха и необходимого коммуникативного результата следует обращать внимание, не только на то, что человек говорит, но и на то, как он говорит. Об этом еще в первой половине XX века говорил П. Грайс [21: 41–58], а в конце XX столетия учеными-психолингвистами была разработана теория [18], которая позволяет определить какую стратегию лучше всего применить при разговоре с собеседником, чтобы достичь успеха в процессе коммуникации. Выбор той или иной стратегии обусловлен знанием личностных особенностей своего собеседника.

Речевая стратегия... данное понятие разные ученые определяют по-своему, но в главном все они схожи.

Речевая стратегия – это совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей общения... организацию говорящим (пишущим) в соответствии с определённым мыслительным планом, условиями общения, ролевыми и личностными особенностями партнеров, традициями общения и др., а также своего речевого поведения [12]. Речевая стратегия должна быть определена как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативного результата, который состоит из процесса планирования речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов и реализации этого плана.

В рамках рассматриваемой теории речевых стратегий существует множество стратегий, которые могут быть полезны для установления психологического контакта с собеседником.

Считаем необходимым привести ряд примеров реализации речевых стратегий, которые могут быть полезны для работы следователя (дознателя).

1) *Включение и говорящего и слушающего в общее дело (Include both S and H in the activity)* [18: 127].

Примеры:

– Давайте припомним некоторые события... [1: 56].

– Давайте уточним... [1: 26].

– Теперь давайте подумаем, как смог забраться на эту высоту подросток лет 12–13? [1: 24]

Маркером представленной речевой стратегии является выражение «давайте». Используя эту стратегию говорящий (в ситуации ведения допроса – следователь/дознатель) стремится вовлечь своего собеседника (допрашиваемого) в конструктивный диалог. Стараются показать свою добрую волю, ставит себя, в некотором смысле, наравне с собеседником (допрашиваемым лицом), тем самым сокращая дистанцию между собой и допрашиваемым.

Согласно теории Браун-Левинсона применение этой стратегии принесёт положительный результат в ситуации, когда для установления психологического контакта целесообразнее сократить «дистанцию», разговаривать менее официально, демонстрируя дружелюбие. Это характерно для беседы с детьми; людьми, остро нуждающимся в поддержке и понимании, желании, чтобы вошли в их положение; представителями той культуры, для которой свойственен более тесный контакт при общении или демонстрация такого контакта (в действительности его может и не быть).

2) *Стратегия, маркерами которой считаются выражения типа: «я думаю/полагаю/предполагаю».*

Реализация этой стратегии характерна для ситуации коммуникативного акта и установления психологического контакта с людьми, не готовыми к тесному общению. Употребляя выражения «я думаю/полагаю/предполагаю», следователь (дознатель) подчеркивает, что произносимое им выражение

является только его мнением и для того, чтобы разрешить тот или иной вопрос, необходимо мнение собеседника. Тем самым следователь (дознатель) как бы «подталкивает» допрашиваемое лицо к даче показаний. Иными словами происходит ситуация, провоцирующая собеседника высказаться по-своему, не навязывая своё мнение, своё видение ситуации.

Примеры:

– как Вы объясните этот осадок. Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили, поэтому в одном бокале есть осадок. А в двух других нет [8: 281].

– Я полагаю, что неплохо было бы пригласить Вашего приятеля... [8: 329].

Отметим, что ценность теории речевых стратегий заключается в том, что ее можно использовать и «в обратную сторону». То есть, следователь (дознатель), обладая знаниями психолингвистической теории речевых стратегий и осуществляя расследование по уголовному делу, услышав в ходе допроса в речи допрашиваемого лица маркеры, характерные для той или иной речевой стратегии (скорее всего употребленные собеседником непроизвольно, неосознанно), сможет лучше понимать ход мыслей и речевых поступков допрашиваемого, чем сам допрашиваемый об этом догадывается.

В показаниях допрашиваемого лица применение им той или иной стратегии выглядит следующим образом, например: «...Гражданина Н. я знал раньше до ДТП, вместе с ним работали, не знал, что он был лишен права управления транспортными средствами. Меры чтобы гражданка И. уехала домой из больницы не предпринимал. Считаю, что гражданин Н. дает показания против меня из-за неприязненных отношений, что я не помог ему остаться без наказания по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. Гражданку И. я не видел на месте ДТП, может она спряталась, не хотела семейного скандала, огласки» [23].

Еще примеры: «...В феврале 2009 года я обращалась опять по рекомендации родственников в пенсионный фонд с тем, чтобы назначили пенсию в большем размере. Я не знала, что необходимо сообщить об отчислении с учебного заведения, я считала, что Пенсионный фонд сам должен следить за изменением условий получения пенсии пенсионерами. Понимаю, что мне совершеннолетнему трудоспособному лицу назначают пенсию лишь потому, что, являюсь сиротой, обучаюсь очно, знаю, что выплаты при сохранении этих условий возможны до 23 лет...» [24].

«Какие именно взаимоотношения в семье, где воспитывается Т., я не знаю, кто занимается ее воспитанием, мама или бабушка, кто ухаживает за ней, я также не знаю, она (ребенок) этим с ней не делилась и ничего ей не рассказывала, но могу предположить, что между родителями ребенка напряженное и конфликтное общение. 22.09.2011 года позвонили сотрудники полиции и сообщили мне о том, что в семье З. произошел конфликт...» [25].

Анализируя представленные выше примеры, следует вывод о том, что давая показания, допрашиваемое лицо излагает не полные данные по суще-

266 | ству расследуемого события либо по причине нежелания сообщить точную и достоверную информацию с целью «пустить» следствие по ложному пути, либо по причине незнания всех обстоятельств происшедшего события (в этом случае показания допрашиваемого лица подлежат проверке). В приведенных примерах допрашиваемое лицо изначально сообщает факты, после чего переходит к высказыванию своего мнения, используя словосочетания *я считаю, могу предположить*. Таким образом, допрашиваемый переходил к субъективной оценке случившегося, тем самым желая уклониться от прямого ответа.

Таким образом, владение теорией речевых стратегий открывает широкие возможности для качественного производства отдельных следственных действий, что позволяет избежать тех или иных ошибок при расследовании уголовных дел в целом.

Уже сегодня следует выносить на повестку дня вопрос о формировании нового научного направления, соединяющего в себе юриспруденцию и психолингвистику, именно формирования, а не просто использования «инструментария» одного научного направления для нужд другого.

Литература

1. Безуглов А.А. Кража // Советская милиция. № 1 / 31. М. 1985. 79 с.
2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Перспективные направления лингвистической подготовки юристов: новые формы интеграции лингвистики и права // Юрист-Правовед. 2017. № 2 (81). С. 125–130.
3. Бутакова Л.О. Лингвистическая диагностика социальных процессов: психолингвистический аспект // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 209–214.
4. Власян Г.Р. Стратегия уклонения от прямого ответа в разговорном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 76–81.
5. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с. (Серия «Мир психологии»).
6. Горшенева И.А., Кужевская Е.Б., Смык Е.И. Речевые стратегии в юридическом дискурсе // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике: сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Санкт-Петербург, 2019. С. 32–38.
7. Давыденко Л.Г., Гаспарян Р.Я., Музыченко А.Б. Реализация постулатов речевого общения в коммуникации в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 2. С. 96–100.
8. Дойл А.К. Записки о Шерлоке Холмсе: пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И.В. Шабловской. Мн.: Нар. асвета, 1984. 365 с.

9. Зайцева С.Е. Коммуникативность как главная черта современного урока иностранного языка // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № S15. С. 396–400.
10. Кузьмина Т.Н. Категоричность в свете стратегической коммуникации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 200–205.
11. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. М., 2009. 512 с.
12. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: ИКАР. 2009. 448 с.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А.Е. Кибрика. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 2002. 656 с.
14. Сепир Э. Статус лингвистики как науки; Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 127–138; 139–156. 576 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Языковая политика России в условиях глобализации // Языки и культуры в современном мире: сб. материалов XI Международной конференции. Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ). Российский центр науки и культуры в Париже. Постоянное представительство России при ЮНЕСКО. Посольство Российской Федерации во Франции (г. Париж). 2014. С. 27–31.
16. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II.
17. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
18. Brown, P. and Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press. 345 p.
19. Goffman, E. (1955). *On-Face Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction*, *Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations* 18:3, 213–231.
20. Goffman, Erving. (2010). «On Face-Work» in *Social Theory: The Multicultural Readings (2010)* edited by C. Lemert. Philadelphia: Westview Press, pp. 338–343.
21. Grice, P. (1975). «Logic and conversation». In Cole, P.; Morgan, J. *Syntax and semantics.3: Speech acts*. New York: Academic Press, pp. 41–58.
22. Leech, G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. L.: Longman, 1983. 257 p.
23. Архив Кугарчинского районного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-22/2012. Приговор от 23 марта 2012 года.

- 268 | 24. Архив Урупского районного суда Карачаево-Черкесской Республики. Уголовное дело № 1-6/2013. Приговор от 31 января 2013 г.
25. Архив судебного участка № 70 Советского района г. Тулы. Приговор от 24 января 2012 г.

Е. В. Kuzhevskaya, E. I. Smyk

PSYCHOLINGUISTICS AND LAW: POINTS OF CONTACT

Abstract: The article is devoted to the certain achievements of psycholinguistics XX–XXI centuries in Russia and the West, which can find their application in the legal practice of modern Russia. This article discusses modern psychological and psycholinguistic ideas and approaches that contribute to a more detailed assessment of human behavior during interrogation and in general at the stage of preliminary investigation. The examples from forensic investigations are given.

Keywords: psycholinguistics, psychology, law, conversational strategies, Brown-Levinson theory.

Т. М. Надеина

tanadeina@yandex.ru

*доктор филологических наук, профессор Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия*

Е. А. Чубина

chubina@mail.ru

*кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия*

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ

Аннотация. Раскрывается сущность проективных методов исследования, сфера применения ассоциативных экспериментов и ошибки, которые встречаются при их проведении. Сделан вывод о том, что использовать ассоциативные эксперименты в судебных лингвистических экспертизах допустимо при условии соблюдения научно обоснованной процедуры и применения методов математической статистики.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, судебная лингвистическая экспертиза, экспертиза товарных знаков, достоверность результатов.

Одной из актуальных задач судебного речеведения является «создание единого и общепринятого как для государственных, так и негосударственных судебных экспертов сертифицированного научно-методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы, базирующегося на методах, соответствующих принципам судебно-экспертной деятельности, допустимости которых для использования в судопроизводстве не вызывает сомнений» [3: 35]. Эта проблема неоднократно обсуждалась в научной литературе.

Все исследователи единодушны во мнении о том, что эти методы должны соответствовать общим принципам судебно-экспертной деятельности: законности, проверяемости, воспроизводимости, объективности и пр. При этом, по справедливому мнению Е.И. Галяшиной, особо актуальная проблема заключается «не только и не столько в применении лингвистических знаний, сколько в получении объективных и непротиворечивых выводов, не зависящих от научных школ или вкусовых предпочтений лиц, выступающих в качестве экспертов-лингвистов» [3: 32].

Одним из аспектов этой проблемы являются отмеченные А.Н. Барановым [1] недостатки, имеющие место при формулировании системы применяемых методов в экспертном заключении (неоправданная глобальность, неопределенность, недостаточная информативность, невозможность воспроизведения другими исследователями, многочисленность).

Другой, более важный аспект – уместность применения отдельных общенаучных и частнонаучных методов в практике проведения лингвистической экспертизы – трактуется неоднозначно как с точки зрения сущности некоторых методов, так и с точки зрения принципиальной возможности их использования в судебных целях.

А.Н. Баранов [1] выделил ряд традиционных лингвистических методов (словарного анализа, синонимических преобразований, экспликации, реферирования, анализа речевых актов и др.), которые применяются в лингвистической экспертизе и которые, по его мнению, являются приемлемыми для судебно-экспертной деятельности.

Однако по мнению Е.И. Галяшиной [2; 3], методы реферирования, аннотирования, синонимических преобразований, интерпретации в лингвистической экспертизе недопустимы, поскольку противоречат принципу непосредственности вещественных доказательств, действующему при судебном разбирательстве во всех видах судопроизводства. Согласно этому принципу, вещественные доказательства должны быть представлены для судебного исследования неизменными, поэтому подмена одного объекта исследования другим, в том числе искусственно сконструированным или выдуманным экспертом, не допускается [3: 32]. В частности, «метод интерпретации, исходящий из теоретических положений, что значения знаков существуют только как отражения в мозгу интерпретатора процессов восприятия речи, т. е. виртуальных следов в терминологии криминалистики — неприменим для судопроизводства, где объектами судебных экспертиз выступают материальные, а не виртуальные следы» [3: 34].

Понятия «виртуальные следы», «фантомы», «подмена объекта» в принципе могут иметь отношение и к довольно распространенным в настоящее время ассоциативным экспериментам, широко используемым в психолингвистических и когнитивных исследованиях. Такие эксперименты находят применение также и в лингвистических экспертизах – главным образом, товарных знаков и в отдельных случаях – в экспертизе рекламы. На первый взгляд, в этих случаях также можно говорить о том, что при обращении к мнениям испытуемых происходит подмена объекта (эксперт исследует не собственно речевой продукт, а ассоциации участников эксперимента, т. е. «виртуальные следы» этого продукта). Кроме того, эксперт фактически самостоятельно собирает доказательства, подбирая группу реципиентов и разрабатывая комплекс вопросов [16].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать сущность проективных методов исследования и, в частности, метода ассоциаций, относящегося к классу проективных, и оценить возможность их использования в судебных лингвистических экспертизах в аспекте получения объективных, достоверных, верифицируемых результатов.

Суть проективных методов исследования. Проективный метод является одним из методов исследования личности, который позволяет выявить «проекции» в сознании респондента, т. е. «процессы и результаты постижения и порождения значений, заключающиеся в осознанном или бессознательном перенесении субъектом собственных свойств, состояний на внешние объекты» [12: 295]. Эти процессы осуществляются под влиянием доминирующих потребностей, смыслов и ценностей субъекта.

В психологии проективные методы исследования базируются на понятии проекции, которое впервые появилось в психоанализе и принадлежит Зигмунду Фрейду. Проекция рассматривалась им в качестве одного из защитных механизмов в случае конфликта между бессознательными влечениями индивида и установками общества. По Фрейду, конфликт изживается именно благодаря проекции.

Термин «проективные» был введен Лоуренсом Фрэнком для обозначения непрямых способов оценки личности, которые позволяют «проецировать» на некоторый материал чувства, потребности, установки индивида и его отношение к жизни. Другими словами, проективные методики предполагают осуществление человеком символического переноса содержания своего внутреннего мира на внешние предметы.

К классу проективных методов относится метод ассоциаций, при котором от испытуемого требуется отвечать на стимул первой пришедшей в голову мыслью или возникшим чувством.

Первые проективные методики, разработанные К. Юнгом, были основаны на изучении ассоциаций людей, когда они рассматривали разные картинки. В конце XIX – начале XX века появились тесты, в которых использовались карточки с абстрактными разноцветными или монохромными пятнами. Они оказались настолько эффективны, что до сих пор одной из самых популярных и востребованных проективных методик считается тест чернильных пятен Роршаха, который применяется в психодиагностике, а также в судебной экспертизе.

В социологии ассоциации трактуются как проявления взаимосвязи между каким-либо объектом, явлением или процессом социальной реальности (подлинной или воображаемой) и возникшей реакцией индивида в определенный момент времени [7]. Ассоциации у респондента, с одной стороны, отражают его личный жизненный опыт, а с другой стороны – социальный опыт общностей, групп, в которые он включен. Они могут не иметь ничего общего с реальной действительностью, так как на них оказывают влияние

272 | стереотипы, традиции, социализация, СМИ и много других факторов, вследствие этого отражение действительности в восприятии респондента становится искаженным, трансформированным. Однако независимо от действующих факторов ассоциации предоставляют исследователям сведения о поведении, действиях и системе ценностей индивида.

Социологи приходят к выводу, что проведение ассоциативных исследований может быть полезно практически на любом этапе исследования, однако речь не идет о полном переходе на психологические проективные методы исследований, а скорее о включении отдельных ассоциативных элементов в опросник [7].

В психолингвистике предметом многих исследований являются ассоциативные значения слов национального языка, которые в рамках методологического подхода Московской психолингвистической школы «трактуются как образы языкового сознания, отражающие знания о мире носителя языка/культуры» [14: 13].

Базовым при таком подходе является понятие «значение слова», т. е., согласно А.А. Леонтьеву, субъективное содержание знакового образа, которое у разных индивидов всегда совпадает по отнесенности к данному конкретному предмету, но может различаться по содержанию, как идеальному (отнесенности к социальной действительности), так и субъективному. Объектом психолингвистического эксперимента «всегда является субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним. Именно потому такой эксперимент и является объективным, научным, что само это субъективное содержание ... является лишь относительно субъективным» [9: 63]. По мнению А.А. Леонтьева, исследование ассоциаций является «необходимой предпосылкой для создания теории речевой деятельности, или, если смотреть на дело с точки зрения обучения языку – теории владения языком» [10: 10].

Опираясь на этот методологический подход, можно утверждать, что значение языкового знака представляет собой его образ, сформированный в сознании, и в процессе смыслового восприятия, или интерпретации, языковых единиц индивид оперирует именно такими образами (как бы их ни называли: «концептами», «понятиями» и т. п.). Следовательно, значения слов, высказываний, текстов в сущности являются их «виртуальными следами», и это объективная реальность, особенность психики и сознания. Поэтому, на наш взгляд, некорректно отрицать приемлемость лингвистических методов анализа, связанных с интерпретацией содержания речевого материала, для целей судебных лингвистических экспертиз. Здесь фактически нет никакой «подмены объекта», поскольку языковые единицы неотделимы от образов сознания.

Поскольку образы сознания недоступны для непосредственного наблюдения, для их исследования в психолингвистике и когнитивной лингвистике применяется метод ассоциаций, реализуемый в ассоциативных экспериментах

различных видов (свободный, направленный и пр.). Н.В. Уфимцева подчеркивает, что ассоциативный эксперимент позволяет сделать доступным для анализа содержание сознания индивида, как правило, скрытое от внешнего наблюдателя, поскольку овнешняет его средствами языка [15: 243]. В отечественной психолингвистике экспериментальный метод исследования обыденного сознания успешно используется уже более 40 лет – сначала в виде исследования внутреннего лексикона (Тверская психолингвистическая школа), а затем с 90-х годов прошлого века, как исследования языкового сознания (Московская психолингвистическая школа). Все эти исследования ведутся на материале ассоциативных баз данных, полученных методом свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями разных языков [15: 245].

Таким образом, метод ассоциаций, как и прочие проективные методы, можно считать обоснованными в теоретических разделах психологии, а методики исследования – апробированными и оптимизированными применительно к решению конкретных задач и к конкретно выбранному объекту. Хотя научная обоснованность ассоциативных методик и их практическая значимость не вызывает сомнений, они не лишены недостатков, которые присущи проективным методам в целом.

Недостатки проективных методик. Главная особенность проективных методик заключается в разнообразии возможных реакций (ответов испытуемых) на объект-стимул, вследствие чего обработка полученных результатов весьма трудоемка.

Основным недостатком проективных методик является нестандартизованность определения показателей и отсутствие нормативных данных. При недостаточном опыте работы с данной группой методов это может привести к субъективизму в интерпретации полученных данных [6: 7].

Как отмечает М.Л. Дёмина, характеризуя тесты Роршаха и ТАТ (тематический апперцепционный тест), «результаты, полученные при помощи одной и той же методики, могут быть по-разному истолкованы и, следовательно, сам по себе выбор методики или методик еще не может обеспечить адекватное понимание феномена фантазирования. Данные, добытые в результате применения одних и тех же методик, как было сказано ранее, могут получить разные трактовки с позиций различных концепций» [5: 23].

Существует и другая проблема, связанная с тем, что кажущаяся «простота» проективных тестов привлекает к ним не слишком опытных психодиагностов, которые, не владея техникой, опытом и достаточным объемом качественных знаний, зачастую допускают ошибки, чем вызывают скептическое отношение к возможности использовать данные приемы в качестве диагностики психических состояний личности [4].

Не лишены указанных недостатков и работы лингвистов, применяющих ассоциативные методы, в частности, при экспертизе товарных знаков.

274 | Рассмотрим в качестве примера процедуру ассоциативного эксперимента и обработки его результатов, изложенную в учебном пособии М.Е. Новичихиной и И.А. Стернина [11].

Раздел, посвященный методам, используемым в процессе лингвистической экспертизы товарного знака, авторы начинают с характеристики ассоциативного метода, тем самым как бы подчеркивая его особое значение при экспертизе товарного знака в целях выявления ассоциативного сходства/несходства коммерческих обозначений.

Излагаются требования, предъявляемые к проведению массового ассоциативного эксперимента, сформулированные Ю.Н. Карауловым [8], которые касаются инструкции для испытуемых, статистической обработки результатов и способа представления результатов.

Далее авторы разъясняют процедуру подсчета коэффициента ассоциативного сходства (КАС), который определяется как «отношение количества респондентов, предложивших сходные ассоциации, к общему числу опрошенных, выраженное в процентах» [11: 16]. При этом не указывается, какими научными данными (из области математической статистики, лингвистики, психологии или др.) обоснована релевантность такого показателя. Авторы отмечают только, что «выносить заключение об ассоциативном сходстве до степени смешения можно лишь в тех случаях, когда коэффициент ассоциативного сходства заметно превышает 50 %» [Там же]. Возникают закономерные вопросы: насколько «заметно превышает»; как это согласуется с вероятностно-статистическими критериями достоверности различий между значениями переменных (хи-квадрат, Стьюдента и пр.)?

Рассмотрим на конкретном примере, как реализуется на практике предлагаемая авторами методика ассоциативного эксперимента.

В приложении 2 к учебному пособию приведена лингвистическая экспертиза «словесного обозначения элемента *HELMAR* соответствующего комбинированного обозначения» [11: 31], в которой наряду со звуковым и смысловым сходством анализируется ассоциативное сходство обозначения *HELMAR*: (1) с заявленным на регистрацию обозначением *HELMAN*; (2) с товарным знаком *Patrick Hellmann Collection*; (3) с товарным знаком *HILLMAN*.

В соответствующем разделе рассматриваемой экспертизы авторы характеризуют состав испытуемых: «люди в возрасте от 17 до 55 лет как женского, так и мужского пола, представители разных социальных, профессиональных и т. п. групп» [11: 37]. Здесь необходимо обратить внимание на структуру выборки. Известно, что в социологических и маркетинговых исследованиях требования к структуре выборки довольно строги. Считается, что достоверные, надежные результаты могут быть получены, только если выборка является репрезентативной, т.е. изоморфной по каким-либо показателям структуре целевой аудитории как генеральной совокупности (например, когда в ней

воспроизведено аналогичное процентное соотношение мужчин и женщин, а также возрастных групп). К сожалению, в рассматриваемой экспертизе остается неясным, на какую целевую аудиторию рассчитывали авторы, а также насколько экспериментальная выборка репрезентативна.

Необходимо также обратить внимание на социокультурные характеристики испытуемых. В рассматриваемой экспертизе испытуемыми являлись «представители разных социальных, профессиональных и т. п. групп» [Там же. С. 37]. В идеале выборка должна быть репрезентативна и по этому показателю, поскольку общий уровень культуры и образования не может не оказывать влияния на ассоциативные реакции индивида. На практике, однако, соблюсти такое требование весьма непросто, поэтому многие исследователи идут другим путем: формируют однородную по социокультурным показателям выборку, т.е. опрашивают людей либо одной профессии, либо одного уровня образования, либо жителей одного региона и т. д., чтобы ограничить действие разнородных факторов. В этой связи можно упомянуть массовое обследование носителей современного русского литературного языка, проведенное в 60–70-х годах XX века [13]. В нем состав информантов (так же, как и в исследовании русской разговорной речи, проведенном под руководством Е.А. Земской, 1973) был ограничен следующими, в сущности социокультурными, признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они имеют высшее или среднее образование; 3) являются жителями городов [13: 17]. В рассматриваемой нами экспертизе социокультурные характеристики испытуемых структурно не охарактеризованы.

Внимания заслуживает также и процедура проведения ассоциативного эксперимента. В рассматриваемой экспертизе слова-стимулы предъявлялись испытуемым списком, разбитым на 4 анкеты, в которые «в целях завуалирования для испытуемых целей эксперимента и получения достоверных результатов» были включены другие языковые единицы: «как отдельные слова, так и словосочетания, как известные, так и неизвестные слова, как коммерческие названия, так и слова, таковыми не являющиеся» [11: 37].

Судя по инструкции для испытуемых («Пожалуйста, прочитайте слова и напротив каждого из них напишите то слово, которое первым приходит в голову»), рассматриваемый ассоциативный эксперимент является свободным, т. е. экспериментом на единичную свободную ассоциацию (респонденту предъявляют стимул и просят отвечать первым пришедшим в голову словом), а по модальности – письменно-письменным. Следовательно, в нем изучаются ассоциации, возникающие у испытуемых на стимул, воспринимаемый только по одному каналу – визуальному. Это существенно ограничивает значимость результатов эксперимента, поскольку по аудиальному каналу человек, как правило, получает значительный объем информации (например, в телерекламе часть информации транслируется только в устной форме; как минимум 50 %

276 деловых коммуникаций осуществляются в устной форме). Авторы никак не комментируют это обстоятельство, хотя очевидно, что вполне осознают значимость звучания, поскольку исследуют не только звуковое, но и фоносемантическое сходство имен товарных знаков. На наш взгляд, в данном случае целесообразно было бы проводить ассоциативный эксперимент также и в устно-письменной форме.

Особое внимание следует обратить на анализ результатов ассоциативного эксперимента, который в данном случае сводится к вычислению коэффициента ассоциативного сходства (КАС). Как уже было сказано, для его вычисления необходимо определить, прежде всего, количество «респондентов, предложивших сходные ассоциации» [11: 38]. Авторы не разъясняют, как конкретно определить это количество, в то время как возможны различные варианты подсчета. Рассмотрим их на примере вычисления КАС для пары стимулов HELMAR – HELMAN.

На основании данных, приведенных в [11: 37–38], составим таблицу сходных ассоциаций для рассматриваемой пары обозначений.

№.№	HELMAR		HELMAN	
	<i>Ассоц. реакция</i>	<i>Кол-во</i>	<i>Ассоц. реакция</i>	<i>Кол-во</i>
1.	часы	3	часы	1
2.	фирма	2	фирма	2
3.	ботинок	1	ботинки	1
4.	имя	1	имя	1
5.	немецкое слово	1	иностранное слово	1
6.	фирма одежды	1	фирма одежды	1
	ИТОГО	9	ИТОГО	7

Как видим, количество сходных ассоциаций равно 6. При этом ассоциация «часы» для стимула HELMAR встретилась в экспериментальном материале три раза, а для стимула HELMAN – только один раз. Это означает, что трое испытуемых дали такую ассоциацию для стимула HELMAR, но только один – для стимула HELMAN. Что нужно сделать, чтобы подсчитать количество испытуемых, «предложивших сходные ассоциации»? Логично заключить, что нужно сложить $3 + 1 = 4$. Аналогичным образом подсчитаем количество испытуемых, давших другие сходные ассоциации. В итоге общее количество будет равно 16.

Вычислим КАС по предлагаемой авторами формуле: $16: 30 \times 100 = 53 \%$. Авторы, не разъясняя способа определения количества испытуемых, демонстрируют другое значение: $КАС\ HELMAR, HELMAN = 30 \%$ (с. 38). Как был получен этот результат? Можно только предположить, что, по мнению авторов, количество испытуемых, давших сходные ассоциации, равно 9 ($9:30 \times 100 = 30 \%$). На каком основании они использовали это число?

На наш взгляд, рассмотренная методика подсчета ассоциативного сходства в принципе не соответствует общепринятым методологическим подходам. Стандартная методика оценки вероятности встречаемости какого-либо явления (в нашем случае – сходства ассоциаций) заключается в вычислении его доли (или процента) в общем количестве случаев. Другими словами, количество случаев сходства ассоциаций (=6) надо поделить на общее количество ассоциативных реакций, полученных на слово-стимул.

На стимул HELMAR всего было получено 17 ассоциаций, тогда процент потенциального сходства с ассоциациями на стимул HELMAN составляет $6:17 \times 100 = 35 \%$.

Аналогичным образом можно подсчитать вероятность «обратных» ассоциаций, т. е. долю ассоциаций на стимул HELMAN, сходных с ассоциациями на стимул HELMAR (общее количество – 20): $6:20 \times 100 = 30 \%$.

Уровень значимости (надежности) полученных результатов зависит от количества испытуемых, принявших участие в эксперименте (чем больше испытуемых, тем надежнее результат) и определяется по статистическим таблицам.

Мы привели простейшую формулу оценки вероятности сходства ассоциативных реакций для двух стимулов. Возможны и другие, более точные способы подсчета, учитывающие частоту встречаемости сходных ассоциаций на один и тот же стимул у одного испытуемого, степень устойчивости ассоциаций и пр.

Выявленное несоответствие касается формального способа обработки результатов ассоциативного эксперимента, который фактически и применяют авторы рассматриваемой методики. Содержательная сторона результатов ассоциативного эксперимента практически не затрагивается в их экспертизе, хотя заслуживает гораздо большего внимания. Основным методом исследования, на наш взгляд, должно стать сравнение структур ассоциативных полей анализируемых стимулов по методике, изложенной, например, в работах Н.В. Уфимцевой [14, 15], а также других исследователей.

Таким образом, в рассмотренной нами экспертизе допущены методологические ошибки, касающиеся состава испытуемых, процедуры проведения ассоциативного эксперимента и главное – интерпретации его результатов. Предложенный авторами «коэффициент ассоциативного сходства» не пригоден для оценки вероятности смешения имен товарных знаков, затрагивает только внешний аспект ассоциативного сходства и не отражает его семантическую структуру.

Выводы. Проведенный нами анализ позволил осветить основные недостатки, которые присущи ассоциативным методикам в целом, а также типичные ошибки, встречающиеся в работах лингвистов при использовании ассоциативных методов в лингвистических экспертизах.

Тем не менее нельзя отрицать принципиальную возможность использования проективных методов в судебных экспертизах. Ассоциативные методики, в частности тест Роршаха, достаточно давно используются в судебной психиатрии в целях диагностики.

Использование ассоциативных экспериментов в судебных лингвистических экспертизах, на наш взгляд, может быть допустимо для решения некоторых конкретных задач при условии строгого соблюдения стандартной, научно обоснованной процедуры эксперимента и применения релевантных методов математической статистики для оценки его результатов. Только в таком случае могут быть получены объективные и валидные результаты, имеющие доказательственное значение.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языковедение. Т. 16. 2017. № 2. С. 18–27.
2. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31–36.
3. Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. Т. 12. 2017. № 3. С. 33–39.
4. Голубева М.В. Проективные методики – особенности использования в психологии // Советы психолога [Электронный ресурс]. –URL: <https://psychologist.tips/3446-proektivnye-metodiki-osobennosti-ispolzovaniya-v-psihologii.html>. Дата обращения 18.07.2019.
5. Дёмина М.Л. Методы исследования фантазирования при производстве судебно-психологической экспертизы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (6). С. 20–27.
6. Диянова З.В., Щеголева Т.М. Тематический Апперцептивный Тест (ТАТ): практическое руководство для психологов: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 131 с.
7. Иванова Н.А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2013. Вып. 3. С. 116–122.
8. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
9. Леонтьев А.А. Психологический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 46–73.

10. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1977. С. 5–16.
11. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: Факультет журналистики Воронежского гос. университета, 2013. 98 с.
12. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
13. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.
14. Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 18. 2019. № 1. С. 6–22.
15. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблема моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238–249.
16. Чубина Е.А. Современное состояние и перспективы развития судебной лингвистической экспертизы рекламы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Тула. 2013. № 4–2. С. 408–414.

T. M. Nadeina, E. A. Chubina

PROJECTIVE RESEARCH METHODS IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATIONS

Abstract: The essence of projective research methods, the scope of associative experiments and the errors encountered in their conduct are revealed. It is concluded that the use of associative experiments in judicial linguistic examinations is permissible only if scientifically based procedures are followed and methods of mathematical statistics are used.

Keywords: associative experiment, judicial linguistic expertise, examination of trademarks, reliability of results.

АГРЕССИЯ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ⁷

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению агрессии в поликодовых текстах. Автор анализирует примеры проявления скрытой агрессии в демотиваторах, в том числе экстремистской направленности, затрагивает вопросы, связанные с судебно-лингвистической экспертизой таких текстов.

Ключевые слова: агрессия, речевая агрессия, поликодовый текст, агрессивный поликодовый текст, поликодовый текст экстремистской направленности, судебно-лингвистическая экспертиза.

Агрессия во всех ее разновидностях сегодня становится предметом изучения психологии, социологии, лингвистики, педагогики, политологии, юриспруденции. Она может проявляться в рамках любого вида общения (межличностного, группового, публичного, массового; непосредственного и опосредованного) и типа дискурса (массмедийного, рекламного, корпоративного, обиходного и др.). Особого внимания и специального рассмотрения заслуживает, по нашему мнению, вопрос о средствах и способах выражения агрессии в интернет-коммуникации и, в частности, в поликодовых текстах.

«К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [9: 107]. Таким образом, он представляет собой определенную структуру, состоящую из вербальных и невербальных компонентов, которые связаны как в формальном, так и в содержательном аспектах. К вербальным компонентам относятся различные языковые и речевые средства; к невербальным — мимика, жесты, позы, рисунки, фотографии, эмблемы, иконки, схемы, шрифт, цвет и т. п. Адресат данного поликодового текста (далее – ПТ) воспринимает все эти составляющие с помощью разных сенсорных каналов (визуального, аудиального, кинестетического и др.).

План содержания ПТ состоит из нескольких слоев, различающихся по степени эксплицитности. Часть информации в нем выражается эксплицитно, то есть с помощью языковых средств, специально предназначенных для ее непосредственного выражения. Но помимо эксплицитной информации

⁷ Статья написана в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности» (руководитель – М. А. Осадчий).

практически любой ПТ содержит имплицитную (не выраженную явно) информацию (скрытые/имплицитные смыслы), которые адресат должен декодировать с опорой на фоновые и текущие прагматические знания (различные типы пресуппозиций), осуществляя при этом логическую операцию импликации [15: 43].

Объектом рассмотрения в данной статье являются ПТ, которые содержат признаки агрессии. Остановимся подробнее на характеристике понятий «агрессия» и «речевая агрессия».

В широком смысле агрессия трактуется как «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности» [1].

Выбирая (с разными целями) тот или иной ПТ из состава уже имеющихся в сети Интернет или создавая его, коммуникант демонстрирует свои жизненные приоритеты, ценностные установки, степень эмоциональности, креативность, чувство юмора или свою агрессивность. Свойство быть агрессивным определяется в толковых словарях как склонность к нападению, враждебность, наступательность [3]. Агрессивным может быть как человек, так и дискурс/текст (см. об этом ниже).

В лингвистике исследуется речевая (вербальная) агрессия, которая представляет собой «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [12: 562]. К эмоциям и чувствам, вызывающим речевую агрессию, можно отнести недовольство, злость, раздражение, обиду, возмущение, негодование, ярость, отвращение, презрение и пр.

Языковые, речевые средства и способы выражения вербальной агрессии на сегодняшний день достаточно подробно описаны. Это отрицательно-оценочная лексика, инвективы, окказиональные неологизмы с агрессивной семантикой, конфликтные речевые акты (далее – РА): оскорбление, угроза, упрек, обвинение, враждебное замечание, проклятие, грубый отказ, грубое требование, резкая критика, злая ирония, насмешка, сарказм и т.п. Вербальная агрессия может проявляться в повышении тона (о роли тона в передаче эмоционально-волевых характеристик речи см.: [2: 3]), в иронической, язвительной интонации, особом темпе речи (с намеренным, утрированным растягиванием слов, с искусственными паузами и т.п.). Она, как правило, сопровождается агрессивными невербальными знаками (жесты, мимика, позы, взгляды), а также коммуникативно значимым молчанием (угрожающим, ироническим, протестующим, игнорирующим). В ПТ, помимо вербальной составляющей и изображения, дополнительными средствами выражения

282 | агрессии могут выступать шрифт, цвет, смайлы, обилие восклицательных знаков, ряды скобок, прописные буквы.

Ю.В. Щербинина отмечает, что «сложность определения понятия «вербальная агрессия» заключается, прежде всего, в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления и формам словесного воплощения» [25: 8].

Квалифицировать любое высказывание с точки зрения проявления в нем агрессии возможно только с опорой на контекст речевой ситуации (конкретные условия общения: место, время, состав участников, их намерения и отношения между ними и пр. [см. параметры коммуникативной ситуации в: 14: 53–91]). Так, например, языковые единицы, не имеющие отрицательно-оценочной семантики, в речи (и в ПТ) могут становиться агрессивными. Существует легенда о том, как один боннский студент заставил замолчать самую склочную рыночную торговку и довел ее до слез, используя в адрес этой особы РА оскорбления с названиями букв греческого и еврейского алфавитов: «Ты альфа!», «Ты бета!» /.../ [2: 9].

В работах некоторых лингвистов понятие вербальной агрессии приравнивается к понятию инвективы [11], однако ее использование в речи не всегда агрессивно: например, инвектива «зараза» в восклицании *А-а, зараза!* как реакция на резкую боль в спине или инвектива «подлец» в ситуации дружеского приветствия: «Здорово, Петюха! Где ж ты так долго пропал, подлец! Ну, как дела?» [14: 194].

В ПТ используются прямые и косвенные агрессивные РА. В прямых РА иллюкутивная цель говорящего непосредственно манифестируется, то есть адресант открыто оскорбляет, угрожает, грубит и т. д. («Какая же ты сволочь!», «Ну ты и дрянь!», «Пошел вон!», «Отвали!», «Убью заразу!» и др.). Такая агрессия идентифицируется легко, на уровне поверхностного смысла ПТ. Однако существует множество косвенных средств и способов выражения вербальной агрессии, для декодирования которой необходима опора на визуальную составляющую, а также различного рода пресуппозиции. Иногда изображение может играть решающую роль в декодировании скрытых смыслов, заключенных в ПТ, и вносить дополнительные прагматические оттенки в семантику вербальных компонентов.

В приведенном ниже демотиваторе (пример № 1) (*здесь и далее везде сохранена орфография и пунктуация источника) агрессия реализуется как в вербальных реализациях ребенка – РА угрозы «Ну все! Я звоню бабушке!» (эмоциональная реакция – гнев), так и в невербальных (сердитое выражение лица, угрожающий взгляд, крик). Можно предположить, что адресатами этой детской агрессии являются родители. Агрессия содержится и в семантике

слов *террорист(-ы)* («приверженец терроризма; участник террористических актов» [10]) и *крышевать* («крим. жарг. обеспечивать «крышу», то есть прикрытие чьей-либо деятельности, нелегально покровительствовать, защищать за вознаграждение» [19]). Однако в данном ПТ сочетание «маленькие террористы» употреблено в ином значении (семейные тираны, которые в данной социальной группе осуществляют свою власть и управляют поведением и эмоциями взрослых членов семьи) и имеет шуточную коннотацию. (В психологии существуют понятия «эмоциональный террорист», «семейный терроризм (-ист)», «женский/мужской терроризм».) Репрезентатив «*А бабушки их крышуют*» также употреблен шуточно, поскольку здесь происходит нарушение социального стереотипа и социальной роли: данные действия обычно осуществляют криминальные структуры. Бабушки и дедушки балуют своих внуков, потакают их капризам, оправдывают их шалости. Представители старшего поколения обладают авторитетом в семье, поэтому ребенок, угрожая родителям санкциями со стороны бабушки, дает им понять, кто в семье главный, и одновременно протестует против запретов и ограничений, налагаемых родителями.

Пример № 1

Таким образом, данный ПТ, содержащий агрессию, в целом можно квалифицировать как шуточный демотиватор.

Среди ПТ существуют такие, к которым можно применить понятие «агрессивный текст». Оно используется в политической лингвистике и описано в работах Е.А. Репиной [17; 18]. Тексты «агрессивного» типа, по мнению автора, «заставляют человека чувствовать себя обиженным, униженным и оскорбленным, но не беспомощным и ущербным. Они призывают активно действовать, мстить. Основным смыслом в них выступает идея об опасности врага, который сделал действительность «отвратительной, мерзкой, страшной» и с которым нужно бороться» [17]. «Можно предположить, что человек под действием сильной обиды, ненависти и злобы к врагу, унизившему

284 | и оскорбившему его, начинает чувствовать воодушевление, настраиваться на активные действия, на борьбу с врагом, возможно – и на месть» [18]. Наиболее агрессивными ПТ, существующими в интернет-пространстве, являются демотиваторы экстремистской направленности. Остановимся подробнее на характеристике данного явления.

Конституция РФ дает нам право на равенство. Вне зависимости от своих религиозных убеждений, социального положения, национальности, пола, возраста, цвета кожи и политических взглядов каждый человек имеет одинаковые свободы и права, гарантированные государством. Это один из главных принципов Конституции. Любое покушение на эти свободы или любые попытки разжигания конфликтов на их основе имеют в нашей стране название – экстремизм (ст. 282 УК РФ). «Экстремизм — это разжигание ненависти и вражды, а также унижение достоинства другого человека» [23]. Содержание экстремистской деятельности подробно раскрывается в ФЗ от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [24].

УК РФ содержит ряд статей, квалифицирующих различные виды экстремистской деятельности, а также сопровождающие ее иные преступления. Так, согласно части 1 статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019), к противоправным действиям относятся «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет /.../ [22]. Здесь же определены различные способы наказания за данные деяния.

Мы рассмотрим три ПТ, которые, скорее, можно назвать «предположительно экстремистскими текстами», поскольку они не содержат прямых призывов к тем действиям, которые описаны выше, а агрессия в них представлена имплицитно. Нас интересуют демотиваторы, вербальный компонент которых не обладает смысловой самостоятельностью и не может быть верно истолкован вне контекста изображения.

Так, конструкция «Москва и москвичи» сама по себе не несет никакой агрессии и не содержит признаки экстремизма. На запрос в поисковике «Москва и москвичи» «Яндекс», в первую очередь, выдает информацию о книге В.А. Гиляровского с таким же названием, а на запрос «Москвичи фото люди» – фотографии типа:

Как видим, здесь, в основном, представлены люди славянской внешности, что вполне объяснимо, поскольку в национальном составе Москвы преобладают русские.

Однако семантика этих языковых единиц, будучи неагрессивной изначально (Москва – столица Российской Федерации, москвичи – жители Москвы), в сочетании с определенным изображением может создавать агрессивный подтекст:

Пример № 2

Создатель данного демотиватора преследует цель донести до своего адресата мысль о том, что происходит изменение национального и религиозного состава жителей Москвы, большую часть которых теперь составляют не русские с их православной верой, а мусульмане, исповедующие ислам. Эта точка зрения автора подтверждается изображением, на котором мы видим мужчин неславянской внешности, сидящих на корточках и совершающих намаз. Они заполнили всю улицу. Видимо, данное фото сделано во время праздника Ураза-байрам. На фоне этой визуальной составляющей надпись (в демотиваторе – слоган) «МОСКВА И МОСКВИЧИ», выполненная прописными буквами (Возможно, это не случайно: в интернете текст, набран-

286 | ный с помощью клавиши Caps Lock, воспринимается как крик), содержит ироническую коннотацию (ср. с фото по запросу «Москвичи фото люди»).

Основной национальностью России являются русские. Между тем численность мусульман продолжает расти за счет естественного прироста, особенно среди народов Северного Кавказа, а также за счет мигрантов, главным образом из стран Средней Азии и Азербайджана. Это приводит к значительным темпам увеличения доли мусульман в населении РФ, а также в Москве. Этот процесс вызывает неприятие, негативную оценку автора демотиватора. Данный ПТ содержит скрытый призыв, обращенный к адресату, с целью побудить его задуматься о дальнейшей судьбе России и русских.

Пример № 3

Невербальная составляющая данного ПТ представляет собой аллюзию на известную детскую передачу «Спокойной ночи, малыши!». Создатель демотиватора оставляет концепцию, но меняет образ ведущей и кукольных персонажей.

Традиционно ведущими передачи были женщины со славянским типом внешности и именами, типичными для русских (кукольные персонажи обращались к ним «тетя Валя», «тетя Таня» и под.):

В авторском же варианте ведущая одета в мусульманскую одежду (хиджаб), которая не является традиционной для России и русских, и носит имя «Айза» (тюрского происхождения), обладательницами которого, как правило, являются женщины из стран Ближнего Востока и Средней Азии.

В вербальной составляющей текста «МОСКВАБАД 2050год» представлен авторский неологизм «*Москвабад*». Это слово образовано по модели, использу-

щейся, в основном, в названиях городов Ближнего Востока и Средней Азии: Ашхабад, Джалилабад, Захматабад, Исламабад и др.); *-abad* (перс.) в сложных названиях означает «город». Данное слово имеет пейоративную коннотацию и содержит намек на то, что Москва стала городом, в котором преобладает не русское население, а мигранты из стран Ближнего Востока и Средней Азии.

Конструкция «МОСКВАБАД 2050 год» является негативным прогнозом для Москвы (и России в целом). Москва, по мнению автора, превратится в город, похожий на города Средней Азии или Ближнего Востока, русские окажутся в меньшинстве в столице России или исчезнут совсем. Этот смысл содержится и в вопросе, который задают ведущей детской передачи кукольные персонажи: «*Тетя Айза, а кто такие русские?*» (в тексте слова «тетя» и «Айза» написаны со строчной буквы. Либо это пренебрежение нормами орфографии, либо демонстрация неуважительного отношения к образу ведущей).

Рассмотрим словарные дефиниции понятий «русский» и «русские»:

В словаре С.И. Ожегова:

РУССКИЙ, -ая, -ое. 1. см. русские. 2. Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России.

РУССКИЕ, -их, ед. -ий, -ого, м. Народ, составляющий основное коренное население России. || ж. русская, -ой.

В словаре Т.Ф. Ефремовой:

РУССКИЕ: 1. Восточно-славянский народ, составляющий основное население России; 2. Представители этого народа.

Таким образом, в интенциях автора данного демотиватора – предостережение/предупреждение адресата о том, что сегодняшняя миграционная политика может привести к национальной катастрофе (Россия потеряет свою национальную идентичность, свою культуру, а русская нация перестанет существовать), скрытый призыв противостоять активной миграции мусульман и других выходцев из стран Ближнего Востока и Средней Азии в Москву (и в Россию), пропаганда негативного отношения к мигрантам (и как следствие – разжигание межнациональной розни, которая представляет собой «проявление нетерпимого, неуважительного отношения к человеку или группе людей, основанное на национальных или иных классовых признаках» [23]).

Пример № 4

Данный ПТ, на первый взгляд, призывает противостоять межнациональной розни, что противоречит функции такого жанра, как демотиватор. Однако работа со словарными дефинициями лексических единиц комментария к изображению дает другое понимание смысла этого ПТ. Двусмысленная интерпретация контекста «МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ РОЗНЬ. Не надо разжигать, надо гасить!» возникает из-за многозначности глагола «гасить», который здесь употреблен, скорее, не в значении «2. перен. Прекращать действие чего-либо, ликвидировать, лишать значения, силы что-нибудь, погашать» [21], а в значениях «бить до потери сознания» (жарг.) [7: 128], «убивать» (жарг.)» [13: 85], поэтому РА «... надо гасить!» является агрессивным РА и реализует иллюкуцию побуждения к уничтожению, устранению выходцев с Кавказа и из бывших южных республик СССР (интернет-комментарии к этому демотиватору подтверждают нашу версию). На изображении мы видим одного из представителей этих народов, молодого человека, который, вероятно, подвергся нападению. Похоже, что он без сознания, серьезно ранен, его поддерживают соотечественники. Этот ПТ представляется нам самым агрессивным.

Рассмотренные нами демотиваторы (примеры 2–4) содержат скрытую агрессию по отношению к лицам другой национальности, которая проявляется по-разному. Определить, действительно ли в подобных случаях имеет место уголовно наказуемая пропаганда экстремизма, призвана судебно-лингвистическая экспертиза [см., например: 4; 8; 20; 26]. Это не входило в наши задачи. Так как в качестве объекта такой экспертизы ПТ выступает сравнительно недавно, установленной методики или четкого алгоритма его исследования пока не разработано.

Автор агрессивного демотиватора экстремистской направленности, стараясь уйти от ответственности и используя с этой целью косвенные средства и способы реализации своих интенций, всегда может сослаться на то, что его не так поняли, что он не то имел в виду. Ситуация становится практически неразрешимой, когда такой ПТ построен на импlications, глубинных скрытых смыслах, невербализованных намеках, сравнениях, аналогии, коннотативных значениях, т.е. на тех средствах и способах передачи смысла, которые не подлежат непосредственному формальному определению [4]. Как отмечает Н.С. Громова, «Авторы стремятся осуществить скрытое внедрение собственных идей, целей, мнений, убеждений и пр. в сознание адресата, добившись от того принятия субъективной информации без должного количества доказательств в качестве объективной» [8]. Здесь мы имеем дело с манипулятивным воздействием.

Для объективного исследования и правильной оценки такого рода ПТ необходимы: 1) четкие, однозначные дефиниции понятий, связанных с экстремизмом и его разновидностями; 2) критерии признаков экстремизма;

3) репертуар описанных языковых и речевых средств (как эксплицитных, так и имплицитных), а также наборы изображений, которые на основании данных критериев можно считать экстремистскими; 4) специальные юрислингвистические словари, служащие опорой для выявления элементов текста, содержащих признаки экстремизма; 5) разработанный алгоритм экспертных действий при работе с такого рода текстами.

Разработке такого методологического аппарата, позволяющего объективно и доказательно оценить наличие признаков экстремизма на основании заранее сформулированных количественных и экспертных критериев посвящен проект «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности» (руководитель – Осадчий М.А.) (грант РФФИ, заявка 17-29-09170), участником которого является автор данной статьи. Представленный авторами вариант модели восприятия и понимания ПТ подлежит экспериментальной апробации с использованием инструментов айтрекинга, опросов и методов статистического исследования [5; 6]. Все это говорит о необходимости серьезных научных исследований по разработке и унификации принципов, методов и приемов лингвистической экспертизы ПТ.

Литература

1. Агрессия // Академик [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychology.academic.ru/33/агрессия> (дата обращения: 29.05.2018).
2. Бюлер К. Теория языка. Москва: Прогресс, 1993. 501 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfiles.net/preview/1101545/page:9/> (дата обращения: 29.05.2018).
3. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovariki.org/tolkovuy-slovar-kuznecova/22719> (дата обращения: 18.07.2019).
4. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. Научное издание. 2003. № 1. С. 146–157. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvisticheskaya-ekspertiza-na-styke-yazyka-i-prava> (дата обращения: 22.07.2019).
5. Горбачева А.В., Варламов А.А. О гипотетической модели восприятия и понимания поликодовых текстов // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2018. № 4. С. 66–73.
6. Горбачева А.В., Пучкова А.Н., Осадчий М.А. О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов // Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»». Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. Т. 27. С. 53–57.

- 290 | 7. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006. 666 с.
8. Громова Н.С. Вербальный экстремизм как форма речевого манипулирования адресатом // VI Международная научно-практическая Интернет-конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/gromova.html> (дата обращения – 20.07.2019).
9. Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч. I. М., 1974. С. 103–109.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. В 2 т. 1209 с. [Электронный ресурс]. – URL: [<https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/366439.html>] (дата обращения: 19.07.2019).
11. Жельвис В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 51 с.
12. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, 2011. 840 с.
13. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. М.: Гранд: Фаир-пресс, 2003. 923 с.
14. Нестерова Т.В. Введение в теорию коммуникации: лекции и практические задания. Учебное пособие. М., 2015. 268 с.
15. Нестерова Т.В. Скрытые смыслы в поликодовых текстах // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. № 4. С. 38–45.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 19.07.2019).
17. Репина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста: на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М.: 2001. 20 с. [Электронный ресурс]. – URL: [<https://www.dissercat.com/content/psikholingvisticheskie-parametry-politicheskogo-teksta-na-materiale-programmnykh-i-agitatsio>] (дата обращения: 19.07.2019).
18. Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. Монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 91 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://studref.com/304053/marketing/tipologiya_politicheskikh_tekstov (дата обращения: 19.07.2019).
19. Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 19.07.2019).

20. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. Печатается по решению Научно-методического совета РФЦСЭ. М., 2011. 330 с.

21. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovariki.org/tolkovyyj-slovar-usakova/13906> (дата обращения: 19.07.2019).

22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/ (дата обращения: 19.07.2019).

23. Уголовный эксперт [Электронный ресурс]. – URL: [<http://ugolovnyi-expert.com/ekstremizm-statya-282-uk-rf/>] (дата обращения: 19.07.2019).

24. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#friends> (дата обращения: 19.07.2019).

25. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.

26. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Ю.А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова и др.; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. 276 с.

T. V. Nesterova

AGGRESSION IN POLYCODIC TEXTS

Abstract: The article is devoted to the consideration of aggression in polycode texts. The author analyzes the examples of manifestation of hidden aggression in demotivators, including extremist orientation, raises issues related to the forensic linguistic examination of such texts.

Keywords: aggression, verbal aggression, policeguy text, aggressive policeguy text, policeguy text extremist, judicial-linguistic expertise.

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ СМИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представлен алгоритм анализа медиатекстов, выявляющий вероятные негативные эмоциональные эффекты у адресата.

Ключевые слова: медиатекст, конфликтогенный фактор, коммуникация.

Конфликтный текст представляет собой достаточно сложный феномен, который не раз становился объектом внимания учёных. В связи с отсутствием в современной лингвистике единого взгляда на данный предмет, возникает проблема определения понятия *конфликтный текст*, которое является наиболее значимым в данной статье.

Оптимальный способ речевого общения принято называть эффективным, успешным, гармоничным, корпоративным и т. п. При его изучении рассматриваются пути создания речевого комфорта для участников коммуникации, средства и способы, используемые коммуникантами для обеспечения гармоничного общения. Невозможно описать гармоничное общение без выявления его качеств и свойств, которые вносят дисгармонию в речевые действия коммуникантов, разрушают понимание, вызывают негативные эмоциональные и психологические состояния партнеров коммуникации. Таким образом, в поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой (Е. В. Падучева) [5], коммуникативный провал (Т. В. Шмелева) [7], коммуникативная неудача (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова; Е. А. Земская, О. П. Ермакова) [1; 2], коммуникативная помеха (Т. А. Ладыженская) [4], языковой конфликт (С. Г. Ильенко) [3] и др. Эти явления маркируют отрицательное поле коммуникативного взаимодействия. Для обозначения различного рода

сбоев и недоразумений в ходе речевого общения чаще всего в специальных исследованиях используется термин *коммуникативная неудача*, обозначающий полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего [1: 64–66]. К коммуникативным неудачам, согласно концепции Е. А. Земской и О. П. Ермаковой, относится также и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [2: 31], в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание речевых партнеров.

Неоднозначная интерпретация смыслов, возникающая в языке как в сложной системе знаков, обладающих смысловой валентностью, по мнению В. С. Третьяковой, вызывает появление в тексте конфликтопровоцирующих элементов, которые являются языковыми маркерами дисгармонии в коммуникации. Исследователь подчеркивает, что все конфликтные свойства языка имеют потенциальный характер, то есть актуализируются лишь в речевом акте [6].

Результатом исследования классификации языковых маркеров дисгармонии В. С. Третьяковой стала следующая таблица, отражающая влияние на осуществление межличностной коммуникации четырех групп конфликтогенных факторов.

Таблица 1. Языковые маркеры дисгармонии

Группа	Маркеры	Условия конфликтности
Лексико-семантические	Полисеманты и омонимы	<ul style="list-style-type: none"> • несовпадение лексико-семантических фондов автора и адресата • употребление вне развернутого контекста
Лексические	Обценная (ненормативная) лексика	<ul style="list-style-type: none"> • употребление с целью оскорбить, самоутвердиться, заставить адресата изменить поведение
	Пейоративная (коннотативно окрашенная) лексика	<ul style="list-style-type: none"> • характеристика внешности и личных качеств адресата с негативной стороны
	Слова-агнonyms (пассивная лексика)	<ul style="list-style-type: none"> • лакуны в лексиконе адресата • игнорирование адресантом дополнительных метаязыковых операций
	Номинации по примете (лексика во вторичной функции)	<ul style="list-style-type: none"> • имя существительное в косвенном падеже + предлог (<i>в очках, в красной кофточке</i>) • употребляется вместо имени собственного

Грамматические	Местоимения 2-го лица «ты» и «вы»	<ul style="list-style-type: none"> • переход на «ты» в несоответствующей ситуации унижает собеседника, характеризует культуру речи говорящего • внезапный переход на «вы» — смена уровней вежливости, способ выражения отчуждения
	Местоимения 3-го лица «он», «она»	<ul style="list-style-type: none"> • демонстрация нежелания контактировать с лицом, присутствующем при разговоре
	Глагольные формы	<ul style="list-style-type: none"> • императив СВ с оттенком резкости, «начальственности» • форма повелительного наклонения со смещенным значением (<i>Ну да, рассказывай!</i>) • форма повелительного наклонения в конструкциях: давай + гл. СВ (<i>Давай, давай, объясни!</i>) • форма сослагательного наклонения в конструкциях: А не + гл. посл. накл. (<i>А не помолчал бы ты?</i>)
	Обращение	<ul style="list-style-type: none"> • употребляется без учета стадии межличностных отношений с адресатом (<i>Прелесть моя</i>)
	Вводные конструкции	<ul style="list-style-type: none"> • вовлекают адресата в круг нужных адресанту модальных оценок (<i>Нечего греха таить, мягко говоря, как водится, не в укор будь сказано и др.</i>)
	Синтаксические конструкции в несвойственных им значениях	<ul style="list-style-type: none"> • отрицание за счет утверждения со скрытой пейоративной оценкой (<i>Много ты знаешь! Велика важность!</i>) • нарушение порядка слов с целью выражения негативной оценки (<i>Хорош друг!</i>)
Прагматические	Несоответствие речевой акции и речевой реакции	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие знаний у адресата • намеренное сокрытие информации • непонимание • употребление имплицатур
	Отрицательные речевые и эмоциональные реакции	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие фатических (регулятивных) тактик • выражение негативных психологических эффектов в виде междометий и невербальных средств

Особое внимание В. С. Третьякова уделяет побудительным конструкциям. По логике исследователя, побудительные конструкции являются основой трех коммуникативных сценариев конфликта. Роль императивной конструкции в образовании конфликтных сценариев наиболее удобно изобразить с помощью следующей схемы.

Схема 1. Коммуникативные сценарии конфликта

На данной схеме отражены характеристики, которыми должна обладать побудительная конструкция в тексте, образующая тот или иной коммуникативный сценарий конфликта. Так в сочетании с информационной частью, содержащей причину просьбы, императив приобретает форму замечания, которое может быть как кооперативным, так и конфронтационным.

В основе *кооперативного замечания* лежат конструктивные цели, способствующие исправлению ситуации, некомфортной для участников коммуникации. Такое высказывание обычно состоит из вежливой просьбы и сообщения об объективной причине этой просьбы.

Конфронтационное замечание основывается на желании адресанта выразить негативное отношение к адресату и его действиям. Автор такого высказывания, как правило, игнорирует протокольно-этикетные конструкции или произносит их с нарочито ироничной интонацией, что усиливает его эмоционально-экспрессивную оценку. Кроме того, такие просьбы могут быть сформулированы при помощи ненормативной лексики и других маркеров дисгармонии, нарушающих этикет.

Императив, дополненный обещанием негативных последствий, воспринимается как угроза. Главным признаком прямой угрозы является экспликация одновременно побудительной конструкции и сообщения о негативном последствии, которое может быть выражено различными речевыми жанрами. Например, совета: «*Советую отпустить меня – закричу*», просьбы: «*Попрошу держать себя в руках, иначе не поздоровится*» или разрешения: «*Поогрызайся, поогрызайся, лишний час в углу тебе погоды не сделает*». Косвенные угрозы подразумевают умалчивание побудительной конструкции, как в предложении: «*Твое дело, тебе же хуже*», – или додумывание адресатом негативных последствий в зависимости от степени его испуга. Имплицитное обещание негативных последствий может быть представлено речевыми жанрами замечания: «*Это последнее замечание*» или вопроса: «*Разве тебя не предупреждали?*».

Императив, употребленный без учета норм этикета (выраженных при помощи соответствующих конструкций) и объяснения причины, обоснования важности действия или выгоды его для обеих сторон, воспринимается адресатом как необоснованная просьба или принуждение и вызывают раздражение.

Таким образом, чтобы определить, насколько вероятны негативные эмоциональные эффекты у адресата от прочтения конкретного журналистского текста, можно провести его анализ по следующему алгоритму:

- Легко ли после первого прочтения/прослушивания устанавливается коммуникативная цель автора и можно ли сказать, что она соответствует эффекту, произведенному на читателя?
- Обнаруживаются ли в тексте многозначные или омонимичные слова, и позволяет ли контекст установить их значение?
- Содержит ли текст пейоративно окрашенную лексику, характеризующую адресата? Прибегает ли автор к использованию ненормативных единиц речи?
- Соответствует ли код, выбранный автором, уровню знаний читателя? Поясняет ли он термины и другие слова, не используемые в повседневной жизни адресата?
- Соблюдает ли автор правила этикета: какие номинации он употребляет по отношению к читателю? Используются ли в тексте глагольные формы повелительного и сослагательного наклонений, и какие функции они выполняют? Содержатся ли в тексте конструкции, реализующие сценарии замечания, угрозы или необоснованной просьбы?
- Можно ли найти в тексте вводные конструкции, «вовлекающие» читателя в круг лиц с негативной авторской характеристикой?
- Использует ли автор синтаксические конструкции в несвойственном для них значении, и какое впечатление они производят?

Однако в представленной модели не учтены конфликтогенные элементы, связанные с номинацией героя, с видом представленной информации и средствами выражения интенций адресанта. Следовательно, при анализе текста на предмет его юрислингвистической перспективы, необходимо учитывать все три класса конфликтогенных элементов.

Таким образом, в качестве единой схемы анализа материала СМИ на предмет наличия конфликтогенных элементов мы можем предложить следующий алгоритм, в котором мы выделили правовой и этический блоки.

Правовой блок позволяет оценить вероятность негативной реакции на текст со стороны его героев, так как преимущественно состоит из вопросов, касающихся содержательной стороны представленной в тексте информации.

1. Содержится ли в тексте табуированная лексика или информация, составляющая охраняемую законом тайну (см. таблицу 1)?

2. Предоставляет ли автор информацию, позволяющую установить личность героя? При помощи каких номинативных средств она реализована (имя собственное, называющее субъекта, регион его проживания и т. д.; или имя нарицательное, называющее половую принадлежность, род деятельности, социальный статус, внешние признаки и другие идентификационные особенности).

3. Возможно ли проверить событийную информацию, изложенную в тексте, приводятся ли в нем ссылки на официальные документы и другие источники, способные послужить объективным доказательством фактологической информации, содержащейся в тексте?

4. Каким образом представлена оценочная информация? Насколько выражен элемент оценочности в подборе событийной информации: каково примерное соотношение в тексте фактов, характеризующих героя с положительной и отрицательной сторон? Насколько корректно автор использует средства, выражающие оценку героя и его действий: соответствуют ли они литературной норме и жанру материала?

5. Каким образом представлен интенциональный компонент: с какой целью и из каких побуждений написан данный текст? Какие мотивы лежат в основе высказываний автора и какое событие явилось объективной причиной высказывания?

6. Обнаруживается ли в тексте дискредитирующая интенция адресата? С помощью каких средств она реализована? Трансформировано ли имя героя таким образом, чтобы оно напоминало прецедентное имя или феномен, вызывающий негативные ассоциации?

7. Содержатся ли в тексте импликации (отсылки к другим событиям, характеризующим героя), намеренные логические ошибки и другие приемы, реализующие стратегию дискредитации? Используются ли дополнительные

298 | средства в виде графических, грамматических и фонетических конструкций, выполняющих манипулятивную функцию?

Этический блок позволяет оценить вероятность негативной реакции адресата на текст, так как состоит преимущественно из вопросов, касающихся формы подачи информации автором и его взаимодействия с аудиторией.

1. Легко ли после первого прочтения/прослушивания устанавливается коммуникативная цель автора и можно ли сказать, что она соответствует эффекту, произведенному на читателя?

2. Обнаруживаются ли в тексте многозначные или омонимичные слова и позволяет ли контекст установить их значение?

3. Содержит ли текст пейоративно окрашенную лексику, характеризующую адресата?

4. Соответствует ли код, выбранный автором, уровню знаний читателя? Поясняет ли он термины и другие слова, не используемые в повседневной жизни адресата?

5. Соблюдает ли автор правила этикета: какие номинации и личные местоимения он употребляет по отношению к читателю? Используются ли в тексте глагольные формы повелительного и сослагательного наклонений и какие функции они выполняют?

6. Содержатся ли в тексте конструкции, реализующие сценарии замечания, угрозы или необоснованной просьбы?

7. Можно ли найти в тексте вводные конструкции, «вовлекающие» читателя в круг лиц с негативной авторской характеристикой?

8. Использует ли автор синтаксические конструкции в несвойственном для них значении, и какое впечатление они производят?

Таким образом, данный алгоритм анализа построен с учетом психолингвистического аспекта и дает возможность сформировать определенное представление о юрислогвистической перспективе конкретного медиатекста. Блоки алгоритма – правовой и этический – позволяют определить не только наличие конфликтного потенциала текста, но и оценить степень его выраженности.

Литература

1. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. научн. тр. Новосибирск, 1985. С. 64–78.

2. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30–64.

3. Ильенко С.Г. К поискам ориентиров в речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996. С. 23–45.
4. Ладыженская Т.А. Коммуникативные неудачи // Риторика: учебное пособие для общеобразовательной школы. Ч. 1. М., 1998. С. 17–23.
5. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Л. Кэррола // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 76–120.
6. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2003. 36 с.
7. Шмелева Т.В. Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 220–226.

T. N. Permyakova

**THE CONFLICTUAL ELEMENTS IN MEDIA TEXTS:
A PSYCHOLINGUISTIC ASPECT**

Abstract: The article presents an algorithm for analyzing media texts, revealing the likely negative emotional effects of the addressee.

Keywords: media text, conflict-generating factor, communication.

СУГГЕСТИВНЫЕ МЕТОДЫ В МАТЕРИАЛАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых суггестивных приемов, используемых в материалах экстремистской направленности; выделены факторы суггестии, дана характеристика некоторых параметров целевой аудитории, повышающих воздейственный потенциал внушений; охарактеризованы наиболее распространенные приемы суггестивного воздействия.

Ключевые слова: суггестивные методы, эриксоновский гипноз, нейролингвистическое программирование, метафора, замешательство, суггестия, психологическое воздействие, якорение, импликация, вопросы.

Современный мир стремительно меняется, трансформируя социальные реалии и отношения между людьми. К сожалению, эти изменения носят не всегда позитивный характер: возникают новые вызовы и угрозы стабильности нашей жизни. Новые технологии быстро берут на вооружение экстремисты всех мастей, и общество обязано так же быстро находить способы противодействия их деятельности. Можно констатировать, что судебные эксперты находятся на передних рубежах этой не всегда заметной, но ожесточенной борьбы.

В практике проведения собственно психологической или комплексной лингвистико-психолого-религиоведческой экспертизы материалов экстремистской направленности мы сталкиваемся с использованием в них разнообразных методов и приемов психологического воздействия: манипулятивных приемов, логико-психологических уловок, а главное – суггестивных техник. Задача психолога заключается в выявлении психологических способов воздействия на граждан с целью пропаганды экстремистских идей, вербовки сторонников в ряды террористов, оказания психологического воздействия на людей, запугивания и др. Предоставляемые на исследование материалы весьма разнообразны – это и печатная продукция (книги, брошюры, журналы, листовки и др.), и аудио- и видеоматериалы, а также переписка в социальных сетях, публикуемая в Интернете.

Особое внимание при проведении исследований привлекает использование в анализируемых материалах суггестивных техник. Здесь очевидна самая тесная связь психологии и лингвистики, т. к. суггестивные техники рассматриваются как способы, прежде всего, словесного внушения. Еще в начале XIX века Ш. де Пьюнсежюр пришел к выводу, что погружение

человека в «магнетическое» состояние происходит не только в результате прикосновений, но и под воздействием слова, а, следовательно, главным действующим фактором является внушение [4]. В дальнейшем изучение магнетизма привело к дифференциации понятий – внушение, гипноз и убеждение. В работах И. Бернгейма, Ж. Шарко, О. Веттерстранда и др. изучался феномен гипноза, которые рассматривали его как психологический феномен, возникающий в результате внушения. Дальнейший ход развития науки показал, что отождествлять гипноз и внушение не правомерно [4].

В России проблемами гипноза и внушения занимался В.М. Бехтерев, который в ходе своих научных исследований и клинической практики четко разграничил понятия гипноза, внушения и убеждения. И если гипноз он рассматривал как вид искусственно вызванного сна, то внушение – как трансляцию и внедрение определенных психических состояний (идей, чувств, ощущений) человеку минуя его волю и без четкого осознания им этого процесса. Убеждение, по Бехтереву, возможно только в результате личного осознания и осмысленной переработки информации, что и формирует ценностную систему личности. В отличие от убеждения, внушаемое минует фазу критической оценки, а если используются методы предварительного введения в трансное (гипнотическое) состояние, то воздейственный потенциал внушения многократно увеличивается [1].

При проведении психологической экспертизы материалов важным вопросом является определение целевой аудитории, на которую направляется воздействие. Это позволяет в свою очередь выявить те факторы суггестии, которые в большей мере свойственны целевой аудитории, а, следовательно, и выявить методы и приемы воздействия на нее. Традиционно к факторам, повышающим внушаемость человека, относят:

- низкую самооценку личности;
- комплекс неполноценности, робость, неуверенность в себе;
- стеснительность;
- доверчивость;
- повышенную эмоциональность, высокий уровень тревожности, впечатлительность, мнительность;
- алогичность мышления, умственная отсталость;
- инертность психической деятельности;
- зависимость от мнения и влияния других людей, склонность к покорности;
- инфантильность (незрелость) личности;
- слабые волевые процессы;
- актуальное психофизическое состояние личности на момент внушения;
- уровень спокойствия, расслабленности, силу эмоционального возбуждения, утомление, переживание стресса [3].

Каждый из этих параметров будет определять силу и эффективность психологического воздействия на личность. Кроме того некомпетентность человека в тех или иных вопросах, невысокая значимость этого вопроса для

302 | него, отсутствие времени для принятия взвешенного решения, возраст (легче поддаются внушению пожилые люди и дети) также положительно влияют на процесс оказания внушения.

Средства внушения могут быть как невербальные (жесты, мимика, позы и др.), так вербальные – речь человека.

Материалы, предоставляемые на экспертное исследование, как правило, рассчитаны на большую аудиторию, поэтому информация в них излагается доступно, наглядно, образно и лаконично, и соответствует потребностям и интересам определенной социальной группы. Если воздействие оказывают посредством аудио-, видеоматериалов, то оно исходит от лиц, имеющих высокий статус в данной социальной группе, являющихся авторитетом в ней, или имеющих интеллектуальное превосходство над другими, поэтому главный персонаж, транслятор воздействия, как правило, отличается мужественностью/женственностью, уверенностью, волей, оптимизмом и обаянием.

Для того чтобы представитель целевой аудитории поддавался внушению, между ним (суггерентом) и воздействующим лицом (суггестром) должны установиться отношения на основе доверия, авторитета и зависимости. В связи с этим транслятор внушения должен быть близок к целевой аудитории, что создается за счет обсуждения волнующих проблем, общей атмосферы доверия между сторонами взаимодействия.

Эффект суггестии достигается также за счет речевой динамики, а именно паралингвистических средств: силы или мягкости голоса, тембра, интонирования, пауз, различных эффектов, рассчитанных на создание замешательства, неожиданных для человека. Так известно, что использование мужского голоса в озвучивании сообщений позволяет достичь большего воздействия, баритональный тембр эффективнее воздействует на подсознание человека, а теноровый тембр способствует возникновению у зрителя реакции удивления.

В видеоматериалах дополнительное воздействие достигается с помощью мимики и жестов действующих персонажей, особенно если они транслируют зрителю эмоциональность и заинтересованность обсуждаемой проблемой, способствуют созданию ситуации доверия и положительного отношения к суггестору.

Воздейственным суггестивным потенциалом также обладает звуковой фон, правильно подобранный он может не только вызвать эмоции, но и способствовать формированию в сознании зрителя определенных образов. Так при репортажной съемке шумы (звуки проезжающих машин, шум ветра, звуки человеческой речи и др.) добавляют сюжету правдоподобность, делают его актуальным и значимым, а соответственно, оказывают косвенное воздействие на психику человека.

Таким образом, все это позволяет усилить воздейственный потенциал материалов (сообщений, аудиозаписей, видеосюжетов), достигнуть высокой убедительности внушаемой информации.

Применение ряда методов эриксоновского гипноза и нейролингвистического программирования позволяет усилить воздейственный потенциал материалов экстремистской направленности. Эриксоновский гипноз и нейролингвистическое программирование – это весьма интенсивно развивающиеся направления в современной психотерапии и практической психологии, каждое из которых позволяет оказать эффективную психологическую помощь людям, нуждающимся в ней. Однако ряд методов и техник воздействия взят на вооружение для суггестивного влияния на целевую аудиторию экстремистами всех мастей. Из богатого арсенала суггестивных методов используются те, которые в силу их высокой эффективности и относительной простоты применения, встречаются чаще всего. Рассмотрим некоторые техники эриксоновского гипноза и нейролингвистического программирования, используемые в материалах экстремистской направленности.

1) Использование контекстуальных внушений («Рассеивание») – это одна из техник эриксоновского гипноза, которая заключается в рассеивании ключевых слов (внушающих формул), идей, мыслей по тексту и выделение их особым способом: интонацией, шрифтом, цветом, пунктуационными знаками. Через данную технику удастся реализовывать двойные смыслы. По замечанию М.Р. Гинзбурга – это двухуровневый язык [2]. При анализе больших по объему материалов эта техника прослеживается довольно часто.

Например, при анализе видеопроповеди нами был выделен этот прием в следующем контексте: проповедник интонационно и силой голоса выделяет ключевые слова: «*Эта любовь будет основанием наших крепких браков, эта любовь станет основанием крепкой поместной церкви, эта любовь станет основанием наших правильных христианских поступков, потому что эта любовь позволит нам построить правильные экономические отношения, эта любовь позволит нам послужить городам, в которых мы живем. Именно любовь...*» (подчеркнуто автором). При этом часть фразы (*потому что эта любовь позволит нам построить правильные экономические отношения*) произнесена без соответствующего интонационного нажима, как бы речитативом, но именно она в этом высказывании является ключевой, т. к. поддерживает одну из основных мыслей, озвучиваемых проповедником на протяжении всей проповеди – жертвовать как можно больше на нужды данной церкви. Эта часть фразы адресована бессознательному, в то время как другие части предназначены сознанию зрителя. Ключевая мысль спрятана от сознания зрителя, которую он, скорее всего, не заметит, т. к. она «припудрена», но, проникнув в бессознательное, станет руководством к действию [2]. Основания, позволяющие это утверждать следующие: 1) данная часть фразы выбивается из общего интонационного контекста; 2) слово *экономические* произнесено как бы с ошибкой и тем самым выделено; 3) эта часть высказывания начинается со слов *потому что*, в то время как все остальные части этого предложения начинаются со

304 | слова *эта*. Все это позволяет бессознательному человека воспринять эту часть высказывания как основную. В этом и заключается прием «Рассеивание».

Можно отметить частое использование метафоры, особенность которой заключается в том, что она не называет и не указывает способ решения проблемы, но создавая соответствующий образ, внушает определенную мысль, отношение, которые идут изнутри и воспринимаются человеком, как собственные, а потому и правильные [5]. Метафора относится к числу приемов косвенного воздействия на личность, она помогает снять барьер сознательного контроля, создать иллюзию независимости адресата воздействия от постороннего влияния, иллюзию самостоятельности принимаемых им решений и выполняемых действий. Языком бессознательного являются символы. Например, в переписке между пользователями социальной сети создается следующий образ: *«146 миллионов «человек» сидят в Ладе Калине на краешке теста – молча созерцают приближение бетонной стены»*. Предъявляя метафору бессознательному, автор доносит до него информацию – вот правда, истина. Но бессознательное не осознается человеком, однако, через некоторое время начинает реализовываться в его поведении и деятельности, мыслях, чувствах, причем человек искренне считает, что это его собственный выбор. В результате метафора достигает своей цели. Причем если в психотерапии используемые специалистом-психологом или психотерапевтом метафоры обязательно должны быть позитивными и нести добрый посыл клиенту, то метафора в данном тексте является метафорой безысходности (создает образ смерти), что вдвойне разрушающе действует на психику людей: особенно граждан с неустойчивой психикой, детей, подростков, стариков и женщин.

Надо отметить, что «Метафора» может реализовываться в рамках еще одной техники эриксоновского гипноза под названием «Тройная спираль Милтона Эриксона» [2]. Ее назначение – структурирование амнезии у человека с целью внушения и закрепления у него определенных идей. Реализуется данная техника следующим образом: суггестор рассказывает некую историю (А), которую примерно в середине прерывает и начинает рассказывать историю (Б), которая также прерывается в середине. Затем полностью рассказывается история (В), после чего заканчивается история (Б), а затем – история (А). Особенность человеческой психики такова, что истории (А) и (Б) полностью осознаются человеком, а история (В) забывается. Основной нюанс техники заключается в том, что история (В) состоит из внедряемых в подсознание человека внушений, которые амнезируются на уровне сознания, но оказываются действенными на бессознательном уровне. При этом каждая из историй (А, Б, В) являются еще и метафорами, что усиливает психологическое воздействие на человека в несколько раз.

Часто в анализируемых материалах используется многократное повторение каких-либо фраз, идей, мыслей. Еще Г. Лебон, французский социальный

психолог, в конце XIX в. отмечал, что с помощью повторения информация внедряется в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы последующих действий человека. Чрезмерное повторение притупляет сознание, заставляя любую информацию практически без изменений откладываться в подсознании. А из подсознания, через определенный промежуток времени, такая информация переходит в сознание, становится достоянием личности и регулятором его деятельности. Кроме того многократное повторение одного и того же способствует созданию перегрузки у зрителя, читателя, слушателя, в результате это приводит к некоторому снижению контроля сознания и погружению человека в состояние транса. Техника перегрузки позволяет создавать у человека состояние замешательства, которое в свою очередь есть часть классической гипнотической связки «замешательство – внушение». Рассмотрим на примере, как используется техника «Замешательство» с помощью повторения и создания сенсорной перегрузки.

1) постоянное смещение точки отсчета (поочередное указание из разных точек) («*Чтобы НАМ дискредитировать ИХ, нам надо рассказать о них ПРАВДУ*», «*Чтобы ИМ дискредитировать НАС – им надо придумать про нас очередную ЛОЖЬ*»);

2) удвоение или утроение точки отсчета («*нам надо рассказать о них ПРАВДУ – об их воровстве, фальсификациях, предательстве*»);

3) прием «рефлексивное смещение точки отсчета» («*Я часто задавался вопросом - что есть добро, а что есть зло? И на какой стороне мы? И пришел к выводу*»);

4) выделение ключевых слов заглавными буквами.

Замешательство используется для того, чтобы освободить человека от жесткой привязки к сознательным процессам, что способствует мгновенному погружению человека в состояние гипнотического транса. Эта техника способствует разрушению привычных шаблонов мышления и поведения и возникновению новых, то есть способствует изменению человека, а также повышает вероятность принятия внушения.

При анализе видеоматериалов было выявлено частое использование техники нейролингвистического программирования «Якорение». Она предназначена для выработки и закрепления нужных установок в психике объекта воздействия. Назначение якоря заключается, прежде всего, в выработке у человека необходимого для суггестора физиологического состояния у суггерента. В дальнейшем, активировав якорь в нужный момент, можно вызвать аналогичное состояние. Якорь – это некий образ или действие, вызывающие в подсознании или в памяти ассоциации с событием и меняющие эмоциональное состояние человека. Например, при анализе видеопроповеди было отмечено, что проповедник щелкает пальцами и убыстряет темп речи при произнесении фраз, имеющих ключевые смыслы. В связи с тем, что «якорь»

306 формирует у человека условный рефлекс, его необходимо время от времени подкреплять, чтобы он не угасал. Поэтому проповедник на протяжении всей своей проповеди при повторении одной и той же мысли делал щелчки пальцами. Все это создает условия прочного закрепления информации в подсознании зрителей/слушателей, а в дальнейшем она будет влиять на их сознание, а значит реализовываться в поступках, смысловой оттенок которых тайно заложен в преподносимой суггестором информации.

Следует обратить внимание на использование в материалах экстремистской направленности различного вида вопросов (сосредотачивающих, побуждающих, риторических, скрытых). Например: *«Представь себе огонь, который мы имеем сегодня... сможем ли мы поднести к нему палец хотя бы на минуту?»*, *«Что является проявлением истинной духовности?»*, *«Я надеюсь, ты не пыль?»* и др. Подобные вопросы представляют собой форму косвенного внушения. Вопрос практически никогда не распознаётся как внушение, потому как в практике человеческих отношений люди часто задают друг другу вопросы. Однако вопрос является формой внушения, «гарантированной от неудачи» по замечанию известного гипнотерапевта Э. Росси [2: 117]. Сосредотачивающие вопросы используются для фиксации внимания читателя, зрителя на той информации, которая ему преподносится (*«Аллах приказал нам поклоняться Ему. А как это делать?»*). Риторические вопросы – для углубления определенных состояний человека, в том числе и трансовых состояний (*«И как же после этого можно равнять с Аллахом кого-то другого?»*). Побуждающие вопросы по сути являются указаниями, но заданные с вопросительной интонацией позволяют снимать у реципиента сопротивление (*«Если вы поняли, насколько страшен и опасен грех многобожия, то хотите ли вы знать, как человек может совершить этот грех?»*). Скрытые вопросы представляют собой высказывания, неявно содержащие в себе вопрос (*«Вы сами уже большие и сами понимаете для чего эта книга и как ее использовать»*).

Также в представленных на экспертизу материалах используется такой вид косвенного внушения как импликация (в переводе на русский язык — «подразумевание»). Суть импликации заключается в том, что то, что хотят внушить, упоминается как нечто само собой разумеющееся, не подлежащее ни сомнению, ни обсуждению [2]. Например: *«потому что жертвенные такие, оттуда у них и такие деньги потом»*. В этой фразе содержится импликация — косвенное внушение. Внимание смещается на вторую часть — *«у них такие деньги»*, и легче проходит послание: «Необходимо много жертвовать». Обратите внимание, что сказано не «если...», а «потому что...», то есть то, что люди будут жертвовать – сомнений нет, т. к. все хотят, чтобы у них были деньги.

При помощи использования импликаций в речи можно как подстроиться под другого человека, так и очень эффективно и достаточно незаметно

повлиять на него. Рассмотрим другой пример использования импликации: «*Будучи на свидании, Энвер передал такие слова, как мне, так и тем семьям, которые сегодня находятся в таком же положении и всему народу слова благодарности, слова поздравления во-первых с Курбан-байрамом и слова благодарности за то, что мы переживаем и делаем дуа за них*». Здесь фокус внимания смещается на обстоятельства совершения действия. Коммуникатор передает слова Энвера, сказанные ему, но приобретающие смысл благодарности всему народу, тем самым делая весь народ своим соучастником и перекладывая ответственность за свою деятельность на всех.

Надо отметить, что это лишь небольшая часть суггестивных приемов, отмеченная нами при исследовании материалов экстремистской направленности. Распознать их бывает довольно сложно в силу закамуфлированности и скрытности использования. Однако вред, наносимый психике людей, подвергающихся воздействиям и внушениям подобного рода, весьма ощутим. Как было отмечено выше, эти внушения не осознаются человеком, а потому противопоставить им человек ничего не может. Но проведенное таким образом внушение оказывает воздействие и может действовать на долгосрочной основе, изменяя поведение личности, ее мотивационно-потребностную сферу, систему ценностей личности.

Литература

1. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия / В.М. Бехтерев. М.: Мысль, 1994. 364 с.
2. Гизбург М.Р. Эриксоновский гипноз: систематический курс / М.Р. Гизбург, Е.Л. Яковлева. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 312 с.
3. Гончаров Г.А. Энциклопедия гипноза. Суггестия и гипноз / Г.А. Гончаров. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 256 с.
4. Кондрашенко В.Т. Общая психотерапия / В.Т. Кондрашенко, Д.И. Донской. Минск: Навука і тэхніка, 1993. 478 с.
5. Эриксон М. Глубокий гипнотический транс / М. Эриксон, Д. Гриндер, Б. Бэндлер. М.: Реноме, 2002. 208 с.

E. A. Plekhanova

SUGGESTIVE METHODS IN THE MATERIALS OF AN EXTREMIST NATURE

Abstract: The article is devoted to the consideration of some suggestive techniques used in materials of extremist orientation; the selected factors of suggestion, as well as the characteristic of some parameters of the target audience that increase the impact potential of suggestions; the most common methods of suggestive influence are characterized.

Keywords: suggestive methods, Erickson hypnosis, neurolinguistic programming, metaphor, confusion, suggestion, psychological impact, anchoring, implication, questions.

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена поиском адекватных для лингвоэкспертной деятельности методов исследования. Цель исследования – доказать необходимость использования когнитивных методов в экспертной деятельности лингвиста. Особое внимание уделяется когнитивным механизмам выявления имплицитных смыслов.

Ключевые слова: когнитивные методы, когнитивные механизмы, имплицитный смысл, лингвистическая экспертиза.

Проблема исследования объектов речеведческих экспертиз давно решается Российскими лингвистами в разных аспектах. Но до сих пор в процессе изучения спорных текстов/дискурсов обнаруживаются языковые факты, нуждающиеся в интерпретации. Природа спорных явлений может быть различна, что обуславливает необходимость поиска новых методов исследования таких объектов. Кроме того, языковое сознание адресанта, выбирая то или иное языковое средство, маркирует собственную позицию, важную для адресата информацию. Поэтому, на наш взгляд, исследование когнитивных, социокультурных и коммуникативно-прагматических аспектов речевого взаимодействия становится наиболее значимым для экспертной деятельности. В связи с этим, неслучайно С. А. Кузнецов считает необходимым определить роль отправителя сообщения в общем информационном пространстве конфликтного текста, так называемую «семантическую структуру автора» [8]. Полагаем, что в процессе восприятия спорного дискурса/текста может возникнуть его недопонимание или не так понимание, что обуславливается различными причинами. Одна из них – неумение или отсутствие навыка расшифровывать текст. Кроме того, авторские интенции создают дополнительные смыслы, поскольку синтагматические и парадигматические связи языковых знаков в дискурсе/тексте реализуются особым образом и определяются авторским замыслом. На основании вышеизложенного считаем, что эксперт спорного дискурса/текста должен использовать интегративную методiku, включающую следующие виды анализа: сценарный анализ, позволяющий определить прагматический аспект дискурса, коммуникативную установку и интенции автора [14]; когнитивно-дискурсивный анализ, учитывающий социальную ситуацию

и внелингвистические контексты (психологический, культурный, социальный, прагматический, когнитивный) [3]; коммуникативно-дискурсивный анализ, раскрывающий речевые стратегии, тактики, их перлокутивный эффект [12]; интен-анализ, выявляющий содержание речевых актов; концептуальный анализ, направленный на определение структур знания, извлекаемых и осознаваемых, а также тех, о которых можно лишь догадываться.

В основе данного исследования лежит установка: лингвистические экспертные заключения должны не только понятно объяснять конкретную речевую ситуацию, но и учитывать смысловую перспективу – семасиологию речи, поскольку в контексте смыслы языковых единиц подвергаются изменению, трансформации, приращению, расширению, спецификации, юридикации и деюридикации, нейтрализации и деактуализации.

До сих пор в экспертной деятельности лингвистов доминирует использование традиционных методик анализа. Хотя ряд ученых заявляет, что для проведения лингвистических экспертиз традиционных методик уже недостаточно: системоцентрический подход, реализуемый в традиционных методиках, не позволяет глубоко раскрыть проблему и объективно ответить на поставленные вопросы [6: 64–65].

Обращение к когнитивным методам исследования детерминировано объективными причинами. В настоящее время лингвисту-эксперту приходится иметь дело не только со словом, высказыванием, текстом, но и креативным текстом, дискурсом, в том числе поликодовым, жанрами интернет-коммуникации. Названные объекты нуждаются в новых исследовательских подходах.

Особого внимания требует дискурс как «сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, как коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [1: 9–18].

При анализе дискурса традиционными методами эксперт может прийти к неверным выводам. Например, в Петрозаводске в феврале 2017 года журналиста обвинили в разжигании межнациональной розни и вандализме за высказывания на стенах зданий: «*Макеев за геев!*», «*Пивня – х...ня!*» Высказывание «*Пивня – х...ня!*» эксперт признал оскорбительным, направленным на унижение чести и умаление достоинства депутата Государственной Думы В. Н. Пивненко. При этом лингвист-эксперт не анализировал схожесть слова «Пивня» и фамилии Пивненко. Без доказательства схожести слов «пивня» и «пивненко» вообще не ясны основания считать, что речь идёт именно о В. Н. Пивненко. Ведь внутренняя форма слова «пивня» вполне прозрачна и может обозначать что угодно (пиво, выпивка пива, вообще выпивка и т. п.). Высказывание «*Макеев за геев*» по сути не может представлять угрозу для формирования социальной ненависти, розни или вражды. В высказываниях не содержится информации ни о национальности, ни о конфессиональной принадлежности, ни о принадлежности к той или иной социальной группе.

Поскольку рядом с высказыванием изображены рисунки, следовало бы произвести и семиотический анализ. С позиции когнитивной лингвистики любое изображение является текстом – результатом мыслительной деятельности. А графические знаки (например, три восклицательных знака) или рисунки (сердце, фаллос) реализуют невербальный код коммуникации. Причём, сердце в сфере социальных сетей является лайком и означает одобрение. На бытовом уровне сознания это знак любви. Фаллос (изображение мужского полового органа в состоянии эрекции) является стереотипным порнографическим символом в специальной литературе и видео, а на бытовом уровне сознания – маркером однополрой мужской связи.

Именно когнитивные методы исследования реализуют объективацию смыслов, т.к. они базируются на взаимодействии языка, сознания и культуры. Известно, что в диффамационном законодательстве все изображения рядом с текстом считаются добросовестным комментированием. Смысловое содержание высказываний представляет собой взаимодействие концептуальных сущностей, стоящих как за вербальной, так невербальной информацией. Поскольку один из вопросов предполагает определение смыслового содержания высказываний, необходимо было анализировать как вербальную, так и невербальную информацию. Следует также иметь в виду, что семантической формой репрезентации (экспликации) смыслового содержания является пропозиция. Однако пропозиционный анализ не был использован.

В настоящее время многие лингвисты-эксперты пытаются конкретизировать понятие «неприличная форма», но пока средствами его выражения считаются только лексические и фразеологические средства. Исследуя категорию неприличности как дискурсивную, мы считаем необходимым при отнесении того или иного средства к неприличным обращаться к регуляторам оценочности – метаконцептам НОРМА, ЦЕННОСТЬ, СТЕРЕОТИП, ОЦЕНКА. Такая необходимость обусловлена корреляцией неприличной формы с нарушением коммуникативной нормы, которая в дескриптивном плане является «распространёнными в языковом сознании установками принятого в определённом обществе коммуникативного поведения, пониманием того, кому, когда и как следует или не следует себя вести определённым образом в процессе общения, а в прескриптивном плане – правилами и требованиями к соответствующему поведению» [7: 18–19].

Способом объективации категории неприличности является неприличный формат высказывания, дискурса, где термин «формат» осмысливается как инструмент воздействия, способ ведения коммуникации, являющийся одним из параметров дискурса. Неприличный формат актуализируется языковыми, речевыми, стилистическими, когнитивными, коммуникативными, прагматическими и социокультурными средствами. Конфликтный дискурс является отражением социокультурной практики, связанной с конфликтной

коммуникативной ситуацией. Поэтому ведущей категорией в нём становится категория неприличности, которая характеризуется как регулятивная, так как в национальном сознании фиксируется «представление о чести, достоинстве и репутации человека как о ценности, а любое покушение на эту ценность порицается обществом» [14: 127]. Когнитивно-дискурсивный подход к понятию «неприличная форма» позволил выделить функционально-семантическую дискурсивную категорию неприличности, которую составляют разнородные компоненты: языковые, речевые, коммуникативные, прагматические, когнитивные, социокультурные. Учитывая выделенные компоненты категории неприличности, лингвист-эксперт должен использовать когнитивные методы исследования. Полагаем, что на основе семантической доминанты 'оскорбительный потенциал' происходит категоризация языковых и дискурсивных средств в контексте как неприличных.

Мы исходим из положения о том, что значение слова, выражения постоянно развивается, подвергаясь влиянию контекста или ситуации. Одно и то же слово может при этом профилировать различные участки своего концептуального содержания, стоящего за значением. Например, слово «быдло» традиционно относится к 4-му разряду ненормативной лексики, т. е. является неприличным по форме [15: 335]. В толковых словарях слово не означает «скот». Такое значение выделяется лишь этимологически. На основе словообразовательных, синтагматических и парадигматических связей произошло расширение значения слова «быдло». Производные маркируют новое прочтение смысла этого слова. Так, в предвыборных листовках Архангельск был назван *столицей быдлчества*. В статьях, посвящённых реформе образования, широко распространены производные *быдлизация (страны)*, *быдлизованное (население)*. Появились производные «быдлота», «быдлоторий», «быдлофобия» и даже негативное обозначение социальной сети ВКонтакте – «ВБыдлятине». Все эти языковые и речевые факты свидетельствуют о новом направлении концептуализации: выбрана другая концептуальная область производящего «быдло» – морально-оценочная. Когнитивный механизм – изменение концептуальной области. Достаточно подробно анализирует слово «быдло» С. Г. Воркачев в статье «Быдло» как ключевое слово РУНЕТА» [4: 17–26]. Ученый приходит к выводу, что зачастую слово «быдло» употребляется в двух основных функциях: 1) чисто инвективной для психологической защиты путём поднятия говорящим собственного социально-культурного статуса и понижения этого статуса получателя речи или третьего лица и 2) инвективно-квалифицирующей, устанавливающей признаки, по которым номинат – отдельная личность или социальная группа – может быть назван быдлом» [Там же]. Наряду с функциями исследователем выявлены основные концептуальные признаки, актуализированные в интернет-коммуникации. Среди названных признаков ключевыми становятся и выделенные нами в словарных дефи-

312 | нициях: 'бессловесность', 'покорность', 'безропотность', 'бессознательное подчинение большинству'.

Рассмотрим конкретный случай с использованием слова «быдло». На сайте «Эхо Севера» была опубликована статья А. Беднова «Поморье в евразийском мире» (<http://echosevera.ru/politics/2012/03/31/606.html>). Возникла дискуссия. Один из участников дискуссии произносит фразу: *Цари и коммунисты собирали страну, поморы хотят её развалить. К стенке!* Актуализируется оппозиция этнокультурных концептов: ЕДИНСТВО – РАЗРУШЕНИЕ и призыв к расправе над поморами. Далее этот же участник размещает сообщение: *Нас, ... (=русских), в Архангельской области – 1 млн. 200 тысяч. Вас, поморов – всего 2 тыс. И мы не позволим вам осуществить свои намерения.* Участник дискуссии под ником «Поморы» размещает реплику-реакцию: *А что ты с нами сделаешь? Вас миллионы быдла, а нас – две тысячи людей.*

Выделенные выше концептуальные признаки слова «быдло» подвергаются категоризации и маркируют следующее контекстное прочтение: быдло – символ бессловесной толпы. Пользователь под ником «Поморы» говорит об образе бессловесной толпы, которую он противопоставляет поморам, борющимся за свои права. Контекстное прочтение слова «люди» – человек, имеющий собственное чувство достоинства, не подчиняющийся слепо толпе. Поэтому реализуется не словарное значение слова, а контекстуальное. В контексте оно становится инструментом психологической защиты говорящего за счет повышения собственного социального статуса и понижения статуса адресата. Можно перефразировать сказанное так: *Нас мало, но мы в тельняшках (мы люди, т.к. боремся за свои права), вас много, но вы быдло (не боретесь за свои права).* В высказывании концептуализируется чувство презрения говорящего по отношению к адресату. Это ответная реакция, мотивированная предшествующими высказываниями, содержащими обвинение поморов в разрушении страны, угрозу неизбежности наказания (*К стенке!*), предостережение-запрет (*не позволим...*). Поэтому оценка высказывания, содержащего слово «быдло», на предмет отнесения его к неприличным или приличным не актуальна. Ведь границы приличия (использование стратегии агрессии, конфронтации) были нарушены одним из коммуникантов, реализующим мотивирующее высказывание. Следует иметь в виду, что «взаимная брань в условиях публичной коммуникации представляет собой два события унижения чести и достоинства другого лица, выраженного в неприличной форме» [10: 93]. Интенция автора мотивирующего высказывания реализуется с помощью этнокультурного кода. Говорящий использует прецедентный текст – фразу, которую произносит главный герой романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» О. Бендер: *«Из бывших? К стенке!»*. Фраза узнается всеми носителями русской лингвокультуры, поскольку слово «стенка» стало знаком-символом расправы. Ср. у В. Высоцкого: *Коридоры кончаются*

стенкой, а туннели выводят на свет; В тюремный коридор ушел и кончил стенкой... Речевой поступок автора мотивирующего высказывания отражает коммуникативный смысл речевого действия – *осуждение поморов и призыв к расправе над ними*. Прагматический выбор говорящего, формирующий коммуникативную интенцию, – *нельзя позволить поморам реализовать свои цели*. Стилистический выбор (языковое оформление) – использование прецедентного высказывания, содержащего словесный символ расправы, уничтожения. Однако данный призыв следует осмысливать как призыв к любой борьбе с поморами (в том числе и политической, экономической, общественной и т. п.). Нельзя делать вывод о том, что говорящий призывает к физическому уничтожению поморов. Если следовать рекомендациям М.А. Осадчего, то эффект статусного понижения относительно общества в публичном дискурсе сохраняется. Конфронтационные тактики используют обе стороны: в мотивирующем высказывании реализуются дискурсивные средства воздействия (тактика унижения чести и умаления достоинства посредством обвинения и агрессии), а в мотивированном высказывании – языковое средство (слово «быдло») реализует тактику психологической защиты и повышения собственного статуса за счет понижения статуса миллионов «непоморов». При этом речь не идет о какой-либо национальной или социальной группе. Слово «быдло» становится способом выражения эмоции презрения и осуждения. Поэтому стилистический паритет между мотивирующим и мотивированным высказываниями не сохраняется, но прагматический паритет практически совпадает: автор мотивирующего высказывания осуждает поморов, считая их врагами, а автор мотивированного высказывания осуждает тех, кто не борется за свои права. Мотивированное высказывание имеет неприличный формат в традиционном понимании «неприличной формы». Мотивирующее высказывание имеет неприличный формат при расширенном понимании категории неприличности. Конфликтность коммуникативной ситуации в данном случае маркируется переходом с предмета обсуждения на отношения. При этом рассогласованность, противоречивость коммуникантов приводит к «столкновению иллюкутивных намерений и модальных реакций» [2: 380]. Слово «быдло» становится средством отражения эмоциональной реакции автора мотивирующего высказывания.

Высказывание является оценочным, что маркируется языковым средством противопоставления (*быдла – люди*). Противопоставление местоимений «вас» и «нас» вовсе не означает оппозицию ПОМОРЫ – РУССКИЕ. Нельзя утверждать, что пользователь под ником «Поморы» имел в виду именно русских. Ведь миллионы – это никак не 1 млн 200 тыс. Пользователь имел в виду не конкретный народ, а народ вообще. Адресная направленность высказывания явно отсутствует, если не считать, что обращение на «ты» указывает на реакцию-отпор пользователю, призывающему к расправе над поморами.

314 | Поскольку ответное высказывание оценивается только в корреляции с репликой-стимулом, оно не может определяться как приличное или неприличное: предметом оценки является весь речевой комплекс [10: 88–89]. Кроме того, пользователь под ником «Помор» в предтексте спрашивает: *А разве есть не русские поморы?* Это высказывание свидетельствует о том, что поморы не отделяют себя от русских, тем более не противопоставляют себя им.

Когнитивно-дискурсивный подход важен для выявления пресуппозиций, социокультурных установок, ценностных ориентиров языковой личности. Установки в основном представлены имплицитно. Например, в народной картине мира сложилось такое представление о людях, которые боятся открыто бороться: *у них у самих рыльце в пуху или себе на уме*. Такие установки можно считать «рецептивной схемой» [13: 291].

В процессе анализа мы учитываем и когнитивные процессы текстовосприятия и текстопорождения, отличающиеся от аналогичных процессов в системе языка. Обращение к когнитивным методам исследования обусловлено тем, что «содержание текста на смысловом (когнитивном) уровне формируется из содержаний отдельных когнитивных структур текста, а когнитивные структуры текста осмысливаются путём их соотнесения со смыслом целого текста» [16: 331]. Одной из таких когнитивных структур в тексте/дискурсе становится его идея, которую можно представить в виде сценария. Так, в одной статье, посвященной губернатору Архангельской области, реализуется следующий сценарий, актуализирующий денотативную ситуацию: *автор передаёт явную и неявную негативную информацию о губернаторе (фактуальную и оценочную) с целью дискредитации последнего, навязывая читателю идею связи слухов об аресте губернатора с его противоправной деятельностью в период губернаторства*. Здесь же «работает» рецептивная схема «нет дыма без огня».

Речевые сценарии насмешки, издевки, обвинения, развенчания, разоблачения, высмеивания и т. п., а также пресуппозиции и пропозиции, реализующие стратегии конфронтации, являются когнитивными маркерами неприличного формата. Неприличный формат характерен для дискурсивной деятельности, протекающей вне конвенциональных дискурсивных практик, с нарушением правил коммуникации. Использовать в речи неприличный формат – это не только и не столько употребить бранное или нецензурное слово, сколько реализовать стратегию дискредитации личности путём различных конфронтационных речевых тактик.

Роль пресуппозиций в процессе интерпретации высказываний отмечает Н. Д. Голев: «главный источник конфликтности – возможность разной интерпретации исходной пресуппозиции (коммуникативное намерение). Без реконструкции пресуппозиции полноценная интерпретация любого высказывания в естественных коммуникативных ситуациях по существу

невозможна» [5: 301–302]. Мы тоже считаем, что необходимо учитывать взаимозависимость языковых средств и структур знаний, актуализируемых ими. Анализ когнитивного содержания (пресуппозиции, пропозиции, сценарии, концептуальные признаки, идеи) наряду с выявлением особенностей функционирования языковых средств позволяет определить глубинные процессы, в которых раскрываются существенные закономерности, обусловленные природой языка как средства общения.

Так, в статье «Словесный кошмар» («Правда Северо-Запада» от 24 августа 2005 г., № 35. И. В. Азовский) содержится высказывание: *Даже уголовник (Крупчак, например, фигурирует в десятке уголовных дел) может быть в руководстве*. В языке сочетания «быть уголовником» и «фигурировать в десятке уголовных дел» не являются тождественными по смыслу. «Уголовник» – это уголовный преступник, тот, кто совершил (совершает) уголовное преступление [9]. «Фигурировать в уголовных делах» – быть объектом внимания или обсуждения в делах, связанных с уголовным преступлением. «Фигурировать», конечно, можно в разном качестве, равно как в статусе преступника, так и в статусе потерпевшего, свидетеля и т. п. Но в контексте возникают окказиональные (авторские) мотивационные связи между однокоренными словами «уголовник» и «уголовный». В результате формируется семантический сдвиг в метавставке, смысл которой можно сформулировать так: «Крупчак, например, является уголовником». Этот смысл актуализируется позицией вводного предложения (сразу после слова «уголовник»), а также принадлежностью слов «уголовник» и «уголовный» к одному словообразовательному гнезду. Текстовая окказиональная семантика слова «уголовник» (*тот, кто фигурирует в уголовных делах*) не совпадает с узусальной (*тот, кто совершил или совершает уголовное преступление*). При соединении единиц, не находящихся в языке в мотивационных отношениях, возникает неординарная интерпретация их в контексте. При этом происходит взаимодействие концептуальных пространств (механизм концептуальной интеграции) слова «уголовник» и сочетания «уголовное дело». Зоной пересечения становится представление об уголовном преступлении. Это представление в обыденном сознании связано с нарушением действующего законодательства, что дает основание для утверждения нового смысла высказывания как результата взаимодействия слов и сочетаний в комбинаторике. Слово «уголовник» как доминирующий компонент высказывания не только реализует собственное (словарное) значение, но и актуализирует ситуацию в целом, влияет на значение вводной части, предсказывая её новый смысл: *Крупчак, например, является уголовником, так как фигурирует в десятке уголовных дел*. Этот смысл и формируется в обыденном сознании. Таким образом, рождение смысла контекста и его интерпретация происходят на уровне взаимодействия концептуальных сущностей, объективируемых словами и словосочетаниями.

316 | Автор сознательно нарушает словесные пресуппозиции, оказывая тем самым эмоциональное давление на читателя, у которого в сознании формируется образ адресата-референта (Крупчака) как уголовного. Смысл, выявленный когнитивно-дискурсивным методом, свидетельствует о стратегии речевой агрессии, имеющей адресную направленность. В целом приведённое высказывание толкуется так: *Даже уголовник, каким, например, является Крупчак, может быть в руководстве.* Когнитивным механизмом формирования смысла становится нарушение словесных пресуппозиций. Автор реализует стратегию дискредитации Крупчака, намеренно используя тактику обвинения, нарушая при этом постулаты успешного общения. Коммуникативная цель автора статьи – скомпрометировать адресат-референт (Крупчака) и вызвать эмоциональное негативное отношение к нему. Поэтому высказывание следует считать агрессивным, а формат дискурса – неприличным. См. также рассуждения проф. Ю.А. Бельчикова на научно-практической конференции «Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции»: «...но инвектива и бранная речь не сводятся к использованию матерной лексики... Скажем, «ты предатель», или «вы предатель». Предатель – это слово совершенно литературное, относится к книжной речи и даже считается словом повышенной экспрессии. Предатель, изменник. Но если человека так называют где-нибудь в приличном месте и в официальной ситуации, он вправе подать в суд за оскорбление и клевету» [11: 197]. Думается, газетный текст все считают «приличным местом». В сознании адресата-читателя формируется образ адресата-референта (Крупчака) как нарушившего социальные нормы ролевого поведения (депутат должен быть чист перед законом), поскольку существуют стереотипы ролевого поведения. Автор текста вторгается в когнитивное пространство адресата-читателя, навязывая негативное отношение к адресату-референту как к уголовнику, тем самым нарушая принципы конструктивной коммуникации.

Методы когнитивной лингвистики можно использовать при исследовании порнодискурса как совокупности фотографий и видеороликов с признаками порнографичности. Этот дискурс имеет полевую структуру. В центре, как показывает наш анализ материалов по детской порнографии, оказываются предметные фреймы с изображением гениталий, обнажённого тела в разных ракурсах, порносимволов крупным планом. Наряду с ними выделяются фреймы-события: имитация полового акта, мастурбация, сексуальные действия с фаллоимитатором. На периферии оказываются фреймы-действия: раздевание, купание, самоласки, ласки друг друга, ролевые игры (похлёстывание плетью, пошлёпывание ладошкой, сосание фаллоимитатора, кривляние перед зеркалом, позирование). Фреймы повторяются, что является особенностью порнодискурса. Например, фрейм с одной девочкой: сначала она одета, или только в трусиках, или в приспущенных трусиках. Читает. Начинает скучать.

Раздевается. Ласкает себя. Мастурбирует или играет с фаллоимитатором. Фрейм с двумя девочками: обе одеты наполовину или только в трусиках. Раздевают друг друга. Обнимаются, целуются, ласкают друг друга. Демонстрируют свои гениталии, трогают их, суют пальцы в гениталии друг друга или в анус. Играют с фаллоимитаторами. Фрейм с мальчиком и девочкой: сначала оба одеты. Затем раздевают друг друга, ласкают руками. Целуются, демонстрируют гениталии, трогают их. Целуют, в том числе и языком. Имитируют половой акт с фаллосом или реальный.

Идеи, установки, фреймы, сцены, детали, образы, символы – все это структуры знаний, стоящие за изображениями. Но есть еще одна структура знаний, которая стоит за всем материалом, – это общий сценарий, по которому действует «режиссёр»: *Некто взрослый обучает детей правилам поведения в сексе по специальной «программе», разрушая представления ребёнка о собственной естественной сексуальности, приобщая детей к девиантному сексуальному поведению и заменяя установленные жизненные ценности новыми, делая детей товаром для сексуальных утех, удовлетворения похоти, источником сексуального удовлетворения.* Он не ставит никакой художественной задачи, заменяя личность символикой пола. При этом у ребенка может сформироваться индивидуальное когнитивное пространство, в котором особое место будет занимать стереотипное представление о сексе как технологии, лишённой чувств и эмоций. Кроме того, детям фактически внушается, что ценностью является не человеческая личность, а человеческий низ, гениталии.

С позиции когнитивной лингвистики, фотографии и видеоролики имеют текстовый характер. Информация, передаваемая таким текстом, становится знаковой. Известно, что знаковый (семиотический) код имеет две разновидности – вербальную и невербальную. Фотографии реализуют невербальный код. Видеоролики – невербальный и вербальный (реплики за кадром и в кадре). В качестве знаков на фотографиях и видеороликах используются символы (предметные и процессуальные), в том числе порносимволы, жесты, стереотипные образы, детали (украшений, одежды, аксессуаров, обстановки, внешности). Особое место в структуре дискурса занимают сценарии: самоласки и ласки друг друга, мытье в ванне, бритье гениталий, раздевание друг друга и самораздевание, курение, действия с фаллоимитатором, имитация полового акта, ролевые игры, кривляние и позирование перед зеркалом, в т. ч. и рисование на теле, имитация жесткого секса (похлёстывание партнёра плёткой или ладошкой) и т. п. В видеороликах используются определённые речевые жанры: рекомендация, указание, просьба, предложение, уточнение, вопрос, повеление, поощрение и т. п.

Порнодискурс является специфическим персуазивным дискурсом, осмысление которого требует дополнительных исследований. Ясно одно: при его анализе необходимо использовать когнитивные методы.

Таким образом, когнитивный подход позволяет учитывать социокультурный, коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты, что делает исследование более глубоким и объективным, поскольку актуализируется связь языка, сознания и культуры. Он открывает возможность рассмотреть известные термины и положения, используемые в правоприменительной практике, под новым углом зрения, расширяет объекты лингвистической экспертизы и позволяет определить имплицитную информацию.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современно когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов. В 2-х т. Т. 1 / под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. СПб.: Политехника, 2003. С. 9–18.
2. Борисова И.Н. Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений // *Stylistyka* 6. Opole, 1997. С. 371–386.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 176 с.
4. Воркачёв С.Г. «Быдло» как ключевое слово РУНЕТА // Политическая лингвистика. Вып. 3 (41). Екатеринбург, 2012. С. 17–26.
5. Голев Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений (на материале русских игровых текстов) // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 299–312.
6. Губаева Т.А. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // *Рос. Юстиция*, 2002. № 4. С. 64–65.
7. Карасик В.И. Коммуникативные нормы массовой культуры // *Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография* / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. С. 18–33.
8. Кузнецов С.А. Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания // *Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп.* / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. С. 277–288.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
10. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: ЛИБРИКОМ, 2013. 256 с.

11. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблема их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004. 328 с.

12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов (перевод с англ. В.З. Демьянкова) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

13. Стернин И.А. Рецептивные схемы в анализе скрытых смыслов в лингвокриминалистике // Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 290–298.

14. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 287 с.

15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.

16. Dijk T.A. van. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague: Mouton, 1981. 331 p.

T. A. Sidorova

COGNITIVE METHODS OF RESEARCH IN PRACTICE OF A LINGUIST-REFEREE

Abstract: Timeliness of the study is due to the search for methods of research appropriate for activity of a linguist-referee. The purpose of the present study is to prove the need for the use of cognitive methods in expert activity of a linguist. Special attention is paid to cognitive devices of revealing of implicit meanings.

Keywords: cognitive methods, cognitive devices, implicit meanings, linguistic examination.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ВЫЯВЛЕНИИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Аннотация. В статье рассматривается актуальность обсуждения проблем конфликтного речевого взаимодействия в рамках курсов повышения квалификации. Анализируются такие проблемы, как понятие конфликта, существование этнических стереотипов, этнические конфликты, существование языковых конфликтов в мигрантоемком регионе, проявление вербальной агрессии, выявление и предупреждение экстремистских настроений, лингвистическая экспертиза спорных текстов. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что предложенный курс является актуальным для специалистов, работающих в ХМАО-Югре. Знание реальной социокультурной ситуации, основных понятий психологии конфликта, этнической конфликтологии, проблем вербальной агрессии поможет различным категориям слушателей своевременно выявлять проблемы, существующие как в отдельных коллективах, так и в регионе в целом.

Ключевые слова: речевой конфликт, вербальная агрессия, экстремизм, этнические стереотипы, толерантность, лингвистическая экспертиза.

В 2015–2016 учебном году коллективом авторов (д. с. н., к. ф. н. Засыпкин Владислав Павлович, д. ф. н. Сироткина Татьяна Александровна, д. пс. н. Гагай Валентина Васильевна, к. ф. н. Бреусова Елена Ивановна) был разработан курс повышения квалификации для работников образовательных учреждений ХМАО-Югры, работников правоохранительных органов и прокуратуры, представителей муниципалитетов и органов региональной власти «Профилактическая работа по предупреждению экстремизма и выявлению вербальной агрессии». Предложенный курс ориентирован, с одной стороны, на теоретическое осмысление проблем, связанных с вербальной агрессией, с другой – на практику «повседневного языкового существования», поэтому имеет прагматическую направленность. Знание реальной социокультурной ситуации, основных понятий психологии конфликта, этнической конфликтологии, вербальной агрессии призвано помочь перечисленным категориям

слушателей вовремя выявить проблемы, существующие как в отдельных коллективах, так и в регионе в целом.

Целями освоения курса являются следующие:

- 1) сформировать представление об этнических и языковых конфликтах;
- 2) овладеть методикой анализа речевого материала с позиций лингво-конфликтологии;
- 3) получить навыки интерпретации конкретных языковых фактов, необходимых для последующей работы в данном направлении в условиях школы.

В результате освоения курса слушатели должны развить следующие компетенции:

- 1) способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности базовыми культурными ценностями, современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества;
- 2) готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям;
- 3) способность выделять и анализировать единицы различных уровней языковой системы в единстве их содержания, формы и функций.

В результате освоения курса слушатели должны развить следующие компоненты компетенций:

знать:

- понятия экстремизма, этнического и языкового конфликта, вербальной агрессии;
- социально-психологические причины этнических конфликтов;
- психолингвистические характеристики текстов СМИ экстремистской направленности;
- психолингвистические приемы введения в заблуждение реципиентов СМИ;
- основные принципы и приемы работы с речевым материалом, подлежащим анализу с позиций вербальной агрессии;

уметь:

- определять стратегию поведения человека в конфликте;
- выявлять признаки экстремизма в разных типах текстов;
- ориентироваться в вопросах, связанных с выявлением вербальной агрессии;
- анализировать различные виды текстов с точки зрения вербальной агрессии;

владеть:

- критериями анализа спорных текстов;
- приемами воспитания толерантной языковой личности.

322 | В апреле 2016 года данный курс был апробирован в рамках занятий по повышению квалификации работников образования г. Сургута и вызвал интерес слушателей. В настоящей статье рассмотрим, какие проблемы языковой конфликтологии можно обсуждать с опорой на данные современной этнолингвистики.

1. Понятие конфликта. Такая область знания как конфликтология с течением времени приобретает все большую актуальность в современном мире. Столкновение интересов, точек зрения, взглядов на мир и общество приводит к разнообразным конфликтам. Чтобы оценить, насколько серьезны эти конфликты, необходимо иметь представление об их основных признаках, структуре, видах конфликтов по различным основаниям. Специалисты говорят о том, что поведение в конфликте может быть различным, выделяют такие стратегии, как сотрудничество, уход, компромисс, соперничество, уступку. Важно, чтобы они решались без агрессии и насилия в широком смысле этого слова. Рассуждая о природе человеческой агрессивности, целях и мотивах насилия, ученые говорят о том, что она может быть различной: прямой, структурной, культурной. Специалисту важно при этом знать способы ограничения применения насилия в обществе, конкретные приемы работы с теми, кто склонен к разжиганию конфликтов [1]. Интересной в этом отношении может быть предлагаемая Ларисой Олеговной Бутаковой для студентов омских вузов деловая игра «Этнические конфликты и способы их разрешения» [2].

2. Проблема существования этнических стереотипов. Дихотомическое отношение «мы – они» ученые-этнологи называют главным условием существования этничности. К основным факторам ее относятся следующие: язык и языковая сознание, культура, религия, место рождения, представление об общности исторического прошлого. Обсуждаемыми и актуальными являются такие понятия, как этническая идентичность, этническое самосознание. На знание их должен опираться специалист, исследующий определенную социальную общность. Кроме того, в культуре каждого этноса обязательно существуют определенные этнические стереотипы, выполняющие различные функции – когнитивную, аффективную, социальную. Существуют специальные методы исследования этнических стереотипов и ассоциаций: когнитивное моделирование, ассоциативный эксперимент, наблюдение, анализ текстов. Зная особенности направленности данных стереотипных структур, специалисты должны пытаться использовать данный материал в процессе воспитания толерантной языковой личности. Слушателям курсов была предложена анкета, ответы на вопросы которой показали, что не всегда даже у представителей интеллигенции проявляется толерантное отношение к представителям других культур. Важна в этом плане работа по данной теме в школьных коллективах – проведение бесед, классных часов, внеурочных мероприятий.

3. Проблема этнических конфликтов. Особую актуальность в полиэтничных регионах приобретает исследование этнических конфликтов, причинами которых являются различия в языке, быте, культуре, традициях представителей разных этносов [4]. Рассматривая данный вид конфликтов, говорилось о том, что крайней степенью может являться экстремизм – политический, национальный, религиозный. Основными факторами экстремизма являются: «1) чувство национального превосходства; 2) различные виды этнической гиперидентичности; 3) высокий уровень агрессивности, склонность к насилию; 4) чувство ненависти и вражды к «другому», «чужому»; 5) склонность к силовому решению проблем и споров» [3].

4. Проблема существования языковых конфликтов в мигрантоемком регионе. Поскольку языковой конфликт по своей природе лежит прежде всего в плоскости межнациональных и межэтнических отношений, проблемы данного типа конфликтов в условиях мигрантоемкого региона приобретают наибольшую значимость. Однако при всей глубине причин и источников конфликт является прежде всего феноменом речевым. Речевая репрезентация конфликтов – это то, что реально представлено в конкретной ситуации общения. Описывая конфликтогенные свойства языка и речи, лингвисты выделяют такой вид конфликтов, как коммуникативные, называя их причины и типы: коммуникативный сбой, провал, неудача. К конфликту может приводить неправильный выбор коммуникативной стратегии или коммуникативной тактики. Способы предотвращения и разрешения коммуникативных конфликтов также названы и изучены, и специалисты, работающие с людьми, должны иметь о них представление. Важно понимать то, что с точки зрения коммуникативных целей различными могут быть и тексты, в которых встречается такой вид конфликта, как конфликт интерпретаций, столкновений смыслов, не всегда бывает адекватной передача информации, в силу чего возникают нетолерантные тексты. Специалистам (не только лингвистам) важно знать способы выявления языковых конфликтов, иметь опыт анализа нетолерантных высказываний и текстов.

5. Понятие вербальной агрессии. При освещении проблем речевой конфликтологии ученые используют понятие «язык вражды». Такой язык имеет свои признаки, и также причины возникновения (чаще всего – экстралингвистические). Языковая (речевая) агрессия – нередкое явление в современном обществе. В научной литературе описаны лингвистические признаки оскорбления, клеветы, типы поведения в различных конфликтных ситуациях: инвективный, куртуазный, рационально-эвристический. Вербальная агрессия справедливо считается негативным способом коммуникативного взаимодействия, особенностью деструктивного общения. Проявление грубости в речи можно отследить по конкретным лексам агрессии, встречающимся в высказывании, что должен уметь выявлять и учитель, и социальный работник.

6. Проблема выявления экстремистских настроений и анализа нетолерантных высказываний и текстов, отражающих речевые конфликты. Понятие экстремизма можно рассматривать в контексте различных социально-гуманитарных наук: юриспруденции, социологии, психологии, философии, лингвистики, религиоведения. Политики и ученые занимаются выявлением причин экстремизма, исследованием способов его предупреждения. Объектом комплексных исследований традиционно являются речевые произведения с признаками экстремизма, в которых присутствуют призывы, направленные на осуществление экстремистской деятельности, на осуществление действий насильственного характера, на создание организованной группы лиц, на подготовку и совершение преступления экстремистской направленности. Важным является, безусловно, как своевременное выявление подобных текстов, так и профилактическая работа с молодежью по предупреждению экстремизма.

7. Проблемы лингвистической экспертизы спорных высказываний и текстов. В последние десятилетия в нашей стране во всех сферах жизни общества крепнет понимание того, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела. Речевые произведения все чаще становятся фактом судебного разбирательства, так как в них содержатся признаки преступлений и правонарушений, совершенных посредством слова. В связи с этим практика административного и уголовного судопроизводства требует привлечения специальных лингвистических познаний, т. е. выполнения лингвистической экспертизы текста. Как известно, в рамках лингвистической экспертизы решаются следующие типовые задачи, перечень которых может быть расширен в ответ на запросы судебной практики:

- исследование спорного текста, высказывания или языкового знака (например, документа, газетной статьи, телепередачи, фирменного наименования, товарного знака и др.) с целью установления его смыслового содержания;

- исследование спорного текста, высказывания или языкового знака с точки зрения жанровой, композиционной или лексико-грамматической формы выражения;

- исследование коммерческих имен (фирменных наименований, торговых марок, доменных имен) на предмет установления их оригинальности, индивидуальности, новизны, неповторимости, степени смешения;

- разъяснение на основе профессиональных лингвистических познаний правил применения норм современного русского языка с учетом функционально-стилистической принадлежности спорного текста [3]. Слушателям курсов приводились примеры подобных текстов из практики проведения лингвистических экспертиз и исследований, проводимых в разное время авторами.

Таким образом, не вызывает сомнений то, что предложенный курс является актуальным для специалистов, работающих в мигрантоемком регионе.

Знание реальной социокультурной ситуации, основных понятий психологии конфликта, этнической конфликтологии, проблем вербальной агрессии поможет различным категориям слушателей своевременно выявлять проблемы, существующие как в отдельных коллективах, так и в регионе в целом.

Литература

1. Бреусова Е.И., Сироткина Т.А. Профилактическая работа по предупреждению экстремизма и выявлению вербальной агрессии: практическая значимость для мигрантоемкого региона // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. С. 168.
2. Бутакова Л.О. Программа дисциплины «Этнолингвистика [Электронный ресурс]. – URL: <http://migha.ru/programma-disciplini-etnolingvistika.html>.
3. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма (в помощь судьям, следователям, экспертам). М.: Юридический мир, 2006. С. 10.
4. Тавадов Г.Т. Этнология: учебник для вузов / Г.Т. Тавадов. М.: Проект, 2002.

T. A. Sirotkina

USE OF ACHIEVEMENTS MODERN HUMANITIES IN THE PREVENTION OF EXTREMISM AND IDENTIFICATION OF VERBAL AGGRESSION

Abstract: The article discusses the relevance of discussing the problems of conflict of verbal interaction in the framework of training courses. Analyzed issues such as the concept of conflict, the existence of ethnic stereotypes and ethnic conflicts, the existence of linguistic conflict in multinational region, the manifestation of verbal aggression, detection and prevention of extremist attitudes, linguistic examination of the disputed texts. It concluded on the basis of the analysis that the proposed course is relevant for professionals working in the Ugra. Knowledge of the actual socio-cultural situation, the basic concepts of psychology of conflict, ethnic conflict resolution, verbal aggression problems will help different categories of students in a timely manner to identify the problems that exist in individual teams, and in the region as a whole.

Keywords: speech conflict, verbal aggression, extremism, ethnic stereotypes, tolerance and linguistic expertise.

Т. А. Троицкая

info@exnc.ru

*негосударственный судебный специалист-эксперт,
Национальный Общественный Центр Экспертиз «НОЦЭ»
Москва, Россия*

Д. А. Назаров

antio.l.l.s@mail.ru

*врач-психиатр, врач-психиатр-нарколог
ФКУЗ «МСЧ МВД России по Рязанской области»,
действительный член Российского общества психиатров (РОП)
Рязань, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ И ПСИХОЛОГИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОМПЛЕКСНЫХ ПСИХОЛОГО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. В отдельных случаях при проведении комплексных экспертиз речевых актов психиатр может заменить психолога или дополнить его участие, опираясь на свои познания в области явных и скрытых проявлений психопатологии и аномалий в мышлении, речи и графике, при разрешении проблем выражения эмоций, передачи душевного волнения автора, при диагностике вербальной угрозы и т. п.

Ключевые слова: речь, мышление, психика, норма, отклонение.

Классическая лингвистическая и комплексная лингвистическая и психологическая экспертиза, особенно проводимая в государственных экспертных учреждениях по запросам правоохранительных органов, при работе с письменными, устными и креолизованными текстами, а также с материалами из социальных сетей, видеороликами и т. д. практически не берет во внимание любые, особенно не явно выраженные, но при этом объективно присутствующие в анализируемых речевых продуктах отклонения от нормы, понимаемые как отличия от общепринятых способов и приемов оформления мыслей авторов на письме, реже – в рисунке и т. п., во внешней форме или же в содержательном плане представленных материалов.

Последнее во многом объясняется присущим современной психологии после многих лет вынужденного забвения увлечением известным идеализмом, в том числе уклоном в сторону психоанализа. Более того, возросший

интерес к последнему не обошел своим вниманием филологов и лингвистов, предпринимающих отдельные попытки закрепить за речью статус не осознанного процесса, неосознаваемого действия, в котором находят свое отражение глубинные психические процессы, проявляющиеся лишь при утрате внешнего контроля.

Все чаще звучит термин «бессознательное», а в качестве «научной» аргументации теории приводится принципиально непознаваемая до конца в своей природе творческая деятельность – в том смысле, что раз писатель при создании художественного текста не знает заранее результат, то и любая речь создается без активного участия разума и контроля воли.

Определенную настороженность вызывает и увлечение части практиков так называемым «языковым портретированием личности», которое зачастую, насколько можно судить по примерам публикаций в специализированной литературе, проводится без должного учета среды и обстоятельств жизни «подэкспертного», особенно если речь идет об интернет-авторе, данные о личности которого отсутствуют, и тому подобными процессами.

Проводятся попытки перевести все вопросы, связанные с миром эмоций и с переживанием фактора речевой агрессии, исключительно в сферу компетенции специалистов по языку, которые берут на себя смелость высказывать суждения о потенциальной возможности обидеть, то есть задеть психоэмоциональную сферу тем или иным высказыванием или словом только по критерию наличия или отсутствия в данном высказывании бранной лексики.

При этом все приведенные в наших абстрактных примерах подходы не выдерживают критики с точки зрения традиционных представлений о человеке, высшей нервной деятельности, индивидуальных особенностей психики.

Так, речь не существует вне связи с мыслительной деятельностью и наоборот, проблемы с речевым развитием могут прямо указывать на проблемы в области умственного и психического здоровья, поэтому говорить о неосознанной речи, наверное, в какой-то степени можно применительно к речи под гипнозом или к разговорам во сне; роль бессознательного не должна быть преувеличена, иначе доведя до абсурда эту мысль, мы столкнемся с концепцией потенциальной невозможности вменения и невозможности нести ответственность за любой речевой и поведенческий акт в целом.

Все, что касается сферы эмоций и чувств, все же ближе к области психологии и психиатрии, в арсенале которых нет таких подтвержденных научных данных, которые позволяли бы отнести к потенциально конфликтным, способным обидеть и задеть только определенные слова и высказывания и т. п.

Что же касается «языкового портретирования», то на наш взгляд, именно участие психиатра, вместе с психологом, или самостоятельное может придать подобным исследованиям большую информативность и принести пользу. Но об этом чуть подробнее скажем дальше.

Описанные выше процессы, на наш взгляд, вызваны относительной слабостью психологической экспертизы, которая на практике играет роль как бы дополнения за лингвистом. Даже по объему часто лингвистическая часть оказывается больше, выглядит формально более весомой и законченной, в то время как психолог постоянно ссылается на выводы речеведов, а специалисты по языку, в свою очередь, активно вторгаются в традиционно психологические вопросы.

Практикующие специалисты говорят о том, что «в лингвистике с помощью интент-анализа проводится характеристика сознания субъекта, выстраиваются субъективные семантические пространства, отражающие категориальные структуры индивидуального сознания, ... в психологии с использованием психосемантического подхода к анализу текста, выделяется значение мотивационной составляющей текста, выделяются индивидуальные различия в восприятии и понимании смысла текста» [3: 65]; «языковое портретирование... позволяет не только определить тип речедеятеля (национальный, социальный, культурный и т. п.), а изучить самого адресанта речи...; иными словами, эксперт анализирует одновременно и характерологические особенности речи носителя языка, и коммуникативные способности человека» [2: 42].

В процитированных высказываниях к сфере компетенции лингвиста оказываются отнесены само сознание и характер личности «речедеятеля», что очевидно не соответствует ни характеру образования, ни паспорту специальности, ни обычной практике экспертов-лингвистов, филологов, литературоведов.

При этом в приведенных цитатах отражена насущная потребность в перенесении центра внимания с отдельных речевых актов на личность их создателя в целом, из чего следует логический вывод о том, что именно психология и психиатрия, как науки о человеке, должны активней выходить на первый план в тех исследованиях и экспертизах, которые касаются непосредственно случаев презентации человеком самого себя через речевые и поведенческие акты, а также в случаях выявленного интереса к так называемому девиантному поведению, выражающемуся в том числе, через проявление пристального интереса к публикациям на определенные темы в Интернете, особые способы оформления мыслей и ведения дискуссии и т. д.

В настоящий период времени коммуникация в Интернете, как и обращения в прямой эфир на радио и телевидение, издание листовок, газет и т. п. столь широко пронизали современное российское общество, что априори ставят вопрос о потенциальном наличии среди активных «публикаторов себя» лиц, чье ставшее публичным речевое поведение неизбежно должно нести в себе отражение их внутреннего дисгармоничного состояния – психических расстройств и болезней, а также зависимостей.

Тем более, что ряд состояний подталкивает личность изнутри к желанию публичного представления себя, но имеет место и противоположный процесс,

когда ведение дневников и фиксация своего состояния и мыслей становится одним из терапевтических приемов.

Стремление высказать себя, а также найти единомышленников, создать свое сообщество по интересам и популяризировать свои взгляды присуще не только людям с полностью сохраненной психикой, но и лицам, имеющим те или иные проблемы.

В современной психологической и лингвистической экспертной практике принят такой подход, при котором постулируется априорная нормальность (*термин употреблен условно. – Авторы*) коммуниканта.

Такой подход упрощает экспертную задачу, автоматически снимая часть вопросов о мотивации, о целеполагании, об истинных намерениях, о прокламируемых и скрытых целях автора и публикатора, но сужает информационный потенциал для органов дознания, в то время как истинной задачей эксперта, по нашему мнению, должно быть оказание всесторонней помощи дознанию в пределах своей компетенции.

Пользуясь правом на экспертную инициативу, а также руководствуясь требованиями ст. 57 УПК РФ, эксперт обязан предоставить инициатору назначения экспертизы максимум возможной информации, которая может переориентировать, например, вектор розыска, уточнить имеющиеся представления о лице.

Участие в экспертизе лица, сведущего в вопросах ментального здоровья, может дать неожиданные результаты в вопросах интерпретации, коммуникативной направленности текстов, замыслов автора тех или иных речевых актов. В отдельных случаях психиатр может заменить психолога или дополнить его участие.

При этом, на наш взгляд, методологически психологические и исследования речевого поведения с помощью психиатра должны оставаться на тех же позициях, что и медицинская психология, судебные и практические психиатрия, психология, сексология и психология.

Обращение к «Вестникам судебной психиатрии» за 1960-е годы позволило обнаружить интересные нюансы, связанные с историей развития СППЭ в нашей стране.

Так, инициаторами выведения психологии из компетенции исключительно педагогических учреждений выступили именно психиатры, которые, опираясь на знаменитое высказывание академика Павлова «без клиники нет психологии», предложили широко включить сначала в терапию, а потом и в экспертную практику методы психологического обследования пациентов.

Подразумевалось, что психолог будет работать в тесном контакте с психиатром, психоневрологом и неврологами, а все его суждения будут основываться, в первую очередь, на глубоких познаниях в области физиологии, на теории о высшей нервной деятельности, но с обязательным учетом фактора среды

330 | и окружения, а основная цель усилий будет направлена на так называемую психогигиену и профилактику.

Соответственно, на этих же принципах до последнего времени базировалась и любая психологическая помощь населению и государственная экспертиза.

На наш взгляд, задачи и функции психолога, обученного работать с живыми лицами, но вынужденного перепрофилироваться на следы интеллектуальной деятельности в виде текстов в самом широком понимании данного слова, должны быть основаны на тех же самых принципах, что и работа психолога в стационаре, а также на основных принципах судебно-психиатрической экспертизы по документам (ретроспективной).

То есть, в первую очередь, психолог должен уметь увидеть картину в целом – весь комплекс созданных текстов, картинок, файлов или весь текст целиком и провести первичный анализ на предмет наличия или отсутствия в нем признаков какой-либо аномалии или отклонения от нормы.

При этом анализу подлежат как внешняя форма (способ оформления текста, выбор шрифта, компоновка на листе, графическое оформление и т. п.), так и стилистика. Отдельное внимание следует уделить наличию или отсутствию особенностей в выборе и постановке знаков пунктуации, наличию или отсутствию каких-либо графических символов (эмодиконы, инфографика). Затем перейти к диагностике опечаток и ошибок. И уже после – к стилистике как оформлению речи (с акцентов на соответствие темы и содержания) и формально-содержательным моментам.

Самый последний этап – критическое осмысление содержания, смысловой составляющей, отсылок, параллелей и т. п.

В случае работы с комплексом материалов, комплексному анализу подлежат все проявления личности автора. И только после составления представления о личности автора должен происходить непосредственно переход к разрешению узких задач, поставленных перед экспертом.

При этом все отмеченные аномалии, если таковые были выявлены, должны быть отмечены и подробно описаны, но без попыток объяснения наличием какого-либо болезненного состояния.

Практика показывает, что лингвисты и филологи часто не проводят подобного специального анализа в рамках судебных экспертиз, а меж тем выявление особенностей письма, повторяющихся стереотипных ошибок, вычурности в манере речи, обилия необычных и редких слов, а также особенностей грамматики, пунктуации, строения предложения, как и особенностей ассоциативного мышления, даже при отсутствии явных аномалий в содержательной части может оказаться принципиально важным, так как косвенно укажет на медицинские (не обязательно психиатрические), возрастные особенности или на измененное состояние создателя текста.

Собственно, в предложенном подходе нет ничего принципиально новаторского и высказанные мысли созвучны мнениям отдельных практиков, – например, о том, что судебная психологическая экспертиза, которая сейчас проводится практически по всем делам экстремистской направленности, «должна иметь своим объектом не только размещенный информационный объект (какие-либо материалы, но и личность подозреваемого, обвиняемого» [6: 15]. Однако данный подход, формально так или иначе заявленный во всех существующих методиках анализа материалов экстремисткой направленности, на практике оказывается далеко не всегда в полной мере используемым в силу сложного комплекса факторов.

Как нам представляется, с одной стороны, специалисты испытывают вполне объяснимые проблемы с тем, что они фактически объявили областью своих экспертных интересов «психику человека как особое свойство его мозга, недоступное непосредственному чувственному познанию» [1: 32] и «закономерности протекания и структуры психологических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия» [1: 32], в то время как традиционно граница в изучении психики пролегла меж изучением психической деятельности здорового человека, в том числе изучение определенных функций мозга здорового человека применительно к той или иной области практической деятельности, в том числе творческой, и между изучением уже патологических состояний [4: 139, 142].

Но задача всестороннего исследования патологических или патопсихологических проявлений психической деятельности в устной речи, на письме и тем более в творческой деятельности, это задача, не разрешимая единолично психологом, в силу особенностей его образования и практического опыта. Так, в нашей стране, по крайней мере, профессиональная подготовка лиц с высшим медицинским образованием проводится таким образом, что любой психиатр в определенной степени становится психологом, в то время как психолог не может заменить врача ни в диагностике, ни в клинике. Представляется, что и в экспертизе подобная ситуация.

С другой стороны, психолог часто ограничен и объемом, и характером представленного на исследование материала, и объективной невозможностью работы непосредственно с личностью испытуемого. При возникновении сложностей с проведением всестороннего изучения, возникает искушение к разрешению экспертных задач по сугубо формальному подходу, то есть сосредоточившись целиком на характере отдельных материалов, без рассмотрения их в комплексе общих установок личности.

Нами же все-таки рекомендуется сохранить комплексный подход и идти от общего к частному (от общего представления о личности и особенностях речи человека к разрешению поставленных правоохранительными органами

332 | вопросов), а также сохранять известную автономию и независимость от выводов лингвистов, избегая настойчивого желания совпадать с ними по всем моментам.

Только после того, как психологом было составлено общее впечатление о состоянии автора, возможно приступить непосредственно к анализу по поставленным вопросам, но при этом психолог должен неизменно оставаться на позициях отстранения и комплексного видения, дабы не истолковать истинные коммуникативные намерения и цели формально, так как они не всегда совпадают с отмеченными правоохранительными органами.

Поясним на примере.

Пример 1. На исследование были представлены материалы, размещенные в одной из популярных социальных сетей на странице автора, в отношении которых имелись определенные опасения о потенциально экстремистском характере данных материалов.

Поскольку на исследование была представлена полностью одна авторская страница, у специалистов была возможность изучить максимум материала – фотографии и контакты автора, активные ссылки, предпочитаемую музыку, подписчиков и комментаторов, предпочтения среди фильмов и комиксов.

Инициатором были поставлены вопросы относительно части материалов (интернет-постеры, слоганы, отдельные высказывания) так называемой «неонацистской направленности», причем публикатор рассматривался правоохранительными органами как организатор экстремистского сообщества, но при внимательном комплексном изучении страницы автора в целом специалистом было рекомендовано изменить угол зрения и обратить внимание на другие черты в поведении интересующего лица.

А именно: акцент был поставлен на устойчивом стремлении объединить вокруг себя подростков и несовершеннолетних девушек; при этом одной из постоянно поднимаемых тем, то есть значимых для автора, являлся мотив предательства со стороны девушки и отсутствия в реальной жизни идеала женской любви и верности.

Именно этой недостижимой верности противопоставлялось вполне реальное «чувство братства и локтя», общности коллектива соратников по интересам, при этом такими интересами были объявлены походы и собаководство.

Среди других важных для понимания личности автора признаков фигурировал и интерес к особому типу фильмов – посетителям своей страницы он неизменно рекомендовал особый тип фильмов ужасов, главными героями которых являются девочки-подростки, либо ставшие жертвами кровавых преступлений, либо сами совершившие кровавые убийства с использованием пил, топоров и иных устрашающего вида колюще-режущих предметов.

При всем описанном выше материалы так называемой «неонацистской тематики» у публикатора имелись, но не вербовка и распространение этих

идей, по мнению специалистов, составляло основу мировоззрения данной личности. Подобные материалы использовались лишь в качестве орудия, для привлечения к себе большего внимания со стороны молодежи и подростков обоих полов путем спекуляции на присущем подростковому возрасту стремлении к конформизму и самоутверждению, к поиску единомышленников и привлекательности атрибутов «особого мира», для эксплуатации их сопутствующего возрасту «революционного настроения», в конечном счете, для формирования вокруг себя замкнутого и почитающего его как лидера подросткового коллектива, который бы обеспечил ему беспрепятственную возможность общения с несовершеннолетними.

Резюме и рекомендацией специалиста было обратить внимание на подэкспертного не как на личность убежденного идейного экстремиста, борца за идею, а искать его среди лиц, склонных к педофилии и возможно, уже имевших столкновение с законом на этой почве, а также обратить внимание на высокую вероятность наличия у него выявленного расстройства психики и возможно, на обращение за получением специализированной помощи в ПНД по месту жительства. Все высказанные предположения (о судимости за преступления педофильской направленности, о наличии заболевания и лечении в ПНД) подтвердились.

При этом, конечно, формально выявленные признаки наличия в текстах и интернет-постерах, опубликованных на его странице в Интернете, призывов к совершению насильственных действий и иных насильственных и дискриминационных действий по признаку национальной принадлежности и вероисповедания, могли образовывать состав отдельного преступления. Но последнее уже представляет интерес исключительно для соответствующих органов, а эксперт же, в любой ситуации, должен не закрывать глаза на наличие неких выпадающих из общепринятой картины диагностических признаков, а также учитывать, что пользователя Интернета может привлекать «сама форма информационного сообщения, содержащийся в ней юмор (пусть и достаточно примитивный), иронию, сарказм, эпатаж, парадокс, вызов привычным стереотипам и т.д.» [6: 15], а также то, что «теория речевых актов и теория речевой деятельности... презюмируют, что речь человека всегда и полностью осознанна, намеренна и направлена»; «эта гипотеза не учитывает существования таких широко распространенных феноменов устной и письменной речи, как дислексия, стилистическая глухота, оговорки, описки, речевые автоматизмы, речевой абсурд, юмор, художественная выразительность, речь, адресованная самому себе, и пр.» [5: 487].

Последний тезис как раз можно прокомментировать так, что специальные познания психиатра могут на практике помочь как с диагностикой проблем речи, так и с диагностикой проявившихся в ней особенностей мышления, к которым в определенных ситуациях могут быть отнесены и абсурд, и от-

334 | дельные виды оговорок, и монологическая речь, и склонность к многоговорию, и специфический юмор, и необычные случаи употребления привычных слов, послужить объяснением тех моментов, которые оказались непонятны психологу и недооценены лингвистами.

Второй пример является еще более показательным, так как он напрямую обращен к специальным познаниям психиатра, как единственного профильного специалиста, которого обучали диагностике необычной речи и диагностике по речи, отличающейся от нормы.

Ситуация заключалась в том, что одному из лиц вменялась роль организатора преступного сообщества и как непосредственного его руководителя, так и разработчика и создателя определенной преступной схемы, а пикантность ситуации заключалась в том, что соучастником по делу проходил родной брат-близнец обвиняемого, в отношении которого у защиты были сомнения относительно его более высокого уровня развития интеллекта и организаторских способностей.

По делу была проведена лингвистическая экспертиза, направленная на то, чтобы подтвердить участие обоих братьев в коммуникации посредством средства мгновенного обмена сообщениями ICQ, в ходе которой объективно не была четко определена степень участия каждого из братьев в разговорах, а также манера речи и уровень развития речи каждого из них по отдельности.

В то же время стороной защиты были предоставлены в качестве образцов речи основного обвиняемого письма, отправляемые им родителям по системе ФСИН-письмо, то есть рукописные, а также примеры устной речи, зафиксированные в протоколах следственных действий и показаниях.

Изучение представленных образцов показало, что речь потенциально организатора преступной схемы и группы отличается от речи в норме по выбору частей речи, построению предложений, пунктуации, а также по способ мышления, исключаящему абстрактное мышление, обобщение, не допускающее метафоричности, а также без признаков эмпатии к окружающим и с предельной концентрацией на собственных ощущениях в текущий момент, без прогнозирования.

В речи полностью отсутствовали наречия, прилагательные, причастия и деепричастия.

Предпочитаемый тип предложения – простое, с перечислением однородных подлежащих или сказуемых через запятую. Самой графике в написании знака запятой уделяется повышенное внимание, она вырисовывается тщательно, с особой любовью, становясь основным средством придания выразительности графическому оформлению текста.

Причем, все особенности речи были стереотипными и повторялись во всех без исключения образцах. Кроме того, анализ текстов допросов показал, что фигурант испытывает сложности с восприятием новых, неожиданных

для него вопросов, и склонен замыкаться в себе и отказываться от ответа, вне зависимости от юридической значимости вопроса.

Все перечисленные особенности не могли не обратить на себя внимание экспертов, но сравнительные и эталонные образцы не были ими затребованы, а экспертиза, по сути, автороведческая, проводилась исключительно по предоставленным следствием материалам. Для нас непонятно, каким образом, не имея свободных образцов речи каждого из братьев можно было в категорической форме установить их совместное участие в коммуникации по ICQ, а также непонятно, как их речь по своим характеристикам была приравнена, хотя последнее объективно опровергается материалами.

С точки зрения психолога и психиатра выявленные особенности уже свидетельствовали о наличии определенных проблем в мыслительной сфере фигуранта. Но поскольку варианты дальнейшей диагностики и обследования были немногочисленными, с учетом нахождения исследуемого под стражей, было принято решение, что на свидании с адвокатом ему будет предложено исполнить самый распространенный рисуночный тест «Несуществующее животное», результаты которого подтвердили высказанное предположение о наличии у испытуемого органического поражения головного мозга, что дополнялось данными анамнеза о нескольких черепно-мозговых травмах, а также зафиксированными врачом СИЗО жалобами на постоянную головную боль.

Таким образом, отправной точкой для диагностики состояния, характера личности и его потенциальной способности быть создателем и руководителем преступного сообщества, явились непосредственно особенности письменной речи и ее графического оформления, при этом не связанные с какими-либо бредоподобными или галлюцинаторными симптомами.

Примеры из третьей группы возможных экспертных ситуаций связаны с необходимостью использования специальных познаний врача-сексолога при анализе материалов, прямо или косвенно эксплуатирующих тему сексуальных взаимоотношений.

Они напрямую связаны с неоднозначностью понимания нормы и девиаций лицами с медицинским профильным образованием и обывательским восприятием.

Из таких неоднозначных случаев хотелось бы особо отметить два. Первый связан с репостом в Интернете (с пометкой 18+) графических произведений одного зарубежного автора, доступ на чей официальный сайт легко получить путем нехитрого обращения к поисковым системам, и он не заблокирован Роскомнадзором, например, на тему некоторых аспектов жизни Древней Греции и Самурайской Японии.

Если рисунки с сюжетами, в которых Вакх в окружении нимф исполняет нечто, связанное с культом плодородия, еще подлежат успешному одноз-

336 | начному истолкованию, то сцена на тему Японии представляли собой более сложные изображения – изображения особым образом связанного самурая, чуть парящего над землей, чтобы было видно использование неких, выражаясь современным языком, секс-игрушек.

Для того, чтобы определить порнографический характер данного изображения, необходимо было ответить на вопрос, имеется ли тут показ каких-либо сексуальных извращений или взрослым людям демонстрируется вариант нормы, да еще и без показа обнаженных половых органов.

Опять же, в современной сексологии и сексопатологии различаются понятия извращений и отклонений (как перверсии и девиации), кроме того, в последние годы неоднократно расширялся перечень нормы в сексуальном поведении.

В итоге на изображение были получены два взаимоисключающих заключения: от искусствоведа – что это порнография и от врача-сексолога, что здесь изображен вариант нормы и порнографии (для взрослой аудитории) здесь нет.

Поскольку иногда именно изобразительные материалы подобного содержания становятся объектами лингвистической экспертизы, хотелось бы все же привести алгоритм комплексного исследования к универсальному знаменателю. Так, скорее всего, в случае неочевидности (нет изображения малолетних, нет изображений непосредственно взаимодействия половых органов) целесообразней, на наш взгляд, если первым даст свою научную оценку изображенному именно медик, после чего, возможно, уже и помощь психолога, и других специалистов не понадобится.

Еще один пример связан с такой распространенной сегодня практикой общения в соцсетях, как отсылка селфи в обнаженном виде в возбужденном состоянии. Представляется, что при работе с подобного рода материалом на первый план должны выступать сексолог и психолог, так как в подобном случае необходимо установить общий контекст, обстоятельства и цели отсылки подобного изображения экстралингвистическими способами, не опираясь даже на прямые словарные значения сопутствующих реплик, а рассматривая всю переписку целиком, с акцентом на активности и роли каждого из участников коммуникации, тип их реакции, наличие возможного провоцирования и т. п.

Специфика ситуации в том, что стандартный лингвистический подход, при котором все изображенное можно описать словами, то есть перевести в текст, а потом текст проанализировать, в описанных ситуациях, связанных с контентом с изображениями на сексуальную тематику, может оказаться не пригодным, так как само описание, то есть словесная интерпретация в немедицинских терминах может иметь более отрицательную коннотацию и семантику, нежели само зафиксированное действие. Для того, чтобы по возможности, минимизировать погрешность интерпретатора, нам и представляется необходимым усилить степень участия именно медика в подобных экспертизах.

Литература

1. Афанасьева Е.Ю. Проблемы теории судебно-психологической экспертизы // сборник материалов VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, проф. Юрия Кузьмича Орлова» (г. Москва, 19–20 января 2017 г.) М., 2017. С. 31–33.
2. Бондаренко Е.Н. Возможности языкового портретирования в лингвистической экспертизе // сборник материалов Международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза. Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз» (Москва, 15–16 января 2014 г.). М., 2014. С. 41–43.
3. Бондаренко Т.А. О методах психологического исследования информационных материалов в процессе производства судебно-психологических экспертиз // Вопросы экспертной практики. Специальный выпуск. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы». М., 2019. С. 63–68.
4. Гуськов В.С. Терминологический словарь психиатра. М.: Медицина, 1965. 219 с.
5. Новожилова Е.В. К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз // Вопросы экспертной практики. Специальный выпуск. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы». М., 2019. С. 485–488.
6. Проблемы производства судебных экспертиз по делам экстремистской направленности / Метелев А.В., Белоковьяльский М.С. // Практика применения закона о противодействии экстремисткой деятельности. Сборник материалов научно-практической конференции (28 января 2016 г., Москва). М., 2017. С. 13–16.

T. A. Troitskaya, D. A. Nazarov

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF PSYCHIATRY AND PSYCHOLOGY IN THE CONDUCT OF COMPLEX PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXAMINATIONS

Abstract: In some cases, when carrying out complex examinations of speech acts, the psychiatrist can replace the psychologist or Supplement his participation, based on his knowledge in the field of obvious and hidden manifestations of psychopathology and anomalies in thinking, speech and graphics, in solving problems of expression of emotions, transmission of emotional excitement of the author, in the diagnosis of verbal threats, etc.

Keywords: talking, thinking, mind, norm, deviation.

Раздел 5.
АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

ИНВЕКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Интернет-опосредованная коммуникация занимает огромное место в общении, зачастую даже заменяя «живое» общение. Это детерминировано тем, что снижается уровень социального взаимодействия в непосредственной форме и общение становится все более обезличенным, то есть собеседник может и не знать имени в рамках коммуникации человека, а только его никнейм. Не всегда общение носит мирный характер, возможно и возникновение конфликтных ситуаций, что и приводит к тому, что роль эвфемизмов в Интернете возрастает значительно. Эвфемистические выражения смягчают высказывание, но сохраняют общий контекст, поэтому их использование в большинстве случаев не допускает подобных ситуаций.

Ключевые слова: эвфемизм, интернет-среда, социальные сети.

Применение эвфемизмов детерминировано необходимостью избегания конфликтов, соблюдения правил разговорного этикета, а также сформировать комфортные условия для собеседника.

Отсюда следуют и базовые функции эвфемизмов:

1. Описание действия или события в более корректной форме.
2. Скрыть истинный смысл (например, применить слово «учреждение» вместо «тюрьма»).

На современном этапе изучение эвфемистического пласта остается в фокусе лингвистических исследований, прежде всего, потому что это текучий и подвижный материал, любопытный по своей неоднозначности и непредсказуемый по «языковой моде», своеобразный барометр настроений и моральных ценностей в обществе. В то же время, несмотря на столь высокую роль и значимость данного стилистического приема, наличие достаточно большого количества исследований, остается малоизученным вопрос применения эвфемизмов и их функций в рамках интернет-опосредованной коммуникации, что во многом детерминировано новизной тематики, а также крайне высокой степенью стремительности развития данного вида взаимодействия. На протяжении длительного количества времени многие лингвисты предпринимали попытки дать определение категории «эвфемизм». Рассмотрим наиболее популярные трактовки. Так, Д.Н. Ушаков под эвфемизмом понимает «...слово (или выражение), которое употребляется для не прямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым

340 | именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято (например, «в интересном положении» вместо «беременна»; «если с больным ничего не случится» вместо «если больной не умрет») [8: 11].

В работе В. П. Москвина «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка» можно прочесть следующее мнение: «Эвфемизм является средством смягчения и очистки речи (например, «шут» с ним вместо «чёрт» с ним), поэтический троп выполняет в тексте эстетическую функцию» [7: 59].

Н. М. Бердова говорит о косвенности, описательности и иносказательности эвфемизмов, способствующие выполнению основной их задачи – завуалирование, смягчение, облагораживание [2: 66].

Таким образом, можно говорить о том, что эвфемизм представляет собой слово или выражение с нейтральным смыслом и с такой же нейтральной эмоциональной нагрузкой, которое применяется для текстов или публичных выступлений, когда нельзя применить слова и выражения, считающиеся неуместными или не вполне приличными.

То есть эвфемизм определенное обозначение явления, которое в полном объеме завуалировано, используемое для обозначения ситуации, которую в определенной ситуации невозможно обозначить прямым наименованием. Зачастую эвфемизмы применяются в политике, когда необходимо манипулировать общественным сознанием. Применение эвфемизмов детерминировано необходимостью избегания конфликтов, соблюдения правил разговорного этикета, а также сформировать комфортные условия для собеседника.

Особый исследовательский интерес вызывают случаи, когда лексема, выполняющая в контексте все эвфемистические функции, сохраняет инвективу. В таких случаях формально слово становится нормированным и стилистически нейтральным, однако по в значении реализуется инвективная функция. Следует отметить, что эвфемизм, являясь лексемой, имеет в основе номинативную функцию, однако в то же время заменяет синонимичное слово с негативным или уничижающим значением. Следовательно, инвективное начало эвфемизма не утрачивается даже при нейтральной коннотации. В некоторых случаях отрицательная оценочная составляющая также сохраняется, тогда высказывание превращается в оскорбление под культурным маркером или манипулятивной тактикой.

Проанализируем наиболее популярные примеры эвфемизации выражений в интернет – среде, которые могут проследиваться на различных площадках – и в текстах статей, и в комментариях пользователей.

Одним из наиболее популярных сегодня эвфемизмов в интернет-среде выступает «модель плюс сайз». Под понятием «модель плюс сайз» понимается женщина, работающая моделью, чьи мерки в несколько раз превышают модельные параметры фигуры. Этот эвфемизм обладает нейтральной коннотацией, поскольку его можно определить как международный обще-

принятый термин, модели таких параметров востребованы и уважаемы, поэтому инвективная функция здесь сведена к минимуму, однако номинация нестандартных форм не утратилась, она лежит в основе, но переосмыслена в положительную сторону.

В комментариях к различным статьям, опубликованным в интернете мы можем встретить и такой эвфемизм как «низкое социальное прошлое» (рис. 1).

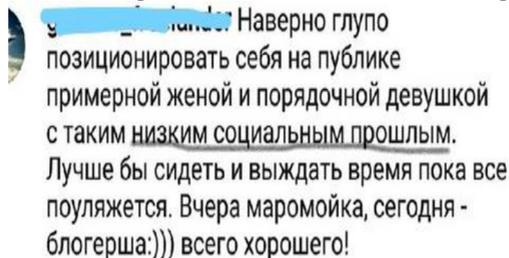

Рис. 1. Применение эвфемизма в комментариях в Интернете

Эвфемизмы «низкое социальное прошлое» и «женщина с низким социальным статусом» тесно взаимосвязаны и подразумевают друг друга повторением «низкий» и «социальный». Значение у обоих одно – человек, чей образ жизни и поступки выходят за рамки одобряемого обществом поведения, основанного на морально-этических понятиях.

Стилистически данный эвфемизм нейтрален, но инвективная функция его не утрачена. А наоборот подчеркнута посредством применения на практике устаревшего слова «марамойка» с идентичным значением. То есть в данном комментарии намеренно идет оскорбление, но оно при этом завуалировано попыткой казаться интеллектуально развитой, в каком-то смысле культурной. В этот ряд также можно включить эвфемизм «ночная бабочка».

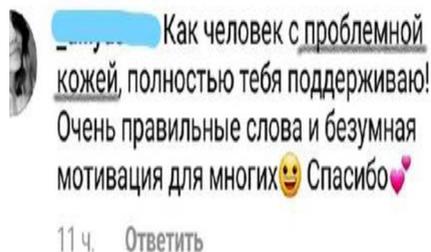

Рис. 2. Применение эвфемизма в комментариях в Интернете

В данной ситуации словосочетание «проблемная кожа» стало уже привычным для обывательской речи, хотя изначально данный термин широко применялся только в медицинской практике. Оно означает наружный покров тела, имеющий определенные проблемные моменты – прыщи, угри и пр. С позиции

342 | употребления данного словосочетания можно говорить о его нейтральной окраске, но в тоже время инвективная функция присутствует – назвать вещь своим именем, но с минимальным задеванием чувств человека. При этом особенностью данного комментария является то, что в нем человек пишет о себе, тем самым подчеркивая схожесть наличия проблемы с автором поста.

Идентичным по своей смысловой нагрузке можно назвать еще один эвфемизм, который достаточно часто встречается в интернет-пространстве.

«Крем помогает исправить косметические недостатки...» = изъяны внешности, морщины и т. д. (статья на сайте <https://formulakrasoty.com/>). Данный эвфемизм также имеет нейтральную окраску, но с сохранением инвективной функцией.

Рис. 3. Комментарий в социальной сети «Инстаграм»

Эвфемизмом здесь выступает словосочетание «лишний вес». Данный эвфемизм общеизвестный, стилистически нейтральный, с хорошо завуалированным оформлением, поэтому инвективная функция здесь проявляется слабо. Однако номинация нестандартных форм проявляется.

Из представленных примеров можно сделать вывод о том, что эвфемизмы формально преобразуют высказывания в более культурные, но сохраняют инвективную составляющую в семантическом, контекстуальном и редко стилистическом плане.

Таким образом, инвективная функция эвфемизмов, несмотря на то, что они заменяют негативно-оценочные слова, не утрачивается, однако в каждом случае проявляется по-разному в зависимости от намерений человека и особенностей реализации в контексте высказывания и общения. Использование эвфемизмов актуально и уместно в коммуникации для избегания конфликтов, особенно в интернет-пространстве, где адресатом выступает незнакомое лицо, часто с выдуманным именем.

Литература

1. Абакова Т.Н. Дисфемизмы и эвфемизмы как способ языкового воплощения стратегии дискредитации в текстах политической сферы // Вестник саратовского государственного университета. № 6. Вып. 65. 2016.

2. Аникина Т.В. Имя собственное в интернет-коммуникации // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2. С. 71–76.
3. Галичкина Е.Н. Лингвосомиотические параметры компьютерной коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 3. С. 179–186.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов: моногр. М.: Гнозис, 2012. 320 с.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский филологический интернет-портал «Philology.ru» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.html>.
6. Меликян В.Ю. «Православие или смерть!»: речевая агрессия как способ решения задач духовного просвещения общества // материалы III Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». Ростов-на-Дону: Дониздат, 2013. 200 с.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2. М.: ЛЕНАНД, 2007.
8. Старук М.М. Эвфемизация наименований малопрестижных профессий в современном русском языке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014. С. 115–119.
9. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2014. 704 с.

D. Z. Abdurakhmanova

THE INVECTIVE FUNCTION OF EUTHEMISMS IN THE INTERNET-SPACE

Abstract: Internet-mediated communication occupies a huge place in communication, often even replacing “live” communication. This is determined by the fact that the level of social interaction in a direct form decreases and communication becomes more and more impersonal, that is, the interlocutor may not know the name within the framework of the person’s communication, but only his “nickname”. Communication is not always “peaceful” in nature, and the emergence of conflict situations is possible, which leads to the fact that the role of euphemisms on the Internet increases significantly. Euphemistic expressions soften the statement, but retain the general context, so their use in most cases does not allow such situations.

Keywords: euphemism, Internet environment, social networks.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МЕСТОИМЕНИЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ⁸

Аннотация. Местоимения обладают разнообразными прагматическими свойствами, позволяющими выполнять дискурсивные функции; способны маркировать стиль и подстиль, быть знаками социальных отношений, быть жанрообразующим и текстообразующим средством, выполнять роль идеологом.

Ключевые слова: местоимения, часть речи, категориальная семантика, лингвистическая прагматика.

Распределение слов по частям речи с трудом осуществляется потому, что оно опирается на кардинальные свойства языка и отраженные в нем мыслительные категории. Классификация частей речи связана со словом, грамматическая природа которого еще не познана в полной мере (прежде всего – ввиду его многоликости). Именно поэтому местоимениям часто отказывали в статусе самостоятельной части речи. На местоимение как особый класс слов обратили внимание еще античные грамматисты. В Александрийской школе была принята восьмичастная система частей речи, включающая и местоимение. В грамматике Дионисия Фракийца о местоимениях сказано, что они стоят вместо имени, указывая на лицо. Выделенные Аристархом восемь частей речи перекочевали затем в грамматику Варрона (*De lingua Latina*). Римские продолжатели традиций александрийской грамматики видели в местоимении особую часть речи. Элий Донат, суммировавший предшествующий опыт, определял местоимение (*pronomen*) как часть речи, стоящую вместо имени, обозначающую почти столько же и иногда принимающую лица, он же указал на наличие у местоимений важнейших категорий – двух чисел, трех лиц (*ego, tu, ille*) и таких же падежей, как у существительных [14: 86, 103–104]. Античная система частей речи, включающая местоимения, на многие века

⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00016.

закрепились в европейской грамматической науке. см. подробнее: [1: 80–82, 298–300]. В комментарии к «Priscian maior», который приписывают Роберту Килвордби (XIII в.), проводится такое знаменательное различие между местоимением и другими частями речи: часть речи, обозначающая вещи, находящиеся в состоянии покоя и определенные качественно, – имя, а вещи, находящиеся в состоянии покоя и неопределенные качественно, обозначает местоимение [14: 153].

Вместе с тем, наряду с давней традицией выделения местоимения в качестве отдельной части речи, длительную историю имеют и частеречные системы, отказывающие местоимениям в статусе самостоятельной части речи. Интересные сведения о местоимениях содержатся в грамматике Франциска Санчеса, проф. а словесности Саламанского университета (Испания). Грамматика называлась «"Минерва", или о первоосновах латинского языка» ("Minerva" seu de causis lingua latinae). Аргументы, на основании которых Санчес исключает из числа частей речи местоимение, таковы. Прежде всего, он отмечает, что все свойства имени присущи и местоимению, равным образом и определение имени вполне подходит местоимению. Но как же местоимения могут ставиться вместо имени, задается вопросом Санчес, если мы обозначаем ими предметы, не имеющие имен, или же те, чьих имен мы не знаем? Индивидуальная сущность гораздо лучше обозначается личным местоимением, чем собственным именем, «ведь когда я говорю «ego», то ты не можешь себе представить никого другого, кроме меня. А когда я говорю «Franciscus», то можно перевести понимание и на кого-нибудь другого; следовательно, скорее «Franciscus» употребляется вместо «ego», чем наоборот. Глубоко ошибаются все те, кто учат, что местоимения ставятся вместо имен, считает Санчес, ведь тогда magister, dux (учитель, вождь) также следует отнести к местоимениям, поскольку они ставятся вместо имен Цицерон и Помпей, равно как и многие другие прилагательные, употребляющиеся вместо имен». Среди всех местоимений Санчес особо выделяет три, называя их не «прономинами», а «протономинами» и наделяя их «королевскими полномочиями»: «...ego, tu, sui – протономины или, правильнее, первые имена, потому что они являются независимыми предводителями других; а то, что они склоняются иначе, так это привилегия королей... они управляют всеми именами, и перед ними, гордыми, все имена безмолвны и несовершенны», – цит. по: [14: 190–191]. Итак, хотя личные местоимения и присоединены к другим именам, но их особая значимость в языке передана в высшей степени точно и выразительно (интересно, что противопоставление местоимений всем иным словам свойственны некоторым современным грамматическим построениям: ср. мнение М.А. Шелякина о том, что местоимение стоит над всеми другими частями речи и отражает последние в своих грамматических и функциональных особенностях; см.: [15: 10]. Недаром местоимения «я»

346 | и «ты» принадлежат к самым употребительным в любом языке, и никакое общение между людьми и объяснение мира не может без них обойтись; они определяют диалогическое отношение как центральное в мироздании, и в частотных словарях они отмечены как имеющие даже большую частотность, чем служебные слова типа предлогов и союзов.

В «Грамматике Пор-Рояля», написанной А. Арно и К. Лансло, местоимение вновь выделяется в качестве самостоятельной части речи, причем смысл этой части речи определяется с позиций наивного рационализма: поскольку людям приходится часто говорить об одном и том же в одном и том же высказывании, было бы надоедливо повторять всякий раз одни и те же имена. И были придуманы некие слова для замещения этих имен, которые и назвали местоимениями. Прежде всего, было признано неуместным и неуклюжим называть самого себя – так появились местоимения первого лица. Чтобы не называть по имени того, к кому обращена речь», были придуманы местоимения второго лица. А потом, «чтобы не требовалось повторять имена других лиц или других вещей, были придуманы местоимения третьего лица» [3: 45–46]. Как видим, в этом комментарии содержатся представления о заместительной функции местоимений, их особой роли в коммуникации и способности быть средством экономии в языке. Те восемь частей речи, который обозначил Аристарх Самофракийский, в славянских грамматиках выделялись вплоть до ломоносовской «Российской грамматики», где появился расширенный список из десяти частей речи: имя (существительное, прилагательное, числительное), местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие). В грамматиках XIX–XX вв. так же нет единства по поводу категории местоимений. Есть концепции, где местоимение не признается отдельной частью речи (Г. Пауль, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Э. Бенвенист). В.В. Виноградова относит к классу местоимений реликтовую, непополняемую группу из двух десятков слов: я, ты, мы, вы, себя, он-она-оно-они, кто-что, никто-ничто, некто-нечто, некого-нечего, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что, то есть, в терминах функциональной лингвистики, «ядро» класса. Напротив, широкий подход к местоимениям находим, например, у О. Есперсена [5: 91–93], который, вслед за Норейном, выделяет местоимения на основании непостоянной сигнификации, зависящей от экстралингвистических обстоятельств и определяющей ситуацией в целом. Такой подход делает разряд местоимений чрезвычайно широким: слова типа нижеподписавшийся, правый, левый, в воскресенье, сегодня и мн. др. в таком случае оказываются местоимениями. О. Есперсен пишет: «Я пошел бы даже дальше и включил бы в местоимения так называемые местоименные наречия – then, there, thence, when, where и др., которые имеют ряд черт, свойственных местоимениям, и образованы явно от них (whenever, whoever, somewhere)» [5:

93]. Наиболее характерными (прототипическими) для данной категории являются личные (1 и 2-го лица) и лично-указательные (3-го лица) местоимения. Семантика этих местоимений содержит коммуникативный конструкт: с одной стороны, корреляция с действительностью, а с другой – корреляция с мыслящим субъектом, причем эти корреляции не являются универсальными. Так, во многих языках и культурах понятие я мыслится как по существу намного шире, чем в современных европейских языках. Я может включать не только сознание, душу, тело человека, но и связанные с ним предметы и даже других людей, от этого я неотъемлемых [6: 547]. Итак, местоимение по-прежнему остается спорной категорией с точки зрения частеречной принадлежности, что напрямую связано как с грамматической неоднородностью этого класса слов, так и с особенностями ее семантического содержания. Есть мнение, что с точки зрения семантического и прагматического содержания и тем более – в плане возможностей эстетизации – местоимения представляют незначительный интерес. Так, А.А. Реформатский утверждал, что местоимения, как «вторичные» слова-заместители, есть удобное звено в устройстве языка: они позволяют избегать нудных повторов в речи, экономить место и время в высказывании. Но в то же время они лишены «переливов красок» настоящего живого слова; без них не проживешь, но они не затрагивают огонь мысли, не они берегут чувства [13: 65]. Однако в составе дискурса и текста местоимения способны передавать многие семантические и прагматические нюансы, что делает их важной текстовой категорией, о чем писали Р.О. Якобсон, Ю.М. Лотмана и мн. др. (ср. классический анализ Р.О. Якобсоном стихотворения А. Пушкина «Я вас любил», где из 29 флективных слов 14 местоимений, которые оказываются центром, определяющим все процессы референции и номинации). По Ю.М. Лотману [10: 84], сюжетная основа лирического стихотворения вообще строится как перевод всего разнообразия жизненных ситуаций на специфический художественный – местоименный – язык. Не менее значима роль местоимений и в прозаических текстах. Ср. рассказ Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», где местоимение «она» выступает в качестве контекстуального «аффектива», замещающего слово «смерть». В прозаическом художественном тексте важную текстообразующую (и жанрообразующую) роль выполняют транспозитивные местоимения, например – в авторском повествовании обобщающее местоимение второго лица может иметь своим денотатом и первое, и второе лицо, объединять автора и читателя. Вообще ядром прагматического материала естественных языков традиционно признаются дейктические единицы [2: 136], а значит и местоимения. Местоимения называют даже «самой загадочной» категорией слов: они всюду и «сами по себе» и «вместо чего-то»; лингвистическая природа их «настолько сложна и многогранна, что способна удерживать внимание не одного поколения лингвистов» [11: 3], и в осно-

348 | ве коммуникативной гибкости, «текучести» местоимений лежит свойство энтропийности, незавершенности их смысловой структуры. Числовые формы личных местоимений отличаются от соответствующих именных форм, потому что это всегда эллиптический плюрал (ориентированный на представления о различиях, ибо мы не равно я + я + я, но обозначает я + другой (другие)). О. Есперсен назвал *мы* местоимением «с распределенной ответственностью». В индоевропейских языках одно местоимение первого лица множественного числа, но может быть и иначе, то есть в этой сфере имеются грамматические лакуны. О. Есперсен [5: 221] пишет о том, что некоторые языки Африки различают исключаящую и включающую формы множественного числа местоимения *we*. Это различие можно наблюдать в известном анекдоте о миссионере, который обратился к неграм со словами: «Мы все грешники, и мы все нуждаемся в обращении в веру», но, к несчастью, употребил вместо включающей формы «мы» другую форму, которая означает «я и мои, но не вы, к кому я обращаюсь». Различение числовых форм местоимения второго лица в русском языке чрезвычайно прагматически нагружено. Как известно, переход с ты на вы и наоборот может означать изменение межличностной дистанции. В английском языке эта дифференциация утрачена, и грамматическая лакунарность в переводе или в другой форме межкультурной коммуникации требует элиминации (делакунизации). В русской лингвокультуре социально значимо различение обращений на «ты» и на «вы», каждое из которых варьируется в зависимости от условий общения (есть «ты» детское, «ты» отеческое, «ты» начальственное, «ты» дружеское и «ты» хамское). Сегодня этикетные нормы использования личного местоимения претерпели значительные изменения, которые касаются, прежде всего, расширения использования в публичной коммуникации форм единственного числа (что, очевидно, происходит под глобальным влиянием английского языка). Современный русский этикет содержит правило не употреблять местоимение он, она в присутствии лица, которое называется этим местоимением. В пособиях по культуре речи и этикету такая норма объясняется тем, что местоимение третьего лица призвано называть того, кто не участвует в диалоге; следовательно, таким именованием присутствующий при разговоре как бы выводится за рамки общения, что невежливо. Выходом в иных языках бывают разные этикетные речевые приемы. Например, совершенно очевидно, что польское *pan, pani, panstwo* являются выходом из местоименной парадигмы и переходом в иную и тем самым по-другому дистанцированную парадигму имени. Местоимение *ты* было обычным при обращении к животным, растениям, морю, солнцу и другим природным явлениям и артефактам. Такое употребление местоимения второго лица называется «внедиалоговым», поскольку оно используется при мысленном обращении к любым объектам, исключаящим реальный диалог. Ср., однако:

«Я вас люблю, столица, буду я вам служить, долго любовь продлится, можно сказать – всю жизнь. В сердце моем не гаснут слова признания вам в любви, моя Москва» (песня из репертуара Л. Лещенко); ср. также интеллигентов из «Солнца мертвых» И. Шмелева, которые камням говорили вы. Невозможность реального диалога является также причиной того, что, невзирая на предельно почтительное отношение к Богу или покойнику, мы обращаемся к ним на «ты». У местоимения мы широкие транспозитивные возможности формы. Во-первых, это *pluralis majestatis*, принятое со времен римских императоров, говоривших о себе *nos*. *Мы* величия, известное в русском языке с конца XIV в., использовалось для того, чтобы подчеркнуть личность великого московского государя, его знатность и независимость. А с XVI века мы в значении единственного числа стало употребляться в письменной форме уже без указания на величие и вскоре превратилась в штамп. Транспозитивное использование мы нередко связывают с такими культурно значимыми для русского этноса идеями и представлениями, как соборность», «приоритет коллективного начала над индивидуальным», «ослабленная индивидуальная ответственность за событие», «пациентативный способ отношения к миру». Известно такое понятие, как «мы-дискурс» в политике и науке. Еще М.Е. Салтыков-Щедрин обратил внимание на то, что мы «у газетчиков звучит нахальнее, чем я». В либеральной публицистике XIX в. были распространены формулировки типа: *Мы не раз говорили, Мы предупреждали, мы предвидели*, которые придавали «репутацию» сказанному и переводили индивидуальное мнение, оценку в разряд коллективных. «Расцвет» таких формулировок приходится на советский период с его идеологией приоритета коллективного над индивидуальным. Однотипные явления – выражения с неопределенным референтным индексом (ср. выражения типа *В управлении считают... Есть мнение, что...* и под.). Однако транспозиция местоимения мы не есть примета только собственно советского дискурса. Ср., например, мы докторского участия: Как мы себя сегодня чувствуем? Или ср. так называемое родительское мы: У нас уже три зубика. Инклюзивный характер местоимения мы предопределил его активное использование в политическом дискурсе в качестве идеологемы единения. Такое *мы* необходимо при коммуникативной установке отождествить свою точку зрения с точкой зрения адресата, тем самым включив адресата в сферу своих идей и ценностей. То есть местоимение *мы* легко становится средством манипулирования. См. подробнее: [4]. Итак, форма мы способна передавать не просто различную, но противоположную прагматическую информацию: *мы* величия и *мы* авторской (редакторской) скромности – это пример энантиосемии на грамматическом уровне. Особым образом используется местоимения *мы* в научном дискурсе. *Мы* вместо *я* в языке науки считают стилевой нормой, поскольку за пределами научного дискурса никто, кроме коронованных особ и душев-

350 | нобольных, не говорит о себе во множественном числе. Однако сегодня эта стилевая норма подтачивается, наблюдается возврат к *я* в языке современной науки. Ср. показательный фрагмент из введения к научной монографии: «Здесь необходимо сказать о принципиальном вопросе: от чьего имени пишутся книги, статьи, защищаются диссертации? Многие, особенно начинающие лингвисты, так привыкли мыслить «коллективно», и так прочно усвоили местоимение «мы», что боятся взять на себя ответственность за написанную работу и заявить об этом во всеулышание личным местоимением «я». Колхозно-совхозное коллективное общество выпестовало поколения людей, никогда ни за что не отвечавших. Всю вину за написанное и сказанное перекладывали на других, вовлекая в круг ответчиков и читателя (слушателя), который, однако, не должен делить вину и честь автора. Я отвергаю этот метод беседы с читателем и сознательно восстанавливаю в его правах личное местоимение «я», не боясь навлечь на себя упреки в бахвальстве, а, напротив, руководствуясь лишь личной ответственностью за каждое здесь сказанное мною слово» [8: 6]. Пафос фрагмента из монографии А.Т. Кривоносова вполне понятен, тем более что сказанное коррелирует с другими негативными свойствами современного научного дискурса – отсутствием настоящей полемики, шаблонами, «модными» цитатами, кочующими из одной работы в другую и проч. Правомерность такого подхода (корреляция с «колхозно-совхозным» менталитетом) косвенно подтверждают такие данные: при сравнении научных текстов на русском и английском языках выявилось преимущественное *мы* в первых и *я* во вторых [9: 184]. Однако хорошо известно, что употребление шифтерных (эгоцентрических) слов вообще всегда составляло одно из главных отличий научного дискурса, для которого характерна тенденция к стиранию вообще всех форм личного выражения. «Мы» в научном стиле неотделимо от тяготения научного дискурса к безличным или неопределенно-личным конструкциям (представляется правомерным...). Как писал Б. Рассел [12: 119–120], научный стиль стремится к замещению изменчивой субъективности эгоцентрических слов. Кроме того, «авторское мы» в научном стиле имеет давние истоки: его проявление находят уже в науке Древнего Востока. Египетская культура очень рано выработала особый язык для изложения научных выводов, в частности, математики и медицины. То есть традиционное *мы* в научном тексте имеет более существенные истоки и никак не связано с боязнью брать на себя ответственность и уж тем более не порождено дефектами русского менталитета. По справедливому замечанию Вяч. Вс. Иванова, наука вся в целом может рассматриваться как единая сложноорганизованная система, внутри которой выделение отдельных личностей в большинстве случаев с собственно научной точки зрения вряд ли оправданно. Это не умаляет их роль, но она тем значительнее, чем быстрее они продвигают вперед науку как

единое целое. Для ученого возможность высказывания мысли более существенна, чем преходящий факт упоминания его личного имени. Эта принципиально «сверхличная» (или «надличная») установка проявляется в языке науки вообще и в системе личных местоимений в научном стиле в частности [6: 557]. Нужно отметить, что хотя, действительно, сегодня часто можно встретить в научных текстах местоимение первого лица в единственном числе, причем даже в сильной начальной позиции, но традиционная норма тоже не ушла бесследно. Интересно наблюдение о том, что в текстах одного автора встречаются оба способа обозначения. А.М. Кириленко, проанализировав книгу Л.С. Выготского «Проблемы развития психики», приводит к выводу о том, что *я* и *мы* для автора полностью синонимичны и одинаково более предпочтительны, чем безличные конструкции, поскольку он сам лично хочет живо участвовать в исследовании и для него нежелательно даже символическое самоустранение. Причем замену *мы* на *я* автор применяет, когда говорит о частных вещах – опытах, экспериментах, деталях, но не о положении дел в детской психологии [7: 219]. Итак, авторское *мы* в научном стиле остается нормой автономинации автора наряду с *я*. Формой единственного числа, конечно, ярче выражается личная позиция автора, *я* символизирует присутствие отправителя речи, и, очевидно, только сам автор вправе решать, в какой мере эти смыслы уместны в его тексте.

Таким образом, личные местоимения, которые нередко квалифицировались как не имеющие собственной лексической семантики (Э. Бенвенист и др.), обладают разнообразными прагматическими свойствами, позволяющими выполнять дискурсивные функции. Они способны быть знаками социальных отношений, маркировать стиль и подстиль, быть жанрообразующим и текстообразующим средством, выполнять роль идеологом, особым образом воздействующих на реципиента. То есть семантическая «размытость» и неоднозначность оказывается тем условием, которое предопределяет широкие лингвопрагматические возможности личных местоимений, а прояснение их свойств позволит уточнить их использование в различных конфликтных/конфликтогенных текстах, являющихся объектом лингвоюридической экспертизы.

Литература

1. Античные теории языка и стиля / под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л.: ОГИЗ, 1936. 341 с.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 135–177.
3. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. Ю.С. Маслова. Л., 1991.
4. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2009. 373 с.

- 352 | 5. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пасека и С.П. Сафроновой. М.: УРСС, 2002. 404 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 398–602.
7. Кириленко А.М. «Авторское Я» и «авторское МЫ» // Текст. Структура и семантика. Доклады IX Международной конференции. М.: МГОПУ им. А.М. Шолохова, 2004. С. 218–219.
8. Кривоносов А.Т. Философия языка. М.: Нью-Йорк: Азбуковник, 2012. 787 с.
9. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М., 2006. 315 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
11. Макарова Г.И. Знаковая природа и коммуникативный потенциал немецких местоимений *wer, was*; автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1992. 16 с.
12. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 556 с.
13. Реформатский А.А. Местоимения // Очерки по фонологии, морфологии и морфонологии. М.: Наука, 1979. С. 60–75.
14. Савельев А.Л. История идеи универсальной грамматики: с древнейших времен до Лейбница. СПб.: Изд-во СПб. Университета, 2006. 380 с.
15. Шелякин М.А. Русские местоимения: значение, грамматические формы, употребление). Материалы к спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту: ТГУ, 1986. 91 с.
16. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психо-поэтики русской литературы XVIII–XIX веков. М.: Языки русской культуры, 1999. 446 с.

I. V. Belyaeva

**CATEGORICAL CHARACTER AND THE LINGUISTIC AND
LEGAL EXPERTISE
FEATURES OF PRONOUNS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC AND
LEGAL EXPERTISE**

Abstract: Pronouns have a variety of pragmatic properties that allow them to perform discursive functions; they are able to mark the style and substyle, to be signs of social relations, genre- and text-forming means, to perform the role of ideologeme.

Keywords: pronoun, part of speech, categorical semantics, linguistic pragmatics.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕКТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТ

Аннотация. В статье рассматривается понятие инвективности, скрытой (имплицитной) инвективы; описываются характеристики публицистических текстов, обуславливающие специфику реализации в них инвективной коммуникативной стратегии; выделяются отдельные коммуникативные тактики, используемые авторами газетных текстов с целью реализации инвективной коммуникативной стратегии.

Ключевые слова: инвективность, имплицитная инвектива, публицистический дискурс, инвективная коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Понятие инвективности, изучению которого посвящена данная работа, непосредственно связано с проблемой агрессивной интенциональности, рассматриваемой в рамках феномена вербальной агрессии (Р. Аман, А.Н. Баранов, В.И. Жельвис, Ф. Кинер, М.Ю. Олешков, К.Ф. Седов, А.П. Сквородников, Т.И. Стексова, Ю.В. Щербинина и др.). Трактовка термина «инвективность» в лингвистике на данный момент неоднозначна. Можно выделить несколько направлений изучения данного феномена: культурно-исторический, структурно-семантический, лингвокультурологический, социолингвистический, психолингвистический, гендерный, речеведческий, юрислингвистический. В целом существуют два основных подхода к пониманию инвективы. Узкий подход предполагает оперирование лексическими единицами, инвективный характер которых является общепризнанным носителями языка. Широкий подход связан с выявлением инвективной семантики целого высказывания или текста; он базируется на принципе, согласно которому семантика языкового знака ставится в зависимость от контекста, то есть учитывается результат комплексного взаимодействия единиц различных уровней языка. В рамках широкого подхода ставится проблема выделения и описания так называемой скрытой, неявной, или имплицитной инвективы, объединяющей языковые способы выражения инвективного значения, не входящие в разряд лексики, традиционно считающейся оскорбительной, то есть подразумевающие

354 актуализацию такого смысла в нейтральных с этой точки зрения языковых единицах посредством нестандартного, творческого использования таких единиц (Н.Д. Голев, С.В. Сыпченко, Б.Я. Шарифуллин и др.).

Печатные средства массовой информации, вовлеченные в сферу публицистического дискурса, представляют собой специфическую дискурсивную среду, обуславливающую своеобразие реализации в них инвективных смыслов. В исследованиях, посвященных изучению публицистического дискурса (Т. ван Дейк, В.В. Дементьев, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров, Н.И. Клушина, И.А. Стернин, Н.Ф. Алефиренко), неоднократно отмечалось, что отличительными чертами его и, следовательно, текстов, вовлеченных в его сферу, являются высокая степень экспрессивности и манипулятивная направленность. Одним из способов повышения экспрессивности газетного текста и его воздействия на читателя является применение автором экспрессивно маркированной лексики, имеющей инвективный характер: «Фактором, существенно трансформировавшим публицистический стиль, следует признать отмену цензуры и автоцензуры. Отсутствие идеологической доминанты и необходимости постоянно вести пропаганду приводит к существенному изменению лексики и фразеологии. Отсутствие цензуры и автоцензуры снимает внешние и внутренние запреты на использование сниженной лексики (разговорной, просторечной, инвективной)» [6: 11]. Однако использование в тексте газеты ненормативных лексических единиц в качестве оценки лица, его действий и поступков влечет за собой определенные проблемы, в том числе юридического характера. Кроме того, ориентированность публицистических текстов на широкий круг читателей ограничивает их авторов в выборе языковых средств выражения экспрессии, в частности, налагает своего рода этический запрет на использование оскорбительной лексики – формального маркера инвективной направленности текста. Журналисты осознают необходимость применения разнообразных лингвистических приемов, позволяющих, с одной стороны, имплицировать отдельные участки информации, а с другой – сделать их более выразительными с целью привлечения внимания читателя и формирования в его сознании определенной модели восприятия какого-либо явления (в нашем случае – модели негативного восприятия). С целью усиления экспрессивности передаваемой информации и наиболее эффективного воздействия на читательскую аудиторию применяются самые разнообразные языковые средства: «В стилистических целях... можно совершить насилие практически над любым правилом языка» [1: 42].

Таким образом, современные газетные тексты содержат богатый материал для исследования языкового феномена имплицитной инвективы, что обусловлено специфическими чертами публицистического дискурса, в сферу функционирования которого эти тексты вовлечены. К таким чертам отно-

сятся: высокая степень экспрессивности; манипулятивная направленность; оценочность как способ манифестации авторской позиции.

Имплицитная инвектива, выступая в качестве основной или одной из частных коммуникативных задач газетного текста, носит интенционально обусловленный характер. Стремление автора публикации к максимально эффективной реализации инвективной коммуникативной задачи порождает ситуацию речевого планирования, заключающуюся в тщательном выборе способов изложения материала с целью убеждения читателя в истинности и объективности предлагаемой в тексте точки зрения. Эта особенность сближает феномен имплицитной инвективы с понятием коммуникативной стратегии, подразумевающей «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [4: 54]. Действительно, имплицитная инвектива подразумевает специфический тип речевого взаимодействия между субъектом инвективы (инвектором) и объектом инвективы (инвектумом); представляет собой языковой феномен, базирующийся на определенной интенции автора текста; языковые единицы разных языковых уровней и подсистем (лексические, синтаксические, стилистические, композиционные и пр.) в структуре газетного текста выполняют смыслообразующую функцию, способствуя реализации авторской задачи; важным средством реализации имплицитной инвективы в текстах газетных СМИ является окказиональное употребление языковых единиц разных уровней и подсистем языка.

Инвективная коммуникативная стратегия предполагает намеренный отбор языковых средств разных уровней и подсистем из множества возможных вариантов с целью наиболее эффективного осуществления коммуникативной цели инвектора, заключающейся в понижении социального статуса инвектума; реализуется посредством применения автором газетного текста специальных коммуникативных тактик.

Далее опишем коммуникативные тактики, способствующие успешному осуществлению инвективной стратегии в текстах современных газетных СМИ.

1. **Тактика обвинения** заключается в том, что инвектор утверждает, что действия и поступки инвектума не соответствуют общепринятым социальным, нравственным, этическим, юридическим и пр. нормам и, следовательно, негативно характеризуют личность инвектума. Ранее данная тактика упоминалась в работах О.С. Иссерс, О.Н. Паршиной. В текстах СМИ с инвективной коммуникативной целью, реализуемой имплицитно, она является едва ли не самой распространенной и реализуется посредством двух основных коммуникативных ходов:

а) коммуникативный ход «*X совершил N, однако это противозаконно (неэтично, негуманно, неприлично, несправедливо и т. д.)*» (Здесь и далее: «X» – объект инвективы (инвектум); «N» – коммуникативный повод инвективы

356 | (негативно оцениваемый субъектом инвективы (инвектором) поступок X-а, черта характера X-а и т. п.; «Р» – некое утверждение X-а; «У» – «жертва» инвектума, т. е. лицо (группа лиц) / какой-либо объект реальной действительности и т. п., пострадавшие в результате деятельности инвектума).

В основе реализации данного коммуникативного хода лежит апелляция инвектора к поступку (поступкам), послужившему коммуникативным поводом инвективы. Суть коммуникативного хода заключается в негативной оценке субъектом инвективы (в нашем случае – автором газетного текста) определенных действий инвектума:

На политическую акцию фонд потратил без малого 15 млн рублей добровольных пожертвований доверчивых граждан и организаций (в том числе муниципальных) (I). И это при том, что политическая агитация Уставом фонда не предусмотрена, он имел право заниматься лишь «правовым просвещением инвалидов, ветеранов, детей-сирот, а также оказанием помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий и катастроф» (II) (Открытая. Для всех и каждого).

Фрагмент (I) содержит номинацию негативно оцениваемого поступка, послужившего коммуникативным поводом инвективы, а фрагмент (II) – авторскую оценку, имплицированную в указании на противозаконный характер этого поступка.

Наверное, самый душераздирающий эпизод бойни (I) тот, когда, едва не теряя сознание от дикой боли, искалеченный Николай умолял, чтобы сломанную руку осмотрела врач «скорой помощи». К этому времени его уже затолкали в машину с аббревиатурой ДПС и «допрашивали». Однако старший лейтенант Роман Полищук, который с садистским усердием потрудился над его рукой и крушил ребра казенными ботинками, ухмыльнулся: «Обойдешься...» (II) (Открытая. Для всех и каждого).

Фрагмент (II) содержит информацию о поступке инвектума, ставшем коммуникативным поводом инвективы; во фрагменте (I) отражена обобщенная авторская оценка описываемого события. В то же время особенностью реализации коммуникативного хода в данном отрывке является вкрапление компонентов авторской оценки в описание коммуникативного повода инвективы, заключающееся в использовании стилистически маркированных лексем («затолкали», «крушил»), оценочных эпитетов («от дикой боли», «с садистским усердием»), графических маркеров, указывающих на фрагменты, содержащие подтекстовую информацию («допрашивали»).

б) коммуникативный ход «X способствует ухудшению положения дел Y-ка».

Данный коммуникативный ход, в отличие от предыдущего, не предполагает апелляции к поступкам объекта инвективы. Акцент в этом случае делается на последствиях деятельности инвектума. В соответствии с коммуникативной

стратегией, которой следует автор текста, такие последствия представляются однозначно негативными:

Вернулся и Маликов — директором крупнейшего в Черноземье Воронежского государственного природного биосферного заповедника. Удивляет, как быстро сработали федеральные «спасатели»: 13 июня Маликов был уволен, а уже 3 июля стал директором заповедника и двух заказников. В заповеднике наступило уныние, и в администрацию президента РФ ушло коллективное письмо о фактах, которые «фиксируются оперативниками в Аннинском, Песковском, Теллермановском, Савальском, Новохоперском и ряде других лесничеств области. Руководители учреждений не проводили аукционов, но леса все равно вырубались... (Новая газета).

Информация о противоправной деятельности инвектума, способствовавшей ухудшению положения дел в заповеднике, в данном фрагменте присутствует имплицитно; имеет место факт скрытого сравнения положения дел в заповеднике до назначения инвектума на пост директора и после («*В заповеднике наступило уныние*») – использование начинательного глагола со значением «*О времени, состоянии: начаться, настать. Наступила ночь. Наступила тишина*» [5: 312].

Представьте такую картину. Солнечный воскресный день. Где-то слегка за полдень. Некий гражданин, напевая песенки, возвращается на своем автомобиле из поездки на речку. На заднем сиденье «Москвича» оживленно щебечут две его дочери. Жизнь прекрасна. Желтый «Москвич» плавно тормозит во дворе возле крылечка. Приехали, малышки! Гражданин выбирается из-за руля и захлопывает дверцу. Вдруг во двор с истошным воем влетает гаишный автомобиль. Выскакивают двое блюстителей порядка. Один из них, дюжий старший лейтенант, ястребом набрасывается на нашего путешественника, с хрустом выламывает ему руку, ударом кулака по затылку валит на землю, бьет ногами. Дочери визжат в истерике. Человек кричит от боли: «Вы сломали мне руку!..» Шум, ругань, громкий плач... Сбегают соседи, родители. Скоро двор полон народа. Откуда-то непонятно зачем появляется еще одна милицейская машина, в которой чины уже повыше. Прибывает вызванная кем-то «скорая помощь»: кому-то дурно, делают уколы... Так для жителя села Новая Деревня Кочубеевского района Николая Гончаренко закончилась семейная поездка на природу (Открытая. Для всех и каждого).

В приведенном фрагменте противопоставление положения дел «жертвы» до совершения объектом инвективы негативного поступка и положения дел, сложившегося в результате, является основным средством воздействия на читателя, способствующим созданию негативного образа инвектума. Осуществляется такое противопоставление за счет использования приема визуализации («*Представьте такую картину...*»); прямо номинируется сам негативно оцениваемый поступок.

В целом коммуникативная тактика обвинения обнаруживает большой потенциал с точки зрения возможности выражения с ее помощью имплицитных инвективных смыслов и, как следствие, широко распространена в текстах с инвективной коммуникативной целью, реализуемой имплицитно.

2. Тактика издевки представляет собой коммуникативную тактику, заключающуюся в осмеянии субъектом инвективы (инвектором) объекта инвективы, преследующем цель понижения социального статуса инвектума в сознании косвенного адресата (читателя).

Данная тактика является весьма распространенной в текстах СМИ, преследующих цель оскорбить, унижить кого-либо, а также в текстах, вовлеченных в сферу политического дискурса, коммуникативной задачей которых является дискредитация оппонента, политического противника. Издевка как особая коммуникативная тактика рассматривается в работах Т.Н. Абаковой, О.С. Иссерс. Популярность данной тактики (так, О.С. Иссерс называет данную тактику наиболее яркой в реализации стратегии дискредитации (умалении авторитета через осмеяние) [4: 161]) исследователи связывают с присущим ей комическим эффектом, представляющим собой, как известно, мощное манипулятивное средство. Этот факт обуславливает популярность тактики издевки в газетных текстах с инвективной коммуникативной целью, реализуемой имплицитно.

Данная коммуникативная тактика реализуется в текстах газет с инвективной коммуникативной целью, реализуемой имплицитно, с помощью трех основных коммуникативных ходов, разграничение которых ведется в зависимости от конкретного предмета осмеяния:

а) коммуникативный ход «Осмеяние поступков X-а».

Данный коммуникативный ход предполагает такой способ описания субъектом инвективы поступков инвектума, при котором эти поступки преподносятся читателю в комическом свете:

Вершиной пиаровской мысли стал изданный фондом Кузьмина настенный алфавит, иллюстрированный простенькими картинками. Например, в клеточке с буквой «О» была нарисована обезьянка, в клеточке «Ё», соответственно, ёжик. А вот букву «К» сопровождал не козлик или киска (что было бы понятно ребенку), а сам Дмитрий Сергеевич (Открытая. Для всех и каждого).

В данном фрагменте осмеянию подвергается поступок инвектума – способ издания настенного алфавита; комический эффект достигается, во-первых, за счет применения стилистического приема антифразиса, за счет которого словосочетание «*вершина пиаровской мысли*» приобретает ироничное звучание; во-вторых – за счет указания на несоответствие произведенного продукта его назначению («...что было бы понятно ребенку»).

Не жалея бумаги, Мацюян А. Г. настроил обращение с просьбой обратиться всем, кого, наверное, вспомнил: главе г. Ейска Костанову И.А., главе Ейского района Иванову И.В., депутату ЗСК Петрову В.А., почетно-

му гражданину Ейска Котелко Е.А. В «письюлке» кляузного содержания, доказывая, что газета его оскорбила, Арсен Григорьевич особо в выражениях не стеснялся, оскорбил не только издание, редактора и меня, «тупого журналиста», но и многих ни в чем не повинных людей, вплоть до покойного почетного гражданина города А. Колесникова (Приазовские степи).

Осмеяние поступка инвектума происходит за счет применения инвектором ряда языковых приемов. Так, в качестве отдельного когнитивного приема можно назвать нарушение автором текста максимы количества, выделяемой Г.П. Грайсом и требующей от говорящего не быть более информативным, чем этого требует коммуникативная ситуация: действительно, количество бумаги, потраченной при написании обращения («не жалея бумаги»), не является сущностным признаком данной ситуации, равно как и принцип отбора адресатов этого документа («всем, кого, наверное, вспомнил»). Обращение к этим сведениям преследует не информативную цель, оно способствует формированию негативного образа инвектума, представляя собой насмешку. С этой же целью во фрагменте используются стилистический маркированные лексемы («письюлка», «тупой»).

б) коммуникативный ход «Осмеяние слов X-а».

Данный коммуникативный ход реализуется за счет комического переосмысления отдельных реплик инвектума, в конечном счете преследующего цель «понижения» объекта инвективы в глазах читателя. Как правило, делается попытка умаления значимости отдельных заявлений объекта инвективы:

Если верить полицейскому отчету, дело обстояло примерно так. Как-то мимо Нижнего рынка проезжал Мирулян. Вдруг видит: на площадке местечко пустует, ну он и припарковался. Однако, понимая, что в этой жизни за все приходится платить, предложил за услугу охраннику 20 рублей. Вот тут-то и случилось небывалое чудо бескорыстия!

Охранник не только отказался от денег, но еще бесплатно просветил «заблудшего» автовладельца: «Данная территория не является платной парковкой!» И просвещенный Мирулян, в отличие от Галины Пасечник, свалившейся на него халявой не возмущился и в милицию не побежал (Открытая. Для всех и каждого).

Отличием данного фрагмента от предыдущего является отсутствие в нем собственно высказывания инвектума, являющегося предметом инвективы. Это высказывание или, точнее, полицейский отчет (представляющий собой письменную реализацию высказываний инвектума) присутствует в тексте косвенно, в виде ссылки автора на него («Если верить полицейскому отчету...»). В целом фрагмент с точки зрения формы представляет собой имитацию живой речи, о чем свидетельствуют особые маркеры: изменение общего стиля повествования, использование разговорных лексико-грамматических клише («Дело обстояло примерно так...»), глаголов «настоящего повество-

360 вательного» времени («Вдруг видит: на площадке местечко пустоует, ну он и припарковался»), разговорных лексем («халява»). Авторская негативная оценка имплицирована внутри повествовательного фрагмента, маркером ее служит общий ироничный тон повествования.

в) коммуникативный ход «Осмеяние «слабостей» X-а».

Данный коммуникативный ход предполагает, что субъект инвективы описывает отдельные увлечения инвектума, его пристрастия в невыгодном свете, осмеивая их:

Яков Рувимович очень любит деньги. «Ха, – скажете вы, – а кто их не любит?!». Да, но он любит чужие деньги (Гражданский суд).

Предметом авторской насмешки в данном фрагменте выступает любовь инвектума к деньгам. Комический эффект достигается за счет последовательного уточнения смысла высказывания, номинирующего предмет насмешки: «любит деньги» – «любит чужие деньги».

В целом коммуникативная тактика издевки, равно как и коммуникативная тактика обвинения, широко распространена в текстах, представляющих материал нашего исследования. Обязательный при реализации данной тактики комический эффект является мощным средством воздействия и, как следствие, способом создания негативного образа инвектума в сознании читателя.

3. Тактика опровержения как коммуникативная тактика, заключающаяся в утверждении и доказывании субъектом инвективы ложности либо ошибочности утверждений инвектума, рассматривается, как правило, в работах, посвященных анализу современного политического дискурса, в исследованиях по логике и риторике и связана с изучением способов опровержения доводов оппонента в споре. В то же время тактика опровержения характерна для текстов современных газет, содержащих скрытую инвективу. Данная тактика в текстах газет, содержащих имплицитную инвективу, реализуется, как правило, посредством коммуникативного хода «X утверждает P, однако факты говорят об обратном». Данный коммуникативный ход предполагает опровержение субъектом инвективы отдельных заявлений инвектума посредством апелляции к фактам, противоречащим содержанию этих заявлений:

Вопреки сладким публичным заверениям председателя крайизбиркома Б. Дьяконова о том, что выборы в Ессентуках прошли расчудесным образом, до последнего времени только в Ставропольском краевом суде на рассмотрении находились шесть жалоб на незаконные действия Ессентукского избиркома. Несколько жалоб на действия участковых комиссий находятся в Ессентукском и Предгорном судах (Открытая. Для всех и каждого).

Предметом опровержения выступает утверждение, приведенное в тексте в форме косвенной речи инвектума («выборы в Ессентуках прошли расчудесным образом»). Данному утверждению противопоставляются конкретные факты: «Ставропольском краевом суде на рассмотрении находились шесть

*жалоб на незаконные действия Ессентукского избиркома. Несколько жалоб на действия участковых комиссий находятся в Ессентукском и Предгорном судах». Утверждение инвектума и опровергающие его факты вступают в отношения противоречия, что подтверждается применением конструкции с предлогом «вопреки» («*Вопреки сладким публичным заверениям председателя крайизбиркома Б. Дьяконова*»).*

В качестве разновидности коммуникативного хода «X утверждает P, однако факты говорят об обратном» можно рассматривать коммуникативный ход «X утверждает P, но это неправда», при котором инвектор для опровержения утверждений инвектума использует не факты, а собственные доводы, апеллируя к чувствам читателя:

Представляясь участникам митинга, Виктор Михайлович без ложной скромности заявил, что его называют «Жириновским Юга России». Такой вот он крутой в смысле резать правду матку. На Жириновского он, конечно, не тянет. А вот с попом Гапоном, пожалуй, его сравнить можно. К сожалению, провокаторы были во все времена. Отрабатывая брошенную им кость, они дискредитируют хорошие начинания (Звезда Прикубанья).

В данном фрагменте утверждению объекта инвективы «*заявил, что его называют “Жириновским Юга России”*», представленному в форме косвенной речи, не противопоставляются факты. В то же время данное заявление опровергается посредством отрицания его автором публикации («*На Жириновского он, конечно, не тянет*»), а также путем сравнения инвектума с прецедентной одиозной личностью – попом Гапоном.

В целом коммуникативная тактика опровержения, наряду с тактикой обвинения и тактикой издевки, представляется нам одной из наиболее распространенных в текстах современных газет, содержащих имплицитную инвективу.

Безусловно, приведенная классификация не является исчерпывающей и тем более не претендует на универсальность, так как творческий потенциал языка способствует непрерывному развитию и совершенствованию способов и приемов реализации авторских интенций. Каждый конкретный текст, представляет особую модель взаимодействия различных тактик, как собственно инвективных, так и вспомогательных, подчиненную в конечном счете реализации общей инвективной стратегии.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова (1919–1986) / отв. ред. Д.С. Лихачев. М. – Л., 1990. С. 50–70.
2. Голев Н.Д. Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002. С. 56–59.

3. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М., 1988. С. 22–28.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006. 288 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003. 944 с.
6. Скороходова Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: автореф. ... доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка. М., 2008. 56 с.

I. V. Bereza

SPECIFICITY OF THE INJECTIVE COMMUNICATIVE STRATEGY IMPLEMENTATION IN THE TEXTS OF NEWSPAPERS

Abstract: The article discusses the concept of invectivity, hidden (implicit) invective; describes the characteristics of journalistic texts that determine the specificity of the realization of an invective communicative strategy; separate communication tactics used by the authors of newspaper texts to implement an invective communication strategy.

Keywords: invective, implicit invective, journalistic discourse, invective communicative strategy, communicative tactics.

Л. А. Брусенская

brusenskaya_l@mail.ru

*доктор филологических наук, профессор Ростовского
государственного экономического университета (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия*

Э. Г. Куликова

kulikova_ella21@mail.ru

*доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и культуры речи Ростовского
государственного экономического университета (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия*

РЕКЛАМА/АНТИРЕКЛАМА В ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОМАНИИ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ⁹

Аннотация. В статье анализируются манипулятивные приемы в рекламе с точки зрения правовой культуры. Использование манипулятивных стратегий позволяет нечестным рекламодателям избежать ответственности за нарушение рекламного законодательства. Необходимо совершенствование лингвоюридической экспертизы рекламного текста.

Ключевые слова: речевое воздействие, наркомания, реклама, убеждение, вербальная манипуляция, правовая культура, этика.

Реклама – важнейший механизм и необходимый спутник рыночного производства, а также своеобразный механизм саморазвития и распространения массовой культуры. С институциональной точки зрения, реклама, как вид практической деятельности человека, ограничена соответствующим законом. В ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 г. сказано, что он не распространяется на политическую рекламу, в том числе предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума. И.В. Некрасова пишет, что целесообразно было бы сформулировать соответствующий подпункт закона таким образом: «Настоящий Федеральный закон не распространяется на рекламу, не носящую коммерческого характера» [7: 91], а также принять соответствующие законы о политической, социальной рекламе, чтобы потребители лучше поняли суть каждой из них и отличали их от коммерческой рекламы [7]. В новом законе к предмету регулирования не относятся информационные отношения, преследующие личные, политические, религиозные, научные, социальные

⁹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-00109.

364 | и иные некоммерческие цели. Вместе с тем в ст. 3 ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 г. присутствует определение социальной рекламы, преследующей «общественно полезные цели и обеспечение интересов государства», не связанной с продвижением товаров и услуг на рынке. И по смыслу данной статьи социальная реклама также подпадает в сферу регулирования законодательства о рекламе. ФЗ «О рекламе» от 18 июля 1995 г. запрещал использование определений в превосходной степени, в том числе такие слова, как самый, лучший, абсолютный, единственный, номер 1, только (Ariel – порошок № 1 в Европе; Maybelline Great Lash GREAT LASH. Тушь № 1 в США), если они не могут быть подтверждены документально. В силу своей недостоверности такая реклама рассматривалась в качестве ненадлежащей. Новый нормативный правовой акт регламентирует информацию о преимуществах того или иного товара по сравнению с подобными товарами других производителей. При несоответствии действительности такая реклама является именно недостоверной (в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 г.). В то же время вопрос запрета «расхваливаний», а также необходимость подтвердить их даже не стоит. Формой превосходной степени прилагательного апеллируют к эмоциональному, а не к рациональному в личности адресата. По словам М.В. Барановой [2: 29], подобные эффективные приемы используют не вполне законопослушные рекламодатели, которые отличаются низким уровнем правовой культуры. Таким образом, реципиент получает искаженную («улучшенную») информацию, что, в свою очередь, нарушает его права. «Отсюда возникает сомнение в оправданности отсутствия законодательного запрета «расхваливаний» в рекламе без соответствующих подтверждений» [Там же]. Реклама, которая содержит аргументацию, описание привлекательных потребительских свойств товара, признается правдивой. Например, в рекламе стали уже типичными определения обычный, обыкновенный: Это обыкновенный стиральный порошок, а это – Ариэль. При этом качество, которым данный товар не отличается от других товаров в этой категории, представлено в виде уникального: Косметика Green Mama – в чем уникальность?

Многими позициями законодательства о рекламе потребитель рекламы защищен от манипуляции. Запрещено использовать визуальный, текстовый, звуковой образ несовершеннолетних в рекламе, непосредственно не предназначенной для рекламирования товаров для несовершеннолетних, что защищает от манипуляции эксплуатацией образов детей. Вполне оправданным является запрет на использование в рекламе образов медицинских и фармацевтических работников, но в рекламе допускается использование услуг медицинских учреждений, а также средств личной гигиены, когда адресатом рекламы являются исключительно медицинские и фармацевтические работники, потому как человек в белом халате (особенно у пожилых людей)

обладает высоким авторитетом, и это в итоге определяет фактор доверия к тому, о чем говорится в рекламе. Нередко это приводит к непоправимым последствиям для здоровья – к примеру, потреблению рекламируемых препаратов без консультации с врачом. Транслирование видеороликов и пр. с рекламой детского питания, ограничивается в виду того, чтобы исключить манипулятивное воздействие, которое может сформировать у адресата мнение о том, что искусственное вскармливание равноценно грудному. Согласно ч. 2 ст. 25 продукты детского питания не должны быть представлены в рекламе в качестве равноценных заменителей женского молока, к тому же в рекламном сообщении должна быть передана информация, что при использовании такой продукции необходимо проконсультироваться со специалистом и что на нее есть определенные возрастные ограничения.

Трудно не согласиться с введением в ФЗ от 13 марта 2006 г. таких новых пунктов (ч. 1 ст. 25), в соответствии с которыми вводится требование на рекламирование биологически активных и пищевых добавок – так называемых БАДов, поскольку «целенаправленное смешение в сознании потенциального потребителя биологически активных добавок и лекарственных препаратов приводило к негативным последствиям для их жизни и здоровья» [2: 30]. Условие, нацеленное на то, что «рекламная информация не может извлекать выгоду из репутации личности», должно способствовать тому, что медиа-персоны не смогут влиять своим авторитетом (что является манипулятивной стратегией) на употребление того, о чем говорится в рекламе. Но сегодня, если судить по степени распространения рекламы с актерами (актриса Т. Семина рекламирует зубные протезы и т. д.), для рекламистов это не является руководством к действию. Корректировать рекламный процесс могут не только право, национальное законодательство или государственные регулирующие органы. Корректировать рекламный процесс должна профессиональная этика рекламиста – свод определенных правил поведения, основу которых составляет профессиональная система ценностей. Профессиональная этика в системе информирования о тех или иных новшествах в сфере потребления фиксируется Международным кодексом рекламной деятельности Международной торговой палаты (Кодекс МТП) (в последней редакции – 1986 г.) и Российским рекламным кодексом (2000 г.). Тогда только можно говорить, что принципы этики соблюдаются в рекламе, когда соответствуют форма и содержание информации, время, условия, порядок и способы распространения этическим нормам.

По словам Е.С. Кара-Мурзы [4: 629–630], неэтична та реклама, которая косвенно защищает социально осуждаемое поведение (к примеру, агрессивная реклама пива *Red bull*, неэтична также реклама *Ментос – Красный грейпфрут*, реклама сопровождается слоганом «Сокрушительная свежесть» и разъяренно борющимися двумя баскетболистами. Реклама эта демонстрирует

366 доминирование и даже психологическое насилие над аудиторией (к примеру, и фамильярность при обращении *Даже ежу понятно* к потенциальному покупателю стройматериалов *Dufa* в каталоге «Товары и цены»). Должно осуждаться в рекламе наличие манипулятивных стратегий, а также типичные и без особого логического анализа поддающиеся разоблачению стратегии: *гарантия качества* (кто гарантирует?), *качество, проверенное временем* (кто проверял?), *лучший выбор* (в сравнении с чем?).

Лингвоюридическая экспертиза медиатекста на наличие оскорбления чести, достоинства, деловой репутации широко распространена сегодня, а вот лингвоюридическая экспертиза рекламы еще только находится в самом начале своего становления. Она должна давать ответы на следующие вопросы: соответствуют ли рекламные тексты ФЗ «О рекламе», ФЗ «О защите прав потребителей», кроме того, очень важно проверять рекламу на предмет соблюдения этических параметров рекламы, затрагивающих конкурентную борьбу, все, что связано с плагиатом и эксплуатированием тех или иных элементов известных торговых марок. Ненадлежащей считается реклама, в которой используются «зонтичные бренды», то есть под видом одного товара (запрещенного рекламироваться подобным образом или в это время) рекламируется другой, у которого знак обслуживания или товарный знак тождественны или сходны до смешения с товарными знаками или знаками обслуживания товаров, на рекламирование которых установлены ограничения (см. п. 3 ч. 2 ст. 5). Необходимо, чтобы реклама была распознаваема в качестве таковой без специальных познаний, потому как утаивание рекламных свойств текста значительно снижает пороговую черту критичности реципиента относительно информации, однако «в коммуникативной ситуации восприятия рекламы адресат готов к преувеличениям и искажениям в характеристиках рекламируемого продукта или услуги... в виде умолчаний, неточностей и т. п.» [1: 238]. Показательно, что в работах, посвященных исследованию проблем манипуляции, приемы, которые побуждают немедленно приобрести товар, однозначно относятся к манипулятивным, но как раз таким приемам и учат в учебниках и пособиях по рекламе, например в учебном пособии «Телевизионная и радиовещательная реклама» [8: 58].

Особая проблема – это использование в рекламе иноязычных заимствований. Как полагает И.В. Некрасова [7: 87–97], рекламу «*Вас ждет отличный шопинг*» можно считать нарушением п. 1. ст. 5 Закона 2006 г. «О рекламе», в котором говорится, что иностранные слова и выражения, которые способны исказить смысл представляемой информации, не могут быть использованы в рекламе, однако не считаются нарушением зарубежные бренды (названия) на иностранном языке, к примеру – LG (название на языке производителя продукции). Если употребление такого частотного слова, как *шопинг*, с большим количеством производных, что указывает на семантическую освоенность

и что является, в свою очередь, показателем ассимиляции заимствованной единицы, вызывает подобное толкование, то как рассматривать нетранслированные макаронические вкрапления, которые в большом количестве содержатся в русских рекламных текстах? В дискуссиях о возможных направлениях регулирования рекламных процессов обычно ставится вопрос о том, чтобы рекламный процесс регламентировался и регулировался собственно его участниками; а также приводятся доказательства необходимых дополнительных мер по правовому регулированию (предлагают ввести закон, который будет регулировать информационно-психологическую безопасность и защищать психику от массивного воздействия на нее СМИ и рекламы [5: 22–25]). Глубокие моральные основания имеют нормы, накладывающие запрет на распространение рекламы в дни траура (ч. 14, ст. 14; ч. 13, ст. 15), поскольку реклама нередко оказывается «полигоном для языковой игры», в ней могут быть задеты чьи-то чувства.

До принятия этого закона некоторые телевизионные и радиоканалы не демонстрировали или ограничивали ее в эти дни, сегодня установлены единые нормы для всех распространителей рекламы. Контекст рекламы вообще (как широкий «контекст ситуации») – отдельная большая проблема. СМИ, особенно – телевидение и радио, являются распространителями рекламы и часто именно они становятся причиной недовольства реципиентов в результате того, что рекламные ролики вклиниваются в телепередачи, сопровождают основную передачу бегущей рекламной строкой, не имеющей с этой передачей ничего общего.

Коррективы к новому ФЗ (от 13 марта 2006 г.) нацелены на ужесточение порядка распространения рекламы: не могут быть ни прерваны, ни объединены с рекламой (это распространяется и на «бегущую строку») теле- и радиопередачи с религиозной тематикой, передачи продолжительностью менее 15 минут и передачи, которые включены в список, названный в ФЗ от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», трансляция материалов избирательных кампаний, распространяемых в соответствии с законодательством РФ о выборах и референдуме. Данные ограничения важны, но проблему все же нельзя считать решенной, тогда, например, когда транслируется классический художественный фильм.

Достаточно вспомнить, насколько пагубной оказалась роль рекламы на телевидении в период массового появления финансовых пирамид, таких как «МММ» и т. д., продвижение посредством медиа внушающих подозрение биологически активных добавок и лекарственных препаратов. То, что рекламные вставки наводнили буквально все, сформировало так называемую «мозаичную культуру»: человек в обществе потребления не делает различий между научными открытиями и новым шоколадным десертом, который

368 | только что появился в продаже. ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 г. установил определенные требования к рекламе, которая разрешена в детских передачах. Однако даже самое обычное наблюдение за вещанием позволит вам увидеть несоблюдение этих требований. В законодательстве о рекламе четко прослеживается приоритет запрета, регулирующего правоотношения, количество обязывающих норм не так велико и включает требование, согласно которому реклама должна сопровождаться информацией о вреде, который могут повлечь за собой те или иные товары, представленные в рекламе; нормы уполномочивающего характера, закрепляющие установленные права участников правоотношений, ограничены только нормами о праве на защиту от ненадлежащей рекламы (согласно п. 2 ст. 38).

Так же, как и организации, защищающие права потребителей, в обществе противодействовать манипуляции аудиторией, создав ей альтернативу, может медиакритика. В России правовое регулирование рекламы обеспечивается федеральными и международными нормативными актами. Документом, признанным на международном уровне, является Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты (Кодекс МТП), который впервые был принят в 1937 г. (после неоднократных доработок в действующей редакции был принят в 1986 г.). Кодекс нацелен на то, чтобы развить у рекламодателя чувство ответственности перед обществом. Большинство положений первой части (которая именно и посвящена основополагающим принципам функционирования рекламы) направлено на то, чтобы предотвратить рекламу, вводящую в заблуждение в отношении цены, качества товара, услуг и условий, сопровождающих покупку. Делается акцент на том, что слова, такие как *гарантия*, *ручательство*, должны использоваться в рекламе только при условии полного соблюдения гарантии. Оговаривается специально, что никто не имеет права злоупотреблять надеждой и верой человека, страдающего тем или иным заболеванием и в данный момент не способного критически оценить рекламу, предлагающую средство «для избавления». С рекламными соседствуют тексты, которые содержатся на упаковках продуктов и выполняют не только воздействующую, но также информирующую функцию, следовательно, потенциально в них присутствуют манипулятивные ресурсы языка. Манипулятивное воздействие во многом основано на различии между «ближайшим» и «дальнейшим» значениями слова.

Качество рекламной сферы не отделимо от уровня развития гражданского общества, его нравственности, степени зрелости, которыми в то же самое время формируются правообразующие элементы любой деятельности. Развитию рекламной отрасли в России способствует целый ряд отечественных организаций. Эти организации, берущие на себя осуществление практики саморегуляции рекламы, особое внимание уделяют рекламным материалам, которые связаны со здоровьем людей.

Одна из значимых функций государства – это совершенствование и стимулирование таких организаций как важного механизма в общем процессе культурного возрождения России, утверждения правовой культуры.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 792 с.
2. Баранова М.В. Новеллы базового Закона «О рекламе» // Реклама и право, 2007. № 1. С. 26–31.
3. Какорина Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 495–547.
4. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 624–634.
5. Кривко М.А. «Скрытая реклама» (product placement) в кино как форма манипуляции // Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты. Материалы Международной научной конференции 20–21 апреля. Ч. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 22–25.
6. Лившиц Т.Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог: ТГПИ, 1999. 230 с.
7. Некрасова И.В. Правовое регулирование рекламы // Адвокат. 2007 № 7. С. 87–97.
8. Полукаров В.Л., Грановский Л.Г., Козин В.П., Лозовская В.Ю. Телевизионная и радиовещательная реклама. Учебное пособие. М.: Дашков и Ко, 2004. 386 с.

L. A. Brusenskaya, E. G. Kulikova

ADVERTISING/ANTIADVERTISING IN THE PREVENTION OF DRUG ABUSE: LINGUISTIC MEANS OF ARGUMENTATION

Abstract: The article analyzes manipulative techniques in advertising from the point of view of legal culture. The use of manipulative strategies allows dishonest advertisers to avoid liability for violation of law on advertising. It is necessary to improve the linguistic and legal expertise of the advertising text.

Keywords: speech influence, addiction, advertising, persuasion, verbal manipulation, legal culture, ethics.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Естественный язык может быть средством правонарушения и объектом юридической деятельности – следственных действий, судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства. Прояснению онтологии конфликта способствует сопоставление с антиподом конфликтности в современных условиях – с толерантностью.

Ключевые слова: лингвоюридический конфликт, инвектива, политкорректность, лингвистическая прагматика.

Сегодня стало очевидно, что лингвистика в контексте междисциплинарности предоставляет возможность изучения языка в совокупности со смежными феноменами, что «сильная тенденция к изолированности юридического знания приводит к языковой нелегитимности принимаемых решений, обособленность лингвистических исследований влечет отсутствие корреляций с юридически релевантными понятиями, и это определяет невозможность использования результатов таких исследований в юридической практике» [12: 164]. Все это обуславливает необходимость интенсивного развития юридической лингвистики.

Как известно, социальные конфликты разрешаются на разных уровнях и разными способами, и правовое разрешение – одно из них. Институт права в своей активной форме предполагает цивилизованное решение наиболее острых социальных конфликтов, а самим фактом существования такого института выполняет профилактическую функцию. Право возникает как юридизация социальных отношений, чреватых возникновением конфликта [5: 138], при этом под юридизацией понимается придание каким-либо фактам, отношениям правового статуса, характера; подчеркивание юридической стороны вопроса, явления.

Естественный язык тоже может быть средством правонарушения и объектом юридической деятельности – следственных действий, судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства. Такая ситуация возникает в случаях, когда язык используется для нанесения морального ущерба личности (оскорбление), плагиата и т. п. Особые отношения языка с правом принято называть лингвоюридическими. Естественный язык попадает в сферу

юридического функционирования различными путями: он может выступать в качестве средства юридической деятельности, а также – в роли ее объекта. Эта же оппозиция, пишет Н.Д. Голев (там же), принципиально важна при оценке роли языка в противоправной деятельности: в одних случаях язык выступает средством совершения различных правонарушений (например, мошенничества с использованием нейролингвистического программирования), а в других язык (точнее, не сам язык, а языковые права человека) – объект преступного посягательства.

Юридическая лингвистика расширяет свои границы. Ее объектами становятся все новые объекты, например – явление провокации, которое стало предметом научного анализа сравнительно недавно, «в лингвоэкспертологии провокативные речевые акты изучены недостаточно, а лексема «провокация» (как коммуникативный феномен) не включена в терминосистему науки; криминалистически значимые признаки провокации взятки как совокупности речевых и неречевых действий экспертам еще предстоит выявить и охарактеризовать» [10: 332].

Особая роль юридической лингвистики состоит в повышении правовой культуры граждан. Это особенно актуально в ситуации массового правового нигилизма, исторического свойственного гражданам России. Исследователи отмечают, что право в России отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или всеобщего равенства. Еще в XIX веке поэт-юморист Б.Н. Алмазов написал: По причинам органическим / Мы совсем не снабжены / Здравым смыслом юридическим, / Сим исчадьем сатаны. / Широки натуры русские. / Нашей правды идеал / Не влезает в формы узкие / Юридических начал [цит. по: 11]. Как пишет Е. Лукьянова (там же), закон в России никогда не был предметом идолопоклонства и отечественному правосознанию меньше всего подходит латинский афоризм *Dura lex sed lex*. (ср. у В. Даля: Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили). Естественно, что изменение ситуации зависит от комплекса факторов, и далеко не последнее место здесь принадлежит юридической лингвистике.

Как известно, в основе правовой культуры лежит умение воспринимать и интерпретировать тексты законов. Тексты права в правовом государстве играют чрезвычайно важную роль, поскольку человек выступает в разных ипостасях – истец, ответчик, учредитель общественной организации, и везде он сталкивается с правовыми текстами. Поэтому необходимость филологического обеспечения правовой деятельности имеет массовый характер.

Языковая коммуникация – одна из важнейших форм социального взаимодействия – неизбежно (и нередко) принимает конфликтный характер, что рождает потребность его юридизации. Языковые конфликты, приведшие к оскорблению или диффамации, в современной России регулируются пра-

372 | вом. Конфликт является категорией права, которая нуждается в нормативном урегулировании. Конфликтогенность человеческой деятельности сделала актуальной такую новую отрасль знания, как конфликтология, которая сформировалась на стыке социологии, психологии и права. Она включает в себя такие частные разделы, как управленческая, политическая, юридическая конфликтология. Естественным продолжением и развитием юридической лингвистики стало вычленение особого направления, которое имеет перспективу оформиться в новую область междисциплинарного знания, – лингвоконфликтологии. Именно лингвоконфликтология, по мысли Н.Д. Голева [2008], имеет полное основание быть базовой дисциплиной, объединяющей язык и право на глубинном уровне.

Как известно, в рамках теории речевых актов выделяется особый речевой акт – конфликтив. Его иллокутивные цели – угроза, обвинение, выговор, проклятие. Нередко коммуникативный конфликт описывают с опорой на понятие «речевая агрессия». Недоброжелательное отношение к адресату, проявляющееся в грубости, агрессивных высказываниях, естественно, может спровоцировать конфликт, но ясно, что эти понятия – вербальная агрессия и речевой конфликт – не совпадают полностью.

Понятие конфликта, будучи хорошо разработанным в психологии и в ее отраслевых и междисциплинарных ответвлениях, пока отсутствует в словарях лингвистических терминов и, в исследовательских и преподавательских интересах, нуждается в дальнейшем уточнении с точки зрения онтологии и коммуникативной лингвистики [9]. Естественно, что в современной реальности много такого, что однозначно квалифицируется как коммуникативное зло. Это откровенная доброжелательность к окружающим, невнимание к интересам и запросам других, беззастенчивое навязывания окружающим своих желаний и воли, неумение сдерживать свое раздражение, непредумышленное или намеренное унижение, оскорбление достоинства окружающих, сквернословие, употребления инвективных номинаций и угроз. Стало популярным понятие «язык вражды». В устной речи враждебные замечания характеризуются резким тоном голоса (криком), что оказывается нередким в публичной коммуникации – например, в телевизионных ток-шоу и даже в политических дискуссиях на центральных каналах.

Хотя проблемам конфликта в публичной и межличностной коммуникации посвящена обширная литература, единой общепринятой дефиниции конфликта не существует. Его определяют, например, как разновидность отрицательной обратной связи, свидетельствующей о неспособности сохранения системы в прежнем качестве, выполнения ею своего внутреннего предназначения, потери базисной устойчивости развития в прежнем направлении, то есть конфликт представляется показателем перехода системы из состояния устойчивости и стабильности в неустойчивое, нестабильное

состояние [14: 23–24]. Противоположный взгляд состоит в том, что конфликт понимается как неизбежность, часть естественного хода вещей, разновидность нормы, поскольку в мире существуют не только гармония и согласие, но и многочисленные противоречия. Негативные последствия имеет не сам конфликт, а его неправильное разрешение [см. пространный обзор точек зрения в работе: 13: 19–25].

Очевидно, проблема в том, что конфликт – понятие чрезвычайно широкое и многоплановое, объединяющее разновидности, существенно отличающиеся друг от друга, что и затрудняет общую дефиницию. Во всяком случае, существенными для характеристики конфликта являются следующие параметры. Прежде всего, конфликт есть столкновение сторон, мнений, противоположно направленных сил; это столкновение мотивов, которые не могут быть удовлетворены одновременно. Конфликт неизбежно подразумевает несовпадение, спор, напряжение, коллизию, рассогласование. Биполярность конфликта затрагивает две противоположные стороны, и это могут быть: личность – личность, личность – группа, группа – группа.

Прояснению онтологии конфликта способствует сопоставление с антиподом конфликтности в современных условиях, то есть, с толерантностью. Последнее понятие чрезвычайно важное для теории и практики коммуникации и для всего цикла гуманитарных наук. Как известно, этимологически «толерантность» восходит к лат. *tolerare* ‘переносить, выдерживать, терпеть’. Понятие сформировалось в эпоху религиозных войн: оно стало обозначать компромисс между католиками и протестантами; затем «толерантность» как принцип согласия возникает в либеральном сознании эпохи Просвещения. В настоящее время проблема толерантности социальных, профессиональных, межэтнических и межличностных взаимоотношений одна из самых актуальных в гуманитаристике. Согласно Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО [1995], толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности, это гармония в многообразии, это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войн культурой мира. Вяч. Вс. Иванов в статье «Толерантность и ее значимость для XXI века» писал, что проблема толерантности в отношениях между группами людей (расовыми, этническими, национальными, классовыми, кастовыми, религиозными) становится все более жгучей, а современный подход к толерантности основан на понятии диалога [8: 19–33].

В русском языке термин «толерантность» закрепился в двух значениях: 1. устойчивость; 2. терпимость. Причем терпимость означает ‘способность терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным к действиям других’. Толерантность (терпимость) в коммуникации понимается как со-

374 | блюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что имеет право на существование принципиально отличная точка зрения. Языковая толерантность предполагает следование позитивным моделям социального взаимодействия; при таком подходе языковая толерантность выступает следствием и инструментом культурной компетентности – элементом, необходимым для позитивного общения. Ю.В. Южакова связывает общий принцип толерантности с отношением к «чужому» «как к равно достойной личности», то есть это активная социальная позиция и психологическая готовность к позитивному взаимодействию с людьми или группами иной национальной, религиозной, социальной среды, иных взглядов, мировоззрений, стилей мышления и поведения [17: 16].

Толерантная позиция может смягчить конфликт, но далеко не всегда она способна исключить его полностью. Н.Д. Голев считает речевой конфликт фундаментальным понятием, поскольку по сути любой речевой акт в потенции конфликтен: в конфликте находятся форма и содержание, эксплицитное и имплицитное в речи/тексте, замысел и воплощение, разные смыслы одной номинации и т.п. [3: 37–41]. Однако возможно установление тех элементов коммуникации, которые потенциально (и реально) ведут к конфликту. Эти элементы нередко называют конфликтогенами [16: 7]. К конфликтогенам, которые переводят конфликт в область права, относят в первую очередь инвективы в публичной коммуникации.

Итак, чаще всего оскорбительное звучание приобретают слова «субстандарта» – инвективы и обценнизмы. Обценный лексикон традиционно находится в центре внимания специалистов по юридической лингвистике и лингвоконфликтологии. К сожалению, строгие рекомендации юридического характера не сформированы и вряд ли могут быть выработаны в каком-то окончательном виде. Для юридической лингвистики и лингвоконфликтологии чрезвычайно важны те труды, где обосновываются (экспериментальными данными, сведениями по частотности и т. п.) характеристики обценнизмов. В этих работах обозначена острая проблема для русского языка последних десятилетий – деабузация грубо-просторечной лексики, явных обценнизмов, сформированная привычка к подобному лексикону, особенно в молодежной среде.

Исследование языкового субстандарта с лингвоюридических позиций – важная перспектива современной лингвоконфликтологии. Лингвоюридическая регламентация обценнизмов сталкивается с той трудностью, что сама инвективная функция языка представляется многим одной из естественных функций. В лингвистических трудах нередко говорится и о полезных свойствах обценнизмов и инвектив: они не просто являются показателем агрессивности общества, но сами способны канализировать агрессию (а это уже позитивное свойство); они могут быть показателем сокращения межличностной дистан-

ции в коммуникации, особенно – в иерархической; они представляют собой древнейший языковой пласт, полезные свойства которого еще не до конца познаны. Но совершенно ясно, что именно за счет этой лексики в первую очередь формируется деструктивное, конфликтогенное речевое поведение.

К решению лингвоюридических проблем оскорбления обращались многие исследователи. Особенности формирования и функционирования инвективной лексики в различных лингвокультурах были предметом исследования в таких трудах, как: Жельвис и мн. др. Эта же проблема многократно обсуждалась в трудах, связанных с ведением судебных дел по защите чести, достоинства и деловой репутации [Баранов, 2007; Воронцова, 2006]. Детально проанализированы этнокультурологические особенности и фреймовые составляющие концепта «оскорбление» [4].

Итак, чаще всего в основе лингвоюридического конфликта лежит феномен оскорбления – то есть унижения чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной (инвективной, обценной) форме. То есть, во-первых, само содержание высказывания должно приводить к унижению чести и достоинства другого человека, а, во-вторых, должно быть выражено в неприличной форме. Но трудность в том, что все понятия, посредством которых определяется оскорбление, сами являются оценочными, то есть требующими юридического комментария. Юридическое определение оскорбления, по сути, является апелляцией к языковому чутью. Конечно, прагматическая часть хороших толковых словарей может оказаться в этих случаях очень полезной: ср. разветвленную систему пейоративных помет типа *неодобр.*, *ирон.*, *презр.*, *пренебр.*, *насмешл.*, *бран.*, *руг.*, *уничтожит.* и под., которые дают нормативные словари (начиная с Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова).

Решающим фактором квалификации оскорбления оказывается реакция адресата, ибо констатация факта оскорбления и степени психологического и морального ущерба от оскорбления – это функция лингвоэтического сознания адресата, который оценивает их с опорой на собственные представления о нормативности (а они, в свою очередь, обусловлены целым рядом лингвосоциальных факторов). Есть «особые зоны риска», конфликтогены: надо помнить о том, что, например, «имена, несущие на себя черты этнической и социальной принадлежности, могут стать предметом нелояльной насмешки, иногда граничащей с ксенофобией» [15: 233].

Гармонизировать общение и предотвращать лингвоюридические конфликты помогают широко распространившиеся принципы политкорректности. Ее цель – исключение из социальной жизни любых проявлений дискриминации по таким признакам, как раса, национальность, пол, возраст, здоровье, материальное положение, сексуальная ориентация, внешний вид и т. д. Как известно, прямое вмешательство идеологических институтов в сферу язы-

376 | кового употребления, нормирование языка под воздействием изменившихся социально-политических условий характерно для времен кардинальных перемен в жизни социума. Современная политическая корректность, в целом соответствуя тому, что было всегда (активное идеологическое воздействие на язык), в то же время имеет и ряд новых черт. Это интернациональное явление, в сферу действия которого вовлекаются все новые объекты. Политкорректные языковые единицы представляют собой результат применения ключевых идей этого направления к языковой системе (прежде всего – лексической).

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 591 с.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2006. 48 с.
3. Голев Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докл. Междунар. научной конфер. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. С. 37–41.
4. Голев Н.Д. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд. М.: Галерея, 2002.
5. Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 136–155.
6. Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов на основании их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово – Барнаул: Алтайский госуниверситет, 2008. С. 3–24.
7. Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 2004. С. 3–37.
8. Иванов В.В. Толерантность и ее значимость для XXI века // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011. С. 19–33.
9. Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10: межвузовский сборник научных статей. Барнаул — Кемерово: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 123–135.
10. Козловская Н.В., Кузнецова И.Е. К проблеме выявления лингвистически значимых признаков провокации взятки // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломо-

носова, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 331–332.

11. Лукьянова Е. Нашей правды идеал // Отечественные записки. 2015. № 3.
12. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 283 с.
13. Непшекуева Т.С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен. Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2006. 410 с.
14. Светлов В.А. Аналитика текста. Учебное пособие. СПб: Росток, 2001. 512 с.
15. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
16. Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение // Прикладная конфликтология: Хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2003. С. 6–51.
17. Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 22 с.

Z. B. Veliyev

ONTOLOGICAL UNDERSTANDING OF A LANGUAGE AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

Abstract: The natural language can be a means of an offense and object of legal activity: investigative actions, forensic linguistic expertise and litigation. The comparison with the antipode of the conflict in modern conditions – with tolerance – contributes to the determination of the conflict ontology.

Keywords: linguistic and legal conflict, invective, political correctness, linguistic pragmatics.

СТАТУС РЕКЛАМЫ В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена вопросу о стилистическом статусе рекламной коммуникации. Анализируются разные подходы к определению места рекламы в стилистической дифференциации современного русского языка. Определяются экстралингвистические основания публицистического стиля и экстралингвистические основания рекламной коммуникации. Делается вывод о публицистическом статусе рекламы.

Ключевые слова: стиль, функциональный стиль, реклама, рекламный текст, функции стиля, стилевая черта, стилевая дифференциация языка.

Современную действительность уже невозможно представить без рекламы и рекламных текстов – так прочно вошел в нашу жизнь этот вид коммуникативной деятельности. Причем если в далекие времена «извещение о товаре» как специальное действие возникло и использовалось в сфере торговли продуктами питания и предметами быта, то сегодня такого рода извещение стало естественной необходимостью практически во всех сферах жизнедеятельности человека (исключая, возможно, только военную и космическую области как секретные и стратегически значимые для государства).

Рекламе как феномену современной жизни, ее структурно-языковым, семантическим, стилистическим, функциональным и др. особенностям посвящено большое количество исследований. Собственно лингвистический интерес к рекламе определяется необходимостью выявить и объяснить его языковые (формально-структурные), речевые (функциональные, стилистические), прагматические, коммуникативные особенности организации с целью разработки общих и частных правил, закономерностей, законов создания действенного (успешного) рекламного обращения, выработки рекомендаций для копирайтеров, менеджеров, торговых компаний. Не менее важным для языковедов является и вопрос о культурной составляющей рекламной коммуникации, ставшей неотъемлемой частью интеллектуальной и духовной жизни современного общества. Кроме того, в последнее время, отмеченное процессами глобализации и сближения разных национальных традиций, большое значение приобретают проблемы межкультурного взаимодействия, во многом реализующиеся в рамках рекламной коммуникации.

По самым общим нашим наблюдениям, сегодня существует восемь направлений изучения рекламной коммуникации: 1) феноменологическое (реклама изучается как феномен, явление современного уровня развития), 2) формально-структурное (исследуются вопросы устройства рекламных текстов, их структурной и содержательной организации), 3) функционально-прагматическое (изучаются функциональные особенности рекламных текстов, их специфические языковые и неязыковые единицы), 4) семантическое (основной вопрос – описание семантических оттенков языковых и неязыковых единиц в рамках рекламного текста), 5) культурологическое (связано с разработкой вопросов о взаимосвязи и взаимовлиянии рекламы и культуры), 6) социальное (решаются проблемы влияния рекламы на социум, обсуждаются вопросы о месте и роли рекламной коммуникации в различных сферах деятельности современного общества), 7) психологическое (рассматривается специфика психологии рекламной деятельности, выявляются психологические законы и закономерности рекламной коммуникации в целом), 8) методическое направление (посвящено вопросам научной и практической подготовки кадров для рекламной деятельности).

Иными словами, реклама как особый и невероятно востребованный сегодня вид коммуникативной деятельности активно изучается наукой, причем не только лингвистической. Однако в многоголосии научных обсуждений и дискуссий о рекламе у специалистов до сих пор не сложилось единого представления о ее стилистическом статусе. В самом деле, что есть реклама: особый стиль со специфическими стилевыми чертами или одна из разновидностей публицистического стиля?

Вопрос о стилевом статусе рекламы сегодня относится к числу нерешенных, открытых, поскольку лингвисты отвечают на него неодинаково. Наиболее распространёнными являются три точки зрения, демонстрирующие разное понимание места рекламной коммуникации в речевой деятельности: 1) реклама как отдельно взятый, самостоятельный стиль; 2) реклама как разновидность публицистики (медиакоммуникации); 3) реклама как явление интерстилистическое. Рассмотрим эти подходы и сформулируем свою позицию в данном вопросе.

Первая точка зрения на стилевой статус рекламы представлена в работах Е. С. Кара-Мурзы [2; 3]. По мнению исследователя, реклама как текстовый феномен представляет собою самостоятельный функциональный стиль – рекламный [3: 230]. При этом *рекламный функциональный стиль* автор отделяет от *рекламного дискурса*, утверждая, что у данных явлений разные парадигматики: языковая – у рекламного стиля, который в этом случае понимается как «совокупность маркированных разноуровневых языковых единиц» [Там же]; и речевая – у рекламного дискурса, понимаемого как система рекламных жанров [Там же].

380 | В подтверждение своей позиции Е.С.Кара-Мурза приводит следующие аргументы:

1. Рекламная коммуникация реализуется в разнообразных текстах, общая совокупность которых (и существующая, и потенциальная) упорядочена системой жанров, таких, например, как объявление, плакат, постер, баннер, заметка, статья, интервью и др.

2. Формализация рекламного сообщения осуществляется с помощью специальных, «рекламно узнаваемых» языковых единиц, которые «тематически и функционально связаны с маркетинговыми процессами, т. е. они употребляются для привлечения внимания к объекту и его продвижения на рынке» [3: 229]. При этом совокупность типичных для рекламы языковых и речевых единиц (фонетических, морфологических, лексических, синтаксических, композиционных, средств речевой выразительности), а также единиц иных семиотических систем (цвет, графика, шрифт, звук, рисунок, фотография и под.) организует специфический язык рекламы. Элементы этого языка, попадая в тексты других стилей, сохраняют свою рекламную коннотативность и функционируют «на правах модных выразительных средств» (там же), реализуя тем самым процесс взаимодействия стилей в общем коммуникативном пространстве.

3. У рекламной коммуникации своя оценочность – утилитарная, в отличие, например, от публицистики, которой характерна социальная оценочность.

4. В рекламных текстах «регулярно нарушаются литературные нормы. Это подчеркивает становление ее собственной стилистической нормы, которая, по В.Г. Костомарову, описывается как конструктивный принцип “ЭКСПРЕССИЯ – СТАНДАРТ”» [Там же].

Все приведенные утверждения, как нам кажется, не вызывают сомнений, если мы говорим о специфике языка рекламы, об особенностях организации рекламных текстов. Однако все это еще не свидетельствует, на наш взгляд, о существовании рекламного функционального стиля, или, точнее, рекламного стиля – как функционального, ибо стиль как функциональный феномен определяется прежде всего исходя из таких экстралингвистических оснований, как форма общественного сознания, сфера деятельности и связанный с нею тип мышления, а также исходя из целей и задач самой коммуникации. Попытаемся обосновать свою позицию по каждому из приведенных выше тезисов.

1. Всякий стиль, реализуясь в материальных носителях – текстах, имеет свою систему жанров. Многие из жанров специфичны, т.е. стилистически маркированы. Ср., например, такие жанры религиозного стиля, как проповедь, исповедь, литургия, молитва и др., которых как жанровых единиц нет в других стилях; или такие жанры, как монография, диссертация, автореферат, тезисы, функционирующие в научном стиле и не характерные для других речевых разновидностей; или жанры романа, повести, поэмы, присущие

только художественному стилю, и т. д. Вместе с тем известны и такие общестилевые жанры, как статья, заметка, беседа, памфлет, манифест и др. В формате статьи, например, вербализуются сообщения не только в научном, но и в публицистическом стиле (ср. «Как нам обустроить Россию» А.И. Солженицына), в официально-деловом стиле (ср. статьи различных «Кодексов») или на стыке публицистики, науки и беллетристики (ср., например, статьи А.Д. Сахарова и Д.С. Лихачева, обращенные к молодежи, интеллигенции, обществу в целом); заметки и беседы (особенно в устной речи) возможны вообще во всех известных сегодня стилях; даже такой жанр, как манифест, стилистически полифункционален, поскольку известны не только официальные (партийные) манифесты, но и чисто публицистической направленности (например, широко известный текст Н.С. Михалкова «Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма»).

Одним словом, наличие специфической жанровой системы не является жестким признаком стиля, тем более что многие жанры относятся к общестилевым; а тексты разных стилей, но воплощенные в форме одного жанра (например, статьи или беседы) могут иметь ту же направленность, что свойственна рекламе – воздействие на сознание, волю, эмоции адресата.

2. В формализации рекламных сообщений действительно участвуют специфические единицы разных семиотических систем. В целом можно утверждать, что реклама – явление поликодовое [6; 7]. Однако и это качество не есть прерогатива рекламных текстов, поскольку, во-первых, полисемиотичность присуща вообще всем стилям, включая научный и деловой (ср. композиционно-смысловую значимость таблиц, графиков, рисунков, фотографий, чертежей, схем в текстах точных и естественных наук, а также в некоторых типах документов – протоколов аварий, судебных экспертиз, инструкций и т. п.); во-вторых, современной публицистике, по верному замечанию В. Е. Чернявской, вообще свойственна эскалация наглядности, красочности, даже некоторой карнавальности [13]. Вся эта полисемиотика используется именно для привлечения внимания к объекту речи и его «продвижению» в сознание адресата.

Иначе говоря, наличие в рекламном тексте ярких коннотаций и полисемиотичность самой рекламы не являются показателями ее стилистической самостоятельности. Тем более что в каждом из стилей есть свои выразительные средства, многие из которых «кочуют» из стиля в стиль, приобретают статус общеизвестных (прежде всего благодаря публицистике), но при этом не ослабляют идентичности и не разрушают самостоятельности того стиля, в котором употребляются. Важно, кроме того, что единицы других стилей, попадая в рекламу, так же, как и рекламные единицы в текстах других стилей, сохраняют свою функционально-стилевую окраску – научную, официальную, религиозную, разговорную и др. За счет этого стилистического контраста

382 | (столкновения в высказывании разностилевых единиц) и образуется, кстати, особая, нарочито акцентированная экспрессия публицистического стиля, «плавно распространяющаяся» – как на его разновидность – и на рекламные тексты.

И еще. Наличие специфических выразительных средств в том или ином типе речи вряд ли может служить основанием для определения этой речи как самостоятельного стиля: не говорим ведь мы о существовании, например, молодежного функционального стиля только потому уже, что у молодежи есть свой жаргон, характеризующийся высокой экспрессивностью, узнаваемостью и широкой распространённостью в разговорной и публицистической сферах общения. Безусловно, можно считать такую речь особым языком, языком молодежи, подразумевая под этим языком сленг, жаргон или – в крайнем случае – специфический подстиль разговорного национального стиля, но неправомерно выделять его в самостоятельный функциональный стиль, поскольку для этого нет достаточных экстралингвистических оснований: у любой из разновидностей разговорного языка единые (общие) неязыковые факторы – род деятельности (обиходный, повседневный), тип мышления (неподготовленный, спонтанный, связанный с сиюминутными реакциями на бытовые события), цели и задачи общения – обслуживание взаимодействия членов национального коллектива в частной жизни.

То же, на наш взгляд, касается и рекламной коммуникации, у которой общий с публицистикой тип деятельности – политико-идеологический, социально ориентированный [5: 342], общая форма мышления – политическая, общие цели и задачи общения – воздействие, информация, агитация, популяризация [Там же. С. 343–344]. К тому же важно, что политика может быть и экономической, если деятельность направлена на продвижение на рынке товаров и услуг интересов отдельной компании (ср. значение лексемы политика: (от греч. Πολιτική)) – совокупность социальных практик и дискурсов, направленных на формирование, развитие, проектирование и исследование 1) правовых и моральных норм, 2) структуры государственно-административных институтов, 3) форм государственного управления, 4) отношений и институтов власти. – Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль / под редакцией В. С. Стёпина. 2001).

3. Что касается особой – утилитарной – оценочности рекламы, то вряд ли целесообразно, во-первых, приписывать всей рекламной коммуникации «дух утилитарности», во-вторых, считать оценочность стилеобразующим фактором. Конкретизируем наши утверждения:

1) по данным Большого академического словаря современного русского литературного языка, утилитарность – это «стремление из всего извлечь выгоду, пользу» [БАС4, 1963, т. 16, с. 1042]; утилитарный – «основанный на стремлении к практической пользе или выгоде, ставящий целью практическое

применение, использование чего-либо» [Там же]. Реклама (= рекламодатель) действительно нацелена на извлечение пользы, на достижение выгоды. Однако эта утилитарная цель социально окрашена, поскольку направлена на общество, преследует задачу воздействия на сознание социума или его части. Ср. трактовку лексемы социальный в Большом академическом словаре: «связанный с обществом, с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный» [БАС3, 1963, т. 14, с. 434]. Следовательно, если говорить об особой оценочности рекламы, то правомернее было бы определить ее как социально-утилитарную с акцентом на социальном аспекте, так как реклама непосредственно направлена на общество, существует для него, тогда как утилитарность в узком смысле – индивидуально-бытовом – не актуальна для рекламы как рода деятельности. Реклама лишь апеллирует к индивидуально-бытовому аспекту, чтобы сильнее (точнее, адреснее) воздействовать на общественное сознание.

Кроме того, важно, что далеко не всякая реклама преследует утилитарные цели, ср., например, чисто социальную направленность политической или одноименно называемой социальной рекламы;

2) оценочность, присущая той или иной речи, безусловно, важная ее характеристика, но она вторична по отношению к тем экстралингвистическим факторам, которые являются стилеобразующими. К последним относятся «назначение соответствующей формы общественного сознания (науки, права и т. д.), характерная для него форма мысли, а также тип содержания и определенные всем этим цели и задачи» [5: 123]. Этот комплекс обеспечивает целесообразное и наиболее эффективное использование языка в каждой из известных сфер коммуникации [Там же. С. 123–124]. В рекламе перечисленные факторы совпадают со стилеобразующим комплексом публицистики (см. выше).

Другое дело, что, как пишет М.Н.Кожина, «каждый функциональный стиль подразделяется на подстили, а они, в свою очередь, на еще более частные разновидности и т.д., вплоть до проявления в речи индивидуального своеобразия» [Там же. С. 124–125]. Вместе с тем деление стилей на более частные разновидности «не означает, что утрачиваются черты более “крупных” речевых разновидностей (“макростилей”). <...> конкретное высказывание (текст) обычно имеет, кроме основных, ... ряд частных стилиевых особенностей, которые как бы наслаиваются на основные, сосуществуют с ними либо отчасти модифицируют их» [Там же].

Таким образом, воздействие на рекламу общих с публицистикой стилеобразующих экстралингвистических факторов говорит в пользу «публицистичности» рекламной коммуникации и отнесения ее «к ведомству» публицистического стиля как одной из значительных его разновидностей.

4. Последний тезис рассматриваемого подхода к стилевому статусу рекламы также, на наш взгляд, не является бесспорным.

Так, регулярное нарушение литературной нормы применяется в рекламных текстах в качестве приема усиления экспрессии: девиация нормы на фоне общепринятого, стандартного употребления языковых единиц создает и актуализирует выразительность, остро необходимую рекламному сообщению для воздействия на общественное мнение, особенно в условиях борьбы рекламодателей за рынок сбыта. Кстати, этот же прием усиления экспрессии весьма характерен и для традиционной публицистики, где также борются за «выживание» различные издательства, издания, теле- и радиоканалы, партии, отдельные политики, общественные деятели и т. д. Следовательно, сочетание экспрессии и стандарта является общим конструктивным принципом для этих коммуникативных сфер и не может служить основанием их дифференциации.

Уточним еще один момент, определяя нашу точку зрения на стилевой статус рекламы.

Понятия «стиль» и «функциональный стиль» не синонимичны. Под стилем в лингвистике обычно понимают совокупность стилистически одинаково окрашенных языковых средств, подобранных и объединенных в высказывании в расчете на воспринимающего, дабы наилучшим образом передать содержание речи [5: 84–87]. Это структурно-языковое понимание стиля.

Функциональная же стилистика «стремится изучить, в какие системные отношения входят языковые средства при функционировании языка в зависимости от типичных и традиционных, прежде всего социально актуальных, сфер общения. Она пытается определить также, какие языковые единицы при этом наиболее часто “выбираются” из системы языка и как они организуются в потоке речи, т. е. на текстовой плоскости. Иначе говоря, каковы принципы отбора и сочетания языковых средств и в результате – какова речевая организация» [Там же. С. 87.]. Поэтому функциональный стиль понимается как «своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определённой сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [Там же. С. 91].

Представляется, что в аспекте структурного подхода, т. е. при акцентированном внимании исследователя к формальным особенностям рекламного текста, его выразительным и композиционным средствам, рекламу – хотя и с долей условности – можно рассматривать в качестве рекламного стиля, т. е. как особый язык, характеризующийся своими правилами, приемами и инструментами порождения текстов, своими выразительными средствами и специфической оценочностью. Однако с точки зрения функционального и, в частности, функционально-стилистического подхода стиль (= функциональный стиль) есть социальная разновидность речи, сформированная и определяемая целым комплексом экстралингвистических факторов, среди которых исходными являются сфера деятельности и форма сознания.

Поэтому мы считаем возможным утверждать, что рекламная коммуникация, сформированная и предопределенная теми же неязыковыми факторами, что и публицистическая деятельность, не составляет отдельного функционального стиля, а является функциональной разновидностью, подстилем публицистического стиля, со всеми присущими последнему чертами. Как подстиль, реклама, безусловно, характеризуется рядом частных стилевых особенностей (специфическими в целом для публицистики целями и задачами, рядом собственных жанров, особыми типами композиции, социально-утилитарной оценочностью, персуазивно значимыми конструктивными приемами и полисемиотикой и др.), но не образует иного стиля, а «наслаивается» на основные качества публицистической коммуникации, функционирует под ее влиянием и внутри нее.

Наряду с рассмотренными двумя подходами к стилевому статусу рекламы – реклама как особый стиль и реклама как разновидность публицистики – существует, как было отмечено в начале статьи, еще один подход к этой проблеме. Этот подход связан с активно развивающимся в последнее время новым направлением – медиалингвистикой (термин Т. Г. Добросклонской. См.: [1]). Это направление, возникшее на рубеже XX–XXI вв. под воздействием роста социальной активности и вовлеченности общества в массовую коммуникацию, ориентировано на исследование языка СМИ.

Основным объектом (или категорией) анализа является здесь *медиа-текст* – сложная многоуровневая единица, организованная посредством символов разных семиотических систем и предназначенная для реализации речевого общения в сфере массовой коммуникации. Цель анализа медиатекстов – выявление и описание языковой специфики современной массовой коммуникации, установление законов и закономерностей взаимодействия индивидуального и коллективного сознания с общественными процессами (в политике, экономике, образовании, науке, культуре, медицине, производстве и пр.), определение динамических явлений в культурном фонде нации, расширение знаний о тенденциях развития и особенностях функционирования современного русского языка и т. д. Отражающий специфику массовой коммуникации, медиатекст способен наилучшим образом продемонстрировать происходящие в языке структурные, семантические и стилистические изменения, а также углубить наши знания о связи языка и мышления, с одной стороны, и языка и социума – с другой.

Вместе с тем массовый характер медийной речи предполагает стилистическую неоднородность – от просторечия и сленга до высокой «книжности»: ориентация текстов на разные социальные и культурные группы обуславливает широкое использование авторами такого психологически действенного языкового приема, как экспрессия, наиболее типичным способом создания которой как раз является стилистический контраст. Чередование экспрессии и стандарта В.Г. Костомаров определяет как принцип массовой коммуникации

386 [8]. Именно этот принцип и является основой – и условием – стилистической «многоликости» медиакоммуникации, где взаимодействуют единицы сниженной, нейтральной и высокой окраски, организованные в синтаксические и текстовые структуры разной стилистической маркированности – публицистической, разговорной, научной, официально-деловой, художественной.

Поэтому стиль медиатекстов в литературе все чаще не определяется как публицистический. Для номинации этого стиля в последние годы преимущественно используются новые терминологические сочетания типа «стиль массовой коммуникации», «медиастиль», «русский национальный стиль» [4], «медиадискурс» [10], появилось даже научное направление «медиастилистика» [9], в рамках которой рассматриваются особенности языка текстов СМИ. Видимо, понятия «медиастилистика» и «медиалингвистика» функционируют как синонимичные для номинации лингвистических исследований, направленных на выявление специфических черт языка массовой коммуникации.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что в рамках данного подхода реализуется широкое (обобщенное) представление о стиле: стиль понимается как язык определенного типа общения с учетом его речевой специфики в целом. При этом учет экстралингвистических факторов речи, их объяснительная сила при описании стилевых особенностей текстов уходит на второй план, практически нивелируется. Потому естественно, что реклама как разновидность текстов СМИ объявляется, во-первых, объектом интереса медиалингвистики (или медиастилистики), во-вторых, «собственностью» разных стилей, поскольку в ней реализуются признаки разных сфер общения – от разговорной до научной. Такой подход к рекламе представлен, например, в коллективной монографии омских исследователей [11], авторы которой, рассматривая рекламу как компонент медийного пространства, не касаются вопроса о стилистическом статусе рекламных текстов, подчеркивая лишь такие их специфические черты, как избыточность оценочности, экспрессивности, смысла, а также интертекстуальность [11: 329–334].

Таковы наши размышления по поводу вопроса о стилевом статусе рекламы. В завершение считаем необходимым подчеркнуть, что мы, вслед за М.Н. Кожинной, придерживаемся второй точки зрения, а именно считаем рекламный текст подстилевой разновидностью публицистического стиля.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
2. Кара-Мурза Е.С. Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. М., 1997.
3. Кара-Мурза Е.С. Реклама: жанр, функциональный стиль, дискурс? // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 14. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2010. С. 220–231.

4. Клушина Н.И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах СМИ // *Stylistyka*, XXI. Opole. Польша, 2012. С. 19–33.
5. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. *Стилистика русского языка*. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
6. *Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: тезисы докладов Международной научно-практической конференции (11–13 мая 2011 г.)* / под ред. М.А. Акоповой. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 180 с.
7. *Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы Международной научной конференции* / под ред. М.А. Акоповой. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 188 с.
8. Костомаров В.Г. *Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики*. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
9. *Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвящённая 80-летию проф. Г.Я. Солганика*. М.: Флинта: Наука, 2012. 528 с.
10. Мальшева Е.Г. *Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование*. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 324 с.
11. *Современный медиатекст: учебное пособие* / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
12. *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация: колл. монография* / отв. ред. Л.П. Крысин, 2003. М.: Языки славян. культуры, 2003. 565 с.
13. Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие для студентов вузов*. Москва: ЛИБРОКОМ: URSS, 2009. 245 с.

Использованные словари

- БАС1 – Академический словарь современного русского литературного языка. М.: Академия наук СССР: Институт русского языка, 1956. Т. 5. 1917 с.
- БАС2 – Академический словарь современного русского литературного языка. М.: Академия наук СССР: Институт русского языка, 1960. Т. 10. 1774 с.
- БАС3 – Академический словарь современного русского литературного языка. М.: Академия наук СССР: Институт русского языка, 1963. Т. 14. 1390 с.
- БАС4 – Академический словарь современного русского литературного языка. М.: Академия наук СССР: Институт русского языка, 1963. Т. 16. 1390 с.

N. V. Danilevskaya

THE STATUS OF THE ADVERTISEMENT IN THE STYLISTIC SYSTEM MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article is devoted to the question of stylistic status of advertising communication. Examines different approaches to defining the place of advertising in stylistic differentiation of modern Russian language. Define non-linguistic grounds journalistic style and non-linguistic grounds of advertising communication. Concludes journalistic status of advertising.

Keywords: style, functional style, advertising, promotional text, function style, stylistic trait, the style differentiation of language.

«ВОВЛЕКАЮЩИЕ» РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПРОДВИГАЮЩЕМ КОНТЕНТЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен вовлечения в маркетинговых практиках социальных сетей (маркетинг вовлечения, social media marketing). Анализируются основные принципы маркетинговых концепций вовлечения, выявляются репрезентирующие их речевые стратегии, тактики и языковые средства, используемые в продвигающем контенте различных компаний.

Ключевые слова: речевое вовлечение, маркетинг вовлечения, SMM, продвигающий контент, речевая стратегия, речевая тактика.

Понятие <речевое> вовлечение (в западной традиции – involvement/engagement), ставшее предметом изучения в отечественной лингвистической науке относительно недавно, вызывает все больший исследовательский интерес. Актуальность изучения указанного феномена объясняется его междисциплинарностью, востребованностью в различных областях деятельности (юриспруденции, маркетинге, менеджменте, педагогике, психологии и др.). В каждой из этих областей есть потребность в исследовании лингвистической стороны вовлечения.

В западной и отечественной лингвистической традиции вовлечение (точнее понятийным комплекс вовлечение/вовлеченность) может пониматься различным образом:

– как степень когнитивной и поведенческой задействованности коммуникантов в коммуникативном процессе, их готовность участвовать в общении в противоположность отказу от общения [16; 4; 5];

– как достижение эмоционального контакта между людьми на основе объединяющих их событий и обстоятельств [18];

– как деятельность говорящего/пишущего по поддержанию взаимодействия со слушающим/читающим, удержанию его внимания и интереса к предлагаемому высказыванию/тексту [17];

– как формирование речекоммуникативными средствами готовности реципиента к участию в противоправной деятельности, совершению общественно опасных деяний [9] и др.

Вовлечение может быть симметричным (обе стороны понимают и принимают необходимость если не испытывать, то демонстрировать погруженность в коммуникативный процесс как условие адекватного социально-диалогического взаимодействия) или асимметричным (осуществляется по инициативе и в интересах одной стороны – субъекта вовлечения, или вовлекателя, в то время как вовлекаемый (объект вовлечения) может понимать свою роль объекта, а может и не подозревать о ней).

Асимметричное вовлечение характеризуется следующими признаками: 1) организованность, стадиальность, градация по степени достигнутого эффекта; 2) кумулятивный характер (эффект вовлечения накапливается из нескольких коммуникативных событий, а не достигается только одноразовым речевым актом); 3) интердискурсивный характер, т. е. совмещение нескольких дискурсов (маркетингового, политического, дидактического и т. п.); 4) эффект вовлечения достигается сочетанием разнотипных и разноразовых средств [10: 416–417].

Таким образом, под асимметричным вовлечением можно понимать дискурсивный, когнитивный и социально-психологический феномен, основанный на идее побуждения/привлечения/приобщения индивида к определенной деятельности / когнитивно-поведенческому состоянию в интересах и по инициативе побуждающего. Значение глаголов *вовлечь*/*вовлечать* в толковых словарях русского языка описывается при помощи лексем воздействующей семантики: *привлекать*, *побуждать*, *склонять*, *соблазнять*, которые в совокупности делают обязательной речекоммуникативную составляющую рассматриваемого явления [6].

В семантической структуре лексемы *вовлечение* обнаруживаются такие компоненты, как: 1) наличие субъекта и объекта вовлечения; 2) сознательность, целенаправленность действий субъекта, его активная воздействующая и контролирующая роль; 3) цель – включение объекта в деятельность в интересах субъекта; 4) формирование у объекта вовлечения желания, намерения, готовности включиться в деятельность, осознать ее как отвечающую и его интересам тоже; 5) комплексный характер воздействия, использование для достижения результатов различных воздействующих приемов рационального и эмоционального, в том числе манипулятивного характера (ср. смы 'убедить', 'прельстить', 'вызвать желание') [Там же].

Отдельно следует оговорить соотношение понятий «речевое вовлечение» и «речевое воздействие». Речевое вовлечение является одной из манифестаций (проявлений) речевого воздействия, понимаемого как «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента,

390 | перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [15: 39]. В процессе вовлечения используются разные способы и средства речевого (и – шире – коммуникативного) воздействия. Асимметричное вовлечение как манифестация речевого воздействия всегда является в той или иной степени манипулятивным.

Понятие *вовлечение* оказывается чрезвычайно востребованным в маркетинговых коммуникациях. Востребованными становятся такие маркетинговые концепции, как маркетинг взаимоотношений/отношений (relationship marketing) и маркетинг вовлечения (engagement marketing), которые в отличие от классического маркетинга отдают приоритет «построению тесных и долгосрочных отношений с потребителем, включению его в непрерывное взаимодействие с компанией по управляемому ею сценарию» [1: 75–76].

Актуальность подобных моделей определяют несколько факторов: а) перенос потребительской и торговой активности в онлайн-среду, все более усиливающаяся роль интернета как канала продвижения товаров и услуг; б) «выравнивание» предложения разных субъектов бизнеса по цене и качеству, и как следствие усиление конкуренции между брендами и компаниями на фоне снижения покупательской лояльности; в) негативное отношение потребителей к прямому рекламному воздействию и стремлением избежать его [2; 13]. Проникновение интернета во все сферы экономической жизни деформирует рынки товаров и услуг в их привычном понимании, влияя как на потребителей, так и на бизнес. Усиление роли индивидуализации потребительских предпочтений «переносит фокус потребительской ценности в область впечатлений, создаваемых бизнесом при взаимодействии с потребителем» [12: 155–156].

Все это способствует реализации маркетинговых концепций вовлечения, в основе которых которой лежит идея непрерывного взаимодействия с потребителем.

По отношению к маркетинговым практикам вовлечение выступает как асимметричное (процесс инициируется и управляется вовлекателем – компанией), но социально оправданное взаимодействие между компанией и потребителем. Вовлечение потребителей в активные взаимоотношения с брендом имеет целью повышение их лояльности, которая сегодня определяется не столько удовлетворенностью покупателей, сколько их эмоциональной вовлеченностью [2: 77].

Одним из наиболее эффективных инструментов реализации маркетинговых концепций вовлечения являются социальные медиа. Будучи коммуникативным каналом, которым люди пользуются ежедневно, социальные сети сами по себе представляют принципиально вовлекающую коммуникацию. Разновидность маркетинговой деятельности, занимающейся продвижением

товара или бренда через социальные сети, получила название social media marketing, или SMM. Сегодня любая компания, крупная или мелкая, занимается SMM посредством создания и регулярного наполнения продвигающим контентом корпоративных страниц/аккаунтов во всех значимых социальных сетях. Под продвигающим контентом будем понимать текстовую (вербальную и невербальную) продукцию, размещаемую на корпоративных страницах (в аккаунтах) компании и направленную на продвижение бренда и продукции через соцсети.

Анализ научных работ в этой области позволил выделить следующие характеристики вовлечения в маркетинге социальных сетей:

- установление долгосрочных и прочных связей с потребителем [1],
- создание имиджа бренда постоянного присутствия [11],
- перенесение фокуса потребительской ценности в область впечатлений, создаваемых бизнесом при взаимодействии с потребителем (как интеллектуальных, так и эмоциональных) [2],
- создание особой атмосферы отношений между брендом и потребителями, демонстрацией устойчивой связи между брендом и повседневной жизнью [11],
- реализация идеи совместного создания ценности [14],
- отказ от прямой рекламности, ненавязчивость и неагрессивность подачи рекламной, по сути, информации [11].

Создание имиджа бренда постоянного присутствия предполагает регулярное наполнение аккаунта разноплановым контентом, направленным на взаимодействие с целевой аудиторией: анонсы и пост-релизы мероприятий, видео и фото, поощрение положительных комментариев и репоста информации, оперативная реакция на негативные отзывы, обсуждение проблем, сбор идей для развития компании, контактирование с блогерами и СМИ, познавательные материалы, игровые публикации (конкурсы, розыгрыши) и т. д. Само по себе чередование разнопланового контента позволяет говорить об особой стратегии поддержания контакта, которую невозможно реализовать без соблюдения принципа разнообразия (см. об этом ниже).

Названные выше характеристики во многом определяют специфику речевых средств вовлечения, используемых в SMM-контенте. Эти средства манифестируются комплексом речевых стратегий, представленных рядом специфических тактик. Под речевой стратегией вслед за О.С. Иссерс мы понимаем «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для “обработки” партнера», установку на коррекцию его модели мира / поведения, под речевыми тактиками – обобщенные речевые действия, направленные на коррекцию определенного сегмента модели мира адресата [7: 102]. Стратегическая цель маркетинга вовлечения – установка на непрерывное взаимодействие с потребителем – выводит на первый план

392 | стратегии, которые А.В. Голодновым удачно определены как стратегии поддержки интеракции [3].

Здесь могут быть отнесены стратегия самопрезентации, стратегия оптимальной адресации и собственно стратегия поддержания контакта.

Рассмотрим речевые средства реализации каждой из указанных стратегий на примере аккаунтов ряда компаний, представленных в социальных сетях Facebook и Instagram: Linorusso (одежда для женщин и мужчин), Odoro Loungewear (женская одежда), Sweet Secret Shop (семейное ателье домашней одежды), Milky Shop (салон красоты) и etosoda – аккаунта, подвигающего пищевую соду производства Стерлитамакского комбината. Среди указанных источников есть аккаунты с разным числом подписчиков: от 1,2 тысяч до более чем 50 тысяч.

Перефразируя В.И. Карасика, стратегию самопрезентации можно определить как конструирование имиджа вовлекающего субъекта [8: 33]. В нашем материале данная стратегия реализуется рядом тактик: тактикой открытости, тактикой стимулирования коммуникативной активности адресата, тактикой предвосхищения пожеланий, тактикой заботы, тактикой персонификации бренда, тактикой запроса мнения/пожеланий/впечатлений адресата, тактикой искренности, тактикой самокритики.

Приведем примеры: *У вас наверняка много вопросов о новой студии на Сухаревской*) (тактика стимулирования запросов со стороны адресата и предвосхищения его пожеланий). *Кто, если не мы, честно вам ответит на любой вопрос? Про помещение, мастеров, финансы, закупки и все-все-все, что хотите знать!* (тактика открытости, стимулирование запросов со стороны адресата) (Milky Shop); *Девочки, у нас огромная просьба к вам. Мы сделали все возможное, чтоб к открытию студия была полностью готова, но мы, наверняка, упустили какие-то мелочи (так всегда бывает). Поэтому нам очень нужен ваш свежий взгляд! Пожалуйста, дайте нам немножко обратной связи: после визита вам придет СМСка с ссылкой, где мы зададим несколько вопросов, а вы сможете указать свои пожелания или недочеты по студии и ее работе. (Milky Shop) (тактика запроса мнения, тактика самокритики, тактика открытости; тактика предвосхищения пожеланий адресата); *Девочки, не бойтесь задавать вопросы. Лучшие сразу в директ или whas.App/ с превеликим удовольствием сделаю вам дополнительные снимки понравившихся вещей. Например, меня часто спрашивают, на какой рост у нас модели. На ЛЮБОЙ! и на 160 хорошо сядет и на 180. главное, чтобы вы были готовы к экспериментам (Odoro) Прямо под этим постом можете задавать нам вопросы, на которые мы будем с радостью отвечать в последующих видеороликах (Linorusso) (тактика стимулирования запросов; тактика открытости, тактика готовности к контактам, тактика заботы). В комментариях напишите, какой из 4-х вариантов Вам ближе остальных; Ждем ваших пожеланий для нового образа. Какую модель платья или блузы,**

а может быть юбки Вы бы хотели?; Герои этого ролика – эlegantное платье «Риччи» модной принтованной расцветки, а также шерстяное нежное пальто «Вирджини», которое прекрасно дополняет платье. Как вам дуэт? Какую обувь вы бы сюда добавили? (тактика запроса мнения/пожеланий/впечатлений); Для тех, кто пропустил наш предыдущий пост или так и не нашёл вчера осеннюю коллекцию на сайте магазина, с радостью сообщаем, что работа над онлайн-обновлением завершена! Смелее переходите по ссылке в шапке профиля! Желаем вам удачного шоппинга!; Платье Michelle мы сшили в том числе и для тех, кому наш Сосооп был узковат в рукавах. Да и смелости на него не хватало, но очень хотелось попробовать что-то похожее (Одору) (тактика заботы, тактика искренности).

Для стимулирования вступления в контакт характерно указание на несложные действия адресата, выполнение которых повлечет за собой получения определенной награды (синтаксические конструкции с семантикой, различные форм императива, лексика с семантикой желания и интереса): Вам интересно посмотреть, как проходит производственный процесс? Если да, то ставьте «+» в комментариях, и мы подготовим для вас кое-что интересное ♥; Обратите внимание на наши жилеты из эко-меха. ✦ Тёплые и стильные. Хотим показать, как носить их поверх тонких дурых курток. Интересно? Ставьте лайки и мы выложим пост. Ждём 300 лайков ♥ ♡; Не забывайте отмечать нас на фото ❁ или ставьте хэштеги #odorolive и #odoro_live, и мы опубликуем ваше фото у нас в профиле! @ Izmaylovo (Одору).

Стимулирование активности адресата при помощи запроса его мнения, впечатления осуществляется при помощи вопросительных и побудительных предложений, различных форм императива, форм условного наклонения глагола, языковые средства с семантикой желания, предпочтения, впечатления, выбора, интереса, ожидания, этикетных форм просьбы. Демонстрация готовности к контактам передается через языковые средства с семантикой готовности, желания, возможности, а также радости, удовольствия. Тактика предвосхищения пожеланий адресата реализуется при помощи средств с семантикой желания, запроса информации, а также вводных слов, наречий, частиц, выражающих оценку вероятности того, о чем говорится (*конечно, наверняка, скорее всего, уж точно* и т. д.).

Тактика предвосхищения желаний покупателей может основываться на разрушении стереотипов («все делают как привычно, как положено, а мы – как удобно вам»), ср.: Девушки – красавицы! В эти выходные мы не будем устраивать сокращённых и нерабочих дней. Ждём вас в наших шоурумах на Курской и на Щукинской. Работаем в стандартном режиме. Берите подруг и приезжайте на примерку! (Одору).

Разнообразны формы реализации тактики персонификации бренда. Данная тактика предполагает знакомство с конкретными его представителями

394 (с упоминанием конкретных имен, фотографиями конкретных сотрудников), демонстрацию своего рода «кухни» компании, того, как ее сотрудники работают и проводят свободное время: *Всем привет от хранительницы шоурума на Щукинской Илоны. Она по-прежнему ждёт вас каждый день с 11:00 до 20:00 🌸🌸🌸🌸. Ну-ка, признавайтесь, кто ещё не был в нашем шоуруме на Курской? Между прочим, Екатерина вас заждалась! Приезжайте скорее, уже все платья отглажены, по местам развешаны, и примерочные скучают по вам. А на нашей хранительнице шоурума платье #akacia из новой осенней коллекции и супер удобные черевички из натуральной кожи; Друзья, ура! Солнышко снова с нами, а с ним и я, Дарья Воронцова. Хочу узнать, где лучше пофоткать наши новинки. Предлагайте! (Odoro).* Другим примером может стать пост из рубрики «Знай мастера в лицо» Sweet Secret Shop (ателье домашней одежды): *Наша Людмила! Наш супер мастер, наши золотые ручки, наш генератор идей! Да-да-да, это все она. Энергии и трудолюбия этой женщины можно только позавидовать и поучиться тоже. 10 фактов о Людмиле. 2 из них неправда. Сможете угадать, какие? 1. Прыгала с парашютом. 2. Может целый день шить в своей мастерской, забыв даже про еду. 3. Готовит потрясающий плов. 4. У нее четверо внуков...* (текст сопровождается фотографией мастера). Как видим, тактика персонификации создает образ бренда с человеческим лицом – сотрудника, директора, мастера, продавца с конкретным именем, биографией и человеческими качествами (при этом могут использоваться игровые приемы, забавные снимки, шутки). Это работает на создание положительного образа компании, в которой работают и хорошо чувствуют себя хорошие люди, профессионалы своего дела.

Стратегия оптимальной адресации, по А. В. Голоднову, представляет собой отражение в текстовом контенте образа реципиента/представителя целевой аудитории [3]. В нашем материале такой образ создается следующими тактиками: тактика вы-обращения, тактика демонстрация общности интересов и эмоциональных реакций (эмпатия), тактика шутки и игры, тактика интимизации, а также группа этикетных тактик благодарности, похвалы, комплимента.

В исследуемом контенте мы практически не находим Ты-обращений, и этому, на наш взгляд, есть несколько причин: 1) очевидная рекламность Ты-обращений, а прямой рекламности владельцы аккаунтов стремятся избегать; 2) целевая аудитория названных аккаунтов – люди разного возраста, в основном взрослые; 3) обращение в общедоступном контенте происходит ко множеству людей, а при персональном контакте (например, при ответе на комментарии) используется вежливое Вы-обращение. Наряду с этим используется тактика интимизации, неформальной тональности общения, которая также выражается в обращениях: *Девы! Девочки! Дорогие! Дорогие девы! Милые дамы! Девушки-красавицы! Друзья! Барышни-красавицы! Дорогие*

наши «плюсики» (о дамах размера плюс)! Крошки!; а также в широком употреблении разговорных средств (эллиптических конструкций, разговорных аффиксов и т. д.): Кому? Как вам это сочетание? На фото новые штанишки из ткани с принтом фламинго (Sweet Secret Shop). Хочу узнать, где лучшие пофоткать наши новинки (Odoro).

Тактика эмпатии – демонстрации общности эмоциональных реакций – направлена на эмоциональное сближение адресанта и адресата, ср.: *1 сентября сода проснулась в ужасе, вспомнив, что летние каникулы закончились, и в понедельник нужно идти в школу. Правда, потом поняла, что уже большая и в школу идти все-таки не надо. Уф, какое облегчение! (etosoda); А чем вас пугали в детстве родители и бабушки с дедушками?)* Нескольким нашим девочкам рассказывали про кислотные дожди. А кого-то воспитывали фразочками вроде: не будешь слушаться, позвоню волку. Расскажите, что вам запомнилось сильнее всего?) 3 комментария, которые соберут больше лайков получат подарочки из MilkyShop (MilkyShop). В первом случае наблюдаем описание знакомых каждому эмоциональных ощущений (внезапный ужас – чувство облегчения), во втором – предложение погрузиться в детские воспоминания и поделиться ими. Обратим внимание также на то, что потребителя вовлекают в контакт через обращение к темам, не имеющим никакого отношения к покупке, предлагаемому фирмой товару и т. д., и происходить это может с помощью как прямого запроса информации, так и изображения «эмоциогенной ситуации», которую адресату предлагается спроецировать на себя (комментарии пользователей etosoda показывают, что цели этой достичь удалось). В приведенных примерах мы также можем наблюдать тактику шутки (ужас при мысли о школе) и игровую тактику в виде элемента соревновательности: авторы лучших комментариев получают подарки.

Уважение к адресату призваны демонстрировать этикетные тактики благодарности, комплимента, похвалы, ср.: *ODORO в Париже ♥ Благодарим за фото прекрасную Анну @hanpatak2 ! Платье: NOVELLA #odoro_novella....; Наша любимая рубрика «ТЫ & ЛЁН» вновь пополняется вашими чудесными образами в одежде Linorusso! Загружайте свои фотографии, где вы в одежде от Linorusso в специальный альбом vk.com/album-29518452_243853423 и на нашем официальном сайте linorusso.ru – делитесь яркими эмоциями и впечатлениями!*

В качестве отдельной стратегии считаем возможным выделить стратегию поддержания контакта. Ее суть заключается в создании у адресата ощущения постоянного присутствия бренда, его «встроенности» в повседневную жизнь. В отличие от стратегий, рассмотренных выше, здесь мы наблюдаем своего рода «констатацию» того, что контакт есть и он поддерживается. Неважно, общаетесь вы с новым или постоянным клиентом, общение выстраивается так, как будто вы давно сотрудничаете и имеете положительный совместный опыт. Указанная стратегия реализуется тактиками удовлетворения пожеланий

396 (реальных и мнимых), ответов на вопросы (реальные и мнимые), апелляции к прошедшим событиям, предложения «нового», ср.: *У нас для вас отличные новости! Легендарное платье #odoro_provence вернётся в новой летней коллекции в новой ткани; Полюбившийся Вам костюм уже доступен в новом, умопомрачительном цвете: на этот раз алый. Продолжаем делиться с вами своими секретами мастерства! В нашем сегодняшнем обзоре новинка осенне-зимней коллекции – платье и кардиган «Алишия». Барышни-красавицы! На сайте доступна к заказу обновлённая и улучшенная модель платья #vita; Блуза «Даниелла» в новом оттенке (Linogusso). Здесь активны языковые средства с семантикой востребованности, долгожданности, реализации желаний (доступна к заказу); с семантикой новизны (обновленная, новинка, в новом цвете, в новой ткани); с семантикой повторяемости, регулярности, продолжения: *продолжаем, в сегодняшнем обзоре (Odogo)*. Одной из наиболее значимых тактик являются ответы на вопросы потребителей (реальные или мнимые), ср.: *Сегодня отвечаем на самые популярные Ваши вопросы. Что нужно, чтобы заказать пижаму? Просто написать нам в Direct или WA, дальше разберемся. Какие пижамы есть в наличии? Все пижамы из наличия можно посмотреть в вечных сторис «В наличии», но и там выбор не велик, тк шьём мы в основном на заказ, а времени для творчества порой не хватает. Шьёте ли вы по индивидуальному дизайну? Мы всегда готовы к экспериментам. Единственное, ткани для пошива используем только из нашего наличия (Sweet Secret Shop)*.*

Еще одной интересной тактикой является демонстрация включенности в повседневную жизнь. Приветствия, поздравления, пожелания, советы, предложение вроде бы отвлеченных тем для разговора сопровождают введение собственно рекламной информации, например: *Наконец-то солнечное утро! Хорошей вам недели и покорения новых вершин. А если вам нужна невероятно мягкая, тёплая и нежная водолазка или перчатки-митенки – пишите или заходите на наш сайт; Доброе утро! Приходите за хорошим настроением к нам! Наш онлайн-магазин: www.odoro.ru; Ура! Долгожданный выходной! И у нас для вас хорошие новости. Для тех, кто не успел принять участие в нашем розыгрыше платья MONIQUE + болеро, мы продлеваем конкурс до среды. Подробности и условия в сторис; Пока погода радует нас тёплыми и ясными деньками, предлагаем активно провести уикенд и отправиться на прогулку. Куртка и юбка TERRA #odoro_terra созданы как раз для осенних приключений (Одору)*.

Итак, востребованность понятия вовлечения в современном маркетинге объясняется сменой парадигм в отношениях бизнеса и потребителя, связанной не в последнюю очередь с переносом их экономических и коммуникативных взаимоотношений в интернет-среду, в частности на площадки социальных сетей.

Речевое вовлечение потребителя во взаимодействие с брендом в маркетинговых практиках является асимметричным, поскольку инициатором его

является компания/бренд. При этом реализуется оно при помощи комплекса речевых стратегий и тактик, работающих на «снижение градуса» рекламности и создание эффекта равноправного взаимодействия компании и потребителя, причем взаимодействия на постоянной основе.

Наиболее значимыми в маркетинговых практиках вовлечения можно считать речевые стратегии поддержки интеракции: стратегии самопрезентации (представление адресанта), оптимальной адресации (представление адресата) и поддержания контакта (непрерывающейся связи между ними).

Стратегия самопрезентации как вовлекающая стратегия реализует себя в ряде тактик, работающих на создания «человеческого лица» компании, демонстрации ее открытости и готовности к сотрудничеству, ее внимания к адресату, его желаниям и потребностям, иначе говоря, клиентоориентированности. Стратегия оптимальной адресации в своей вовлекающей ипостаси имеет целью сближение адресанта и адресата, выявление их эмоциональной общности, демонстрацию существующего между ними понимания и уважения друг к другу. Обе названные стратегии так или иначе направлены на стимулирование адресата к вступлению к контакт, к активному взаимодействию с компанией-вовлекателем, влиянию на дела компании. Стратегия же поддержания контакта направлена на демонстрацию того, что контакт уже существует и он успешен и нужен не только компании, но и самому потребителю. Все названные стратегии связаны со стимулированием разнообразных реальных действий потребителя по вступлению в контакт с брендом, не направленных на покупку. Рассмотренные практики демонстрируют явное стремление к снижению степени асимметричности вовлекающей коммуникации. Именно такой подход к вовлечению дает возможность приблизиться к совместному созданию ценности – кооперации бизнеса и потребителя.

Литература

1. Багиев Г.А., Юлдашева О.У., Боброва Е.А. Как купить душу покупателя? Маркетинговая концепция вовлечения покупателя во взаимодействие с брендом // Креативная экономика, 2008. № 8. С. 70–79.
2. Боброва Е.А., Юлдашева О.У., Окольнишникова И.А. Проблемы формирования и развития конкурентоспособного бренда в условиях экономики впечатлений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 1. С. 74–85.
3. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 247 с.
4. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. С. 138–164.
5. Гуляева М.А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 9–10 (113). С. 65–69.

6. Жукова А.Г., Катышев П.А. Речевое вовлечение в деятельность радикальной организации // Политическая лингвистика. 2018. № 5. С. 134–142.
7. Иссерс О.И. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. М.: УРСС, 2008. 288 с.
8. Карасик В.И. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4 (20). 2015. С. 32–43.
9. Катышев П.А., Кильдибекова Б.Е. Вовлечение с позиций риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. № 4. С. 89–96.
10. Катышев П.А., Оленев С.В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. Ч. 3. СПб: Наука, 2016. С. 407–419.
11. Кузьмина О.Г. Формирование имиджа бренда в интернет-пространстве: социолингвистические и социально-психологические технологии // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 4. С. 431–440.
12. Манжосов А.Е. Диджитализация рынков услуг и потребительская лояльность // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 151–156.
13. Окольнишникова И.А. Теоретическая база маркетинговой концепции вовлечения покупателей во взаимодействие с брендом // Научный вестник Уральской Академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. № 1 (14). 2011. С. 56–65.
14. Цой А.В. Социальные сети как инструмент маркетинга вовлечения // Вестник факультета управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета. СПб: СпбГЭУ, 2017. С. 343–347.
15. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Автореферат. дис. ... д-ра филолог. наук. Челябинск, 2009. 300 с.
16. Cegala D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence // Communication Education, 1981. № 30. P. 110–121.
17. Hyland K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science // Journal of English for Academic Purposes, 2010. № 9. P. 116–127.
18. Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imaginary in conversational discourse. 2nd Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

A. G. Zhukova

“ENGAGING” SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN PROMOTIONAL CONTENT OF SOCIAL NETWORKS

Abstract: The article discusses the phenomenon of engagement in the marketing practices of social networks (engagement marketing, social media marketing). The basic principles of engagement marketing concepts are analyzed, their speech strategies and tactics used in the moving content of various companies are identified.

Keywords: speech engagement, engagement marketing, SMM, content promotion, speech strategy, speech tactics.

АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК КОНСТИТУЕНТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ¹⁰

Аннотация. Нередко антинаркотическая реклама, которая могла бы последовательно способствовать формированию антинаркотических взглядов и убеждений, и сама борьба с наркотизмом по сути превращается в рекламу наркотических средств. Антинаркотическая реклама, которая могла бы последовательно способствовать формированию антинаркотических взглядов и убеждений. Разделение на «легкие» и «тяжелые» наркотики запрещено, оно может снизить остроту проблемы.

Ключевые слова: речевое воздействие, наркомания, реклама, убеждение, вербальная манипуляция, государственная политика, этика.

Как известно, государственная политика современной России в сфере противодействия наркотизации характеризуется существенным перевесом силовых ограничительных методов регулирования ситуации и явным недостатком мер собственно профилактических [4]. Силовые методы неизбежны, поскольку нерасторжима связь между наркотизмом и преступностью [6], однако особую актуальность сегодня приобретают превентивные меры.

Антинаркотическая реклама, которая могла бы последовательно способствовать формированию антинаркотических взглядов и убеждений, до сих пор занимает достаточно скромное место в коммуникативном пространстве современного социума. С начала 2000-х гг. положение стало постепенно меняться в связи появлением нового типа периодики (в основном – журнальной), специализирующейся на антинаркотической тематике. Первый журнал – «НаркоНет», который выходит с 1999 года, ориентируется на формирование духовно-нравственных ценностей у подрастающего поколения, а не просто на антинаркотическую пропаганду, и это отражается в его постоянных рубриках: «Школьные коридоры», «Исповедь», «Криминал», «Полицейские хроники», «Профилактика», «Юридический практикум», «Психологический практикум», «Форум». Издаются специализированный журнал «Наркомат», целевая аудитория которого – профессионалы борьбы

¹⁰ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-00109.

400 | с наркомафией (служащие МВД, таможенники), и собственно научные, имеющие междисциплинарный характер журналы «Наркология» и «Вопросы наркологии». Вместе с единственной в РФ газетой антинаркотической направленности «Пока не поздно», ориентированной на самую широкую аудиторию, все эти издания представляют собой самостоятельный сегмент информационного рынка (см. подробнее: [3]).

В целом в РФ зарегистрировано более 350 периодических изданий для молодежи с суммарным тиражом около 3 млн экземпляров в месяц. Доминируют газеты и журналы развлекательной направленности при явно недостаточном количестве обучающих, познавательных изданий. Гламурные издания формируют потребительское, гедонистическое отношение к жизни, что становится хорошей базой для рекламы наркотиков. Есть данные, что сегодня в России доля населения, употребляющего наркотики, в 5–8 раз больше, чем в странах Евросоюза [см. об этом: 2]. И при этом отечественные СМИ массированно внедряют в общественное сознание, что наркотики есть непрменный атрибут современной жизни. Известна закономерность: чем выше в обществе осознание рискованности применения наркотиков, тем ниже их потребление. Если же преобладает толерантное отношение к наркотизму, то соответственно растет число лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков.

Поскольку реклама наркотиков запрещена законом, в ход идет скрытая реклама. Как отмечено в работе [1] и др., в скрытой рекламе наркотиков выделяются: 1) манипулирование потребностями (использование интересов, желаний); 2) духовное манипулирование (формирование определенных идеалов и ценностей); 3) манипулирование чувствами (использование эмоций, страстей); 4) символическое манипулирование (формирование устойчивой реакции человека на определенные символы).

Нередко и сама борьба с наркотизмом по сути превращается в рекламу наркотических средств. Последнее справедливо, например, в отношении всех случаев дискуссий о разграничении «легких» и «тяжелых» наркотиков. Само наименование – «легкий» – в сознании подростка ассоциируется с такими признаками, как ‘безвредный, безобидный, разрешенный’, то есть само наименование дает завуалированное разрешение на употребление. Между тем, Российское законодательство не признает этого разграничения, поскольку все наркотики безусловно вредны и опасны. Политика нашего государства сегодня полностью соответствует рекомендациям ООН, согласно которым искусственное разделение наркотиков на «сильные» и «слабые» недопустимо, поскольку оно вводит в заблуждение относительно пагубных последствий наркотизации [5]. Признается, что так называемые «легкие наркотики» – это «мина замедленного действия».

В последние десять лет эти наименования – «тяжелые» и «легкие» наркотики – используются СМИ в высшей степени активно (несмотря на то, что Этическим кодексом журналистов еще в 1988 году было запрещено

деление наркотиков на «легкие» и «тяжелые»). Многие медийные персоны (например – В. Познер) открыто выступают в прессе за легализацию марихуаны. В качестве аргументов приводятся следующие позиции: марихуана не вызывает физической зависимости, а психическая зависимость меньше, чем от алкоголя и никотина; если легализовать «легкие» наркотики, то у полиции появится возможность сосредоточиться на более серьезных случаях незаконного оборота наркотических веществ.

В то время как В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что Россия обеспокоена легализацией так называемых «легких» наркотиков в ряде стран, иные политики позволяют себе высказываться за декриминализацию каннабисов. Так, команда Навального объявляла, что, в случае их прихода к власти, в России будет декриминализована марихуана. На встрече со своими сторонниками в Калининградской области кандидат в президенты от партии «Гражданская инициатива» К. А. Собчак выступила за легализацию легких растительных наркотиков. Это, по ее мнению, поможет побороть «наркотическую эпидемию» в стране, где пить водку в огромных количествах считается нормальным, а использовать марихуану, от которой последствий гораздо меньше (в том числе и с точки зрения статистики преступлений), – нет.

«Несерьезность» наркотиков типа «легкой марихуаны» акцентируется с помощью слова баловаться (героином убиваются, а травкой – балуются). Абсурдное с точки зрения наркологии, понятие «легкие наркотики» тем не менее широко проникло в общественное сознание. Марихуану именуют «болезнью богемы» и «безвредной травкой», активно культивируется миф о связи творческой деятельности и наркотиков.

Из растаманской культуры пришел символ – узор в форме листьев конопли, привлекательный для молодежи. В их информационном пространстве лист конопли (*cannabis sativa*) – символ наркотиков вообще, который часто ассоциируется с молодежными протестными настроениями.

Нередко говорится о том, что необходимо формировать культуру потребления наркотиков (аналогично с культурой потребления алкоголя). В сознание активно внедряется установка на безвредность «легких наркотиков», внушается идея необходимости наркотического опыта. Между тем известно, что и в тех странах, которые пошли на легализацию некоторых наркотиков, нередко высказываются сожаления по этому поводу, поскольку наркоситуация только ухудшилась. Очевидно, что легализация наркотиков приводит и к снижению возраста приобщения к наркотическим веществам. Все аспекты скрытой рекламы наркотиков (а к таковой, безусловно, следует отнести публикации в защиту легализации «легких» наркотиков) лежат не в законодательной, а в морально-этической сфере.

Попытка глубокого проникновения в субкультуру наркозависимых с целью вызвать интерес к публикации также может обернуться скрытой рекламой наркотизма. Даже сообщение в СМИ о том, что в каком-то клубе были за-

402 | держаны лица, принявшие запрещенные препараты, может иметь пагубный эффект: именно туда потянется молодежь как к месту, где точно можно достать наркотики.

У многих молодых людей преодолен барьер страха перед наркотиками, которые воспринимаются как элементы молодежной субкультуры, как пропуск в соответствующие референтные группы. Хорошая информированность об аддиктивных средствах – одна из предпосылок к наркотизации. Сегодня в России имеется мощное криминогенное информационное поле, которое образует благоприятную почву для рекламы наркотиков. Недаром одной из главных причин распространения наркотиков называют их доступность. При этом наркотизм характеризуется слабо контролируемым ростом и высокой латентностью.

Литература

1. Бурбыко М.М., Кулиш А.Н., Резник О.Н., Солонарь А.В. Особенности противодействия скрытой рекламе наркотических средств // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 334–342.
2. Головчин М.А., Барсуков В.Н. Отношение молодежи к употреблению наркотиков: социологический анализ // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/07/36622> (дата обращения: 13.02.2018).
3. Лагутина О.В. Антинаркотические издания в системе печатных СМИ России // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. № 11. С. 57–63.
4. Попов Е.А. Человек, общество и наркотические средства: социальный, общеправовой и криминологические аспекты // Юридическое наследие. 2012. № 1. С. 35–68.
5. Рекомендации ООН журналисту, пишущему о наркотиках // ECAD. RU: Европейские города против наркотиков. 2005 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecad.ru/mn-f5_18.html.
6. Seldon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research// British Journal of Criminology. 2006. Vol. 46, iss. 4. P. 680–703.

I. V. Korosteleva

ANTIDRUG ADVERTISING AS A CONSTITUENT OF PREVENTIVE TEXTS

Abstract: Often, anti-drug advertising, which could consistently contribute to the formation of anti-drug views and beliefs, and the fight against drugs in fact turns into advertising drugs. The division into «light» and «heavy» drugs is prohibited, it can reduce the severity of the problem.

Keywords: speech influence, drug addiction, advertising, persuasion, verbal manipulation, state policy, ethics.

*аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания
Института филологии и журналистики Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. Рассматриваются результаты активных процессов в области медийного словотворчества (экспрессивизация, стремление к выражению оценочности, функциональный динамизм и др.) в аспекте актуальных вопросов лингвокриминалистики: выявления инвективного потенциала новообразований, использования их как средства манипуляции и речевой агрессии, в том числе «языка вражды».

Ключевые слова: медиатекст, новообразования, оценочность, инвективность, язык вражды.

Медийная речь является динамичным объектом, который постоянно развивается, подстраиваясь под нужды общества, отвечая на социальные вызовы. В развитии современной речи в целом, и в частности словотворчества, отмечаются такие актуальные тенденции, как стремление к субъективизации, повышение оценочной плотности, функциональный динамизм, усиление игровой составляющей и др. [10].

Подобные тенденции в определенных коммуникативных условиях способствуют повышению конфликтогенности медийной коммуникации, при этом словообразовательные средства могут выступать как фактор рискогенности.

При анализе новообразований в рамках экспертной оценки текста могут возникать затруднения, связанные с тем, что подобная лексика, как правило, не зафиксирована в словарях. Поэтому особую роль играет изучение факторов, которые влияют на формирование негативной окраски новообразований, которые, в зависимости от своей структуры и условий употребления могут выражать негативную оценку, выступать в качестве инвектив или участвовать в формировании «языка вражды».

Среди активных тенденций развития медийной речи исследователи отмечают ориентацию на выражение оценки: «выбор языковых средств в масс-медийном дискурсе, как правило, связан с оценкой, имеющей целью воздействие на адресата, с системой ценностной ориентации, когда на первый

404 | план выступают концептуальные, образные и эмоциональные характеристики» [15: 39]. Оценочность в целом является одним из стилеобразующих факторов публицистического стиля, она обусловлена полемичностью, критико-ориентированностью медийного дискурса и имеет преимущественно негативно-оценочный характер. С юридической точки зрения журналист, обладая свободой слова, имеет право выражать собственные оценочные суждения, в том числе негативные (если они выражены в корректной форме, не оскорбляющей кого-либо).

Новообразования могут являться средством выражения негативной оценки, когда создаются на базе лексем, называющих социально порицаемые и антиобщественные явления. При этом оценка может иметь обобщенный характер, выступать средством критики общественных процессов и явлений: *Оргытки. Выпускник девятого класса Геннадий Докучаев рассказывает о первом из череды госэкзаменов* (Новая газета, 10.06.2019). Однако часто подобные новообразования используются для негативной оценки деятельности публичных лиц, политических партий, организаций: *Нарко-педофильский скандал загнал оппозицию в банку. В середине февраля в Петербурге вспыхнул нарко-секс-скандал, в который оказались вовлечены сторонники Алексея Навального – активисты движения «Весна»* (Взгляд, 07.03.2019). Новообразования на базе лексем, обозначающих антиобщественные явления, могут создаваться различными способами, в том числе незуальными, что отражает такую актуальную для современного медийного словотворчества тенденцию, как стремление к языковой игре. При этом контаминированные новообразования разных типов в современных СМИ реализуют не только развлекательную, но и оценочную функцию: *УКРАЛВагонзавод. Кто виноват, что войска недополучат «Армат»? (Наша версия, 28.05.2019) –* заменительная деривация на базе названия предприятия «Уралвагонзавод» с заменой части на *украл*; *Банкстеры-единоплеменники сменяют друг друга. Финансовый конгломерат, основанный еврейским выходцем из Баварии Маркусом Голдманом (позднее к нему присоединились в качестве партнёров сын Генри/Генрих Голдман и зятья - такие же еврейские выходцы из Баварии Самуэль Сакс и Людвиг Дрейфус), имеет почти 150-летнюю историю* (Завтра, 18.07.2018) – междусловное наложение банк + гангстер с усечением начальной части второго производящего слова, негативная оценочность новообразования создается за счет мотивирующего слова *гангстеры*, а лексема *единоплеменники* подчеркивает национальную принадлежность главных действующих лиц публикации.

Оценочность также формируется за счет стилистической окраски элементов, входящих в структуру новообразования.

Для современных СМИ в целом характерно использование стилистически маркированных элементов, что мотивировано как экстралингвистическими

(демократизация общественных отношений), так и лингвистическими (функциональный динамизм в области словообразования, повышение экспрессивности медийной коммуникации) факторами. Так, в медийное словотворчество активно вовлекаются элементы разговорного стиля: *Россия офанатела! Медведи-невидимки и мошка: самое большое удивление зарубежных фанатов* (Московский комсомолец, 22.06.2019) – новообразование создано приставочно-суффиксальным способом от *фанат* (разг. [5]) и вызывает ассоциации с экспрессивными глаголами, созданными по той же модели и сходными по звучанию, *офанарела, офигела* и под.

Разговорные элементы используются преимущественно для экспрессивизации текста, как правило, не нарушают коммуникативных и этических норм. В то же время в СМИ встречаются и элементы внелитературных форм национального языка, обладающие сильной негативной экспрессией.

Причем подобные элементы нередко выносятся в заголовок публикации для привлечения внимания через провокацию, эпатаж читательской аудитории. При этом они, как правило, выражают резкую негативную оценку социальных процессов и явлений: *Хреновация: что люди на самом деле думают о сносе пятиэтажек в Москве* (Maxim, 15.05.2017) – контаминация реновация+хрен (разг.-сниж., употребляется как бранное слово [5]); *«Дерьмо-работы»: экономика слуг. Но даже там, где эти технологии появляются, они ведут к ухудшению положения простых людей, которым все чаще приходится сталкиваться со стремительной «дерьмовизацией» рынка труда* (Газета.ру, 20.06.2019) – мотивирующее слово относится к просторечию, имеет грубую окраску [8]. Новообразования на базе стилистически сниженных лексем являются потенциально конфликтогенными, если служат средством отрицательной оценки деятельности конкретных публичных лиц, органов власти, политических партий, организаций: *Бабломойка. Как используются РОСТЕХом финансовые средства гособоронзаказа <...> За всё время своего существования, так и не создав ничего масштабного, в области вертолётостроения, похоже, что холдинг выполняет функции исключительно «финансового пылесоса», выкачивая из переданных ему в управление государственных активов всё, что только можно* (Наша Версия, 07.02.2019) – одно из производящих слов бабло относится к жаргону, новообразование отсылает к словосочетанию мыть (отмывать) бабло (деньги), которое обозначает незаконную деятельность по подмене реальных нелегальных источников денежных средств фиктивными легальными.

Подобные новообразования с негативной семантикой могут выполнять инвективную функцию. Выявление инвективной лексики актуально при проведении лингвистической экспертизы спорных текстов по делам об оскорблении. Так, в соответствии с классификацией инвектив, распространенной в теории и практике производства лингвистической экспертизы, к инвективной лексике

406 | относятся «окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: коммуняки, дерьмократы, прихватизация» [12: 182]. При этом учеными отмечаются, что в качестве инвектив может функционировать как стилистически сниженные, внелитературные элементы, так и литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности [9: 14].

В контексте выделения инвективного речевого акта представляется целесообразным также принимать во внимание прагмалингвистический подход, опирающийся на выявление мотива говорящего в отношении слушающего и установление языковых маркеров вербализации мотива в речевом контексте [4: 382].

В первую очередь, для квалификации речевого акта как инвективного необходимо, чтобы в высказывании был обозначен конкретный объект резкой негативной характеристики. Например, в публикации с заголовком «*Бывший глава Гагинского района Николай Савкин оказался... «энергожуликом»!* (Ленинская смена, 25.08.2017)» новообразование энергожулик образовано путем сложения *энерго* + *жулик* (*разг.* 'тот, кто жульничает; плут, проныра' [2]). Новообразование не только образовано от негативно окрашенной лексемы, обозначающей социально порицаемую деятельность, но и стоит в позиции предиката по отношению к подлежащему, выраженному именем собственным, то есть является прямой негативной характеристикой в составе инвективного речевого акта.

При этом также важен контекст употребления новообразования. Так, в некоторых публикациях оценочные средства намеренно концентрируются в инвективных целях: *На чью мельницу льет нарко-пиар «Новая газета»? Отчего «Новая газета» столь откровенно русофобствует? Все объясняется тем, кто конкретно издание финансирует <...> среди спонсоров этой шарашкиной конторы числятся и западные НКО, включая злобного американского старикашку Сороса, и правительство Нидерландов, и частные толстосумы из криминальных кругов. Вот, например, главный деньгодаватель редакции «Новой газеты» Сергей Адоньев – бизнесмен, пойманный на перевозке наркотиков* (Оперативная линия, 26.09.2018) – отрицательная оценка направлена на обозначенную в тексте организацию «Новая газета» и создается за счет относящихся к ней слов с негативной семантикой *шарашкина контора* ('разг. пренебр. несолидное, не вызывающее доверия учреждение, предприятие, организация' [1]), «Новая газета» ... *откровенно русофобствует* – 'быть русофобом, проявлять русофобство' [5], новообразования *нарко-пиар* (создано способом сложения *нарко-* + *пиар*), а также с помощью манипулятивного приема помещения в негативный контекст [14: 174]: негативные сведения относятся не только к «Новой газете», но и к ее окружению *среди спонсоров ... числятся... злобного американского старикашку Сороса, частные толстосумы*

из криминальных кругов, деньгодаватель (создано сложно-суффиксальным способом *деньги + давать + -тель-*) ... *Сергей Адоньев – бизнесмен, пойманный на перевозке наркотиков*. При этом негативные сведения могут иметь форму оценочного суждения или утверждения о факте: *Профанация публицистики: «эксперты “Новой газеты” плодят фейки от непроходимой глупости. Как и зачем клоуны “Новой газеты” фонтанируют псевдоэкспертным бредом?»* (Оперативная линия, 24.10.2018) – содержится как резко негативная оценка профессиональной деятельности журналистов «Новой газеты» (в выражениях *от непроходимой глупости, фонтанируют... бредом*, префиксальном новообразовании *псевдоэкспертный*), так и утверждение о факте недобросовестного исполнения профессиональных обязанностей журналиста *плодят фейки*.

С лингвистической точки зрения концентрация является проявлением речевой агрессии. За счет нагнетания стилистически и эмоционально маркированных элементов с негативной окраской также происходит манипулятивная «подмена факта комментарием» – представление новостной информации с использованием субъективного мнения журналиста, как правило, выраженного в резко негативной форме. В манипулятивных целях ставится задача интерпретировать произошедшее событие, переводя факт реальный в факт-комментарий, который не показывает событие, а оценивает его [13: 82]. Таким образом, фактологическая составляющая теряется, поскольку акцент смещен в сторону эмоционального восприятия, адресатом считается только основная тема сообщения и эмоциональная коннотация.

В аспекте экспертной оценки текстов массмедиа особый интерес представляют тексты, посвященные темам социального, политического, этнического, религиозного противостояния. Подобные тексты являются потенциально конфликтогенными, поскольку резкие негативные оценки социальных, политических, этнических групп могут способствовать разжиганию вражды в обществе. «языковой экстремизм» (или «язык вражды», от англ. «hate speech») – лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей [7: 448]. Это языковые средства выражения резко отрицательного отношения к носителям иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей [11: 36].

При этом овещение социальных противоречий, разногласий в обществе является одной из центральных тем в средствах массовой информации. Как правило, автор в подобных текстах в явной или скрытой форме воздействует на читателя с целью приобщить его к собственной точке зрения, что обусловлено самой природой СМИ, для которых воздействующая функция является одной из базовых.

При освещении национальных и политических противоречий большим экспрессивным потенциалом обладают онимы, называющие конфликтующие группы и их представителей, поэтому их состав постоянно пополняется в процессе словотворчества. В частности, активно создаются негативно окрашенные онимы, обозначающие национальные, политические группы, находящиеся в конфронтации, маркирующие «других»: *Процальная подлость евротруссов: Порошенко получил серьезный удар под дых. Как известно, сила европейских политиков состоит в том, чтобы дудеть в одну дуду* (Конт, 21.04.2017) – аффиксоидация *евро-* + *трус*; *Хохлозомби с разной степенью свидомости пост не открывать!* (портал Fishki.net, 12.01.2016) – сложение *хохл-* + *-о-* + *-зомби* *Оппопитеки, навальдерталыцы или американтропы. Они же будут уничтожат все живое, что попытается прорасти на оппозиционном поле, и уже сегодня успешно это делают. Но им в любом случае не жить. И убьет их не пропаганда, не Кремль, не некие «враги» – их истребит и разложит скука, которую они сами же и производят* (Взгляд, 29.01.2015) – словообразование по конкретному образцу, ср. *австралопитеки, неандерталыцы, питекантропы*; *Тут на днях укропитеки узрели, наконец, перемогу. Некий третейский суд в Гааге постановил, что Российская Федерация должна возместить ряду украинских компаний убытки за присоединение Крыма на сумму 159 миллионов долларов* (новостной портал «Мир тесен», 13.05.2018) – словообразование по конкретному образцу, ср. *австралопитеки*; *В Одессе не видно укротряпок, все ждут возмездия* (новостной портал «Мир тесен», 03.05.2019). Подобные номинации имеют резкую негативную экспрессивность, за счет своей структуры (мотивирующее слово *тряпка, зомби, трус*), которая усиливается благодаря экспрессивности и необычности формы новообразования и поддерживается за счет контекста. Таким образом оценочные суждения эксплицируют ценностные установки говорящего, публично приписывающего негативные ценностные характеристики иным социальным группам.

При этом для репрезентации социальных противоречий одним из инструментов манипуляции является упрощение преподносимой информации до построения бинарных оппозиций. Информация аксиологического характера, отражающая оппозиции в системе ценностей, может выражаться с помощью новообразований-онимов с префиксом *не-*, *анти-* с семантикой отрицания, противопоставления: *«Небратья» пришли всерьез и надолго. В отечественной публицистике появился свежий жанр – изумление степенью воинственности и «отмороженности» украинского общества* (Взгляд, 13.09.2017); *Нероссия, выкинутая на мороз* (Русский эксперт, 02.02.2017); *В этой статье антикавказец с сочувствием пишет о грузинской стороне и с осуждением – о российской* (Суть времени, 06.11.2014) – префиксальным способом *анти+* *кавказец*; *Антироссия. Пётр Порошенко объявил, что будет отныне присутствовать только в трёх сетях – Twitter, Facebook и Instagram.*

Всё. Раньше он сидел «ВКонтакте» и «Одноклассниках», но теперь решил отринуть российские соцсети. Он обиделся, удалил свой аккаунт, как будто удалил всю страну (Наша версия, 23.05.2017). Подобные новообразования имеют манипулятивный потенциал, упрощая преподносимую информацию до бинарных оппозиций. Картина социально взаимодействия, как правило, имеющая неоднозначную природу, упрощается до разделения на «правых» и «неправых», «своих» и «чужих», социальные противоречия поляризуются. Путем словотворчества автор не только экспрессивизирует свой текст, но и вкладывает в неоминации новое концептуальное содержание, что предоставляет большое пространство для манипуляции.

«Язык вражды» может использоваться при освещении взаимодействия не только между этническими, но и между социальными группами, в особенности социальными меньшинствами: Недоблокадники. Так чиновники называют тех, кто прожил в блокадном Ленинграде меньше установленного ими срока. Депутата ЗакСа от «ЕдРа» Елену Рахову упрекнули: «Сначала выплату пообещали всем, а потом взяли и часть блокадников выкинули, отсортировали по формальному признаку, это еще хуже, чем если бы вы о них вообще забыли». Елена Рахова ответила: «Да, есть такая проблема. Есть такая категория людей. Мы знаем о них. Мы их называем недоблокадниками». Ну нечто похожее в истории уже было: Геббельс, например, называл славян, евреев и цыган «недочеловеками» (Новая газета, 04.02.2014) – префикс *недо-* выражает семантику неполноценности, недостаточной степени проявления признака, тем самым новообразование *недоблокадник* служит негативной характеристикой; Тоталитарочки: О садистском оскале «российского феминизма». Питерские «фемки» умудрились не только попытаться испоганить 23 февраля, но и из заслуженно феминистического праздника 8 марта устроили агрессивно-тоталитарное *треш-шапито* (Журналистская правда, 09.03.2019) – диминутив *тоталитарочки* создан суффиксальным способом *тоталитарный* + *-очк(и)*, негативная экспрессия создается за счет сочетания основы, связанной в сознании носителя языка с негативными ассоциациями, с уменьшительно-ласкательным суффиксом с иронической окраской. Подобные номинации могут не иметь негативного компонента в своей структуре, однако приобретают адгерентную оценочность в современном медиа-дискурсе, поскольку употребляются преимущественно в уничижительном контексте: «Фемки хотят меня убить и кастрировать». У меня есть личная претензия к СМИ, которая заключается в том, что они тиражируют идею фемок об угнетении (Лента.ру, 06.06.2019) – сокращение от феминистка; Яжемать по-краснодарски: Две матери устроили безобразную драку в парке (Комсомольская правда, 11.04.2019) – голофразис «я же мать».

Подобные негативно окрашенные номинации национальных, политических, социальных групп реализуют такой механизм воздействия, как

410 | «навешивание ярлыков». Ярлык представляет собой необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме. Его воздействующая сила отмечается Н.И. Клушиной: «Негативная номинация-это и есть публицистический ярлык, «конденсирующий» в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» [6: 140]. Ярлыки употребляются в СМИ для достижения выгодных манипулятору целей: «Прием “наклеивания ярлыков” — это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу» [3: 42].

Освещение конфликтов, как межличностных, так и противостояния на почве национальной, идеологической, социальной розни неизбежно остается в фокусе СМИ. При этом медиадискурс, будучи своей природе персуазивным (воздействующим) типом дискурса, при репрезентации подобных тем не только передает информацию, но и интерпретирует ее, воздействует на читателя, как в открытой форме, так и в скрытой.

Новообразования используются в современных медиатекстах как средство воздействия, в том числе могут выступать инструментом манипуляции и вербальной агрессии.

При экспертной оценке медийных текстов, содержащих новообразования, необходимо обращать внимание на следующие факторы. В структуре новообразования могут содержаться оценочно-маркированные элементы (производящее слово/основа, называющая социально порицаемое явление; стилистически сниженная основа или формант), это говорит о негативно-оценочном характере новообразования и возможности его функционирования в качестве инвективы. При этом большое значение имеет контекст употребления новообразования: оно может употребляться в составе инвективного речевого акта, для которого обязательно наличие конкретного объекта резкой негативной оценки. Также важно обращать внимание на тематику публикации: негативные оценки в адрес этнических, политических, социальных групп могут нарушать этические нормы и быть проявлением языкового экстремизма, направленного на разжигание вражды.

Литература

1. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп, 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru>.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.endic.ru> (дата обращения: 02.07.2019).

3. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.
4. Гневэк О.В. К проблеме лингвистической диагностики инвективы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 381–384.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.06.2019).
6. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 244 с.
7. Кузнецова В.В., Соколова Е.Е. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ // Социальные варианты языка. Н. Новгород: НГЛУ, 2004. С. 448–450.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997 [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 12.06.2019).
9. Посиделова В.В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2. С. 13–17.
10. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова. М.: Флинта: 2018. 232 с.
11. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский гос. областной ун-т., 2016. 405 с.
12. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2 изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 336 с.
13. Чеботарева М.И. Определение и структура манипулятивного воздействия СМИ // Вестник московского гуманитарно-экономического института. 2014. № 1. С. 77–84.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
15. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. 760 с.

V. A. Kulikova

ACTIVE PROCESSES OF MODERN MEDIA WORD FORMATION IN THE ASPECT OF FORENSIC LINGUISTICS

Abstract: The article considers the results of active processes in the media word creation (expressivization, evaluation, functional dynamism, etc.) in the aspect of topical issues of linguocriminalistics: identifying the injective potential of neologisms, using them as a means of manipulation and speech aggression, including «hate speech».

Keywords: media text, neologisms, evaluation, injectivity, hate speech.

*доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия*

МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы рискогенности медийных новообразований в этико-нормативном аспекте; характеризуются способы и средства создания новообразований, которые могут быть объектом экспертной оценки.

Ключевые слова: массмедиа, новообразования, оценочность, речевая агрессия, лингвистическая экспертиза.

В современных условиях идеологической переориентации общества, изменения системы общественных ценностей и массового сознания особую актуальность приобретают вопросы рискогенности современных медийных текстов.

Проблема коммуникативных рисков, ведущих к разного рода коммуникативным неудачам, в последнее время активно обсуждается в современной лингвистике в целом и в медиалингвистике в частности [6].

Общая ориентация СМИ последних десятилетий на разговорную коммуникацию, на стилевое снижение привела к распространению в медийных текстах нелитературных средств языка, грубой просторечной, инвективной и даже обценной лексики и тем самым способствовала расшатыванию не только литературных, но и этических норм.

В связи с этим важно определить в медийных текстах зоны рискогенности, которые могут стать объектом лингвистической экспертизы. В таких зонах нередко оказываются медийные новообразования, структурно-семантические особенности которых могут быть связаны с рисками нарушения этических норм, с речевой агрессией, оскорблением, унижением чести и достоинства личности.

Лексико-словообразовательные новации обычно являются ярким экспрессивно-оценочным средством и в этом аспекте могут рассматриваться как объект экспертной оценки.

Новообразования, которые выражают разные виды негативной оценки (от иронии и легкого порицания до речевой агрессии и прямого оскорбления, унижения чести и достоинства), создаются разными средствами. В создании

подобных новообразований могут участвовать аффиксы, способные выражать определенную оценку.

Так, объектом экспертной оценки могут быть новообразования, обозначающие лиц, с префиксом *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности: *Если бы активисты, псевдозоологи понимали, <...> было бы значительно легче* (телеканал «1», 27.10.2017); *истерика, которую начали псевдоправозащитники* (радио «Вести FM», 29.11.2017); *долбаное допинговое расследование немецкого псевдожурналиста* (радио «Вести FM», 06.12.2017); *Мы хотим разогнать этот совет псевдодепутатов* (телеканал «Россия-24», 01.02.2018); *в образе политических псевдомучеников вырисовывается совершенно другое* (телеканал «Россия-24», 17.01.2019); *...многих псевдосторонников Путина* (радио «Вести FM», 02.07.2019).

Префикс *экс-* отражает динамику общественной жизни, участвует в создании новообразований, называющих лиц, утративших свой социальный статус: *Капитан вседозволенность: пьяный экс-депутат и уголовник не вышел сухим из воды, захватив с собой 10 человек* (Заголовки.ru, 13.06.2018, <http://www.zagolovki.ru/daytheme/river/13Jun2018>); *«Собеседник»: как экс-глава Минобороны Сердюков вместо тюрьмы попал в миллионеры* (Заголовки.ru, 30.03.2018, <http://www.zagolovki.ru/daytheme/serd/30Mar2018>); *Экс-тюремщик объяснил, кто передал бандиту Цеповязу икру и крабов* (Московский комсомолец, 06.11.2018, <https://www.mk.ru/social/2018/11/06/ekstyuremshhik-obyasnil-kto-peredal-banditu-cepovyazu-ikru-i-krabov.html>); *Другая экс-подруга Клинтона, «Мисс Арканзас» Салли Миллер, та самая девушка, к которой губернатор сбежал ночью из супружеской спальни* (Экспресс газета, 17.10.2016, № 42); *<...> контракт с СУ-155 заключила бывший гендиректор АО «Оборонстрой» Лариса Егорина, являвшаяся подругой экс-начальницы департамента имущественных отношений Минобороны Евгении Васильевой* (Наша Версия, 17-23.10.2016).

Новообразования, в составе которых объединяются различные по своей стилистической окраске морфемы, обладают высокой степенью экспрессивности. Так, со стилистически нейтральными или книжными основами могут сочетаться стилистически сниженные аффиксы с негативной экспрессией. Например, суффикс *-атин(a)* в новообразованиях *символятина* (*Любая односторонность и плакатность здесь совершенно неприемлемы, ибо мгновенно превращают символ в символятину* // Известия, 19.09.2018) с семантикой отвлеченного предметного признака проявляет продуктивность в разговорной речи. Высокая степень экспрессивности новообразования связана с тем, что суффикс с указанной семантикой присоединяется к основе не прилагательного (ср. *пошлятина*), а существительного.

Суффикс *-лов(o)* с различными модификациями процессуальной семантики имеет жаргонный характер и соответственно придает новообразованиям

414 | сниженно-негативную экспрессию: *Технологические площадки меняются, десять лет назад «размещалово» было сосредоточено в условиях анонимности в «Живом журнале», а сейчас процветает в либертарианском и запрещенном мессенджере* (Новая газета, 03.12.2018).

Подобные новообразования, называющие неодушевленные предметы и отвлеченные понятия, создают зону рискогенности, но в меньшей степени подлежат экспертной оценке (которая в таких случаях может иметь опосредованную отнесенность к определенным лицам или группам лиц, организациям), чем новообразования, обозначающие одушевленные предметы, и в частности лиц.

Так, жаргонный суффикс *-л(а)* со значением лица по характерному действию, имеющий неодобрительную окраску [4: 477], участвует в создании новообразования с негативной оценкой, которая может рассматриваться в аспекте речевой агрессии: *Кивалы из партии власти. Чем обернутся провальные законодательные инициативы для правительства и «Единой России»?* (Наша Версия, 30.07.2018).

Суффикс *-авк(а)*, указывающий на лицо по характерному признаку (в том числе предметному) с оттенком неодобрительной экспрессии, образует новообразование со значением лица, обладающее крайней степенью негативной оценочности, граничащей с инвективностью: *Подкремлевские пропагандявки раскрыли зловещие планы уничтожения русской фантастики. От кремлявок ничего другого и не ожидаешь* (Завтра, 06.09.2018).

Предметом экспертной оценки могут стать и новообразования-феминитивы. Так, негативную окраску новообразованиям могут придавать суффиксы со значением женскости, особенно в тех случаях, когда они присоединяются к наименованиям лиц с семантикой высокого социального статуса, в частности, суффикс *-ш(а)* с разговорной окраской: *Спикер Совета Федерации заявила, что население России «ментально готово» к тому, что президентом страны станет женщина <...> Отметим, что на фоне отдельных сенаторш и депутатш Валентина Ивановна выглядит довольно симпатично. Но насчет ментальной готовности все же может заблуждаться* (Собеседник, 2016, № 22).

Присоединение данного суффикса к основам имен лиц с семантикой высокого социального статуса вносит в новообразование оттенок уничижительности. Степень негативной оценочности вплоть до агрессивности возрастает, когда соответствующий суффикс сочетается с основой собственного имени: *При Клинтонше было бы хуже* (радио «Вести FM», 22.09.2017).

В отдельных случаях суффиксы с семантикой женскости нейтрального и даже книжного характера способствуют негативной оценочности новообразования: *Единственное послабление, которое милостиво согласилась внести единоросска, заключается в том, что уведомление о проведении такой встречи должно подаваться не позднее чем за семь дней* (Новая га-

зета, 04.02.2017); *Особенно много об этом говорит наша ярая феминистка Мария Арбатова и рьяная либеральная «политикесса» Ирина Хакамада* (Новая газета, 31.01.2018).

Рискогенным характером обладают новообразования на базе стилистически сниженной, инвективной, в том числе обценной лексики. Негативный эффект особенно усиливается в тех случаях, когда основы разговорных и просторечных слов сочетаются с иноязычными аффиксами нейтрального и книжного характера, в частности с суффиксами отвлеченной семантики *-инг*, *-изм*: *Втюхинг. Продавцы сомнительных товаров и услуг перешли от простого мошенничества к угрозам и шантажу* (Наша версия, 07.10.2013); *А оно будет обозначать дурачизм замороченности на идее* (Завтра, 29.12.2016). «Экспрессия этих новообразований основана на макароническом объединении в одном слове русских и «бытовых» мотивирующих и иностранного, книжного суффикса, изменения сферы функционирования» [1: 226]. Подобные макаронические новообразования могут вызывать негативные впечатления у адресата, негативно характеризовать обезличенных субъектов, с которыми связаны реалии, названные неодериватами.

Особенно негативное впечатление на адресата производят новообразования, которые ассоциируются с инвективной и, в частности, обценной лексикой: *Агендурни. Российская разведка растеряла профессионализм?* (Наша Версия, 08.10.2018); *Крымец Украине. Украина разобьется на куски о закон об особых регионах развития* (Наша Версия, 19.10.2015); *К такой-то дипломатери* (дипломат + матери). *Слова Сергея Рябкова прозвучали в Сямэне как последнее китайское предупреждение американским властям* (Коммерсантъ, 05.09.2017); *РазВЭБалл. Почему ВЭБ банкротит стратегически важные предприятия* (Наша Версия, 09.02.2018); *Хочу напомнить, как работают либерасты, хочу напомнить, как работают экологи, хотя скорее это экологасты* (радио «Вести FM», 14.02.2019).

В подобных случаях речевая агрессия связана с нарушением этических норм.

Современные СМИ формируют у членов социума представления о политиках, общественных деятелях, социально значимых фигурах: антропонимические новообразования «производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность» [5: 186].

В современном медийном словотворчестве антропонимы являются своеобразным отражением политического противостояния в обществе. Имя собственное, обыгрываемое в медийном тексте, по мнению ученых, превращается в ярлык, бренд, используется с идеологическими целями. Экспрессивность негативной оценочности антропонима и его неодеривата нередко становится механизмом достижения успеха в предвыборной борьбе. Антропонимы и их

416 | производные являются удобным способом навязывания адресату социально-политических оценок и манипулирования общественным мнением.

Новообразования на базе имен собственных являются ярким средством негативной оценки, в формировании которой нередко участвуют аффиксы.

Для характеристики сторонников тех или иных социально значимых фигур в новообразованиях нередко используется суффикс *-ист* с семантикой лица, 'по своим идейно-политическим, научным эстетическим и т.п. взглядам являющегося сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим' [4: 397]: *Все метались – то эстонские фашисты, то чеченские ваххабисты, то украинские жидобандеристы, то израильские сионисты, то пиндосские капиталисты, то грузинские саакашвилисты* (Новости России, 09.11.2015); *Да и не при авторитаризме бывают накладки – провалили же клинтонысты социологию* (NEWSru.com, 18.11.2016); *«Эрдоганисты» (да-да, некоторые из них так себя называют) не могут придумать другой причины, как преступный сговор* (Федеральное агентство новостей, 07.05.2016); *За первые месяцы команда Трампа разделилась на два условных лагеря: с одной стороны оказались убежденные трамписты <...> с другой – фигуры, более привычные для республиканского истеблишмента* (Независимая газета, 21.02.2017); *Никто из чавистов так и не стал мадуристом* (телеканал «Россия-24», 19.04.2019).

«Пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей образуются в текстах российских <...> СМИ» с помощью интернационального суффикса *-oid* со значением подобия [3: 41]: *Ельциноиды, путиноиды, навалноиды... (политико-психологический этюд). Суффикс «-oid» я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое невесторженное высказывание в адрес своего кумира как личное оскорбление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык). В этом смысле настоящих коммунистов можно назвать лениноидами* (радио «Эхо Москвы», 09.08.2013, https://echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/1132768-echo/).

Исследователи отмечают, что созданию пейоративных отонимических *nomina pertinentia* на *-oid* «сопутствует метафорическая мотивация и т. н. «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы – семантически нерегулярные дериваты со значением 'умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой'» [3: 42].

Суффикс *-цин(а)* отвлеченной семантики с оттенком неодобрения участвует в создании новообразований с семантикой 'бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, характеризующееся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным' [4: 701]: *...экономическая беда, в которую нас загнали, гайдаровщина и курурищина* (телеканал

«Россия-1», 05.11.2015); *Украина победит, когда закончится «обамовщина»* (Провинция, 09.12.2015); *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас трамповщина, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки* (Ironpost, 14.11.2016); *Так, на вопрос, что есть зюгановщина, коммунизм это или антикоммунизм, ответ очевиден* (Макспарк, 16.01.2016); *Что касается «навальновицины» как таковой <...>, то это политическая провокация «пчел против меда»* (Заноза, 28.03.2017); *Не идеология, это хрущевщина – догнать и перегнать* (радио «Бизнес FM», 25.04.2018). К подобным новообразованиям по семантике примыкают и дериваты с суффиксом *-атин(а)*, нарушающие словообразовательную норму: *Давайте пересмотрим итоги чубайсятины 90-х* (радио «Вести FM», 22.01.2019).

Яркой негативной экспрессией обладают новообразования с компонентами *-мания*, *-фобия*, обозначающие болезненные пристрастия и антипатии: *Правда, отечественные бизнесмены страдают особой формой «трампомании»* (Московский комсомолец, 09.11.2016); *В Украине вновь началась волна «савченкомании»* (Аргументы и факты в Украине, 27.05.2016); *Эта новая марксомания появилась и в Германии* (телеканал «Россия-1», 22.04.2018); *От обамамании до обамафобии всего один президентский срок* (телеканал «Россия-1», 08.12.2015); *Обамафобия. Политгеограф Смирнягин о том, почему ненависть к Америке заменила нам любовь к России <...> А вообще в Америке есть руссофобия? Я не говорю о сопоставимой с нашей американофобией* (телеканал «Дождь», 10.02.2015); *Трампофобия: ведущие американские СМИ не могут смириться с итогами выборов* (11.11.2016, <http://plainnews.ru/video-channel-76984.html>); *...трампомания, трампифобия и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно перехлестывают через край и внутри США, и во всем мире* (Завтра, 12.07.2017).

Значительным рискогенным потенциалом обладают новообразования с суффиксоидом *-гейт* со значением 'политический скандал', который активно используется в массмедиа для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля: *«Трам-гейт» российской блогосферы высветил основной вопрос именно здешнего политикума: зрелость фашистских настроений* (Forum.msk.ru, 19.12.2016); *Хилларигейт* покруче Уотергейта (Achar.az, 30.10.2016); *Интригу Улюкаев-гейта* попытались представить как финал противостояния «патриотов и либералов» (16.02.2016, <https://www.newstube.ru/media/intrigu-ulyukaev-gejta-popytalis-predstavit-kak-final-protivostoyaniya-patriotov-i-liberalov--2>); *Пенелопегейт*, как теперь именуют события во Франции (телеканал ТВЦ, 01.02.2017); *Чем полезен «Слуцкий-гейт»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого* (Коммерсантъ, 26.03.2018, <https://www.kommersant.ru/doc/3584996>); *Все это, получившее название Скрипальгейта, уже порядком надоело* (телеканал НТВ, 09.02.2019).

Суффикс *-инг* с семантикой 'отвлеченное действие в соответствии со значением мотивирующего слова' [4: 388] образует негативно оценочное новообразование на базе имени бывшего официального представителя Государственного департамента США Дженнифер Псаки, известной своей антироссийской риторикой: ... *даже придумали термин «Псакинг» тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (Аргументы и факты, 20.02.2015); *Тяжелые бусы и прямой взгляд – это Псаки <...> Но когда кто-то занимается псакингом – выходит куда грубее* (телеканал «Россия-1», 22.02.2016).

Имя Псаки обыгрывается и в сложных новообразованиях: *Оценил в телевизоре псакозаменильницу – Мари Харф. Господа, их там явно клонируют! Невзирая на все запреты. Понятное дело, какие тут запреты могут быть, если у США такая потребность в кадрах* (Военное обозрение, 15.05.2015).

В агрессивных контекстах нередко встречается также имя Хиллари Клинтон, претендента на пост президента США: *Смотри, с какой женоненавистницей я работаю. – Я бы сказал – с хиллариненавистницей* (радио «Вести FM», 01.09.2016). Новообразование создано в результате заменительного словообразования путем замены корня в исходном *женоненавистница*.

Нередко агрессивные новообразования создаются путем контаминации – неузуального сложения слов с совмещением формально тождественных частей: *Киевские «псакишвили» от церкви продолжают раскол и бесовство* (КМ.гу, 18.06.2014) – Псаки + Саакашвили; *Эрдогад* (Наша Версия, 30.11.2015) – Эрдоган + гад; *«Киллари» начинала свою политическую карьеру с Уотергейта* (Завтра, 2016, № 28) – киллер + Хиллари.

В эпоху информационных войн «антропонимия становится оценкой, часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону» [2: 53]. В подобных случаях отантропонимические производные являются средством речевой агрессии.

Рискогенность новообразований как объекта экспертной оценки может быть обусловлена спецификой их структурно-семантических характеристик: семантико-стилистическими особенностями аффиксов и мотивирующих основ, способами словообразования, обладающими повышенной экспрессией. Стремление журналистов к большей выразительности и усилению воздействия на адресата в сфере медийного словотворчества не должно сопровождаться рискогенностью и агрессивностью текста.

Литература

1. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 184 с.
2. Клушина Н.И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. № 1. 2002. С. 53–56.
3. Коряковцева Е.И. Интернационализация, демократизация и «медиа-тизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. С. 33–47.
4. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
5. Плотникова Л.И. Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 183–187.
6. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

L. V. Ratsiburskaya

MEDIA NEOLOGISMS AS AN OBJECT OF EXPERT EVALUATION

Abstract: The article discusses the risk factors of media neologisms in the ethical-normative aspect; the methods and means of creation of neologisms, that can be the object of expert evaluation, are characterized.

Keywords: mass media, neologisms, evaluation, speech aggression, linguistic expertise.

Раздел 6.
ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО,
РЕЛИГИОЗНОГО, БЫТОВОГО И ДРУГИХ
ДИСКУРСОВ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н. Д. Голев

ngolevd@mail.ru

доктор филологических наук,

профессор Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

А. В. Иркова

a.irkova@mail.ru

аспирант Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СТАТЬИ 152 ГК РФ¹¹

Аннотация. В статье представляется новый тип синхронно-диахронного семасиологического анализа лексического состава текста закона. Объектом рассмотрения является вся лексика статьи 152 ГК РФ. Описание современного функционального статуса и смыслового содержания слов и словосочетаний правового текста сопряжено с привлечением диахронных «застывших» смыслов семантики предтерминов, полутерминов и т. п. Необходимость такого подхода связана с антикоррупционной экспертизой в силу спорных ситуаций, в которых одним из коррупциогенных факторов признается юридико-лингвистическая неопределенность, проявляющаяся в употреблении многозначных, неустоявшихся терминов. Основными понятиями в статье являются дискурсивность, расщепление значений слов, многозначность и синонимия.

Ключевые слова: юридизация, юридическая лингвистика, недотермины, неопределенная семантика, синхронно-диахронный подход, статья 152 ГК РФ, честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация.

В статье представляется новый тип синхронно-диахронного лексикологического анализа текста закона. Его особенность заключается в описании современного функционального статуса и смыслового содержания слов и словосочетаний правового текста, обусловленного их эволютивной юридизацией с привлечением диахронных «застывших» смыслов семантики предтерминов, полутерминов и т. п. Таким образом, предлагается анализировать весь лексический континуум текста закона, а не только его терминологическую составляющую, что составляет обычный предмет лингво-

¹¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

422 | юридического анализа содержания лексики закона, в котором главный акцент делается на юридическую сторону смысла терминов, погруженную в систему правовой коммуникации, где они, как правило, получают жесткую определенность смысла и сильный потенциал однозначного толкования. Лексемы, не достигшие полноценного статуса юридического термина, как правило, остаются вне систематического внимания как ученых-юристов, так и лингвистов. Возможно, первым они представляются периферийными единицами, не участвующими в правовом смыслообразовании и не слишком влияющими на результаты аутентичного толкования текста закона. Лингвисты же, по-видимому, по названной причине не получают того запроса, который стимулировал бы системный анализ «недотерминов», как это произошло при усилении потребности в лингвистической экспертизе конфликтных текстов, повлекшем за собой мощную проекцию лингвистической методик, выработанной при анализе естественной семантики и прагматике, в область лингвоэкспертной практики. Отметим, что проблема, связанная с различными типами толкования текста закона от официального (юридического) до неофициального (обыденного) и собственно филологического, актуализирует важный принцип взаимодополнительности: «Одну систему понятий формирует презумпция верховенства права, правомочия, субъектом которого является законодательная власть, другую – презумпция законопослушания, субъектом которой выступает гражданин и гражданское общество» [10]. Необходимость обращения к системному семасиологическому подходу к лексическому составу текста закона продиктована не только теоретическими, но и – во многом – практическими трудностями при толковании законодательных текстов, а также нерешённостью вопроса о том, каким образом слово естественного языка переходит в специализированный юридический язык. Исследовательская традиция проблемы толкования текстов закона освещает не только значения отдельных и конкретных юридических терминов, но и также актуализирует вопрос о семантике полутерминов, недотерминов, пост-общенародных слов, являющих полутерминологическое значение [9; 18; 22; 25–27]. В предметное поле исследователей попадают синонимические комплексы слов и словосочетания действующего уголовного, гражданского и межотраслевого законодательства, а именно: «лицо, достигшее (не достигшее) возраста двенадцатилетнего, четырнадцатилетнего, шестнадцатилетнего возраста»; «участие» и «членство»; «учредители» и «участники» юридического лица; «участие в делах корпорации» и «участие в управлении корпорацией»; «товары, работы, услуги», которое является юридическим синонимом термина «гражданский оборот»; «несовершеннолетний возраст», «несовершеннолетний, ребенок», «малолетний» и др. Часто именно полутермины, посттермины, полуобщенародные слова составляют трудность при толковании законодательных текстов. При этом сама неопределенность не

может быть полностью преодолена, так как она заложена стихийной природой языка и задаёт важную смысловую оппозицию юридических текстов «жесткая» семантика – семантика «неопределенная».

В связи с практическими потребностями толкования «недотерминов» актуальным становится вопрос о границах понятия «юридико-лингвистическая неопределенность», нередко актуализирующегося при проведении антикоррупционной экспертизы [3–8; 19; 20; 29], поскольку диффузность значения и неоднозначность толкования текста закона естественным образом трактуются в данной сфере как коррупциогенный фактор. Они связаны не только с собственно терминами, но и с другими типами слов и различными элементами текста (синтаксическими конструкциями, знаками препинания и др.). Под лингвистической неопределенностью понимается неопределенность понятий, терминов и формулировок смыслового (содержательного) характера, возникшая вследствие несоблюдения содержательных, логических и лингвистических правил юридической техники и способная вызвать произвольное толкование и применение правовой нормы [7: 333]. Помимо двусмысленных терминов и оценочных категорий к юридико-лингвистической неопределенности эксперты относят такие нарушения лингвистических и логических правил юридической техники, как использование в качестве синонимов терминов с нетождественным значением; употребление понятий, допускающих расширительное толкование; употребление понятий, которые не используются действующим законодательством; использование не имеющих нормативных дефиниций понятий и терминов; употребление понятий без учета их лексического (закрепленного словарями) значения [7: 333]. В любом тексте закона есть неопределённость, поэтому значимо понимать границы этого понятия, относительно которого, как указывают исследователи, нет чёткого определения. Документом, относящимся к содержанию антикоррупционной экспертизы, является методика, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [27]. Как указывает А.А. Арнаутова, «положения, закрепленные в Методике, безусловно, имеют огромное значение для правотворческого процесса, тем не менее назвать данную Методику методикой в общепринятом смысле нельзя» [3: 316]. Об этом также пишет и В. В. Астанин, ссылаясь на современный экономический словарь, отмечая, что в таком содержании методику можно операционально определять с приставкой «эрзац», а осуществление антикоррупционной экспертизы по ней – как паллиативную помощь в решении проблем нормотворчества [6]. Такое видение на действующую Методику находит отклик и в положениях теории судебной экспертизы: «Методика экспертного исследования характеризуется системой (совокупностью) методов, причем включенные в ее содержание, структуру методы применяются

424 | в определенной последовательности, зависящей как от поставленных задач и этапов их решения, так и от условий, в которых проводится исследование» [23: 124]. Система методов в данной методике отсутствует, как и этапы, и задачи экспертного исследования [3]. О феномене «нечетких определителей» как потенциальных правовых конфликтогенах текста пишут в своих работах Н.Н. Голубь и М.А. Осадчий [13–16]. Существенным моментом в них является тезис о том, что «различные типы нечетких определителей могут быть как конфликтогенными факторами, так и тактическими приемами ухода от правовых рисков» [15: 305]. В связи с чем в рамках правовой и лингвистической экспертизы значимым становится обращение к лексемам, не достигшим уровня жестко семантизированных лексем, и – соответственно к процессу эволютивной юридизации как явлению, задающему стадиальность перехода слова общенародного языка в юридический дискурс. Это позволяет проследить изменение в семантике слова-термина и зафиксировать ее место в эволюции, что для синхронии равнозначно месту того или иного смысла на градуальной шкале «степень юридизированности значения лексемы». Ранее в статье «Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-* и *добр-*)» мы осуществили анализ языковых единиц, находящихся на стадии процесса юридизации, что позволило установить дискурсивно-семантические закономерности на этапах развития юридического значения полутерминов с корнями *чест-* и *добр-*, см. подробнее [11]. Юридизация в названной статье рассматривается нами как сложный процесс терминологизации содержания слова общей лексики, приводящий к становлению юридического термина [9; 11; 12]. На новом этапе изучения семантики юридических предтерминов мы актуализируем описание языкового статуса слов и словосочетаний текста закона, а также привлечение дискурсивных смыслов современного и прошлого функционирования предтерминов, недотерминов и посттерминов. В настоящей статье мы также прибегаем к лексике статьи 152 ГК РФ [17], посвященной защите чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени личности. Она предстает в ней в ином ракурсе – не как специальный объект исследования, а как инструмент (площадка, полигон) для представления методики системно-лексикологического анализа текста закона. Непосредственная цель нашего исследования – выявить смыслы слов и словосочетаний, составляющих текст 152 статьи Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации» [17] в диапазоне «общенародное слово – юридический термин» и на этой основе моделировать процесс формирования терминосистемы, представляющей собой соответствующую лексическую отрасль юридического языка. В соответствии со стадиями процесса юридизации и синхронной шкалы «степень юридизированности значения» представлена и описана лексическая

палитра названного законодательного текста, его преамбулы, а также входящих в него статей. Затем наиболее подробно рассматривается семантика синонимического комплекса слов «честь, достоинство, деловая репутация и доброе имя». Этот переход позволяет увидеть, как взаимодействуют специализированные и общенародные смыслы на уровне текста в целом, а также в семантике отдельных слов. Так, лексический массив рассматриваемого текста состоит из следующих разрядов лексем и словосочетаний:

служебные слова: «в», «по», «о», «и/или», «если», «от», «на», «с», «также», «тоже»;

местоименные слова: «его», «другим», «этим», «их», «иных», «таких»;

предикативные комплексы и связки с элементами юридического содержания: «вправе требовать», «не докажет», «соответствовать действительности / не соответствовать действительности», «распространять порочащие сведения», «должны быть опровергнуты», «иметь право требовать опровергнуть порочащие сведения», «опубликовать свой ответ», «устанавливается судом порядок опровержения сведений», «не освобождает от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие», «вправе обратиться в суд», «заявление о признании распространенных сведений не соответствующими действительности», «вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда», «правила могут быть применены судом», «доказать несоответствие указанных сведений действительности», «правила статьи применяются к защите деловой репутации юридического лица», «должны быть опровергнуты в средствах массовой информации», «оказались доступными в сети «Интернет», «обязанность совершить действие»;

модальные слова и связки общенародного употребления: «используемые», «порочащие», «распространивший», «указанные», «соответствующие», «исходящие», «изготовленных», «содержащие», «оказались», «обеспечивающим»;

околоюридические лексемы: «защита», «честь», «достоинство», «деловая репутация», «действительность», «сведения», «опровержение», «удаление», «информация», «пресечение», «средства массовой информации»;

предтерминологические лексемы и словосочетания: «гражданин», «юридическое лицо», «порочащие сведения», «порядок опровержения сведений»;

собственно юридические лексемы и словосочетания: «суд», «судебное решение», «гражданский оборот», «действие, предусмотренное решением суда», «возмещение убытков», «компенсация морального вреда», «срок исковой давности», «правила пунктов настоящей статьи»;

юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): «Гражданский кодекс», «редакция Федерального закона от 02.07. 2013 № 142-ФЗ».

Задействованный в тексте статьи терминологический аппарат соответствует нормам современного русского языка с учётом функционально-стилистических особенностей законодательного текста, а именно: соблюдается стили-

426 | стическая нейтральность терминов; в тексте нет просторечий, жаргонизмов, отсутствуют метафоры, сравнения, эпитеты и иные образные средства; не используются термины-аббревиатуры, неизвестные широкому пользователю; неоправданно сложных терминологических структур нет.

Стать юридическим термином в контексте закона оказывается не так легко и это удастся не каждому слову общенародного языка. Отсюда многочисленные вопросы касательно семантики предтерминов, недотерминов, являющих полутерминологическое значение. Одними из таких предтерминов являются слова, входящие в синонимический комплекс рассматриваемой нами законодательной статьи «защита чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени». Они рассматриваются как морально-этические качества личности, присущие каждому человеку, охраняемые и защищаемые государством. В комментариях к статьям находим следующий контекст: «1. Гражданское законодательство не определяет понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация» [17]. Отсутствие четких определений и различий, а также их недотерминологизированные значения, общенародные смыслы нередко становятся предметом спорных толкований, интерпретаций. Обратимся к анализу семантики «застывшей диахронии» юридизации этих слов. Они по справедливому замечанию А. В. Санникова относятся к лексике, «описывающей общественное мнение о человеке, включают в ситуацию социальную роль обладателя» [24: 411]. Общие моменты в их семантике связаны с атрибутивными признаками, присущими словам престиж, имидж, репутация, честь, достоинство, имя (доброе), слава (дурная), реноме. К таким атрибутивным чертам относятся:

1. Отнесение этих понятий к человеку как личности, включённой в ту или иную социальную роль в обществе, а не как его исключительная, индивидуальная особенность. Как указывает А.В. Санников, «все эти слова двухактанты: кроме валентности субъекта (обладателя) они управляют валентностью социальной роли» [24: 411].

2. Соотнесенность и соответствие человека как обладателя этих атрибутов с его жизнью, поступками, действиями, сказанными словами.

3. Возможность воздействовать на эти атрибуты как со стороны их обладателя, так и со стороны других людей. У них есть специальная лексика травмирования и нанесения ущерба этим атрибутам, некоторые слова из неё также попадают в юридический дискурс (см., например оскорбление).

К смысловым признакам, по которым эти синонимы различаются, относятся следующие:

1. Способность выражать оценку по умолчанию и тип оценки (общая, положительная или отрицательная оценка, самооценка). Например, (доброе) имя всегда выражает положительную оценку.

2. Тип оцениваемого объекта (репутация может быть у человека и организации; имя – преимущественно у человека; слава – у человека, организации или любого места, посещаемого людьми).

3. Аспект, по которому объект оценивается (имя употребляется, прежде всего, когда речь идет о профессиональных качествах человека).

Так, результатом поступательного движения семантики названных лексем в сторону их становления юридическими терминами являются смысловые комплексы «застывшей диахронии» развития юридического содержания этих слов. Лексема «достоинство» в тексте закона актуализирует такие смысловые комплексы, как «нематериальное благо человека», «осознание собственной высокой ценности как личности или как члена социальной группы других людей», «определенное поведение, чтобы эта самооценка не стала ниже». В свою очередь семантика лексемы «честь» открывается следующими смысловыми признаками: «нематериальное благо человека», «сознание себя членом социальной группы других людей», «соблюдение определённых, принятых той или иной социальной группой морально-этических правил», «соответствие поведения правилам, чтобы самооценка человека или его оценка со стороны других людей этого социума не стала ниже». Семантика лексемы «деловая репутация» раскрывается таким признаковым составом, как «нематериальное благо», «устоявшаяся общая оценка различной деятельности человека или организации, в том числе профессиональный, социальный и моральный аспект её реализации», «оценка со стороны группы лиц». Концепт «доброе имя» также является нематериальным благом человека или организации, предполагает, преимущественно, положительную оценку людей, при чём оцениваются их профессиональные и моральные качества, нравственная сторона того или иного действия или дела.

В заключение отметим следующие моменты, вытекающие из проведенного исследования. Любой текст закона, а также составляющие его статьи – продукт длительного взаимодействия терминологических и общенародных лексических единиц. Данный процесс находит отражение в синхронно-градуальной типологии лексем, организованной по признаку «степень юридизированности значения лексемы». «Застывшая диахрония», воплощенная в такой типологии, представляет собой этап развития юридического значения слова общенародного языка. Слово с широким спектром морально-этических смыслов становится юридическим термином в тот момент, когда его содержание приближается к юридическому значению; путём преломления общенародных смыслов оно предстает современному читателю текста закона как «застывшая диахрония», которое вполне можно трактовать как след памяти от его предыдущего функционирования в неюридических дискурсах и контекстах. Они не исчезают, а получают иное «звучание» (мы не имеем в виду фонетическую сторону слова). Поэтому и скорость формирования юридического значения того или иного слова может быть разной. Возможность реализации лексикологического анализа текста закона с учетом языкового статуса терминов и слов, которые в нём находятся, позволяют моделировать

428 | процесс формирования терминосистемы, представляющей соответствующую лексическую отрасль юридического языка, а также выявлять семантические грани в содержании тех или иных юридических терминов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры; Восточная литература РАН, 1995. VIII. 472 с.
2. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
3. Арнаутова А.А. Методика проведения антикоррупционной экспертизы: юридико-лингвистическая неопределенность // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 4 (41). С. 315–318.
4. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / М.С. Азаров, В.В. Астанин, И.С. Барзилова и др.; сост. Е.Р. Росинская. М.: Проспект, 2010. 96 с.
5. Астанин В.В., Роговая А.В. Мониторинг обеспечения и состояния качества нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 4–13.
6. Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 5–9.
7. Белоконь Н.В. Лингвистические основания проведения антикоррупционной экспертизы // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 331–335.
8. Бондаренко Е.Н. Лингвистическая экспертиза текстов по антикоррупционным делам: формулировка вопросов, установление контекста и семантика ключевых слов // Язык. Право. Общество. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 16–19.
9. Голев Н.Д. Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки // Метаязык науки: мат-лы Международной научной конференции. Сыктывкар. 2012. С. 5–11.
10. Голев Н.Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 5–15.
11. Голев Н.Д., Иркова А.В. Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями чест- и добр-) // Вестник Московского государственного университета. 2018. № 4. С. 212–242.
12. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика. Барнаул. 2000. С. 8–40.
13. Голубь Н.Н., Осадчий М.А. Нечеткие определители в текстах правовой коммерческой документации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–3 (52). С. 124–127.

14. Голубь Н.Н., Осадчий М.А. Нечеткие определители в аспекте деривации смыслов // Актуальные проблемы современного словообразования. Сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 402–405.

15. Голубь Н.Н. Нечеткие определители как потенциальные правовые конфликтогены текста (на материале коммерческих договоров и нормативных актов) // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. С. 305.

16. Голубь Н.Н. Феномен нечетких определителей в русском языке (на материале текстов коммерческих договоров) // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов. Сборник научных статей. Кемерово, 2010. С. 59–63.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://stgkrf.ru/152>. (дата обращения: 16.04.2019).

18. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 245–249.

19. Кабанов П.А. Юридикто-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. С. 61–71. DOI: 10.7256/2306-9945.2014.3.12055

20. Карасева Т.Н. Проблема юридикто-лингвистической неопределенности при проведении антикоррупционной экспертизы правовых актов // Язык. Право. Общество. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. 2013. С. 152–156.

21. Осадчий М.А., Голубь Н.Н. Тактические приемы ухода от правовых рисков в современной публичной коммуникации // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 63–71.

22. Прозументов Л.М. О некорректности определения понятия «несовершеннолетний» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 80–85.

23. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 124.

24. Санников А.В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405–468.

25. Тадыкова Н.В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе РФ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 56–63.

- 430 | 26. Тягай Е.Д. «Участие» в корпоративных организациях и «управление» ими: проблемы легального закрепления и дифференциации корпоративных отношений // *Lex Russica*. 2016. № 11 (120). С. 22–32.
27. Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // РГ. 5 марта 2010 г.
28. Чваненко Д.А. К вопросу о толковании формулировки «товары, работы, услуги» // *Юрист*. 2014. № 10. С. 25–29.
29. Шабалин Л.И. Антикоррупционная экспертиза нормы локального, регулирующей контроль успеваемости студентов в УРГЮА // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2012. № 6 (14). С. 35–38.

N. D. Golev, A. V. Irkova

**SYNCHRONOUS-DIACHRONIC SEMASIOLOGICAL ANALYSIS
OF THE LEXICAL COMPOSITION OF ARTICLE 152 OF THE
RUSSIAN CIVIL CODE**

Abstract: The article presents a new type of synchronous diachronous semasiological analysis of the lexical composition of the text of the law. The object of consideration is the entire vocabulary of Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation. The description of the modern functional status and semantic content of words and phrases of the legal text is associated with the use of diachronous “frozen” meanings of the semantics of pre-terms, half-terms, etc. The need for such an approach is associated with anti-corruption expertise due to controversial situations in which legal linguistic uncertainty, which manifests itself in the use of ambiguous, unstable terms, is recognized as one of the corruptogenic factors. The main concepts in the article are discursiveness, splitting of word meanings, polysemy and synonymy.

Keywords: legalization, legal linguistics, non-termins, vague semantics, synchronous diachronic approach, Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, honour, dignity, good name, business reputation.

ДИСКУРС ДЕТСКОГО ПРАВА В ЛАТВИИ

Аннотация. Детское право в законодательстве является относительно новым направлением, характеризуется специальной терминологией, специфическими аспектами и конкретными действующими сторонами. Цель доклада – описать признаки дискурса детского права в Латвии посредством анализа теории и практики дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, детское право, латышский язык.

Сегодня дети и их права являются очевидной составляющей законодательства большинства государств на планете, но данная категория права появилась лишь в XIX веке. Один из первых законов по детскому праву «Factory act 1833» был издан в Великобритании в 1833 году, вводя ряд правил по отношению трудоустройства детей, например, детям в возрасте от 9 до 13 лет разрешается работать не более 9 часов в день, а детям в возрасте от 13 до 18 лет – не более 12 часов в день. Сегодня права детей защищаются во всем мире, но именно законы о детском праве определяют кто и как защищает их права. Лингвистический анализ позволяет отследить развитие языка, терминологии и прочих языковых аспектов, но для выявления различий по защите детских прав в разных странах необходим более обширный анализ, включающий также и экстралингвистические факторы и влияние участвующих сторон для выявления сравниваемых характеристик и признаков.

Задача данной статьи провести анализ дискурса детского права Латвии с целью определения основных признаков, действующих сторон и специфических характеристик данного жанра юридического дискурса. Статья является частью будущей докторской диссертации «Развитие специальной лексики дискурса детского права в Латвии и Великобритании». Автор диссертации заинтересовался темой дискурса детского права во время перевода судебных дел по опеке. Определив ряд проблем перевода, связанных с различиями систем по защите детских прав Латвии и Великобритании, автор в рамках своей диссертации рассматривает историческое развитие профессиональной лексики и дискурса детского права с целью анализа лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на развитие данной лексики, потенциальные языковые проблемы и другие лингвистические особенности для сравнения систем по защите детских прав в Латвии и Великобритании.

Необходимость определения основных признаков и характеристик дискурса детского права Латвии исходит из необходимости сравнить в упомянутой выше диссертации дискурсы детского права двух стран, а для выполнения данной задачи изначально следует определить критерии для классификации и классифицировать соответствующие дискурсы упомянутых стран.

Для определения характеристик и признаков дискурса детского права необходимо определить понятие дискурса как такого, затем следует рассмотреть понятие юридического дискурса и провести анализ признаков жанра дискурса детского права.

Чтобы выполнить перечисленные выше задачи были изучены труды ряда авторов (Мишель Фуко, Норман Фэркло, Питер Гудрич и др.), а также научные статьи о юридическом дискурсе (Палашевская И. В, Л. Колесникова, О. Крапивкина и др.).

Юридический дискурс. При определении понятия «юридический дискурс» следует отметить, что на данный момент единого определения не существует по причине того, что разные авторы используют разные методы классификации функций и признаков юридического дискурса. Т. А. ван Дейк указывает на то, что «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии, и зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [1]. Для определения понятия дискурса следует рассматривать данное понятие с лингвистической точки зрения потому, что язык или лингвистические составляющие текста позволяют классифицировать конкретные языковые действия в рамках дискурса, например, юридический язык позволяет определить категории текстов и связанных с ними действий термином «юридический дискурс», в свою очередь медицинские тексты являются частью «медицинского дискурса», а спортивные новости частью «спортивного дискурса».

Питер Гудрич в определении дискурса с лингвистической точки зрения ссылается на французского филолога Эмиля Бэнвениста, который говорит о том, что языковой знак существует без какой-либо субъективной информации и не несет какого-либо смысла, а предложение является основной составляющей дискурса по причине такого, что несет определенный смысл, который позволяет конкретное предложение отнести к конкретному дискурсу [7: 158]. Также Гудрич указывает на то, что предложение невозможно разделить на составляющие и получить изначальный смысл предложения [7: 163] (в данном случае от перемены слагаемых сумма меняется), следовательно наименьшей единицей анализа дискурса является предложение. Анализ дискурса от наименьшей единицы (предложения) экстраполируется согласно установленным целям каждого отдельного исследования, что, в данной ситуации, ограничивается полем «юридического дискурса», частью которого является и дискурс детского права. Более современное и сравнительно простое определение дискурсу пре-

доставил Т. Ван Дейк: «дискурс = текст + контекст» [1]. Данное определение позволяет рассматривать дискурс более подробно, обращая внимание на его категории и проявления в различных сферах повседневной жизни.

Н. Фэркло описывает анализ дискурса как анализ совокупности языковых взаимодействий между самим дискурсом и другими объектами, элементами или событиями, но одновременно данный анализ является анализом взаимоотношений объектов внутри самого дискурса. Возвращаясь к понятию языковых действий, следует упомянуть предоставленное Н. Феркло определение составляющих каждого из речевых случаев: «текст; дискурсивная практика; социальная практика» [6: 83]. Данное определение составляющих позволяет анализировать более специфические и узкие дискурсы, а именно юридический дискурс, частью которого является детское право.

Согласно сравнительно простой формуле Т. Ван Дейка, существующий в юридическом контексте текст является частью юридического дискурса. Следует учесть, что текст, не имеющий признаков юридического текста, но являющийся частью юридического контекста или события также следует рассматривать как часть юридического дискурса, например, медицинское заключение о физическом состоянии пострадавшего в рамках судебного рассмотрения дела. В свою очередь текст юридического содержания может быть частью не только юридического дискурса.

Из сказанного выше следует, что юридический дискурс – это дискурс, имеющий написанные на «юридическом языке» тексты и/или юридический контекст. Но, для более подробной категоризации дискурсов входящих в общее обозначение «юридический дискурс», необходимо определить более подробные критерии. Языком юридического дискурса является специализированный язык – юридический язык, на котором пишутся законы, составляются различные документы и общаются участники различных языковых событий в юридическом контексте. Следовательно, чтобы определить признаки юридического дискурса необходимо рассмотреть функции, которые выполняет юридический язык. О. Крапивкина и Л. Непомилова описывают 4 основных функции юридического языка, которые также выполняет и юридический дискурс: прескриптивная функция, аргументирующая функция, агитационная функция и информативная функция [2]. Согласно данной классификации, прескриптивную функцию выполняют тексты, указывающие на совершение или воздержание от совершения различных действий (например, решение суда, закон, указ), информативную функцию выполняют тексты, информирующие о действии (например, договора, решения суда, жалобы), агитационная функция проявляется в провозглашении определенных социальных и правовых ценностей (например, преамбула к закону), а аргументирующая функция выполняется текстами и речевыми актами, целью которых является обоснование конкретной позиции (речь перед присяжными, судебное решение).

В свою очередь Шарчевич описывает три функции юридических текстов: только прескриптивная, описывающая и прескриптивная, только описывающая [8]. Согласно данной классификации, законы, правила, кодексы, договора, конвенции и подобные тексты имеют только прескриптивную функцию; решения суда, действия в рамках судебного разбирательства, запросы, апелляции и подобные тексты являются примерами второй функции, а третью такие тексты как правовая позиция, книги по юриспруденции, научные исследования юриспруденции и подобные тексты выполняют только описывающую функцию.

Перед тем, как перейти к разновидностям или жанрам юридического дискурса, следует рассмотреть такой признак юридического языка как институциональность или институциональное общение. И.В. Палашевская дает следующее определение «Юридический дискурс как разновидность институционального дискурса представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [3: 537] из которого следует, что юридический дискурс является частью более обширного дискурса (институционального). Фуко об институциональности говорит следующее: «Институциональный характер юридического дискурса проявляется в подчинении его субъекта установленным в дискурсивном сообществе правилам, которые определяют, что может и что должно быть сказано, властно навязывают определенную оценочную и когнитивную базу, устанавливают режимы коммуникации» [4: 36].

Согласно данным определениям, для такого, чтобы дискурс соответствовал категории юридического дискурса, одной из присутствующих характеристик должна быть система взаимодействий или подчинения на основе определенных норм поведения, коммуникации и общественного положения. Из сказанного выше можно заключить, что входящие в общее определение «юридического дискурса» жанры, например, детское право, также имеют свою собственную институциональность, которая определяет поведение участников конкретного дискурса. И.В. Палашевская описывает институциональные действия следующим образом: «Под институциональными действиями понимаются внешне выраженные, целенаправленные, влекущие за собой определенные правовые последствия акты участников юридического дискурса» [3: 538]. Согласно этому, параметр институциональности является одним из основных параметров дискурса, который позволяет определить роли, обязанности, взаимные отношения участников дискурса детского права, а также правила, которым следуют данные участники.

Жанры дискурса. Сравнительно недавно жанры использовали только для классификации литературных текстов, но в 20-м веке жанры начали различать и в других направлениях. Согласно описанным выше характе-

ристикам, возможно различать различные жанры юридического дискурса, которым присущи одни или другие характеристики, а также разные цели и действующие стороны. Например, проявлением институциональности в жанре дискурса детского права можно считать политическое решение Сейма Республики Латвия о замене термина «vesāku vara» (родительская власть, перевод автора) на термин «aizgādņība» (попечительство, перевод автора) несмотря на возражения экспертов Центра государственного языка Латвии. Данный пример отображает характерную для жанра юридического дискурса институциональность и определенную иерархию среди участников данного жанра. Для выявления характеристик дискурса детского права в рамках юридического дискурса, который также является частью институционального дискурса, необходимо определить критерии оценки жанров дискурса. Виджай Бхатия дает следующее определение термину «жанр» (перевод автора с английского языка): *«Жанр является коммуникационным событием, которому характерна коммуникативная цель(и), которую распознают и понимают члены профессиональной или академической отрасли, в которой данное событие происходит регулярно. Чаще всего жанр имеет выраженную структуру и традиции, которые определяют ограничения и возможности в категориях целей, расположения, формы и функциональной ценности. Эксперты соответствующих отраслей дискурсов часто пользуются данным ограничениями для достижения личных целей в рамках социально значимых целей»* [5: 97].

Данное определение указывает на то, что главным признаком жанра является коммуникативная цель соответствующего события, а также конкретный жанр имеет конкретную структуру, стиль, содержание и целевую аудиторию. Следуя определению выше, жанр юридического текста или юридического дискурса представляет написанные в определенном стиле и, согласно определенным синтаксическим и грамматическим правилам, тексты и события, имеющие сравнительно узкоспециализированную терминологию и конкретные цели (например, законодательные, судебные, административные и др.).

Дискурс детского права в Латвии. На территории нынешней Латвии детское право впервые было определено в третьей части Свода местных узаконений губерний остзейских (СМУГО), изданном в Российской Империи в 1864 году. Положения Свода местных узаконений губерний остзейских затем были переведены на латышский и в 1924 году стали частью Гражданского закона Латвии, который был издан в 1937 году. Гражданский закон современной Латвии, вступил в силу в 1991 году и все еще содержит положения, переведенные из Свода местных узаконений губерний остзейских. Язык законодательства детского права позволяет исследовать то, как изменилось отношение общества к детям и их юридическому статусу за последние 150 лет, а также отследить развитие профессиональной лексики, введения но-

436 | вых ответственных сторон и расширения или ограничения их обязанностей и ответственностей.

Наблюдаемые за упомянутый выше период времени изменения в языке детского права имеют грамматический характер, социальный характер и экстралингвистический характер, но также следует отметить и наблюдаемое влияние других контактных языков (немецкий, русский, английский), которое подобнее будет рассмотрено в будущей диссертации автора.

К изменениям грамматического характера языка детского права можно отнести изменения написания терминов, например, в прошлом (1924 год) для написания термина «сиротский суд» использовалось два слова (*bāriņu tiesa*), а в современной версии закона термин пишется слитно (*bāriņtiesa*). Подобные грамматические изменения не несут смысловых изменений юридического характера. К изменениям социального характера следует отнести изменения в «мышлении общества» по отношению к детям, например, в параграфе № 206 третьей части Свода местных узаконений губерний остзейских, который далее был переведен на латышский и включен в раздел Семейного права Гражданского закона Латвии 1924 года, говорится о праве родителей употреблять домашние исправительные меры: *«Против неповинующихся и строптивых детей в продолжение их несовершеннолетия родители имеют право употреблять домашние исправительные меры. Если же они остаются безуспешными и дети будут продолжать вести жизнь, постыдную для них самих и наносящую вред другим, то родители могут тех, которые не находятся в государственной службе, отдавать для наказания, правительственной власти или с их разрешения в исправительное заведение»* [12].

В действующей сегодня версии данного параграфа родители имеют право обратиться за помощью в сиротский суд, но была введена и вторая часть данного параграфа, которая гласит следующее: *«Bērnis var vērsties pēc palīdzības bāriņtiesā, ja vecāki noteikuši viņam nepamatotus ierobežojumus vai radušās citas domstarpības viņu attiecībās (Ребенок имеет право обратиться за помощью в сиротский суд, если родители определили для него необоснованные ограничения или имеются другие разногласия в отношениях между ними, перевод автора)»* [10].

Данный пример позволяет посредством языковых изменений наблюдать развитие и изменения отношения общества к конкретным вопросам, не имея глубоких познаний о конкретном обществе или государстве, но лишь наблюдая изменения текста законодательства.

К экстралингвистическим факторам можно отнести уже упомянутое ранее решение Сейма Республики Латвия о замене термина «*vecāku vara*» термином «*aizgādņība*» несмотря на возражения экспертов Центра латышского языка. Подобные изменения в большинстве случаев имеют институциональный характер, т.е. внедряются государственными инстанциями для достижения

конкретных целей. Например, замена термина в упомянутом примере обосновывается тем, что данный термин не является достаточно точным и не имеет достаточно ясного определения, что приводит к субъективной и противоречивой трактовке данного термина [13].

Для определения основных признаков дискурса детского права в Латвии следует использовать описанные ранее параметры, в том числе институциональность и коммуникативная цель. Задачи, обязанности и права участников дискурса детского права в Латвии определяются законами, а именно Закон о защите детских прав (*Bērnu tiesību aizsardzības likums*), раздел «Семейное право» в Гражданском законе Латвийской Республики (*Latvijas Republikas Civillikums, ģimenes tiesības*), Закон о сиротских судах (*Bāriņtiesu likums*), Закон о молодежи (*Jaunatnes likums*), а также различные международные конвенции, участником которых является Латвия, и отдельные части уголовного права, применимые в случаях нарушения детских прав.

Основными государственными структурами, которые обеспечивают соблюдение положений упомянутых ранее законов, являются сиротский суд (в каждом самоуправлении действует отдельный сиротский суд, финансируемый соответствующим самоуправлением), социальные службы, Государственная инспекция по защите детских прав (*Valsts bērnu tiesību aizsardzības inspekcija*), Министерство юстиции, Сейм, суды, школы, медицинские учреждения, полиция, прокуратура. Без государственных организаций также следует отметить и общественные организации (например, Сеть детского благосостояния Латвии (*Latvijas Bērnu Labklājības Tīkls*), центр «Dardedze», «Спасайте детей» (*Glābiet bērnus*) и др.), которые также принимают участие в дискурсе детского права Латвии, проводя различные мероприятия и обучение, а также публично обсуждая актуальные вопросы по детскому праву и подавая инициативы государству Латвии (например, «Спасайте детей» перевели конвенцию ООН по правам человека на латышский язык). Несмотря на то, что общественные организации не имеют утвержденных законом полномочий, данные организации принимают активное участие в дискурсе детского права информируя общество об актуальных вопросах, предоставляя объяснения более сложных правовых нюансов, а также проводя различные мероприятия и обучение для государственных чиновников, в том числе и учителей, и жителей страны, таким образом внося определенные дефиниции терминов, трактовку положений законодательства и оказывая подобное косвенное влияние на дискурс детского права.

Также следует отметить участие общества и средств массовой информации в детском дискурсе, которое ярче всего проявляется в кризисных ситуациях и трагичных случаях с участием детей. Подобные случаи получают громкую огласку в СМИ, что приводит к повышенному вниманию общества, которое в свою очередь ведет дискуссии о данной ситуации, обсуждает эффектив-

438 ность законодательства, действия (или бездействие) служб, ответственность и обязательства родителей и детей, что также имеет косвенное влияние на дискурс детского права по причине того, что под общественным давлением могут быть приняты поправки к законам, проводятся расследования действий ответственных лиц, а у судей могут требовать более жестких наказаний за нарушения детских прав.

Перечисленных выше участников дискурса детского права в Латвии можно разделить на две группы – в первую группу входят государственные инстанции, обеспечивающие институционность дискурса детского права (например, Министерство юстиции), и исполняющие органы (например, полиция, сиротский суд, социальные службы и др.), т. е., стороны, имеющие прямое влияние на детское право и на приводящие в исполнение законы по детскому праву, использующие «официальный» язык детского права, т. е. используемую в перечисленных выше законах терминологию, речевые обороты и структуру. Во вторую группу можно включить общественные организации, средства массовой информации, общественность и все те заинтересованные стороны, которые не имеют прямого влияния на детское право, не являются исполнителями законов, и использующие менее официальный язык при обсуждении связанных с детским правом вопросов.

После определения участников дискурса детского права в Латвии, следует определить цель коммуникации и происходящих в рамках дискурса коммуникативных действий (например, судебное заседание по делу об опеке или интервью с ребенком без присутствия родителей).

В Законе о защите детских прав описаны следующие задачи (перевод автора):

1) задача данного закона – определить права и свободы ребенка, а также их защиту, учитывая то, что ребенок как физически и интеллектуально незрелая личность требует особой защиты и заботы;

2) данный закон регулирует основные условия, согласно которым проводится контроль поведения ребенка и определяется его ответственность; закон регламентирует права, обязанности и ответственность родителей, других физических и юридических лиц, государства и самоуправлений в обеспечении прав ребенка, а также определяет систему защиты детских прав и законные принципы работы данной системы;

3) защита детских прав является частью государственной политики; государство и самоуправления контролируют защиту детских прав на всей территории страны.

Исходя из упомянутых в Законе о защите детских прав задач, следует заключить, что целью коммуникации и действий в рамках дискурса детского права является определение прав и свобод ребенка и их защита на государственном уровне. Следовательно, можно говорить о том, что целью

участников дискурса детского права (кроме нарушителей законов по защите детских прав) также является защита свобод и прав ребенка.

Далее необходимо определить тексты, которые образуют письменную часть языка детского дискурса Латвии. Основными текстами являются тексты перечисленных ранее законов (Закон о защите детских прав, раздел «Семейное право» в Гражданском законе Латвийской Республики, Закон о сиротских судах, Закон о молодежи). В написанных на специализированном языке (юридическом) законах даны определения основных терминов (например, опека, опекун, родительская ответственность и т. д.), а также описаны права и обязанности участников дискурса детского права. Согласно предоставленному С. Шарчевич описанию функций, тексты первой группы выполняют только прескриптивную функцию и описывающую и прескриптивную функцию.

Например, к категории основных текстов можно отнести решения суда (публикуются в анонимном виде в свободном доступе) и часть используемых в судебных разбирательствах по делам детского права документов и текстов, но следует учесть, что не все используемые в судебных делах документы написаны согласно жанру юридического дискурса. Закон о сиротском суде обязует сиротский суд проводить сбор всевозможной информации, которая может иметь отношение к конкретному случаю нарушения детских прав. Далее указаны параграфы 16-ой статьи Закона о сиротском суде (перевод автора):

1) сиротский суд имеет право запрашивать и бесплатно получать любую информацию от государственных учреждений, самоуправлений, коммерческих организаций и других организаций для проведения оценки соблюдения прав ребенка или решения вопросов в компетенции сиротского суда;

3) сиротский суд имеет право проводить опросы чиновников и жителей для получения информации, необходимой для решения связанных с опекой, adoption или попечительством вопросов;

7) сиротский суд имеет право обратиться к психологу для проведения психологической оценки ребенка или семьи и получить заключение психолога о результатах оценки;

9) сиротский суд имеет право фотографировать, снимать и проводить звукозапись, если в момент проверки жизненных условий ребенка констатируется факт того, что жизнь и здоровье ребенка под угрозой.

Согласно пунктам Закона о сиротском суде выше, сиротский суд указанную выше информацию может запрашивать у лиц, не имеющих специальных юридических знаний (например, опрос жителей), следовательно, полученная информация вне контекста дискурса детского права принадлежит к другому жанру дискурса (например, заключение психолога), что подтверждает уже упомянутое определение Т. Ван Дейка: «дискурс = текст + контекст».

Заключение

После проведения анализа основных признаков дискурса и под-жанров дискурса были определены основные признаки, действующие стороны и специфические характеристики дискурса детского права Латвии. Институциональность как один из основных признаков юридического дискурса, частью которого является дискурс детского права, обеспечивается посредством государственных учреждений (сейм, сиротские суды, министерство юстиции и др.) и законов (Закон о защите детских прав, раздел «Семейное право» в Гражданском законе Латвийской Республики, Закон о сиротских судах, Закон о молодежи), которые определяют роли, структуру подчиненности и коммуникации между участниками дискурса детского права и государственными учреждениями. Коммуникативная цель дискурса детского права – определение прав и свобод ребенка и их защита на государственном уровне.

Без упомянутых выше государственных учреждений участниками дискурса детского права являются также общественные организации, СМИ, лица, имеющие установленные законом роли в конкретных правовых ситуациях, и общество в целом. Одним из главных специфических признаков дискурса детского права Латвии является то, что значительная часть текстов данного дискурса являются частью юридического дискурса лишь благодаря контексту, в котором данные тексты рассматриваются и выполняют определенные задачи. Данный фактор создает дополнительный уровень сложности для работающих в данном контексте профессионалов по причине того, что такие тексты могут быть написаны на профессиональном языке дискурса другой отрасли (например, психология), что усложняет работу переводчикам, сотрудникам социальных служб, юристам, а также повышает сложность восприятия для людей без специальных знаний (например, родители и родственники ребенка).

Использованные в данном анализе параметры являются универсальными и применимыми для анализа как дискурса детского права других стран, так и для анализа дискурсов ряда других отраслей.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 25.04.2019).
2. Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 26.04.2019).
3. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (2). С. 535–540.

4. Фуко М. 1996. Археология знания. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/index.php (дата обращения: 26.04.2019).
5. Bhatia, K. Vijay. 2004. Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: MPG Books Ltd.
6. Fairclough, Norman. 2010. Critical Discourse Analysis. London: Routledge.
7. Goodrich, Peter. 1990. Legal discourse: studies in linguistics, rhetoric and legal analysis, Palgrave Macmillan UK [1990: 163].
8. Šarčević, Susan. 2000. Legal Translation and Translation Theory: a Receiver-oriented Approach. [Электронный ресурс]. – URL <http://www.tradulex.com/Actes2000/sarcevic.pdf> (дата обращения: 26.04.2019).

Законы

9. Закон о защите детских прав (Bērnu tiesību aizsardzības likums). [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=49096> (дата обращения: 22.04.2019).
10. Раздел «Семейное право» в Гражданском законе (Latvijas Republikas Civillikums, ģimenes tiesības) [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=90223> (дата обращения: 22.04.2019).
11. Закон о сиротских судах (Bāriņtiesu likums) [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=139369> (дата обращения: 22.04.2019).
12. Закон о молодежи (Jaunatnes likums) [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=175920> (дата обращения: 22.04.2019).
13. Свод местных узаконений губерний остзейских, Часть третья [Электронный ресурс]. – URL: <https://dspace.lu.lv/dspace/handle/7/1209> (дата обращения: 22.04.2019).
14. Решение Терминологической комиссии Научной академии Латвии № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=62802> (дата обращения: 22.04.2019).

A. S. Gorbunovs

CHILDREN'S RIGHTS DISCOURSE IN LATVIA

Abstract: Children's rights are a comparatively new field in legal system of Latvia with professional terms, specific language aspects and involved parties. The aim of this report is to perform a descriptive analysis of the children's rights discourse in Latvia through review and application of discourse theory in linguistics.

Keywords: children's rights discourse, legal linguistics, Latvian language.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена религиоведческой экспертизе – мотивированному заключению эксперта-религиоведа о наличии в информационном материале религиозного содержания идей экстремистского толка. Экспертное заключение является основанием принятия решения о распространении религиозной литературы, регистрации религиозных объединений и др.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза, религиозный радикализм и экстремизм, религиозная идеология, религиозная рознь и вражда.

Актуальность заявленной темы обусловлена острой проблемой распространения в Казахстане и в целом на постсоветском пространстве идеологии и практики религиозного экстремизма. Каналы распространения этой идеологии различные, в том числе, через печатную и аудиовизуальную продукцию. В этой связи важную роль выполняет экспертное сообщество (политологи, лингвисты, психологи, юристы, религиоведы), которое дает научную интерпретацию, оценку текстам, определяет наличие в них экстремистского содержания, призывов, идей, разжигающих вражду, ненависть между людьми.

Основу данной проблемы составляет вопрос о соотношении права на религиозную свободу, свободу вероисповедания, религиозных убеждений и необходимостью сохранения традиционной культурной идентичности, обеспечения безопасности личности, общества, государства. Обострение этого противоречия обусловлено распространением в регионе нетрадиционных религиозных течений и организаций деструктивной направленности, которое ведет к религиозной конверсии, смене национальной и религиозной идентичности, порождает риски и угрозы радикализации сознания и поведения верующих, дестабилизации общества и государства.

В целях вербовки неопитов в свои ряды, деструктивные религиозные организации широко распространяют информационно-пропагандистские материалы в различной форме. Содержание религиозной литературы, информационного материала религиозной направленности неоднозначно, оно

может содержать, в том числе, крайне радикальные и экстремистские идеи и призывы. Религиоведческая экспертиза идентифицирует тексты, речи проповедников и другие исследуемые информационные объекты, определяет их принадлежность к конкретному вероучению, раскрывает его подлинный смысл, ценностную, идеологическую ориентацию, выявляет признаки радикализма и экстремизма. Религиоведческая экспертиза – мотивированное заключение специалиста-религиоведа, которое дает ответы на поставленные вопросы, в том числе, о наличии идей с экстремистским смыслом. Заключение религиоведческой экспертизы станет основанием для судебного решения.

В целом специфику гуманитарной экспертизы А. Ю. Сунгуров раскрыл так: «Цель любой экспертизы – повышение степени обоснованности принимаемых решений на основе заключения экспертов» [9: 62]. Соответственно, по мнению автора, экспертные сообщества «участвуют в принятии политических решений». Роль эксперта в том, что он «способен давать практические рекомендации, полезные ответы на конкретные вопросы, связанные с практической деятельностью». В то же время «эксперт должен быть с активной гражданской позицией, которому не безразличны последствия принимаемых властью решений для общества и человека» [9: 69].

Эксперты-религиоведы должны постоянно отслеживать религиозную ситуацию в стране, все её составляющие, в том числе, касающиеся распространения религиозной литературы, регистрации религиозных объединений и других процессов. С каждым годом количество информационных материалов с экстремистским содержанием только растёт. Так, на основании выводов экспертов, с 2014 по 2018 год включительно по решению судов признаны экстремистскими и запрещены к ввозу, изданию и распространению на территории Республики Казахстан 353 религиозной литературы и информационных материалов [7].

«Судебная религиоведческая экспертиза в Казахстане, в том числе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, с 1999 до 2015 годы проводилась в рамках судебной психолого-филологической экспертизы. Учитывая важность данного направления и возрастающую потребность со стороны правоохранительных и специальных органов, с 2015 года судебная религиоведческая экспертиза выделена как самостоятельный вид экспертизы» [1].

Судебно-экспертные религиоведческие исследования могут быть назначены по таким уголовным делам как: «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни» (ст. 174 УК РК); «Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан» (ст. 179 УК РК).

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» были разработаны Правила проведения

444 | религиозной экспертизы, которые определяют порядок проведения религиозной экспертизы [5].

Целью проведения религиозной экспертизы является установление соответствия учредительных документов, а также других документов религиозного содержания, духовных (религиозных) образовательных программ, информационных материалов религиозного содержания и предметов религиозного назначения законодательству Республики Казахстан.

Задачами экспертизы являются:

1) определение принадлежности содержания объекта к конкретному вероучению, оценка содержания объекта на основе представленных религиозным объединением учредительных документов, сведений об основах вероучения и религиозных обрядов;

2) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации (перерегистрации) форм и методов деятельности религиозного объединения ее фактической деятельности;

3) установление соответствия содержания объекта экспертизы нормам Конституции и законодательства Республики Казахстан [5].

При проведении экспертизы могут быть рассмотрены иные вопросы, возникающие при осуществлении государственной регистрации (перерегистрации) и контроля за деятельностью религиозных объединений и требующие экспертной оценки.

Объектами экспертизы являются: учредительные документы религиозных объединений; документы религиозного содержания (содержащие структуру, основы вероучения, религиозную практику, формы и методы религиозной деятельности); духовные (религиозные) образовательные программы; информационные материалы религиозного содержания, религиозная литература и предметы религиозного назначения [6].

Порядок проведения религиозной экспертизы включает в себя:

1) определение принадлежности содержания объекта к конкретному вероучению, исследование на предмет соблюдения аксиологической нейтральности содержания исследуемого объекта, также оценка вероятности негативного влияния религиозных взглядов и культовой практики на последователей учения и других членов общества;

2) рассмотрение объектов экспертизы с учетом вопросов, поставленных уполномоченным органом. При рассмотрении учредительных документов религиозных объединений проводится изучение деятельности религиозных объединений, в том числе форм и методов их фактической деятельности;

3) изучение объекта экспертизы на предмет выявления противоречий нормам Конституции и законодательства Республики Казахстан, также нарушений прав и свобод граждан Республики Казахстан.

В ходе проведения экспертизы эксперт (эксперты, члены экспертной группы):

1) составляет мотивированное, научно обоснованное, объективное и полное экспертное заключение;

2) не разглашает, а также воздерживается от публичной оценки сведений об объекте экспертизы, материалах и информации, представленных для проведения экспертизы.

По итогам экспертизы составляется экспертное заключение, имеющее рекомендательный характер [6].

В экспертном заключении указываются:

– мотивированные, научно обоснованные, объективные и полные ответы на поставленные уполномоченным органом вопросы;

– вывод эксперта, в котором указывается, рекомендован или не рекомендован объект экспертизы к использованию и распространению на территории Республики Казахстан [6].

Ответы эксперта-религиоведа на эти вопросы являются основанием для вывода и заключения о действительном характере информационного материала.

Крайние, радикальные течения есть во всех религиях, соответственно, экспертиза проводится по информационным источникам, принадлежащим различным религиозным направлениям. Вместе с тем, по статистическим данным, в Казахстане большая часть поступающих информационных материалов радикального, экстремистского характера относится к исламской направленности [7].

Чем опасен религиозный радикализм? Религиозный радикализм – это социальный феномен, глубинной сутью которого является бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений на основе религиозных постулатов. Он имеет различные проявления, в частности, радикализм в религии отрицает принцип равенства прав всех людей; раскалывает общество по конфессиональному признаку; возбуждает нетерпимость, фанатизм, ненависть, вражду; провоцирует сепаратизм и анклавизацию радикальных верующих в рамках одного государства, общества, этноса; отвергает национально-культурные традиции, духовно-нравственные ценности; размывает национальную идентичность и патриотизм; подрывает Конституцию, законы, светские принципы устройства государства, государственные символы страны и т. д. В целом религиозный радикализм разрушает личность, семью, общество, государство.

Приобщение к радикальной религиозной идеологии и практике части верующих привело к тому, что они в поисках «справедливой жизни» выехали в Сирию на «джихад». По официальным данным в 2017 году 125 граждан Казахстана были возвращены, либо самостоятельно вернулись из лагерей международных террористических организаций. 57 из них привлечены к уголовной ответственности за участие в террористической деятельности

446 [2]. Всего с начала вооруженного конфликта в Сирии более 800 казахстанцев уехали в эту страну. Примерно 250 женщин и 500 детей находятся до сих пор в Сирии [11]. С начала 2019 года по итогам спецоперации «Жусан» («Полынь») в Казахстан вернулись 357 детей, десятки из них – сироты [8]. Однако еще не всех казахстанцев вернули из Сирии.

Эти и другие факты девиантного поведения людей – результат воздействия радикальной религиозной идеологии на их сознание и поведение. Основой радикальной религиозной идеологии является фундаментализм как идеология возрожденчества. Фундаментализм в исламе призывает возвратиться к первоначальному, «чистому» исламу. Его целью является коренная перестройка основ современной общественной жизни на божественных началах, построение истинного мусульманского государства – халифата. «Привлекательность» радикальной религиозной идеологии в том, что она дает простые ответы на сложные вопросы. Смысл ответов и решений один – во всех проблемах виноваты вероотступники, кафиры, следовательно, их нужно убивать.

Религиозная идеология многофункциональна, она имеет огромную силу воздействия на человека и общество. Религиозная идеология формирует мировоззрение, представление о мире и человеке, их возникновении; придает смысл всему происходящему, интерпретирует мир для людей и их место в нем. В то же время религиозная идеология является эффективным средством мотивации, мобилизации, консолидации верующих, обоснования, оправдания их поступков и поведения. Значимость идеологического фактора подчеркивал К. Маркс, по мнению которого, если идея овладеет массами, то она становится материальной силой [4: 414].

Информационные материалы с признаками религиозного радикализма и экстремизма – это идеологические материалы. Они, по сути, представляют собой «политический язык – средство формирования, функционирования и передачи политической информации... В нем «проявляется система убеждений и ценностей, политическая ориентация проповедника... Необходима расшифровка смысла. Предвзятые оценки часто превалируют над объективным анализом фактов; действительность рассматривается в категориях борьбы, расслоения общества на «своих» и «чужих». Нередко используются приемы унижения противника, апелляции к его личности. Эмоциональные оценки часто превалируют над конструктивным политическим содержанием» [3]. В религиозных текстах «закодирована политическая информация, провоцирование политических действий и управления ими» [12].

Экспертный анализ выявляет политический смысл религиозного экстремизма. Специалисты объясняют, что идеология и практика религиозного экстремизма являются инструментами политики, политизации религии – тенденции по использованию религии отдельными политическими силами в своих интересах. Е.Е. Бурова отмечает: «Экспертный анализ различных

текстов воздействия (не только книг, брошюр, но и текстов прямых воззваний, листовок, материалов аудио и видеодисков с проповедями и служениями) показывает, что они по своему содержанию и назначению представляют систему направленного воздействия на сознание и поведение. Именно экспертное сообщество должно изучать тексты, возможности их воздействия на массовое сознание, экстремизации сознания и поведения. Выявлять тенденции политизации религии. Религиозная идеология политизирована» [10: 120].

Эффективность радикальной идеологической пропаганды заметно возросла с использованием широких возможностей современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих международным террористическим организациям значительно расширить свою аудиторию. Основной канал радикальной религиозной пропаганды агитации – это Интернет и социальные сети. В этой связи «в целях ограждения пользователей Интернет и социальных сетей от влияния пропаганды терроризма проводится мониторинг информационного пространства на предмет соблюдения законодательства Республики Казахстан. В Интернете и социальных сетях заблокировано более 620 тысяч материалов (2015 – 150 тысяч, 2016 – 700 тысяч) с пропагандой терроризма и экстремизма» [2].

Следует отметить, что одна из причин радикализации отечественных неофитов – это их слепое следование проповедям, фетвам зарубежных религиозных ученых-шейхов и при этом отрицание местного духовенства.

Труды салафитских богословов Ахмеда Ханбала, ибн Таймийи, ибн Кайими, Мухаммада Абд аль-Ваххаба, Сейид Кутба, Албани, ибн-База, ибн-Усаймини, аль-Фаузана и других проповедают строгое единобожие, чистый ислам, призывают во имя Аллаха бороться с неверными, вести с ними вооруженный джихад и т. д., в целом трактуют Священное писание буквально, догматически, радикально. Они продвигают иллюзорные идеи, социальные проекты, нацеленные на коренное переустройство общества на религиозных началах, построение халифата. Проповеди и призывы идеологов политического ислама закладывают деструктивные идеи и мысли в сознание верующих, разжигают агрессию, рознь и вражду между людьми, возбуждают протестные настроения, побуждают их к экстремистским действиям, тем самым представляют угрозу безопасности личности, общества, государства.

Итак, роль религиоведческой экспертизы в вопросах изучения религиозной ситуации в стране, уровня и характера религиозности населения, противодействия религиозному экстремизму, принятии обоснованных государственных решений, безусловно, имеет большую значимость. Вместе с тем институт религиоведческой экспертизы требует дальнейшего совершенствования. Для повышения качества и эффективности религиоведческой экспертизы необходимо принятие комплекса мер, в том числе:

– проведение постоянного мониторинга религиозной ситуации в стране;

- 448 | – проведение постоянного мониторинга интернет ресурсов религиозных объединений;
- информирование, религиозное просвещение и образование населения;
 - повышение качества подготовки специалистов–религиоведов в вузах;
 - непрерывное повышение квалификации экспертов–религиоведов;
 - активизация междисциплинарных связей в экспертном анализе экстремистского дискурса;
 - совершенствование нормативно-правовой базы экспертизы;
 - составление религиозного словаря теологических терминов, используемых верующими разных конфессий;
 - развитие солидарной ответственности, активизация партнерства государства и гражданского сектора в экспертизе экстремистского дискурса;
 - учитывая общность исторических, духовно-культурных связей, проблем и угроз, связанных с религиозным экстремизмом, необходимо развивать международное сотрудничество в области религиозной экспертизы на пространстве ЕАЭС;
 - создание единого центра подготовки повышения квалификации экспертов–религиоведов стран ЕАЭС.

Литература

1. Актуальные вопросы религиозной экспертизы. – URL: <http://mediaovd.kz/ru/?p=8732>. 05.06.2015.
2. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы/ – URL: <http://www.knb.kz/ru/article/ob-utverzdenii-gosudarstvennoi-programmy-po-protivodeistviu-religioznomu-ekstremizmu-i>.
3. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2010. – URL: <http://wiki.1vc0.ru/enciklopediya/politicheskij-yazyk.html>.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Собрание соч. Введение / Маркс К., Энгельс Ф. Т. 1. С. 414.
5. Об утверждении Правил проведения религиозной экспертизы и о признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан. Постановление Правительства Республики Казахстан. Астана, Укімет Үйі от 7 февраля 2012 года, № 209.
6. Об утверждении Правил проведения религиозной экспертизы от 30 декабря 2014 года. – URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/kultupa/id-V1400010184/.
7. Список религиозной литературы и информационных материалов, признанных экстремистскими и запрещенных к ввозу, изданию и распространению на территории РК. – URL: <http://pravstat.prokuror.kz>.

8. Стали известны подробности спецоперации «Жусан-3» о возвращении казахстанцев из Сирии. – URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/91312-opublikovano-video-spetsoperatsii-zhusan-3-o-vozvrashchenii-kazakhstanstsev-iz-sirii>. 31.05.2019.

9. Сунгуров А.Ю. Эксперты и экспертиза в России: от «объективного прибора» к активному гражданину // *Общественные науки и современность*. 2018. № 5. С. 61–72.

10. Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения). Монография / Е.Е. Бурова. Алма-Ата: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 200 с.

11. Что известно о возвращении десятков казахстанцев из Сирии? – URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-syria-return/29699493.html>.

12. Язык политики. Политология. Словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/268/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA>.

G. Zh. Jumanova

SOME ISSUES OF RELIGIOUS EXPERTISE OF EXTREMIST DISCOURSE

Abstract: The article is devoted to religious expertise – a motivated conclusion of the religious expert on the availability of religious content in the information material of extremist ideas. Expert opinion is the basis for making a decision on the distribution of religious literature, registration of religious associations, etc.

Keywords: religious expertise, religious radicalism and extremism, religious ideology, religious discord and enmity.

ФАКТОРЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются признаки религиозного дискурса, которые необходимо учитывать при экспертном анализе текста: признание своего бога и религии истинными, вытекающая из этого антитеза и наличие негативных оценок, апокалиптические и эсхатологические идеи, своя образная система.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, религиозный дискурс, экстремизм, оскорбление чувств верующих, угроза, дискурсивный анализ.

В современной лингвоэкспертной практике актуализировались вопросы, связанные с исследованием религиозных текстов. Они становятся объектом изучения при выяснении наличия/отсутствия признаков экстремизма [2, 5, 7, 8, 10], оскорбления чувств верующих и даже угрозы [14]. В последние два десятилетия в рамках когнитивной и коммуникативной лингвистики появились работы, исследующие ранее игнорируемую филологией сферу – религиозный дискурс [3, 4, 16], но научные результаты в обозначенном направлении оказалось методически не так просто применить в лингвистической экспертизе спорного текста, поскольку лингвоэкспертологии, по своей природе склоняющейся к классификациям и квалификациям, типологиям и противопоставлениям, информация в описательной форме еще не дает в руки методического инструментария.

Теория лингвистической экспертизы также не обходит стороной проблемы анализа текстов религиозной тематики [2; 5; 9], однако обзор экспертной практики показывает неослабевающую конфликтность интерпретаций, доходящую до антитетичности и свидетельствующую о недостаточной методической оснащенности лингвоэкспертологии для решения обозначенных задач и о потребности в дальнейшем диалоге, репликой в котором является и представленная статья.

Конфликт экспертных интерпретаций религиозного текста. Прежде всего обозначим, как представляется, две основные причины конфликта интерпретаций религиозного текста.

1. Отчасти он обусловлен постановкой перед экспертом вопросов, требующих не столько рассмотрения языковых фактов, сколько квалификации

речевого деяния, которое «имеет оценочное, но не дескриптивное значение» [5: 8]. К числу таких вопросов относится, например, такой: «Оскорбляет ли содержание текста религиозные чувства православных?»

2. Вторая же, не менее значимая причина расхождения в выводах по итогам рассмотрения текста религиозной тематики – различие в концепции экспертного подхода. Один взгляд – узко лингвистический, при котором лингвист видит свою компетенцию в определении значения слов и грамматических конструкций, на чем и базируется вывод. Другая позиция основана на представлении о служебном характере значений языковых единиц по отношению к выражаемым смыслам. Такой концептуальный взгляд предполагает включение в границы компетенции лингвиста-эксперта тех фоновых общекультурных знаний, которые позволят не только по словарям и справочникам определить значение слова или конструкции, но и увидеть отражение в исследуемом текстовом материале динамических языковых процессов и – что в аспекте рассматриваемой темы наиболее важно – наложить конкретный текст на дискурсивную практику, его породившую и в ее нише функционирующую и воспринимаемую реципиентами.

Известная дихотомия значение/смысл преломляется в экспертной практике конфликтом узкого и широкого представления о границах компетенции лингвиста. Первое представляется формальным и не ведущим к раскрытию главного вопроса, ради которого осуществляется лингвистическая экспертиза: какая информация (денотативная и коннотативная) сообщена текстом и какой коммуникативный эффект она произвела? Ведь нельзя не признать, что искомые категории *превосходство*, *неполноценность*, *угрозы* [14], *унижение*, *оскорбление* – сущности дуальные, возникающие в результате воздействия объекта А (текст) на объект Б (реципиент). Следовательно, и изучение наличия/отсутствия этих категорий и характера их проявления должно осуществляться с учетом этой дуальности, а не ограничиваться объектом А. Каким же образом изучать объект Б? Как определить закономерный, кодируемый и декодируемый эффект речевого воздействия, производимого объектом А? Не претендуя на полноту ответа, допуская другие аспекты, назовем тот, который представляется главным в свете решения поставленной задачи: при помощи анализа текста в дискурсе – сложившейся в тематической нише системе когнитивных, стилистических, эмотивно-психологических моделей речетворчества и речевосприятия.

Дискурс в аспекте экспертного анализа. Многозначность понятия *дискурс* требует пояснить его понимание в контексте настоящего материала. Вслед за В.И. Карасиком понимаем под дискурсом «стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах» [11: 192]. В свете обсуждаемых вопросов важен такой признак дискурса, как двойственная природа: «Дискурс имеет два плана – собственно лингви-

452 | стический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порождённых текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [12: 200–201]. В контексте судебного исследования текста важно также, что дискурс – это «коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [1: 104], «своеобразное семантическое единство языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации, это социальная деятельность людей, в которой ведущая роль принадлежит когнитивным пространствам общающихся» [1: 101–102]. Значимым в настоящем контексте оказывается акцент на социокультурном характере дискурса как экстралингвистическом факторе порождения речевого произведения, а также признание типизации форм организации и интерпретации текстов в рамках дискурса: «Дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его (дискурса) специфику» [13; 58]. Необходимым признаком дискурса в избранном аспекте понятия является его отраженность в корпусе текстов, объединенных концептуальным и прагматилистическим своеобразием: дискурс как «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов». [15: 12–13].

Таким образом, при экспертном анализе текста вообще, религиозного текста в частности речь идет о дискурсе как совокупности текстов, объединенных стереотипами порождения и восприятия, социально и культурно обусловленных, объединенных тематической, жанровой типологией, ментальными и стилистическими моделями – любыми внутренними типажам, группирующими корпус текстов и дифференцирующими его от других групп текстов. Дискурсивный анализ в аспекте экспертного анализа религиозного текста – рассмотрение спорного произведения речи на фоне дискурса, которому оно принадлежит, то есть с учетом той текстовой среды, которая определяет традицию выражения смыслов.

Специфика религиозного дискурса. Тексты политического, спортивного, рекламного и др. дискурсов обладают самостоятельным набором жанров, приемов воздействия, моделей коммуникации, эмотивных реакций, типовых образов. И все-таки по масштабу системности и концептуальности они не могут сравниться с дискурсом религиозным. Тексты религиозного содержания объединены не только формами и средствами выражения смы-

слов, но и самими смыслами. Они выражают определенную идеологию как комплекс мировоззренческой системы и житейской практики, охватывающий все стороны жизни человека и регламентирующий ее во всем: от картины мироздания и системы нравственных ценностей до ритуалов, обрядов, питания и внешнего облика.

Для религиозных текстов характерны следующие признаки: выражение представления о Боге(ах) (какое бы название ему ни давали) как о единственной высшей силе, достойной поклонения; описание картины мироустройства, истории возникновения мироздания, Земли, человечества, социальных страт; демонстрация целостного мировоззрения, системы нравственных и бытовых правил жизни: запретительных и разрешительных норм в области мышления, эмоций, труда, поведения в социуме и семье; позиционирование идеологической системы своей религии как правильной; направленность на вовлечение новых адептов: побуждение присоединиться к проповедуемой идеологической системе, то есть религии; представление о жизни после смерти, о бренности тела и вечности души (различающиеся формами реализации в религиях, но имеющие место как факт); антитезы Бог – Дьявол, праведник – нечестивый, верующий – неверующий, отражающие следование или отказ от следования заповедям религии.

Перечисленные признаки с небольшими колебаниями объединяют тексты, созданные представителями разных религиозных конфессий. Реализация общих положений различается, хотя в ряде норм нравственного и социального характера совпадает, по-видимому, в силу этической оправданности и практической целесообразности. И все же каждая религия наполняет конкретикой универсальные параметры интерконфессиональной матрицы, представляя СВОЮ систему норм. И эта система воспринимается адептами как истинная и единственно достойная следования, что и отражается в создаваемых текстах.

Дискурсивные факторы в лингвистической экспертизе

Из многочисленных признаков религиозного дискурса выделим те пять, которые влияют на выводы лингвистической экспертизы в процессах по экстремизму, оскорблению чувств верующих, угрозе. Указывая дискурсивный фактор, опишем и его проекцию на экспертный результат.

Дискурсивный фактор № 1 – почитание своего бога как единственно-го истинного, чужих богов – ложными. Составной частью религиозного мировосприятия является поклонение высшей силе, которая воплощает создателя и судию, вершителя судеб, источник сведений о мире и житейских норм и правил поведения. Эта высшая сила обобщенно называется Богом, но в каждой религии приобретает свое имя. Для религиозного дискурса характерно утверждение истинности именно своего Бога и ложности богов иных религий: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинно-

454 | го Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Евангелие от Иоанна 17: 3) «Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему. Он твердыня; совершенны дела его, и все пути его праведны; Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (Второзаконие 32: 3, 4) «Богами чуждыми они раздражали Его и мерзостями разгневали Его: приносили жертвы бесам, а не Богу, богам, которых они не знали, новым, которые пришли от соседей и о которых не помышляли отцы ваши» (Второзаконие, 32: 16, 17).

Рассмотрим фрагмент, вызвавший конфликт интерпретаций: «А в одном только индуизме миллионы богов... есть буддисты, иудеи, даосисты, католики, конфуционисты, мусульмане, протестанты, синтаисты. Если говорить об Африке и Азии, то там, например, силам природы воздают почтение, животным, растениям, вот, каким-то предметам. Или, например, сотни миллионов людей поклоняются изображениям. Но возникает вопрос: есть ли живое существо или живой Бог, который достоин поклонения?» Вывод о выражении идеи о превосходстве группы лиц, поклоняющихся Х над теми, кто ему не поклоняется, ведущий к признанию текста экстремистским, представляется неверным. Приоритет идей не тождествен приоритету людей. Учет рассматриваемого дискурсивного фактора № 1 позволил бы избежать сдвига смыслов с характеристики идей (Бог) на характеристику людей (группа лиц) и гиперболы (обозначение нравственного выбора – превосходство/неполноценность).

Дискурсивный фактор № 2 – антитеза: сравнение своей религии с другой(ими) и приоритет первой. Наличие любой глубокой убежденности в верности какой-либо идеи предполагает осмысление ее как лучшей, превосходящей другие, относящиеся к той же сфере. Любая идеология, особенно религиозная, позиционируется как правильная. Утверждение одних истин заведомо предполагает, что иной взгляд на те же проблемы правильным быть не может. Однако несовпадение в идеях не означают враждебности по отношению к людям, их выражающих. Выражение убежденности в верности религии не то же самое, что утверждение превосходства или неполноценности групп людей. Мыслить иначе – не значит оскорбить чужие чувства. Теософские дискуссии могут быть корректными и некорректными. Лингво-экспертному сообществу предстоит выработать способы дифференциации языковых и текстовых средств религиозной самоидентификации и агрессии.

Дискурсивный фактор № 3 – естественное следствие из факторов № 1 и № 2: не только разрешительные, но и запретительные нормы; не только поощрение, но и порицание, не только позитив, но и негатив. Проявлением названного признака религиозного дискурса являются негативные оценки, которые в религиозных текстах характеризуют то, что не соответствует выражаемой идеологии и всех тех, кто не следует установлениям религии. Вера – благо, безверие – грех, верующий спасется и попадет в рай, а неверую-

щий погрязнет в грехах и окажется в аду, следующий данной религии будет услышан и поддержан Богом (Аллахом), а не следующий (то есть следующий другой религии или атеист) останется один и Бог его покарает. Как эксперт может учитывать данный дискурсивный фактор при анализе религиозного текста? Не отождествлять негатив и возбуждение ненависти и вражды, а также не клеймить естественное религиозное проявление ценностных установок как утверждение превосходства одних и неполноценности других.

Как бы ни стремилась теория лингвистической экспертизы обеспечить практику четким инструментом анализа для категоричного ответа на вопрос, в связи с рассматриваемым фактором мы должны вспомнить две вещи. Во-первых, лингвистика и филология – гуманитарные дисциплины, а раздел семантика – антипод точного знания. Во-вторых, в природе и культуре, описанных и точными, и неточными науками, не все явления действительности дуальны (день – ночь, мужчина – женщина, было – не было), преобладающая их часть градуальна (температура, влажность, проявления негатива и позитива).

Возможны возражения: и что с этой градуальностью делать при производстве экспертизы? В чем измерять? В «негативах»? Полный ответ на вопрос дать не представляется возможным, но руководство к экспертной практике видится таким: не дифференцировать, а описывать; оперировать не категориями наличие/отсутствие негативных оценок, а категориями «мера и степень» и «характер проявления». При таком подходе свойственная религиозному дискурсу название неверующих *нечестивыми* или *грешниками* характеризуется как выражение ценностных установок. Негативные коннотации присутствуют, но по своему характеру они отражают представления о правильном и неправильном, а по мере экспрессии не являются проявлением речевой агрессии.

Следующий фрагмент проповеди: «X (имя Бога) наделил свободой воли, и люди вправе сами выбирать: выбирать, оставаться им среди нечестивых или как-то... принять предложение от X», – отнесен экспертом к «выражающим негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии». [6: 35, 41]. Тема выбора между верой и безверием, праведностью и греховностью – одна из ключевых в религиозном дискурсе. Поскольку любая религия представляет свою систему жизненных ценностей, следование ей приветствуется, а нарушение ее постулатов порицается. Все, что согласуется с идеологией той или иной религии, называется следованием Богу, а отступление – уступка Дьяволу: *Нечестивые же, как умствовали, так и понесут наказание за то, что презрели праведного и отступили от Господа.* (Библия в синодальном переводе, Прем. 3, 10) *В надмении своём нечестивый пренебрегает Господа: «не взыщет»; во всех помыслах его: «нет Бога!»* (Библия в синодальном переводе, Пс. 9, 25) В рассматриваемом фрагменте выражается традиционная религиозная идея: каждый выбирает, присоединиться ему к Богу или не принять его истину. Библия неоднократно выражает идею о том, что выбор

456 | в пользу Бога – праведный, а отказ от предлагаемых им истин – греховный: *Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.* (Библия в синодальном переводе, Втор. 30, 15) Само понятие греховности, нечестивости связано в религиозном дискурсе с соблюдением/несоблюдением норм идеологии и практики данной религии. Но каких-либо негативных оценок людей по признаку отношения к религии представленный фрагмент не содержит, если, конечно, не считать грешников группой людей, негативная оценка которых может быть рассмотрена в рамках законодательства об экстремизме.

Неправомерно отождествлять частное суждение, содержащее негативные коннотации, с собственно выражением негатива, а уж тем более ненависти и вражды, по отношению к группе лиц, объединенной на основании какого-либо признака. Художественные, публицистические, бытовые тексты содержат немалое количество негативных отдельных высказываний в адрес учителей, врачей, депутатов, правительства, правоохранительных органов. Религиозные люди осуждают неверующих, атеисты – верующих. Существенным является не столько факт негатива, а качество этого негатива, его накал, социальная значимость, проекция на действенную сферу.

Приведем примеры высказываний, содержащих негативные коннотации. Высказывания великих людей об интеллигенции (группе лиц, объединенных по социальному статусу): *Интеллигенция есть ругательное слово* (Владимир Маяковский). *Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность ему* (Пётр Струве). Высказывания великих людей, негативно оценивающих религию, религиозное мировосприятие и верующих (группу лиц, объединенных на основании отношения к религии): *Чем ограниченнее кругозор человека, чем меньше он знаком с историей, природой и философией, тем искреннее его привязанность к своей религии* (Людвиг Фейербах). *Философы говорят много дурного о духовных лицах, духовные лица говорят много дурного о философах; но философы никогда не убивали духовных лиц, а духовенство убило немало философов* (Дени Дидро). *Все без исключения религии проникнуты фанатизмом и удовлетворяют его потоками человеческой крови* (Клод Гельвеций). *Религии — все до одной — нелепы: их мораль рассчитана на детей, их обещания эгоистичны и чудовищно глупы* (Мопассан). В то же время существует другая картина мира: видение веры как единственного способа духовного существования. В Библии как идеологическом документе христианства содержатся высказывания, выражающие неравенство верующих и неверующих, приоритет первых над вторыми, неполноценность тех, кто не придерживается представляемых Библией ценностей: 2 Коринфянам 4: 3, 4: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего слепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога». Благая весть отдает суду систему вещей сатаны.

Поддерживающие ее погибнут, потому что они «не покоряются благовестованию Господа нашего Иисуса Христа» (2 Фес. 1: 8). Человек, не верующий в Бога, называется безумцем, следовательно, к нему выражается отрицательное отношение: Псалом 13:1 «Сказал безумец в сердце своем: 'нет Бога'». Как видим, любая идеологическая позиция предполагает несогласие с другой идеологической платформой и так или иначе несет в себе негативную оценку чуждого ей мировоззрения.

Однако осуждение, инакомыслие как формы проявления негатива не обладают той экспрессией и социальной значимостью, которые формируют ненависть и вражду. В контексте вопроса о признании высказывания экстремистским определение негатива должно учитывать характер, меру степень, направленность [7] негатива.

Дискурсивный фактор № 4 – эсхатологические идеи и, как следствие, «угроза» грешникам. Религиозный дискурс ведущих мировых религий содержит апокалиптические идеи – представление о конце мира, о суде, через который пройдет душа каждого человека после физической смерти тела. Согласно различным верованиям, образ жизни человека, соблюдение им норм и правил соответствующей религиозной культуры определяют характер его жизни после смерти. Культовые тексты мировых религий содержат концепты «наказание», «расплата». Но речь идет не о наказании, которое планирует осуществить автор текста, а о наказании со стороны высших сил – Бога.

Рассмотрим спорный фрагмент: «Неужели этот мир, эти нечестивые люди, они так и будут поступать все хуже и хуже, процветать, и никогда это не закончится? Ну конечно же, нет. Скоро Бог избавит свой народ от этого безбожного мира». Без учета специфики религиозного дискурса текст трактуется как угроза. Включение в дискурсивную традицию дает иной результат. Согласно современным монорелигиям, в частности христианству, рано или поздно грехи человечества приведут его к концу света – апокалипсису. В подозреваемом в экстремизме фрагменте не выражаются никакие оригинальные идеи: о греховности людей; об усилении «нечестивости» (накоплении грехов) этим миром; о грядущем Апокалипсисе и Страшном Суде, в результате которого нечестивым будет уготована одна участь, а праведным – другая. Разделение людей на грешников и праведников характерно для религиозных текстов, при этом следует учитывать, что такое деление не является группировкой людей по религиозному признаку, поскольку 1) в основе деления лежит нравственно-этический критерий; 2) критерий не является конкретным и потому не сталкивает определенные группы людей различного вероисповедания; 3) деление на грешников и праведников лежит в основе религиозного мировосприятия и неотделимо от него: «Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет» (Прит. 3, 33). Таким образом, в предложении отсутствует негативная оценка

458 | группы лиц по отношению к религии и тем более угроза [10] со стороны говорящего. Согласно постулатам христианства, неизбежен Апокалипсис и оценка Богом людей по их делам.

В следующем тексте: «Нечестивые будут уничтожены, и подтверждением тому служит двадцать третий стих: «Их злонамеренность он обратит на них, и повергнет их в безмолвие их же злодейством», – предикат первого предложения не содержит призыв совершить насилие над нечестивыми. Речь идет о каре высших сил, а не о действиях людей.

В аспекте судебного лингвистического исследования дискурсивный фактор религиозного дискурса № 3 – эсхатологические, апокалиптические идеи – значим для дифференциации угроз, адресуемых одним лицом(ами) другому(им), и выражения убежденности в каре, которая помимо воли людей обрушится на грешников, которые, стоит отметить, не образуют целостную группу людей, выделенную на основаниях, указанных в законодательстве.

Дискурсивный фактор № 5 – собственная образная система, игнорирование которой приводит как минимум к прямолинейным или гиперболизированным, а как максимум к искаженным трактовкам смысла. Религиозный дискурс обладает собственной образной системой, понимание/непонимание которой определяет результат интерпретаций. Так, в религиозных текстах активно используются метафоры самантического поля «война»: *воевать, война, бороться, борьба, сражаться, сражение, победить, победа, битва*. Необходимо раскрыть метафорический образ и выяснить, идет ли в тексте речь о физической борьбе или же о духовной (*убить порок в себе, победить дьяволов в душе*).

Зоометафоры именуют в религиозном дискурсе принадлежащих и не принадлежащих конфессии. Так, в Библии овцами называется праведная паства, а козлами иноверцы: *Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую* (От Матфея 25: 31–33). Слово *козел* не выражает в религиозном тексте бранных коннотаций оскорбительного характера, хотя негативную оценку, безусловно, несет.

Фрагмент: «Можно сказать, что сегодня почти каждый человек испытывает какой-либо страх. Люди хотят чувствовать защиту, хотят быть защищенными, но, увы, в этом мире человек не может дать защиту другому человеку», – согласно выводам эксперта, содержит негативную оценку группы лиц на основании отношения к религии. «..объектом негативной оценки является группа лиц, объединенная по признаку отношения к религии, названная как «этот мир», «этот безбожный мир» [6: 35]. Тезис автора экспертизы о том, что *мир* – это обозначение лиц по религиозному признаку, не опирается на дискурсивную

образную систему. В исследуемых экспертом текстах слово *мир* обозначает не группу лиц «не исповедующие религию X», а совокупность факторов внешней жизни. В высказывании выражается философская мысль о психологическом состоянии отдельного человека в современном мире, о его незащищенности перед жизнью во всех ее проявлениях. Идея незащищенности человека в мире людей – одна из основных в мировоззренческих концепциях различных религий. В настоящем фрагменте отсутствует дифференциация людей по какому-либо признаку, никакая группа никакой другой не противопоставлена, негативное отношение ни к одному человеку, ни к группе лиц не выражается. Констатируется факт незащищенности человека перед силами, которые сильнее его.

Таким образом, очевидно, что без учета языка религиозных текстов интерпретации слов, выражений и целых фрагментов в них будут необъективными.

Выводы. Понимание значимости перечисленных особенностей религиозного дискурса и вытекающих из них особенностей экспертного анализа, включение исследуемых текстов в дискурсивный контекст позволит отличить выражение мировоззренческих идей в дискурсивной традиции от социально-политических установок. Дискурсивная специфика религиозного текста должна учитываться при экспертном анализе. Регулярные показатели религиозной коммуникации, являющиеся ее неотъемлемой частью, обусловленные самой природой религии, следует отличать от признаков конфликтных текстов, попадающих под правовые запреты. Включение исследуемого текста в дискурсивное окружение позволяет определить его место в корпусе по различным параметрам, «градус» и «угол» проявления тех факторов, наличие которых естественно, но проявление вариативно. Дискурс есть код для кодирования и декодирования информации, а потому без него выявление смыслов о превосходстве/неполноценности, исключительности, угрозе, унижении и др. эмотивных и психологически мотивированных посылов не может быть осуществлено.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Бобырева, Е.В. Место религиозного дискурса в типологии дискурсов // Единицы языка и их функционирование. Саратов: Научная книга, 2003. С. 218–223.
4. Бобырева Е.В. Жизнь и смерть в единой ценностной картине религиозного дискурса // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл. Томск, 2006. С. 178–181.
5. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7–13.

- 460 | 6. Заключение эксперта Рыжиковой С.С. ЭКЦ УМВД России по Орловской обл. № 2210 от 17 октября 2017 г.
7. Иваненко Г.С. Направленность речевого воздействия: аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 4 (22). В 2 ч. Ч. 1. 2013. С. 65–68.
8. Иваненко Г.С. Анализ формы речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 4 (22): В 2 ч. Ч. 2. 2013. С. 82–87.
9. Иваненко Г.С. Религиозный дискурс: проблемы лингвистической экспертизы // Religion – science – society: problems and prospects of interaction Materials of the VII international scientific conference. 2017. С. 12–14.
10. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 200–203.
11. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Сборник трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
12. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
13. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. С. 48–61.
14. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 498.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
16. Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 614.

G. S. Ivanenko

FACTORS OF THE DISCOURSE ANALYSIS OF RELIGIOUS TEXT

Abstract: The article deals with the features of religious discourse, which should be taken into account in the expert analysis of the text on cases of extremism, insulting the feelings of believers, the threat: the recognition of their God and religion as true, the ensuing antithesis and the presence of negative assessments, apocalyptic and eschatological ideas, its own image system.

Keywords: linguistic expertise, religious discourse, extremism, insulting the feelings of believers, threat, discourse analysis.

ДИСКРИМИНАЦИЯ ГРАЖДАН В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье проанализированы рекламные тексты, содержащие дискриминацию граждан. Использование в рекламе иностранных слов и выражений, сочетания русской и иноязычной лексики, непристойных и неприличных выражений приводит к нарушению прав граждан и оскорбляет их честь и достоинство.

Ключевые слова: дискриминация граждан, права человека, средства массовой информации, рекламный текст, рекламодатель, рекламопотребитель.

Современное российское государство ставит перед собой приоритетную задачу по обеспечению реализации интересов граждан посредством создания определенных взаимоотношений между индивидом, обществом и государством. Права человека определяют минимальные условия по сохранению человеческого достоинства и жизни и составляют нормы морали, принадлежащие людям вне зависимости от различий по расовому, национальному или социальному признаку.

Права человека должны быть гарантированы действующим государственным и национальным законодательством и предоставляться каждому индивиду. Права гражданина – это охраняемые законом меры юридически возможного поведения, удовлетворяющие интересы только человека, находящегося в устойчивой правовой связи с конкретным государством.

Значительный рост влияния средств массовой информации на жизнь современного общества ставит перед исследователями-лингвистами актуальную задачу изучения широкого круга лингвоюридических проблем в рекламном тексте, связанных с соблюдением прав граждан, закрепленных в законодательстве. В зависимости от содержания различают гражданские (или личные), политические, экономические, социальные и культурные права. Нарушение перечисленных прав человека и гражданина приводит к дискриминации. Различают дискриминацию граждан по принадлежности к полу, расе, национальности. Поводом для дискриминации личности может стать цвет кожи, язык, происхождение, имущественное, семейное, социальное и должностное положение, возраст, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность/непринадлежность к общественным объединениям или каким-либо социальным группам.

462 | В настоящее время в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) прописан ряд правонарушений в рекламной сфере деятельности [2].

Особый интерес для нас представляют случаи нарушения гражданских прав в рекламном тексте, связанные с дискриминацией граждан по использованию государственного языка.

Конституцией РФ русский язык закреплен в статусе государственно-го [1]. Выполнение русским языком важнейшей интеграционной функции в сфере политической, социальной и культурной жизни страны составляет коммуникационную основу целостности и единства Российской Федерации. Исходя из данного положения, русский язык повсеместно распространен и обязателен к использованию гражданами Российской Федерации во всех государственных сферах, в том числе в средствах массовой информации, рекламирующих товары и услуги.

Согласно ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» недопустимо использование слов и выражений иноязычного происхождения. Исключение составляют случаи употребления заимствованных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке [3].

Рекламирование лекарственного препарата Tylenol с английским комментарием Cet back to normal может привести к затрудненному восприятию или непониманию содержания рекламного текста россиянами, не владеющими этим языком, что дискриминирует их право получать информацию на понятном для них государственном языке.

В поисковой системе Google рекламный текст «Tylenol Cet back to normal» переводится как «тиленол вернул к норме». Однако указание на то, что это лекарственный препарат отсутствует.

В поисковой системе для переводов в контексте Reverso Context выражение «Tylenol Cet back to normal» отсутствует, а выражение «back to normal» имеет следующие значения – *стало, как раньше; встанет на свои места; подождать, пока все утрясется; вернется к привычному; стать собой; в нормальности, вернуться в нормальное русло, возвращается на круги своя,*

вернется к нормальной жизни, возвращение к норме и т.д. Приведенные переводы даны исходя из контекстов, не имеющих отношения к таблетированному лекарственному препарату «Tylenol».

Действующим веществом лекарства является парацетамол. Tylenol рекомендуют при умеренном и выраженном болевом синдроме при невралгии, головных болях разного характера, артралгии, миалгии, мигрени, зубной боли, лихорадке, вызванной инфекционными патологиями. Изображение не только не дает полного представления о спектре действия лекарственного препарата, но и вызывает вопрос: что за товар рекламируется? Отсутствие перевода содержания данного рекламного текста на русский язык является административным правонарушением.

В соответствии с частью 6 статьи 1 ФЗ «О государственном языке в Российской Федерации» функционирование русского языка как государственного ставит под запрет употребление слов и выражений, нарушающих действующие языковые нормы [3]. Использование в рекламных текстах заимствованной лексики может быть рассмотрено как такого рода нарушение ввиду восприятия содержания информации рекламного текста в неполном или искаженном виде. Прежде всего, это связано с тем, что рекламопотребители относятся к разным слоям общества, имеют разный социальный статус и образование и относятся к разным возрастным категориям.

В последнее время для привлечения потребителей российские рекламодатели применяют в рекламе сочетание русских и иностранных слов.

В такого рода выражениях представлено нарушение, прежде всего, языковых норм и традиций и, как правило, этических требований. Сочетание исконно русского слова «блин» с английским словом «street» может быть воспринято неоднозначно. Безусловно, перевод с английского слова «street» не вызывает сомнений: всем известно, что это «улица». Однако правильное толкование содержания выражения «Блин Street» вызывает некоторые трудности. С одной стороны, если это название заведения общественного питания, специализирующегося на изготовлении и последующей реализации блинов, то в тексте явное нарушение орфографических норм русского языка. С другой стороны, выражение можно трактовать, как именование улицы, где продают блины. В этом случае следует обратить внимание на несоблюдение

464 | ние норм употребления уже для обоих языков. Также возможно толкование слова «блин» как слово-паразит или как цензурная версия всем известного ругательства. В этом случае для читающих текст сочетание «Блин Street» приобретает оскорбительный характер. Как видим, в данном рекламном тексте представлены нарушения различного рода, что в целом искажает нормы русского и английского языка, приводит к безграмотному владению сразу двумя языками и неуважению к русской языковой и культурной традиции.

В Федеральном законе «О рекламе» прописан запрет на использование в рекламном тексте нецензурной лексики, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений [4]. Во многих случаях предосудительность и недопустимость использования тех или иных слов и выражений ввиду неприличия или способности причинить обиду или оскорбление не вызывает сомнений и, как правило, не требует специальных знаний [6: 112].

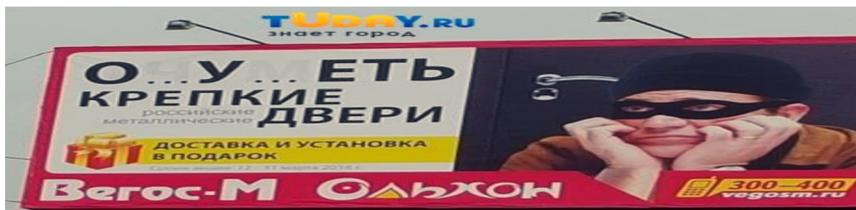
Примером нарушения этого требования может послужить реклама, пропагандирующая здоровый образ жизни, в которой, однако, представлены непристойные выражения, унижающие честь и достоинство граждан.

Исследователь М.Т. Дьячок указывает, что слово «чмо» не является составляющей словарного состава русского литературного языка и стоит за его пределами, являясь просторечным словом [5: 55]. Слово «чмо» воспринимается как оскорбление. Это морально и физически опустившийся человек. В армейском жаргоне так называют военнослужащего, не соблюдающего нормы солдатского быта. В ряду однородных членов предложения слово «чмо» в сочетании со словом «полудурок» (глуповатый, придурковатый человек) обозначает человека, не соблюдающего социокультурные нормы поведения. Человек, бросающий окурки из автомобиля, подвергает опасности других людей. Такое поведение, несомненно, расценивается как нарушение общественных норм. Однако это никому не дает права оскорблять курящих водителей и пассажиров. Деяния такого рода должны быть оценены соответствующими законами действующего законодательства.

Таким образом, рассматриваемый рекламный текст содержит обценное (нецензурное, непристойное) выражение, ущемляющее права граждан и оскорбляющее их честь и достоинство.

Следует также обратить внимание на случаи привлечения внимания потребителей к рекламному материалу с использованием острых выражений, основанных на непристойном подтекстовом значении (ассоциации), однозначно идентифицируемым русским языковым сознанием [7: 56]. Такого рода реклама является ненадлежащей, произведенной с нарушением требований закона «О рекламе». Нижеприведенные рекламные тексты непристойного содержания воспринимаются как содержащие оскорбление.

Представленные к анализу примеры содержат инвективную лексику, которая легко узнаваема гражданами. Пунктуационный знак многоточие или звездочки вместо пропущенных или нечетко прописанных букв традиционно маскируют бранные нецензурные слова.

Немаловажное значение для восприятия рекламного текста имеет вопрос соотношения изображений и слов. В этих случаях оскорбление обретает субъективно-оценочный характер индивидуального восприятия информации с учетом личностных характеристик субъекта, таких как возраст, образование, воспитание, семейные устои, место проживания и др.

Содержание нижеприведенного рекламного текста с использованием изображения молодой привлекательной особы позволяет распознать прием амфиболии, логической ошибки, основанной на двусмысленности, в завуалированной форме содержащей вульгарное значение.

В данном рекламном тексте представлено нарушение тождества семантики словосочетания ввиду одновременной реализации двух разных значений, что придает тексту иное содержание и в сочетании со зрительным образом формирует у потребителя определенное негативное восприятие.

Изображение животного класса ракообразных и его именование словоформой «раком» в сочетании со словом «хочешь» и образом сексапильной девушки подразумевает реализацию значения «определенная сексуальная позиция». Завуалированная речевая форма рекламного текста содержит нарушение запрета на использование непристойных образов в рекламе, чем ущемляет гражданские права человека.

Таким образом, анализ содержательной стороны приведенных рекламных текстов указывает на значительные нарушения в отношении прав российских граждан. Современная реклама должна соответствовать требованиям действующего законодательства и исключать случаи использования языковых средств и изображений, которые могут привести к искажению смысла информации, ввести в заблуждение потребителей рекламы или дискриминировать граждан в их правах.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.07.2019).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.07.2019).
3. О государственном языке Российской Федерации: ФЗ [принят Гос. думой 01.06.2005] [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.07.2019).

4. О рекламе: ФЗ [принят Гос. думой 13.03.2006] [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.07.2019).

5. Дьячок М.Т. Современное русское языкознание и лингводидактика // сб. научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. 2007. Вып. 2. С. 55–59.

6. Колмакова В.В., Шалков Д.Ю. Проблема установления границ языкового оскорбления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). В 4 ч. Ч. 1. С. 111–113.

7. Серебрякова А.В. Дискриминация прав человека в сфере культуры. Сексизм // сб. материалов Всероссийского конкурса эссе «Права человека и дискриминация: Культура». 2014. Вып. 6. С. 54–58.

V. V. Kolmakova

DISCRIMINATION OF CITIZENS IN ADVERTISING TEXT

Abstract: The article analyzes the advertising texts containing the discrimination of citizens. The use of foreign words and expressions in advertising, a combination of Russian and foreign language vocabulary, obscene and indecent expressions leads to a violation of the rights of citizens and offends their honor and dignity.

Keywords: discrimination of citizens, human rights, mass media, advertising text, advertiser, advertising consumer.

ЗАКОН 30-ФЗ В КОНТЕКСТЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ФЕЙКОВЫХ ДАННЫХ»¹²

Аннотация. В статье рассматриваются базовые типы т. н. «фейковых данных», принятые в компьютерной лингвистике, а также сходные явления. Делается вывод о несоответствии текста статьи 15 1-1 п. 1 30-ФЗ своему названию в СМИ — «закон о фейковых новостях». Также анализируются способы автоматической детекции противоправного контента.

Ключевые слова: фейковые данные, извлечение мнений, идентификация противоправного контента.

В настоящее время практически каждый человек сталкивается с явлением фейковости. При этом как в отечественных, так и в зарубежных СМИ в это понятие вкладываются разнообразные трактовки — от нарушения принципов достоверности до однобокого освещения событий, происшествий или явлений и несовпадения высказанной точки зрения с мнением определенной группы лиц. Последнее понимание фейковости лучше всего прослеживается в различных высказываниях президента США Дональда Трампа. В России большой общественный резонанс вызвало принятие Федерального закона № 30-ФЗ от 18 марта 2019 года, который в СМИ и сети Интернет получил название «закон о фейковых новостях».

Данный закон направлен на предотвращение распространения информации, которая выражает в неприличной форме неуважение к обществу, государству и его символам, а также Конституции Российской Федерации, в сети Интернет. Учитывая объемы информации, которые ежедневно появляются в онлайн-пространстве, для обнаружения подобной информации целесообразно применять автоматизированные методы и средства, которые уже зарекомендовали свою эффективность для решения схожих задач. Необходимо отметить, что понятие «фейковость» выходит далеко за рамки

¹² Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям «себя» и «другого» в социальной и политической коммуникации)» в БФУ им. И. Канта.

интернет-коммуникации и особенно ее вербального контента. В связи с этим в данной статье мы не будем рассматривать такие проявления фейковости, как накрутка рейтинга, фишинговые ссылки, а также фейковые личности, к которым мы относим в том числе поддельные аккаунты (персонификация) и бот-аккаунты.

В силу вышеизложенного, в дальнейшем под фейковыми данными мы будем понимать только вербальный контент сети Интернет, относя к нему не только непосредственно текстовую составляющую, но и графические изображения, аудио- и видеоконтент. В указанном аспекте фейковые данные можно признать одним из видов «гуманитарных киберугроз».

К настоящему моменту в компьютерной лингвистике уже достаточно давно развивается ряд направлений, в той или иной форме занимающихся обнаружением фейковой информации. Наибольшее распространение интерес к фейковой информации получил в рамках междисциплинарного направления автоматической обработки текстов — извлечения мнений. На наш взгляд, наиболее детальный обзор подходов и методов к детекции фейковых отзывов приведен в монографии Бинга Лю [7: 259–302]. При этом основной упор при обнаружении фейковых отзывов делается на выявление аномалий в таких стилиметрических параметрах, как частоты по служебным частям речи, количество оценочных слов и выражений, использование клише и готовых выражений, повторяющихся у одного и того же автора. Данный тип фейковых данных (заказные отзывы или бот-отзывы) существенно отличается от медийных фейков. Ключевым различием следует признать массовость генерируемых псевдокомментариев и единичность и точность фейковых новостных данных, что связано с отличающимися конечными бизнес-целями указанных явлений.

Исследователи в области автоматической идентификации фейковых новостей [9: 232–233] выделяют три группы задач:

1. Проверка достоверности фактов (fact-checking) — наиболее популярная задача, см., например [10: 422–423].
2. Проверка «вирусности» (т. е. скорости и способам распространения информации).
3. Проверка стилиметрических параметров.

Наиболее критическим недостатком существующих подходов признается ориентация на уже накопленные знания, что не позволяет создавать алгоритмы, которые могли бы предсказывать новые случаи фейковой информации [9: 232]. Подводя промежуточные итоги положения дел в области автоматического обнаружения фейковой информации, можно констатировать, что наиболее существенные успехи достигнуты в решении смежной задачи — разграничения мейнстримовых новостей и текстов, описывающих одну из радикальных точек зрения [9: 236].

Для определения места Федерального закона № 30-ФЗ от 18 марта 2019 года обратимся непосредственно к тексту закона, содержательная часть которого изложена в новой статье 15 1-1 п. 1 [1: 2]. В законе содержится явное указание на типы информационного контента, которые подлежат удалению и/или блокировке доступа. Подобное определение противоправного контента в данном федеральном законе апеллирует к стилистической форме выражения вербального контента (слова-маркеры — «в неприличной форме», «оскорбляет человеческое достоинство», «явное неуважение»), в то время как в существующей практике автоматического определения «фейковых данных» внимание, напротив, уделяется содержательной стороне данных. Впрочем, возможна одна трактовка фейковых данных, соответствующая формулировке закона — случай однобокой пропаганды. Таким образом мы считаем, что «народное» название Федерального закона № 30-ФЗ допускает значительно более широкую трактовку сути данного закона (вплоть до введения цензуры). Более точным наименованием в СМИ могло бы стать следующее — «закон об Интернет-пропаганде в неприличной форме» или даже «закон о неприличной пропаганде».

Исходя из вышеизложенного, задачу автоматического обнаружения высказываний в неприличной форме об обществе, государстве, его символах, законодательной базе и органах, осуществляющих государственную власть, можно свести к классической задаче автоматического извлечения мнений относительно заданного списка объектов мнений. При этом задача сужается до определения только негативных высказываний определенного рода, т.е. не отождествляться со всеми негативными высказываниями о наборе объектов. Автоматический анализ тональности политической коммуникации является одним из наиболее сложных направлений автоматического извлечения мнений.

Системы автоматического извлечения мнений относительно объектов в первом приближении состоят из двух компонентов — обнаружения объекта мнения и определения его оценки. Кажущееся простым решение задать все интересующие объекты мнения списком при практическом использовании обладает крайне низкой полнотой, что в итоге сводит на нет все достоинства автоматизации процесса определения оценки объекта. Второй проблемой является крайняя нестабильность и быстрая изменчивость оценочной лексики, при помощи которой задается политическая оценка. В качестве относительно недавнего примера можно привести украинское резко негативное оценочное слово «свнсбк» (сокращение от фильтруемого модераторами социальной сети Facebook слова «свинособака»), в качестве референта имеющее россиянина. Помимо нестабильной лексической составляющей политическая коммуникация в блогосфере и социальных сетях активно применяются паралингвистические средства, такие как замена букв (например, буквосочетание «сс» в слове «Россия» может заменяться на латинские буквы

«ss» или даже обозначения свастик). Учесть все трансформации подобные приведенным не представляется возможным силами отдельных научных или коммерческих коллективов.

Приведенные примеры свидетельствуют о высокой значимости автоматического учета коннотативного аспекта лексики [2: 155–156]. В настоящее время в отечественной компьютерной лингвистике наблюдается определенный технологический разрыв между практико-ориентированными системами автоматического извлечения мнений в политической сфере, ограниченно учитывающими лексические коннотации при помощи словарей различной внутренней структуры, и наиболее передовыми методами оценочной классификации текста, применяемыми к другим проблемным областям, где коннотативный аспект практически отсутствует.

В последние несколько лет в области мировой компьютерной лингвистики произошел т. н. «нейросетевой поворот». Он заключается в появлении большого количества разнообразных архитектур нейронных сетей (например, сверточные, рекуррентные), которые доступны в виде готовых программ и могут применяться для решения большого количества лингвистических задач. Из всего множества существующих решений рассмотрим мы рассмотрим четыре (fasttext, elmo, BERT, ULMFit), которые входят в число наиболее популярных решений.

Алгоритм fasttext представляет собой однослойную нейронную сеть. Современные варианты данного алгоритма позволяют учесть полисемию слов в заданном контексте [3: 2–4]. Ключевым отличием fasttext от более ранних моделей дистрибутивной семантики является представление слова как совокупности его буквенных n-грамм. Именно эта особенность позволяет объединять в группы (кластеры) однокоренные слова, а учет внешнего контекста слова способствует разграничению омонимичных значений. Последняя особенность крайне важна для неформального политического дискурса, в котором в качестве оценочной номинации политика или страны может выступать слово с самостоятельным значением страны или региона. К таким случаям следует отнести употребления в украинско-российском околополитическом конфликтном дискурсе слов «Мордор» и «Мордовия» для обозначения Российской Федерации. Для указанного случая алгоритм fasttext с разграничением значений полисемичного слова позволит расширить список рассматриваемых объектов однокоренными словами (например, «мордорский» и «мордовский»).

Другим популярным решением, продемонстрировавшем лучший результат на последнем соревновании SEMEVAL – 2019 по тематической дорожке разграничению ангажированных новостей является elmo [8; 6: 840]. Elmo расширяет возможности fasttext'a, применяя двустороннюю многослойную нейросетевую архитектуру, что позволяет лучше обрабатывать слова, которые отсутствовали в обучающей выборке. Интересным решением в работе [6:

472 | 842] использование единого усредненного вектора вместо трех изначальных. Такой подход представляется нам эффективным для решения конкретной задачи бинарной классификации, но не применим для задачи извлечения мнений о конкретном объекте.

Сходный подход по усреднению результатов односторонних трансформеров применяется в модели ULMFit [5: 332]. Предлагаемое в цитируемой работе решение предполагает использование единой архитектуры и заранее предобученных векторов языковых моделей, что существенно сокращает время настройки модели для решения другой прикладной задачи, сводимой к классификации текста.

Дальнейшим развитием подхода, применяемого в *elmo*, стало решение корпорации Google BERT. Основным отличием данной модели от предыдущей является использование не конкатенации результатов двух односторонних трансформеров, а одного двухстороннего [4: 4183]. Как и предыдущая архитектура *elmo*, BERT направлен на решение задачи классификации текста в целом, и может применяться только для определения релевантности/нерелевантности анализируемого текста для дальнейшей обработки в компоненте определения оценки объекта.

Таким образом ни один из приведенных выше методов не позволяет решить задачу автоматического извлечения мнений относительно конкретного объекта (списка объектов), но данные методы могут успешно дополнять существующие на рынке решения. Например, классификаторы на базе *elmo* или BERT могут использоваться на первом этапе анализа текста с целью проверки текста на наличие/отсутствие противоправного контента. С другой стороны, при проверке слов, отсутствующих в оценочном словаре однореферентной лексики, можно использовать модели *fasttext* с заданным порогом близости, который следует вычислять эмпирически с учетом различий в контекстуальной близости между именами собственными и нарицательными.

Подводя итог, можно констатировать, что в настоящее время не существует готового решения проблемы определения оценки объектов для случаев лексического блендирования объектов оценки и самой оценки. По этой причине для решения прикладной задачи по автоматическому обнаружению противоправного контента в контексте Федерального закона № 30-ФЗ целесообразно сочетать традиционные словарные методы для нахождения объекта оценки с методами на основе нейронных сетей для автоматического нахождения сходных употреблений.

Литература

1. Федеральный закон № 30-ФЗ от 18 марта 2019 года «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». 6 с.

2. Куликов С.Ю. Автоматическое извлечение мнений: лингвистический аспект. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 200 с.
3. Athiwaratkun B., Wilson A.G., Anandkumar A. Probabilistic FastText for Multi-Sense Word Embeddings // In Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Long Papers), Melbourne, Australia, July 15–20, 2018. 1–11 pp.
4. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // In Proceedings of NAACL-HLT 2019, Minneapolis, Minnesota, June 2 - June 7, 2019. 4171–4186 pp.
5. Howard J., Ruder S. Universal Language Model Fine-tuning for Text Classification // In Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Long Papers), Melbourne, Australia, July 15–20, 2018. 328–339 pp.
6. Jiang Y., Petrak J., Song X., Bontcheva K., Maynard D. Team Bertha von Suttner at SemEval-2019 Task 4: Hyperpartisan News Detection using ELMO Sentence Representation Convolutional Network // In Proceedings of the 13th International Workshop on Semantic Evaluation (SemEval-2019), Minneapolis, Minnesota, USA, June 6–7, 2019. 840–844 pp.
7. Liu B. Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. CUP, New York, 2015. XVI, 367 p.
8. Peters M. E., Neumann M., Iyyer M., Gardner M., Clark Chr., Lee K., Zettlemoyer L. Deep contextualized word representations // In Proceedings of NAACL-HLT 2018, New Orleans, Louisiana, June 1–6, 2018. 2227–2237 pp.
9. Potthast M., Kiesel J., Reinartz K., Bevendorff J., Stein B. A Stylometric Inquiry into Hyperpartisan and Fake News // In Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Long Papers), Melbourne, Australia, July 15–20, 2018. 231–240 pp.
10. Wang W. Y. “Liar, Liar Pants on Fire”: A New Benchmark Dataset for Fake News Detection // In Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Short Papers), Vancouver, Canada, July 30 – August 4, 2017. 422–426 pp.

S. Yu. Kulikov

RUSSIAN FEDERAL LAW № 30 WITHIN THE FIELD OF FAKE NEWS DETECTION

Abstract: The paper describes the basic types of fake data within computational linguistics alongside similar fields, like cyberbullying, trolling and opinion mining. We claim that the Russian Federal Law № 30 contradicts the massmedia name for this law — “The Fake-news Law”. Finally, we describe current means of illegal content identification.

Keywords: fake data, opinion mining, illegal content identification.

«НАИВНАЯ» ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И СОВРЕМЕННОЕ БОЛГАРСКОЕ ОБЩЕСТВО

Аннотация. В докладе представлены некоторые знаковые случаи дискриминации в современной болгарской действительности. Они интерпретируются в свете многочисленных «наивных» экспертиз в СМИ. Анализ проводится на базе актуальных процедур в области психолингвистики, когнитивной лингвистики и социолингвистики.

Ключевые слова: «наивная» лингвистическая экспертиза, болгарское общество, болгарский язык.

Лингвистическая экспертиза является основным понятием в парадигмате Юридической лингвистики (лингвокриминалистики) – одной из молодых наук, появившейся на мировую сцену и приобретшей популярность в последние десятилетия. В болгарской традиции ее начало связывается с выходом в свет в 2007 году книги Михаила Виденова «Идентификация на основе языка» [4], явившейся естественным продолжением двух более ранних пионерских попыток 70-х годов XX века, а именно «Диалектные особенности болгарского языка и их использование в криминалистических исследованиях» [1] и «Диалектология и криминалистическое исследование текста» [2]. Особый вклад М. Виденова [4] в рассматриваемую проблематику связан с предложением методики идентификации пишущих и говорящих на болгарском языке, базированной на социолингвистическом подходе.

Недавно – в 2016 г. появилась книга Д. Попова «Лингвистическая персоналогия на основе речи. Перевоплощения голоса», имеющая амбицию внести конкретику в исследование, описание и идентификацию того или иного говорящего лица на основе декодирования, анализа, перцепции и распознавания его уникального голосового отпечатка и создания речевых портретов на базе антропфонии [10]. Этот труд вписывается органически в целый ряд публикаций [9; 11; 12], в которых заложена идея создания теории и методологии подобного рода исследований и обособления данной исследовательской области в новую специализированную прикладную науку – лингвистическую персоналогию, характеризующую человеческую персональность многоаспектно на основе ревоплощений человеческого голоса.

Получить целостное представление о болгарской юридической лингвистике невозможно без обращения к публикациям Б. Георгиева [5; 6; 7], в которых производится попытка найти решение проблемам языковой экспертизы в свете прагматики, лексикографии и этнографии.

Настоящее исследование вписывается в традицию интердисциплинарного подхода, добавляя свой особый штрих в осмысление понятия лингвистической экспертизы. Если в трудах Б. Георгиева [6; 7] отыскивается адекватное понимание некоторых концептов в свете культурной специфики с приведением этнографических данных об обычайном праве, то здесь «расширение» подхода полностью выводит нас за пределы права. Исследовательский интерес направлен на наивного носителя языка, который выполняет несвойственную для себя роль эксперта в случаях публичных обид и дискриминации.

В массмедийном пространстве присутствуют многочисленные «наивные» экспертизы по самым разным поводам, связанным с обидным поведением публичных личностей. Особая чувствительность и активность наблюдается в случаях, когда видные политики игнорируют общественное мнение. Переступив границу норм допустимого отклонения в своем поведении, они попадают под удары неписаных законов «уличного» права, а в более драматичных случаях – и юридических. В отличие от аксиомы права, согласно которой не противоречащее писаным законам не подлежит судебной санкции, общественное мнение охватывает все случаи – как подлежащие судебному преследованию, так и не подлежащие. Последствия для социального статуса и общественного положения неизбежны. В то же время «нередко общественный приговор имеет бóльшую тяжесть, чем судебный: насмешка, назойливый упрек, издевательство, иронический взгляд, неуважение, пренебрежение являются более страшными санкциями для индивида» [3: 97].

В поддержку вышесказанного достаточно привести только один из многочисленных примеров реакции болгарского общества на обидное речевое поведение болгарского политика, в контексте которого в качестве неписаной нормы устанавливается использование терминов родства, причем совсем намеренно их синсемантическая природа не выводится на передний план, а аллюзия с нерагламентированными связями, получением всяческих поблажек, фаворизацией вытесняет на задний план категориальное значение. Показателен в этом отношении случай с выступлением премьер-министра Болгарии Бойко Борисова, в ходе которого 2.10.2016 г. он публично объявил кандидатом в президенты от партии ГЕРБ г-жу Цецку Чачеву: «Я уже заслушался речей об отце нации. Причем у этой нации появилось большое количество отцов и претендующих на роль отцов. Нам уже давно пора приобрести маму, которая позаботилась бы по-матерински об этом народе». Считанные минуты после этих слов и в СМИ, и в социальных сетях появилось множество реакций, в которых интерпретации идеи о «матери нации» строились

476 | главным образом на основе иронии, сарказма, грубой насмешки, отрицания и реализовались в терминах повседневного и банального, ср.:

✓ *Как Бащицата подари Майка на нацията!* (рус. *Как Батюшка подарил нации Матушку!*) – webnovinar.com/2016/10/02/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%B1%D0%B0%D1%89%D0%B8%.

✓ *Бойко си избра «майка на нацията», за да има народът кого да си псува.* (рус. *Бойко выбрал себя называть «Матушкой нации», чтобы народ знал, кого посылать куда подальше.*) – bulgarski.pogled.info/news/77730/Boiko-si-izbra-maika-na-natsiyata-za-da-ima-narodat-kogo-da-psuva.

✓ *Кеворк Кеворкян: Честито – осиновени сте! Имате още една майка!* (рус. *Кеворк Кеворкян: Поздравления – вас усыновили! У вас еще одна Матушка!*) – www.budnaera.com/201604f/16040010.html.

✓ *Псуването е престъпление, след като Цачева е майка на нацията.* (рус. *Материться – это преступление, раз Цецка – матушка нации.*) – frognews.bg/news_120024/Psuvaneto-e-prestaplenie-sled-kato-TSacheva-e-maika-na-natsiiata/.

✓ *Блог fascindoo: Президентски предизборен Ташак: Цецка Цачева – майка, Трайчо Трайков – син, Жоржи – дядо на нацията.* (рус. *Президентский предвыборный прикол: Цецка Цачева – матушка, Трайчо Трайков – сын, Жоржи – дед нации.*) – fascindoo.blog.bg/politika/2016/10/03/prezidenski-predizboren-tashak-cecka-cacheva-maika-traichotr.1480295.

В фокус исследовательского интереса в следующей части изложения попадут знаковые для современной болгарской действительности случаи дискриминации, в которые высокий служебный статус инвектора (оскорбляющего) не корреспондирует никоим образом с ожидаемым изысканным речевым поведением.

При анализе двух казусов – «Седянката а българските учители» (рус. «Посиделки болгарских учителей») и «Кресливите майки» (рус. «Крякающие матери») мы обратимся к обичайной для лингвистических экспертиз практике установления признаков оскорбления. При анализе речевых единиц автор попытается ответить на следующие вопросы: *Содержится ли в высказывании негативная информация об инвектуме? Выражена ли оценка в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе? Носят ли высказывания, относящиеся к инвектуму, оскорбительный характер?* В комментируемых казусах ответ на последний вопрос находит экспликацию в самих «наивных» лингвистических экспертизах.

Большой отзвук в массмедиа получил скандальный случай с определением забастовки болгарских учителей, состоявшейся в октябре 2007 года «посиделками» (23 000 результатов в GOOGLE.BG). Камера телевизионного канала БТВ запечатлела момент, в который Пламен Орешарски (в то время министр финансов) и Даниел Вълчев (тогдашний министр образования) цинично договариваются между собой медлить с переговорами с бастующими

учителями, чтобы помешать достижению соглашения. Министр финансов и министр образования и науки ведут переговоры с синдикатами учителей по личному поручению президента Республики Георгия Пырванова в связи с продолжающейся уже третью неделю забастовки, охватившей всю страну. Не подозревая, что микрофон репортера Виктории Петровой и камера оператора Добромира Иванова включены, в перерыв между двумя раундами переговоров министры проводят следующий разговор, снятый и распространенный в публичное пространство БТВ:

Орешарски: *Давай кончать на сегодня с этими посиделками и отправлять всех по домам.*

Вълчев: *М-м?*

Орешарски: *Давай кончать с посиделками.*

Вълчев: *Кончать, говоришь?*

Орешарски: *Сперва надо подумать о числах, сокращениях, и лишь потом...*

Общественное мнение было спровоцировано квалификацией учительской забастовки как *посиделки*. Массмедийная расщфровка этой номинации как ‘безделие, занятие пустыми сплетнями и т. д.’ (отраженная во множестве наивных лингвистических экспертиз) стала явным доказательством неприемлемости данной оценки для общественного сознания.

В то же время в качестве когнитивной метафоры употребленное министром Орешарским слово вписывается в ряд единиц, которыми изобилует современное болгарское массмедийное пространство, таких как *тети, отцы, матери, плащи, половики, зонты* и др. Связь данных номинаций с концептами повседневности по подразумеванию позволяет отнести их к средствам манипулирования путем банализации. В этом плане вполне естественным представляется факт, что появление обозначения типа *посиделки* в публичном выступлении знаковой для болгарской действительности личности взорвало общественное мнение и дало начало невероятному словесному потоку реакций во всей массмедийной сети.

Использованная когнитивная метафора снижает статус забастовки до ‘забавления, безделия, сплетничания’ и представляет в негативном свете болгарских учителей, которые ‘вместо того, чтобы работать, видите ли, уже третью неделю бездельничают и забавляются’ (поскольку именно таково пейоративное значение, которое инвектор вкладывает в свое высказывание). В болгарском публичном пространстве в подобных случаях аллюзия с безделием вытесняет на задний план категориальное значение, представленное в словарях (см. ниже). Така например и в официальных, и в неофициальных ситуациях регулярно встречаются употребления типа *Посиделки кончились, Мы не на посиделках находимся* в значении соответственно ‘Пора заняться работой’ / ‘Отдыха пришел конец’, ‘мы в рабочем режиме’ / ‘Это не время для отдыха’. Данные словарей однако показывают, что в самом значении слова

478 *посиделки* ‘забавление, примешанное с работой’ идея безделия довольно слабо маркирована – лишь в некоторых единичных ассоциациях, и это показывает недвусмысленно, что употребление лексемы в качестве когнитивной метафоры всегда нагружено негативной коннотацией.

Вместе с тем, учитывая роль когнитивных метафор в качестве «средств манипуляции», «способствующих облучению общественного мнения лазерами власти» [8], спекуляцию с повседневной метафорой *посиделки* в комментируемом казусе можно было бы определить как крайне неприличную форму представления забастовки со стороны высокопоставленной политической фигуры.

Доказательства тому, что оценка выражена в неприличной форме, можно найти в предложенных ниже статьях из различных словарей (толкового и ассоциативного), а также в диалектном формате произтошения слова *седѣнка* вместо нормативного *седя́нка*.

• **РЕЧНИК БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА [13]**

<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/%D1%81%D0%B5%D0%B4%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0/>

СЕДЯ́НКА, мн. седѣнки, ж. Вечернее молодежное собрание в деревнях осенью или зимой, в течение которого молодые девушки работают, а молодые люди их осматривают и подшучивают над ними.

Я наудй, дядо, кавала, / след теб да викна, запея / песни юнашки хайдушки, / да чуют моми и момци / по сборове и по седенки. (перевод с болгарского языка на русский язык Александра Руденко: *Эй, дед, заиграй на кавале, / а я запою за тобою / о гайдуках, о юнаках, / о воеводах старинных – / песню о страшном Чавдаре, / о воеводе Чавдаре, / сыне Петко Страшника! / Чтоб слушали девушки, парни / на праздниках и посиделках.*) **Ботев.** *Лете под сенките, зиме по седенките.* (рус. ‘Летом в тени, зимой на посиделки.’) **Пословица.** *Дойдоха ли дренките, идат и седенките.* (рус. ‘Когда приходит сезон кизила, тогда приходят и посидельки.’) **Пословица.**

• **АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ** (содержит реакции 50 носителей болгарского языка)

СЕДЯ́НКА (рус. посиделки), тлака 6 (1/5); баби 4 (4/0); **дернек 4** (3/1); разговор 3 (3/0); **песни 2** (0/2); село 2 (2/0); бабички 1/0; **банкет 1/0**; беленка 0/1; битова работа – белене на царевица 0/1; бръмбар 1/0; **веселба 0/1**; **весело настроение 0/1**; **вечеринка 0/1**; жени 0/1; играем 1/0; история 0/1; **клюкарстване 1/0**; **клюкарство 0/1**; конушмак 1/0; моми 0/1; моми и ергени 1/0; **певници 1/0**; **пеем 1/0**; пейка 1/0; песен 0/1; плетянка 0/1; **почивка 1/0**; **почивка на мозька 0/1**; работа 0/1; ръкоделие 0/1; сборище 1/0; сбор на жени 0/1; сбор от хора за работа 0/1; сбирка 1/0; сбирка от хора 0/1; среща за ръкоделие 0/1; събрани хора да ръкоделстват 0/1; хора 0/1; шием 1/0.

Важным для интерпретации данного казуса является факт, что министр Орешарски поднес свое извинение за оскорбление бастующих учителей. Это

ставит вопрос о «чистоте» текстов публичных личностей, учитывая опасность наличия закодированных в самом языке следов предубеждения, предрассудков и стереотипов. В связи с этим комментируется оценка употреблений как *вольных* или *невольных* в ходе евентуальной лингвистической экспертизы в соответствии с их «записью» в ментальном лексиконе членов современного болгарского общества. Иными словами, ставится на обсуждение проблема о стандартах справедливости лингвистической экспертизы.

Второй казус также связан с участием политической фигуры, занимающей високий пост – вице-премьера Валерия Симеонова. Показателем крайне отрицательного общественного резонанса на его фразу «Крякающие матери этих якобы больных детей» являются 380 000 результатов (0,30 секунд) поиска в GOOGLE. Исключительно нелицеприятное высказывание в адрес протестующих матерей детей с ограниченными физическими возможностями прозвучало в одной из передач телеканала СКАТ. В ходе своего выступления Валери Симеонов сказал следующее: «Работа над этим законом началась как попытка угодить группе *крякающих женщин*, которые *спекулировали* своими детьми. *Манипулировали* общество, выгоняя в жаркую погоду и в дождь *этих якобы больных детей* без капельки материнского участия и заботы о них. *Просто их использовали самым бессовестным образом* для достижения собственных чисто материальных целей». Реакции в массмедиа были маркированы оценками типа: *Симеонов без задръжки!* (рус. *Симеонов по-хамски / беспардонно!*), *Валери Симеонов удари дъното!* (рус. *Валери Симеонов достиг дна!*) *Оставка!* (рус. *Отставка!*), *Симеонов, Вие сте срам за България!* (рус. *Симеонов, Вы – срам для Болгарии!*), *Грозно, по-грозно...* (рус. *Мерзко, более мерзко...*), *Валери Симеонов! Скандално! Скандал!* (рус. *Валери Симеонов! Скандально! Скандал!*)...

Высказывание Симеонова крайне агрессивно. Оно содержит инвективы, директные отрицательные оценки, неприемлемые просторечные элементы. Наивная лингвистическая экспертиза, нашедшая выражение в реакциях людей, категорически дискредитирует и отвергает этот акт дискриминации и оскорбления, поднесенный в исключительно неприличной форме. Особо показателен фрагмент *тея уж болни деца ...* (рус. *этих якобы больных детей...*), который взорвал общественное мнение своим цинизмом и исключительной сниженностью выражения, закодированными в просторечном варианте указательного местоимения *тея* и модальной частице *уж*, посредством которой подвергается сомнению очевидный факт, что дети страдают тяжелыми физическими недугами. При этом в качестве колоквиализма конструкция дополнительно нюансирована странной, переходящей в насмешку и издевательство шутливостью тона, ср. с заметкой в толковом словаре [13]:

УЖ частица. 1. Ирон. О передаче чего-то ожидаемого, что оказалось полностью противоположным реальности; так сказать. 2. О выражении ви-

480 | димости при указании на что-либо, кажущееся реальным, которое на самом деле противоречит, не отвечает действительности; кажется, представляется.

3. О выражении неуверенности с оттенком недоверия при передаче чужих слов, чужого мнения. **На уж** (разг.) — для видичости, в шутку.

Наряду с этим парадоксальной была игнорантная позиция институций по поводу этого скандального случая брутальной дискриминации по признаку физический недуг, которая, однако, не удивила никого. Это находит объяснение во множестве фактов относительно того, что не только отдельные публичные личности, но и целые институции абсолютно безнаказанно публикуют подобные дискриминационные тексты. Так например на официальном вебсайте одного из болгарских министерств было опубликовано второе объявление о конкурсе на квалифицированную рабочую позицию, в котором дополнительно было добавлено требование к евентуальному претенденту быть «молодым и динамичным», причем по первоначальному объявлению, в котором отсутствуют подобные ограничения относительно возраста и мобильности, уже появился кандидат – 56-летний кандидат с максимальной квалификацией и с двигательными физическими проблемами. Юридическая связь в начавшемся деле о дискриминации не оказалась в пользу инвектума, что сразу вызывает сомнение, что вероятно более эфикасным был бы выбор «уличного» права и шумных «наивных» лингвистических экспертиз в масмедийном пространстве.

Представленные в данном докладе казусы не являются единичными случаями в современной болгарской действительности. Они порождают множество вопросов, связанных с наивными лингвистическими экспертизами и их властью, поскольку именно они приводят к отставкам, к самосезированию прокуратуры и др.; о диктате общественного мнения; о поисках путей адекватного определения евентуального «нарушения» как наказуемого с позиций объективной оценки соотношения уровня персональной лингвистической компетенции с общественной (не)допустимостью конкретного речевого акта; о «неправильном» общественном прочтении и интенциях автора евентуального дискриминирующего утверждения.

Литература

1. Бояджиев Т., Ангелов А., Виденов М. Диалектни особености на българския език и използването им при криминалистическо изследване на текст. София, 1973.
2. Виденов М. Диалектологията и криминалистическото изследване на текст. // Социалистическо право. 1972 кн. 8. С. 40–44.
3. Виденов М. Увод в социолингвистиката. София: Делфи, 2000. 320 с.
4. Виденов М. Идентификация по езика. София: Феня, 2007. 290 с.

5. Георгиев Б. Речевите актове като предмет на лексикографско описание // Български език и литература. 1998. XXXIX. кн. 5–6. С. 3–9.
6. Георгиев Б. Синоними ли са «чест» и «достойнство»? // Лексикография. Язык. Речь. (Сборник статей памяти Анны Липовской). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013. С. 35–49.
7. Георгиев Б. Термини от българската наказателно право в общите тълковни речници // Годишник на Департамента «Романистика и англицистика» на НБУ. Т. 2. 2016.
8. Попов Д. Когнитивните метафори – митологизатори в медийния дискурс // Ricerche slavistiche 9 (LV) 2011: 169–179, Roma.
9. Попов Д. Речевые портреты как когнитивные феномены // Cognitive Modelling: Collection of Papers of the third International Forum on Cognitive Modeling (Varna, Bulgaria, September 14–21, 2015) – Part 1. Rostov-on-Don: Science and Studies Foundation, 2015. С. 171–187.
10. Попов Д. Лингвистична персонология по говора. Превъплъченията на гласа. Шумен: Университетско издателство «Епископ Констати Преславски», 2016. 300 с.
11. Popov D. Linguistic personology – a new science in paradigm of anthropological linguistics // M. Sovilj, S. Jovičić, M. Subotić, S. Maksimović (Eds). Speech and Language. (Proceedings: The 6th International Conference on Fundamental and Applied Aspects of Speech and Language). Belgrade, 2017. С. 11–18.
12. Попов Д. Лингвистична персонология по говора: теория, методология и практика. // Език и литература. 2018. № 1–2. С. 87–102.
13. Речник на българския език. Т. 1–15. 2. доп. и прераб. изд. София, АИ «Проф. Марин Дринов», ЕТ «ЕМАС», 2001–2015.

V. A. Popova

«NAIVE» LINGUISTIC EXPERTISE AND CONTEMPORARY BULGARIAN SOCIETY

Abstract: The paper presents some high-profile cases of discrimination in contemporary Bulgarian society. They are discussed in the light of «naive» expertise in mass media. The analysis is based on some innovative procedures used in the field of psycholinguistics, cognitive linguistics and sociolinguistics.

Keywords: «naive» linguistic expertise, Bulgarian society, Bulgarian language.

КОРРЕЛЯЦИЯ «ПЕРВИЧНЫЙ – ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ» И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕДИЙНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. Корреляция первичного и вторичного текстов характеризуется на материале лингвистической экспертизы. Текст и представленные в нем объекты познания освещаются интегративно. Текстовая поддержка и когнитивная координация определяются как взаимосвязанные аспекты. Такой подход реализуется в единстве двух тенденций: растущей значимости интегративного объяснения и междисциплинарных доминант. Корреляции раскрываются на примерах разнородности объектов лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: категоризация, особенности, представление, объект познания, лингвистическая экспертиза, системные отношения, текст.

1 Лингвоэкспертология как область знания становится всё более самодостаточной [см., в частности: 3: 39; 13: 220]. С этим эпистемическим укреплением закономерно-парадоксально сочетается растущее взаимодействие между данной областью и смежными, в широком смысле. В органичную интеракцию вовлечены различные сферы: от права до теории и практики правописания, от лингвоперсонологии до когнитивных наук и т. д. Лингвистика текста в указанном плане может определяться двуединством: это источник пополнения экспертологических знаний – и в то же время интеграл, системно вбирающий отдельные результаты экспертирования, включая прежде всего его динамично развивающуюся теорию.

Соответственно, уместна задача, поставленная в предлагаемой статье, – охарактеризовать на материале лингвистической экспертизы корреляцию «первичный текст – вторичный текст». (Далее в статье используются соответствующие сокращения: ЛЭ, ПТ, ВТ).

2. Задача допускает два аспекта характеристики материала: в плане категоризации и со стороны эмпирической специфики. Рассмотрим отмеченные аспекты последовательно.

2.1. Исходный аспект характеристики, категоризация соотношения «ПТ – ВТ» в пространстве ЛЭ, определяется тремя тесно связанными линиями обобщения. Причем в отношениях между ними выявляется элемент эпистемического соподчинения.

Первый генерализующий вектор опирается на базовые положения о корреляции «ПТ – ВТ». Они представлены в лингвистической концепции Н.Д. Голева: «...вторичный текст... есть продолжение, развитие, функция первичного текста» [8: 72. См. также 7; 9]. Исследовательская практика основоположника концепции позволяет распространить эту линию категоризации на осмысление ЛЭ. В определенном ракурсе ЛЭ в квалифицирующем модусе развивает те или иные экспертируемого объекта – первичного текста.

Вторая линия категоризации, совместимая с первой и представляющая соотнесение ПТ и ВТ в пространстве экспертизы, исходит из принципов параметризации. Приоритетная параметризация текстового пространства, обоснованная и реализованная в концепции М.А. Осадчего, раскрыта «в междисциплинарной области лингвистики и юриспруденции» [15: 5]; причем она естественно сопряжена также с экономикой и иными сферами, смежными с науками о языке, о праве в глубинном и поверхностном планах. В результате сформированная «рисковая модель русского языка» создает условия для особо емкого экспертирования первичных объектов, когда преступления совершаются вербальным способом.

Выявленные в модели М.А. Осадчего закономерности детерминируют, в рамках отмеченной второй линии категоризации, особую роль интерпретации; на ней заостряется внимание в трудах 2019 г.: «Речевые преступления в массмедиа обнаруживаются как борьба интерпретаций, отягощенная конфликтом интересов» [10: 103]. При этом опора на параметры повышает объяснительную силу соответствующих ЛЭ. Как отмечает в работе «Лингвоюридические параметры речевой коммуникации» З. Велиев, «право предстает как текст, где постоянно происходит становление значения – и в процессе создания нормы права, и в процессе его применения. Право как текст, с его неустранимой многозначностью, актуализацией разных значений, не догматично, но творимо каждый раз заново. Такое право живет и обрастает новыми идеями, дает возможность диалога общества с властью и главное – возможность конкурирующих между собой прочтений» [6: 121 с опорой как на идеи М.А. Осадчего, так и на лингвоюридические гипотезы А.С. Александрова]. Первичность текста в подобных познавательных обстоятельствах категоризируется в единстве с ее отношением к феномену вторичности.

С указанными двумя векторами категоризации взаимодействует третья ее линия, также соотносящая ПТ и ВТ в пространстве экспертизы, – расширенное использование категории автора. Она представлена, например, при анализе П.А. Катыхевым речевого вовлечения: специфика вовлечения «в рамках опосредованной коммуникации определяется сквозь призму особого авторского отношения к чужой смысловой позиции (чужому голосу)» [11: 127. Выделено автором. – А.Ф.]. С этим сопряжены (игры в) сомнения по поводу адекватности традиционного осмысления автора. Данную динамику

484 | отражает привлечение феноменов первичности и вторичности – как в труде с показательным заглавием «С возвращением, автор, но где же твой “текст” и “язык”? О вербальных данных в статике и динамике» [5: 12].

В этой категориальной сфере определяется, например, понятие «полицейский регистр речи» в специальном труде о лингвистических экспертизах [14: 8 и след.]. Оно позволяет доказать ложность установления авторства – фальсификацию признательных показаний, когда полицейский, следователь и т. п. преступно выдает свой текст за речевую продукцию обвиняемого в ситуациях оговора, вынужденного самоговора. Пример – восемь заявлений, которые приписывались обвиняемому: «они по большей части написаны в так называемом полицейском регистре» [14: 8–11]. Исследуемую корреляцию первичного-вторичного текстов обогащает соотнесение трех объектов: этого вида ВТ, полицейского регистра; ПТ, подлинных текстов обвиняемого; и квалификации данных феноменов в ЛЭ как вторичном тексте.

2.2. Первый из двух аспектов анализа, рассмотрение категоризации объектно-проблемного пространства, дает возможность перейти ко второму. А именно – к специфике эмпирического материала, представляющего корреляцию «ПТ – ВТ» в области ЛЭ.

Специфику корреляций намечает модус вторичности, принципиальный для ЛЭ. Суть экспертизы как ВТ включает квалифицирующую установку. Для последней значим устойчивый круг квалификаторов: оценка позитивная и негативная (как давно показано в науке о языке, где обоснована и категория негопозитивности); уточнение хронотопа и нек. др.

Весь эмпирический массив многомерен, он может рассматриваться и группироваться в разных ракурсах, причем обладает признаками когнитивно-семантического поля. Представленность групп материала неравномерна, в чем отражается его особая сущность, соответствующие ограничения и предпочтения.

2.2.1. В первой группе корреляцию составляет типовое двуединство фактитивного плана: именование предосудительных поступков, негативная характеристика лица (условно обозначаемого Л) в медийном ПТ, с одной стороны, – и представление недостоверности, лживости этих характеристик в ВТ – ЛЭ, с другой.

Причем экспертная квалификация негатива может включать документально обоснованные указания на его преднамеренность.

Приведем примеры, связанные с экспертированием в ВТ фрагментов из ПТ, которые касаются лица, занимавшего в конце 2010-х гг. заметные должности в различных ветвях власти на Кубани и ниже именуемого Л:

Так, в медийном ПТ утверждается о Л:

«Бывший сослуживец вице-мэра города Краснодара Л, офицер запаса П рассказывает: «Л, будучи старшим лейтенантом, заместителем командира

роты по воспитательной работе, позорно убежал, бросил личный состав во время боевых действий в Чечне» (Источник: <http://inter-13.ru/luzinov-bezhal/>, Информационно-аналитический портал «Интер-Информ»). См. также номера газеты местной организации КПРФ «Советская Кубань» 2018 г.).

Негативная характеристика Л представлена, в частности, словом ПОЗОРНО. Его определяет негативный смысл: «**ПОЗОРНО. ПОЗОРНЫЙ.** Такой, который позорит, навлекает позор; постыдный. **ПОЗОР.** Постыдное, унижительное для кого-л. положение, вызывающее презрение; бесчестье» (2: БТС, 89); «Низость, презрение, страшный» (16: РАС. Т.1. С. 470)

В ВТ-ЛЭ приводятся сведения, отражающие недостоверность этого негатива, документированные судебным решением, вступившим в законную силу: «...признать не соответствующими действительности и порочащими честь и достоинство Л...: – Когда пришла пора исполнять долг – вместе с товарищами поехать в Чечню, Л...ушел в отставку»; «опозорившийся бывший офицер». (Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара от 13.10. 2014 по делу № 2-2979/14. См. также решения Ленинского районного суда г. Краснодара от 3.09.2009 по делу № 2-295109 и др.).

Корреляцию репрезентирует особое двуединство: «позорно бежал – не соответствует действительности». Это соотнесение феноменологически насыщено: проявление раскрывает внутреннюю суть как ПТ, так и ВТ.

С указанной особенностью связаны три сопутствующих обстоятельства. Во-первых, феномен вторичности обретает в данном случае и дополнительное – правоприменительное – качество, поскольку фрагмент данной ЛЭ использован в составе нового судебного решения, принятого Краснодарским краевым судом 26.06.2019 по делу № 4г-6019/19 и тоже вступившего в законную силу). Во-вторых, корреляция позволяет уточнить условность в применении понятия дискредитации, которое было использовано в направлении на экспертизу. «Базовым понятием лингвистических разработок является понятие ”стратегия дискредитации”. Под понятие стратегии дискредитации подводимо все что угодно (так как у нее нет противочлена) от матерной брани до выражения «вы плохой человек», произнесенного в присутствии третьего лица, а при определенном взгляде на вещи произнесенного и в беседе двух коммуникантов» [4: 87]. Выявление корреляций обнажает факультативность для ЛЭ понятия, обладающего столь разнокалиберными проявлениями (и к тому же в снабжаемого в словарях общего характера пометой «юрид.»). В-третьих, именно первая группа корреляции «ПТ – ВТ» вскрывает возможные противоречия в экспертируемом ПТ. В следующем контексте Г, владелец информационного ресурса, он же главный редактор, он же сотрудник других СМИ, стремится и «сохранить лицо», и избежать упреков в недостоверности негатива: «Г: Удалять или не удалять видео о Л со своих ресурсов, решать редакциям этих интернет-изданий. Лично я ничего удалять не собираюсь

486 (...) Если П откажется от своих слов, я поздравлю Л с очередной победой на судебном фронте и удалю видео».

В ВТ вскрывается противоречие: удалять не собираюсь – удалю. Причем ему сопутствует и саморазоблачительное признание Г своей осведомленности о судебных решениях: «...я поздравлю Л с очередной победой на судебном фронте».

Именно корреляционная природа ЛЭ дает основания предположить, что этот вид ВТ может быть обращен к специфике коммуникации в ПТ, а не просто к концептуальному наполнению экспертируемого текста. Данное предположение подтверждается эмпирическим материалом.

2.2.2. Перейдем к двум другим группам корреляций «ПТ – ВТ». В данных случаях, изученных крайне недостаточно, ЛЭ как ВТ обращена к особенностям коммуникации в ПТ, а не к раскрытию недостоверности негатива.

Вторую группу корреляций представим примером ЛЭ, в которой от эксперта, в частности, требовалась характеристика темы экспертируемого ПТ – многоэпизодного сговора подельников о многомиллионных взятках. (Постановление от 05.07.2018, направленное старшим следователем второго отдела по расследованию особо важных дел /о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики/ СУ СК РФ по Краснодарскому краю по материалам уголовного дела № 11702030078000040). ПТ включал 100 страниц распечатки коммуникации подельников. ЛЭ, вторичный текст, составила ок.200 страниц. Обвинительный приговор по делу вступил в законную силу 18 августа 2018 г. по решению Краснодарского краевого суда, после чего материалы дела в течение пяти месяцев воспроизводились и обсуждались в десятках публикаций различных СМИ).

В ПТ отражена свободная беседа двух подельников-фигурантов, М1 и М2. Эти рецидивисты не вполне доверяют друг другу. М1 нацелен получить от собеседника максимально достоверные сведения – и в тексте представлен такой фрагмент:

«М1 Не, ну я готов им /следователям. – А.Ф./ бабки дать, но за что?.. Мы щас вот разговариваем как будто бы у священника. А, считайте, что я священник, а вы пришли исповедаться. Вот как было, расскажите... Не будем обманывать друг друга».

М1 стремится усилить впечатление с помощью разнообразия в характеристике коммуникативных целей. А именно – привлекается сравнение ролевого характера. Ситуация уподоблена совершенно иной – обстановке исповеди – ради эффекта достоверности и приближения к доверию.

ВТ показывает, что в ПТ комплекс «священник – исповедь», отражающий семантическое поле религии, характеризует специфику коммуникации в концептуальном плане. И тем более емко следует отразить его суть в ЛЭ как вторичном тексте.

Корреляцию являет двуединство: в ПТ – системная связь «священник – исповедаться», а в ВТ – ЛЭ назначение данной связи квалифицировано как «доверие в сговоре о многомиллионных взятках».

Эта корреляции подкрепляется характеристикой таких показательных концептуально-коммуникативных особенностей, как замена прямых номинаций специальными косвенными; она свидетельствует о том, что собеседники говорят об осуждаемом, незаконном действии, противоправную суть которого необходимо скрыть в речи, то есть им известно несоответствие между действием и юридическими нормами (незаконное действие носит заведомый, умышленный характер).

2.2.3. В третьей группе рассматриваемых корреляций ЛЭ как ВТ также обращена к особенностям коммуникации в ПТ, причем с элементами автороведческой направленности.

ЛЭ появилась в соответствии с адвокатским запросом № 23/337-09 от 4 сентября 2018 г. по материалам уголовного дела № 1-137/2018 (рассматривалось в различных судебных инстанциях Республики Адыгея; итогом стало оправдательное решение суда высшей инстанции).

Экспертировался материал показаний рабочего, обвинявшегося в приобретении наркотиков.

Текстовый корпус включал три сегмента: ПТ – объяснение, которое обвиняемый представил непосредственно; текст, ранее не получивший однозначного осмысления как ПТ либо как ВТ, – протокол, представленный следователем, подписанный обвиняемым, который отрицал при этом свое авторство...; и ЛЭ, являющаяся ВТ.

В ЛЭ системообразующим был вопрос: «1) Является ли автором представленных на исследование текстов протокола и объяснения одно и то же лицо?». Рассмотрение вопроса соответствует типовой автороведческой экспертизе: «...имеется пример текста (текстов) некоторого автора Х. Необходимо установить, является ли он автором и некоторого другого текста» [1: 484].

ЛЭ дала возможность на корреляционной основе установить элементы «полицейского регистра» в протоколе. Они представлены в 34 высказываниях из 42, составляющих данный сегмент (80 %). Таковы, например, громоздкие усложненные построения и мн. др. См.:

«Однако в тот момент, когда водитель выходил из своего автомобиля для предоставления документов, я обратил внимание, как он заметил, как я, достав из своего кармана вышеуказанные свертки с наркотическим средством «Марихуана», бросил их под своего пассажирского сиденья. В связи с чем я испугался еще сильнее и начал вести себя немного взволнованно». Сложноподчиненное предложение состоит из пяти простых частей (одной главной и четырех придаточных, объединенных комбинацией соподчинения и последовательного подчинения), включает 32 самостоятельных слова и 23

488 | служебных, т. е. союзов, предлогов, частиц. Между тем для устной речи системными являются «обычно короткие ... предложения», а «в сложных предложениях явно преобладает сочинение над подчинением» [12: 438].

Корреляционной характеристики требуют и многочисленные формы местоименного слова ДАННЫЙ, восходящего к страдательному причастию прошедшего времени. Они изобилуют в том конструктивном массиве, который нацелен показать в протоколе речь обвиняемого. Например, это слово трижды использовано в следующем контексте:

«Данное наркотическое средство я употребляю путем курения с помощью сигареты. Как выглядит куст данного наркотического средства, мне достоверно известно, так как не раз видел его и сам непосредственно изготавливал из куста данного растения наркотическое средство».

Нарочитость построения связана и с оборотами, которые маловероятны в речи, тем более устной, например: «курение с помощью сигареты» – так обычно не говорят, не пишут.

Если же привлечь материал исходной, бесспорной коммуникации обвиняемого, а именно его объяснение, то в нем характерны естественные, доступные синтаксические построения, типичные для устной речи, для разговорного стиля. В том числе – в тех случаях, когда данный стиль представляет официальную ситуацию.

Исходя из словесно-смысловых и грамматических характеристик материала, можно полагать, что автор объяснения и автор протокола – разные лица. (Причем следователь признал это на судебном заседании!) В протоколе смысл нередко разрушен, что характерно для искусственно конструируемого текста.

Корреляцию ПТ и ВТ представляет в данном случае особое единство трех объектов: коммуникативно специфичных для устной речи, для ПТ, – однозначно вторичных в ЛЭ как ВТ, – и протокола, искусственно сконструированного «в полицейском регистре» и в результате экспертизы определенного как ВТ.

3. В системе выводов, вытекающих из полученных результатов, отметим те, в которых сопрягаются феномены первичности – вторичности и ЛЭ.

3.1. Пространство ЛЭ оказывается системно совместимым с традициями изучения вторичности как феномена. Например, в области «первичность-вторичность» категорию негопозитивности представляет и двуединство «похвала-порицание» в рецензии как виде ВТ [17: 93–105] – это двуединство категориально адекватно для корреляции «ПТ – ВТ».

3.2. Специфическим материалом подтверждается корреляционный характер отношений «ПТ – ВТ». Этими отношениями обобщается сущностная и явленческая стороны объектного пространства. Такая многогранность благоприятствует сохранению цельности ЛЭ при ее обращенности к весьма различным элементам экспертируемых ПТ.

3.3. Намеченная систематика в принципе не претендует на полноту; она нацелена отразить репрезентативные группы материала и наметить перспективу эмпирического расширения. Заслуживает дальнейшего внимания вторичность комплексного характера: она также принадлежит к основным видам объекта, поскольку определяющие ее комбинации обычно носят типовой, устойчивый характер.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Наука; Флинта, 2009. 592 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова (БТС). СПб.: РАН, 2010. 1536 с.
3. Бондаренко Е.Н. Новые аспекты подхода к оценочным суждениям в лингвистической экспертизе: оценочные суждения как маркер негативной информации, влекущей правовые последствия // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Ростов-на-Дону: Дониздат; СКФУ, 2018. С. 39–44.
4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
5. Вдовиченко А.В. С возвращением, автор, но где же твой “текст” и “язык”? О вербальных данных в статике и динамике. Ч.1 // Вопр. философии. 2018. № 6. С. 121–132.
6. Велиев Захид Бахшалы оглы. Лингвоюридические параметры речевой коммуникации // Вестник Пятигорского государственного университета, 2019. № 1. С. 120–125.
7. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов на материале современного английского языка. М.: Изд-во МГУ, 2006. 254 с.
8. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998.
9. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Волгоград, 2006. 37 с.
10. Кара-Мурза Е.С. Речевые преступления в массмедиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. С. 101–105.
11. Катышев П.А. Речевое вовлечение в опосредованной коммуникации // Функциональная стилистика в контексте современного гуманитарного знания. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 127–134.
12. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2014. 464 с.

13. Леонтьев Д.А. Слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 216–227.
14. Олссон Дж. Слово как улика: Практика судебных лингвистических экспертиз. М.: АСТ, 2018. 256 с.
15. Осадчий М.А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Либроком, 2013. 256 с.
16. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–2. М.: РАН, 2002. (РАС).
17. Соловьева Н.В. Похвала и порицание в научной рецензии // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: ПГНИУ, 2015. С. 93–105.

A. L. Faktorovich

THE CORRELATION “INITIAL – DERIVATIVE TEXT” AND THE LINGUISTIC EXPERTISE OF MEDIA MATERIALS

Abstract: The correlation “initial – derivative text” is characterized in linguistic expertise discourse. Textual and cognitive objects represented in it are observed in integration. Textual support and cognitive coordination are defined as interrelated aspects. This approach is defined in unit of two tendencies: growing valence of integrative explanations; multidiscipline dominants. The correlations are described in difference of objects of linguistic expertise.

Keywords: categorization, peculiarities, representation, cognitive objects, linguistic expertise, system relations, text.

Раздел 7.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
И ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ
И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ
ПО УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА КАК ОБЪЕКТ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Аннотация. Статья посвящена характеристике особенностей автороведческой идентификационной экспертизы текстов протоколов допроса. Рассматриваются основные типы экспертных задач, описываются жанровые черты протокола допроса и их влияние на методику автороведческой экспертизы, предлагается методика, разработанная для установления текстов жанра протокола допроса.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, протокол допроса, идентификация авторства, методика автороведческой экспертизы.

Протокол допроса часто становится объектом автороведческой экспертизы, однако цельного и глубокого исследования проблем и методов установления авторства текстов данного жанра, равно как и специальной методики автороведческой идентификационной экспертизы протокола допроса в научной литературе не представлено, есть лишь работы, описывающие способы решения конкретных экспертных задач. В рамках одной статьи заполнить эту лауну невозможно, однако возможно выделить основные проблемные моменты, дать краткое описание жанра протокола допроса и предложить один из возможных методических подходов к идентификации авторства текстов данного жанра. Анализ проведен на материале анализа более 100 протоколов допросов подозреваемых, обвиняемых и свидетелей второй половины XX – начала XXI вв.

Задачи идентификационной автороведческой экспертизы. Вопросы идентификации авторства – самые распространенные в судебном автороведении. Они возникают в ситуациях, когда необходимо проверить принадлежность текста авторству конкретного лица, либо когда необходимо установить факт принадлежности нескольких текстов одному автору и т.п. Соответственно, можно выделить несколько направлений идентификационной автороведческой экспертизы: верификация автора и идентификация автора, определение

принадлежности нескольких текстов одному лицу, а также множественная неопределенность [1: 44].

Верификация автора – это проверка того, написан ли текст предполагаемым лицом. Такая экспертиза представляет собой сравнение по образцу, когда эксперту предоставляются образцы письменной речи конкретного лица и ставится задача определить, принадлежит ли ему спорный текст.

Идентификация авторства – это установление того, кому из множества предполагаемых авторов принадлежит спорный текст. В этом случае необходимо исследовать образцы речи каждого из множества авторов и сравнить навыки письменной речи каждого автора с навыками автора спорного текста.

Определение принадлежности нескольких текстов одному лицу отличается от процедур верификации и идентификации, поскольку отсутствуют образцы речи предполагаемого автора. Для каждого из спорных текстов определяется набор признаков речи автора, которые затем сравниваются.

Помимо названных, А.Н. Баранов выделяет такую ситуацию идентификационной автороведческой экспертизы, как «множественная неопределенность» [1: 44], – несколько спорных текстов нужно «распределить» по нескольким авторам, чьи образцы письменной речи представлены для исследования.

Идентификационная автороведческая экспертиза текстов протокола допроса свидетеля, подозреваемого или обвиняемого назначается в случаях, когда возникает сомнение в том, что автором документа действительно является допрошенное лицо. При анализе текстов протоколов допроса эксперт сталкивается со следующими типами идентификационных задач: верификация автора, идентификация автора и определение принадлежности нескольких текстов одному лицу.

Верификация автора протокола допроса, как правило, связана с двумя ситуациями: определением, принадлежит ли текст авторству допрошенного лица (свидетеля, подозреваемого, обвиняемого), или определением, принадлежит ли текст авторству лица допросившего (следователя или дознавателя). В зависимости от того, чье авторство требует проверки, на экспертизу предоставляются образцы речи либо допрошенного лица, либо допросившего, однако чаще встречается ситуация первого типа, поэтому эксперту приходится анализировать образцы речи допрошенного, которые не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым к образцам [4: 121].

Идентификация автора связана с решением задачи, кому именно – допрошенному или допросившему – принадлежит текст протокола. В качестве образцов предоставляются тексты и допрошенного, и допросившего, соответствие которых требованиям сталкивается с такими же проблемами, как при верификации.

Определение принадлежности текстов одному лицу встречается даже чаще, чем верификация и идентификация, поскольку не требует предостав-

494 | ления образцов письменной речи никого из участников допроса. Задача эта ставится, когда есть подозрение, что несколько протоколов по одному делу были написаны следователем или дознавателем.

Таким образом, из всего набора задач идентификационной автороведческой экспертизы, эксперт, исследующий тексты протоколов допроса, может столкнуться с задачами верификации, идентификации и определения принадлежности нескольких текстов одному автору. Каждая из этих задач в ситуации с протоколом допроса претерпевает существенные изменения, в результате которых возможность их решения ограничивается. Ситуация «множественной неопределенности» для автороведческой экспертизы протоколов допроса не характера.

Жанровые черты и проблемы идентификации авторства протокола допроса. При решении любого из выделенных типов задач эксперт-авторовед сталкивается с рядом трудностей, вызываемых жанровыми особенностями текстов. В данном пункте рассмотрим более подробно жанровые черты протокола допроса на разных уровнях функционирования языковых единиц.

Все жанровые черты протокола допроса формируются вокруг двух жанровых доминант, выделенных в работе Н.М. Татарниковой, – точности и конкретности [9: 117]. Точность в юридическом тексте понимается как отсутствие инотолкований, однозначность восприятия информации, конкретность – как описание определенного денотата и соответствующий ему набор языковых единиц и их значений. Существует несколько подходов к описанию жанра [9: 17–22], однако для задач разработки методики текстов протокола допроса наибольшее значение имеет характеристика черт жанра по уровням функционирования языковых единиц. Можно выделить следующие уровни и жанровые черты.

1. Структурно-текстовый уровень характеризует структуру и логику построения текста. На этом уровне к протоколу допроса предъявляются жесткие законодательные требования, которые предполагают выделение трех основных частей в тексте протокола: вводной, описательной и удостоверяющей.

Вводная часть одержит реквизитные данные протокола (название населенного пункта, в котором производилось следственное действие; день, месяц, год, время начала и окончания допроса; должность, звание, фамилию и инициалы лица, составившего протокол; адрес, включая номер кабинета, где был произведен допрос; ссылки на ст. 189 и 190 УПК РФ, а при допросе несовершеннолетнего и на ст. 191 УПК РФ и номер дела, в рамках расследования которого осуществлен допрос); анкетные данные допрашиваемого (фамилия, имя и отчество допрашиваемого, день, месяц и год его рождения, место рождения, место жительства и регистрации и т. п.); уведомление о применении технических средств и разъяснение статуса допрашиваемого.

Завершает вводную часть подпись допрашиваемого, удостоверяющая его ознакомленность с правами и обязанностями, соответствующими его процессуальному статусу.

Описательная часть протокола допроса отличается большей свободой в плане формы и содержания документа. Как отмечает Рыжаков, «вслед за словами «по существу уголовного дела могу показать следующее» излагаются собственно показания допрашиваемого, которые допрашиваемый дает в форме свободного рассказа, а также поставленные перед ним вопросы и ответы на них. Здесь же описываются осуществляемые в процессе допроса действия (изготовление схем, чертежей, рисунков, диаграмм и т. п.) и принимаемые промежуточные решения в том порядке, в каком они производились» [8]. Что касается формы изложения, в ч. 2 ст. 190 УПК РФ указана необходимость фиксации показаний от первого лица и «по возможности дословно». Такая форма изложения позволяет нам говорить о наличии в тексте описательной части индивидуально-авторских особенностей речи, что дает возможность анализировать эту часть текста с точки зрения авторства.

Описательная часть может иметь несколько видов. Во-первых, она может носить монологический характер, когда речь допрашиваемого фиксируется в форме монолога, разделение на вопросы и ответы отсутствует. Тексты с таким видом описательной части чаще всего становятся объектом автороведческой экспертизы. Настоящее исследование строится на анализе именно таких текстов.

Во-вторых, описательная часть протокола может носить диалогический характер, при котором отдельно фиксируются вопросы следователя или дознавателя и ответы допрашиваемого. Такие тексты реже становятся объектами автороведческой экспертизы, что связано с критически малым объемом речи допрашиваемого. Они могут анализироваться только при наличии достаточно развернутых ответов последнего, хорошо отражающих уровень языковой компетентности и особенности речевого поведения.

В-третьих, описательная часть может носить смешанный характер, когда часть протокола представляет собой монолог допрашиваемого, а другая часть – отдельно зафиксированные вопросы и ответы. Их анализ может проводиться только в случае достаточно объемной монологической части и развернутых ответов.

Удостоверительная часть содержит сведения о поступлении или не поступлении заявлений от участников следственного действия, содержание поступивших заявлений, удостоверенные подписями участников допроса, указание на способ ознакомления с протоколом, отметка о правильности изложения показаний («с моих слов записано верно»), поступившие дополнения и уточнения, (указание на отсутствие замечаний) и подписи всех участников допроса.

В большинстве случаев достоверительная часть протокола допроса не представляет большого интереса для установления авторства, однако имеют место ситуации, когда уровень языковой компетенции допрашиваемого, отраженный в достоверительной части, настолько значительно отличается от уровня языковой компетенции языковой личности автора протокола, что также может играть важную роль для установления авторства [6: 120].

Помимо собственно структурно-композиционных черт на этом уровне можно отметить такие свойства текста протокола допроса, как его аргументированный и последовательный характер. Последовательность в тексте протокола, как правило, динамическая, описывается временную соотнесенность действий, событий реальной действительности.

2. Лексический уровень. На этом уровне точность и конкретность реализуются наиболее явно. Можно выделить следующие типы лексики, которые характерны для жанра протокола допроса:

- 1) предметные номинации с конкретным значением (*автомашина, кузов, компьютер, станция метро* и т. п.);
- 2) гипонимы, уточняющие или заменяющие соответствующие им гиперонимы;
- 3) имена собственные (*«я слушал радиостанцию «Серебряный дождь»»*);
- 4) дескриптивные слова, называющие признак по цвету, форме, материалу, функции и т. д. (*«Прямоугольная картонная упаковка комбинированной окраски»*);
- 5) точные указания времени, даты, места, адреса, наименования и т. п. (*«16.09.2007 г. Я общался в сети Интернет с Линком Андреем по кличке «Линкольн» и еще с кем-то...»*);
- 6) слова с указательным значением (*«в этот день», «со своей банковской карты»*).

Если говорить о преобладающих частях речи, можно выделить следующие:

- 1) глаголы физического действия (*«звонить», «проставить», «передать»*);
- 2) личные местоимения первого лица, единственного или множественного числа;
- 3) числительные со значением даты и времени;
- 4) наречия со значением последовательности действий.

Что касается наиболее частотных нарушений лексической нормы, можно отметить следующее:

- 1) частые лексические повторы, предпочтение лексических повторов синонимам (*«за деньги проставить отметки о сдаче экзаменов и зачетов в эту сессию без посещения этих зачетов и экзаменов»*);
- 2) плеоназм и тавтология (*«без фактического присутствия», «По работе у меня периодически возникали проблемы с тем, что некому было работать...»*).

3. Синтаксический уровень. Для текстов протокола допроса в целом характерна синтаксическая оформленность и завершенность, однако степень проявления этого признака во многом зависит от лица, осуществляющего фиксацию протокола допроса. Можно выделить следующие синтаксические черты:

- 1) преобладание прямого порядка слов;
- 2) среди типов предложений равно часто встречаются простые предложения, а также сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными или определительными;
- 3) предпочтение в сложноподчиненных предложениях цели конструкций с придаточным союзом «чтобы», вместо «для того, чтобы» («*планирует платить деньги, чтобы проставить отметки*»);
- 4) высокая степень распространенности предложений, в качестве основного средства распространения чаще всего встречаются однородные сказуемые со значением последовательности действий («*После этого я вернулся в свою машину и уехал с места происшествия*»);
- 5) обилие уточняющих и пояснительных конструкций («*...что я и сделала через банкомат, расположенный в здании пригородного вокзала (я там рядом работаю), что подтверждается представленной мне выпиской*»);
- 6) использование союза «поэтому» как средства связи предложений в тексте («*...чтобы им проставили отметки о сдаче зачетов и экзаменов без их фактической сдачи. Поэтому, в сентябре...*»);
- 7) дистантный повтор.

4. Стилистический уровень. На стилистическом уровне отмечаются как черты, характерные для официально-делового стиля в целом (аббревиатуры, сокращения дат и времени, наименование человека по роду деятельности, сложные предложения с перечислением), так и некоторые специфические для жанра протокола допроса черты:

- 1) смешение официально-делового и разговорного, иногда научного стилей;
- 2) использование оперативно-розыскной терминологии и профессионализмов (*противоправная деятельность, участвующее лицо, досмотр, оперативно-розыскное мероприятие, протокол и т. п.*);
- 3) использование канцеляризмов (*клиент, приобретает, подсобное помещение, надбавка*);
- 4) употреблением слов из сферы профессиональной деятельности допрашиваемого (*медицинский инвентарь, препараты для похудения, сибутрамин*).

5. Коммуникативно-прагматический уровень. Данный уровень не всегда учитывается при производстве автороведческой экспертизы, однако он имеет большое значение для анализа протокола допроса. Можно отметить следующие прагматические черты:

- 1) уклонение от принципа кооперации Г.П. Грайса [3]. Протокол допроса относится к некооперативным текстам: автор и составитель находятся в нерав-

498 | новесной позиции, они преследуют разные коммуникативные цели, в результате чего автор может занимать намеренно неискреннюю позицию. Поэтому рассматривая протокол допроса с точки зрения принципов коммуникации, учитывать тот момент, что диалог автора и составителя некооперативный по своей природе. Это, в свою очередь, порождает нарушения конкретных коммуникативных максим;

2) нарушение максимы количества. Данная максима призывает не говорить больше или меньше, чем того требуется. Для текста протокола допроса, с одной стороны, характерна речевая избыточность, сильная детализация при описании событий, объектов или действий, с другой стороны, некооперативный диалог и наличие собственной коммуникативной цели у автора может привести, напротив, к сообщению недостаточного количества информации;

3) нарушение максимы релевантности. Максима релевантности призывает не отклоняться от темы речи, одна в протоколе допроса нередко встречается ситуация, когда допрашиваемое лицо, преследуя свою коммуникативную цель, намеренно или ненамеренно стремится перевести разговор на ту тему, которая больше его волнует.

«Двойное авторство» протокола допроса. Еще одна яркая черта жанра протокола допроса, которая находит проявление на разных уровнях – несовпадение автора и составителя документа: текст протокола допроса составляется следователем или дознавателем на основе показаний допрашиваемого лица, соответственно, следователь или дознаватель является его составителем, а допрашиваемый – основным автором.

Несовпадение автора и составителя протокола допроса порождает ряд особенностей. Прежде всего, это наличие побочных коммуникативных целей. Коммуникативная цель составителя – создание картины определенного события, у автора же могут быть другие коммуникативные цели, помимо передачи информации составителю, в частности, оправдаться, продемонстрировать свою невиновность, акцентировать несправедливость происходящего или вынужденность, неизбежность каких-либо действий и т. п.

Различие автора и составителя ограничивает уровни функционирования языковых единиц, которые используются при определении авторства. Так, полностью исключаются из анализа пунктуационный и орфографический уровни, поскольку они характеризуют уровень грамотности составителя, а не автора. Кроме того, лексический, синтаксический и стилистический уровни также в значительной степени отражают речь составителя. С той или иной степенью точности разделить вклад составителя и автора в текст протокола возможно лишь при сильном различии уровней их языковой компетенции.

Как показал анализ жанровых черт протокола допроса, для него в целом характерны клишированность лексики и синтаксиса, высокая степень стандартизации документа, сложность при разделении речи автора и составителя

и, как правило, небольшой объем текста. Все это существенно усложняет проведение автороведческого исследования протокола допроса и создает необходимость разработки специальной методики, адаптированной под особенности этого жанра.

Подходы к установлению авторства протокола допроса. В научной литературе проблема автороведческого анализа протоколов допроса получила скудное освещение лишь в последние годы. Главным образом это статьи, посвященные анализу конкретной экспертной ситуации, в которых отмечаются проблемы конкретных текстов и предлагаются частные методы их решения.

Тексты протокола допроса приводятся в качестве иллюстрации методики автороведческой экспертизы в статье «Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования» Т.А. Распоповой [7]. Автор отмечает, что тексты протокола допроса отличаются «высоким уровнем стандартизации и унификации излагаемого материала», что особенно ярко выражено во вводной и заключительной частях [7: 137], в связи с этим Т.А. Распопова полагает пригодной для автороведческого анализа лишь описательную часть протокола допроса. При идентификации текстов протоколов допроса автор опирается, прежде всего, на статистические показатели. Другие показатели, а также специфические черты протокола допроса как жанра в статье не рассматриваются.

К проблеме установления авторства протоколов допроса обращается Л.М. Месропян в статье «Лингвистическая экспертиза протокола допроса: идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушения» [6]. Автор обращает внимание на отсутствие четких границ возможного искажения речи допрашиваемого в протоколах, в результате чего речь допрашиваемого обезличивается, теряет индивидуальные особенности. Это создает трудности при производстве автороведческой экспертизы, поскольку нивелирует большинство идентификационных признаков. Говоря о жанровых особенностях протокола допроса, Л.М. Месропян повторяет тезис о границах авторского текста, считая пригодной для исследования только описательную часть протокола допроса. Кроме того, автор также указывает на ограниченную применимость принятых в автороведении уровней анализа при исследовании протокола допроса. Так, исследование текста на уровне выявления орфографических и пунктуационных ошибок мало применимо к протоколам допросов, поскольку автор и исполнитель таких текстов, как правило, различается. Таки образом, по мнению Л.М. Месропян, учитываются только лексико-фразеологический, синтаксический и стилистический уровни. В качестве дополнительного критерия Л.М. Месропян рассматривает уровень владения русским языком, который отразился в удостоверительной части в виде рукописно выполненного фрагмента, в котором допрашиваемый отмечает, что не имеет заявлений и возражений по ходу допроса. Дело в том, что, по наблюдениям исследователя, данный фрагмент написан в разрез

500 | с нормами русского языка, причем нарушает их не свойственным для носителей языка образом.

Обе рассмотренные статьи отмечают ограниченную применимость существующих методов анализа и стремятся дополнить чем-то анализ для повышения точности результатов. В одном случае используются статистические показатели, в другом уровень владения русским языком. Однако эти критерии не являются универсальными для текстов данного жанра — статистический критерий показывает достоверный результат лишь на больших объемах текстов, а критерий уровня владения русским языком вообще практически не проявляется в протоколах. Соответственно, одной из первостепенных задач является разработка методики, учитывающей жанровые черты протокола допроса и универсальной для всех текстов этого жанра.

Методика установления авторства протокола допроса. Методика идентификационной автороведческой экспертизы строится из нескольких последовательных действий: оценки пригодности спорного текста и текстов-образцов, раздельного анализа спорного текста и текстов-образцов, сравнительного анализа полученных признаков, оценки результатов и формулирования выводов [4: 120]. Они справедливы и для текстов протокола допроса, однако условия пригодности и оценки результатов, а также этапы раздельного и сравнительного анализов имеют определенную специфику.

Анализ протоколов допроса объемом от 150 до 4 000 тысяч слов показал, что минимальный объем для выделения устойчивых признаков – 300 слов, не считая вводную, удостоверительную часть и вопросы следователя. Объем сравнительных образцов должен составлять от 1500 тысяч слов (в 5 раз превышать объем спорного текста).

Для проведения раздельного и сопоставительного анализа нами были выделены следующие релевантные признаки на шести уровнях функционирования языковых единиц:

1. Структурно-текстовый уровень:
 - общие признаки: манера изложения (последовательность / непоследовательность; многословность / лаконичность; аргументированность / неаргументированность);
 - частные признаки: текстовые проявления манеры изложения (наличие / отсутствие отклонений от линии повествования).
2. Лексико-семантический уровень:
 - общие признаки: оценочная лексика; лексика, выражающая отношение к сообщаемому; лексика, выражающая различные чувства; лексика со значением регулярности действий или событий; использование синонимов и антонимов и их характер; использование модальных глаголов, частиц, слов, усиливающих отрицание;

- частные признаки: предпочтительное употребление конкретных слов из перечисленных групп лексики; лексические ошибки (кроме лексического повтора, тавтологии и плеоназма).

3. Синтаксический уровень:

- общие признаки: преобладание глагольных / именных / наречных / адъективных словосочетаний; преобладание конструкций с примыканием / согласованием; преобладание предложных словосочетаний; фразеологизмов; преобладание сложных предложений над простыми; степень осложненности и распространенности предложений; среди сложных предложений – преобладание сложносочиненных, бессоюзных или сложных предложений с разными типами связи; инверсия; парцелляция; анафора;

- частные признаки: использование конструкций с дублированием предлога; упрощенных словосочетаний; редких словосочетаний, в которых позиция одного компонента замещена целым предложением; словосочетаний, в состав которых входит фразеологизм или другое словосочетание; способ осложнения предложений; частое использование придаточных обстоятельственных; предпочтение развернутых сложноподчиненных предложений синонимичным им простым предложениям с отглагольными существительными; использование просторечно-обиходной частицы «вот» для связи предложений; устойчивые ошибки построения определенного типа предложений.

4. Стилистический уровень:

- общие признаки: употребление оксюморона, антифразиса, аргоизмов, сленга, жаргонизмов, профессиональной неюридической лексики; использование разговорной лексики, средств выразительности (кроме гиперболы);

- частные признаки: использование конкретных слов из выделенных групп.

5. Эмотивный уровень:

- общие признаки: экзальтированность, гиперболизация в выражении чувств, при передаче состояния; доминирование этической оценки происходящего; морализаторский тон повествования; просительно-заверительный характер речи; наличие эмоций ответственности, долга;

- частные признаки: частое использование слов с суффиксами субъективной оценки, передающих различные оттенки чувств; употребление в тексте экспрессивной лексики; частое использование сниженной лексики; использование в тексте нецензурных слов и выражений как средства выражения эмоционального, негативного отношения к происходящему.

6. Коммуникативно-прагматический уровень:

- общие признаки: наличие дополнительной коммуникативной цели в тексте, нарушение максим количества и релевантности; уклонение от ответа;

- частные признаки: конкретные способы приемы уклонения и способы нарушения коммуникативных максим.

При анализе текстов протоколов допроса нами было обнаружено такое свойство документов этого жанра, как обилие уточнений, наборы которых у разных авторов существенно разнятся. Это свойство наиболее полно и многогранно отражает доминанты точности и конкретности и позволяет говорить о выделении идентификационных признаков, специфических для жанра протокола допроса. На основе этого свойства, помимо признаков, выделенных на основе методик С.М. Вула [2], Г.Д. Марковой [3] и ЭКЦ МВД [4], нами была разработана и применена для анализа авторства такая характеристика текста, как набор типов уточнений.

Под уточнением мы понимаем семантический компонент текста, который дополняет, разъясняет, уточняет какую-то мысль, но носит факультативный характер в тексте (с точки зрения передачи информации об объекте речи). Однако в протоколах допроса уточнения являются обязательным элементом, позволяющим достичь необходимой подробности изложения информации.

Уточнения неоднородны по своей природе, поскольку могут нести дополнительную информацию о разных объектах и их разных качествах. На материале проанализированных протоколов нами была составлена семантическая классификация уточнений, в основу которой положен тип объекта, о котором сообщается дополнительная информация.

Было выделено 6 типов уточнений с несколькими подтипами:

1. Темпоральные (даты, времени, временных границ, длительности и т. п.).
2. Пространственные (места, направления, расстояния, маршруты, пункты отправления/назначения, адреса и т. п.).
3. Объектные (качественные характеристики, количественные характеристики, пояснение термина или понятия, существование определенного правила/порядка, существование обычая, традиции).
4. Субъектные (состав участников, агенс / состав агенсов, пациенс / состав пациенсов, суперагенс).
5. Эмоционально-интеллектуального состояния автора (неосведомленность или незаинтересованность автора, осведомленность и уверенность автора, эмоционально-оценочное отношение автора к объекту, ссылка на личный опыт, ссылка на чужое мнение).
6. Логические (уточнение-уступка, уточнение цели, причины, уточнение-следствие, аргументация, причинно-следственные связи, уточнение результата, уточнение-присоединение).

Все подтипы, в зависимости от их роли при установлении авторства текста, были разделены на высоко- и низкоинформативные (табл. 1). К низкоинформативным были отнесены те типы уточнений, которые встречаются во всех или большинстве протоколах допросов и чаще всего принадлежат речи составителя или теме документа. Высокоинформативные уточнения встречаются в текстах намного реже, но содержат больше информации об авторе протокола.

Таблица 1. Низкоинформативные и высокоинформативные типы уточнений

Низкоинформативные уточнения	Высокоинформативные уточнения
Темпоральные (кроме временных границ и длительности)	Темпоральные (временных границ, длительности)
Пространственные (места через указание на расстояние от реперной точки; места (без дополнительных оттенков значения); линейное уточнение маршрута; расстояния; направления; адреса)	Пространственные (места через указание на наличие/отсутствие там лица или объекта; места через описание ландшафта; пункта отправления/назначения; радиальное уточнение маршрута)
Объекта (качественных и количественных характеристик объекта речи; пояснение термина или понятия)	Объекта (существование порядка/требования; существование обычая/традиции)
Субъекта (участников событий; агенса)	Субъекта (пациенса, суперагенса)
Эмоционально-интеллектуального состояния автора (указание на неосведомленность или незаинтересованность автора)	Эмоционально-интеллектуального состояния автора (указание на осведомленность и уверенность автора; на эмоционально-оценочное отношение автор к объекту; на личный опыт; на чужое мнение)
Логические (цели, причинно-следственной связи)	Логические (кроме причинно-следственной связи и цели)

Исследование типов уточнений также должно учитывать не только их информативность, но и общие и частные признаки, связанные с уточнениями. Так, тип и подтип уточнения относятся к общим признакам, в то время как к частным будет относиться конкретное лексическое наполнение и синтаксическая структура данного подтипа. Например, общий признак «уточнение со значением места» может быть представлен такими частными синтаксическими признаками, как использование необособленного обстоятельства места или придаточного предложения со значением конкретизации места. Уточнение направления может иметь такие частные синтаксические признаки, как использование обстоятельства места с предлогом «в» или вставки.

Анализ типов уточнений позволяет составить для каждого текста картину употребления уточнений. Сопоставление получившихся результатов текстов-образцов и спорного текста позволяет оценить степень сходства использованных авторами типов уточнений.

Таким образом, можно предложить следующий алгоритм раздельного и сравнительного анализа текстов протоколов допроса:

1. Раздельный анализ спорного текста, образцов речи предполагаемого автора и, если есть необходимость, образцов речи составителя по выделенным идентификационным признакам (6 уровней).
2. Сравнительный анализ выделенных наборов признаков.
3. Формулирование предварительного вывода.

504 | 4. Раздельный анализ общих и частных признаков уточнений в спорном тексте, образцах речи предполагаемого автора и, при необходимости, образцах речи составителя.

5. Сравнительный анализ общих и частных признаков уточнений.

6. Формулировка выводов на основе соотношения типов уточнений.

7. Оценка результатов и формулирование общих выводов на основе анализа идентификационных признаков и типов уточнений.

Оценка результатов анализа происходит с учетом совпадения как идентификационных признаков, так и признаков уточнений. При этом для положительного вывода об авторстве текстов важным является совпадение большей части общих и частных базовых идентификационных признаков и отсутствие существенных различий общих и частных высокоинформативных признаков уточнений. Необходимо учитывать, что общие признаки уточнений могут варьироваться не только в зависимости от автора, но и в зависимости от темы, особенно это касается низкоинформативных признаков. Таким образом, у одного автора в текстах разной тематики могут встречаться разные низкоинформативные и некоторые высокоинформативные типы уточнений, однако частные признаки и общие признаки высокоинформативных субъектных и логических уточнений, равно как высокоинформативных уточнений эмоционально-интеллектуального состояния автора, как правило, слабо варьируются у одного автора.

Данная методика прошла апробацию при проведении автороведческой экспертизы протоколов допроса и показала свою эффективность. Результаты апробации подтвердили также выводы об условиях определения пригодности – апробация проводилась на текстах объемом от 150 до 2000 слов, полученные результаты показали, что для текстов объемом 150–200 слов сделать вывод об авторстве достаточно сложно, однако при увеличении этих значений до 300 слов авторские признаки проявляются более регулярно.

Разработанная методика позволяет сформулировать более точный вывод, поскольку анализируются дополнительные, характерные для жанра протокола допроса и обладающие высокой степенью авторской уникальности признаки; позволяет сэкономить время, поскольку используется классификация идентификационных признаков, учитывающая только релевантные для протокола допроса признаки.

Заключение. Проведенный анализ текстов протоколов допроса позволяет выделить основные типы идентификационных задач, решаемых в рамках автороведческой экспертизы текстов данного жанра, к ним относится верификация автора, идентификация автора и определение принадлежности нескольких текстов одному автору. Жанровые черты протокола допроса сконцентрированы вокруг свойств точности и конкретности текста и проявляются на всех уровнях функционирования языковых единиц, ограничивая

возможности выделения идентификационных признаков. Значительные ограничения вносятся также различием автора и составителя документа.

Разработанная методика строится на жанрово-прагматическом анализе протокола допроса и представляет собой один из возможных подходов к установлению авторства текстов данного жанра. Помимо набора идентификационных признаков, важной особенностью предлагаемой методики является анализ уникального для жанра протокола допроса признака – набора типов уточнений, что позволяет максимально учесть жанровую специфику при анализе и повысить точность результатов.

Предлагаемая нами методика может быть уточнена и дополнена в результате анализа большего объема текстового материала, в настоящий момент ведутся работы по ее автоматизации.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007. 64 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. – URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (дата обращения 22.07.2019).
4. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И.И. Рубцова, Е.И. Ермолова, А.И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 197 с.
5. Маркова Г.Д. Идентификационные признаки письма в советской криминалистической экспертизе, автореф. канд. дис. Харьков, 1956. 15 с.
6. Месропян Л.М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, 18–19 ноября 2016 г. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Петрополис, 2017. С. 116–127.
7. Распопова Т.А. Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1 (6). С. 133–144.
8. Рыжаков А.П. Допрос: основания и порядок производства / А.П. Рыжаков. М.: Дело и Сервис, 2014. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=СМВ;n=17478;frame=4294967295> (дата обращения 06.07.2019).
9. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса): дис... кандидата филологических наук. Кемерово, 2004.

E. E. Abramkina

**THE MINUTES OF INTERROGATION AS OBJECT OF THE
AUTHORSHIP IDENTIFICATION EXAMINATION: TASKS,
PROBLEMS, ANALYSIS TECHNIQUES**

Abstract: The article is devoted to characteristic of features authorship identification examinations of the minutes of interrogation texts. The main types of expert tasks are considered, genre lines of the minutes of interrogation and their influence on the authorship examination methods are described, the techniques developed for establishment of the minutes of interrogation genre is offered.

Keywords: authorship examination, minutes of interrogation, authorship identification, techniques of authorship examination.

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РАЗНОЖАНРОВЫХ ТЕКСТОВ¹³

Аннотация. В статье обосновывается результативность применения холистических принципов при проведении автороведческой лингвистической экспертизы. Анализируются два разножанровых текста, сопоставление которых осуществляется исходя из их лингвопрагматических характеристик (тип языковой личности автора, коммуникативная интенция, речевая стратегия).

Ключевые слова: спорный текст, автороведческая идентификационная экспертиза, признаки идентификации, холистический подход, интенциональность автора.

Речевое произведение – результат реализации интеллектуальной, психологической и языковой деятельности человека. Письменная речь отдельного индивида уникальна и неповторима; из неограниченного числа языковых средств автор выбирает те, которые в наибольшей степени соответствуют его типу языковой личности и реализации его коммуникативных намерений. Эти факторы учитывает юридическая лингвистика для решения задач идентификационного характера.

Сложность и неоднозначность автороведческих исследований, необходимость выработки действенных методик их проведения, востребованность такого рода экспертиз в правовой и судебной практике, увеличение правовых нарушений, для квалификации которых требуется установление личности автора речевого произведения, обуславливают необходимость в разработке принципов, методов и специальных программ проведения автороведческих исследований [Бутакова, 2019].

Автороведческая экспертиза определяется как один из видов экспертизы письменных текстов, целью которой является установление и характеристика автора спорного речевого произведения.

¹³ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

Проблемы, связанные с теорией и практикой проведения автороведческих экспертиз, рассматриваются в работах Л.А. Араевой, М.А. Осадчего [1], А.Н. Баранова [2], В.И. Батова [3], Л.О. Бутаковой [4], Е.И. Галяшиной [5], Н.Д. Голева [6], Т.Н. Дроздовой [7], А.К. Ермолаева [8], Л.Г. Ким [9], Т.А. Литвиновой [10], Г.В. Напреенко [11], И.В. Огорелкова [12], З. И. Резановой [13] и других. В этих публикациях обсуждаются общетеоретические проблемы, связанные с авторством текста, и предлагаются методики проведения автороведческих исследований.

Как известно, любой текст представляет собой структурированную целостность. И соответственно анализ текста, в том числе проводимый с целью установления его автора или идентификации текстов, можно осуществлять на основе использования двух принципиально различающихся подходов – *элементаристского* или *холистического*. *Элементаристский* подход предполагает проведение анализа «снизу вверх», т.е. в тексте вычленяются отдельные релевантные для авторизации элементы, и на основе сопоставления частотности этих элементов делается вывод об авторстве. Так, А.Н. Баранов осуществляет авторизацию текста на основе методики количественного анализа квазисинонимичных лексем. Сущность методики заключается в выявлении авторских предпочтений в выборе из группы квазисинонимов, например, *едва и немного; вдруг, внезапно, неожиданно* и подобных [2]. З.И. Резанова обосновывает релевантность количественных методов анализа языковых элементов текстовой структуры (единицы означивания, в том числе фонетико-графические элементы, элементы грамматики текста) [13]. В статье Т.А. Литвиновой анализу подвергаются результаты пунктуационного выбора пишущего как одна из составляющих ортологического параметра идиолекта [10]. Применение элементаристских методик позволяет лингвистам достаточно успешно решать задачи атрибуции текстов.

В данной статье предлагается использование *холистического* подхода в установлении автора текста. Холистические концепции основываются на признании целостности воспринимаемого объекта в качестве неперменного условия отражения его качественного своеобразия. Холистический подход акцентирует описание объекта по принципу «сверху вниз». Основной тезис заключается в том, что без гипотезы относительно природы целого восприятие частей невозможно, хотя бы потому, что части (элементы) могут быть структурированы самыми различными способами в зависимости от того, какое целое они образуют. Знаменитые парадоксы: «целое больше суммы своих частей» и «познание целого невозможно без познания его частей, но последнее немыслимо без знания о целом», на которые обратил внимание еще Аристотель, а в особенно заостренной форме сформулировал Шеллинг, как бы снимаются в пользу признания приоритетности целого и целостности.

Положив в основу холистический принцип, мы предлагаем использовать коммуникативно-прагматический метод исследования текстов с целью его

атрибуции. Этот метод предполагает моделирование коммуникативной ситуации, компонентом которой является спорный текст, тип языковой личности автора и адресата, интенциональность автора, формы ее речевого воплощения, побудительный мотив или повод создания текста. Анализ осуществляется по одной из моделей авторизации, о которых говорит А.Н. Баранов, а именно – сравнение по образцу [2]. Т. е. в распоряжении исследователя имеется текст 1 автора X. Необходимо установить, является ли X и автором текста 2.

Объектом настоящего исследования являются два текста, по отношению к которым необходимо провести сравнительный анализ с целью установления автора текста. Текст 1 – фонограмма видеозаписи под условным названием «Гражданин негодует произволом управляющей компании и чиновников». Текст выполнен в форме видеозаписи беседы некоего лица, вероятно, блогера, с жителем одного из домов г. Кемерово. Как участник беседы, гражданин называет блогеру свою фамилию, имя и отчество, а также адрес, по которому он проживает. С целью получения корректных данных исследования устный видеотекст нами был записан в форме стенограммы. Текст 2, имеющий заглавие «Пятая колонна, которую мы не замечаем», размещен в Интернете без указания его автора.

Текст 1 «Гражданин негодует произволом управляющей компании и чиновников» имеет форму диалога, т. е. представляет собой разговор двух лиц и включает реплики X и блогера, который записывает на видеокамеру беседу с ним. Хотя формально инициатором диалога является видеоблогер, с реплики которого начинается текст (*Давайте для начала представимся, объясним, где мы находимся*), однако инициативные реплики принадлежат X, ответы которого носят пространственный характер и определяют тему, содержание и прагматическую установку текста: *«Мы находимся по проспекту Ленина, около дома, несчастного дома, экспериментально-неудачного дома по проспекту Ленина, 103. Квартира не имеет значения».*

Текст 2 «Пятая колонна, которую мы не замечаем», представлен в форме монолога и выражает собой пересказ недавнего сна некоего лица с последующим описанием событий, увиденных во сне: *«А недавно мне приснился сон, будто бы я нахожусь на возвышенности и обзираю всю нашу многострадальную область, наши Кузбасс. А там вдали какой-то «лунный пейзаж» виднеется. Снуют людишки, как муравьишки копаются, что-то из чрева матушки земли добывают. Присмотрелся. Ба-а-а! Да ведь это они «черное золото» добывают! Во, сколько нарыли! А живут бедненько. Болеют часто, то туберкулезом, то алкоголизмом или наркоманией. И куда все это «добро» уходит? Должны бы жить по-человечески, есть и пить с посуды позолоченной. Но?»*

Задача исследования заключается в поиске ответа на вопрос, является ли автор текста «Гражданин негодует произволом управляющей компании

510 | и чиновников», т. е. гражданин Х, автором текста «Пятая колонна, которую мы не замечаем». Иными словами, необходимо провести идентификационное лингвоперсонологическое исследование на установление автора анонимного текста, т. е. сравнение текстов на схожесть.

Видеозапись позволяет достаточно конкретно охарактеризовать автора текста 1 в аспекте его пола, возраста, предположить уровень образования, социальный статус, место жительства. Это лицо мужского пола; в возрасте старше 60 лет; пенсионер, имеющий, вероятно, среднее, возможно средне-техническое или высшее техническое образование, достаточно начитанный, интересуется философской и социологической литературой: *«Читая «Тайное управление человечеством» Петрова, я там нашел такое замечательное место: «Все планы делаются людьми, люди и должны их корректировать».*

Речевой портрет позволяет описать его как «правдолюбца», «правдоискателя», который регулярно пишет письма в вышестоящие инстанции с целью обратить на себя внимание властей разного уровня и добиться решения социальных или бытовых проблем: *«В 2012 году, вот это заявление с 7 пунктами: капитальный ремонт кровли, ремонт канализации, заливка бетоном под стенами дома, ремонт отмостки, капитальный ремонт дороги с парковкой, заделка швов; Вот согласно этому заявлению, вот это заявление: 7 пунктов. Вот акты; И вот протоколы. 8 протоколов; Вот, например, протокол. Это вот акт. В общем, все 8 протоколов; Я побежал к зам. губернатора; Я написал заявление, чтобы прекратили заниматься... закапывать деньги; Меня внесли в какой-то сайт жалобщиков; Я вот здесь написал то, что она в прошлый год наши деньги закопала; Я ради того, чтобы это ушло на сайт Министерства ЖКХ, на сайт Путина, на сайт Медведева; У меня тут к главе города обращение; Был я вчера в Федеральной службе безопасности; Короче, я написал жалобу».*

По психотипу перед нами конфликтный тип языковой личности, который негативно оценивает окружающих, а также всех, с кем приходится так или иначе пересекаться: *«А жители – а это овощи; Которые сидят в зомбоящиках; Зомбированные; Ничего не говорят; Выйдут на крыльце лясы-балясы поточат; Наши Аман вон овечек дарит; Баранам баранов дарит».*

Автор текста 2 не указан. Однако содержание и языковые особенности текста позволяют нам заключить, что это лицо мужского пола, о чем свидетельствуют формы глаголов мужского рода прошедшего времени, а также лексические единицы, соотносимые с «мужскими» увлечениями и занятиями: *«В молодости я занимался охотой и рыбалкой: посиделки у костра, стопочка другая, анекдоты, неперменные атрибуты охотников и рыбаков; Но суть его я запомнил на всю жизнь».*

Автор текста 2, вероятно, имеет среднее или высшее образование; он достаточно начитан; речь его грамматически и стилистически соответствует

жанру и стилю текста. Автор использует разностилевые лексические единицы, принадлежащие как книжной лексике (*град, деспотизм, древо, матушка, начальник территориального управления, привилегия, тариф, хитросплетение, чрево; выпестованный, добротный, многострадальный, проводящий, специализирующийся; блаженствовать, восклицать, восстать, просвещать, сгинуть, сновать*), так и разговорно-просторечной (*жалобщик, людшики, мерзавец, муравьишки, негодяй, работяга, сидеть сиднем, хапуга, хлам*).

Автор текста интересуется политикой и юридически грамотен: *«Только в демократической партии «Яблоко» понимают это и просвещают простой народ: кто есть кто!!!; А как же закон, запрещающий работать родственникам в одной системе одного района?; Со слов депутата Гос. Думы Татьяны Овчаренко (специализирующейся по ЖКХ), проводящей в 2013 году семинары по ЖКХ...»*.

По психотипу автора статьи также можно отнести к конфликтному типу языковой личности, поскольку он оценивает всё происходящее в негативном ключе, обвиняя жителей города, руководство РЭУ, городские власти: *«Из соседних домов идут люди «элитные», собираются в Белом доме! Наверное, очередной бюджет делить? За двадцать лет двадцать бюджетов куда-то разделили!?!; Опять БА-А-А! идет прямо ОПСообществами: милицейскими, новыми полицейскими, однокашными, родственными, ОПГруппами криминальными??»; Снова Ба-а-а! идет целая «династия Редькиных!» за очередной лицензией на грабеж многострадального Русского народа!?!; Поэтому, самое лучшее РЭУ, без проверок и комиссий, зарплату сами себе назначают и немаленькую?; Со слов «раб-о-тяг» по 150 тыс. руб и выше. Плюс текущие и капитальные ремонты. Завышенные тарифы; А тарифы все растут и растут по их аппетитам; Забрав себе эту привилегию, нас же унижают, стращают, заносят в компьютер на «специальный сайт жалобщиков», устраивают настоящий террор; ...все так обнаглели, что страх самосохранения потеряли; Просидите у зомбо-ящиков и сгинете в полуразрушенных квартирах с текущими крышами и грибковыми стенами, оставив этот хлам своим детям в наследство; И только единицы восстанут против них, мерзавцев и хапуг, с лозунгом: «Врешь! Не возьмешь! Наше дело правое! Мерзавцев и негодяев выявим и посадим! Победа будет за нами!»*

Автор текста 1 в своем видеобращении реализует коммуникативную интенцию обличения. Побудительным мотивом обличающего дискурса являются нецелесообразные действия или бездействие руководства РЭУ-19: *«Ничего не было сделано; Здесь никто ничего не хочет делать; Но делать, похоже, ее и по сей день делать не собираются; Но по сей день никого нету; И все ссылаются, что все сделано по плану, и мы ничего сделать не можем; Так а за что с нас высчитывают постоянно? Поборы-то офигенные; У них один ответ: «На наш век хватит»; Это натуральное гетто.*

512 | *Его превратили в гетто; Тут зарывают деньги; Там все разрушается; Она в прошлый год наши деньги закопала; Сейчас просто деньги зароят. Потом будут тыкать нам всем и говорить: ну вот у вас недавно прошел ремонт и еще 40 лет не будем».*

Также побудительным мотивом обличающего дискурса является незаконное обогащение руководства РЭУ-19: *«Они в 2010–2011 году, из достоверных источников, они получали по 150 тысяч. Плюс еще там ремонты, если там полмиллиончика не украсть с крыши, то вообще тогда не жить».*

Автор текста 2 также реализует коммуникативную интенцию обличения. Побудительным мотивом являются коррупция, разбазаривание и воровство бюджетных средств представителями властных структур, незаконное обогащение руководящих лиц РЭУ-19: *«Из соседних домов идут люди «элитные», собираются в Белом доме! Наверное, очередной бюджет делить? За двадцать лет /двадцать бюджетов куда-то разделили!? А это немного/немало два триллиона рублей!!!; ...зарплату сами себе назначают и немаленькую? Со слов «раб-о-тяг» по 150 тыс.руб. и выше. Плюс текущие и капитальные ремонты. Завышенные тарифы».*

Дополнительным мотивом негативного оценивания послужили действия руководства РЭУ-19: *«Благополучно пережив ЖЭУ-5 и РЭУ-11, реоформив их под себя в РЭУ-19, блаженствуют под защитой депутата гордумы...; ... (ведет прием жалобщиков?) именно в РЭУ-19; Поэтому, самое лучшее РЭУ, без проверок и комиссий, зарплату сами себе назначают и немаленькую».*

Объектом обличения в тексте 1 являются разные лица на разных уровнях власти от конкретных лиц, возглавляющих РЭУ-19, до правительства страны в целом:

- Редькины: *«Мне назначили пенсию 4182 рубля 49 копеек. Это только благодаря династии Редькиных из РЭУ-19; Салимова-Редькина. Салимова эта, ну, сами знаете, чья Салимова. Она тоже Редькина. А сейчас она ее учит, дрессирует, тренирует. Вот. Олег Самодумов тоже ее племянник. Начальник территориального управления»;*
- Хлыбова О. Н.: *«Вот Хлыбова Ольга Николаевна. Ей кликуху дали «черный ризлтор». Вот она сейчас ушла в тень, потому что уже невыносимо было ей оставаться в начальниках»;*
- Бесчетнова Н. Н.: *«Значит, Бесчетнова, почему-то Наталья Николаевна»;*
- Тулеев А. Г.: *«Наши Аман вон овечек дарит; Баранам баранов дарит. Уже тысячами раздарил. Надо вот этим заниматься»;*
- Государственная дума: *«Все идет оттуда. Но чтобы эта гниль и узнала, что здесь творится. На местах. Ими созданное. Это же ими создано»;*
- Премьер-министр Д. А. Медведев: *«Я прошу, чтобы это обращение ушло в Министерство ЖКХ, ушло Медведеву, у которого все хорошо».*

В статье 2 также называются объекты обличения:

- Редькины: *«Снова Ба-а-а! идет целая «династия Редькиных»! за очередной лицензией на грабеж многострадального Русского народа!?!; Благополучно пережив ЖЭУ-5 и РЭУ-11, переоформив их под себя в РЭУ-19, блаженствуют под защитой депутата гордумы Редькина А. С. (кстати, ведет прием жалобщиков?) именно в РЭУ-19»;*
- Хлыбова О.Н.: *«Начнем с РЭУ – 19. Хлыбова Ольга Николаевна, получил в народе прозвище «черный риэлтор, ушла в тень, став заместителем начальник РЭУ-19; Главный инженер РЭУ-19 – Бесчётнова Н. Николаевна? Тоже НИКОЛАЕВНА, что и Хлыбова О.Николаевна»;*
- Бесчётнова Н.Н.: *«Главный инженер РЭУ-19 – Бесчётнова Н. Николаевна? Тоже НИКОЛАЕВНА, что и Хлыбова О.Николаевна»;*
- Салимовы: *«и коммерс В. Салимов; Тренирует новую начальницу, свою племянницу Салимову М.В.; Салимова М.В. – подружка бывшего мэра г. Кемерово Михайлова В.; Вот потому и не меняет ФИО Марина Салимова, скрывая свое прошлое»;*
- Ратаев О.С.: *«Сейчас проживает с начальником спецавтохозяйства «Чистый город» Ратаевым О.С.»;*
- Самодумов О.Ю.: *«...так же она тетка Самодумова О.Ю.; Начальника территориального управления Центрального района г. Кемерово Самодумова О.Ю.»;*
- Михайлов В.: *«...и наш бывший мэр Володя Михайлов»;* подружка бывшего мэра г. Кемерово Михайлова В.; *Да и Володя Михайлов с Володей Салимовым если что помогут. Ведь бывших не бывает»;*
- Тулеев А.Г.: *«известного Вам, дорогой читатель, по ст. Кредит по «требованию» Тулеева».*

В обоих текстах, безусловно, доминирует интенция обличения. При этом в каждом тексте в незначительной степени автор реализует интенцию одобрения, направленную на поддержку партии «Яблоко».

Текст 1: *«Вот в 2013 году депутат Государственной Думы была. Татьяна Овчаренко. Она в партии «Яблоко». Вот единственная партия, которая что-то шевелится, что-то делает».*

Текст 2: *«Со слов депутата Гос. Думы Татьяны Овчаренко (специализирующейся по ЖКХ), проводящей в 2013 году семинары по ЖКХ в партии «Яблоко»: 1...из тех бумаг, что по нашему требованию нам выдали в областной администрации (половину?), Вы переплачиваете на 65 % больше положенного? А тарифы все растут и растут по их аппетитам. 2. По закону заработную плату работникам РЭУ-19, начиная с начальника РЭУ и кончая дворником и техничкой, должны устанавливать МЫ, – собственники жилья, то есть плательщики!; Только в демократической партии «Яблоко» понимают это и просвещают простой народ: кто есть кто!!!».*

Анализ коммуникативной ситуации, в рамках которой реализуются рассматриваемые тексты, предполагает обращение к категории адресата. Специфика адресации определяется множеством признаков сферы и среды общения, социальных и психологических ролей участников. Любой речевой акт рассчитан на адресата, на удовлетворение его пресуппозиций и интенциональных ожиданий, на инференции и перлокутивный эффект.

В рассматриваемом нами тексте 1 можно указать несколько адресатов. С одной стороны, перед нами единичный конкретный персональный адресат. В данном случае это видеоблогер, который ведет диалог с автором текста, задает уточняющие вопросы, интересуется деталями обсуждаемой ситуации. Он записывает на видеокамеру беседу с автором анализируемого нами текста, и, следовательно, в какой-то степени его также можно причислить к соавторам текста.

С другой стороны, видеозапись беседы *X* с блогером предполагает ее адресацию более широкому кругу лиц, например, массовой интернет-аудитории. В связи с этим данный текст имеет и другого адресата – *массового публичного конкретизируемого*. И именно этот адресат является основным, составляет так называемую целевую аудиторию. Автор текста, создавая свое речевое произведение, ориентируется, прежде всего, на этого адресата. Но формально этот адресат в данном случае имеет статус *косвенного, или вторичного адресата*. Это такой участник общения, к которому непосредственно не обращаются, но ради которого выстраивается дискурс [14]. В рассматриваемом нами тексте таким косвенным адресатом, по замыслу автора, являются первые лица государства – В. В. Путин и Д. А. Медведев.

Таким образом, текст 1 предполагает несколько типов адресатов: *единичного конкретного персонального адресата, массового публичного конкретизируемого и косвенного, или вторичного адресата*.

В отличие от текста фонограммы, который имеет трёх адресатов, текст 2 имеет одного адресата. Поскольку текст публикации «Пятая колонна, которую мы не замечаем» размещён в свободном доступе в сети Интернет, то предполагается адресация широкому кругу лиц – интернет-аудитории. Следовательно, данная статья направлена на *массового публичного конкретизируемого адресата* с целью поиска единомышленников и сторонников.

Таким образом, коммуникативно-прагматический анализ текста 1 и текста 2 позволяет осуществить моделирование образа автора и адресата, а также выявить доминирующую интенциональность автора рассматриваемых текстов.

Автором текста 1 и текста 2 является лицо мужского пола, относящегося к возрастной группе старше шестидесяти лет, пенсионер; образование, вероятно, среднее, возможно среднетехническое или высшее техническое, достаточно начитанный, интересующийся философской, социологической и юридической литературой. Речевой портрет позволяет описать его как

«правдолюбца», «правдоискателя», который регулярно пишет письма в вышестоящие инстанции с целью обратить на себя внимание властей разного уровня и добиваться решения социальных или бытовых проблем. Автор представляет собой конфликтный тип языковой личности, негативно оценивающий окружающее, воспринимающий мир в негативном модусе.

В тексте 1 и тексте 2 автор реализует доминирующую коммуникативную интенцию обличения. Побудительным мотивом обличающего дискурса являются нецелесообразные действия или бездействие руководства РЭУ-19, его незаконное обогащение. Объектом обличения являются разные лица на разных уровнях власти от конкретных лиц, возглавляющих РЭУ-19, до правительства страны в целом. Кроме доминирующей интенции обличения, автор реализует интенцию одобрения, направленную на поддержку партии «Яблоко».

Результаты коммуникативно-прагматического анализа двух текстов позволяют сделать вывод, что автор текста 1 и автор текста 2 являются одним и тем же лицом.

Таким образом, холистический принцип может быть положен в основу анализа, осуществляемого с целью атрибуции текстов и проведения автороведческой экспертизы.

Литература

1. Араева Л.А., Осадчий М.А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология: коллективная монография / под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. М., 2014. Ч. 1. С. 533–543.
2. Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002. С. 356–363.
3. Батов В.И., Сорокин Ю.А. Опыт построения методики для установления авторства текстов // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXVI. 1977. № 4. С. 345–347.
4. Бутакова Л.О. Автороведческая экспертиза: трудности идентификации // Юрислингвистика. 2019. № 12. С. 22–28.
5. Галяшина Е.И. Судебная автороведческая экспертиза: новые задачи и возможности по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Вестник криминалистики. 2017. № 1–2. С. 125–133.
6. Голев Н.Д. Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово – Барнаул, 2010. № 10. С. 422–431.
7. Дроздова Т.Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 394–404.

- 516 | 8. Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 173 с.
9. Ким Л.Г. Кто автор текста? // Юрислингвистика. 2013. № 13. С. 98–104.
10. Литвинова Т.А. Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 114–121.
11. Напреенко Г.В. Лексико-квантитативное моделирование языковой личности в идентификационном аспекте (на материале русскоязычных интернет-дневников): дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2015. 302 с.
12. Огорелков И.В. К вопросу о едином методическом подходе при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. С. 574–578.
13. Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 38–52.
14. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. 216 с.

L. G. Kim

HOLISTIC PRINCIPLES OF FORENSIC AUTHORSHIP IDENTIFICATION FOR TEXTS OF DIFFERENT GENRES

Abstract: The article substantiates the effectiveness of applying the holistic principles to the authorship linguistic expertise. Two texts of different genres are analysed, their comparison is carried out based on their linguistic and pragmatic characteristics (the author's linguistic personality type, communicative intention, speech strategy).

Keywords: disputed text, forensic authorship identification, identifying indicators, holistic approach intentionality of the author.

кандидат филологических наук, научный сотрудник Регионального центра русского языка, зав. лабораторией корпусной идиолектологии Воронежского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
Воронеж, Москва, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УЧАСТНИКА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ФОРУМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ¹⁴

Аннотация. Российские судебные лингвисты имеют большой опыт анализа экстремистских текстов, при этом в работах последних лет ученые все чаще указывают на необходимость разработки более объективных и воспроизводимых методов анализа подобного материала. В статье демонстрируются возможности использования стилеметрических методов для анализа текстов экстремистского форума.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистский текст, стилеметрия, речевой портрет.

Введение. Развитие интернет-коммуникации привело к распространению вредоносного текстового контента разных типов, в том числе экстремистского. Интернет активно используется во всем мире для вовлечения лиц в экстремистскую и террористическую деятельность [8]. К сожалению, актуальна данная проблема и для России [7]. Так, запрещенная в РФ ИГИЛ в 2018 году большую часть материалов, размещенных на различных интернет-площадках, опубликовала на различных иностранных языках, включая русский¹⁵. Исследователи называют Россию новым рынком пропаганды ИГИЛ¹⁶.

Российские судебные лингвисты накопили обширный опыт анализа экстремистских текстов [4; 5; 12], однако исследователи продолжают искать новые методы анализа лингвистического материала, которые бы соответствовали

¹⁴ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-5718.2018.6 «Речевой портрет экстремиста: корпусно-статистическое исследование (на материале экстремистского форума “Кавказчат”»).

¹⁵ <https://www.terrorism-info.org.il/en/isiss-media-network-developments-2018-future-courses-action/>

¹⁶ <https://www.ict.org.il/Article/1598/The-Islamic-State-speaks-Russian#gsc.tab=0>

518 базовым принципам криминалистики – воспроизводимости и проверяемости экспертных процедур. В связи с этим специалисты по судебной лингвистике указывают на необходимость разработки более объективных методов анализа языкового материала [11].

В данной работе мы приводим пример использования методов стилеметрии (квантитативного анализа речевой продукции индивида) для анализа текстов форума, признанного экстремистским, и исследуем речевой портрет авторов экстремистского форума (далее – ЭФ).

1. Методы анализа экстремистских текстов

В последние годы специалисты по судебной лингвистике ориентированы на разработку стандартизованных и воспроизводимых методик анализа материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма. Так, в работе С.М. Оленникова [11] предлагается использовать коммуникативно-риторический анализ текста. П. А. Катышев и М. А. Осадчий [6] разрабатывают метод параметрического моделирования для анализа текста на предмет наличия в нем призывов к экстремистской деятельности. Указанные и подобные методики анализа являются большим шагом вперед в направлении повышения объективности выводов экспертного анализа. Как представляется, однако, существующие методы качественного анализа языкового материала могут быть дополнены количественными методами. На перспективность использования статистического анализа в судебной лингвистике указывает, в частности, А.Н. Баранов [3], однако в указанной работе речь идет об установлении авторства текста. Исследование «языка вражды» (hate speech) с использованием различных квантитативных методов, а также разработка методов детекции экстремистских текстов на онлайн-площадках является одним из активно развивающихся междисциплинарных научных областей, однако, как было показано нами ранее [9], русский язык остается на периферии подобных исследований. Так, в работе [1] были использованы методы интеллектуального анализа данных для выявления экстремистского контента, однако было показано, что детекция таких текстов на русском языке представляет сложную задачу. Наши предыдущие работы, выполненные в русле корпусной лингвистики (см., например, [10; 14]), показали перспективность использования квантитативных методов анализа языкового материала для выявления особенностей экстремистского дискурса.

В настоящей работе на примере анализа двух разделов экстремистского форума и текстов на аналогичные темы рядовых пользователей Интернета будет показана перспективность использования методов стилеметрического анализа, предполагающих квантитативный анализ стиля, для исследования речевого портрета участника экстремистского форума.

Представляется, что переход от исследований отдельных текстов к анализу речевой продукции участников экстремистского форума позволит глубже исследовать феномен экстремизма и особенности личности, склонной к экстремизму [2]. По нашему мнению, выявление лиц, пропагандирующих идеологию

экстремизма, является не менее важной задачей, чем выявление отдельных текстов, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности, однако данная задача является менее исследованной до настоящего времени [9].

2. Экспериментальное исследование речевой продукции участника экстремистского форума

2.1. Материал исследования. Материалом исследования послужили тексты форума «КавказЧат», посвященного обсуждению джихада на Северном Кавказе и внесенного в Федеральный список экстремистских материалов. Ученые относят форум к одному из средств «информационного джихада», ведущегося северокавказским бандподпольем [8].

Для настоящего исследования были выбраны два раздела форума, посвященные обсуждению террористических актов на территории РФ: теракту в московском метро 2010 года и взрыву в аэропорту Домодедово в 2011 году.

Тексты участников форума в каждой из двух тем были объединены в один файл, цитаты и имена пользователей были удалены. Поскольку раздел форума, посвященный обсуждению теракта в Домодедово, меньше по объему (21453 слов), в подкорпус текстов, посвященных взрыву в метро, мы поместили первые 21453 слов соответствующего раздела.

Приведем типичный пример, иллюстрирующий позицию участников ЭФ: *Разрушайте прав. здания и забирайте от туда всё материально ценное – это всё награбленное у вас же самих.* Особая общественная опасность форума состоит в том, что лица, изначально не разделяющие взгляды его участников, становятся на их сторону: *Теракт этот, вывел меня на ваш форум, где я не стал горячиться, а решил просто поговорить с людьми, понять вас, и честно, мой взгляд перевернулся на 180 градусов, я конечно не считаю что уничтожение мирных граждан, можно признать как необходимой мерой, но и вас я понимаю.* На указанное обстоятельство обращает внимание и В.В. Красинский: «При опросе правоохранительными органами ряда явившихся с повинной боевиков были получены сведения о том, что на их решение присоединиться к террористической деятельности бандформирований существенное влияние оказали материалы экстремистских сайтов вилайатов «Имарат Кавказ» [8: 130], к которым относится и данный ресурс.

Для ответа на вопрос, обладают ли участники ЭФ своим особым языковым стилем, речевым портретом, мы составили корпус текстов обычных интернет-пользователей, содержащий их комментарии к новостям о тех же событиях, такого же объема¹⁷ (далее – корпус комментаторов, КК).

Мы подготовили две версии наших датасетов: разделенные на отрезки по 10000 слов (**Corpus10000**) и по 1000 слов (**Corpus1000**).

¹⁷ Были собраны комментарии пользователей к материалам о терактах, размещенных изданием «The Village» (<http://www.the-village.ru/village/people/people/88720-v-moskovskom-metro-proizoshel-vzryv#comments>), радио «Свобода» (<https://www.svoboda.org/a/1996131.html>, <https://www.svoboda.org/a/2285715.html>), изданием «Комсомольская правда» (<https://www.vrn.kp.ru/daily/25625.5/792227/>).

Эксперименты с разным числом СЧС и разными мерами расстояния дали похожие результаты, что говорит о том, что различия в речевом поведении участников ЭФ и комментаторов существуют как на уровне строевых, так и на уровне знаменательных слов.

Другие методы анализа (например, многомерное шкалирование, см. рис. 2) дают схожие результаты: тексты авторов из одной и той же группы ближе друг другу, чем тексты авторов из разных групп независимо от темы, хотя в некоторых случаях мы видим смещение точек. На наш взгляд, смещение может быть объяснено тем, что тексты некоторых комментаторов содержат призывы к агрессии по отношению к мусульманам, т.е. являются экстремистскими по своей сути.

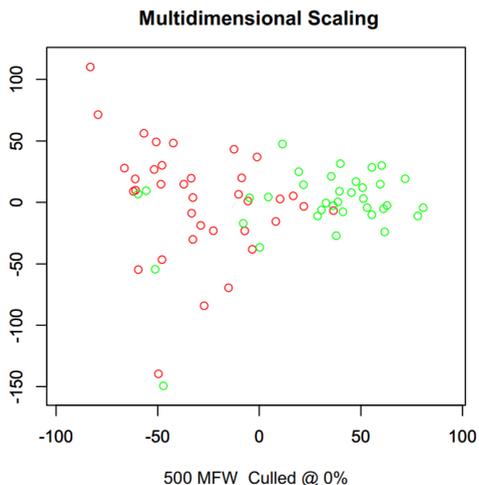

Рис. 2. Многомерное шкалирование с 500 СЧС
(красные точки – тексты участников ЭФ, зеленые – тексты комментаторов)

Далее мы провели эксперименты на Corpus10000. Для более длинных фрагментов текста характерно практически идеальное разделение на основании типа авторов.

Результаты кластерного анализа были подтверждены при помощи техники построения консенсусных деревьев (Bootstrap Consensus Tree, ВСТ), в ходе которой проводится ряд процедур кластерного анализа с разным числом СЧС [13]. Мы использовали силу связи 0.75 (на графе отображаются только связи, встречающиеся не менее чем в 75 % кластеров), а также разные меры расстояния, однако результаты были схожими: тексты, написанные участниками ЭФ, находились на одной стороне графа, тексты, написанные комментаторами, – на другой, что указывает на наличие двух языковых профилей указанных групп авторов независимо от числа параметров.

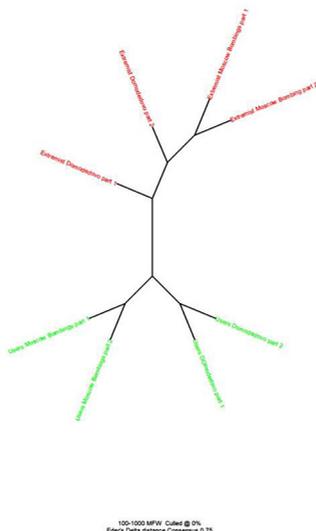

Рис. 3. Консенсусное дерево с 100–1000 самыми частотными словами корпуса

Таким образом, проведенный нами стилеметрический анализ показал, что участники ЭФ обладают своим языковым стилем (речевым портретом), который проявляется при обсуждении разных тем, при этом отличия обнаруживаются как на уровне строевых, так и на уровне знаменательных слов.

2.2.2. Выявление экстремистского контента в онлайн-коммуникации: динамическая стилеметрия. В условиях реальной онлайн-коммуникации, а также в ситуации, когда на экспертизу представлен большой массив разнородных текстов (например, все сообщения на многостраничном форуме), необходимы методы, помогающие выявить потенциально «опасные» текстовые фрагменты для дальнейшего более детального анализа. Для решения указанной сложной задачи может быть использован метод динамической стилеметрии (rolling stylometry) [13], который изначально был разработан для анализа текстов, написанных в соавторстве. Данная техника основана на понятии движущегося окна, а также на использовании стандартных алгоритмов классификации (таких, например, как метод опорных векторов). Данная техника предполагает разделение текста на участки одинаковой длины и оценку их стилистической схожести. Конечной целью названной техники является выявление стилистической неоднородности.

Для проведения анализа нам необходим тренировочный корпус, который содержит тексты, репрезентирующие речевой портрет двух групп авторов (в нашем случае – участников ЭФ и комментаторов), а также сам тестовый файл, содержащий образцы текстов лиц этих двух групп в смешанном виде.

Для усложнения задачи мы поместили тексты обеих групп авторов на тему, посвященную обсуждению взрыва в метро, в тренировочный корпус, а тексты, посвященные обсуждению взрывов в аэропорту, – в тестовый файл, при этом тексты авторов из разных групп были перемешаны. Реальная принадлежность текстов по группам авторов показана на рис. 4 вертикальной пунктирной линией: 1-я часть написана комментаторами, 2-я – участниками ЭФ и т. д.). Части файла, классифицированные как принадлежащие участникам ЭФ, обозначены ярко-красным цветом, комментаторам – ярко-зеленым (менее вероятный автор обозначен более бледным цветом).

Мы провели несколько экспериментов с использованием разного числа признаков (от 100 до 1000 СЧС с шагом 100), разной длиной текстовых фрагментов (от 1000 до 5000 слов с шагом 500), разным значением перекрытия отрезков (от 500 до 4500 слов), разных алгоритмов классификации и другими настройками, однако независимо от условий эксперимента переходы между текстами разных групп авторов были определены в точках, близких к реальным. Характерно, что достаточно хорошие результаты были получены с использованием относительно небольшого числа СЧС (200) (см. рис. 4).

Последняя часть тестового файла, состоящая из текстов комментаторов, представляла наибольшую трудность для классификации. При некоторых настройках она частично классифицировалась как написанная участниками ЭФ. Вероятно, данное обстоятельство можно объяснить тем, что, как упоминалось ранее, часть текстов комментаторов являются по сути экстремистскими.

В целом техника подвижной стилеметрии представляется нам перспективной для обнаружения экстремистского контента в онлайн-коммуникации, хотя, безусловно, необходимы дальнейшие исследования в этом направлении с разными наборами параметров и другими настройками.

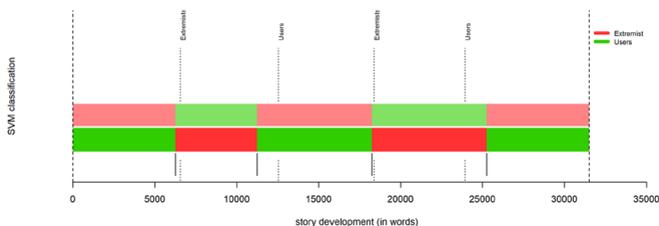

Рис. 4. Результаты анализа с применением метода подвижной стилеметрии (метод опорных векторов, 200 СЧС, размер окна: 5000 слов, размер перекрытия: 4500 слов)

Напомним также, что тексты тренировочной и тестовой выборки различались по теме, и несмотря на это алгоритм определил достаточно точно границы текстов авторов из разных групп, что подтверждает нашу гипотезу

524 | о наличии характерных черт в языковом поведении активных участников экстремистского форума.

2.2.3. Характерные черты речевого портрета участника экстремистского форума: контрастивный анализ с использованием критерия Zeta

В наших предыдущих экспериментах мы концентрировались на разделении текстов, созданных авторами из двух групп, при этом было установлено, что такое разделение наблюдается на различных уровнях частотного списка. Для выявления характера указанных различий можно использовать различные инструменты, одним из которых является контрастивный анализ с использованием критерия Зета Берроуза (Bigrows's Zeta) в модификации Крэйга (Craig's extension), реализованный при помощи функции `oppose` пакета `Stylo` [13]. Данная функция разбивает текст на отрезки равной длины и проверяет наличие того или иного слова в этих отрезках. Далее число отрезков в корпусе А, содержащих то или иное слово, сравнивается с числом отрезком, содержащих это же слово в корпусе В, с использованием указанного критерия.

В отличие от анализа ключевых слов, контрастивный анализ с использованием критерия Зета учитывает не частотности слов, а их наличие в разных сегментах текстов корпуса, что особенно важно для нашей задачи, поскольку наша цель состоит не в анализе отдельных идиологетов, а поиске характеристик речевого портрета группы лиц. Критерий Zeta основан на исключении наиболее частотных слов и анализе середины частотного списка, что также соответствует нашим задачам.

Мы провели контрастивный анализ текстов в двух сценариях: сначала отдельно для каждой темы и затем соединив все тексты каждой из групп авторов в один файл. Для того чтобы избежать редко встречающихся слов, мы установили порог встречаемости, равный 5. Длина отрезка – 1000 слов.

На рис. 5–7 показаны результаты контрастивного анализа, при этом слова расположены в порядке убывания уровня значимости различий.

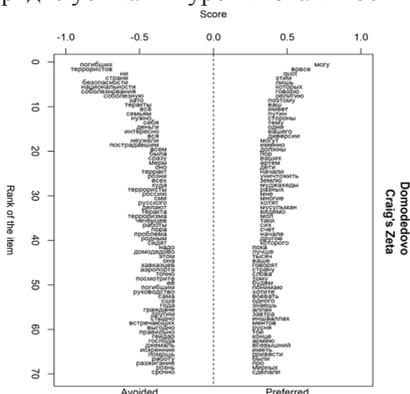

Рис. 5. Слова, предпочитаемые (справа) и избегаемые участниками ЭФ при обсуждении теракта в Домодедово

526 | слова, относящиеся к религии (*аллах, мусульманин, религия*), создают негативный образ «других» (местоимение Ваши в разных формах, кафир, русня), затрагивают тему войны и смерти (войны, воевать, убивать, убитых, шариат), территории (Кавказ, земли). Экстремистский дискурс в целом характеризуется противопоставлением своих и чужих, при этом чужие рассматриваются как неверующие, отступники. Наречие “поэтому” характерно для текстов обоих тем, что указывает на стремление участников ЭФ объяснить обсуждаемые происшествия (которые они не называют терактом).

Комментаторы независимо от темы называют жертв теракта погибшие, а совершивших теракт – террористы. Они выражают свои чувства по отношению к случившемуся (страшно, соболезную, ужас, жалко).

Существуют, однако, и различия в обсуждении тем. Имя собственное Путин, избегаемое участниками ЭФ при обсуждении теракта в метро, становится активно используемым при обсуждении взрыва в Домодедово. При обсуждении взрыва в метро комментаторы активно используют слова, номинирующие власть и силовые структуры (ФСБ, КГБ, Путина), тогда как при обсуждении трагедии в аэропорту они используют меньше слов данной тематической группы (руководство), но больше слов, номинирующих лиц по национальности (кавказцев, чеченцев, русские). Результаты контрастивного анализа показывают, что участники ЭФ при обсуждении теракта в Домодедово стремятся продолжить поднятую комментаторами при обсуждении взрыва в метро тему обвинения власти, однако комментаторы при обсуждении второго теракта более активно поднимают национальные вопросы.

Таким образом, контрастивный анализ является эффективной техникой, позволяющей выявить особенности речевого поведения участника ЭФ.

Выводы. Результаты проведенных нами пилотных экспериментов показали, что стилеметрические методы могут быть использованы для анализа и детекции текстов экстремистки настроенных авторов и выявления особенностей их речевого портрета. Эксперименты с контролем темы и групповой принадлежности авторов позволили установить наличие независимых от темы характерных языковых особенностей участников ЭФ на разных уровнях частотного списка.

Безусловно, количественные методы анализа текста не могут полностью заменить экспертный анализ, однако могут служить его дополнением и повысить объективность сделанных выводов. Возможности визуализации, предлагаемые современными программными средствами, также могут быть использованы для представления и обоснования выводов эксперта.

Наш анализ, призванный продемонстрировать возможности использования количественных методов для анализа экстремистских текстов, ограничен самыми базовыми методами и признаками. В дальнейшем мы планируем использовать различные наборы признаков на расширенном корпусе с целью

выявления отраженного в речи когнитивного стиля, присущего участнику экстремистского форума.

Литература

1. Ананьева М.И. и др. О проблеме выявления экстремистской направленности в текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2016. Т. 14. № 4. С. 5–11.
2. Араева Л.А., Осадчий М.А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма) // Юрислингвистика. 2008. № 9.
3. Баранов А.Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог». М., 2004.
4. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65.
5. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006. 96 с.
6. Катышев П.А., Осадчий М.А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 24–34.
7. Катышев П.А., Оленев С.В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. № 3. С. 407–419.
8. Красинский В.В. Экстремистские интернет-ресурсы террористической организации «Имарат Кавказ» и противодействие информационному джихаду северокавказского бандподполья // Современное право. 2013. № 7. С. 129–134.
9. Литвинова Т.А., Загоровская О.В. Лингвистические методы выявления в Сети экстремистского контента и лиц, склонных к экстремизму // Современное право. 2016. № 3. С. 107–113.
10. Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Построение речевого портрета участника экстремистского форума с использованием методов корпусной лингвистики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (282). С. 217–222.
11. Оленников С.М. Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. 12. № 3. С. 431–439.

- 528 | 12. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Ю. А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова [и др.]; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 2014. 271 с.
13. Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: a package for computational text Analysis // R journal. 2016. Т. 8. №. 1.
14. Litvinova T., Litvinova O., Panicheva P., Biryukova E. Using Corpus Linguistics Tools to Analyze a Russian-Language Islamic Extremist Forum // Lecture Notes in Computer Science. 2018. Vol. 11193.

T. A. Litvinova

**EXPERIMENTAL STUDY OF THE SPEECH PORTRAIT
OF A PARTICIPANT OF AN EXTREMIST FORUM USING
STYLEMETRIC METHODS**

Abstract: Russian forensic linguists have extensive experience in analyzing extremist texts. In recent years scientists have increasingly pointed to the need to develop more objective methods for analyzing such material. The article provides an example of the use of stylometric methods for the analysis of texts of an extremist forum.

Keywords: extremism, extremist text, stylometry, speech portrait.

Г. Г. Матвеева

gegetat2337633@rambler.ru

доктор филологических наук,

профессор Донского государственного технического университета

Ростов-на-Дону, Россия

И. А. Зюбина

irinazyubina@gmail.com

кандидат филологических наук,

доцент Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

М. В. Лесняк

mvlesnyak@srfedu.ru

кандидат филологических наук,

доцент Южного федерального университета

Ростов-на-Дону, Россия

Е. В. Муругова

turigovaelena@yandex.ru

доктор филологических наук,

профессор Донского государственного технического университета

Ростов-на-Дону, Россия

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СИТУАЦИИ «ОСКОРБЛЕНИЕ»

Аннотация. Специфика прагмалингвистического аспекта состоит в решении вопросов взаимоотношения человека и языка. Предметом прагмалингвистики является выбор адресантом оптимальных речевых единиц для достижения задуманного воздействия на адресата. При выборе адресант ориентируется на ряд экстралингвистических параметров речевого акта: адресант и его индивидуальные качества; адресат и его индивидуальные качества; ситуация общения; тема и др. Если выбор совершается на неосознаваемом привычном уровне, то адресант выбирает привычные для его речевого общения речевые единицы функционально-семантического поля, в нашем случае – поля «Оскорбление». Проверкой взаимозависимости возмущающей силы лингвистических единиц оскорбления и ассоциативных состояний коммуникантов служит перлокутивный эффект. О нем можно судить по способам передачи оскорбляющих речевых единиц исходного текста в переводных текстах на иной язык.

Ключевые слова: прагмалингвистика, оскорбление, текст, коммуникант.

530 | В современной политической ситуации, и политическом медиадискурсе в частности, оскорбление является, пожалуй, одним из распространенных средств, к которым прибегают авторы статей, телевизионных репортажей и передач [2; 3]. Достаточно вспомнить относительно недавнюю ситуацию, когда грузинский журналист одного из телеканалов нецензурно выразился в адрес президента Российской Федерации, что повлекло за собой серьезные политические последствия: извинения на высшем уровне, митинги граждан и т. д. Другой не менее известный случай оскорбления президента касается русского гражданина, который позволил себе нецензурную брань в социальной сети «ВКонтакте». В результате такого поведения россиянин был оштрафован за оскорбление власти в соответствии с актуальным законодательством. Несмотря на то, что оскорбление относится к средствам диффамации, т. е. к так называемым «запрещенным» манипулятивным приемам, коммуникативная ситуация оскорбления возникает в политической коммуникации достаточно часто [14; 15]. В качестве ответной реакции руководство России приняло законопроект, предусматривающий административное наказание в виде штрафов, призванный сократить количество оскорблений политических актантов в сфере публичного общения. В связи с этим возникает вопрос: почему использование в речи оскорблений вызывает столь острую реакцию политических деятелей? Является ли это попыткой решения проблемы снижения толерантности в публичной коммуникации и обществе в целом? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть понятие коммуникативной ситуации оскорбления с помощью категориальной базы прагмалингвистики.

Коммуникативная ситуация оскорбления предполагает разъяснение самого понятия «оскорбление». Оскорбление рассматривается как «травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека» [5]. Т. е. оскорбительная лексема или выражение должны соответствовать семантическому критерию, а именно наличию оценочного компонента, унижающего честь и достоинство адресата [1: 101]. Демонстрация оскорбления публично подлежит общественному осуждению и приравнивается к правонарушению с точки зрения криминалистики и лингвистической экспертизы. А с позиции прагматики оскорбление представляет собой – *намерение* нанести урон чувству собственного достоинства, «опустить человека», унижить, дискредитировать и т.п., чтобы иметь возможность получить преимущество в коммуникации [7–10].

Так, в политической коммуникации оскорбление наряду с другими манипулятивными приемами применяется для решения стратегических задач, как например, дискредитация оппонентов в предвыборной гонке:

«Сегодня, в этот пасмурный дождливый день многие петербуржцы и гости города узнали, что у некоего Владимира Бортко есть 17 млн, большая квартира и неплохой земельный участок. И лишь самые любопытные смогли разобраться, что это всё - не поздравительная открытка к 73-летию, а сравнительная

характеристика зарегистрированного в кандидаты в губернаторы от партии КППФ Бортко» (<https://manzal.livejournal.com/728999.html>, 17.07.2019).

В данном примере автор представляет кандидата в губернаторы Санкт-Петербурга в 2012 году в негативном свете, утверждая, что деньги и недвижимое имущество является очевидной негативной характеристикой политика, поскольку кандидат от коммунистов вряд ли должен обладать материальными «капиталистическими» благами в соответствии с идеологией партии. Так, мы видим, что выбор автором лексем с негативной оценочностью явно преследует цель понизить социальный статус и достоинство Бортко как политика в глазах определённой группы избирателей. Лексемами с дискредитирующим смыслом является перечисление материальных благ, которыми кандидат обладает.

Оскорбление рассматривается как форма речевой агрессии отправителя текста. Под речевой агрессией мы будем понимать такой тип речевого воздействия, который несет в себе негативную оценочность и зачастую не учитывает конкретную речевую ситуацию. Тем не менее, речевая агрессия считается неотъемлемой частью политической коммуникации [12: 206; 11: 480]. Важно также, что такое агрессивное воздействие в политическом дискурсе, будь оно односторонним или двусторонним, полностью исключает физическую силу [4: 586]. Хотя некоторые последние наблюдения об агрессивном взаимодействии в украинской Думе заставляют нас в этом усомниться.

С позиции современной трактовки различных действий человека в языкознание пришло такое определение речевого поведения, как его экологичность. Так вот, речевое поведение оскорбления и, в частности, дискредитации политического противника – не экологично.

По мнению В. И. Шаховского, потенциально даже самое экологичное на уровне инициальной интенции по своей семантике слово может на уровне терминальной интенции превратиться в неэкологичное: любое слово может стать магическим еще и потому, что оно «летит» к речевому партнеру и может оборачиваться по его достижении совсем не той «стороной», которую планировал адресант. Отсюда и эффект противоположный задуманному. Участвует в этом процессе и прагматическая закономерность: значение слова находится не в словаре, а в головах коммуникантов. Поэтому прагматика одного и того же слова в голове адресанта может не совпадать с его прагматикой в голове адресата [13: 140].

Рассмотрим пример скрытого оскорбления Д. Трампа, нанесенного известным блогером Кариной Орловой (https://echo.msk.ru/blog/karina_orlova/2464611-echo/). Журналист обыгрывает английскую поговорку *great minds think alike* (великие умы мыслят одинаково). И действительно, бывает же, что два, казалось бы, таких разных человека, с противоположных концов земли (как в прямом, так и переносном смысле слова) изрекают иногда что-то такое, отчего понимаешь – да, великие умы мыслят одинаково.

Карина Орлова приводит два высказывания:

1. *«Мои хорошие, все, кому здесь «не так». Вставайте и выезжайте в другие страны. Живите там»* и
2. *«Если у кого-то есть какие-то проблемы с нашей страной, если кто-то не хочет жить у нас в стране, пусть уезжает».*

Одно из них принадлежит российской балерине Анастасии Волочковой, другое – 45-му президенту США Дональду Трампу. Первое высказывание Волочкова произнесла в эфире «Эха Москвы» 10 апреля 2019 года. Второе – Д. Трамп 15 июля 2019 года, продолжая перепалку с четырьмя конгрессменами от Демпартии, которым он за день до того предложил вернуться в те страны, «откуда они происходят», и навести порядок с коррупционными правительствами там. Речь шла о чернокожей Аянее Прессли, пуэрториканке по национальности Александрии Окасио-Кортес и мусульманках Рашиде Тлаиб и Ильхан Омар. Первые три родились и выросли в США – Огайо, Нью-Йорке и Мичигане. И только Омар – беженка из Сомали.

У российского адресата есть четкое понимание значимости фигур Волочковой и Трампа, чего нельзя сказать об американских респондентах. Карина Орлова их приравнивала и назвала «великими умами». Это уже скрытое оскорбление. Трампа знает весь мир, тогда как Волочкову – только жители России и ближайших к ней стран. Причем у нас, т. е. тех, кто знает Волочкову, она не считается великоумным человеком. Поэтому мы тут глубже понимаем это сравнение, в котором они поставлены на один уровень.

Однако возвращаясь к великой английской поговорке, напомним, что у нее ведь есть и малоизвестное продолжение. *Great minds think alike, though fools seldom differ.* Великие умы мыслят одинаково, да и у дураков мысли сходятся – так звучит поговорка полностью. Содержание второй части пословицы добывает Волочкову. Что касается Трампа, то, если ему не разъяснят, кто такая Волочкова, то вторая часть – прямое оскорбление.

Мы видим, что прагматическая интерпретация одного и того же высказывания в восприятии разными адресатами может не совпадать с его прагматическим намерением в голове адресанта.

Теперь обратимся к вопросу о том, как воспринимает намерение адресанта получатель текста и как эту реакцию можно проверить. Проверкой взаимозависимости воздействующей силы лингвистических единиц оскорбления и ассоциативных состояний коммуникантов служит перлокутивный эффект. О нем можно судить по способам передачи оскорбляющих речевых единиц исходного текста в переводных текстах на иной язык.

Вспомним новое скандальное заявление президент РФ, сделанное во время своего ежегодного обращения к Федеральному собранию в 2019 году. В своей речи Владимир Путин затронул тему Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Президент РФ назвал решение США выйти из

ракетной сделки нечестным, поскольку Вашингтон аргументировал это нарушениями с российской стороны. *«Как они действуют на самом деле? Сами все нарушают, а потом ищут оправдания и назначают виновных. Еще и своих спутников мобилизуют. Они так аккуратно, но все же «подхрюкивают» американцам»*, – заявил Владимир Путин (<https://politeka.net/news/world/924345-podhrjukivajut-novyj-ljap-putina-sdelal-ego-posmeshishhem/>).

Обратимся к способам передачи оскорбляющей речевой единицы исходного текста в переводных текстах на другие языки:

– ... but still make noises in support of the USA. – ... но все равно издают шум в поддержку США (Kreml.ru – официальный перевод);

– ... grugniscono per questo problema agli americani ... – ... хрюкают об этой проблеме вслед за американцами ... (Askaews – Италия);

– ... “oinking along with” Washington’s position ... – «хрюкают заодно» с позицией Вашингтона ... (Bloomberg);

– ... прямо-таки являются подпевалами Вашингтона, хрюкают как поросята (Central News Agency – Тайвань);

– ... Satellitenstaaten, die dann den Amerikanern nach dem Mund reddten. – ... страны-спутники, которые затем поддакивают американцам (Deutschlandfunk – Германия).

То есть по способам передачи оскорбляющей речевой единицы исходного текста в переводах на разные языки можно судить о взаимозависимости воздействующей силы лингвистических единиц оскорбления и ассоциативных состояний коммуникантов, об их отношении к данной проблеме. Это отношение передается переводчиком, который в данном случае находится в сложной драматичной ситуации: он должен понять дискредитирующую составляющую исходного текста и передать (или не передать!) ее средствами родного языка [6: 156–162]. Переводчик находится в плену своего отношения как к В.В. Путину, так и к американцам. Интересен в этой связи и официальный перевод Кремля, в котором с помощью замены лексемы «подхрюкивают» на «издают шум» происходит сглаживание оскорбительного компонента, что соответствует правилам дипломатии.

Другой косвенный прием обнаружения реакции адресата на дискредитирующее его речевое поведение можно найти в комментариях на высказывания, например, блогеров. В этих случаях мы получаем перлокутивный эффект не адресата, а третьих лиц. Интересно, что и на них ориентировано дискредитирующее высказывание адресанта.

Таким образом, в статье рассмотрены прагмалингвистические способы передачи дискредитирующего намерения в политическом дискурсе и некоторые случаи перлокутивного эффекта на дискредитирующие высказывания и показано, что большую роль в анализе таких высказываний играет не только семантическая составляющая выбранных адресантом слов, но и прагмалин-

534 | гвистическая составляющая, а именно, прагмалингвистическое намерение. Его особенность состоит в том, что интерпретация задуманного адресантом дискредитирующего высказывания может не совпадать с его перлокутивным эффектом в восприятии получателя текста.

Литература

1. Авдеенко И.А., Шунейко А.А. Оскорбление как коммуникативный феномен I: проблемы правовых норм – семантический критерий идентификации. Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. № IV-2 (24). С. 101–104.
2. Белова В.Ф., Зюбина И.А., Лесняк М.В., Матвеева Г.Г. Универсальный характер коммуникативных стратегий в парламентских дебатах // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2016. Вып. 3 (57). С. 53–60.
3. Зюбина И.А., Матвеева Г.Г. Предвыборный политический дискурс Д. Трампа и Х. Клинтон (прагмалингвистический аспект) // «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 5: Социально-гуманитарные аспекты международных отношений. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Мальгина; науч. ред.: А.В. Шестопал и др.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). М., 2017. С. 171–181.
4. Кусоцкая Е.С. Типология и языковая репрезентация коммуникативных реакций на оскорбления в контексте американского общественно-политического дискурса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 583–598.
5. Левонтина И. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. № 6. 2014. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/o6-2014/25550-oskorblenie-i-smezhnye-ponyatiya-v-sovremennom-russkom-yazyke.html>. Дата обращения: 10.07.2019.
6. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. М., 2013. 232 с.
7. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Письменный текст: подходы к выявлению скрытой прагматики // Science Journal of VolSU. Linguistics. 2018. Vol. 17. No. 2 [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 2]. С. 26–32 .
8. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Речевое поведение авторов исходного и переводного текстов: прагмалингвистический аспект // Science Journal of VolSU. Linguistics. 2017. Vol. 16. No. 3 [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 3]. С. 103–111.
9. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) //

Science Journal of VolSU. Linguistics. 2016. Vol. 15. No. 4 [Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4]. С. 63–68.

10. Матвеева Г.Г., Зюбина И.А. Скрытое значение, скрытый смысл и нюансы смысла в коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 85–92.

11. Прохорова Ю.А. Речевая агрессия в материалах предвыборной агитации // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 479–487.

12. Шамне А.Н., Карякин А.В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волоград. гос. университета. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 204–208.

13. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград, 2016. 504 с.

14. Zheltukhina M.R., Busygina M.V., Merkulova M.G., Zyubina I.A., Buzinova L.M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK. XLinguae, Volume 11, Issue 2, April 2018. p. 639–654. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.51. ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X.

15. Zyubina I.A., Matveeva G.G., Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Shevchenko A.V. (2017). Forensic Prosecutor’s Speech as a Speech Genre. XLinguae Journal, Volume 10, Issue 3, June 2017. Pp. 312–323. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.25 ISSN 1337-8384.

G. G. Matveeva, I. A. Zyubina, M. V. Lesnyak, E. V. Murugova

PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF COMMUNICANTS IN THE SITUATION “INSULT”

Abstract: The specificity of the pragmalinguistic aspect consists in solving questions of the relationship between a man and a language. The subject of Pragmalinguistics is the choice of optimal speech units by the recipient to achieve the intended impact on the addressee. When choosing an addressee focuses on a number of extralinguistic parameters of a speech act: an addresser and his/her individual qualities; an addressee and his/her individual qualities; a communication situation; a topic, etc. If a choice is made at an unconscious habitual level, then an addressee chooses speech units of the functional-semantic field, in our case, the “Insult” field. A perlocutionary effect is a test of the interdependence of the acting force of linguistic insults and associative states of communicants. It can be judged by the methods of transmitting insulting speech units of a source text in translated texts to another language.

Keywords: pragmalinguistics, insult, text, communicator.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ШКОЛАХ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОРОВЕДЧЕСКИХ МЕТОДИК В РОССИИ¹⁹

Аннотация. В настоящей статье приводится обзор современных методов и методик атрибуционного анализа, разрабатываемых российскими и западными учеными. Фокус исследования направлен на текстовую атрибуцию для судебных целей. Рассмотрены перспективы развития судебного автороведения в России.

Ключевые слова: судебное автороведение, текстовая атрибуция, качественные методы анализа, количественные методы анализа.

Вводное слово. Патриком Йуолой, известным американским ученым, занимающимся автороведением, справедливо отмечен тот факт, что атрибуции текста, причем в первоисточнике именно для судебных целей, существует столько, сколько существует сам текст. В своём пособии «Атрибуция текста» он приводит следующий пример из Ветхого Завета:

«Стих 5 И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: «позвольте мне переправиться», то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Суд 3: 28

стих 6 Они говорили ему «скажи: шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, заколали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи. Мф 26: 73» (перевод по кн. [69: 244]) [50: 237].

Современное состояние методик зарубежной и отечественных атрибуционных школ. В современной лингвистике справедливо главенствует междисциплинарный подход к исследованиям языка, ученые пытаются совместить знания нескольких областей при анализе языковых реалий. Сходная тенденция имеет место и в ветви лингвистики, занимающейся вопросами

¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 (19-312-90022).

атрибуции текстового материала, в том числе для судебных целей. Данная отрасль в отечественной науке является достаточно консервативной, в судебных исследованиях в подавляющем большинстве случаев используются исключительно методы качественного лингвистического анализа [3; 5–9; 10–15; 18], концептуально основанные на комплексном подходе к анализу текста В.В. Виноградова [4]. В сфере внесудебных атрибуционных исследований, в собственно научных публикациях методы качественного анализа на современном этапе развития науки практически не разрабатываются в то время, как количественные методики осваиваются очень активно [2; 16; 19; 22–26; 55; 57] и пр. Эта тенденция пришла в отечественную школу из англоязычной, где автороведение классически связано с количественными, стилометрическими подходами [39–42; 44–46; 48; 49; 51–54; 58; 60–64; 67].

Одним из автоматизированных алгоритмов, разработанных отечественными учеными, является методика атрибуции, созданная М.А. Марусенко [20–22]. Она использует многоуровневую классификацию, в основе которой лежит теория распознавания образов. Индивидуальный авторский стиль описывается в синтаксическом аспекте.

В данной методике стиль определяется как «набор свойств (параметров), характеризующих состав, способы объединения и статистико-вероятностные закономерности употребления речевых средств, образующих данную разновидность языка» [20: 17]. Набором свойств, отражающих синтаксическую структуру текста, становится совокупность информативных параметров, «чей состав определяется путем выполнения специальной процедуры отбора информативных параметров для каждого конкретного случая» [25: 127].

Еще одним представителем грамматико-синтаксической школы текстовой атрибуции является проф. В.Н. Захаров. Под его началом в Петрозаводском государственном университете с 1993 года создаются профессиональные базы данных для многоаспектного филологического анализа литературных текстов, в том числе с целью установления авторства [16]. Создан программный комплекс «Атрибуция», позволяющий проводить грамматический и синтаксический разборы литературных текстов, используя многочисленные лингвистические характеристики, например, такие как часть речи, падеж, род, число, тип предложения и т. д. Программный комплекс позволяет частично автоматизировать и формализовать процесс синтаксического и грамматического [17]. Тем не менее указанный программный продукт требует участия эксперта-филолога, проверяющего корректность определения программой частеречной принадлежности и пр.

И.О. Гарнопольская в своих исследованиях при формально-статистическом анализе пользуется методом диграммной энтропии (количественной меры неопределенности текста), «рассматривающей каждое слово как систему, элементом которой является буква и определяющей статистические связи между

538 буквами – элементами знаковой системы, и частоту встречаемости каждого символа в тексте (в процентах), а также парную встречаемость этих символов» [27: 66]. Каждый идиолект в соответствии с рассматриваемой теорией имеет свой коэффициент диграммной энтропии, являющийся идентификационным параметром для различных авторов. Тестирование методика проходила на авторизованных текстах Д.С. Лихачева, Л.Н. Гумилева, Е.В. Тарле, что позволило подтвердить наличие различных «точек стабилизации» коэффициента для разных авторов.

Представителем формальной школы атрибуции является А.Н. Тимашев, создавший со своими коллегами на базе Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ программный продукт «Атрибутор». А. Н. Тимашев предложил применять трехбуквенные сочетания – триады – в качестве индивидуализирующего критерия авторского стиля. При этом подходе в поле анализа попадают однокорневые и двухбуквенные служебные слова. Это «значительная часть наиболее частотных предлогов, союзов, частиц и междометий, которые традиционно считаются значимыми стилиметрическими показателями» [2: 87]. Программный продукт использует метод машинного обучения при участии эксперта-лингвиста на первом этапе обучения.

Д. В. Хмелев также использует машинный способ обработки и анализа текстовой информации. Принцип работы его метода кардинально отличается от описанных выше. В основе определения авторства программой «Лингвоанализатор» лежит анализ материала с помощью цепей А.А. Маркова и схемы Я. Бернулли [29]. Д.В. Хмелев использует только формальный подход к исследованию авторского идиостиля (без экспертного вмешательства).

Формализованное исследование текста лежит в основе метода, разработанного В. П. Фоменко и Т. Г. Фоменко [28]. Указанная методика предназначена для текстов малого объема и основана на выведении понятия авторского инварианта. По результатам экспериментов, авторский инвариант обнаружен уже при величине выборки в 16 000 слов. Такой объем выборки был получен экспериментально: «объем выборки увеличивался до тех пор, пока не обнаруживался параметр, для которого средняя величина его отклонений от средних значений вдоль произведений всех исследуемых писателей оказывалась существенно меньше амплитуды колебаний параметра между текстами разных авторов» [2: 89].

Одной из наиболее работоспособных и успешных методик, судя по экспериментам, на современном этапе развития отечественной атрибуционной науки является методика, предложенная А.С. Романовым [26]. Проблему авторства текста она решает как классификационную задачу с помощью метода опорных векторов, используя для описания идиостиля наиболее частые триграммы символов и наиболее частые слова русского языка. Ос-

новые результаты проведенных исследований были получены на корпусе, состоящем из 215 прозаических текстов 50 русских писателей. Практическое применение методика нашла на материале коротких электронных сообщений во время внедрения разработанного программного комплекса, названного «Авторовед», в деятельность воинской части. Результаты показали, что авторство коротких текстов длиной 100 символов можно определить с точностью до $0,76 \pm 0,11$ в случае двух потенциальных авторов. При решении частной задачи по определению автора сообщения интернет-форума была достигнута точность $0,89 \pm 0,08$. Таким образом, указанный метод дает довольно хорошие результаты на коротких электронных сообщениях, что в условиях современной электронной коммуникации имеет большой потенциал, в том числе и для судебной лингвистики.

Принципы судебного автороведения в России несколько отличаются от атрибуции текстов в рамках собственно научных задач. Обосновано это в первую очередь законодательством: Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и все процессуальные кодексы (УПК, АПК, ГПК) закрепляют личную ответственность эксперта, связанную с даваемым заключением; ответственность эта не может быть переложена на машину, эксперт должен критически анализировать результаты, выдаваемые программным обеспечением, при условии его (ПО) наличия и давать «обоснованное и объективное заключение» [73] «в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме» [73]. При условии неисполнения требований законодательства эксперт несет не только моральную ответственность за свое решение перед обществом, но и уголовную по ст. 307 УК РФ перед государством [75].

Закрепленность личной ответственности эксперта не единственная законодательная преграда для использования полностью автоматизированных техник атрибуционного анализа в РФ. Для отечественного законодательства, как-то: для УПК, ст. 57, ГПК, ст. 85, АПК, ст. 55, КоАП, ст. 25.9, равно как и для ФЗ № 73, – характерен постулат о том, что эксперт при ответе на вопросы строго должен находиться в пределах компетенции, накладываемой объемом его специальных знаний. Специалисты, проводящие судебные автороведческие экспертизы, как правило, имеют базовое лингвистическое или филологическое образование и переподготовку по специальности «Исследование продуктов речевой деятельности» и/или предпочтительно «Исследование письменной речи с целью установления авторства» (по классификации Минюста РФ [72]). Данный базис не предполагает наличия специальных знаний в области больших данных (big data), теории вероятности, машинного обучения, математической статистики, теории распознавания образов и пр., дисциплин, необходимых для освоения и понимания программных средств, использующих наиболее удачные алгоритмы автоматической идентификации

540 | автора письменного текста. Следовательно, законодательство РФ в области судебной экспертизы на базисном уровне ограничивает использование глубоко компьютерных средств при производстве автороведческих экспертиз.

Кроме законодательства, применение машинных средств анализа текста с целью установления его авторства ограничено и отечественной научной традицией, связанной с широким распространением интерпретативной исследовательской парадигмы в языкознании вообще и в судебной лингвистике в частности.

Так, как уже было отмечено, в судебном автороведении сейчас в основном применяются методики, описанные С.М. Вулом [5–9], А.Ю. Комиссаровым [18], Е. И. Горошко [14, 15], Е.И. Галяшиной [10–13]. Все эти методики объединяет то, что они используют качественный анализ текста, проводимый непосредственно экспертом-лингвистом, а «научной основой судебно-автороведческой экспертизы является система знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, динамическую устойчивость, вариативность его письменной речи» [10: 122].

Следует отметить тот факт, что в зарубежной судебно-автороведческой школе предпочтение также отдается интерпретационным методам анализа (несмотря на то, что существуют и случаи использования только машинных исследований) [59]. Судебные атрибуционные методики Запада так же, как и в России, основаны на теории идиолекта [42: 431; 67: 1]. Некоторые суды Америки, избранные суды Соединенного королевства принимают атрибуционные исследования собственно количественного содержания [50]: Апелляционный суд Лондона (англ.: Court of Appeal), 1991 г.: дело Томаса Мак Кроссена (англ.: The Queen vs. Thomas McCrossen); Лестерский Королевский суд (Leicester Crown Court), 1992 г.: дело Фрэнка Бэка (англ.: The Queen vs. Frank Beck), – но это скорее исключение, чем правило. Как в русскоязычной, так и в англоязычной судебной атрибуционных школах преимущественное использование качественных методов обусловлено в первую очередь личной ответственностью эксперта (как перед гражданским обществом, так и перед государством).

Более того, ни на Западе, ни в России не существует в полном объеме верифицированных и повсеместно рекомендованных методик автоматического (машинного) атрибуционного анализа, использующего только статистику, извлеченную из текста. Это мотивировано сложностью объекта анализа: тексты, предоставляемые на исследование, могут различаться объемом, функциональным стилем, метаданными, налагающими отпечаток на их структуру, и пр. Вероятность определения авторства автоматическими методами при идеальных условиях достигает в среднем 80 % [38], что для судебной системы любой страны является недостаточным.

Что касается разработки машинных средств атрибуции на Западе, то одним из значимых атрибутивных исследований зарубежной школы начала

века стала разработка С. Лаббе и Д. Лаббе (фр.: Cyril Labbé and Dominique Labbé). В их исследовании [54] выведена формула вычисления межтекстового расстояния. Вычисление межтекстового расстояния основано на анализе лексической, вокабулярной близости исследуемых текстов и определяется как «сумма разностей частот всех вокабул из наименьшего текста и из всех возможных выборок равных наименьшему тексту, которые можно извлечь из большего текста» [54: 217]. Ученые использовали тексты Мольера и П. Корнеля в качестве материала для атрибуции с целью установить, правда ли то, что П. Корнель является автором пьес Мольера. Лексический анализ текстов происходил с помощью автоматической процедуры морфологического анализа, которая предусматривала представление каждого слова в виде записи, состоящей из трех компонентов: словоформы, вокабулы и соответствующей части речи. Для отнесения текстов к тому или иному автору исследователи применили кластерный анализ, результатом которого стал вывод, что некоторые из пьес, авторизованных как работы Мольера, принадлежат перу П. Корнеля, а авторство некоторых («Психея» (фр.: «Psyché»)) остается под вопросом.

Вслед за С. Лаббе и Д. Лаббе методику межтекстового расстояния использует в своём исследовании Т. Мэриам (англ.: T. Megriam), целью которого является проверка ее работоспособности на материале другого (отличного от французского) языка [61]. Т. Мэриам анализирует пьесы У. Шекспира и Т. Мидлтона. По результатам эксперимента Т. Мэриам делает следующие выводы: 1) методика валидна для английского языка; 2) пьесы У. Шекспира очень разнородны в своем лексическом отношении в то время, как работы Т. Мидлтона стилистически очень сходны; 3) две пьесы, приписываемые У. Шекспиру, «Жизнь Тимона Афинского» (англ.: «The Life of Timon of Athens») и «Генрих VIII» (англ.: «Henry VIII»), не принадлежат перу У. Шекспира (следует отметить, что многие ученые-шекспироведы согласны с этой точкой зрения).

Исследование так называемой насыщенности словаря автора (англ.: vocabulary richness) совмещается в современной зарубежной атрибутивной науке с автоматическим анализом синтаксических текстовых структур в аннотированных корпусах. Интересно, что ученые подтверждают более высокую валидность исследования синтаксической информации (как более глубокой) в сравнении с лексической [39].

Следующая разрабатываемая в современной зарубежной атрибуционной школе методика являет собой интеграцию двух кардинально разных подходов к авторизации текста: интерпретационного подхода и автоматического анализа текста. Англоязычные исследователи М. Коппел (англ.: M. Koppel) и Дж. Шлер (англ.: J. Schler) попытались воссоздать работу эксперта-лингвиста машинным способом. Для этого они сочетали в блоке анализируемых параметров следующие:

а) параметры, выделяемые вручную, экспертом-филологом, так называемые идиосинкраземы (англ.: «idiosyncrasies»), индивидуально-авторские стилевые черты (в эту группу вошли авторски маркированные синтаксические, орфографические особенности, особенности форматирования текста и пунктуационного его оформления: подробно [53: 74–75]);

б) стандартные для автоматической атрибуции параметры, как-то: анализ служебных слов (англ.: «function words»), частеречный анализ (англ.: «Part-of-Speech (POS) Tags»).

В качестве классификаторов ученые использовали два алгоритма: метод опорных векторов (SVM) и метод дерева решений (C4.5). Точность результатов при использовании одних идиосинкратических характеристик достигала 69,9 %. Такой результат достаточно высок. При добавлении к параметрам анализа POS-tags точность повысилась лишь до 72 %. Из данного исследования очевидно, что авторски маркированные параметры (индивидуальные пунктуационные и орфографические ошибки, необычные словоупотребления, грамматические неточности и пр.) являются очень информативными для автороведческого анализа.

Проблемой этого подхода является лишь то, каким образом следует выделять идиосинкраземы: должна ли это делать машина для полной автоматизации процесса идентификации автора, либо на данном этапе следует подключать эксперта-лингвиста. М. Коппел и Дж. Шлер используют для поиска нестандартных словоупотреблений и графики функцию текстового редактора MS Word, позволяющую выделить «несловарные» в пунктуационном и орфографическом (иногда и грамматическом) отношении элементы текста. Тем не менее сами учёные признаются, что это не лучший способ для поиска авторски маркированных текстовых компонентов.

Вообще подход М. Коппела и Дж. Шлера с интеграцией экспертного интерпретационного анализа с автоматическим один из наиболее нестандартных как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Интересной находкой в судебном автороведении Запада, на наш взгляд, является методика, предложенная Д. Райтом (англ.: D. Wright) и основанная на корпусном подходе (англ.: corpus-based approach) к анализу текстовых особенностей [67]. Д. Райт в своем исследовании продвигает использование n-грамм в качестве инструмента для атрибуционного анализа (англ.: word n-grams, word strings). Он указывает на коллокативную сущность языка и, вслед за такими учёными, как М. Хой (лексическое праймирование – англ.: lexical priming) [47] и А. Рей (формульный язык – англ.: formulaic language) [66], на обязательное наличие авторски маркированных коллокаций, присутствующих конкретному идиостиллю. В качестве материала для анализа Д. Райт использовал Корпус электронных писем корпорации «Энрон» (англ.: The Enron Email Corpus). Им были проанализированы письма 12 авторов мужского

пола, 10 текстовых блоков различного размера, 5 видов n-грамм различной длины (от биграммы до сочетания из 6 символов). Точность результатов в эксперименте достигла в среднем 64 %, что считается низким уровнем точности при судебно-автороведческих исследованиях. Тем не менее автор уверен в перспективности использования разработанной методики с учётом корректировки некоторых параметров [67: 17–21].

Иные, иногда интегрируемые друг с другом подходы к текстовой атрибуции как в судебном автороведении, так и в собственно научном направлении описаны Е. Стамататосом (англ.: E. Stamatatos) [65]. В его статье описываются два подхода: а) подход, основанный на моделировании профайла/образа автора (англ.: *profile-based approach*); б) подход, основанный на извлечении примеров из тестовой выборки (англ.: *instance-based approach*). Первый подход с помощью извлечения информации из корпуса текстов одного автора позволяет создать модель идиостиля этого автора; второй основан на создании вектора атрибутов каждого текста из корпуса анализируемого автора. В своей работе Е. Стамататос сделал попытку интегрировать эти два подхода с целью определения сильных и слабых сторон каждого. Из результатов эксперимента видно, что для коротких текстов однозначно предпочтительнее метод моделирования профайла, поскольку в одном профайле можно кумулировать всю информацию об авторе из каждого короткого речевого произведения; для текстов большого объема, наоборот, проще и удобнее с эргономической точки зрения использовать подход, создающий вектор атрибутов текста. Этот же подход удобнее использовать при анализе текста с помощью алгоритма SVM, поскольку легче справиться с так называемым «шумом». Более того, с его помощью проще сочетать большое количество стилеметрических данных, что сложнее для моделирования профайла, строящегося в основном на использовании порождающих моделей (англ.: *generative models*).

Метод, близкий к моделированию профайла автора, описан П. Йоулой и его коллегами и поименован методом прототипа (англ.: *prototype*) [51]. Подход также построен на идее наличия индивидуального варианта языка в речи каждого автора. Для создания прототипа авторского стиля учёные используют анализ буквенных последовательностей с помощью программного продукта JGAAP (Java Graphical Authorship Attribution Program).

Следует отметить, что очень важно различать два типа подходов:

1) *profile-based approach* и *prototype-based approach* (моделирование профайла на основе формальных языковых данных) (напр., [51, 65]);

2) *linguistics or behavioural author profiling*, или *language-based author identification* (моделирование профайла на основе лингвистического анализа идиолекта автора; моделирование на основе анализа идиосинкразем; часто моделирование не модели конкретного автора, а потенциальных характеристик лица, создавшего текст: пол, возраст, социальный статус) (напр., [38; 43; 53]).

544 | Второй подход, как и в отечественной науке, используется в основном и в первую очередь в судебном автороведении и схож с методиками С.М. Вула и В.П. Белянина, основанными на анализе поведенческих характеристик лица, отраженных в языке, на социально и биологически обусловленных параметрах речи.

На данный момент в англоязычной судебной лингвистике титульным событием автоматической обработки текста для целей определения его авторства и иных индивидуальных особенностей письменной языковой личности является, пожалуй, серия мероприятий PAN в рамках Conference and Labs of the Evaluation Forum, или Cross-Language Evaluation Forum, <https://pan.webis.de/> (конференции, ворк-шопы, мастер-классы, научно-практические школы и пр.), в которых в том числе принимают участие и отечественные ученые, а именно: Татьяна Литвинова из RusProfilingLab [56]. Следует, правда, отметить, что RusProfilingLab чуть ли не единственная организация в России, на профессиональном уровне и постоянной основе занимающаяся разработкой автоматических атрибуционных алгоритмов для русского языка, в том числе в рамках судебно-экспертных задач. Несмотря на это, компьютеризация процессов идентификации авторства в России неизбежна в силу особенностей развития современного общества, с одной стороны, и главенства междисциплинарной исследовательской парадигмы – с другой.

Так, первым этапом на пути к автоматизации алгоритмов идентификации автора письменного текста в отечественном судебном автороведении однозначно будет являться интеграция существующих традиционных методов анализа и инновационных компьютерных технологий. Попытки такой интеграции впервые появились в англоязычной автороведческой школе [53]. Имеют они место и в отечественной судебной лингвистике [1: 43–52; 30–37].

Выводы. Итак, в современной отечественной судебной атрибуции однозначно превалируют тенденции дигитализации процессов получения знаний о тексте, личности его автора и процессов принятия решения. Тем не менее на современном этапе развития науки и техники является абсолютно невозможной замена интерпретативных методик автороведческого анализа автоматическими. Основных причин для этого три:

1. Законодательная база РФ, обуславливающая личную ответственность эксперта перед государством за выводное знание исследования.
2. Сильная традиция отечественной интерпретационной лингвистики, до сих пор главенствующая в языкознании в целом и в судебной лингвистике в частности.
3. Недостаточный уровень разработанности реализованных в рамках программного обеспечения автоматических атрибуционных алгоритмов, приводящий к неудовлетворительной для судебных целей точности идентификации автора письменного текста.

Принимая во внимание ряд указанных выше причин, с одной стороны, и тенденцию современной науки к компьютеризации процессов – с другой, следует говорить о необходимости разработки полуавтоматического атрибуционного алгоритма, который должен: а) включать в себя интеграцию работы эксперта и машины; б) кумулировать качественные и количественные методы анализа; в) быть построенным на основе моделирования объектов (в силу сложности языка и идиостиля как объекта анализа); г) иметь возможность формализации (для реализации его в виде программного обеспечения).

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
2. Батура Т.В. Формальные методы определения авторства текстов. Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. Т. 2. Вып. 4. 2012. С. 81–94.
3. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / в надзаг. РАН, Институт языкознания. Фонд Чтения имени Н.А. Рубакина. М.: Тривола, 2000. 248 с.
4. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1961. 614 с.
5. Вул С.М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи. Киев: 1973. 44 с.
6. Вул С.М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи: метод. пособие / С.М. Вул. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1977. 109 с.
7. Вул С.М. Особенности оценки следователем и судом заключения идентификационной судебно-автороведческой экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза: сб. науч. работ. Киев, 1982. Вып. 24. С. 81–84.
8. Вул С.М. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа / С.М. Вул, Е.И. Горошко // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: мат-лы науч.-практ. конф. Минск, 1992. С. 139–141.
9. Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Х.: ХНИИСЭ, 2007. 64 с.
10. Галяшина Е.И. Проблемы дифференциации спонтанной и подготовленной речи. М., 2002. 123 с.
11. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М., 2003. 236 с.
12. Галяшина Е.И., Ермолова Е.И. Лингвокриминалистические возможности авторизации письменных и устных текстов: Международная научная конференция. М.: 2005.
13. Галяшина Е.И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России / Е.И. Галяшина, Е.И. Ермолова // Судебная экспертиза. Саратов: СЮИ МВД России, 2005. № 3. С. 5–10.

14. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. трудов МГЛУ. М., 1999. Вып. 446. С. 44–60.
15. Горошко Е.И. Судебно-автороведческая классификационная экспертиза: проблемы установления пола автора документа // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Харьков: Право, 2003. Вып. 3. С. 221–226.
16. Захаров В.Н. Программа систем поддержки атрибуции текстов статей Ф.М. Достоевского // Труд. Сер. «Прикладная математика и информатика» / соавт. Леонтьев А.А., Рогов А.А., Сидоров Ю.В. Петрозаводск, 2000. Вып. 9. С. 113–122.
17. Захаров В.Н., Рогов А.А., Сидоров Ю.В. Проблема грамматического инварианта Достоевского и атрибуция анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1865). – URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-118989.html> (дата обращения 14.01.2018).
18. Комиссаров А.Ю. Криминалистическое исследование письменной речи: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2000. 126 с.
19. Мартыненко Г.Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия. Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 11: межвуз. сб. / под ред. А. С. Герда и И. С. Николаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. С. 9–28.
20. Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами распознавания образов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 164 с.
21. Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб.: СПбУ, 1996. С. 466–479.
22. Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов как типичная задача распознавания образов // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб, 2003. Вып. 3.
23. Медведева Т.Н. Формальные модели в лингвистике: Учебное пособие. Саратов: Научная книга, 2010. 56 с.
24. Родионова Е.С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель»): автореф. дис. на соискание степени кандидата филологических наук, 2008. – URL: <http://epir.ru/pragmat!/projects/corneille/files/autoreferat.pdf> (дата обращения 29.11.2018).
25. Родионова Е.С. Методы атрибуции художественных текстов // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 7: Межвуз. сб. / под ред. А.С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 118–127.
26. Романов А.С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2010. 26 с.

27. Тарнопольская И.О. Диграммная энтропия текста и атрибуция анонимных текстов: результаты тестирования методики // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» / отв. ред. Л. И. Бородин. М., 1998. № 23. С. 65–68.

28. Фоменко В.П., Фоменко Т.Г. Авторский инвариант русских литературных текстов // Новая хронология Греции: Античность в Средневековье. М.: МГУ, 1995. 422 с.

29. Хмелев Д.В. Лингвоанализатор [Электронный ресурс]. М., 2002. – URL: <http://www.rusf.ru/books/analysis/> (дата обращения: 16.11.2017 г.).

30. Хоменко А.Ю. Алгоритм для автоматической идентификации автора письменного речевого произведения в судебном автороведении // Юрислингвистика. Барнаул: Из-во Алтайского государственного университета. 2014. Вып. 3 (14). С. 83–93.

31. Хоменко А.Ю. Анализ языковой личности автора текста с применением методов математической статистики как способ установления авторства текста. Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 12. 15–16 апреля 2014 г. Н. Новгород: Мининский университет, 2014 г. С. 293–297.

32. Хоменко А.Ю. Аprobация методов математической статистики при атрибуции текста в рамках судебного автороведения // Язык. Право. Общество: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 23–24 апреля 2013 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Г.И. Канакиной. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. С. 356–369.

33. Хоменко А.Ю. Атрибуция текстов малого объема. Статистические закономерности // Язык. Право. Общество: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 22–25 мая 2018 г.) / под. ред. О.В. Барабаш. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. С. 123–127.

34. Хоменко А.Ю. К вопросу об исследовании письменного речевого произведения в рамках автороведческой экспертизы на предмет его оригинальности. Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. Вып. 4 (50). С. 306–312.

35. Хоменко А.Ю. Лингвистическая атрибуционная экспертиза нехудожественного письменного текста. Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2019. Вып. 2 (74). С. 306–312.

36. Хоменко А.Ю. Лингвистическое моделирование как инструмент выявления искажений речевых навыков автора письменного речевого произведения. Опыт практического исследования. Вопросы психолингвистики. М: ФГБУН Институт языкознания РАН, 2018. Вып. 2 (36). С. 209–226.

37. Хоменко А.Ю. Моделирование когнитивных структур на основе методик автороведческого анализа. Когнитивные исследования языка / Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике (16–18 мая 2019 г.) / отв. ред. Т.В. Романова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 1069–1074.

- 548 | 38. Argamon Sh., Koppel M., Pennebaker J. W., Schler J. Automatically Profiling the Author of an Anonymous Text. *Communications of the ACM – Inspiring Women in Computing*. Vol. 52 Issue 2. 2009. Pp. 119–123.
39. Baayen H., van Halteren H., Tweedie F. Outside the cave of shadows: using syntactic annotation to enhance authorship attribution. *Literary and Linguistic Computing*, Volume 11, Issue 3, 1996. Pp. 121–132. – URL: <https://doi.org/10.1093/lc/11.3.121> (дата обращения: 05.07.2019 г.).
40. Campbell L. *The Sophistries and Polilicus of Plato* / L. Campbell. Oxford : Clarendon, 1867. 170 p.
41. Castro D., Ortega R., and Muñoz R. Author Masking by Sentence Transformation—Notebook for PAN at CLEF, 2017. – URL: http://ceur-ws.org/Vol-1866/paper_170.pdf (дата обращения: 05.07.2019 г.).
42. Coulthard M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness. *Applied Linguistics*, 24(4), 2004. Pp. 431–447.
43. De Vel O., Anderson A., Corney M. and Mohay G.. Mining Email Content for Author Identification Forensics SIGMOD Record. 30 (4), 2001. Pp. 55–64.
44. Foster D., *An Elegy by W.S.: A Study in Attribution*. Newark: University of Delaware Press, 1989.
45. Foster D., *Author Unknown: On the Trail of Anonymous*. New York: Henry Holt and Company, 2001.
46. Gkagała Lukasz. Authorship attribution with neural networks and multiple features—Notebook for PAN at CLEF, 2018. – URL: http://ceur-ws.org/Vol-2125/paper_146.pdf (дата обращения: 05.07.2019 г.).
47. Hoey M. *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. London: Routledge, 2005.
48. Holmes D., Forsyth R. *The Federalist Revisited: New Directions in Authorship Attribution*. *Literary and Linguistic Computing*, Vo.10, Issue 2, 1995. Pp. 111–127. – URL: <https://doi.org/10.1093/lc/10.2.111> (дата обращения: 05.07.2019 г.).
49. Jule G. U. *The Statistical study of Literary Vocabulary*. Cambridge, 1944.
50. Juola Patrick. Authorship Attribution. *Foundations and Trends in Information Retrieval*. Vol. 1, No. 3, 2006. Pp. 233–334.
51. Juola P., J. Sofko., P. Brennan. A Prototype for Authorship Attribution Studies. *Literary and Linguistic Computing*, Volume 21, Issue 2, 1 June, 2006. Pp. 169–178. – URL: <https://doi.org/10.1093/lc/fql0> (дата обращения: 05.07.2019 г.).
52. Karlgren J., Esposito L., Gratton Ch., and Kanerva P. Authorship Profiling Without Using Topical Information—Notebook for PAN at CLEF, 2018. – URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ee57/5920182cdc6de1337f71b07a25e830022459.pdf?_ga=2.139547835.909834531.1562339431-1809262388.1562339431 (дата обращения: 05.07.2019 г.).
53. Koppel, M., Schler, J. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution. *Proceedings of IJCAI’03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis*, 69, 2003. Pp. 72–80.

54. Labbe C.; Labbe D. Inter-Textual Distance and Authorship Attribution. *Corneille and Molière. Journal of Quantitative Linguistics*, Taylor & Francis (Routledge), 8 (3), 2001. Pp. 213–231.
55. Litvinova T., Litvinova O., Seredin P., Ryzhkova E. Linguistic Features of Internet Texts by People Who Committed Suicide, Book of Abstracts of the 13th Biennial Conference of the International Association of Forensic Linguists (IAFL 2017), Universidade do Porto, Portugal, 2017.
56. Litvinova T., Rangel F., Rosso P., Seredin P., Litvinova O., Overview of the RusProfiling PAN at FIRE Track on Cross-genre Gender Identification in Russian, Working notes of FIRE 2017 — Forum for Information Retrieval Evaluation, Bangalore, India, 8th — 10th December 2017, Vol-2036, 2017. Pp. 1–7. — URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2036/T1-1.pdf> (дата обращения: 05.07.2019 г.).
57. Litvinova T., Seredin P., Litvinova O., Zagorovskaya O. Gender identification in Russian written texts, *XLinguae*, Volume 10 Issue 3, 2017. Pp. 176–183. — URL: http://xlinguae.eu/files/XLinguae3_2017_14.pdf (дата обращения: 05.07.2019 г.).
58. Lutoslawski W. The origin and growth of Plato's logic. London. 1997. 613 p.
59. McMenamin G.R. Forensic Linguistics: advances in forensic stylistics. 2002. 331 p.
60. Mendenhall T. The characteristic curves of composition. *Science*, 9, 1887. Pp. 237–249.
61. Merriam T. An Application of Authorship Attribution by Intertextual Distance in English / T. Merriam // *Corpus*, N 2, 2003. Pp. 142–168.
62. Merriam T. An Experiment with the Federalist Papers. *Computers and the Humanities*, 23, 1989). Pp. 251–254.
63. Mosteller F., Wallace, D. L. Applied Bayesian and Classical Inference: The Case of the Federalist Papers. Addison-Wesley, Reading, MA, 1984.
64. Somers H. Statistical methods in literary analysis. *The Computer and Literary Style*, (J. Leed, ed.), Kent, OH: Kent State University Press, 1972.
65. Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 60 Issue 3. John Wiley & Sons, Inc. New York, NY, USA, 2009. Pp. 538–556.
66. Wray, A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
67. Wright D. Using word n-grams to identify authors and idiolects: A corpus approach to a forensic linguistic problem. *International Journal of Corpus Linguistics* 22(2), 2017. Pp. 212–241. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/84587040.pdf> (дата обращения: 05.07.2019 г.).

Источники и нормативная база

68. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу

550 | с 25.12.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 03.07.2019).

69. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Моск. Патриархия, 1988. 1371 с.

70. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.07.2019).

71. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.07.2019).

72. Приказ от 27 декабря 2012 года № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (с изменениями на 13 сентября 2018 года). Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2019).

73. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 256 от 31.12.2001. – URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 03.07.2019).

74. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.07.2019).

75. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.07.2019).

A. Yu. Khomenko

FORENSIC TEXT ATTRIBUTION IN RUSSIAN AND ENGLISH-SPEAKING SCHOOLS. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ATTRIBUTION METHODS IN RUSSIA

Abstract: This article provides an overview of modern methods of attribution analysis developed by Russian and Western scientists. The focus of the study is on forensic textual attribution. The prospects for the development of forensic text attribution in Russia are considered.

Keywords: forensic authorship attribution, qualitative methods of analysis, quantitative methods of analysis.

*старший эксперт отдела фоноскопических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации
Москва, Россия*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЦ ПО ГОЛОСУ И ИНОЯЗЫЧНОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на возможность проведения идентификации по голосу и иноязычной звучащей речи, содержится обзор нетривиальных случаев из экспертной практики, иллюстрирующих трудности при работе эксперта с разноязычным речевым материалом, а также намечены перспективы решения задачи идентификации по голосу и речи на языке, которым не владеет эксперт.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, идентификация по голосу и речи, межъязыковая интерференция, имитация акцента, синтезированная речь, внутридикторская и междикторская вариативность.

Согласно действующему законодательству судебно-экспертная деятельность основывается на принципах независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Заключение эксперта должно быть выполнено на строго научной основе, быть полным и верифицируемым, содержать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы в пределах компетенции эксперта конкретной специальности. Эксперт несет персональную ответственность за выполнение своих процессуальных обязанностей: результаты проведенного лично им исследования и сделанные выводы эксперт удостоверяет своей подписью.

Основной задачей, решаемой в рамках судебной экспертизы фонограмм (СЭФ) [1], является идентификация диктора по голосу и звучащей речи. Судебно-экспертная деятельность регламентируется процессуальным законодательством, поэтому необходимость решения задачи, зачастую в условиях дефицита времени, накладывает на эксперта не только ответственность за полноту и всесторонность исследования, но также соблюдение процессуальных норм и высокую требовательность к правильному выбору технических средств и методов исследования, умение оценить достоверность получаемых

552 | результатов и следовать определенному плану (методике), на каждом этапе которого выполняются конкретные операции и проводятся определенные виды анализа [7: 274–304]: согласно методикам, принятым в государственных СЭУ, для идентификации диктора по голосу и звучащей речи проводятся аудитивный, лингвистический и акустический виды анализа речевого сигнала [2; 8]. В рамках каждого исследования могут быть применены различные методы, но сам подход единообразен для всех материалов, по которым стоит задача идентификации диктора по голосу и звучащей речи. Формулирование категорического вывода при отсутствии одной из частей исследования может сделать производство экспертизы методически не обоснованным и неполным.

Задача идентификации диктора на языке, которым не владеет эксперт, является очень актуальной, учитывая многоязычие населения Российской Федерации и, как следствие, возможное поступление на исследование материалов на разных языках, однако, решение этого вопроса встречает множество проблем методического и организационного характера.

Следует отметить, что экспертная практика редко имеет дело с фонограммами высокого качества, на исследование зачастую предоставляется материал, содержащий зашумленные фонограммы, фонограммы малой длительности или, наоборот, длительные фонограммы, фонограммы, содержащие интерферированную речь, фонограммы с имитацией голоса и речи лица противоположного пола, имитацией иноязычного акцента, синтезированную речь, речь в результате различных искажений (как естественных: посторонние предметы, шёпотная речь, так и искусственных: с использованием искажающих голос устройств), что требует специальных знаний эксперта не только в сфере применения инструментальных методов исследования речевого сигнала, но и специальных знаний в области диалектологии, внутриязыковой и межъязыковой интерференции, методов лингвистического анализа речи на всех языковых уровнях.

Проблемы и сложности, возникающие при производстве экспертиз на языке, которым не владеет эксперт, регулярно озвучиваются в экспертном сообществе. Некоторые из них находят отражение в реальной экспертной практике и требуют отдельного внимания.

1. Сложности на этапе сегментации речевого материала. Смысл проведения идентификационного исследования заключается не столько в проведении непосредственно идентификации, то есть процедуры сравнения исходного материала с образцом, сколько в ответе на вопрос, какие именно реплики произнесены конкретным диктором. Поэтому процессы атрибуции и дифференциации реплик на начальном этапе очень важны. В речевой массив конкретного диктора должны включаться те реплики, которые не вызвали сомнений у эксперта. Ошибочное включение в речевой массив реплик разных лиц, равно как и исключение из речевого массива части реплик одного и того

же лица, неизбежно приведет к дальнейшим ошибкам в идентификации и может иметь решающее значение для расследуемого дела.

Производство экспертизы на языке, которым эксперт не владеет, без возможности анализа смыслового содержания звучащего текста в условиях имитации речи лица противоположного пола, может привести к ошибкам уже на уровне сегментации речевого материала диктора. Вероятность ошибки при атрибуции реплик достаточно высока, если имитация речи звучит естественно и правдоподобно: эксперт, не владеющий этим языком, может не распознать такие особенности для иноязычной речи.

Подобного рода сложности и ошибки при сегментации речевого материала могут возникать и в других случаях, например, при дифференциации большого количества сходных по тембру голосов иноязычных дикторов. Непривычное фонетическое оформление речи может привести к сомнениям эксперта при атрибуции реплики тому или иному диктору.

2. Сложности при работе в условиях межъязыковой и внутриязыковой интерференции. Межъязыковая интерференция определяется как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [6]. Интерференция проявляется в речи как иноязычный акцент человека, владеющего двумя языками, главная ее причина заключается в различиях систем взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем и/или их сочетаемости, различия в интонации, различный состав грамматических категорий и/или способы их выражения [6].

Несовпадение фонетических систем языков приводит к таким явлениям интерференции как, например, недостаточная или избыточная дифференциация фонем [4]. Эксперту необходимо понимать, насколько эти признаки устойчивы в речи и управляемы.

При проведении исследования на не известном эксперту языке необходимо отметить субъективность фонологического слуха, настроенного на систему родного языка. Без подготовки даже опытному эксперту будет затруднительно отличить на слух звуки, не входящие в фонетическую систему его родного языка, особенно если эти системы существенно отличаются. Для сравнения в одном из языков койсанской макро-семьи исследователи насчитывают 88 гласных фонем, которые на фонематическом уровне постулируются вполне отчетливо, что значительно больше количества гласных фонем, например, в русском языке. Кроме того, в языках данной группы содержится нескольких видов кликсов – дентальные, альвеолярные, палатальные, латеральные – представляющих собой щелчковые двухфокусные согласные звуки, которые затруднительно различить и описать, если эксперт никогда их не слышал, не

554 | представляет себе, как они артикулируются, и не знает, как они обозначаются в системе международной фонетической транскрипции.

Вариативность речи диктора при определенных формах билингвизма может быть значительной. Например, недостаточно изучены механизмы имитации акцента (в особенности на сегментном уровне), поэтому вопрос возможности имитации акцента диктором-билингвом, в частности на материале малой длительности, остается открытым.

Идентификация в условиях различных вариантов одного языка также может вызвать некоторые сложности у эксперта. Например, варианты французского языка Бельгии, Швейцарии и Канады существенно отличается между собой, а также от классического варианта французского языка Франции, внутри которого в свою очередь тоже существует множество диалектов. В речи некоторых носителей французского языка, распространенного на территории Бельгии и Швейцарии, могут сохраняться оппозиции долгих/кратких и открытых/закрытых гласных, которые являются смыслоразличительными. Французский язык Бельгии характеризуется менее напряженной артикуляцией. Ослабление артикуляции сказывается на произношении гласных верхнего подъема, которые в безударном положении ослабляются до [ə]: culotte = c[ə]lotte, publicité = publis[ə]té, что неизбежно отражается на значении формант данных гласных.

В речи некоторых франкоговорящих дикторов-канадцев могут отмечаться различные явления на фонетическом уровне, например, произношение гласных /i/, /y/, /u/ в закрытом слоге под ударением может приближаться к /e/, /ø/, /o/ соответственно, некоторые гласные под ударением в закрытом слоге могут иметь тенденцию к образованию дифтонгического призвуча сгêре [craip], может отмечаться палатализация зубных окклюзивов перед /i/, /y/: petite [ptsit], dur [ɖur], перед носовым согласным звук [ɔ] может переходить в [u] – pomme [pum] и др.

Приведенные фонетические признаки, а также признаки на лексическом и синтаксическом уровнях, проявляющиеся в речи диктора, сложно описать системно без фоновых знаний и опыта изучения языка.

3. **Сложности в условиях работы с инсценированной речью.** Установление признаков инсценировки в речи, как правило, сводится к задаче установления ее подготовленности/спонтанности и в некоторых случаях решается по экспертной инициативе для обеспечения полноты и всесторонности исследования. В экспертной практике нередки случаи, когда решение идентификационного вопроса без исследования подготовленности речи дикторов было бы неполным и могло привести к дальнейшим ошибкам при назначении лингвистической экспертизы установления смыслового содержания, например, если на последующее лингвистическое исследование предоставлен текст разговора без звукового файла, составленный на основе

подготовленной (инсценированной) ситуации угрозы. Очевидным образом при работе с языком, которым эксперт не владеет, установление признаков подготовленности речи будет затруднительно.

4. Сложности при работе с синтезированной речью. Существенную сложность для судебных экспертов и правоохранительных органов представляют технологии синтеза речи. Возможные проблемы при работе с синтезированной речью и способы их решения описаны, например, в статье Г.Н. Зубова «Я не я, и голос не мой» [10] о возможностях фальсификации фонограмм с помощью современных технологий синтеза устной речи.

Растущая популярность речевых приложений стимулирует компании активно развивать это направление. Известно, что теоретические и практические исследования ведутся в лаборатории кибернетики Механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в «Центре речевых технологий» [11] и других научных организациях. Компания Google разработала синтезатор речи нового поколения Tacotron 2, основанный на нейросети, который обучается не только произношению слов, но и специфическим голосовым характеристикам, таким как громкость, темп речи, интонация. На сайте компании представлены примеры естественной и синтезированной речи, разницу между которыми определить на слух практически невозможно [11].

Таким образом, проведение идентификации на языке, которым эксперт не владеет, особенно в описанных выше условиях, требует дополнительной подготовки и квалификации.

Несмотря на то, что некоторые методы инструментального анализа позиционируются как языконезависимые, одобрены некоторыми государственными судебно-экспертными учреждениями и применяются на практике (например, метод формантного выравнивания) [5], их применение требует от эксперта дополнительных лингвистических знаний, а также навыков в изучении иностранных языков, чтобы соотносить разные элементы систем и в теории, и на практике. Справедливо предъявляемые требования к квалификации эксперта, который производит идентификационные исследования на не известных ему языках, а именно: тренированный фонетический слух, адаптированный к восприятию и анализу разноязычной речи, постоянное поддержание фонетического слуха в рабочем состоянии системой специально разработанных для этого тестов, знание универсальной системы транскрипции для описания звуков любого языка, знание инструментальных методов анализа и умение применять их в условиях конкретной ситуации, осложненной различными факторами (зашумленность, ограниченный частотный диапазон, малая длительность и др.), вряд ли являются практически реализуемыми в быстрые сроки в условиях работы государственных СЭУ.

Перспективы и определенные шаги в поиске решения проблемы проведения экспертных исследований на материале языков, не известных эксперту,

556 | в государственных СЭУ, несомненно, есть: создаются международные рабочие группы, проводится научно-исследовательская работа, эксперты принимают участие в экспериментах и исследованиях на иностранных языках, однако, в отсутствие четко разработанной методики и программы подготовки экспертов результаты подобных экспериментов являются лишь теоретическими предпосылками для создания концепции по решению этой задачи и не могут предписывать экспертам проводить подобные исследования на иноязычном материале, за результаты которых предусмотрена персональная (в том числе уголовная) ответственность эксперта.

Задача идентификации диктора на иноязычном материале требует самого серьезного подхода: тщательного изучения мировой практики проведения подобных исследований с участием специалиста-носителя данного языка и без его участия, изучение и апробация различных автоматических и автоматизированных методов инструментального анализа, продуманная система обучения экспертов, включающая изучение типологии языков, их структуры и закономерностей, а также международного фонетического алфавита, разработанного международной фонетической ассоциацией, с обязательными практическими занятиями для экспертов. Только системный подход, четкая концепция и разработанная методика позволят в будущем рассмотреть возможность проведения экспертных исследований на материале языков, которыми эксперт не владеет, с учетом предписываемых законом требований.

Литература

1. ГОСТ Р 58332-2018 Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения.
2. Идентификация лиц по устной речи на русском языке. Методика «Диалект». М.: ИК ЦСТ ФСБ РФ, 2007.
3. Байрамова Ф.О. Концептуальные вопросы идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике. Русский язык: исторические судьбы и современность. VI международный конгресс исследователей русского языка. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019. С. 308.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
5. Зубова П.И., Коваль С.Л. Идентификация личности по голосу и звучащей речи на основе комплексного анализа фонограмм // Теория и практика судебной экспертизы: Научно-практический журнал. М.: РФЦСЭ, 2007. № 3 (7). С. 68–76.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 197.
7. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. Учебник. М.: НОРМА, 2009. С. 274–304.

8. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: методическое пособие для экспертов / под ред. А.Ш. Каганова. М.: МЮ РФ, ГУ РФЦСЭ, 2003.
9. <https://google.github.io/tacotron/publications/tacotron2/index.html>.
10. www.klad-media.
11. www.speechpro.ru.

E. S. Tsvetkova

**VOICE AND SPEECH IDENTIFICATION IN THE LANGUAGE
UNKNOWN TO THE EXPERT: EXISTING PROBLEMS AND
STRATEGIC APPROACHES**

Abstract: Various factors affecting the very possibility of voice and foreign speech identification are being discussed in the article. Several special cases are presented to illustrate the problem, as well as future perspectives and possible approaches to voice and speech identification in the language unknown to the expert are briefly outlined.

Keywords: forensic linguistics, voice and speech identification, speech interference, speech synthesis, inter- and intra-speaker variation.

Научное издание

**Современная теоретическая лингвистика
и проблемы судебной экспертизы**

*Сборник научных работ
по итогам Международной научной конференции
(Москва, 1–2 октября 2019 г.)*

Технический редактор *Н. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute